МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4 / 2019

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2019

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; доцент; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** - Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аникеев А. С. Современная сербская историография о становлении югославской политики неприсоединения . . . 8
Вагабова Э. Р. Культурно-зрелищные учреждения в городах Северного Азербайджана (вторая половина XIX – начало XX вв.) . . . 13
Величко Л. Н., Амбарцумян К. Р. Армяно-грузинский территориальный вопрос и особенности национально- государственного строительства в Закавказье (1918 г.) . . . 26
Гагин В. В. Вклад выдающегося авиаконструктора А. С. Москалева в развитие советского самолетостроения . . . 33
Дубенцов Б. Б. Несостоявшаяся полемика или некоторые проблемы аграрного развития России первой трети XX в. в трудах А. В. Островского . . . 42
Джумагулова А. Т. Некоторые аспекты русско-ногайских отношений в XVI–XIX веках . . . 47
Дударев С. Л. К вопросу об изучении истории Великого шелкового пути (обобщая опыт отдельных исследователей) . . . 56
Ким И. К. Брестский процесс над деятелями оппозиции в 1931–1932 гг. в Польше . . . 68
Канищев В. В. База данных «жизненные траектории офицеров российской императорской армии в 1914–1922 гг.»: информационный потенциал и первые результаты обработки . . . 78
Колесников В. А. Возвращая имена героев забытой эпохи. (О полных георгиевских кавалерах линейного казачества Кубани эпохи Кавказской войны) . . . 84
Кудрявцев А. А. Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: стратегический выигрыш или трагическая ошибка СССР (к 80-летию подписания договора) . . . 91
Любушкина Е. Ю. Общественные организации России в борьбе с алкоголизмом во второй половине XIX – начале XX в.: социальные практики . . . 101
Маловичко С. И. Конструирование национального прошлого в очерковой практике историописания Екатерины II и И. П. Елагина . . . 108
Мануковский Н. Г. Особенности жилищно-бытовой культуры донских шахтеров во второй половине XIX века . . . 117
Рыкун Г. Н., Плохотнюк Т. Н. Внутренние предпосылки и внешние факторы возведения Берлинской стены (1953–1961 гг.) . . . 124
Ткаченко Д. С. Военная разведка кавказского побережья Каспия первой половины XIX в. в описаниях российских морских офицеров . . . 129
Шаожева Н. А. Динамика численности, состава и структуры кабардино-балкарской организации КПСС как отражение кризисных процессов в обществе в 1985–1991 гг. . . . 136

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волков А. А., Волков М. А., Уваров И. А. Формирование пенитенциарного сознания осужденных и его негативное влияние на личность . . . 146
Вышеславова Т. Ф. Становление фабричного законодательства в сфере разрешения коллективных трудовых споров . . . 156
Габрилян Р. Р., Клюковская И. Н., Конина Е. В. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях . . . 161
Галушко Д. В. Институт референдума в контексте членства государств в Европейском Союзе . . . 168
Дегтярёва А. А. Регистрационные правоотношения в системе административно-правового регулирования организации и деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента . . . 175
Лакаев О. А. К вопросу об особенностях административно-правовых режимов . . . 181
Навасардова Э. С., Чечель Г. И., Нутрихин Р. В. Проблемы правового режима земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов . . . 186
Невский Р. Э., Троицкий Н. С. Военные преступления и преступления против человечности: общее и особенное в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc . . . 197
Пучков Д. В. Объективные признаки преступлений по законодательству РФ, совершаемых в сфере реализации кибернетических технологий . . . 203
Рахматулина Р. Ш., Савина В. С., Свиридова Е. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации – новый этап развития экономики . . . 209
Стрепетов В. В. Сельскохозяйственный товаропроизводитель: анализ понятия . . . 217

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Асташина Е. И. О различении метафорических и психических образов, вербализованных в художественном тексте (на языковом материале малой прозы Е. И. Замятина) 224
Бекоева И. Д., Тамерьян Т. Ю. Этноспецифический концепт юго-осетинского политического пространства 233
Верменская Е. А., Кичева И. В. Синонимическая парадигма реализации концепта «господин» в русской языковой картине мира 240
Бредихин С. Н., Махова И. Н., Чуднова О. А. Классификация и функции идивидуально-авторских неузуальных единиц в философском тексте 247
Дюмон Н. Н. Лингвистические особенности произведения мемуарного жанра «Mémoires et dictées» («Воспоминания и записки») Ж. Сименона 253
Зубкова Е. Н. Ментализация лексемы *алконост* в русском языке 259
Писаренко Д. А. Лексема *смерть* в значении ‘живое существо, персонаж’: лингвокультурологический аспект 266

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Маловичко С. И., Мюллер В., Узнародов И. М. Международная научная Конференция «Большой Кавказ – Россия – Европа: пространство диалога и сотрудничества» 272

CONTENTS

HISTORY

Anikeev A. Contemporary Serbian historiography on the formation of the Yugoslav non-alignment policy . . . 8
Vagabova E. Cultural and entertainment institutions in the cities of Northern Azerbaijan (the second half XIX – early XX century) . . . 13
Velichko L., Ambartsumyan K. The Armenian-Georgian territorial issue and the peculiarities of nation-state building in the Transcaucasus (1918) . . . 26
Gagin V. Contribution of the outstanding airconstructor A. S. Moskalev in the development of the Soviet aeronautical engineering . . . 33
Doubentsov B. Unheld polemic or some problems of agrarian development of Russia at the first third of XX century in works of A. V. Ostrovsky . . . 42
Dzhumagulova A. Some aspects of Russian-Nogay relations in the XVI–XIX centuries . . . 47
Dudarev S. On studying the history of the Great silk road (review of different studies) . . . 56
Kim I. Brest process over opposition activists in 1931–1932 in Poland . . . 68
Kanishchev V. The database “life trajectories of the Russian imperial army officers in 1914–1922”: information potential and first results of processing . . . 78
Kolesnikov V. Returning the names of the heroes of the forgotten epoch (on complete St. George cavaliers of the line Cossacks of the Kuban during the Caucasian war) . . . 84
Kudryavtsev A. The Soviet – German non-aggression treaty of 1939: a strategic gain or tragic mistake of the USSR (on the 80th anniversary of signing the treaty) . . . 91
Luybyshkina E. Public organizations of Russia in fight against alcoholism in the second half of XIX – early XX century: social practices . . . 101
Malovichko S. Designing the national past in the essayistic practice of the history writing of Catherine the Great and I. P. Elagin . . . 108
Manukovskiy N. Features of housing and household culture of the don miners in the second half of the XIX century . . . 117
Rykun G., Plokhotnyuk T. Internal background and external factors for the establishment of the Berlin wall (1953–1961) . . . 124
Tkachenko D. The survey of the Caspian sea Caucasus littoral the first half of XIX century in Russian naval officers’ narration . . . 129
Shaozheva N. Dynamics of number, composition and structure of the Cabardino-Balkaria organization of the CPSU as the reflection of all crisis processes in society in 1985–1991 . . . 136

LEGAL SCIENCES

Volkov A., Volkov M., Uvarov I. Formation of penitentiary consciousness of convicts and its negative impact on personality . . . 146
Vysheslavova T. Formation of factory legislation in the field of collective labor disputes resolution . . . 156
Gabrilyan R., Klyukovskaya I., Konina E. Legal pluralism: from the genesis of theoretical concept to implementation in modern conditions . . . 161
Galushko D. The institute of referendum in the context of membership in the European Union . . . 168
Degtyareva A. Registration legal relations in the system of administrative and legal regulation of the organization and activities of non-profit organizations acting as a foreign agent . . . 175
Lakaev O. On the peculiarities of administrative and legal regimes . . . 181
Navasardova E., Chechel G., Nutrikhin R. The problems of the legal regime of lands of health-improving areas and resorts . . . 186
Nevsky R., Troitsky N. War crimes and crimes against humanity: general and particular in the decisions of international criminal tribunals ad hoc . . . 197
Puchkov D. Objective elements of crimes committed in the sphere of cyber technologies within the legislation of the Russian Federation . . . 203
Rakhmatulina R., Savina V., Sviridova E. Legal regulation of artificial intelligence and robotization – a new stage of economic development . . . 209
Strepetov V. Agricultural producer: analysis of the concept . . . 217

PHILOLOGICAL SCIENCES

Astashina E. On differentiation between metaphorical and mental images verbalized in emotive prose (on the texts of small emotive prose by E. I. Zamyatin) 224
Bekoeva I., Tameryan T. Ethno-specific concept of South-Ossetian political space 233
Vermenskaya E., Kicheva I. Synonymous paradigm of the concept «Gospodin» in the Russian language picture of the world 240
Bredikhin S., Makhova I., Chudnova O. Classification and functions of author's individual non-usual units in a philosophical text 247
Dyumon N. Linguistic features of the memoir genre work "mémoires et dictées" ("memoirs and notes") by G. Simenon 253
Zubkova E. Mentalization of the lexeme *alkonost* in Russian language 259
Pisarenko D. The lexeme *death* in value 'living being, character': linguocultural aspect 266

SCIENTIFIC REVIEW

Malovichko S., Myuller V., Uznarodov I. International scientific conference "The Great Caucasus – Russia – Europe: the area of dialogue and interaction" 272

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(479.1):930.1

А. С. Аникеев

СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СТАНОВЛЕНИИ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ[1]

В статье рассматривается проблема формирования югославской внешней политики Югославии после возникновения советско-югославского конфликта в 1948 в освещении югославской и современной сербской историографии. Конфликт стал водоразделом во внешней политике югославского государства: дружеские и союзнические отношения с СССР и странами советского блока сменились враждебностью, которая заставила Белград обратиться за экономической, а затем военной и политической помощью и поддержкой к Западу, в первую очередь к США. В первые послевоенные годы, югославское руководство стремилось поставить свою страну в центр балканской политики, занять лидирующие позиции в коммунистическом движении в регионе, что вызывало непонимание и раздражение, как в Кремле, так и в сопредельных государствах. Официальная, партийная картина послевоенной истории Югославии и интерпретация ее внешней политики, представленная в работах Й. Броз Тито, Э. Карделя, М. Пьяде, С. Вукмановича-Темпо, дипломата Л. Матеса и других, почти полностью воспроизводилась в югославской историографии 1960 – 1980-х годов. Наиболее последовательно отстаивали официальное представление об «автохтонном» характере югославской внешней политики такие историки как Б. Тадич, М. Стойкович, В. Гавранов, С. Стоянович, подчеркивавшие, что в 1948 году произошло закономерное столкновение самостоятельной и свободной марксистской теории, и практики с государственно-бюрократическим социализмом. Корни политики неприсоединения в такой версии исторической ретроспективы хронологически располагаются в первых послевоенных годах, а если точнее в июне 1945 года, когда произошел известный кризис вокруг Триеста. С началом распада социалистической Югославии возникает процесс переоценки, прежде всего сербскими историками, прежних историографических тезисов, базировавшихся на партийных установках. В работах Д. Богетича (не сразу), И. Чавоски, Д. Бонджича, С. Селинича, Дж. Трипковича, А. Животича, Л. Димича происходил поворот от героической, партийной традиции в описании и анализе внешней политики, ее внеблоковой составляющей, к ее критическому осмыслению, отказу от пропагандистского описания происходивших процессов.

Ключевые слова: Югославия, советско-югославский конфликт 1948 года, югославская историография внешней политики социалистического периода, политика неприсоединения, И. Броз Тито, СССР, США и югославская внешняя политика, современная сербская историография.

A. Anikeev

CONTEMPORARY SERBIAN HISTORIOGRAPHY ON THE FORMATION OF THE YUGOSLAV NON-ALIGNMENT POLICY

The article deals with the problem of the formation of Yugoslav foreign policy after the emergence of the Soviet-Yugoslav conflict in 1948 in the coverage of Yugoslav and modern Serbian historiography. The conflict became a watershed in the foreign policy of the Yugoslav state: friendly and allied relations with the USSR and the countries of the Soviet bloc gave way to hostility, which forced Belgrade to seek economic, and then military and political help and support to the West, primarily to the United States. In the first post-war years, the Yugoslav leadership sought to put its country in the center of Balkan politics, to occupy a leading position in the communist movement in the region, which caused misunderstanding and irritation both in the Kremlin and in the neighboring states. The official party picture of the post-war history of Yugoslavia and the interpretation of its foreign policy as presented in the works of J. Broz Tito, E. Kardel, M. Piade, S. Vukmanovich-Tempo, career diplomat L. Mates and others, was almost completely reproduced in the 1960-1980s Yugoslav historiography. Such historians as B. Tadich, M. Stoykovich, V. Gavranov, S. Stoyanovich emphasized that in 1948 there was a logical clash of independent and free Marxist theory and practice with state bureaucratic socialism. The roots of non-aligned politics in this version of historical retrospective are chronologically located in the first post-war years, and more precisely in June 1945, when there was a well-known crisis

[1] Статья подготовлена, при поддержке РФФИ: проект № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

around Trieste. With the beginning of the collapse of socialist Yugoslavia, a process of reappraisal, first of all by Serbian historians, of the old historiographical theses based on party attitudes. In the works of D. Bogetic (not immediately), I. Chavoski, D. Bondzhich, S. Selinich, J. Tripkovich, A. Zhivotich, L. Dimich there was a turn from the heroic, party tradition in the description and analysis of foreign policy, its non-aligned component, to its critical reflection, rejection of the propaganda description of the processes taking place.

Key words: Yugoslavia, the Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Yugoslav historiography of the foreign policy of the socialist period, non-alignment policy. I. Broz Tito, the USSR, USA and Yugoslav foreign policy, modern Serbian historiography.

Внешняя политика послевоенной Югославии отчетливо делилась на два периода: до 1948 г. и после. Еще до окончания Второй мировой войны Югославия, в которой к тому времени в ходе освободительной и гражданской войны власть постепенно переходила к коммунистам, становится одним из активных членов формирующегося советского блока. Характерной чертой югославской политики первых послевоенных лет был революционный радикализм в постановке текущих задач и методах их решения, связанный в первую очередь с проблемой определения послевоенных границ. Триестский кризис 1945 г., завышенные территориальные требования к Австрии, планы создания Балканской федерации с возможным включением в нее греческой Эгейской Македонии, вызывали непонимание соседей и раздражение не только на Западе, но и в Москве. Попытки югославского руководства поставить свою страну в центр балканской региональной политики, вызвали серьезное обострение отношений со своим главным спонсором и покровителем Советским Союзом, в планы которого не входила поддержка амбициозных планов своего союзника за счет собственных интересов в регионе и ухудшения отношений с США. Возникшее к началу 1948 г. напряжение между Москвой и Белградом, который отказался признать инкриминируемый ему идеологический отход от марксизма, завершилось к осени 1949 г. почти полным разрывом партийных и государственных связей не только между двумя странами, но и отношений Югославии со странами советского блока. Сложившаяся ситуация заставляла югославское руководство срочно предпринимать шаги для преодоления экономической и политической изоляции. Единственным выходом в тех условиях было обращение к Западу, с которым в предыдущие годы отношения были серьезно испорчены. Важным моментом являлось то обстоятельство, что перед Тито и его соратниками стояла задача регулировать процесс нормализации отношений с США и их союзниками таким образом, чтобы не зайти слишком далеко, сохранив социалистические завоевания. Поскольку восстанавливать отношения с Западом югославскому руководству приходилось под пристальным вниманием Москвы, оно постаралось проводить такую политику максимально скрытно, хотя это было не просто. Именно в рамках данной коллизии располагались основные мотивы поиска Белградом нового внешнеполитического курса, который, на первом этапе позволил бы ему, восстанавливая, в первую очередь, отношения с США, выйти из изоляции, но, при этом, не слишком раздражая Кремль.

Для большей части работ югославских авторов, главным образом, политологических, появившихся в 1960–1980-е годы, в которых рассматривался период постконфликтной истории Югославии, была характерна почти прямая трансляция официальной концепции внешней политики, построенная на тезисах из статей и публичных материалов партийных лидеров И. Броз Тито, Э. Карделя, М. Пияде, С. Вукмановича-Темпо, Л. Мойсова и других. Югославский историк Б. Тадич в своей книге, в частности, говорит о том, что югославская политическая мысль, получив такие серьезные материалы для разработки проблем, связанных с политикой неприсоединения как Программа Союз коммунистов Югославии (СКЮ), документы центральных партийных органов, выступления И. Броз-Тито и работы Э. Карделя, все еще недостаточно внимания уделяет изучению этого вопроса [8, с. 153]. В различных работах, выступлениях, интервью И. Броз-Тито, указывалось на формирование концептуальных основ югославской внешней политики еще в годы народно-освободительного движения, а также говорилось об особом пути развития Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), подчеркивалась ее самостоятельность и независимость в международном коммунистическом движении в межвоенный период и особенно накануне войны. Еще одним источником, предлагавшимся в качестве ориентира при подготовке исследований по внешней политике Югославии, были и работы Э. Карделя. В книге «Исторические корни неприсоединения», проводилась мысль о том, что существует ряд общих черт в процессах, происходивших в Югославии в годы народно-освободительной борьбы и революции, и тех явлениях, которые наблюдались в афро-азиатских странах в ходе их освобождения от колониальной зависимости. То есть, следуя этой логике, 1948 год был для Югославии временем освобождения от советской зависимости. Наиболее последовательно учитывали партийную линию в описании югославской политики такие авторы как М. Стойкович, В. Гавранов, С. Стоянович и ряд других историков и политологов. Основная тенденция, которая доминировала в их работах, определялась попыткой преодолеть 1948 г. как реальный рубеж в развитии послевоенный Югославии и вписать его в контекст «аутентичного» развития КПЮ с 1937 г., а затем и нового югославского государства с 1943 г. Согласно С. Стояновичу, в 1948 г. произошло естественное

и закономерное столкновение «свободно и самостоятельно развивающейся марксистской теории и практики с государственно-бюрократическим социализмом» [1, с. 8, 24–25]. Бывший дипломат, посол Югославии в США в начале 1960-х гг., Лео Матес в 1970-е гг. выпустил несколько книг по проблеме возникновения политики неприсоединения, которые считаются основополагающими в югославской литературе о неприсоединении. Идея преемственности, континуитета, революционной традиции во внешнеполитическом курсе Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) проходит красной нитью через все работы автора. Одним из его тезисов было утверждение, что югославское руководство в послевоенные годы всегда стремилось выстраивать равные, сбалансированные отношения со своими союзниками, стремилось в ряде случаев не обострять отношений с США и Великобританией, даже в период тесного сотрудничества с СССР и странами народной демократии. Белград желал, чтобы отношения со всеми союзниками были равными, не допуская доминирующего влияния ни одного из них. В качестве примера он приводит Триестский кризис 1945 года, когда «ни одна из сторон не была заинтересована в том, чтобы Советский Союз выступил здесь в качестве арбитра» [7, с.120–121]. В этой же работе вопрос становления югославской внешней политики он связывает с идеями самоуправления, которые, по его мнению, вместе с «концепциями освободительной борьбы и полемики со сталинизмом явились ее основой» [7, с. 32–33].

Первые годы после разрыва отношений с СССР он называет, что характерно также и для некоторых других работ югославских авторов, периодом борьбы на два фронта, против Востока и Запада, который оказывал давление на Югославию, в частности в вопросе о Триесте. Лишь последовавшие за этим годы установления тесных отношений с США и их союзниками, а затем и нормализации отношений с СССР, после смерти Сталина, Л. Матес определяет в качестве начального периода становления югославской политики неприсоединения. Хронологически это связано и с тем, как считает автор, что сразу же после разрыва Югославия, оказавшись почти в полной изоляции, являвшейся единственной альтернативой капитуляции перед Востоком или Западом, объективно не могла в конце 1940-х, начале 1950-х гг. ассоциировать себя с группой стран, которые бы прокламировали политику неприсоединения. В Европе всего несколько стран придерживались нейтралитета, и они не рассматривались в Белграде в качестве перспективных союзников, а такие страны как Индия, Бирма, Индонезия и ряд других, которые только освободились от колониальной зависимости, еще не приступили, как считает Л. Матес, к разработке своих внешнеполитических концепций. Он указывает на выступление Э. Карделя в 1950 г. в ООН, в связи с началом войны в Корее, в котором были сформулированы новые принципы демократизации международных отношений, направленные против доминирования одной или другой силы, что выдвинуло Югославию «на мировую арену в качестве протагониста новой системы отношений в мире» [7, с. 123].

Драган Богетич, один главных исследователей югославской послевоенной внешней политики, в своей книге «Корни югославской приверженности неприсоединению», вышедшей в 1990 г. также как и остальные авторы ищет их в межвоенном периоде, в отношениях КПЮ и Коминтерна, отмечая, что процесс эмансипации от контроля этого органа и ВКП(б) продолжился и в годы Второй мировой войны, а образование АВНОЮ подготовило основу для реализации полной свободы и независимости новой Югославии [3, с. 79–80]. Возникновение новой югославской внешнеполитической ориентации, в контексте отношений с Советским Союзом автор считает, вслед за Л. Мойсовым и Б. Петрановичем, результатом действия двух взаимосвязанных факторов-особенностей югославской революции и воздействием конфликта с Информбюро [3, s. 110–112]. Д.Богетич вслед за этим цитирует Мойсова, Тито и Карделя, которые говорили о том, что партийное руководство еще раньше видело, что югославская внутренняя и внешняя политика не соответствует представлениям Сталина, но, несмотря на разногласия и критику, никогда не думало, что это поставит под вопрос двустороннюю идеологическую и политическую близость [3, с. 113–114]. Наступившее столкновение стало точкой отсчета в постепенном развитии новой концепции внешней политики.

В последнее двадцатилетие работ специально посвященных разработке проблемы возникновения югославской политики неприсоединения не появилось, но в отдельных монографиях и статьях сербских авторов этот вопрос затрагивается. Стала почти незаметной отсылка к истории югославской компартии, ее противодействию сталинскому давлению на Югославию в первые послевоенные годы и героической борьбе на два фронта после 1948 года как основным факторам становления политики неприсоединения. Значительно уменьшилось количество ссылок на работы Тито, Карделя и других партийных лидеров, пропагандистскую литературу 1960–1980-х годов, стали активно использоваться архивные материалы.

В 2000 году Д. Богетич выпустил книгу «Югославия и Запад 1952–1955», посвященную периоду, когда югославское руководство, оказавшись в политической и экономической изоляции после разрыва с советским блоком, приняло решение о сотрудничестве с США и их союзниками. Автор отмечает, что это было сложное решение, во многом вынужденное, но давшее возможность стране избежать экономического коллапса. Югославские коммунисты должны были одновременно преодолевать мощное давление, направленное на включение страны в НАТО, требование либерализации режима. Д. Богетич описывает эту сложную коллизию как возможность для югославского руководства обратиться к поиску политики, кото-

рая позволила бы, в условиях начавшейся нормализации с Советским Союзом, сохранить отношения и с Западом. Так происходило зарождение политики равноудаленности (эквидистанции) в отношениях между двумя блоками на фоне растущих контактов с афро-азиатскими странами [2, с. 232, 252–253]. Спустя десять лет выходит его совместный труд с А. Животичем об отношении Югославии к арабо-израильской войне 1967 г., где говорится о том, что с 1953 г. Югославии все ближе становится мысль о необходимости дистанцироваться от каких-либо блоков. Чтобы избежать давления с Запада и Востока Югославия должна была найти новых союзников. «По логике системы элиминации это могли быть только освободившиеся афро-азиатские внеблоковские страны». Тесные связи с арабскими странами, в частности, как отмечают авторы, становятся прочной основой югославской политики «активной и миролюбивой коегзистенции» [4, с. 7–8].

И. Чавоски в своей работе о позиции Югославии в отношении китайско-индийского конфликта в 1959–1962 гг., отмечает, что Югославия в годы холодной войны играла в мировой политике роль несоизмеримую с ее демографическим и экономическим потенциалом, опираясь в биполярном мире на свою политику равноудаленности, постепенно «выстраивала свой глобальный имидж». Отмечая выдающуюся роль Дж. Неру в становлении движения неприсоединения, И. Чавоски говорит о том, что Индия был той страной, которая дала Югославии возможность познакомиться со всеми азиатскими проблемами и использовать их в формировании своего внешнеполитического курса [6, s. 13–14]. Можно добавить, что руководство Индии, как и ряда других стран юго-восточного региона дали Белграду возможность войти в формирующийся «нейтралистский клуб» этих государств, где Югославия, спустя несколько лет, опираясь на тактику «энтризма», заняла свое место с концепцией «активного миролюбивого сосуществования». Образ Югославии как страны, освободившейся от зависимости Москвы, должен был сближать ее, в представлениях югославской внешнеполитической пропаганды, со странами Востока, получившим независимость от колониальных держав.

Сербские историки Д. Бонджич и С. Селинич в своей статье о взгляде из Белграда на Бандунгскую конференцию 1955 г., отмечают, что формирование новой внешнеполитической концепции в условиях блокового противостояния холодной войны, в начале 1950-гг происходило в ООН при участии югославских дипломатов. Они рассматривают проблему возникновения политики неприсоединения в контексте последующих событий, связанных с нормализацией отношений с СССР и сателлитами после смерти Сталина в 1953 году. Поскольку к этому времени Югославия уже достигла высокого уровня сотрудничества с США и западными странами, попытки Кремля вернуть ее в «социалистический лагерь» вызывали только сопротивление и обратную реакцию. Именно в этот период происходит становление новой югославской политики, суть которой состояла в стремлении поддерживать равные отношения, как с Востоком, так и с Западом [5, с. 71–72].

Дж. Трипкович, в своей работе, посвященной отношениям Югославии с СССР в 1956–1971 годах, касаясь вставшей перед югославским руководством в первой половине 50-х годов проблемы определения внешнеполитических приоритетов, отмечает, что для социалистической страны сложившаяся односторонняя ориентация на Запад, представляла известную угрозу монополии власти коммунистической партии и самого Тито. В связи с этим, по его мнению, нормализация отношений с СССР предоставляла югославскому лидеру и правительству возможность выхода из определенной внешнеполитической изоляции [9, с. 5–6].

В статье о югославской политике балансирования между сверхдержавами, рассматривая проблему возникновения политики баланса (равноудаленности) от двух блоков, которой Югославия стала придерживаться с середины 50-х годов, он указывает, что она позволила Тито сохранить нормальные отношения с советским руководством после смерти Сталина и не ухудшить отношения с США, «ключевым внешнеполитическим фактором», которые помогали ему выстоять в борьбе со Сталиным, а также сохранить независимую позицию Югославии на международной арене, без угрозы социалистической системе и его личной власти в стране [10, с. 123].

Таким образом, в последние годы в сербской историографии внешней политики социалистической Югославии произошел заметный отход от традиционных пропагандистских представлений об истоках и причинах ее формирования. В работах, как известных историков, так и молодых исследователей стал доминировать объективный позитивистский подход к анализу происходивших явлений, с опорой на широкую архивную источниковую базу, отказ от следования традиционным штампам официальных работ и мемуаристики.

Источники и литература / References

1. Стоянович С. Титовская концепция внешней политики // Социалистическая мысль и практика. 1984. №5. С. 8–25.

Stoyanovich S. Titovskaya koncepciya vneshnej politiki *(Tito's foreign policy concept)* // Socialisticheskaya mysl' i praktika. 1984. No.5. P. 8–25.

2. Bogetić D. Jugoslavija i Zapad. Beograd: Službeni list SRJ. 2000. 269 c.

3. Bogetić D. Koreni jugoslovenskog opredeljenja za nesvrstanost. Beograd: Institut za savremenu istoriju. 1990. 256 c.

4. Bogetić D., Životić A. Jugoslavija i arapsko-izraelski rat. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. 230 c.

5. Bondžić D., Selinić S. Pogled iz Beograda na Bandunšku konferenciju 1955 godine // Istorija 20 veka. 2008. No.1. C. 71–84.

6. Čavoški J. Jugoslavija I kinesko-indijski konflikt 1959–1962. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2009. 285 c.
7. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. Beograd: Nolit, 1976. 310 c.
8. Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nasvrstanosti. Beograd, 1982.
9. Tripković Đ. Jugoslavija-SSSR 1956-1971. Beograd: Međunarodni odnosi. 2013. 316 c.
10. Tripković Đ. Titova politika balansa prema supersilima 60-g. XX veka // Tokovi istorije. 2011. No. 2. C.123.

Сведения об авторе

Аникеев Анатолий Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела мировых войн и революций XX века Института славяноведения РАН (Москва) / dav-bowie@rambler.ru

Information about the author

Anikeev Anatolii – PhD in history, Senior researcher, Department of World Wars and Revolutions in the XXth Century, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences / dav-bowie@rambler.ru

УДК 94(479.24)

Э. Р. Вагабова

КУЛЬТУРНО-ЗРЕЛИЩНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛА XIX)

Подготовленный материал прослеживает основные этапы строительства культурно-зрелищных учреждений в городах Северного Азербайджана. В статье отмечается, что именно с оживлением общественно-политической и культурной жизни, развитием архитектуры наблюдается строительство в азербайджанских городах зрелищных зданий. Автор в предлагаемой статье на основе архивных источников и дополнительной литературы последовательно освещает застройку зрелищных зданий, исходящую по инициативе театральных деятелей, а также как местных благотворителей и предпринимателей, так и зарубежных. Предлагаемая статья выявляет также и участие городского самоуправления в столь значимом событии в жизни городов Северного Азербайджана. Статья освещает театральные, музыкальные, балетные гастроли известных и ведущих театральных трупп, 30-летний юбилей постройки театра Г. З. Тагиева, на котором был исполнен написанный азербайджанским композитором Узеиром Гаджибековым гимн «Генерал Тагиев». Также автор освещает новые постановки спектаклей по произведениям азербайджанских, русских и зарубежных авторов. Сделан вывод о том, что, несмотря на ряд бюрократических моментов, строительство зрелищных учреждений продолжалось, обогатив архитектурный облик городов. Они сыграли значимую и благородную роль в культурной жизни азербайджанского народа, способствовали осуществлению культурного подъема, развитию эстетического вкуса у населения, закладывали основы разнообразия их культурного досуга.

Ключевые слова: Северный Азербайджан, архитектура, Г. З. Тагиев, театр, кинематограф, цирк, городское самоуправление, Бакинская дума, гастроли, досуг.

E. Vagabova

CULTURAL AND ENTERTAINMENT INSTITUTIONS IN THE CITIES OF NORTHERN AZERBAIJAN (THE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY)

The article traces the main stages of the construction of cultural and entertainment institutions in the cities of Northern Azerbaijan.The article notes that it is with the revival of socio-political and cultural life, the development of architecture that construction of spectacular buildings is observed in Azerbaijani cities., With the reference to archival sources and additional literature, the author covers the construction of buildings for entertainment activities, initiated by theatrical figures, as well as local philanthropists and entrepreneurs both local and foreign. The proposed article also reveals the participation of urban self-government in such a significant event in the life of the cities of Northern Azerbaijan. It is concluded that, despite a number of bureaucratic issues, the construction of entertainment institutions continued, enriching the architectural image of cities. The article covers the theatrical, musical, ballet tours of famous and leading theater troupes, the 30th anniversary of the construction of the G. Z. Tagiyev Theater, which performed the hymn “General Tagiyev” written by Azerbaijani composer Uzeyir Hajibeyov. The author also highlights new productions of performances based on works by Azerbaijani, Russian and foreign authors. They played a significant and noble role in the cultural life of the Azerbaijani people, contributed to the implementation of a cultural upsurge, the development of aesthetic taste among the population, laid the foundations for the diversity of their cultural leisure.

Key words: Northern Azerbaijan, architecture, G. Z. Tagiyev, theater, cinema, circus, city government, Baku City Council, touring, leisure.

Вторая половина XIX – начало XX вв. – это время развития капитализма, нефтяной промышленности и связанный с этим подъем экономики, время оживления общественной и культурной жизни городов Северного Азербайджана, а также развития архитектуры и строительства культурных сооружений, в частности зрелищных зданий, хотя разрешение на их постройку не всегда оказывалось положительным.

Первое упоминание о существовании театра в Шуше, когда уездным начальником был князь К. Д. Тархан-Моуравов, мы встречаем в 1848 г. на страницах газеты «Кавказ»: «Прекрасные декорации, со вкусом отделанные ложи, роли, отчетливо исполняемые благородными любителями драматического искусства, очень привлекают зрителей» [56]. В 1891 г. в Шуше было построено специальное здание для театра – театр Хандамирова, что обогатило облик города новым архитектурным сооружением и вызвало у населения интерес к театру. По инициативе студента восточного отделения Петербургского универ-

ситета А.Ахвердиева (в последствие известный писатель, драматург, переводчик, публицист, театральный и общественный деятель, классик азербайджанской литературы), любителями театра был поставлен спектакль на поэму Физули «Лейли и Меджнун», доходы от которого шли в пользу нуждающихся студентов, обучающихся в Москве, Петербурге и других городах России. В нем приняли участие воспитанники музыкального меджлиса Харрата Гулу – ханенде Гаджи Гуси и Кешгазлы Гашим, на таре играл Садых Асад оглу (Садыхджан). Газета «Каспий» писала, что «это была первая попытка выхода азербайджанских профессиональных музыкантов на театральную сцену и имела огромный успех» [88].

Также на страницах газеты «Кавказ» встречается упоминание и о театре в г. Шемахе, губернском центре Северного Азербайджана, выделявшегося по своему культурному уровню среди многих кавказских городов. В 1857 г. в Шемахинском благородном собрании наспех была сооружена сцена с целью проведения 6 декабря представлений с благотворительной целью в пользу учебного заведения св. Нины [57]. Это важное событие в культурной жизни шемахинцев газета «Кавказ» описывала так: «…Ажиотаж был такой, что афиши переходили из рук в руки, с разных концов города торопились люди, стремясь приобрести билеты. Жизнь в Шемахе оживилась настолько, что полиция суетилась изо всех сил во избежание какого-либо беспорядка. Хорошая игра любителей-артистов привлекла публику, и в течение пяти спектаклей не оставалось ни одного свободного места» [57]. Газета отмечала и отрицательные моменты: «Любители-актеры с трудом передвигались по сцене, в зале – теснота и жара, из задних рядов виднелись одни только головы играющих» [57]. Все это и привело к мысли о необходимости построить театральное здание. Решено было переделать каменное здание Соляного магазина под театр, на что житель г. Шемахи Агабек Зейналбек оглу выделил 1500 рублей [57]. Некоторые скептики даже не верили в успех этого дела, так как губернского архитектора в городе не было, а шемахинец архитектор-самоучка Касум бек Гаджибабабеков никогда не выезжал из губернии и никогда не видел театра [58]. После отъезда из Шемахи итальянского архитектора Луиджи Камбиаджо, где он работал губернским архитектором с 1849 г., в Тифлис (его сын вошел в историю фотографии под именем Дмитрий Иванович Ермаков – известный фотограф исследуемой нами эпохи), занял должность губернского архитектора. Как пишет газета «Кавказ», «один из служащих набросал карандашом на клочке бумаги эскиз театра, а проезжавший случайно инженер-офицер подправил его» [57]. Касум беком был составлен проект, на основании которого и начались работы по переделке. В течение месяца было готово весьма удобное помещение для театра «с куполообразным потолком, с боковыми 14 ложами, тремя закрытыми ложами напротив сцены, с размещением 100 стульев, с хорошим освещением и удобным для зрителя залом» [57]. Для сравнения, как пишет «Кавказ», первый театр в Тифлисе был выстроен в манеже, и едва ли лучше Шемахинского. 17 апреля 1858 г. было дано первое представление и «публика с признательностью рукоплескала и благородным артистам, и строителям театра» [57].

К сожалению, автор статьи о Шемахинском театре не упомянул название пьесы, по которой был поставлен спектакль, но зато отметил, что «некоторые лица, смотревшие ранее эту пьесу в Петербурге и Москве, смотрели ее с искренним удовольствием и в Шемахе» [57]. Возможно, что речь шла о пьесах М. Ф. Ахундова. К сожалению, здание театра было разрушено землетрясением в 1859 г.

Что касается города Баку, то отсутствие надлежащего театрального здания сказывалось и на развитие театрального искусства вообще. Любительские спектакли ставились каждую зиму в зале Бакинского благородного собрания, размещавшегося в частном двухэтажном здании (ныне Музей им. Низами), построенном в 60-х гг. XIX века [33, л. 2; 107, с. 210].

С 1880 г. Городская управа была завалена прошениями частных лиц о строительстве театра, цирка и других зрелищных зданий. Так, 10 октября 1880 г. в Бакинскую городскую управу с просьбой разрешить построить деревянный театр на Биржевой улице обратился отставной учитель Н.А. Иосифов. Однако в марте 1881 г. Бакинской городской управой из-за начавшейся рассадки деревьев просьба эта была отклонена [43, л. 1–5]. Также была отклонена и просьба М. Г. Клейнгорфа о постройке временного деревянного театра в верхней части Губернаторского сада (400 кв. саж.), с которой он обратился в Бакинскую городскую управу 22 апреля 1882 года [44, л. 1 – 3об.]. Только спустя несколько месяцев, 18 августа 1882 г. М. Г. Клейнгорф получает разрешение на постройку балагана на Колюбакинской улице [45, л. 1].

В 1885 г. под театр было реконструировано и приспособлено одно из бакинских зернохранилищ (ныне Азербайджанский Государственный Академический Национальный Драматический театр – *Э.В.*). Естественно, что эти действия не могли привести к удовлетворению требований, предъявляемых к зданиям театров, «как фасады, так и интерьеры театра в архитектурно-художественном отношении не представляют собой никакого интереса. Расположение театра в рядовой застройке широкой улицы совершенно лишало его какой-либо парадности» [2, с. 28]. Любое здание должно отвечать, прежде всего, архитектурно-художественной выразительности и функциональной целесообразности, надежности; требованиям техники безопасности, санитарно-техническим нормам.

Известный меценат Г. З. Тагиев, осознав огромную роль, которую играет театр в культурной жизни каждого народа, и необходимость постройки театрального здания, в 1883 году для этой цели

решил использовать расположенный на углу Горчаковской и Меркурьевской улиц большой амбар под зернохранилище [24, л. 49, 136; 82]. Но здание казалось убогим и неблагоустроенным, не соответствовало современному понятию театра, нуждалось в электроосвещении и отоплении. Для реконструкции этого здания был разработан проект, за исполнением которого наблюдал инженер-техник Ф. А. Лемкуль [48, л. 18,19].

Пока шла реконструкция театра Тагиева, драматическая труппа Г.Гончарова ставила свои спектакли в зимнем помещении Общественного собрания, которое доставляла массу неудобств. За аренду помещения старшины брали 25 руб. в день, закрыв при этом другие комнаты. Сборы были незначительны, иногда приходы не покрывали расходов. Но труппа все-таки ставила спектакли с надеждой перейти в новое здание 1 ноября 1883 года [77]. Но к намеченной дате театр не был готов. Поэтому в ожидании открытия Тагиевского театра часть труппы Г.Гончарова выехала в Елисаветполь, где с успехом в зале местного Общественного собрания проходили их спектакли, привлекая немало публики. В целом было дано пять представлений и еще два по просьбе зрителей [78].

Газета «Каспий» анонсировала, что 20 ноября последует открытие вновь выстроенного здания театра [79]. Затем 25 ноября газета сообщила, что комиссия, осматривавшая здание театра, нашла его пригодным и что первый спектакль в нем состоится 27 ноября [80].

На открытии театра Г. З. Тагиева 27 ноября 1883 года публики собралось столько, сколько мог вместить зрительный зал. Была показана драма Н. А. Потемкина «Нищие духом» и «Разгул цыган». Газета «Каспий» отмечала, что «все было разыграно удачно, аплодисменты не смолкали и дважды на сцену был вызван антрепренер театра Г. Гончаров» [60; 81]. 10 августа 1890 г. в театре Г. З. Тагиева состоялся любительский спектакль в пользу бедных учеников Реального училища. Показана была комедия-шутка в 4 действиях Д. А. Мансфельда «На паях» и одноактный водевиль П. А. Каратыгина «Вицмундер», прошедшие весьма удачно. Несмотря на страшную духоту, театр был почти полон, а сбор составил 300 руб., а само помещение театра было предоставлено любителям бесплатно [85].

О разрешении построить летний театр в верхней части города Баку, где размещался Губернаторский сад, обратился турецкий подданный И. Д. Генати, просьба которого была рассмотрена на заседании Бакинской городской думы 22 ноября 1886 г. и вновь была отклонена [51].

Газета «Каспий» отмечала, что в Баку в исследуемый период было «два так называемых театра, не приспособленных для театральных представлений: один находился у тюрьмы, другой – в старом цирке...» [85]. Для репетиции спектаклей приходилось арендовать помещения, малопригодные для этой цели. Между тем, потребность населения Баку в театральном здании признавалась и губернатором [54].

В конце XIX в. театр еще не стал «необходимым элементом культурной жизни» [1, с. 9], что объяснялось либо трудностями с помещениями, которые не всегда «предоставлялись для азербайджанских спектаклей, в силу занятости их местной антрепризой труппы В. И. Васильева-Вятского и других гастролеров» [82].

Помещение вагонной мастерской было единственным местом развлечения не только для одних железнодорожников, но и вообще для обывателей завокзальной части города, отрезанных отдаленностью от каких бы то ни было городских развлечений [92]. Поэтому Управление закавказских железных дорог решило приспособить это помещение под театр, чтобы его служащие могли его посещать [6]. Несмотря на все неудобства, испытываемые публикой во время спектакля или вечера, она охотно их посещала. Газета «Каспий» писала: «Оно находилось на станционных путях, и проходящая публика подвергалась большой опасности со стороны ежеминутно маневрирующих паровозов и проходящих поездов. Внутренние дефекты «театра» также обращали на себя внимание: нет раздевальной, и публике приходится в пальто и шапках сидеть во время спектаклей и танцевать в таком же виде, нет ни дамской, ни мужской уборной и т.д. И, несмотря на все это, публика валом валит туда, ибо больше некуда идти» [92].

Газета «Каспий» предлагала обратить внимание на улучшение сцены старого здания, устранить все имеющиеся дефекты. Для подготовки спектакля в железнодорожном театре необходимы были бутафории, декорации, устраиваемые с целью привлечения в театр средних и низших служащих. Газета «Бакинские известия» писала, что «раздачей ролей никто не руководил и артисты-любители брали себе не те роли, которые им по силам, а те, которые им нравились» [6].

Этот народный театр при ст. Баку просуществовал до осени 1905 г., когда администрация закрыла этот театр, мотивируя свое решение якобы происходившими в нем политическими сборищами. В марте 1907 г. рабочие ходатайствовали перед высшим начальством о его открытии. Само руководство театра «положительно отреагировало на открытие театра, сославшись при этом на железнодорожную полицию, если та не будет возражать» [102]. Довольные своим успехом рабочие стали готовиться к спектаклям. Однако за 4 дня до представления при весьма загадочных обстоятельствах в театре произошел пожар, и театр сгорает дотла [102].

Театральные представления в «царице Каспия», как обычно называли Баку, в конце XIX века носили случайный характер [54, с. 78]. Сюда приезжали известные артисты из Москвы и Петербурга, но, ни один антрепренер не выдерживал целиком всего театрального сезона [54, с. 78]. При отсутствии в Баку городского театра, антрепренеру приходилось арендовать какое-то подобие театра Тагиева, платя за него «баснословно дорогую цену» [54, с. 81]. Поэтому, показав

несколько спектаклей, надолго здесь никто не задерживался. Печать обвиняла в этом городское самоуправление, которое, имея полную возможность для удовлетворения городского населения в устройстве театра, ничего для этого не делала. «Баку, население которого к 1894 году составляло 120000 чел., владеющий громадными участками земли и продающий их в частные руки, Баку, с громадным годовым бюджетом, имеющий массу городских статей, тратящий десятки тысяч рублей на не производительные расходы, не имел собственного приличного театра!» [54, с. 81].

Для поддержания театрального дела на Южном Кавказе царское правительство выделяло ежегодно 47 000 рублей. И если бы городское самоуправление выхлопотало бы на долю Баку хотя бы 10 000 рублей, то за 10 лет, собрав солидный капитал в 100 000 рублей, оно могло построить собственное здание театра и тем самым облегчить содержание антрепренерами постоянной труппы [54, с. 82]. Но, имея все возможности для удовлетворения потребностей горожан в устройстве театра, городское самоуправление «не предпринимало никаких мер, не заботилось о развитии театрального дела и вообще оно тормозило его, а в некоторых случаях не стеснялось даже превышением власти, только бы в Баку не дать хода развитию театрального дела» [54, с. 82]. Не знаю, насколько справедливы были эти замечания, но факты вещь упрямая – в Баку в конце XIX в. не было ни одного театрального здания. Возможно, причиной тому было индифферентное отношение Бакинской управы к развитию в городе театрального дела.

Известный антрепренер В. И. Васильев-Вятский дважды входил в городскую управу с прошением о разрешении ему построить на собственные средства в городском саду здание для летнего театра [54, с. 82–83]. В своих прошениях он приводил веские доказательства о необходимости иметь для города летний театр, не требуя при этом от города ничего, кроме небольшого участка земли на площади городского сада. Казалось, что такое нужное дело найдет понимание в Городской управе, однако она, превысив свои полномочия, не доложила Думе об этом предложении В. И. Васильева-Вятского и вопрос о сооружении летнего театра в Баку так и остался вопросом. Хотя наличие здания городского театра и постоянного состава труппы в Баку было не только желательным, но и необходимым, поскольку условия аренды помещения были очень тяжелыми и унизительными. Часть арендной платы вносилась сразу, а вторая часть – за час до начала представления и «зачастую происходила на глазах у зрителей» [96, с. 151]. Иногда приходилось даже «отдавать в залог свои кольца, часы, табакерки, чтобы расплатиться с владельцем зала, иной раз приходилось даже продавать ковры из собственного дома для покрытия театральных затрат» [96, с. 152]. Большим успехом пользовались любительские спектакли, концерты, проводимые с благотворительной целью в зале бакинского Общественного собрания на ул. Красноводская,12, а также в помещении, занимающим часть доходного дома миллионера Мусы Нагиева, построенного по проекту городского архитектора А.С. Кандинова в 1887 году [52, л. 2; 107, с. 225]. Публика охотно посещала эти спектакли, «доставляя себе эстетическое наслаждение и делая в то же время доброе дело» [55, с. 72].

Отчетливо понимая, что здание театра не соответствовало современным требованиям и нуждалось в усовершенствовании, Г. З. Тагиев решил снести свое здание, осознавая, что город оставался без театрального помещения. Это обстоятельство побудило некоторых богатых дельцов организовать Акционерное общество по постройке театра на Театральной площади [87; 88]. Преследуя коммерческие цели, это общество решило организовать образцы известных театральных зданий за рубежом, хотя на тот момент в городе Баку работали известные архитекторы – И. Гославский, И. Плошко, К. Скуревич. Поэтому, когда возник вопрос о постройке двух монументальных театров, это вызвало беспокойство Г. З. Тагиева и побудило его заняться обновлением своего театра. По его замыслу, театр должен был стать «настоящим театральным сооружением, эффективно выполненным и красиво отделанным как в целом, так и в деталях…» [83; 102, с. 24]. С этой целью Г. З. Тагиев обратился к гражданскому инженеру П. И. Когновицкому для составления проекта реконструкции театра. Но его проект не отвечал тем целям, которые преследовал Г. З. Тагиев – дать городу настоящий богатый театр. Поэтому к работе над проектом был привлечен И. Гославский, которого называли «бакинским Растрелли» [59].

Проект И. Гославского предусматривал строительство зрительного зала на 578 мест, с соблюдением санитарно-гигиенических норм, с электроосвещением, отоплением и вентиляцией, что создавало уютную атмосферу для зрителей и артистов. В народе театр получил название Тагиевского, где проводились вечера, концерты, спектакли гастролировавших в Баку театральных трупп.

В печати была информации о стремлении купца Н. М. Шагиданова построить театр над своим новым пассажем, взяв за основу образец проекта венского театра, с применением новейших усовершенствований театральной техники. Предполагалось, что «сцена будет состоять из двух гидравлических подъемных подмостков, расположенных один над другим, которые с установлением декораций и обстановкой, будут замещаться одна другой, что даст возможность совершенно устраивать антракты» [89].

Важным событием в культурной жизни страны было привлечение женщин в театр, чему способствовало появление в 1906 г. в зрительном зале специальных закрытых лож для мусульманок, о чём обязательно сообщалось в афишах [10]. Газета «Баку» поместила специальное объявление по этому поводу: «Вскоре ложи Тагиевского театра смогут посещать женщины-мусульманки. Мусульманская драматическая труппа стремится

создать в театре Тагиева благоприятные условия для посещения мусульманками спектаклей на азербайджанском языке...» [10]. Интерес в этой связи представляет факт, описанный журналистом Д. Гараниным в газете «Новое время»: «…Человек, который открыл единственную женскую школу для мусульман, сам изготовил в театральном зале полузакрытую ложу для своей семьи, для того чтобы ни один мужчина не мог видеть лицо женщины его семьи» [99].

В 1906 году Сона ханум, супруга известного азербайджанского мецената Г. З. Тагиева, для которой собственно и была устроена закрытая ложа, посетила театр, где шел спектакль «Надир шах». Это было знаковым событием для активного посещения театра азербайджанскими женщинами [10], стали устраивать дневные спектакли для женщин, например, в Елисаветполе бесплатно был сыгран спектакль «Не постучись ко мне, постучатся и к тебе».

За время своего существования здание Тагиевского театра неоднократно реконструировали, дважды он горел в 1909 г. и 1 февраля 1918 г. в результате обстрела (здание было восстановлено после установления советской власти в Азербайджане по проекту главного архитектора г. Баку З. Б. Ахмедбекова). После первого пожара отремонтировать здание для театра решила Городская дума, надеясь получить от этого большие доходы. Для этой цели была создана комиссия, но она только тянула время. Пресса сожалела, что «театр Тагиева будет готов к февралю будущего года, а это негативно отразится на начинаниях любителей» [13]. На реконструкцию театра Г. З. Тагиев выделил около 100 000 рублей [107, с. 212–214]. После пожара в 1909 году были внесены архитектурные изменения, а сам театр стал трехэтажным и достаточно вместительным. Для освидетельствования построенного Г. З. Тагиевым здания театра была создана специальная комиссия [103].

30 сентября 1910 г. состоялось торжественное открытие Тагиевского театра. 1 октября 1910 года свой первый сезон новый театр Г. З. Тагиева открыл спектаклем по пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». Режиссер постановки Е. Боур, а 2 октября была показана комедия А. Островского «Женитьба Белугина».

9 декабря 1910 года Мусульманское просветительное общество «Ниджат» отметило 30-летие со дня постройки здания театра в Баку. Труппой данного общества был показан последний акт трагедии Ф. Шиллера «Разбойники» в переводе М. Б. Гаджинского и оперетта в 3-х актах «Муж и жена» Уз. Гаджибекова. Главным режиссером постановок был Г. Араблинский. Принимали участие скрипачи, сазандары, актеры Г. Сарабский, М. А. Алиев, Х. Терегулов и др., дирижировал Уз. Гаджибеков. Члены общества «Ниджат», как писала газета «Баку», были встречены громкими аплодисментами и торжественным маршем. Г. З. Тагиев выразил благодарность и удовлетворение прогрессом, достигнутым мусульманами в области театрального искусства. Когда занавес театральной сцены поднялся, оркестр исполнил гимн «Генерал Тагиев», написанный Уз. Гаджибековым для этого торжественного события [17].

В театре Г. З. Тагиева впервые состоялся спектакль первой в России музыкальной труппы лилипутов. Были представлены два спектакля «Живые покойники» и «Денщик подвел» [71]. Своей игрой, отмечала газета «Кавказская копейка», они «завоевали симпатии зрителей, которые много смеялись и долго аплодировали» [71]. А 12 июня были показана комедия-шутка «Теплые ребята» С. В. Рассохина и водевиль «Сама себя раба бьет, коли нечисто жнет» А. Н. Островского. Спектакли так понравились зрителям, что артистов много раз вызывали на бис.

В театре Тагиева состоялись гастроли Петербургского «Передвижного театра». Газета «Кавказская копейка» отмечала оригинальную находку при открытии спектакля. Так, «весь театр погружался в полный мрак, и этот мрак действовал на публику прямо ошеломляющим образом. Вся она вздрагивает, готовая отдаться панике, но тот же час возобновляется освещение, и публика, словно охваченная каким-то испугом, торопится занять свои места. И уже при полной тишине открывается сцена» [67]. Были показаны пьеса А. Островского «Лес», и «Свыше нашей силы» Б. Бьернсона. Также «Передвижной театр» показал пьесу А. Чехова «Три сестры» и прощальный спектакль «Антигона» Софокла [68; 70; 71].

Но один Тагиевский театр не мог удовлетворить потребности всех желающих попасть на театральные представления. К тому же цены на билеты были очень высокими. Газета «Бакинские известия» сообщала, что «ни в одном промышленном центре России не скопилось столько рабочего темного люда, как на балахано-сабунчинских нефтяных промыслах, указывая при этом на полное отсутствие заботы со стороны нефтепромышленников о разумных и полезных развлечениях для рабочих [4]. Поэтому возникла необходимость в создании Народных домов в рабочих поселках, инициатором которых была Е. М. Бенкендорф, ведущая переговоры с артистами. За открытие Народных домов принципиально высказался член Городской управы Б. А. Македонский [5]. Однако из-за нехватки средств Городская управа не могла решить данный вопрос. В этой связи Совет съезда нефтепромышленников на свои средства построил здания Народных домов в Сабунчах и Балаханах [97], где ставились любительские спектакли, охотно посещаемые местным населением [65]. Так, при Сабунчинской амбулатории Совета съезда нефтепромышленников любителями Московско-Кавказского товарищества были показаны драма в 4-х действиях «Каторжник» и одноактный водевиль «Визит его превосходительства». Амбулатория была набита битком, а спектакли прошли с большим успехом [60].

В конце XIX – начале XX вв. на побережье Гянджа-чая в г. Елисаветполе под клуб было приспособлено частное трехэтажное здание Форера

[32, л. 7]. В 1913–1914 гг. С. Федоров составляет проект каменного дома для концертного зала в г. Елисаветполе [52, л. 25]. Сохранились проекты и планы концертного зала во второй части г. Елисаветполя [52а, л.13, 34–36].

В истории строительства театральных зданий в период капитализма определенное место занимает строительство в Баку Большого оперного театра именно как постройка в рекордные сроки. Здание театра на 1800 мест было построено почти за 10 месяцев между Торговой и Телефонной улицами [26, л. 13; 105]. Предполагалось построить театр частью каменный, а частью железобетонный, в стиле Ренессанс [14а].

Проект театра и пояснительная записка к проекту была представлена в Городскую управу И. Г. Баевым [16], но проект не был утвержден бакинским градоначальником, поскольку некоторые условия, указанные в проекте, не согласовывались с обязательствами, указанными в постановлении о постройках [15]. Тогда И. Г. Баевым был подготовлен новый проект. По словам известного азербайджанского архитектора, академика Ш. С. Фатуллаева, обнаружить проект этого театра не удалось, так как владельцы (братья Маиловы – *Э.В.*) взяли на временное пользование оригинальные чертежи и не возвратили их в Строительное отделение [107, с. 220].

Не дожидаясь утверждения проекта, они сразу приступили к строительству театра. Хотя и делались попытки приостановить работы, однако нестрогий контроль позволил автору проекта продолжить работы. Кроме того, братья Маиловы заверяли, что все меры противопожарной безопасности – одно из важнейших положений при строительстве театров, ими учтены, «гарантируя установку достаточного количество пожарных кранов» [26, л. 11]. Но, как оказалось, «расположение здания на участке совершенно не отвечало требованиям противопожарной безопасности» [26, л. 13], а потому за несоблюдение всех норм и требований при разработке проекта театра в утверждении данного проекта братьями Маиловым было отказано. И только после того, как в проект были внесены необходимые изменения и уточнения, и после рассмотрения его в Городской управе, он был утвержден 22 июня 1910 г. Бакинским градоначальником [24, л. 49, 136; 48, л. 29–31].

Театр был построен за короткий срок – с 29 апреля 1910 г. по 27 февраля 1911 г. Факт этот был обусловлен тем, что работы велись в три смены, в строительстве театра принимали участие 200 рабочих в каждой смене. Кроме того, ночные смены велись при освещении прожекторов, что, естественно, позволило не сбавлять темпов строительства. Правильная организация всех строительных работ позволила И. Г. Баеву успешно завершить постройку этого театра [8, с. 489–492]. Театр получил название «Большой оперный театр», рассчитанный 1120 мест, явился «большим культурным приобретением» и важным событием в культурной жизни горожан [63].

Для осмотра нового театра по распоряжению бакинского градоначальника подполковника П. И. Мартынова была образована комиссия в составе инженера бакинского градоначальства Е. Рыбчинского, архитекторов Л. А. Никитина и К. А. Борисоглебского. При осмотре театра на все вопросы пояснение давал автор проекта И. Г. Баев [62]. Комиссия «нашла здание театра, как в пожарном, так и в техническом отношении вполне пригодным для представлений», правда с несколькими замечаниями, которые необходимо было учесть [64]. Тем не менее, разрешение на открытие театра нового оперного театра было дано.

Традиция открывать оперные сезоны итальянскими операми, по сообщениям прессы, была дирекцией театра изменена. Открытие нового Оперного театра 28 февраля 1911 г. началось с оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». В отличие от Парижа, где эта опера наделала много шума и привела в восторг парижан, в Баку, по сообщениям прессы, опера «Борис Годунов» имела не особенно шумный успех. Это, как объясняет газета, произошло от того, что «не вся публика воспитана на таких операх, которые требуют серьезного понимания» [65]. Тем не менее, в Бакинском оперном театре в конце октября 1911 г. начались гастроли известных итальянских артистов – Джорджи Велла (сопрано), Алесандро Скалабрини (тенор), Джузеппе Нистри (баритон) и Джузеппе Гвальтьери (бас) [73]. Арендная плата в этом театре была очень высокой – 1500 руб. за вечер.

С изобретением кинематографа братьями Люмьер и проникновением его в Россию, и в частности, в Баку получает развитие новая архитектурная тема – здание кинематографов для демонстрации немого кино. Чтобы выстроить или приспособить здание под кинематограф, необходимо было представить проект застройки, а также все необходимые в этой связи сведения и документы. Необходимо было также решение инженера и архитектора Строительного отдела Бакинской городской управы, Бакинского градоначальства, Бакинского полицеймейстера о том, что «данный проект составлен правильно, соответствует установленным Правилам и подлежит утверждению» [28, л. 1–5]. Желающих иметь свой кинематограф, было достаточно и на имя Бакинского градоначальника поступало немало прошений.

Первое здание кинематографа в стиле барокко было построено в Баку И. Плошко в 1909–1910 гг. на новом бульваре – Александров ской набережной, 36, получившее название «Феномен» (смета составила 20 000–30 000 рублей) [93]. В ходе строительства были учтены все новейшие требования строительного искусства [11; 12]. Зал рассчитан был на 600 мест, имелись ложи, также устроены хоры, которые могли вместить значительное число зрителей на случай, если в здании кинематографа будут даваться концерты, любительские спектакли. В здании было устроено приспособление для очистки воздуха. «По обеим сторонам над фойе устроены веран-

ды, откуда открывался чудесный вид на море и панораму бульвара. Эти веранды отведены под буфет и для них выписаны пальмы и лавровые деревья. Несмотря на то, что здание оборудовано под кинематограф, в нем была оборудована и маленькая сцена. Вокруг здания был разбит цветник с клумбами» [14]. По окончании строительства здания И. Плошко обратился к бакинскому градоначальнику подполковнику П. Мартынову с ходатайством «о назначении комиссии для осмотра этого здания на предмет пригодности его для публичного пользования» [93].

Согласно приказу бакинского градоначальника П. П. Мартынова (№155 от 10 июня 1910 г.), комиссия была образована и 11 июня 1910 г. был проведен осмотр здания кинематографа, на строительство которого было израсходовано 60 000 рублей. Это было самое большое здание кинематографа в городе, оснащенное самым современным техническим оборудованием. Об этом, в частности, свидетельствовало наличие самого большого экрана из всех имеющихся в наличии в кинематографах Баку того времени, а именно: длина – 6 ,5 м, ширина – 5 м.

Предусматривалось использование вентиляции для очистки воздуха и «замены этого воздуха летом – холодным, а зимой теплым каждые четверть часа, путем накачивания воздуха в зал после пропуска его через озонатор, охлаждающие каналы и фильтр», что для города Баку это было совершенной новинкой [95]. Также в ходе строительства были учтены все новейшие требования строительного искусства. Архитектурный фронтон был украшен скульптурами древнегреческих богов Меркурия, Бахуса, Посейдона и Афродиты – по две спереди и две – по бокам. В течение 10 лет здание «Феномен» использовалось под кинематограф и казино, в 1921 году оно подверглось коренной реконструкции по проекту З. Б. Ахмедбекова под рабочий театр «Сатирагит» [106, с. 221][1].

К 1910 году в Баку насчитывалось 14 кинозалов. Лучшими считались кинотеатры «Феномен», «Форум», «Микадо», построенные в разных стилях – китайский, классика, модерн, что, конечно, вносило резкую дисгармонию [96, с.153]. Существовали и другие кинотеатры. Это – «Эдисон» на Биржевой площади, «Форум» «Ренессанс» на Торговой улице, «Палас» на Николаевской ул., «Россия» на Баилове, «Микадо» на углу улиц Гоголя и Молоканской, «Французский Электро-биограф» в здании пассажа Калантарова, «Эрмис» в Крепости, «Унион», «Экспресс», «Ампир», «Рекорд», «Мон-Рено» [9, с. 221]. В провинциях также действовали киноустановки. Здание кинематографа «Микадо», построенное в разных стилях (классика, модерна, китайский стиль) вносило резкую дисгармонию [8, с. 489–490], и уже после реконструкции этот стиль исчезает. Сегодня это здание Азербайджанского государственного академического русского драматического театра имени Самеда Вургуна.

Одним из красивых кинотеатров считался «Палас», имеющий светлый зрительный зал, хорошо освещенный и оформленный в европейском стиле. Главной отличительной особенностью этого кинотеатра было наличие специальных закрытых лож для мусульманских женщин, для которых устраивались специальные сеансы с 10 часов утра.

Остальные кинотеатры размещались в частных домах, некоторые из них имели небольшой зрительный зал без всяких удобств и вентиляции [8, с. 490–491].

Арендатором М. Гофманом был построен на новом городском бульваре павильон под кинематограф. И хотя градоначальник объявил, что «находит невозможным такую постройку на бульваре, предназначенном для гулянья и отдыха горожан, поскольку павильон этот обезображивает бульвар и увеличивает его тесноту и потому подлежит сносу», тем не менее, обещал М. Гофману свою поддержку в том случае, «если он будет ходатайствовать перед Думой об отводе ему участка земли под постройку синематографа в другом месте города» [11]. В случае же несогласия Думы Бакинский градоначальник грозился возбудить соответствующее ходатайство «об отмене постановления Думы от 26 мая 1909 г. в порядке ст. 86–88 Городового положения, как нарушающего интересы местного населения» [12].

Управа, рассмотрев вопрос о постройке деревянного здания кинематографа во дворе дома №11 по ул. Гимназической, ознакомившись с результатами осмотра здания, (член управы М. Г. Гаджинский и председатель комитета по благоустройству А. И. Серебряков) признала здание в пожарном отношении опасным. Однако, управа бессильна была предпринять в этом вопросе что-нибудь самостоятельно. А поскольку разрешение на постройку строителями уже было получено, то Управа ограничилась лишь постановлением донести об этом до сведения градоначальника [18].

Существовали другие городские кинотеатры, размещенные в пассажах, в жилых зданиях, а именно: в пассаже Лалаева – кинотеатр «Мулен-Электрик» (1911) [26а, л. 1], на Торговой ул. во дворе домовладельца Гаджиева ныне (к/т Вэтэн) в 1915 году был построен зрительный зал (с летним отделением) для сеансов кино [27, л. 24]. Как свидетельствуют архивные источники, кинематографы функционировали и в других городах Северного Азербайджана – в Елисаветполе, Губе, Лянкяране, Сальяне [22, л. 147; 23, л. 114]. Многие частные лица стремились построить свой кинематограф, обращаясь в городскую управу о

[1] В конце 1950-х – начале 1960-х здесь располагалась сельскохозяйственная выставка. Поставленные после окончания строительства здания синематографа И. Плошко четыре скульптуры, были убраны и вместо них перед зданием на отдельном постаменте поставили чабана и доярку. В начале 70-х годов XX века здесь разместился Азербайджанский Государственный театр кукол имени А.Шаига. Скульптуры Посейдона и Меркурия были заменены на более подходящие Мельпомены и Терпсихоры. Но с середины 2000-ых годов и этих скульптур перед зданием театра уже не оказалось.

выделении земельного участка для постройки. Но городская управа, несмотря даже на известность некоторых, отказывала им в этом, например, известный антрепренер С. М. Муссури [19; 75; 76].

Помимо театра Г. З. Тагиева и Большого оперного театра, в Баку под театральные залы использовались также помещения, специально приспособленные для этих нужд. Это были кинотеатры «Экспресс» на Ольгинской улице в доме доктора Карабекова, «Одеон» здании Общества взаимного кредита на Петровской площади, «Рекорд» на Биржевой площади, «Ампир» около Мариинского сквера и железнодорожный театр, для которого было приспособлено здание вагонной мастерской, о котором упоминалось выше [61; 92].

В конце 80-х гг. XIX в. с построением зрелищных сооружений – театров, кинематографов появляются и цирковые здания, как временные, так и постоянные. Одним из самых зрелищных видов искусства был цирк. Цирки получили широкое развитие еще в древнем мире, но по своему устройству и назначению они имели очень мало общего с современными зданиями. Как правило, они сооружались на городских площадях, недалеко от рынка, хотя разрешение на их постройку не всегда оказывалось положительным.

До 1917 г. цирк являлся едва ли не единственным народным развлечением [98, с. 13], на что обращал внимание М. Горький, называя цирк «подлинно народным зрелищем, игравшим на фоне окружающей серой обывательской жизни положительную роль, несмотря на все уродливости тогдашнего провинциального цирка» [98, с. 13].

Строительство зданий для цирка было положено приезжими из России братьями Никитиными, а также зарубежными представителями, благодаря которым начались гастроли европейских артистов циркового искусства.

В конце XIX в. Бакинская городская управа была завалена прошениями частных лиц о строительстве зрелищных сооружений. Многие просьбы отклонялись, некоторые удовлетворялись с конкретными оговорками.

Среди них, управляющий балетной и концертной труппы, театральный антрепренер Верони Вест» [42, л. 1], отставной учитель Н. А. Иосифов [43, л. 1–5], М. Г. Клейнгорф [44, л. 1, 3 – 3об; 45, л. 1; 46, л. 6, 7, 8, 23], австрийский подданный Венцель Таурек [47, л. 21], А. М. Бочаров [50, л. 1–9, 11], саратовский мещанин Д. А. Никитин [50, л. 13 – 13об.], житель Кюринского округа селения Меджегюн Алиусейна Гашимова [49, л. 4], турецкий подданный И. Д. Генати [51, л. 1–2], содержатель зверинца на Биржевой улице Алекпер оглу Фаррух [29, л. 1 – 1об.], директор Московского цирка А. А. Никитин [106].

20 сентября 1886 г. саратовский мещанин Д. А. Никитин просил Городскую управу отвести свободный участок земли на Колюбакинской площади под постройку цирка. Управа постановила отвести Д. А. Никитину участок земли на Театральной площади с арендной платой 75 рублей в месяц [50, л. 13 – 13об.].

На Театральной площади в 1888 г. по проекту архитектора А. Кошинского было возведено здание цирка Форера. «Каспий» отмечал, что цирк Форера по обширности помещения, хорошей освещенности и проветриваемости (проект архитектора А. Кошинского) конкурировал с театром Г. З. Тагиева и привлекал несравненно больший контингент публики [84]. Здание цирка видоизменялось, так как часто подвергалось пожарам [25, л. 17].

Но эти здания цирка в капитальном отношении не обогащали городскую застройку. Для постройки на Торговой ул. каменного здания театра-цирка с обширным зрительным залом, с электроосвещением и паровым отоплением 5 мая 1904 г. директор Московского цирка А. А. Никитин, первые гастроли которых в Баку состоялись 28 апреля 1892 г., подписал в конторе бакинского нотариуса С. В. Билинского контракт на аренду участка земли в 560 квадратных саженей, принадлежащего Агабеку Сафаралиеву [104] на углу Торговой и Морской улиц, сроком на 12 лет по цене 3 500 рублей в год. Но в 1905 г. цирк сгорел. А так как Никитинская труппа приезжала в Баку дважды в год (зимой – на рождественские и весной - на пасхальные праздники), то в 1906 г. по проекту гражданского инженера Н. Марченко быстро был возведен новый каменный цирк-театр [21, с. 212], в котором шли выступления известного борца Сали Сулеймана, жонглера Мансура Ширвани, в последствие дрессировщика зверей. В 1907 г. в театре-цирке братьев Никитиных в Баку прошли гастроли итальянской оперной труппы братьев Ж. и П. Гонсалец. В составе труппы были Массачеси, Прокаччи, Бэльбони, Мори и Марри. Газета «Бакинец», подчеркивая высокий уровень культуры бакинских слушателей, отмечала, что гастроли братьев Гонсалец всегда проходили с большим успехом [3]. В 1915 г., будучи директором Московского цирка, А. А. Никитин обратился в Городскую управу с просьбой о выделении в аренду на 24 года места для постройки здания цирка-театра на Биржевой улице, рядом со зданием Коммерческого училища. При этом в заявлении излагалась просьба, чтобы «в течение всего срока аренды городская управа не предоставляла городские места другим циркам, и просил назначить арендную плату дешевле» [20]. Новый театр-цирк братьев Никитиных простоял до осени 1916 г., где проходили премьеры опер и оперетт Уз. Гаджибекова. В 1916 г. вместо снесенного цирка братьев Никитиных братья Ефимовы строят другое здание, на Биржевой улице, рядом с Коммерческим училищем, но 28 декабря 1924 г. и оно было уничтожено пожаром. Вскоре на этом месте дрессировщик Я. Кудрявцев построил свой цирк.

Местная периодическая печать этого времени освещала проведение в цирке М. Н. Злобина бенефиса придворного японского артиста Г. Лерри, в котором принял участие артист Санкт-Петербургской и Московской сцен Я.Г. Пропащий, исполнив несколько номеров на балалайке, а балетмейстером Нижинским была поставлена красивая

комическая пантомима «Доктор» [66]. Продолжал привлекать публику цирк П. Пьера, помещение которого внутри было красиво и убрано коврами. Много интересных номеров, среди которых – неустрашимые велосипедисты Ян Польди и Юлий Тюаль [72]. В цирке француза П. Пьера 26 декабря 1911 г. возобновились гастроли А. Л. Дурова. Были показаны несколько интересных номеров из его «зоологического репертуара». «Гомерический хохот, пишет газета, вызвало представление публике крыс по породам – интендантских, канцелярских, полицейских, адвокатских и др.» [74].

В 1912 г. артист кино и цирка, наездник и клоун Павел Максимович Есиковский из династии цирковых артистов также открыл в Баку цирк, переоборудованный в 1914 г. в кинотеатр. Освещались и проводимые в цирке чемпионаты по французской и греко-римской борьбе, где выделялись Сали Сулейман, Пустынников, Робин Гуд, Плясуля, Поддубный, Иван Заика, Махмуд Исрафил бек и многие другие [20].

Первым азербайджанским укротителем хищников был Алекпер оглу Фаррух. В 6 лет начал выступать в бродячем цирке-балагане своего отца Гаджи Гафара оглу и мачехи танцовщицы С. Тамилиной. Работал акробатом, жонглёром, эквилибристом; совместно с сестрой П. Тамилиной демонстрировали номер «Корзина» – езду на велосипеде по внутренним стенкам огромной корзины. С 1895 г. стал дрессировать различных животных, а впоследствии только львов. В 1911 г., будучи уже содержателем зверинца на ул. Биржевой, Алекпер оглу Фаррух [32, л. 1 – 1об.] обратился к Бакинскому градоначальнику с прошением об открытии цирка на Николаевской ярмарке, и представил соответствующий проект, после чего прошение было удовлетворено [7]. До 1937 г. выступал в зверинцах и передвижных цирках, главным образом в Средней Азии, а позже также в стационарах. Трагически погиб в Брянске во время представления [108].

В 1915 г. и в Елисаветполе на средства Поспелова был построен цирк [53, л. 3]. В этом же году в мае были утверждены проекты построек деревянного цирка на Ярмарочной площади в Баку Джузеппе Джунтини, Ф. А. Юпатова и Е. М. Хундадзе [30, л. 1 – 5; 31, л. 1–4].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв., когда развитие капитализма в России пошло «и вглубь, и в ширь», а в Северном Азербайджане это отразилось на развитии нефтяной и горнорудной промышленности, наблюдалось развитие архитектуры и градостроительства. Появлялись новые типы зданий и сооружений, строились школы, учебные заведения и культурно-зрелищные здания (театр, кинематограф, цирк), внесшие новое содержание в застройку и планировку городов Северного Азербайджана и тем самым обогатили их художественный облик. Культурно-зрелищные учреждения способствовали культурному подъему городского населения, росту их эстетического вкуса, благодаря гастролям ведущих театральных и музыкальных трупп, постановкам драматических и музыкальных спектаклей по произведениям известных азербайджанских, русских и зарубежных авторов, а цирковые представления разнообразили культурный досуг населения.

Источники и литература

1. Алиева А. А. Азербайджанский театр за 100 лет. Баку: Азгосиздат, 1974. 111 с.
2. Ализаде Г. М. О строительстве театров в г. Баку // Искусство Азербайджана. Вып. 1. Баку: Изд. Акад.наук АзССР, 1949. С. 28–39.
3. Бакинец. 1907. 3 сентября.
4. Бакинские известия. 1904. 3 января.
5. Бакинские известия. 1904. 18 марта.
6. Бакинские известия. 1904. 5 октября.
7. Бакинские известия. 1904. 17 октября.
8. Бакинский спутник-справочник. Новые постройки в г. Баку. Баку: Изд. А. Я. Пинес. Тип. А. Н. Тараева, 1912. 742 с.
9. Бакинский спутник на 1913г. Баку: Издательство А. Я. Пинес, Типография А. Н. Тараева, 1913. 884 с.
10. Баку. 1906. 30 ноября.
11. Баку. 1909. 28 августа.
12. Баку. 1909. 17 ноября.
13. Баку. 1910. 22 января.
14. Баку. 1910. 1 мая.
15. Баку. 1910. 2 мая.
16. Баку. 1910. 6 июня.
17. Баку. 1910. 12 июня.
18. Баку. 1910. 11 декабря.
19. Баку. 1914. 28 марта.
20. Баку. 1914. 14 июня.
21. Баку. 1915. 14 ноября.
22. Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 / сост. Г. В. Барановский. Вып. 1. СПБ.: Издательство Института Гражданских Инженеров, Тип.-лит. Ак. Л. Пентковского, 1893. 423 с.
23. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИА АР). Ф. 36. ОП. 2. Д. 1262.
24. ГИА АР. Ф. 36. ОП. 2. Д. 1263.
25. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 5. Д. 1.

26. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 5. Д. 62.
27. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 6. Д. 422.
28. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 6. Д. 431.
29. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 6. Д. 438.
30. ГИА АР. Ф. 44. ОП. 6. Д. 590.
31. ГИА АР. Ф. 46. ОП. 6. Д. 94.
32. ГИА АР. Ф. 46, ОП. 6. Д. 606.
33. ГИА АР. Ф. 46. ОП. 6. Д. 607.
34. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 6. Д. 94.
35. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 138.
36. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 140.
37. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 169.
38. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 244.
39. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 250.
40. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 262.
41. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 623.
42. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 628.
43. ГИА АР. Ф. 61. ОП. 3. Д. 746.
44. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 138.
45. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 140.
46. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 169.
47. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 244.
48. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 250.
49. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 262.
50. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 314.
51. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 623.
52. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 628.
53. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 746.
54. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 962.
55. ГИА АР. Ф. 389. ОП. 3. Д. 2914.
56. ГИА АР. Ф. 421. ОП. 1. Д. 1.
57. Ежегодник города Баку на 1893 год. Баку: Издательство А. Мишон, 1893. 226 с.
58. Ежегодник города Баку на 1894 год. Баку: Типография «Арор», Издательство А. Мишон, 1894. 261 с.
59. Кавказ. 1848. 23 октября.
60. Кавказ. 1858. 6 июля.
61. Кавказ. 1858. 27 июля.
62. Кавказ. 1897. 4 февраля.
63. Кавказская копейка. 1883. 30 ноября.
64. Кавказская копейка. 1910. 17 июня.
65. Кавказская копейка. 1911. 11 января.
66. Кавказская копейка. 1911. 24 февраля.
67. Кавказская копейка. 1911. 27 февраля.
68. Кавказская копейка. 1911. 2 марта.
69. Кавказская копейка. 1911. 24 апреля.
70. Кавказская копейка. 1911. 21 мая.
71. Кавказская копейка. 1911. 22 мая.
72. Кавказская копейка. 1911. 24 мая.
73. Кавказская копейка. 1911. 25 мая.
74. Кавказская копейка. 1911. 11 июня.
75. Кавказская копейка. 1911. 18 октября.
76. Кавказская копейка. 1911. 27 октября.
77. Кавказская копейка. 1911. 28 декабря.
78. Кавказская копейка. 1913. 16 мая.
79. Кавказская копейка. 1913. 17 мая.
80. Каспий. 1883. 9 октября.
81. Каспий. 1883. 4 ноября.
82. Каспий. 1883. 13 ноября.
83. Каспий. 1883. 25 ноября.
84. Каспий. 188., 27 ноября.
85. Каспий. 1889. 3 июня.
86. Каспий. 1889. 5 мая.
87. Каспий. 1889. 4 октября.
88. Каспий. 1890. 12 августа.
89. Каспий. 1897. 9 мая.
90. Каспий. 1897. 10 июля.
91. Каспий. 1898. 3 марта.

92. Каспий. 1898. 10 апреля.
93. Каспий. 1899. 5 мая.
94. Каспий. 1899. 3 июня.
95. Каспий. 1903. 3 сентября.
96. Каспий. 1909 3 августа.
97. Каспий. 1910. 6 июня.
98. Каспий. 1910. 17 июня.
99. Керимов И. С. Становление и развитие азербайджанского театра (конец 19 – нач. 20 вв.). Баку: Элм, 1991. 292 с.
100. Краткий обзор деятельности съезда бакинских нефтепромышленников по народному образованию за время с 1897 по 1912 гг. Баку: Типография Труженик А. А. Куинджи, 1913. 213 с.
101. Кузнецов Е. М. Арена и люди советского цирка. Л.-М.: Искусство,1947. 228 с.
102. Культурная политика в Азербайджане. Баку: Издательство «Нагыл еви», 2004. 254 с.
103. Новое время. 1906. 4 июня.
104. План-путеводитель по г. Баку на 1894. Баку: Типография Гюльбасарова и Шахбагова. 8 д., X+9 с. и 1 план.
105. Прогресс. 1907. 6 апреля.
106. Рампа и жизнь. 1909. №4.
107. Соболев Р. Как кино стало искусством. Киев: Мистецтво, 1975. 126 с.
108. Сулейманов М. Дни минувшие. Баку: Азернешр, 1990. 340 с.
109. Фатуллаев Ш. С. Градостроительство и архитектура Азербайджана XIX–XX вв. Ленинград: Стройиздат, 1986. 456 с.
110. Фатуллаев Ш. С. Архитектура Азербайджана (XIX – начало XX вв.): дисс. … докт. ист. наук. Баку, 1979. 446 с.
111. Цирк. Маленькая энциклопедия / авт.-сост.: А. Я. Шнеер, Р. Е. Славский; глав. ред. Ю. А. Дмитриев. Изд. 2-е, дополн. и исправленное. М.: Советская энциклопедия, 1979. 448 с.

References

1. Alieva A. A. Azerbajdzhanskij teatr za 100 let *(Azerbaijan Theater over 100 years)*. Baku: Azgosizdat, 1974. 111 p. (In Russian)
2. Alizade G. M. O stroitel'stve teatrov v Baku *(On the construction of theaters in Baku)* // Iskusstvo Azerbajdzhana. Issue 1. Baku: SA AzSSR publ., 1949. P. 28–39. (In Russian)
3. Bakinets. 1907. September 3. (In Russian)
4. Bakinskie izvestiya. 1904. January 3. (In Russian)
5. Bakinskie izvestiya. 1904. March 18. (In Russian)
6. Bakinskie izvestiya. 1904. October 5. (In Russian)
7. Bakinskie izvestiya. 1904. October 17. (In Russian)
8. Bakinskiy sputnik-spravochnik. Novye postroyki v Baku *(Baku satellite reference book. New buildings in Baku)*. Baku: A. Ya. Pines's printing house. A. N. Taraev's printing office publ., 1912. 742 s. (In Russian)
9. Bakinskiy sputnik na 1913 *(Baku satellite for 1913)*. Baku: A. Ya. Pines's printing house. A. N. Taraev's printing office publ., 1913. 884 p. (In Russian)
10. Baku. 1906. November 30. (In Russian)
11. Baku. 1909. August 28. (In Russian)
12. Baku. 1909. November 17. (In Russian)
13. Baku. 1910. January 22. (In Russian)
14. Baku. 1910. May 1. (In Russian)
15. Baku. 1910. May 2. (In Russian)
16. Baku. 1910. June 6. (In Russian)
17. Baku. 1910. June 12. (In Russian)
18. Baku. 1910. December 11. (In Russian)
19. Baku. 1914. March 28. (In Russian)
20. Baku. 1914. June 14. (In Russian)
21. Baku. 1915. November 14. (In Russian)
22. Baranovskiy G. V. Yubileynyy sbornik svedeniy o deyatel'nosti byvshikh vospitannikov Instituta grazhdanskikh inzhenerov (Stroitel'nogo uchilishcha) 1842–1892 *(Anniversary collection of information on the activities of former pupils of the Institute of Civil Engineers (School of Construction) 1842–1892)* / G. V. Baranovskiy. Issue. 1. St. Petersburg: Institute of Civil Engineers Publishing House, 1893. 423 p. (In Russian)
23. The State Historical Archive of the Azerbaijan Republic (GIA AR). F.36. Inv.2. D.1262. (In Russian)
24. GIA AR. F. 36. Inv. 2. D. 1263. (In Russian)
25. GIA AR. F. 44. Inv. 5. D. 1. (In Russian)
26. GIA AR. F. 44. Inv. 5. D. 62. (In Russian)
27. GIA AR. F. 44. Inv. 6. D. 422. (In Russian)
28. GIA AR. F. 44. Inv. 6. D. 431. (In Russian)
29. GIA AR. F. 44. Inv. 6. D. 438. (In Russian)
30. GIA AR. F. 44. Inv. 6. D. 590. (In Russian)
31. GIA AR. F. 46. Inv. 6. D. 94. (In Russian)
32. GIA AR. F. 46. Inv. 6. D. 606. (In Russian)
33. GIA AR. F. 46. Inv. 6. D. 607. (In Russian)
34. GIA AR. F. 61. Inv. 6. D. 94. (In Russian)

35. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 138. (In Russian)
36. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 140. (In Russian)
37. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 169. (In Russian)
38. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 244. (In Russian)
39. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 250. (In Russian)
40. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 262. (In Russian)
41. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 623. (In Russian)
42. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 628. (In Russian)
43. GIA AR. F. 61. Inv. 3. D. 746. (In Russian)
44. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 138. (In Russian)
45. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 140. (In Russian)
46. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 169. (In Russian)
47. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 244. (In Russian)
48. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 250. (In Russian)
49. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 262. (In Russian)
50. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 314. (In Russian)
51. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 623. (In Russian)
52. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 628. (In Russian)
53. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 746. (In Russian)
54. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 962. (In Russian)
55. GIA AR. F. 389. Inv. 3. D. 2914. (In Russian)
56. GIA AR. F. 421. Inv. 1. D. 1. (In Russian)
57. Ezhegodnik goroda Baku na 1893 god *(Baku City Yearbook for 1893).* Baku: A. Mishon's publishing House, 1893. 226 p. (In Russian)
58. Ezhegodnik goroda Baku na 1894 god *(Baku City Yearbook for 1893)*. Baku: A.Mishon's publishing House, 1894. 261 p. (In Russian)
59. Kavkaz. 1848. 23 oktyabrya. (In Russian)
60. Kavkaz. 1858. 6 iyulya. (In Russian)
61. Kavkaz. 1858. 27 iyulya. (In Russian)
62. Kavkaz. 1897. 4 fevralya. (In Russian)
63. Kavkazskaya kopeyka. 1883. November 30. (In Russian)
64. Kavkazskaya kopeyka. 1910. June 17. (In Russian)
65. Kavkazskaya kopeyka. 1911. January 11. (In Russian)
66. Kavkazskaya kopeyka. 1911. February 24. (In Russian)
67. Kavkazskaya kopeyka. 1911. February 27. (In Russian)
68. Kavkazskaya kopeyka. 1911. March 2. (In Russian)
69. Kavkazskaya kopeyka. 1911. April 24. (In Russian)
70. Kavkazskaya kopeyka. 1911. May 21. (In Russian)
71. Kavkazskaya kopeyka. 1911. May 22. (In Russian)
72. Kavkazskaya kopeyka. 1911. May 24. (In Russian)
73. Kavkazskaya kopeyka. 1911. May 25. (In Russian)
74. Kavkazskaya kopeyka. 1911. June 11. (In Russian)
75. Kavkazskaya kopeyka. 1911. October 18. (In Russian)
76. Kavkazskaya kopeyka. 1911. October 27. (In Russian)
77. Kavkazskaya kopeyka. 1911. December 28. (In Russian)
78. Kavkazskaya kopeyka. 1913. May 16. (In Russian)
79. Kavkazskaya kopeyka. 1913. May 17. (In Russian)
80. Kaspiy. 1883. October 9. (In Russian)
81. Kaspiy. 1883. November 4. (In Russian)
82. Kaspiy. 1883. November 13. (In Russian)
83. Kaspiy. 1883. November 25. (In Russian)
84. Kaspiy. 188. November 27. (In Russian)
85. Kaspiy. 1889. June 3. (In Russian)
86. Kaspiy. 1889. May 5. (In Russian)
87. Kaspiy. 1889. October 4. (In Russian)
88. Kaspiy. 1890. August 12. (In Russian)
89. Kaspiy. 1897. May 9. (In Russian)
90. Kaspiy. 1897. July 10. (In Russian)
91. Kaspiy. 1898. March 3. (In Russian)
92. Kaspiy. 1898. April 10. (In Russian)
93. Kaspiy. 1899. May 5. (In Russian)
94. Kaspiy. 1899. June 3. (In Russian)
95. Kaspiy. 1903. September 3. (In Russian)
96. Kaspiy. 1909 August 3. (In Russian)
97. Kaspiy. 1910. June 6. (In Russian)
98. Kaspiy. 1910. June 17. (In Russian)

99. Kerimov I. S. Stanovlenie i razvitie azerbaydzhanskogo teatra (konets 19 – nachalo 20 vv.) *(Formation and development of the Azerbaijani theater (late 19th – early 20th centuries)*. Baku: Elm publ., 1991. 292 p. (In Russian)

100. Kratkiy obzor deyatel'nosti s»ezda bakinskikh nefteromyshlennikov po narodnomu obrazovaniyu za vremya s 1897 po 1912 gg. *(A brief overview of the activities of the Baku-based oil industry on public education from 1897 till 1912).* Baku: A. A. Kuindzhi;'s printing house, 1913. 213 p. (In Russian)

101. Kuznetsov E. M. Arena i lyudi sovetskogo tsirka *(Arena and people of the Soviet circus).* Leningrad-Moscov: Iskusstvo publ.,1947. 228 p. (In Russian)

102. Kul'turnaya politika v Azerbaydzhane *(Cultural policy in Azerbaijan).* Baku: Nagyl evi publ., 2004. 254 p. (In Russian).

103. Novoe vremya. 1906. June 4. (In Russian)

104. Plan-putevoditel' po g. Baku na 1894 *(Plan-guide for the city of Baku for 1894).* Baku: Gyul'basarov's and Shakhbagov's printing house. 8 d., Kh+9 p. and 1 plan. (In Russian)

105. Progress. 1907. April 6. (In Russian)

106. Rampa i zhizn'. 1909. No. 4. (In Russian)

107. Sobolev R. Kak kino stalo iskusstvom *(How cinema has become art)*. Kiev: Mistetstvo publ., 1975. 126 p. (In Russian).

108. Suleymanov M. Dni minuvshie *(Days gone by).* Baku: Azerneshr, 1990. 340 p. (In Russian)

109. Fatullaev Sh. S. Gradostroitel'stvo i arkhitektura Azerbaydzhana XIX–XX vv. *(Urban planning and architecture of Azerbaijan of the 19th – 20th centuries).* Leningrad: Stroyizdat publ., 1986. 456 p. (In Russian)

110. Fatullaev Sh. S. Arkhitektura Azerbaydzhana (XIX – nachalo XX vv.) *(Architecture of Azerbaijan (XIX – beginning of XX century):* thesis. Baku,1979. 446 p. (In Russian)

111. Tsirk. Malen'kaya entsiklopediya *(Circus. Little Encyclopedia).* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya publ., 1979. 448 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Вагабова Эсмира Рагим гызы – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела история культуры Азербайджана Института истории им. А. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку, Азербайджан) / esmira.vahabova@mail.ru

Information about the author

Vagabova Esmira – Doctor in Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department «History of the culture of Azerbaijan» of the Institute of History named after A. A. Bakikhanov of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan) / esmira.vahabova@mail.ru

УДК 94(47).084

Л. Н. Величко, К. Р. Амбарцумян

АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ (1918 г.)

В статье приводится анализ напряжённой и нестабильной политической ситуации в Закавказье в период 1918 г., когда Грузия, Армения и Азербайджан заявили о своей независимости и приступили к территориальному оформлению своих границ, окончательно похоронив идею Закавказской Конфедерации. Автор сосредотачивается на характеристике общественно-политических позиций в определении границ Армении и Грузии, сложившихся в условиях продолжающейся Первой мировой войны. В статье исследуются не только убеждения правящих кругов, но также отражено видение ситуации публицистами, стремящимися оказать влияние на широкие массы населения.

Источниковую базу исследования составили дипломатические документы, воспоминания политических деятелей, материалы периодической печати. Их анализ позволил определить позиции сторон в обозначении концептуальных позиций формирования границ независимых государств, показать причины территориальных претензий Армении и Грузии, роль государств Антанты и причины их неудач в разрешении этно-территориальных противоречий, надолго определивших отношение к региону со стороны других государств.

Давая оценку приводимым фактам, авторы приходит к выводу, что, отдав абсолютный приоритет вопросам территориального размежевания при формировании собственной государственности, армянская и грузинская сторона в большей степени полагалась на арбитраж стран Антанты, не стремясь к самостоятельному решению вопроса. Идея создания Закавказской конфедерации, могущей оказаться наиболее жизнеспособным политическим формированием в условиях сложившейся геополитической ситуации, уступила место амбициям национальных политических элит, не справившихся с желанием во что бы то ни стало увеличить свои масштабы за счёт территорий соседей и определило за ними репутацию «недоговороспособных», что стало одной из причин потери так и не оформившейся государственности.

Ключевые слова: Закавказская конфедерация, Антанта, армяно-грузинская война 1918 г., газета «Грузия», Н. Жордания, З. Авалов.

L. Velichko, K. Ambartsumyan

THE ARMENIAN-GEORGIAN TERRITORIAL ISSUE AND THE PECULIARITIES OF NATION-STATE BUILDING IN THE TRANSCAUCASUS (1918)

The article provides the analysis of the tense and unstable political situation in Transcaucasia during the period of 1918, when Georgia, Armenia and Azerbaijan declared their independence and began to territorialize their borders, finally burying the idea of the Transcaucasian Confederation. The author focuses on the characterization of socio-political positions in defining the borders of Armenia and Georgia that have developed in the context of the ongoing World War I. The article explores not only the beliefs of the ruling circles, but also reflects the vision of the situation by publicists who seek to influence the broad masses of the population.

The source for study are different historical documents: diplomatic documents, memoirs of politicians, and periodical materials. Their analysis made it possible to determine the positions of the parties in designating the conceptual positions of the formation of the borders of independent states, to show the reasons for the territorial claims of Armenia and Georgia, the role of the Entente states and the reasons for their failures in resolving ethno-territorial contradictions, which for a long time determined the attitude of other states to the region.

Assessing the facts cited, the authors conclude that, having given absolute priority to the issues of territorial delimitation in the formation of their own statehood, the Armenian and Georgian sides relied more on the arbitration of the Entente countries, not trying to independently resolve the issue. The idea of creating a Transcaucasian Confederation, which could turn out to be the most viable political formation in the current geopolitical situation, gave way to the ambitions of national political elites, who could not cope with the desire to increase their scale at any cost at the expense of the territories of their neighbors and determined their reputation as “unsupportable”, which was one of the reasons for the loss of statehood that did not take shape.

Key words: Transcaucasian Confederation, Entente, Armenian-Georgian War of 1918, the newspaper Georgia, N. Zhordania, Z. Avalov.

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

Вопрос о государственной самостоятельности регионов Закавказья не ставился в качестве политического требования национальными партиями вплоть до 1917 г. В частности, в Грузии, ни социал-демократы, ни примкнувшие к ним социал-федералисты не видели её политической независимости в ближайшей перспективе, выступая лишь за широкую автономию в составе Российского государства. Полную независимость для Грузии отстаивала группа последователей Ильи Чавчавадзе и традиций движения «Тергдалеулни». В июле 1917 г. они основали национал-демократическую партию, выдвинувшую лозунг политической самостоятельности Грузии. Но даже тогда призывы партии начать процесс отделения от России не имел широкой поддержки. Политические элиты Закавказья были настроены участвовать в выборах в Учредительное собрание и активно обсуждали кандидатуры делегатов [14, с. 158–160]. Октябрьские события 1917 г. и разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. толкнули политические силы национальных окраин на организацию собственных органов управления. К тому же, принятая большевиками 1 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России», в которой провозглашалось право народа на самоопределение, вплоть до отделения, актуализировала процесс создания собственной государственности, в том числе и для закавказских народов.

Уже ноябре 1917 г. состоялся созыв Первого Национального всегрузинского съезда, инициаторами создания которого выступили Грузинское дворянское собрание и всепартийный Совет. Съезд учредил 22 ноября Национальный Совет, в состав которого вошли социал-демократы, национал-демократы, социал-федералисты. Именно Национальный совет взял на себя полномочия институционального оформления грузинского государственного и территориального управления. Фактически этот процесс шёл параллельно с намерением создать Закавказскую Федерацию на основе объединения Армении, Грузии и Азербайджана. Но эта попытка объединиться показала свою несостоятельность уже в марте 1918 г., когда после подписания большевиками Брестского мира, по которому к Турции переходили Карс, Ардаган и Батуми, по всему Закавказью прокатилась волна антибольшевистских и одновременно национально-патриотических настроений. Основным требованием недовольных стало провозглашение независимости от Советской России Закавказья [15, с.128–129]. А. И. Хатисов, отмечал, что объявление независимости было вынужденным шагом, поскольку только так можно было начать переговорный процесс с наступающими турками и предотвратить захват ими Закавказья. Но и в этих условиях и армянские представители Сейма и грузинское меньшевистское руководство во главе с Н. Жордания были против провозглашения независимости Закавказья, полагая, что именно в этом случае оно станет лёгкой добычей для турок [4, с. 83–85].

Военные успехи Порты на Кавказе и их поддержка со стороны мусавитистов Азербайджана привели к тому, что 26 мая была провозглашена независимость Грузии, 28 мая независимыми стали Армения и Азербайджан, а 4 июня 1918 г. был подписан Батумский мирный договор между Османской империей и тремя самопровозглашёнными государствами. По этому договору, Грузия и Армения фактически были разделены территориями оккупированными войсками Османской империи: Армения состояла из Эриванского (Ереванского), Эчмиадзинского и Ново-Баязетского уездов, за Грузией, заключившей сепаратное соглашение с Германией, сохранялась Кутаисская и часть Тифлисской губернии (без аннексированных Портой Ахалцыхского и Ахалкалакского уездов, а Александропольский уезд, оказался аннексирован и частично оккупирован Турцией. Кроме того, стратегические задачи Турции, оказывающей помощь независимому Азербайджану в борьбе с большевиками, требовали контроля над частью Лорийского участка Борчалинского уезда Тифлисской губернии, примыкающего к шоссейной дороге, по которой перемещались турецкие войска. Грузия, объявившая о своём нейтралитете, сблизилась с Германией, которая стала гарантом того, что турецкие войска не вторгнутся в Грузию, разместила в Тифлисе свой гарнизон с согласия главы государства Н. Жордании, видевшего в немецком присутствии защиту грузинского суверенитета.

Изменившееся к октябрю 1918 г. положение на фронтах, вело к тому, что уже в начале месяца турецкое командование фактически начало эвакуацию войск из аннексированных на Кавказе территорий и создавало ситуацию «неразберихи» в их передаче под контроль Армении или Грузии, что неизбежно порождало конфликты между последними. Эти события стали основой для очередного витка проблем, связанных теперь с определением государственных границ новых национальных образований.

«Турецкий фактор» в провоцировании конфликта между Грузией и Арменией отмечен фактом того, что 25 октября 1918 г. поверенный в делах Армении А. Джамалян, обращаясь к министру внутренних дел Грузии Н. Рамишвили, писал, что Г. Гварджаладзе заместитель министра иностранных дел республики, заявил о том, что представитель Турции в Грузии Керим-паша предложил грузинам занять Лорийский район, из которого уходят турки, аналогичное же предложение было сделано армянской стороне от имени Мамед Али паши. Из этого следует, что решение вопроса о спорной территории должны решить сами армяне и грузины «по обоюдному согласию» – отмечал автор статьи в газете «Грузия» [8].

По согласованию с турецким командованием вооружённые силы Армении взяли под контроль территории Эриванской губернии и вошли в Борчалинский уезд Тифлисской губернии к югу от Каменки, заняли железнодорожный разъезд Кобери, находившийся на грузинской стороне. Позиции сторон заключались в следующем: Армения заявляла о своих претензиях на Ахалкалакский и более половины Борчалинского уезда, грузинская

сторона настаивала на том, что юго-восточная граница Тифлисской губернии не подлежит ревизии, при этом грузинские власти рассматривали возможность включения в состав Грузии частей Казахского уезда Елисаветпольской губернии и Александропольского уезда Эриванской губернии. Эти обстоятельства перевели решение о государственной границе между Грузией и Арменией в военно-политическую плоскость [3].

Параллельно с этим, вопрос о том, на каких основаниях и принципах должно проходить территориальное оформление Армении, Грузии и Азербайджана стал широко обсуждаться общественностью на страницах периодической печати. Одним из таких органов, претендующих на освещение «национального» взгляда относительно государственно-территориальных границ Грузии стала ежедневная политическая и литературная газета «Грузия», которую большинство исследователей идентифицируют как печатный орган национал-демократической партии Грузии. Издаваться «Грузия» начала ещё в 1915 г., но «территориальный вопрос» стал постоянной тематикой газеты с 1918 г. Примечательно, что издание выходило и на русском языке, охватывая практически полностью весь национальный состав читающего населения. Особенно интересными являются «политические заметки» публициста, печатающегося под именем К. П. Туманов, раскрывающего концептуальные позиции оформления территориальных границ кавказских государств, разделяемые националистически настроенными кругами общественности Грузии.

Во-первых, резкой критике подвергался «принцип реального расселения», который во главу угла территориального размежевания ставила армянская сторона. Его суть сводилась к тому, что границы следует проводить, опираясь на национальный состав населения. В напечатанной в «Грузии» выдержки из ежедневной газеты «Ашхатавор», издававшейся в Тифлисе с 1917 г. и являющейся печатным органом армянской партии Дашнакцутюн, читателям предлагалось рассмотреть позицию противоположной стороны: «Мы полагаем, что патриотическая радость грузинских социал-демократов по поводу воссоединения Грузии должна быть отнесена только к занятию Ахалцихского уезда. Что касается Ахалкалакского уезда, то вопрос надо считать в лучшем случае пока открытым для грузинских меньшевиков… так как Армения имеет более основательные и неоспоримые претензии к Ахалкалакскому уезду». Вопрос о территориальной принадлежности этого уезда, а также вопрос о Лори, части Борчолинского уезда, которые Армения считает своими, следует решать путём демократического референдума населения, проживающего на этих землях [10].

К. П. Туманов пишет: «Нам приходилось указывать, что в продолжении веков территория расселения армянского народа имеет тенденцию поэтапно продвигаться к северу, при чем на юге армяне постепенно теряют свою территорию, завоёвывая мирным, но не всегда естественным путём, новые территории на севере. В результате происходит ослабление армянского элемента в тех областях Турции, которые называют Арменией и увеличение армянского населения в пределах Кавказа. Каждая война с Турцией дарила Кавказу сотни тысяч армянских беженцев, которые оставались жить у нас, причем, по статистическим подсчётам, около миллиона нынешних армян Закавказья это беженцы и их потомки, т.е. не уроженцы Кавказа. В результате армянам пришлось в своих требованиях восстановления турецкой Армении оковывать эти требования не на этнографическом принципе, который – за выселением армянского населения с родины – для них уже не благоприятен, а на принципе историческом и одновременно основывать свои требования в пределах Кавказа на принципе этнографическом, на принципе реального расселения, совершенно отрицая какие бы то ни было исторические права за соседними народами. Этот принцип реального расселения будут выдвигать армяне, очевидно, и на предстоящей конференции, причём, если судить по статьям газеты «Азербайджан», на этом же принципе будут настаивать представители мусульманского населения Восточного Закавказья [9].

На страницах «Грузии» за период с июля по ноябрь 1918 г. активно публиковались статьи, в которых обсуждалась проблема расселения армянского населения на территориях, оспариваемых Грузией и Арменией друг у друга. Всё тот же К. П. Туманов значительное внимание уделял анализу переселенческой политики российского правительства до 1917 г., указывая, что немалую роль в компактном проживании армянского населения на грузинских землях сыграла Россия, которая после 1828 г. способствовала оттоку из этих мест грузин-мусульман, переезжавших на оттогнутых у Османской империи территории. Кроме того, по его словам, не стоит доверять и переписи населения [1897 г.], в которой грузины-католики были причислены к армянам-католикам. «В результате подобной статистики получилось выгодное для армян процентное соотношение их к прочим народам на бумаге, а это, в свою очередь, привело к требованию включения Ахалцихского уезда в пределы Армении». Кроме того, отмечалась активная деятельность «армянского лобби» при русском императорском дворе, которое способствовало расселению армян на кавказских территориях, занятых грузинами и «татарами» Азербайджана [10].

Второй вопрос, поднятый в связи с обретением государственности – наличие национального центра. И здесь у редакции и авторов статей «Грузии» нет сомнений по поводу того, что армянский народ не имеет такого культурно-национального центра в пределах Кавказа. «Культурные силы армянского народа тяготели к Тифлису и к Баку, – в пределах армянской территории, могущей стать основой самостоятельного государства, они такой основы не находили и «г. Эривань, ставшей новой столицей армянского государства на Кавказе, также беден культурными силами и также лишён национально-культурных учреждений армянского

народа, как любой уездный город той или иной кавказской губернии» [10]. По мнению публицистов, при определении территориальных границ кавказских государств должно быть положено три принципа: экономический, этнографический и исторический. «Фактически достаточную для образования самостоятельного государства территорию имеют лишь грузины и азербайджанцы, которые живут сплошными массами в пределах своих государств. Форма расселения армянского народа у нас к сожалению, даёт основание для предъявления многочисленных споров, и армянская территория может быть создана лишь в том случай если все споры без исключения будут разрешены в пользу армян, при чем будет упущено из виду и начало экономическое и начало историческое, и, если не будет опрошено население соответствующих провинций. При этом во всех случаях будут нарушены интересы прочих национальностей, живущих в этих провинциях» [11].

Парламентом и правительством Грузии поддерживалась идея выработки «рабочего проекта» разграничения территорий, который должен был быть представлен на Всемирном конгрессе (Парижской мирной конференции), предварительно составленном на Кавказской конференции, открытие которой намечалось на 3 ноября 1918 г. Её созыв планировался при инициативе грузинской стороны, приглашавшей на конференцию как представителей Азербайджана, так представителей Армении и Союз горских народов Северного Кавказа. В телеграмме от 27 октября 1918 г. в адрес правительства республики Армения, подписанной министром иностранных дел республики Грузия Н. Рамишвили отмечалось, что одной из целей собрания, является «разрешение всех вопросов, не исключая и споры о границах по соглашению заинтересованных государств, а при отсутствии такого соглашения – при посредничестве арбитража» [1, л. 10]. Однако, открытие конференции не состоялось по причине отказа армянской делегации участвовать в ней. Армянская сторона требовала проявления необходимого в таких случаях дипломатического этикета в отношении суверенного государства и его руководства. В газете партии Дашнакцутюн «Занг», выходившей в Эривани, с возмущением отмечалось, что тон приглашения сравним с обращением к вассалам, а не предложение диалога «равному государству». Грузинское меньшевистское правительство «не приняло во внимание прав других народов и пренебрегло их самолюбием» [6, с. 52]. Это признавал и Зураб Авалов (Авалишвили), исполнявший обязанности советника по иностранным делам Грузинского правительства в Лондоне в 1918 г., отмечая, что тон «пригласительной ноты, несколько напоминало циркуляр по министерству внутренних дел» [2, с. 167].

Однако, не амбиции политических лидеров препятствовали встречи, а ряд объективных причин. Во- первых, армянскую сторону смущало широкое представительство, включавшее делегатов из Азербайджана, а также Союз горцев. По словам А. И. Хатисова, министра иностранных дел Республики Армения, вызывало опасение влияния Баку на Тбилиси и «желание непосредственно с грузинами покончить спорный вопрос» [1, л. 17]. В случае обсуждения территориальных претензий в отношении Грузии или Азербайджана со стороны Армении, при возможном голосовании они могли бы объединиться против неё, к тому же, учитывая их влияние на Союз горцев, армянская делегация оказалась бы в абсолютном меньшинстве. Армянская сторона решение по созыву Закавказской Конференции и решение спорных территориальных вопросов на двустороннем уровне «не спешила разрешать, а выжидала начала Парижской конференции» [1, л. 17].

В газете «Ашхатавор», отмечалось, что представители армянского парламента отвергли приглашение, не видя цели конференции, полагая, что спорные территориальные вопросы между Грузией и Арменией должны были решаться усилиями представителей только этих государств, кроме того, в созыве конференции по инициативе грузинского правительства, армянская сторона видела проявление «националистической гегемонии» Грузии [12].

О том, что Армения затягивала возможность созыва конференции, свидетельствуют многочисленные ноты и телеграммы, которыми обменивались стороны в период с 3 ноября по 30 ноября 1918 г. При этом в ответах на предложения грузинской стороны, представители Армении настаивали на том, что решение территориального вопроса требует двустороннего принятия ещё до открытия конференции. 14 ноября 1918 г. министр иностранных дел Грузии Е. П. Гегичкори, обращаясь к дипломатическому представителю Грузии в Эрвани Мдивани писал: «Считая крайне необходимым участие на ней [Конференции] представителей Армении, мы решили сделать последнюю попытку для привлечения её представителей на Конференцию, которая не может быть отсрочена далее 20 ноября восьми часов вечера. Прошу передать армянскому правительству, что грузинское правительство идёт на встречу и просит армянское правительство прислать для этих целей своих представителей в кратчайшее время…в случае отсутствия их представителей, нам придётся открыть конференцию без их участия» [1, л. 14]. Причину промедления следует видеть ещё и в том, что ноябрьские события 1918 г. в Германии лишали Грузию союзника и делали реальным вмешательство в её внутренние дела англичан, которых Армения видела своими патронами, рассчитывая на их дипломатическую и военную поддержку.

Затягивание участие в конференции армянской стороны можно объяснить ещё двумя фактами. Во-первых, представители армянского правительства возлагали большие надежды на помощь государств-победительниц в решении вопроса о границах и суверенитете Армении. На это у них были веские основания. Ряд западных лидеров, таких как премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, Президент США Вудро Вильсон и премьер-министр Франции Жорж Клемансо

пообещали армянам, что они будут освобождены от османского владычества в конце войны Ллойд Джордж изложил свои цели военного времени на профсоюзной конференции 5 января 1918 года, заявив: «Хотя мы не ставим под сомнение сохранение Турецкой империи на родине турецкого народа со столицей в Константинополе-проход между Средиземным и Черным морями интернационализируется и нейтрализуется-Аравия, Армения, Месопотамия, Сирия и Палестина, по нашему мнению, имеют право на признание их отдельных национальных условий».

Пункты 12 и 14 в «Четырнадцати пунктах» президента Вильсона, представленных Конгрессу в апреле 1918 г. и позиции Франции, выраженные в письме 14 июля 1918 года Жорж Клемансо в письме Богосу Нубар-Паше, сыну бывшего премьера Египта, армянского происхождения, которого ещё в 1912 г. католикос всех армян Геворг V Суренянц наделил полномочиями представлять интересы родного народа на конференциях по армянскому вопросу, говорил о готовности Франции решить армянский вопрос. Он заявил: «Я рад подтвердить Вам, что правительство республики, как и правительство Великобритании, не перестает относить армянский народ к тем народам, судьбу которых союзники намерены решить в соответствии с высшими законами гуманности и справедливости» [17].

Во-вторых, подписанное Османской империей 30 октября 1918 г. Мудросское перемирие с государствами Антанты, касалось и «армянского вопроса», в частности статьи 4, 5, 7, 11, 15. Особенно следует отметить, что напрямую интересы Армении затрагивала статья 16, в которой указывалось пользование железными дорогами, ранее подконтрольными Порте с «учетом потребностей населения», а также оккупацию Батума союзными войсками и отмечалось, что оттоманская сторона не будет возражать против оккупации Баку союзниками. Это давало Армении возможность не быть оторванной от морских каналов связи, пусть и через посредничество союзников. В статье 24 констатировалось, что в случае беспорядков в шести армянских вилайетах союзники оставляют за собой право занять любую их часть [16]. Статьи виделись армянскому правительству фактом «особенного к Армении отношения» со стороны союзников [7, с. 68–69].

Как отмечал Зураб Авалов, «армянам показалось, хоть с самого начала это было неправильно и неосновательно, что Европа и Америка, «конференция» и вообще все решатели судеб отнесутся к ним совершенно по-особенному, и, что их вопрос не может быть смешиваемым, например, с грузинским» [2, с. 70].

В этой напряжённой ситуации взаимного недоверия, при удачно складывающейся для Армении внешнеполитической обстановке, в декабре 1918 г. начались грузино-армянские столкновения, вылившиеся в открытые военные действия. В этом конфликте Армения видела единственную возможность определить свою государственную границу с Грузией, а последняя видела в этом открытый акт агрессии и посягательства на её суверенные границы. В этих условиях «третьей» силой в конфликте оказались государства Антанты. Для Англии и Франции в 1918 г. Кавказ представлял собой южную территорию России, любой локальный конфликт на которой, мог повлечь за собой перестановку политических сил и появление ещё одного «уровня конфликтности» в разрываемой гражданской войной стране. Проводя в Закавказье «политику двойных стандартов», английское и французское правительства стремились лавировать между поддержкой Добровольческой армии Деникина и вновь образованными правительствами национальных государств, с целью не допустить распространение здесь большевизма и национальных конфликтов [3]. По словам З. Авалова в 1918–1919 гг. «англичан больше занимал вопрос о восстановлении порядка и единства России, чем поддержка независимости Грузии или Армении» [2, с. 162]. По этой причине точку в начавшейся войне поставил английский отряд во главе с капитаном Дугласом, а «примирение» сторон прошло при посредничестве английского генерала Райкрофта и начальника французской миссии на Кавказе полковника Шардиньи. 25 декабря Союзная комиссия в ультимативной форме потребовала от воюющих прекратить столкновения, развести войска, установив довоенный status quo и заверила, что «представители государств Грузии и Армении, будут в скором времени отправлены в Европу, где весь вопрос относительно границ будет решен Великими Державами», дав понять, что этот вопрос вышел на международный уровень.

Таким образом, вопрос о национальном строительстве в Закавказье не имевший до 1918 г., «краеугольного значения», актуализировался в связи с подписанием большевистским правительством Брест-Литовского договора, по существу приведшего к распаду Закавказской конфедерации и возникновению территориальных конфликтов. Начавшийся процесс суверенизации, сопровождался острыми дискуссиями относительно территориального устройства новых государств и привёл к росту националистических настроений в обществе. По существу, проблема территориального определения затмила внутриполитические проблемы и сложную внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся у границ Закавказья. Сконцентрировавшись на отстаивании своих позиций любой ценой, Армения и Грузия стремились вовлечь в спор «третью» сторону, рассчитывая то на поддержку Добровольческой армии Деникина (Армения), то на Германию (Грузия), то на страны Антанты. Трудно не согласиться с мнением З. Авалова, полагавшего, что «великим державам до Борчалинского или Алхалакского уезда не было никакого дела в 1919 г.» На его взгляд, и территориальные проблемы, и вопрос суверенизации закавказские государства имели шанс решить на несостоявшейся в ноябре 1918 г. конференции. Он сожалел о том, что не удалось сохранить «Закавказский союз» [Закавказскую федерацию], который, державы Антанты не могли

игнорировать так же, как «строившиеся государства», поскольку он представлял для них гораздо больший геополитический интерес, чем отдельно взятая Грузия или Армения. Закавказское государственное объединение могло стать транспортным коридором между Европой и Азией, а также естественным буфером между Россией и владениями Англии на Востоке. В конечном итоге, его существование делало территориальные проблемы не столь болезненными. Эти факторы были весомыми аргументами в том, чтобы поднимать на конференции вопрос о суверенитете Закавказской федерации, но никак не проблемы «локального уровня» [2, с. 168–172]. Вопрос о признании трёх независимых государств как суверенных, так и не был решён на Парижской конференции. Англия, Франция и США делали расчёт на поддержку армии генерала Деникина и сохранение территориальной целостности России убеждая, в частности, грузинское руководство, присоединиться к нему, а после разгрома большевиков рассчитывать на автономию в составе восстановленного Российского государства [4, с. 94].

Декабрьская война 1918 г. не привела к разрешению территориальных споров, а «открыла» череду конфликтов 1919–1920 гг. между Арменией и Грузией, в которой активное участие принимали англичане, скорее дестабилизируя ситуацию, чем способствуя её разрешению. Возникшие на конференции в Сан-Ремо в октябре 1920 г. «непреодолимые» разногласия по поводу принадлежности «Чороxско-Имерхевского коридора» и проекта железной дороги через Батумскую область, продемонстрировали неспособность армянской и грузинской сторон прийти к соглашению, что привело к отказу стран Антанты в дипломатической поддержке делегаций ввиду отсутствия у сторон «желания договариваться», а также бесперспективности содействию их обороноспособности и дипломатической поддержке в противостоянии с Советской Россией. Фактическое признание независимости этих Закавказских государств, стало ещё одной попыткой Англии и Франции остановить советизацию этого региона. Независимость Армении была признана в январе 1920 года, а уже в декабре она была взята Советами. Признание де-юре независимости Грузии состоялось менее чем за месяц до того, как в ее столицу 25 февраля 1921 г. вошли части Красной армии.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 524.

2. Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. 1918–1921. Воспоминания. Очерки. Париж, 1924. 342 с.

3. Андерсен А. и Парцхаладзе Г. Армяно-Грузинская война 1918 г. и Армяно-Грузинский территориальный вопрос в XX в. URL.: https://www.academia.edu/10382254 (Дата обращения: 5.10.2019).

4. Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд: Гуверовский институт войны, революции и мира, 1968. 130 с.

5. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис: Типография Правительства Грузинской республики, 1919. 512 с.

6. Из истории армяно-грузинских отношений: 1918 г. (пограничные конфликты; переговоры; война; соглашения). Тифлис: Государственная типография, 1919. 142 с.

7. Из книги армянского писателя Мнацаканяна Г. Д. «Разрешение армянского вопроса», опубликованной в 1914 г. // Перинчек М. Армянский вопрос в 120 документах из российских государственных архивов. М: Лаборатория книги, 2011. С. 68–69.

8. Грузия. 1918. 30 октября. №47.

9. Грузия. 1918. 9 ноября. №56.

10. Грузия. 1918. 11 ноября. №82.

11. Грузия. 1918. 12 ноября. №58.

12. Грузия. 1918. 21 ноября. №66.

13. Лагвилава Т. И. Политическое и государственное устройство Грузии в 1917–1918 гг. // Восточный архив. 2008. №18. С. 44–49.

14. Мацаберидзе М. Разработка конституции Закавказского Сейма в Национальном Совете Грузии // Кавказ и глобализация. 2008. №2. С. 151–160.

15. Михайлов В. В. К вопросу о политической ситуации в Закавказье на заключительном этапе Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2006. №4. С. 125–138.

16. Mudros Agreement: Armistice with Turkey (October 30, 1918) // Weimar Germany, 1918/19–1933 URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/armistice_turk_eng.pdf. (Accessed: 21.11.2019).

17. Stavridis T. The Armenian Question 1918–20: empty promises, survival and Soviet absorption URL: https://www.researchgate.net/publication/279556219_The_Armenian_Question_1918-20 (Accessed: 21.11.2019).

References

1. State archive of Russian Federation. F. 5881. Inv. 1. D. 524 (In Russian)

2. Avalov Z. Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoj politike. 1918–1921. Vospominanija. Ocherki *(Georgia's independence in international politicy. 1918–1921. Memories. Essays)*. Paris, 1924. 342 p. (In Russian)

3. Andersen A., Parchaladze G. Armjano-Gruzinskaja vojna 1918 g. i Armjano-Gruzinskij territorial'nyj vopros v XX v. *(The Armenian-Georgian War of 1918 and the Armenian-Georgian Territorial Question in the 20th Century)*. URL.: https://www.academia.edu/10382254 (Accessed: 5.10.2019). (In Russian)

4. Zhordanija N. Moja zhizn' *(My Life)*. Stjenford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace publ., 1968. 130 p (In Russian)

5. Dokumenty i materialy po vneshnej politike Zakavkaz'ja i Gruzii *(Documents and materials on the foreign policy of Transcaucasia and Georgia)*. Tiflis: Georgian Government Printing House, 1919. 512 p. (In Russian)

6. Iz istorii armjano-gruzinskih otnoshenij: 1918 g. (pogranichnye konflikty; peregovory; vojna; soglashenija) *(From the history of Armenian-Georgian relations: 1918 (border conflicts; negotiations; war; agreements).* Tiflis: State Printing House, 1919. 142 p. (In Russian)

7. Iz knigi armjanskogo pisatelja Mnacakanjana G. D. «Razreshenie armjanskogo voprosa», opublikovannoj v 1914 g. *(From the book of the Armenian writer Mnatsakanyan G. D. "Solution of the Armenian Question" published in 1914)* // Perinchek, M. Armjanskij vopros v 120 dokumentah iz rossijskih gosudarstvennyh arhivov. Moscow: Laboratorija knigi, 2011. 256 p. (In Russian)

8. Gruzija. October 30, 1918. No. 47 (In Russian)

9. Gruzija. November 9. 1918. No. 56 (In Russian)

10. Gruzja. November 11. 1918. No. 82 (In Russian)

11. Gruzija. November 12. 1918. No. 58 (In Russian)

12. Gruzija. November 21.1918. No. 66 (In Russian)

13. Lagvilava T. I. Politicheskoe i gosudarstvennoe ustrojstvo Gruzii v 1917–1918 gg. *(Political and state structure of Georgia in 1917–1918)* // Vostochnyj arhiv.2008. No.18. P. 44–49. (In Russian)

14. Macaberidze M. Razrabotka konstitucii Zakavkazskogo Sejma v Nacional'nom Sovete Gruzii *(Development of the constitution of the Transcaucasian Sejm in the National Council of Georgia)* // Kavkaz i globalizacija. 2008. No. 2. P. 151–160. (In Russian)

15. Mihajlov V. V. K voprosu o politicheskoj situacii v Zakavkaz'e na zakljuchitel'nom jetape Pervoj mirovoj vojny *(On political situation in Transcaucasia at the final stage of World War I)* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2. 2006. No. 4. P. 125–138. (In Russian)

16. Mudros Agreement: Armistice with Turkey (October 30, 1918) // Weimar Germany, 1918/19–1933 URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/armistice_turk_eng.pdf. (Accessed: 21.11.2019).

17. Stavridis T. The Armenian Question 1918–20: empty promises, survival and Soviet absorption URL: https://www.researchgate.net/publication/279556219_The_Armenian_Question_1918-20 (Accessed: 21.11.2019).

Сведения об авторах

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the authors

Velichko Ludmila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@yandex.ru

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

УДК 629.135.2.19

В. В. Гагин

ВКЛАД ВЫДАЮЩЕГОСЯ АВИАКОНСТРУКТОРА А. С. МОСКАЛЕВА В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО САМОЛЕТОСТРОЕНИЯ

В представленной статье рассматриваются основные направления деятельности выдающегося советского авиаконструктора – А. С. Москалева, который стал достойным преемником и продолжателем эстафеты отечественной школы авиастроения, перешедшей к нему от И. И. Сикорского через Н. Н. Поликарпова. Автором детально представлены достижения А. С. Москалева, который стал автором более 40 новаторских конструкций летательных аппаратов, среди которых ряд самолетов под названием «САМ» – самолет Александра Москалева. А. С. Москалев был родоначальником дельтавидного крыла малого удлинения, позволившего мировой авиации совершить резкий качественный скачок в развитии сверхзвуковой и гиперзвуковой авиации. В статье подчеркивается, что любая его работа, будь то спортивный самолет, десантный планер или истребитель, отличалась изобретательностью инженерной мысли, была отмечена высоким профессионализмом и, как следствие, была одной из наиболее эффективных в своем классе в мире.

В статье удалось проследить, как идеи А. С. Москалева легли в основу разработки ряда самолетов, ставших одной из составляющих стратегического паритета Советского Союза, среди которых был суперсамолет М-50 конструктора В. Н. Мясищева, а также сверхзвуковые стратегические бомбардировщики ОКБ Туполева Ту-22, М-3 и Ту-160, до сих пор стоящие на вооружении Воздушно-космических сил России, и ряд других. А. С. Москалеву принадлежит и авторство идеи воздушно-космического орбитального самолета, что неоднократно подчеркивал главный конструктор советского воздушно-космического самолета «Буран» Г. Е. Лозино-Лозинский.

Новизной работы является компслексное изучение профессиональной биографии А. С. Москалева. Известный лишь узкому кругу специалистов, А. С. Москалев внес огромный вклад в развитие отрасли. Исследование существенно расширяет представления о советском самолетостроение и особенностях его развития. Благодаря широкому кругу источников, в том числе архивных, достижения советского авиаконструктора вписаны в контекст 1930-х гг., через перипетии его судьбы показан трагизм исторической эпохи.

Ключевые слова: А. С. Москалев, Н. Н. Поликарпов, И. И. Сикорский, самолеты «САМ», советская авиация, советское самолетостроение.

V. Gagin

CONTRIBUTION OF THE OUTSTANDING AIRCONSTRUCTOR A. S. MOSKALEV IN THE DEVELOPMENT OF THE SOVIET AERONAUTICAL ENGINEERING

This article discusses the main activities of the outstanding Soviet aircraft designer – A. S. Moskalev, who became a worthy successor of the national school of aeronautical engineering, which passed to him from I. Sikorsky through N. N. Polikarpov. The author presents A. S. Moskalev's achievements in detail. He was the author of more than 40 innovative aircraft designs, among which a number of aircraft called "SAM" are Alexander Moskalev's aircraft. A. S. Moskalev was the founder of the deltoid wing of small elongation, which allowed world aviation to make a sharp qualitative leap in the development of supersonic and hypersonic aviation. The article emphasizes that any of his work, whether it be a sports aircraft, a landing glider or a fighter, was distinguished by the ingenuity of engineering, was noted for its high professionalism and, as a result, was one of the most effective in its class in the world.

The author traced how the ideas of A. S. Moskalev formed the basis for the development of a number of aircraft, which became one of the components of the strategic parity of the Soviet Union, among which was the super-plane M-50 designer V. N. Myasishchev, as well as the supersonic strategic bombers of the Tupolev Design Bureau Tu-22, M-3 and Tu-160, still in service with the Russian Aerospace Forces, and a number of others. A. S. Moskalev also belongs to the authorship of the idea of an aerospace orbital aircraft, which was repeatedly emphasized by the chief designer of the Soviet aerospace aircraft Buran G. E. Lozino-Lozinsky.

The novelty of the work is a comprehensive study of the professional biography of A. S. Moskalev. Known only to a narrow circle of specialists, A. S. Moskalev made a huge contribution to the development of the industry. The study significantly expands the understanding of Soviet aircraft construction and the features of its development. Thanks to a wide range of sources, including archival ones, the achievements of the Soviet aircraft designer are inscribed in the context of the 1930s, through the vicissitudes of his fate the tragedy of the historical era is shown.

Key words: A. S. Moskalev, N. N. Polikarpov, I. I. Sikorsky, SAM aircraft, Soviet aeronautical engineering, Soviet aviation.

В истории российской авиации хорошо известны имена выдающихся авиаконструкторов: Н. Н. Поликарпов, С. В. Ильюшин, П. О. Сухой, А. Н. Туполев, А. И. Микоян, М. Л. Миль, Н. И. Камов, А. С. Яковлев. Люди, интересующиеся авиацией, хорошо знают и помнят С. А. Лавочкина, О. К. Антонова, В. Ф. Болховитинова, В. М. Петлякова, В. М. Мясищева, М. И. Гуревича, А. А. Архангельского. Имена А. С. Москалева, К. А. Калинина, И. В. Четверикова, Г. М. Бериева, Р. Л. Бартини, В. Г. Ермолаева, Д. С. Маркова и некоторых других, к сожалению, не столь знакомы российской общественности [3].

Цель нашей статьи – рассказать об одном из таких малоизвестных авиаконструкторов, сыгравших большую роль в развитии отечественного авиастроения, а именно – о Москалеве Александре Сергеевиче.

Научная актуальность работы связана с изучением биографии и деятельности А. С. Москалева в рамках исторической биографики, позволяющей вписать отдельно взятую историческую фигуру в контекст эпохи и выявить вклад авиаконструктора в развитие отрасли. Изучение деятельности А. С. Москалева позволяет по достоинству оценить его разработки в области авиации, превосходство его изобретений по сравнению с подобными наработками признанных мэтров советского авиастроения в довоенный период, что только повышает актуальность представленной статьи.

Межвоенный период истории СССР вполне можно определить основным советским лозунгом первых пятилеток: «Догнать и перегнать!» Преодолевая огромные трудности на пути коммунистического созидания, народы России строили социализм. Одной из важнейших составляющих этого процесса было создание мощной и современной боевой авиации [22, с. 4–11].

Ее созданием занимались многие авиаконструкторы, но слава и признание пришли не к каждому из них. Например, советский сверхдальний самолет АНТ-37 «Родина» (для рекордного перелета женского экипажа Валентины Гризодубовой) сконструировал П. О. Сухой; главный конструктор скоростного бомбардировщика (СБ) – АНТ-40, ставшего символом и эмблемой советской авиации благодаря участию в крупнейших предвоенных локальных войнах и конфликтах – А. А. Архангельский, а тяжелый «бомбовоз» АНТ-42 (ТБ-7) спроектировал и внедрил в производство В.М. Петляков, при том, что аббревиатура «АНТ» расшифровывается, как «Андрей Николаевич Туполев». Волевые и организаторские качества Туполева делали его, скорее, преуспевающим «менеджером», нежели выдающимся авиаконструктором, поэтому многие талантливые инженеры-самолетостроители так и остались в его тени. История показывает, что сам Туполев, с его жестким, авторитарным стилем управления является, как теперь принято говорить, «брендом» советского самолетостроения. Лишь немногие, такие, как П. О. Сухой и В. М. Мясищев, сумели-таки вырваться из-под его «опеки» и возглавить в послевоенный период собственные ОКБ [28, с. 24–26]. Эгоцентричный А. Н. Туполев не мог им простить такую самостоятельность до конца своей жизни и делал все, чтобы помешать им в их работе. Более того, еще до Великой Отечественной войны А. Н. Туполев сделал все, чтобы убрать с дороги таких опасных для его КБ конкурентов, как В. Ф. Болховитинова, К. А. Калинина, Д. П. Григоровича, Н. Н. Поликарпова. Для К. А. Калинина эта травля закончилась смертью в воронежской тюрьме НКВД [27, л. 278–296].

В случае с КБ А. С. Яковлева мы имеем, как минимум, одного впоследствии знаменитого авиаконструктора – О. К. Антонова, который слишком долго оставался в тени своего начальника. В то же время, на вполне резонном основании, можем с глубоким сожалением констатировать его (Яковлева) более чем успешные интриги и демарши против своих коллег – руководителей самолетостроительных КБ Н. Н. Поликарпова, С. А. Лавочкина [10, с. 33–36], А. С. Москалева [20], которые объективно обернулись для советской авиации крупномасштабными проблемами и серьезно задержали прогресс в отечественном самолетостроении.

Николай Николаевич Поликарпов, истребители которого И-5, И-15, И-16 и И-153 были основными в ВВС РККА в 1930-е гг., испытал гонения и со стороны А. И. Микояна: для создания КБ Микояна и Гуревича распоряжениями Народного комиссариата авиационной промышленности (НКАП) у Поликарпова забрали практически всю материальную базу и лучших его специалистов – М. Гуревича, В. Ромодина, Н. И. Андрианова, а всего более 80 человек. Об этом писал сам Н. Н. Поликарпов в письме в наркомат [14, с. 216–219].

Несмотря на все препятствия, более чем плодотворная деятельность Николая Николаевича на ниве советского самолетостроения была, как минимум, постоянным стимулом недобросовестной конкуренции с использованием связей и служебного положения одновременно у Микояна, Туполева, Яковлева и, как показывают современные исследования, даже у Ильюшина. Поликарпов сумел осуществить сложнейшие в тех условиях мероприятия по доводке истребителя И-185 и его испытаниям в строевом полку на Калининском фронте. Многие специалисты считают эту машину лучшим истребителем Второй мировой войны по обе стороны фронта. В истребителе И-185 были заложены самые передовые, инновационные идеи, какие только существовали на тот момент в мировой авиационной мысли [23, с. 155].

Высочайший профессионализм и истинно гражданская позиция патриота Поликарпова, прожившего всего 52 года, вызывает искреннее восхищение. От напряжения всех сил и нервов, в невыносимых условиях колоссального морального давления Николай Николаевич не смог выжить просто физически – он умер от рака в 1944 г.

Непредвзятого исследователя неприятно удивляет и поражает тот факт, что большое количество высших советских ответственных должностных лиц Наркомата обороны, Наркомата

авиапромышленности не защитили Поликарпова, чей довоенный вклад в валютную «выручку» СССР от продажи его истребителей в зарубежные страны был огромен и не имел равных среди конструкторов как самолетов, так и любой другой боевой техники и вооружения, от недостойных конкурентов.

Так, на 1 января 1938 г. Советский Союз поставил республиканской Испании 550 боевых самолетов, из них 460 машин (истребители, разведчики и легкие бомбардировщики) конструкции Н. Н. Поликарпова [26]. Китаю, сражавшемуся с японскими оккупантами, СССР в качестве интернациональной помощи перегнал 985 машин, из которых около 650 – конструкции Н. Н. Поликарпова [27]. Таких примеров можно привести много. На его самолетах летали тогда даже в Афганистане.

Н. Н. Поликарпов, «интеллигент из бывших» и «поп», прекрасно знавший очень ограниченные возможности отечественной авиационной промышленности того времени, прекрасно проявил себя как патриот и гражданин. Он многократно проявлял активную и принципиальную позицию в вопросах экономии материалов и использования в технологии самых простых и недорогих методов для упрощения процессов конструирования и сборки своих самолетов. Поликарпов всегда помнил, за счет чего и за счет кого создавались новые авиазаводы и моторостроительные предприятия [32]. Именно этот авиаконструктор является определяющим этапом генезиса, вехой в становлении А. С. Москалева.

Для понимания истоков феномена А. С. Москалева необходимо сказать несколько слов и о И. И. Сикорском, который стоит особняком в истории отечественной авиации. Во времена СССР упоминали, что он – создатель знаменитого бомбардировщика «Илья Муромец», но только в годы перестройки российской авиационной общественности стали известны подробности биографии и творчества в эмиграции великого русского инженера, масштабы его огромного научно-технического наследия.

В то время, когда в остальном мире едва-едва осваивали первые аэропланы, И. И. Сикорский, будучи еще студентом, построил в Киеве работоспособный вертолет. Убедившись в том, что для вертолета пригодного по удельной мощности мотора тогда не было, Игорь Иванович стал проектировать и строить самолеты. Он добился на этом пути самых высоких мировых достижений, открыв эру массовых трансокеанских перелетов (его пассажирские и транспортные гидропланы не имели равных). В области вертолетостроения он стал на долгие десятилетия законодателем мировой «моды» в проектировании лучших в мире геликоптеров военного и гражданского назначения [16].

Вот такие прекрасные традиции продолжил и преумножил Александр Сергеевич Москалев, как преемник эстафеты русской школы самолетостроения, перешедшей к нему от И. И. Сикорского через Н. Н. Поликарпова, сохраняя присущую всем троим подлинную русскую интеллигентность. Слово «эстафета» здесь – не для красного словца, а полностью оправдано историческими обстоятельствами. Напомню, что Н. Н. Поликарпов работал начальником производства самолетов Сикорского, в том числе и знаменитых гигантов «Илья Муромец», на Русско-Балтийском вагоноремонтном заводе, а А. С. Москалев, будучи впоследствии инженером-расчетчиком и начальником КБ на заводе № 23 в Ленинграде, производившем поликарповскую «летающую парту» – самолет У-2, имел возможность очень внимательно и тщательно ознакомиться с работами Н. Н. Поликарпова, а также другого выдающегося отечественного авиационного конструктора – Д. П. Григоровича [11].

Уместно подчеркнуть, что Москалев имел прямое отношение к производству самолетов У-2, благодаря которым в Советском Союзе в 1930-е годы авиационный спорт, включая парашютизм, стали массовыми. Так, на 1 января 1935 г. авиация Осоавиахима имела 630 самолетов, их них 550 самолетов (87.3 %) были самолеты У-2 [7, л. 193]. Если в 1933 г. с самолетов прыгнуло 1.200 парашютистов, то в 1935 г. – 20.000, подавляющее большинство которых прыгнуло с самолета У-2 [9, л. 57]. На 1 января 1941 г. авиация Осоавиахима насчитывала 4.151 самолет, из них 3.768 (90.8 %) составляли самолеты У-2. На этой технике готовилось 9.100 бойцов-парашютистов, 45.000 пилотов первоначального обучения для школ ВВС, в программу подготовки которых входило не менее 2-х прыжков с парашютом, а также ряд других специалистов [8, л. 76, 71]. Эти факты убедительно говорят о том, что массовость авиаспорта и парашютизма, в том числе обеспечили, прежде всего, самолеты У-2.

Александр Москалев называл свои самолеты «САМ» – самолет Александра Москалева. Это было предопределено тем, что практически всю основную работу главного конструктора, главного инженера и директора завода, выпускавшего его самолеты, он всегда делал сам.

В условиях хронической нехватки авиационных двигателей рассчитывать на более мощный мотор было трудно [25]. Поэтому в качестве основного двигателя для своих «САМов» он выбрал 120-, а затем 140-сильный мотор М-11, которые выпускал Воронежский моторный завод №16. «Движок» был маломощный, зато надежный, дешевый и простой – «народный», как и самолеты А. С. Москалева [1].

Талант Москалева проявился и в том, что он был создателем прекрасных пассажирских самолетов, оснащенных воронежским маломощным мотором М-11. Для своих конструкций он использовал самые простые, недорогие материалы – фанеру и перкаль (пропитанную аэролаком ткань для обшивки).

Дерево и фанера – эти дешевые конструкционные материалы Москалев выбирал совершенно осмысленно. Как гражданин, он понимал, насколько дефицитен был алюминий в РСФСР в то время. В этом смысле он подобен велико-

му англичанину Джеффри де Хэвилленду с его знаменитым детищем – цельнодеревянным бомбардировщиком «Москито». Де Хевилленд был поставлен в условия применения фанеры по причине морской блокады Британии германскими подводными лодками. Тем не менее, он сумел создать настоящий деревянный шедевр мирового самолетостроения [36].

Как уже упоминалось выше, Александр Сергеевич свою карьеру авиатора начинал в северной столице. Несколько нереализованных проектов в Ленинграде обернулись после переезда А. С. Москалева в Воронеж постройкой легкого пассажирского и спортивно-туристического пятиместного самолета с великолепными характеристиками – САМ-5.

Его тут же запустили в серию, а молодой авиаконструктор, слегка модифицировав САМ-5, начал готовиться к установлению мирового рекорда. Это был настоящий вызов столице: воронежский экипаж на воронежском самолете с воронежским мотором установил мировой рекорд дальности полета – за 19 часов 50 минут пролетел более 4000 километров. Это был международный рекорд дальности по прямой, более чем на 500 км превысивший достижение американцев Бука и Билленграфа (3.318 км) [30, с. 397]. Мировой рекорд, установленный в 1937 г., продержался более 12 лет.

Специалистов особенно привлекали высокая весовая отдача и легкость управления – САМ-5 2бис был настолько хорош, что Франция, в которой было великолепно развито авиастроение, прислала заказ сразу на 250 машин Москалева [34, с. 554].

Строить их не стали – московские конкуренты «отписались» наверх, что, в Воронеже нет условий, производственных мощностей для выпуска такой крупной серии. Самого конструктора при этом никто ни о чем не спросил, а между тем А. С. Москалев наладил производство этих машин поагрегатно, т.е. примерно по тому же принципу, по которому французы сегодня в Тулузе собирают «Эйрбасы» из комплектующих, привезенных со всей Европы: на мебельной фабрике изготавливали силовой набор фюзеляжа и крыльев САМ-5, а в мастерских авиатехникума собирали готовые аэропланы – санитарный, пассажирский и даже «исполкомовский» (летающий лимузин для начальства) [31, с. 6–9].

Но серийного производства этого самолета не было, так как ленинградский завод №23 был базой другого авиаконструктора – Яковлева. Директор завода Балабанов, не желая портить отношения с замнаркома, отказался перестраивать производство. И это, подчеркнем, даже после того, как из Франции пришел валютный заказ на москалевские самолеты.

Мнение современных авиаконструкторов легкомоторной авиации едино: А. С. Москалев в своих конструкциях настолько тонко умел сочетать профиль и удлинение крыла при заданных параметрах фюзеляжа, что это давало его машинам уникальную управляемость и такие взлетно-посадочные характеристики, которые и сегодня могут служить эталоном [35].

Таким же примером удивительного, из ряда вон выходящего понимания сути авиационного проектирования и практического применения аэродинамики, может служить и «Летающая танкетка» конструкции Москалева САМ-23. Эта машина превосходит все мыслимые и дерзновенные ожидания. Весовая отдача – более 40 % – на грани фантастики! Только представьте себе: сверхмалый и сверхлегкий деревянный «штурмовичок» Москалева был построен все с тем же 100-сильным мотором М-11, но мог нести такую же бомбовую нагрузку, как и знаменитый «летающий танк» Ил-2 с двигателем в 10 раз мощнее. По сравнению с ильюшинским Ил-2 «бронированная блоха», как еще называли этот построенный в двух экземплярах штурмовик Москалева, обладала полнейшим превосходством в тактико-технических характеристиках: в шесть раз более тяжелый и дорогой Ил-2 имел точно такое же, как у САМ-23, стрелково-пушечное вооружение и бомбовую нагрузку. В серию самолеты не пошли только из-за негосударственного подхода к отечественному самолетостроению и обороне страны нескольких крупных московских деятелей Наркомата авиационной промышленности [24]. Только косность и недобросовестность авиационных отечественных чиновников не позволили развить до массового серийного производства этот проект, эффективность и оригинальность которого ставит Москалева вровень с признанными мировыми мэтрами, мастерами неординарных и нестандартных решений в области проектирования летательных аппаратов.

К сожалению, не обладал Александр Сергеевич, интеллигент из семьи дореволюционных врачей из воронежской «глубинки», необходимыми для выживания в условиях бюрократического административного засилья «большевистской хваткой» и «пробивными» способностями, а тогдашние чины от советской авиации, ставшие впоследствии генералами и Героями социалистического труда, государственного подхода не проявили и не дали выдающемуся конструкторскому уму «зеленую улицу» на пользу Отечеству.

Воронежцы могут гордиться тем, что наряду с известнейшими авиаконструкторами, обласканными советской властью и народной славой, в их городе жил и работал великий, но по ряду причин менее известный, авиаконструктор А. С. Москалев. Но и сегодня в Воронеже нет ни улицы имени А. С. Москалева, ни памятника выдающемуся земляку, ни его музея.

А в Заводоуковске, куда эвакуировали его ОКБ №31 в годы Великой Отечественной войны и где за три года Москалев построил авиазавод № 499 – градообразующее предприятие, его помнят по-настоящему: и памятник установили, и каждый год проводят замечательные краеведческие конференции, где обязательно присутствуют разнообразные и интересные доклады и материалы об А. С. Москалеве [18, с. 102–107].

В Сибире его авиазавод по заданию партии строил десантные планеры конструкции О. Антонова и десантные кабины для подвески под бомбардировщики ДБ-3 и Ил-4 для воздушно-десантных войск. После выпуска серии антоновских 7-местных планеров, Москалев написал Антонову письмо с приложением двух листков расчетов, предлагая строить на базе антоновского 14-местный планер в тех же габаритах. О. К. Антонов нашел расчеты настолько убедительными, что немедленно прислал Москалеву расписку с разрешением.

Обеспечив производство модернизированных планеров, Москалев спроектировал, построил и испытал большой планер САМ-23 (название перешло от «затертого наверху», по выражению самого Москалева, штурмовика – «летающей танкетки»). Планер не имел равных в СССР: перевозил 20 бойцов или легковой автомобиль. Он был построен по сложной для расчетов (Москалев умел их делать), но весьма перспективной схеме, по которой годы спустя будут построены тяжелый французский транспортный самолет «Норатлас» и многоцелевой самолет ОКБ Сухого С-80 [19, с. 181].

А. С. Москалев необычайно многогранен, как новатор. Мало кто знает, что в Заводоуковске на его заводе собирали планеры самого современного в то время, если не самого передового на тот момент, советского ракетного самолета БИ-1, и что Валерий Чкалов (еще до Великой отечественной войны) собирался облететь «вокруг шарика» именно на самолете Александра Москалева, с установкой дизеля на рекордный самолет АНТ-25 (РД) [21, с. 3].

Когда по произволу советских номенклатурных бюрократов самолетам Москалева, даже серийным, не хватило места на авиазаводе №18, они строились в мастерских авиатехникума и на мебельной фабрике. Даже здесь Александр Сергеевич воспитывал все новые и новые кадры, в том числе и для воронежского авиазавода.

Штатных пилотов для его рекордных машин также не нашлось – ими стали военные летчики 11-й тяжелой авиабригады и Воронежского аэроклуба Осоавиахима. Один из них – А. Н. Гусаров, стал шеф-пилотом москалевского ОКБ и верным другом авиаконструктора на всю жизнь [15, с. 106].

Несмотря на откровенное торможение его работы, в 1939–1941 гг. А. С. Москалев занимался созданием учебно-тренировочного и боевого (истребителя) самолетов. Носовая опора его истребителя (это был чуть ли не единственный тогда в СССР самолет с передней стойкой шасси) укладывалась под двигатель. Самолеты отличались предельной простотой линий, сочетающихся в правильные аэродинамические формы. И снова к самому передовому, на тот момент, проекту истребителя САМ-13 было проявлено «сдержанное» отношение. Но, невзирая на это, самолет был построен, прошел продувку в трубе Т-101 ЦАГИ и буквально накануне войны сдан на летные испытания. Даже с неубираемым шасси истребитель, пилотируемый Н. Д. Фиксоном, показал скорость 560 км/ч. Другие конструкторы добивались такого результата с убранным шасси и при мощности мотора свыше 1000 л.с. Например, опытный истребитель А. С. Яковлева И-26, будущий Як-1, не мог превысить рубеж 520 км/час без аварийного перегрева силовой установки. Фактически достигнутое значение скорости истребителя Москалева составило 607 км/ч. Как нужен был такой быстрый и недорогой истребитель в годы Великой Отечественной войны! [20, с. 99–105].

Как подлинный, а не номенклатурный, лидер и руководитель, А. С. Москалев не ждал «милостей от природы» – он сам ковал необходимые для проектирования и строительства самолетов кадры. Учебные заведения авиационного профиля в Воронеже обеспечивали весь спектр подготовки специалистов для развития науки и производства. И в этой работе чуть ли не главную роль играл сам А. С. Москалев [13].

Как начальник счетно-конструкторского отдела (СКО) авиазавода №18, Москалев, видя, что предприятию катастрофически не хватает грамотных специалистов, организует и возглавляет кафедру аэромеханики в Воронежском государственном университете и там преподает аэродинамику и аэромеханику. Как авиаконструктор-практик, находящийся на самом переднем крае самолетостроения, он испытывал огромные трудности с получением времени для экспериментов на московских и ЦАГовских (в Раменском) аэродинамических трубах, чему были как объективные, так и субъективные причины. Москалев собрал поистине уникальный коллектив единомышленников, рассчитал и построил в ВГУ свою, воронежскую аэродинамическую трубу, и стал фактически одним из ведущих в мире теоретиков и экспериментаторов в области аэродинамики. Его разработки в этой области, к сожалению, и сейчас не очень широко известны, а ведь именно Москалевым задолго до Великой Отечественной войны впервые в мире был создан экспериментальный самолет стреловидной формы с крылом малого удлинения, явившийся прообразом самых современных сверхзвуковых летательных аппаратов. Более того, сегодняшние обширные дебаты по определению облика российского перспективного авиационного комплекса Дальней авиации (ПАК ДА) показывают, насколько современны довоенные исследования А. С. Москалева [17].

Александр Сергеевич Москалев, умея по-настоящему мечтать и заглядывать на годы вперед, по инженерному расчетливо, «твердо стоял на ногах», умел трезво оценивать обстановку и использовать малейшие шансы в решении сложнейших (мирового уровня) задач, поставленных перед собой и коллективом.

В Центральной черноземной области и ее столице – г. Воронеже – в 1930–1941 гг. был сформирован крупнейший авиационный комплекс: аэродромная инфраструктура, самолетостроение, моторостроение; производство комплектующих – радиостанций, шин для колес шасси; подготовка

летно-технических кадров в авиационных войсковых частях и учебных заведениях, включая аэроклуб Осоавиахима. Этот комплекс сыграл большую роль в укреплении обороноспособности СССР. Такая огромная по масштабам и значимости работа была по достоинству оценена руководством страны: в 1935 г. Воронежская область была удостоена высшей награды – ордена Ленина [6, с. 26–29].

Даже на фоне такой, поистине титанической по размаху и скорости, стройки, деятельность Александра Сергеевича Москалева обретает особый смысл и масштаб. Именно А. С. Москалев и был тем самым «человеком эпохи Возрождения» отечественной авиации, который оставил свой значимый след в развитии авиационной науки и образования, конструировании самых перспективных образцов летательных аппаратов, совершенствовании отечественного самолето- и двигателестроения. Опередив мировую техническую мысль на несколько десятилетий, А. С. Москалев проложил своими исследованиями дорогу к сверхзвуковым и космическим полетам, тем самым закрепив за Воронежем славу одной из величайших авиационных столиц мира [4, с. 123–129].

Космические достижения нашей страны, если быть принципиальными и последовательными патриотами и исследователями в области орбитальных воздушно-космических самолетов, при всем уважении к научным достижениям К. Э. Циолковского, опираются на мощный не только теоретический, но и практический фундамент, заложенный А. С. Москалевым. Его идея строить самолеты – летающие крылья, в плане напоминающие артиллерийские снаряды (в 1930-е гг. еще не было сверхзвуковых аэродинамических труб и Александр Сергеевич более чем остроумно использовал для своих работ опубликованные в Германии экспериментальные данные об аэродинамике артиллерийских крупнокалиберных снарядов фирмы Круппа), им же – Москалевым – была доведена до реального воплощения [2, с. 80]. Сначала в Воронежском университете, где наш герой в период 1933–1936 гг. вел большую научно-исследовательскую работу и одновременно преподавал конструкцию и аэродинамику самолета на кафедре аэромеханики, после пуска аэродинамической трубы (руководитель постройки А. В. Столяров) Москалевым был разработан эскизный проект самолета «Сигма» (САМ-4, 1934 г.) с дельтавидным крылом, а затем – экспериментального истребителя-перехватчика САМ-7 с крылом малого удлинения.

Столичные специалисты, вслед за начальником опытного отдела НКАП И. И. Машкевичем, обвинили А. С. Москалева в «несусветной экзотике», несмотря на то, что проект закреплял за СССР приоритет в открытии новой перспективной компоновки крыла – Александр Сергеевич это особенно подчеркивал [5, с. 29–36].

Гениальный конструктор не был услышан, но работ не прекратил и 8 августа 1937 г. в Воронеже, недалеко от Задонского шоссе, совершил первый полет самолет САМ-9 «Стрела». Пилотировал этот первенец – прямой прототип будущих воздушно-космических самолетов «Буран» и «Шаттл» – летчик-испытатель А. Н. Гусаров. Испытания были продолжены в Москве. САМ-9 «Стрела» продемонстрировал прекрасные летные качества и управляемость [20, с. 67–81].

В дальнейшем судьба как бы специально свела А. С. Москалева с конструктором первого отечественного истребителя БИ-1 с жидкостным реактивным двигателем В. Ф. Болховитиновым, так как из Москвы пришло указание москалевскому заводу в Заводоуковске серийно строить планеры БИ-1: новая космическая эра зарождалась в полные лишений годы Великой Отечественной войны.

Анализируя просчеты и недостатки БИ-1, А. С. Москалев создал проект реактивного истребителя РМ-1 (ракетный Москалев – первый) с двигателем от БИ-1 конструкции А. Душкина, который (и авторские расчеты были многократно подтверждены) в 1945 г. мог бы развивать скорость более 2000 км/час! Этот самолет обеспечил бы СССР мировое превосходство в скорости минимум на 15 лет. И снова бесконечные хлопоты и попытки пробиться встречали недоверие и непонимание, оговоры и прямой саботаж. Ситуацию отягчили аресты наркома Шахурина, а затем и председателя Госплана Вознесенского, давших добро на постройку небывалого во всех отношениях самолета [20, с. 133–140].

Прирожденный аэродинамик-практик, опальный А. С. Москалев (после послевоенного разгрома его ОКБ и ликвидации завода) сначала работал главным инженером ленинградского троллейбусного завода, а затем проводил в Академии им. Можайского большую и сверхсекретную научно-исследовательскую работу по расчетам перспективных компоновок сверхзвуковых тяжелых дальних бомбардировщиков и ракетоносцев. Именно он обеспечил теоретическую базу для создания таких этапных советских самолетов, как сверхзвуковой бомбардировщик В. Мясищева М-50, стратегический разведчик разработки Р. Бисновата, проектов Р. Бартини и, наконец, сверхзвуковых бомбардировщиков ОКБ Туполева Ту-22М3 и Ту-160 [33, с. 4–6].

От маленькой фанерной «Стрелы» Москалева образца 1937 г. логика развития конструкторской мысли легко перебрасывает «мостик» к американскому проекту ракетоплана «Дайна Сор», а от него сначала к нашему первому «орбитальному ответу», в котором принимал участие первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин, будучи слушателем академии им. Жуковского, а затем – к «Шаттлу». Есть высшая справедливость в том, что наш советский воздушно-космический самолет «Буран» хотя и стал только ответом на американский «Челнок», однако был значительно эффективнее, мощнее и гораздо экологичнее за счет кислородно-водородных двигателей разгонной ступени. Недаром Главный конструктор «Бурана» Глеб Лозино-Лозинский не только не скры-

вал, но и всегда всячески подчеркивал авторство идеи воздушно-космического орбитального самолета А. С. Москалева, изложенной в его проекте, созданном в 1950-е гг., который назывался САМ-XXI «Лебедь» [12].

У А. С. Москалева совсем немного государственных наград, но есть одна весьма для него значимая – медаль «Партизанская Слава». Ее вручили Александру Сергеевичу за спасение члена Политбюро А. Щербакова. Когда партизанский отряд, в котором А. Щербаков был с инспекцией, окружили гитлеровские карательные части, эвакуировать его смогли лишь благодаря выдающимся взлетно-посадочным характеристикам небольшого и легкого многоцелевого самолета конструкции Москалева САМ-25, позволившие пилоту приземлиться и успешно взлететь с маленькой лесной поляны [20, с. 127].

Таким образом, основные результаты деятельности А. С. Москалева аргументированно подтверждают, что он является настоящим гением отечественной школы самолетостроения. Реализация его проектов 1930-х гг. в серийном масштабе позволила бы не только сэкономить в значительных размерах финансовые и материальные ресурсы, в которых страна испытывала большой дефицит, но и значительно способствовала бы укреплению оборонной мощи Советского Союза, так как самолеты Москалева превосходили по тактико-техническим характеристикам, по дальности и скорости полета лучшие как отечественные, так и зарубежные образцы. Но этого не произошло по ряду в основном субъективных причин, не зависящим от авиаконструктора.

А. С. Москалев внес значительный вклад и в развитие авиационной науки, идеи которого до сих пор используются при создании сверхзвуковой и гиперзвуковой авиации, а также воздушно-космических самолетов.

Источники и литература

1. Авиационный двигатель М-11ФР. Инструкция по техническому обслуживанию. М.: Оборонгиз, 1953. 108 с.
2. Бауэрс П. Летательные аппараты нетрадиционных схем. М.: Мир, 1991. 320 с.
3. Виноградов Р. И., Пономарев А. Н. Развитие самолетов мира. М.: Машиностроение, 1991. 384 с.
4. Воронеж. История края в его музеях. М.: Polarees, 2007. 132 с.
5. Гагин В. В. Авиаконструктор А. С. Москалев. 1904–1982. К 95-летию со дня рождения. Воронеж: Полиграф, 1999. 80 с.
6. Гагин В. В. Самолеты Воронежского Авиационного завода. Воронеж: НПП «Траст», 1996. 88 с.
7. ГАРФ. Ф.Р-8355. Оп. 5. Д. 15.
8. ГАРФ. Ф.Р-8355. Оп. 5. Д. 43.
9. ГАРФ. Ф.Р-8355. Оп. 6. Д. 16
10. Гугля Ю. Последние истребители Поликарпова. И-180, И-185. Киев: Архив-Пресс. 1998. 46 с.
11. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. М.: Машиностроение, 1989. 336 с.
12. Ермолов С. Конверсия – не ломка… О Г. Лозино-Лозинском // Наши Крылья. 1991. №1. 62 с.
13. Знаменский В. А. Воспоминания. Рукопись. 1999. Архив автора.
14. Иванов В. П. Авиаконструктор Н. Н. Поликарпов. СПб.: Политехника, 1995. 223 с.
15. История истребительной авиации с 1916 по 2016 гг. К 100-летию истребительной авиации России. Воронеж: Научная книга, 2017. 396 с.
16. Катышев Г. И. Михеев В. Р. Крылья Сикорского. М.: Воениздат, 1992. 432 с.
17. Ковалев М. А. О расчете и исследовании аэродинамических труб // Ученые записки ЛГУ. 1939. №42. 138 с.
18. Краеведческая конференция «Наше наследие»: материалы докладов и сообщений / под ред. Р. Г. Назаровой, Л. И. Басова. Заводоуковск: б.и., 2012. 134 с.
19. Красильщиков А. П. Планеры СССР: справочник. М.: Машиностроение, 1991. 240 с.
20. Москалев А. С. Голубая спираль. Автобиографическая повесть. Воронеж: ЦЧКИ, 1995. 160 с.
21. Небывалые достижения Воронежского аэрокосмического комплекса. Вестник воздухоплавания, авиации и ракетостроения. Воронеж: ИЛДВА, 2005. 16 с.
22. Пинчук В. М. Деятельность коммунистической партии по подготовке и воспитанию инженерно-технических кадров Военно-Воздушных сил в годы довоенных пятилеток. (1929–1941 гг.): дисс. … канд. ист. наук. М.: ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского, 1974. 200 с.
23. Пономарев А. Н. Советские авиационные конструкторы. М.: Воениздат, 1980. 47 с.
24. Растренин О. Штурмовики Великой Отечественной войны. М.: Яуза, 2008. 396 с.
25. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 4. Д. 1578.
26. РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2.
27. РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 322.
28. Савин В. Планета «Константин». Харьков: Основа, 1994. 312 с.
29 Самойлович О. Рядом с Сухим (Воспоминания авиационного конструктора). М.: От винта!, 1999. 136 с.
30. Самолетостроение в СССР 1917–1945 гг. Книга 1. М.: ЦАГИ, 1992. 438 с.
31. Султанов И. Конкурс канул в небытие // Крылья Родины. 1993. №10.
32. Техническое описание самолета У-2 с мотором М-11. Описание конструкции самолета. Часть 1. М., Л.: Завод №23, 1937. 252 с.
33. Тяжелые бомбардировщики // Невский Бастион. 1994. Вып. №5. 1994. 48 с.
34. Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М.: Машиностроение, 1994. 704 с.
35. Уголок неба. URL: airwar.ru/enc/cw1/sam5/html. (Дата обращения: 23.09.2017).
36. Mosquito Special // Fly Past. 2014. August. P. 41–59.

References

1. Aviatsionnyy dvigatel' M-11FR. Instruktsiya po tekhnicheskomu obsluzhivaniyu *(Aircraft engine M-11FR. Maintenance Instructions)*. Moscow: Oborongiz publ., 1953. 108 p. (In Russian)
2. Bauers P. Letatel'nye apparaty netraditsionnykh skhem *(Aircraft unconventional schemes)*. Moscow: Mir publ., 1991. 320 p. (In Russian)
3. Vinogradov R. I., Ponomarev A. N. Razvitie samoletov mira *(The development of the world's aircraft)*. Moscow: Mashinostroenie publ., 1991. 384 p. (In Russian)
4. Voronezh. Istoriya kraya v ego muzeyakh *(Voronezh. The history of the region in its museums)*. Moscow: Polarees publ., 2007. 132 p. (In Russian)
5. Gagin V. V. Aviakonstruktor A.S. Moskalev. 1904–1982. K 95-letiyu so dnya rozhdeniya *(Aircraft Designer A.S. Moskalev)*. Voronezh: Poligraph, 1999. 80 p. (In Russian)
6. Gagin V. V. Samolety Voronezhskogo Aviatsionnogo zavoda *(Aircraft of the Voronezh Aviation Plant)*. Voronezh: NPP «Trast» publ., 1996. 88 p. (In Russian)
7. State archive of Russian Federation (GARF). F.R-8355. Inv. 5. D. 15. (In Russian)
8. GARF. F.R-8355. Inv. 5. D. 43. (In Russian)
9. GARF. F.R-8355. Inv. 6. D. 16. (In Russian)
10. Guglya Yu. Poslednie istrebiteli Polikarpova. I-180, I-185 *(The last fighters Polikarpov. I-180, I-185)*. Kiev: Arkhiv-Press publ., 1998. 46 p. (In Russian)
11. Duz' P. D. Istoriya vozdukhoplavaniya i aviatsii v Rossii *(The history of aeronautics and aviation in Russia)*. Moscow: Mashinostroenie publ., 1989. 336 p. (In Russian)
12. Ermolov S. Konversiya – ne lomka… O G. Lozino-Lozinskom *(Conversion – not breaking ... About G. Lozino-Lozinsky)* // Nashi Kryl'ya. 1991. No. 1. (In Russian)
13. Znamenskiy V. A. Vospominaniya. Rukopis' *(Memories. Manuscript)*. 1999. Arkhiv avtora. (In Russian)
14. Ivanov V. P. Aviakonstruktor N. N. Polikarpov *(Aircraft designer N. N. Polikarpov)*. St.Petersburg: Politekhnika publ., 1995. 223 p. (In Russian)
15. Istoriya istrebitel'noy aviatsii s 1916 po 2016 gg. K 100-letiyu istrebitel'noy aviatsii Rossii *(The history of fighter aircraft from 1916 to 2016. To the 100th anniversary of Russian fighter aviation)*. Voronezh, 2017. 396 p. (In Russian)
16. Katyshev G. I. Mikheev V. R. Kryl'ya Sikorskogo *(Wings of Sikorsky)*. Moscow: Voenizdat publ., 1992. 432 p. (In Russian)
17. Kovalev M. A. O raschete i issledovanii aerodinamicheskikh trub *(On calculation and research of wind tunnels)* // Uchenye zapiski LGU. 1939. No. 42. (In Russian)
18. Kraevedcheskaya konferentsiya «Nashe nasledie»: materialy dokladov i soobshcheniy *(Local Lore Conference «Our Heritage»: materials of reports and messages)* / ed by R. G. Nazarova, L. I. Basov. Zavodoukovsk, 2012. 134 . (In Russian).
19. Krasil'shchikov A. P. Planery SSSR: spravochnik *(Gliders of the USSR: a guide)*. Moscow: Mashinostroenie publ., 1991. 240 p. (In Russian)
20. Moskalev A. S. Golubaya spiral'. Avtobiograficheskaya povest' *(Blue spiral. Autobiographical story)*. Voronezh: TsChKI publ., 1995. 160 p. (In Russian)
21. Nebyvalye dostizheniya Voronezhskogo aerokosmicheskogo kompleksa. Vestnik vozdukhoplavaniya, aviatsii i raketostroeniya *(The unprecedented achievements of the Voronezh aerospace complex. Bulletin of aeronautics, aviation and rocket science)*. Voronezh: ILDVA publ., 2005. 16 p. (In Russian)
22. Pinchuk V. M. Deyatel'nost' kommunisticheskoy partii po podgotovke i vospitaniyu inzhenerno-tekhnicheskikh kadrov Voenno-Vozdushnykh sil v gody dovoennykh pyatiletok. (1929–1941 gg.) *(The activities of the Communist Party in the training and education of engineering personnel of the Air Force during the prewar five-year periods. (1929–1941):* thesis. Moscow: VVIA named after N. E. Zhukovskii publ., 1974. 200 s. (In Russian)
23. Ponomarev A. N. Sovetskie aviatsionnye konstruktory *(Soviet aviation designers)*. Moscow: Voenizdat publ., 1980. 47 p. (In Russian)
24. Rastrenin O. Shturmoviki Velikoy Otechestvennoy voyny *(Attack aircraft of the Great Patriotic War)*. Moscow: Yauza publ., 2008. 396 p. (In Russian)
25. Russian state military archive (RGVA). F.4. Inv. 4. D.1578. (In Russian)
26. RGVA. F. 35082. Inv. 1. D.2s. (In Russian)
27. RGVA. F. 37977. Inv. 4. D. 322. (In Russian)
28. Savin V. Planeta «Konstantin» *(Planet «Constantine»)*. Khar'kov: Osnova publ., 1994. 312 p. (In Russian)
29 Samoylovich O. Ryadom s Sukhim (Vospominaniya aviatsionnogo konstruktora) *(Near Sukhoi (Memoirs of an aircraft designer)*. Moscow: Ot vinta! Publ., 1999. 136 p. (In Russian)
30. Samoletostroenie v SSSR 1917–1945 gg. *(Aircraft manufacturing in the USSR 1917–1945)*. Book 1. Moscow: TsAGI publ., 1992. 438 p. (In Russian)
31. Sultanov I. Konkurs kanul v nebytie *(The contest sunk into oblivion)* // Kryl'ya Rodiny. 1993. No. 10. (In Russian)
32. Tekhnicheskoe opisanie samoleta U-2 s motorom M-11. Opisanie konstruktsii samoleta. Chast' 1. *(Technical description of the U-2 aircraft with the M-11 engine. Description of the design of the aircraft. Part 1)*. Moscow, Leningrad: Zavod №23 publ., 1937. 252 p. (In Russian)
33. Tyazhelye bombardirovshchiki *(Heavy bombers)* // Nevskiy Bastion. 1994. Issue. No.5. 1994. (In Russian)
34. Shavrov V. B. Istoriya konstruktsiy samoletov v SSSR do 1938 g. *(The history of aircraft structures in the USSR until 1938)*. Moscow: Mashinostroenie, 1994. 704 p. (In Russian)
35. Ugolok neba *(Corner of the sky)*. URL: airwar.ru/enc/cw1/sam5/html. (Accessed: 23.09.2017). (In Russian)
36. Mosquito Special // Fly Past. 2014. August. P. 41–59.

Сведения об авторе

Гагин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-учебного научного центра Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, председатель Воронежского Русского военно-исторического общества (г. Воронеж) / vrvio@yandex.ru

Information about the author

Gagin Vladimir – PhD in History, Senior Researcher, Military Research Center of the Air Force of the Air Force named after N. Zhukovsky and Yu. Gagarin, Chairman of the Voronezh Russian Military Historical Society (Voronezh) / vrvio@yandex.ru

УДК 631.1(470)”19”:930(470)”19/20”-057.4

Б. Б. Дубенцов

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОЛЕМИКА ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. В ТРУДАХ А. В. ОСТРОВСКОГО

Изучение творческого наследия А. В. Островского, крупного специалиста по российской аграрной истории пореформенной России, еще только начинается и является актуальной задачей, так как его выводы об аграрном развитии Европейской России имеют определяющее значение для концепции российских революций и советской коллективизации. В статье рассматриваются возникшие еще в 1980-х гг. разногласия между А. В. Островским, с одной стороны, и Г. П. Жидковым и А. С. Забоенковой, с другой, относительно характеристики указа 9 ноября 1906 г. Представлены позиция Островского, считавшего, что указ, положив начало столыпинской аграрной реформе, не имел приписывавшейся ему в литературе радикальности и предполагал постепенную трансформацию крестьянской общины, то есть отличался консервативностью. Эта позиция обосновывалась тем, что указом разрешалось крестьянам, вышедшим из общины, по-прежнему пользоваться ее нераздельными угодьями. На основе рассмотрения возражений, содержащихся в статье Г. П. Жидкова и А. С. Забоенковой, автор приходит к выводу об их недостаточной убедительности и выдвигает предположение, что по этой причине А. В. Островский не стал вести развернутую полемику с оппонентами. В статье также показано, что данная А. В. Островским характеристика указа 9 ноября составляла важную часть его концепции аграрного развития России конца XIX – первой трети XX в., сформулированной в ряде статей и посмертно изданной монографии. Показано, что взгляды А. С. Забоенковой на юридические аспекты столыпинской реформы, изложенные в ее недавних статьях, созвучны ранее высказанным суждениям А. В. Островского, а разногласия по поводу возможного в России перехода передельческой общины к общине-марке скорее являются недоразумением.

Ключевые слова: крестьянская община, аграрное развитие России конца XIX – первой трети XX в., историография столыпинской реформы, указ 9 ноября 1906 г., научная полемика.

B. Doubentsov

UNHELD POLEMIC OR SOME PROBLEMS OF AGRARIAN DEVELOPMENT OF RUSSIA AT THE FIRST THIRD OF XX CENTURY IN WORKS OF A. V. OSTROVSKY

The article studies creative heritage of the expert on the Russian agrarian history of post-reform Russia A. V. Ostrovsky. The author notes that this work is at initial stage and regards it as a relevant task. The importance of this research is confirmed by the fact that conclusions of A. V. Ostrovsky about agrarian development of the European Russia have the defining value for the concept of the Russian revolutions and collectivization in the USSR. The article analyzes disagreements concerning the assessment of the Decree of November 9, 1906, which arose in 1980s between A. V. Ostrovsky, on the one hand, and G. P. Zhidkov and A. S. Zaboyenkova, on the other. The author notes that Ostrovsky believed this Decree, which started Stolypin’s agrarian reform, didn’t have the radicalism attributed to it in literature and assumed gradual transformation of the peasant community. Ostrovsky proved this conclusion by the fact that the Decree allowed the peasants who left community to keep on using undivided lands of community. Based on the analysis of the articles of G. P. Zhidkov and A. S. Zaboyenkova, the author claims their objections unconvincing and makes the assumption that for this reason A. V. Ostrovsky refrained from full-scale controversy with the opponents. The article declares that the assessment of the Decree of November 9 given by A. V. Ostrovsky was an important part of his concept of agrarian development of Russia in late 19th – the first third of the 20th century, which was formulated in a number of articles and a posthumously published monograph. The author proves that A. S. Zaboyenkova’s opinion concerning the legal aspects of Stolypin reform stated in her recent articles are conformable to earlier stated judgments of A. V. Ostrovsky, and disagreements concerning the possibility of transition in Russia from repartition community (peredelcheskaya obschina) to community-mark are no more than misunderstanding.

Key words: peasant community, agrarian development of Russia at the end of the XIX – the first third of the XX century, historiography of Stolipin’s agrarian reform, Decree of November 9, 1906, scholarship’s debate.

Споры или дискуссии в науке необходимы и полезны. Без них поступательное развитие научного знания невозможно. Эти суждения имеют всеобщее признание и могут считаться аксиоматичными. Но известны в науке и случаи, когда, казалось бы, назревшая полемика не происходила. Примером здесь может служить состоявшееся в начале 1980-х гг. обозначение разногласий, так

и не перешедшее в развернутую дискуссию, по поводу концептуальной заметки А. В. Островского, посвященной характеристике указа 9 ноября 1906 г. и опубликованной на страницах журнала «Вопросы истории» в 1983 г. [7, с. 169–172]. Всем известно, что А. В. Островский был выдающимся полемистом, не склонным уклоняться от научных споров, и поэтому представляется важным для нашей памяти о нем приблизиться к пониманию причин его отказа возражать оппонентам. Не менее важно в рамках изучения творческого наследия А. В. Островского поставить в единый ряд те его выводы и суждения о некоторых проблемах аграрного развития России в первой трети XX в., в число которых входили и содержавшиеся в упомянутой заметке о характере указа 9 ноября 1906 г. Кроме того, предлагаемое в данной статье рассмотрение выявившихся исследовательских позиций и их последующего развития может послужить изучению отечественной историографии аграрной истории России конца XIX – начала XX в.

В своей заметке А. В. Островский для характеристики указа 9 ноября предложил учесть, на какие категории надельной земли было указом распространено дарованное крестьянам право укрепления в собственность их долей общинных угодий. Всего существовало три их категории – обрабатываемая, в том числе пахотная земля; сенокосы и лес; пастбища, водопои, дороги и т.п. В статье были приведены данные о том, что земля первой категории составляла более половины всех общинных земель и была наиболее ценной их частью. И поскольку каждый дворохозяин имел в пахотных угодьях долю на праве владения-пользования, то, отметил А. В. Островский, разделить и закрепить за крестьянами такую землю было относительно просто. Остальные угодья, находившиеся в общем пользовании всех дворохозяев, распределить было сложно. К тому же общинные луга (выпасы) и водопои иметь в общем владении было, как отмечалось в статье, выгодно «крепким», зажиточным крестьянам, располагавшим большим количеством скота, чем соседи. С учетом этих обстоятельств А. В. Островский указывал на принципиальное значение ст. 4 указа 9 ноября, в которой оговаривалось сохранение за выделившимися из общины права пользования общинными угодьями. Из этого со всей определенностью вытекало, что, с одной стороны, выделившимся предоставлялась своего рода «премия», поощрение; с другой стороны, расставание с общиной затягивалось, и, следовательно, делал два вывода А. В. Островский, закрепление пахотных земель в собственность, во-первых, еще не означало выхода из общины для большинства выделившихся крестьян, и, во-вторых, указ не был предназначен, как тогда считалось в литературе, «взорвать» общину; он, будучи более консервативным, нежели полагали предшественники А. В. Островского, определял направление ее трансформации. А. В. Островский высказал убеждение, что, меняясь по смыслу и по силе указа 9 ноября, поземельная, передельческая община должна превратиться в общину-марку, в которой пахотные земли принадлежат ее членам на праве частной собственности, а остальные угодья остаются в общем владении.

Менее чем четырехстраничная заметка А. В. Островского в следующем 1984 г. удостоилась отклика в виде десятистраничной статьи, написанной Г. П. Жидковым и А. С. Забоенковой [1, с. 117–126]. В ней с порога «основные аргументы и выводы» А. В. Островского объявлялись «спорными». Возражения начинались с указания на то, что «нередко в индивидуальном пользовании отдельных общинников были не только пахотные земли». Насколько «нередко» – авторы умалчивали. Затем в упрек А. В. Островскому ставился якобы имевший место его отказ учесть, что право укрепления по указу 9 ноября предполагало не только укрепление земельного участка в натуре, но также права пользования «в определенной неизменной доле». То есть, подчеркивалось, что указ допускал утверждение личного владения, а не только личной собственности, и, следовательно, был не радикальным, а консервативным, как и утверждал А. В. Островский. Тем не менее, Г. П. Жидков и А. С. Забоенкова сочли возможным декларировать: «Указ 9 ноября распространил право укрепления в натуре *не на всю* общинную землю, что *не свидетельствует* о переходном его характере и не может быть критерием, руководствуясь которым можно было бы пересмотреть устоявшееся представление о нем как о шаге, разрушительном для общины» [1, с. 118–119] (курсив мой – *Б.Д.*). Далее Г. П. Жидков и А. С. Забоенкова приводили свидетельства о субъективных устремлениях законодателей, работавших над превращением указа в законы, хотя А. В. Островский предлагал объективную характеристику только указа 9 ноября. Среди цитировавшихся двумя авторами мнений было и высказанное членом Государственного совета М. В. Красовским, который говорил, что «те общины, в которых *много* наделов будет закреплено за отдельными домохозяевами, будут обречены на *медленное* вымирание» [1, с. 119] (курсив мой – *Б.Д.*). С помощью подобных цитат обосновывался упрек в адрес А. В. Островского за переоценку им «прообщинных настроений» как в правящих кругах, так и в крестьянской среде [1, с. 120].

К этому добавлялось вполне обоснованное указание на укрепление земли в собственность как на первый лишь акт наступления на общину; ведь только после него мог быть совершен второй – выделение земли к одному месту в целях создания отрубов и хуторов. И тут явно отмечалась постепенность преобразований земельных отношений в общине, предусмотренная указом 9 ноября. Но предположение А. В. Островского о том, что они повлекут за собой образование общины-марки, отвергалось.

Далее авторы статьи обращались к последовавшему за указом законодательству и, обильно цитируя В. И. Ленина, солидаризировались с его социально-политической оценкой аграрной поли-

тики царизма, порожденной революцией. Попутно они упомянули об отсутствии комплексного подхода к проведению столыпинской аграрной реформы, заметив, что консервативность указа 9 ноября «имела более глубокую основу», чем это представлялось А. В. Островскому [1, с. 124–126]. Тут уже совсем становилось непонятно – оппоненты спорят ли с его выводами или желают их углубить? По сути дела, Г. П. Жидков и А. С. Забоенкова, заявляя о несогласии с А. В. Островским, привели ряд аргументов в пользу его позиции: указ как таковой, сам по себе, без учета последовавшего законодательства и министерских циркуляров, предполагал длительную трансформацию общины, а не ее «взрывное» разрушение. Следовательно, претворение указа в жизнь не могло не породить общину-марку на месте поземельной, передельческой общины. Но и для этого требовалось, как верно указывали Г. П. Жидков и А. С. Забоенкова, реформировать суд, местное государственное управление, низший уровень общественного управления, налоговую систему. Очевидно, что для преобразования общины был избран консервативный метод. Трудно отделаться от мысли, что попытка оспорить выводы заметки А. В. Островского об указе 9 ноября 1906 г. являла собой спор ради спора. Она не может быть признана убедительной, и, вероятно, именно поэтому А. В. Островский не стал продолжать спор.

Некоторые из упреков в адрес А. В. Островского и, особенно в преувеличении «прообщинных настроений», в статье Г. П. Жидкова и А. С. Забоенковой вообще не должны были бы иметь места, если бы они не прошли мимо его публикации 1982 г. [6, с. 63–64]. Она содержала документ, который, как и целый ряд других документов, выявленных А. В. Островским и включенных им в научный оборот, свидетельствовал, что «<…> в России начала XX в. даже среди бюрократической элиты имелись лица, которые считали необходимым не только сохранение общины, но и создание в деревне коллективных хозяйств» [9, с. 137]. Они не только наличествовали, но и преобладали между специалистами – агрономами и землемерами. Развернуто об этом А. В. Островский написал в своей концептуальной и до настоящего времени недооцениваемой статье 1993 г. «Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность?» [8, с. 129–187].

На страницах этой статьи А. В. Островский рассмотрел в тесной связи условия аграрного развития России и главную задачу, вставшую перед нею в середине XIX в. – совершить индустриализацию, дабы войти в число «мастерских мира» и покинуть «аграрную периферию». Для решения главной задачи требовалось в сфере сельского хозяйства, во-первых, ликвидировать помещичье землевладение, и, во-вторых, превратить мелкие крестьянские хозяйства в крупные. Обеспечение этого последнего условия посредством углубления имущественного и социального неравенства в среде крестьянства предполагало вместе с тем и разложение общины, которая, как отмечал А. В. Островский в 1983 г., должна была стать общиной-маркой, члены которой уже обладают правом распоряжаться пахотной землей. Между тем, у крестьян Европейской России были прочно укоренены уравнительно-передельческие установки [1, с. 147]. Опираясь на источники, показывавшие возраставшее распространение стремлений превратить общину в товарищество или артель по совместной обработке земли, А. В. Островский констатировал: «Выход из этого противоречия могла дать только принудительная коллективизация: объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные, прикрепление крестьян к земле и лишение их возможности свободно распоряжаться плодами своего труда. Ускорение темпов индустриализации предполагало <…> своеобразную феодальную реакцию» [1, с. 141]. Уместно заметить, что это предположение ученого позднее трактовалось как обоснование сталинской коллективизации и использовалось некоторыми для создания А. В. Островскому репутации сталиниста. Но в той же статье, всего лишь через несколько страниц, он писал, что политика советского партийно-государственного руководства, которая включала в себя «разорение крестьянства, широкое применение ”принудительного труда”, снижение жизненного уровня рабочего класса», «вступала в противоречие с коренными интересами широких слоев населения: и крестьянства, и пролетариата». Переход к форсированию первоначального накопления «неизбежно означал окончательный разрыв ее (коммунистической партии – *Б.Д.*) с теми социальными силами, при поддержке которых она пришла к власти, и превращение советского режима объективно в антинародный режим» [1, с. 178].

Конструирование А.В. Островским своей концепции аграрного развития России, которую он сжато изложил в статье 1993 г., не сопровождалось пересмотром характеристики указа 9 ноября 1906 г., данной им в статье 1983 г. и оспоренной Г. П. Жидковым и А. С. Забоенковой. В «Универсальном справочнике по истории России», изданном в 2000 г., А. В. Островский воспроизвел свое мнение о крайней консервативности акта, положившего начало столыпинской аграрной реформе [9, с. 135–137]. Это подтверждение авторской позиции, видимо, осталось неизвестным А. С. Забоенковой, которая, продолжая заниматься юридическими аспектами реформы, вернулась к вопросу о трансформации общины. На основе изучения правового положения надельной земли она пришла к выводу: «Юридическая судьба угодий ставит вопрос о степени разрушения общины в ходе реформы. Угодья сохранялись в собственности общества при том, что отдельные крестьяне укрепляли в личную собственность участки пахотной земли. Это ставит под сомнение устоявшиеся данные о разрушении общины, которые учитывают только результаты укрепления наделов в собственность. Но вряд ли справедливо мнение о трансформации передель-

ческой общины в общину-марку, высказанное А. В. Островским» [2, с. 101]. Очевидно, что А. С. Забоенкова отказалась от несогласия с А. В. Островским по главному предмету спора, а сомнение в справедливости его мнения «о трансформации» общины уже следует отнести к разряду недоразумений – А. В. Островский характеризовал *направление* эволюции реформируемой крестьянской общины, а не определял ее состояние в годы реализации указа 9 ноября. В последующих статьях А. С. Забоенкова лишь сближала свои взгляды на разрушение общины с мнением А. В. Островского. Так, она писала: «Только некоторые виды единоличного землеустройства обеспечивали выход из общины. Укрепление в личную собственность юридически таковым не было, если домохозяин не продавал землю. Юридическая природа прав на отрубные участки была двойственной: соединяя личную собственность на землю индивидуального пользования и общую – на часть угодий. Владельцы хуторов в большинстве случаев могут считаться покинувшими сельское общество как земельную единицу, но оставались членами административной» [3, с. 49]. И далее: законодательство «не ломало общину как институт» (т.е. не «взрывало» ее, как можно понять, – *Б.Д.*), но создавало условия для ее отмирания в будущем» [1, с. 50]. Напрашивается вопрос: а отмирание общины достижимо ли без ее превращения в общину-марку, без полного перераспределения крестьянских земель в ходе ее концентрации? Этот вопрос в следующей статье А. С. Забоенковой не был поставлен, но было подчеркнуто, что П. А. Столыпин не имел намерения «сделать крестьян частными собственниками», они получали «надельную землю не в частную собственность, а в личную» [4, с. 131, 136][1]. После этого оставалось ожидать, что А. В. Островский и А. С. Забоенкова подвергнут обсуждению вопрос о том, насколько способны юридические ограничения права распоряжения, присущие личной собственности, служить неодолимым препятствием в обороте земли. Но обсуждение не состоялось…

А. В. Островский в своем обобщающем труде «Российская деревня на историческом перепутье», ставшем, к несчастью, окончательным итогом его многолетней исследовательской работы по аграрной истории России, дал ответы на целый ряд вопросов, являвшихся, по его обоснованному мнению, открытыми в науке. Некоторые из них следует отнести к теме настоящей статьи. Во-первых, вопрос об общине, ее состоянии к началу XX в. Она, как показал А. В. Островский, «на большей части Европейской России <…> еще не была затронута процессом разложения» [10, с. 361]. Во-вторых, о характеристике общины. Здесь А. В. Островским была воспроизведена его мысль о том, что «у истоков и у финала поземельной общины находилась так называемая община-марка». Передельческая община характеризовалась как форма «простейшей кооперации», роль которой в пореформенный период только возрастала [10, с. 365]. В-третьих, собственно вопрос о столыпинской аграрной реформе. Цели П. А. Столыпина, хотя и на основе иных источников, чем у А. С. Забоенковой, А. В. Островский определял, как предоставление возможности желающим выйти из общины. Задачу ее ликвидации Столыпин перед собою не ставил, а предложенное им законодательство он сам назвал «временным, переходным» [10, с. 415]. Эти свидетельства подкреплялись той характеристикой указа 9 ноября 1906 г., которая была дана ему А. В. Островским еще в 1983 г. Считая заслугой Г. П. Жидкова и А. С. Забоенковой попытку «поставить на обсуждение толкование указа 9 ноября 1906 г.», А. В. Островский не стал оспаривать сделанные ему возражения, ограничившись замечанием, что «статья имела во многом умозрительный характер». Не зная, вероятно, о публикациях А. С. Забоенковой, вышедших в 2013–2014 гг., он жестко и не без оснований потребовал: «Поскольку существующая трактовка указа 9 ноября 1906 г. поставлена под сомнение, исследователи обязаны или опровергнуть мою точку зрения, или же взять на вооружение. Сознательное игнорирование ее дает мне право обвинить моих коллег, пишущих на эту тему, в фальсификации истории столыпинской аграрной политики» [10, с. 417].

Были включены в книгу и материалы, показывавшие осознание широкими общественными кругами в России начала XX в. необходимости создания сельскохозяйственных артелей, организации товариществ для совместного использования земли и сложной сельскохозяйственной техники, в том числе тракторов [10, с. 423–431].

Свой обобщающий труд полностью завершить А. В. Островскому помешали тяжелая болезнь и преждевременная кончина. В монографии отсутствует заключение. Но и она сама, и значительное число статей, опубликованных автором в ходе работы над нею, имеют важное значение для российской науки. Свое место в историографии принадлежит и работам его оппонентов. Вместе с тем не получивший продолжения спор о характеристике указа 9 ноября 1906 г., показал, что не замалчивание выводов, сделанных ученым, а их открытое и фундированное обсуждение должны быть принципом и органической частью научной жизни и историографического процесса.

[1] Относительно силы и слабости «прообщинных настроений» в цитируемых статьях А. С. Забоенковой ничего не упоминается. Но в книге М. А. Казьмина по поводу земельного переустройства, проведенного по декрету 1917 г., отмечено: «В итоге в большинстве районов страны в связи с уравнительным распределением земли произошло возвращение к общинной форме землепользования. В ряде губерний перераспределение земель поглотило хуторское и отрубное хозяйство <…>. Подворно-участковое землепользование, получившее развитие в годы столыпинской реформы, по существу, было разрушено» [5, с. 90].

Источники и литература

1. Жидков Г. П., Забоенкова А. С. К оценке характера столыпинского указа 9 ноября 1906 г. // Северо-Запад в аграрной истории России. Сборник научных трудов. Калининград: изд. Калининградского ун-та, 1984. С. 117–127.
2. Забоенкова А. С. Правовое положение надельной земли в период аграрной реформы П.А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 6. С. 96–103.
3. Забоенкова А. С. Правовые аспекты разрушения общины в период Столыпинской аграрной реформы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 12. С. 44–51.
4. Забоенкова А. С. Крестьянская личная собственность на землю в годы столыпинской аграрной реформы: мифы и реальность // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 6. С. 130–136.
5. Казьмин М. А. Земельные реформы в России (XIX–XX вв.): Уроки пройденного пути: монография. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 237; [3] с.
6. Островский А. В. Документы царских властей о земледельческих артелях // Советские архивы. 1982. №3. С. 63–64.
7. Островский А. В. О характере указа 9 ноября 1906 г. // Вопросы истории. 1983. №11. С. 169–172.
8. Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времен. 1993. Вып. 2. С. 129–187.
9. Островский А. В. Универсальный справочник по истории России. СПб.: Паритет, 2000. 381; [1] с.
10. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в.: монография. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 431 с.

References

1. Ghidkov G. P., Zaboenkova A. S. K otsenke kharaktera stolypinskogo ukaza 9 noyabrya 1906 g. *(On the Assessment of Order 9 November 1906 Issued by Stolypin)* // Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. Sbornik nauchnyh trudov. – Kaliningrad: Kaliningrad university publ., 1984. P.117–127. (In Russian)
2. Zaboenkova A. S. Pravovoe pologhenie nadel'noi zemly v period reform P. A. Stolypina *(Legal Status of Nadel's Lands at Period of P. A. Stolypin's Reform)* // Vestnik Baltiyskogo federalnogo universteta. Gumanitarnye nauki. 2013. Issue. 6. P. 96–103. (In Russian)
3. Zaboenkova A. S. Pravovye aspekty razrushenia obshiny v period Stolypinskoi agrarnoi reformy *(Legal Aspects of Community Destruction during the Agrarian Reform of P. A. Stolypin)* // Vestnik Baltiyskogo federalnogo universteta. Gumanitarnye nauki. 2013. Issue. 12. P. 44–51. (In Russian)
4. Zaboenkova A. S. Krest'yanskaya lichnaya sobstvennost' na zemlyu v gody stolypinskoi agrarnoi reform: miphy i real'nost' *(Peasant Personal Land Ownership during the Stolypin Agrarian Reform: Myths and Reality)* // Vestnik Baltiyskogo federalnogo universteta im. I. Kanta. Gumanitarnye nauki. 2014. Issue. 6. P. 130–136. (In Russian)
5. Kaz'min M. A. Zemel'nye reformy v Rossii (XIX–XX vv.): Uroki proidennogo puti: monografiya *(Land Reforms in Russia (19th – 20th Centuries):* Lessons Learned). Moscow: Librkom, 2012. 237; [3] p. (In Russian)
6. Ostrovskii A. V. Dokumenty tsarskih vlastei o zemledel'cheskih artelyah *(Documents of the Tsarist Authorities on Agricultural Cooperatives)* // Sovetskie arhivy. 1982. No. 3. P. 63–64. (In Russian)
7. Ostrovskii A. V. O kharaktere ukaza 9 noyabrya 1906 g. *(On the Character of the Decree on November 9, 1906)* // Voprosy istorii. 1983. No. 11. P. 169–172. (In Russian)
8. Ostrovskii A. V. Oktyabr'skaya revolutia: sluchainost'? istoricheskii zigzag? Ili zakonomernost'? *(October Revolution: an Accident? A Historical Zigzag? Or a Pattern?)* // Iz glubiny vremen. 1993. Issue. 2. P. 129–187. (In Russian)
9. Ostrovskii A. V. Universalnyi spravochnik po istorii Rossii *(Universal Reference on the History of Russia)*. Saint-Petersberg: Paritet, 2000. 381; [1] p. (In Russian)
10. Ostrovskii A. V. Rossiiskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konets XIX – nachalo XX v. *(Russian Village at a Historic Crossroads. The End of the XIX – the Beginning of the XX Century)*. Moscow: Fellowship of Scientific Publications, 2016. 431 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Дубенцов Борис Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения в России, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург) / dbntsv@rambler.ru

Information about the author

Doubentsov Boris – PhD in History, Senior Research Fellow. Department of Revolutions and Social Movement in Russia. Saint-Petersberg' Institute of History. Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) / dbntsv@rambler.ru

УДК 94 (470.62/.67)

А. Т. Джумагулова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XV–XIX ВЕКАХ

Статья посвящена взаимоотношениям России и кочевавших на Северном Кавказе и Северном Причерноморье в конце XV–XIX вв. ногайских обществ. Последние принимали активное участие в политических событиях, связанных с расширением российского влияния на Восток. Анализируется характер этого взаимодействия в исторической ретроспективе, показывается как менялись позиции сторон в результате динамично менявшейся геополитической конъюнктуры. Особое внимание уделяется внешнеполитическим аспектам проблемы, которые, во многом и объясняют позиции сторон в процессе выстраивания социально-политической и культурной коммуникации. Приводятся аргументы в пользу гипотезы о причине исхода ногайцев на территорию Крымского ханства, что, по мнению автора, было связано с экспансией калмыков на ногайские кочевья. Отношения ногайцев с крымской и османской знатью носили прогрессивный характер лишь до начала попыток крымских ханов установить политический контроль в ногайских ордах, используя при этом крайне жесткие методы. В подобных условиях, в середине XVIII в., ногайцы стали искать выход из обременительного подданства, защиту и покровительства Российской империи. Показаны обстоятельства поиска взаимоприемлемых форм отношений между номадами и имперской администрацией. Конкретизируются места проживания основных групп ногайского населения, и даётся оценка тем нормативно-правовым актам, которые лежали в основе регламентации жизни кочевых родов. Показывается роль института приставства, как наиболее приемлемой в сложившихся обстоятельствах форме диалога между государством и ногайскими обществами. Аргументируется вывод об эффективности такой модели управления, которая позволяла невооружёнными методами разрешать возникающие спорные ситуации. Выясняются причины исхода значительной части ногайских кочевий в пределы Турции, и показывается трагическая судьба тех переселенцев, которые предпочли покинуть пределы России.

Ключевые слова: ногайцы, Российская империя, Северный Кавказ, Северное Причерноморье, кочевники, дипломатия, российское покровительство.

A. Dzhumagulova

SOME ASPECTS OF RUSSIAN-NOGAY RELATIONS IN THE XVI–XIX CENTURIES

The article is devoted to the relationship between Russia and the Nogai societies that moved in the North Caucasus and the Northern Black sea region at the end of the XV–XIX centuries. The latter took an active part in political events related to the expansion of Russian influence in the East. The nature of this interaction is analyzed in historical retrospect, it is shown how the positions of the parties changed as a result of a dynamically changing geopolitical conjuncture. Particular attention is paid to the foreign policy aspects of the problem, which, in many respects, explain the positions of the parties in the process of building socio-political and cultural communication. Arguments are presented in favor of the hypothesis about the reason for the exodus of the Nogais to the territory of the Crimean Khanate, which, according to the author, was associated with the expansion of the Kalmyks to the Nogai nomads. The relations of the Nogais with the Crimean and Ottoman nobility were progressive only until the beginning of the attempts of the Crimean khans to establish political control in the Nogai hordes, using extremely harsh methods. Under such conditions, in the middle of the XVIII century, the Nogais began to look for a way out of onerous citizenship, the protection and patronage of the Russian Empire. The circumstances of the search for mutually acceptable forms of relations between the nomads and the imperial administration are shown. The places of residence of the main groups of the Nogai population are specified, and those normative legal acts that underlie the regulation of the life of nomadic births are evaluated. The role of the institution of bailiff is shown as the most acceptable form of dialogue between the state and Nogai societies in the circumstances. The conclusion about the effectiveness of such a management model that allows unarmed methods to resolve emerging disputes is argued. The reasons for the exodus of a significant part of the Nogai nomads to the borders of Turkey are clarified, and the tragic fate of those migrants who chose to leave Russia is shown.

Key words: Nogais, Russian Empire, North Caucasus, Northern Black sea region, nomads, diplomacy, Russian patronage.

Процесс вхождения ногайских обществ в состав Российского государства до сих пор остаётся дискуссионным и вызывает немало вопросов и противоречивых оценок. Ногайцы приняли активное участие в политических событиях, связанных с экспансией Московского царства, а затем и

Российской империи на Восток. В них ногайские общества сыграли двойственную роль, в одних случаях укрепляя позиции России, в других – ослабляя их.

Тематике «русско-ногайских» взаимоотношений уделялось немалое внимание в отечественной литературе XVIII в. [24], в мемуарах военных и гражданских чиновников XIX в. [2, 18]; о них писали советские историки [20]. Проблема русско-ногайских отношений активно исследуется и в современной исторической науке [1, 13, 19, 41]. При написании работы нами использовались материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК).

Целью данной статьи является освещение характера русско-ногайских отношений в XVI–XIX вв. и выявление изменений в ходе их развития.

Первое упоминание о ногайцах в русских летописях относится к 1481 г. а уж с 1489 г. начинаются регулярные двусторонние отношения. Обе стороны стремились установить и развивать добрососедские политические и экономические связи. Для размещения часто приезжающих в Москву ногайских послов существовали особые дворы; остальные располагались в частных домах. Взаимоотношения ногайских биев и мурз с Русским государством в XV–XVIII вв. развивались в сложных исторических условиях. Наибольшую самостоятельность и военно-политическую активность ногайцы проявили с 1481 по 1560 гг. Во многих документах говорится о принятии ногайским улусом российского подданства, но на самом деле кочевники превратились лишь в вассальные орды, зависимые от более сильного государства – России. Взаимные обязательства скреплялись соответствующими шертными грамотами.

С конца XVI – начала XVII вв. Ногайская орда находилась в состоянии феодальной раздробленности. В ней существовали самостоятельные орды: Едисанская, Едишкульская, Джембойлукская, Буджакская и Кубанская, во взаимоотношениях которых периоды мирных связей чередовались с междоусобными войнами. В таких условиях каждая орда и даже отдельные ногайские мурзы независимо от других развивали свои связи с Русским государством и другими соседями. Внутренняя политика ногайских феодалов была направлена на расширение и укрепление их собственной власти [19, с. 548]. Раскол в социальных верхах ногайского общества определил поляризацию внешнеполитической ориентации противоборствующих группировок в различных направлениях – одних на российский, других на крымский двор, за которым стояла Османская империя [41, с. 382–426]. Решающую роль сыграла в этом процессе экспансия на территорию кочевий ногайцев в 20–30-х гг. XVII в. калмыков, создавших под протекторатом России Калмыцкое ханство [20, с. 121–122]. В 1635–1636 гг. Большая и Малая Орды пробились через Дон и объединились с Крымским ханством территориально [24, с. 300].

Однако еще до этих событий ногайцы уходили в причерноморские степи вплоть до Днестра. В начале XVI в. здесь образовалась самостоятельная орда под названием Буджакская. Буджаком («угол») у турок называется южная часть Бессарабии. Этнический состав Буджакской орды разнообразен, но в основном включал колена (рода) едисанских ногайцев. В начале XVII в. Буджакская орда стала орудием Османской империи против непокорных крымских ханов [40, с. 8]. Длительное совместное проживание обусловило некоторые особенности хозяйственного уклада ногайцев, образа жизни и управления.

Условия жизни в Крыму для переселившихся ногайцев были тяжелыми. Голод и бескормица 1638 г. привели к тому, что они ушли «за Перекоп на степь» [30, л. 156; 31, л. 420]. Крымские ханы не хотели выпускать ногайцев из своих рук, они представляли собой значительную вооруженную силу и важный объект эксплуатации. Попытки установить политический контроль в ногайских ордах приводили к кровавым бойням. К примеру, по приказу крымского хана Бахадыр I Герая были убиты более 25 мурз, в том числе князь Петр Урусов (Урак-мурза Янарсланов), князь Гулим, князь Алей и многие другие мансуровские мурзы. Хан послал в их улусы своего нурэддина Сафар-Гирея, который «улусы их развоевал и мурз всех и их детей, которые в пеленках, порубил» [32, л. 3–4, 28–30]. Хан приказал взять под наблюдение беременных жен убитых мансуровских мурз, «покамест они родят, мужеска ли пол или женска» [32, л. 3–4, 28–30], чтобы уничтожить затем мужское поколение. Русские агенты также сообщали, что ногайцев в Крыму сильно «теснят»: приезжавшие в улусы «сеймены берут с ногайцев кормы, а иным временем, выбив ногайских мужиков из дворов, емлют жен их себе на постель и позорять» [33, л. 216–217, 264]. Подобные компании закончились массовым уходом ногайцев за пределы Крымского полуострова.

Ногайские улусы, сорванные калмыками со своих старинных кочевий за Волгой, не могли прочно освоить новые места и вступили в период бесконечных скитаний по степям. Осколки ногайских орд не только не были связаны между собой, но и обнаружили стремление к постоянным посягательствам друг на друга. Ногайские мурзы в XVII в. были погружены в нескончаемую и непримиримую феодальную вражду, в жертву которой были принесены общие интересы ногайских улусов. В подобных условиях имели место разорительные походы ногайцев, соединившихся с калмыками, против своих же соплеменников [29, л. 24–46]. Часть ногайских обществ в рассматриваемый период «закладывались» за терских черкасских князей, мурз и узденей и кочевала с их людьми. Во многих местах по течению Терека, по обеим сторонам его, ногайцы завели «пахотные сабаны» и покосы, захватили промыслы. Часть ногайских обществ, поселившихся по Тереку,

вступили в соглашения с кумыками [27, л. 241–242; 250–255, 266–267, 294–328; 28, л. 7–15, 57, 65–69, 223–228; 34, л. 138, 151, 181].

Обострившаяся внутриполитическая обстановка и связанная с этим неустойчивость орды Больших Ногаев толкала ногайских мурз на частые перемены ориентации: то они поддерживали связь с Россией, то с Крымским ханством, при этом постоянно перекочёвывали с места на место, то приближаясь к Волге, то удаляясь от нее к Тереку или Кубани [20, с. 117–118]. В конце XVII – начале XVIII вв. ногайские общества даже стали объектом оспаривания между калмыцкой и крымской знатью. Их походы вызывали многочисленные передвижения ногайских племен и переписку двух держав [36, л. 11–193; 37, л. 3]. В этих условиях перед московской дипломатией стояла трудная задача – удержать все ногайские улусы в сфере своего влияния, не допустить их союза с Крымом и Турцией, т.е. систематическое приведение ногайских мурз к шерти на верность Русскому государству. Шерть и степень ее соблюдения мурзами в полной мере определяли и сам характер русско-ногайских политических связей. По терминологии русских документов XVII в. все ногайские мурзы находились в российском подданстве. Однако подданство это было своеобразным. Прежде всего, ногайцы не обязаны были платить ясак или нести какие-либо повинности в пользу русского государства, в целом сохранялась за ногайцами большая самостоятельность, и степень зависимости от России складывалась на основе заключения шерти и выдачи аманатов.

Конечно, не все мурзы соблюдали принятые обязательства. Отступления отдельных ногайских мурз от шерти вызывались как объективными, так и субъективными причинами. Одной из важных причин выступала захватническая политика Крыма и Турции в ногайских обществах. С конца XVII – начала XVIII вв. орды Больших и Малых Ногаев снова уходят на так называемую «крымскую сторону». Крымское ханство, будучи вассалом Оттоманской Порты, делало все возможное, чтобы воспрепятствовать укреплению связей ногайцев с Россией, используя при этом и разобщенность ногайских орд, и открытые военные походы на них, и исламскую религию, получившую к этому времени широкое распространение среди ногайской знати [20, с. 141]. Переход ногайцев под крымский протекторат менял соотношение сил в Причерноморье и весьма осложнял задачу, стоявшую перед русским государством, по обороне своих южных границ.

В составе Крымского ханства ногайцы сохранили улусную систему правления во главе с феодальной родовой знатью. Крымская аристократия взяла на себя функции военно-административного контроля и управления набегами. Характер этих взаимоотношений не уходил далее вассальной зависимости номадов. О численности ногайцев есть следующие данные: Буджакская орда могла выставить от 30 до 40 тыс. воинов, Едишкульская Орда насчитывала 40 тыс. кибиток, Джембойлукская – 5 тыс. кибиток, Едисанская – 40 тыс. кибиток, Кубанская – 12 тыс. человек [15, с. 95–110]. С ногайцев взымали в казну Крымского ханства ежегодно по одной голове животных соответственно с 30–40 верблюдов, 20–25 лошадей, 25 коров и быков, 15–20 овец. В счет налога принимались лошади, крупный рогатый скот в возрасте не ниже трех лет, а овцы – однолетки. Хлебная подать составляла 1/10 с каждой меры [35, л. 83б. – 83б об.]. Попытки крымских ханов усилить налоговое давление и установить политический контроль в ногайских ордах вызывали недовольство и мятежи в ногайской среде, участившиеся с 30-х гг. XVIII в. [15, с. 95–110].

С середины XVIII в. в результате обострившихся взаимоотношений с крымскими ханами ногайские мурзы изъявили желание возвратиться в Россию. 21 июня 1754 г. в Санкт-Петербург прибыл едисанский мурза Кутлу-Акай-Ходжи с письмом-просьбой главных мурз – Каная и Шинуши – принять едисанский народ в подданство России [42, с. 117]. Русское правительство отказало мурзам в кочевьях, так как это могло привести к трениям и к разрыву мирных отношений России с Турцией [17, с. 31].

В 1757 г. ногайцы совершили набеги на земли запорожских казаков. Используя крайне жестокие методы, хан добился возмещения причиненного ущерба, но объем названных им компенсаций был значительно больше нанесенных ущербов (300 мешков денег) [12, с. 212–213; 40, с. 234]. Многих влиятельных мурз обвинили в участии в набеге и взяли под стражу, а «знатнейших из них поубивали». Крымский хан направил вооруженных людей, главным образом из волохов, для сбора контрибуции у нескольких ногайских орд. Прибывшие на место люди хана ворвались в кибитку «весьма почитаемого» ногайского мурзы, отсутствовавшего в это время, «били мать, жену и детей его». Не стерпев такой расправы мать мурзы, будучи храброй женщиной, собрала нескольких женщин, и вместе они выгнали всех сборщиков, которые, однако, успели убить мать мурзы. Вернувшийся домой мурза, разъярился и решил отомстить за смерть матери. Собрав людей, он бросился в погоню за сборщиками, которых, догнав, порубил. После этого случая, как свидетельствуют источники, вся орда начала возмущаться. И вскоре все дворяне стали вооружаться, чтобы потребовать у хана сатисфакцию за причинённое бесчестье [20, с. 152–153]. Ногайцы, выставив 80-ти тыс. войско, разгромили войско хана. Взбунтовавшиеся ногайцы выжгли несколько молдавских деревень и совершили набеги на г. Дубоссары и Яссы. В осложненной политической обстановке турецко-крымских отношений ногайцы снова обратились к России с прошением о принятии в русское подданство [36, л. 81]. И в этот раз попытка вступить в протекцию России успеха не имела. Примечательно, что в ответном письме ногайцам российская администрация рекомендовала отказаться от своих намерений получить подданство России до тех пор, пока

между двумя странами не начнется война. Тогда последняя будет согласна принять в свою протекцию ногайцев [20, с. 159–160].

Ногайцы по существу вышли из подчинения Османской империи, однако и Россия была не в состоянии оказать им реальную помощь и покровительство, чтобы не обострять отношений с Портою. В подобных условиях часть ногайских обществ в 1759 г. во главе со своими мурзами ушли в «службу королю прусскому» [20, с. 158]. Вскоре за ними последовали и другие: Жолмамбет-мурза, Оразмамбет-мурза, Омурза, Канай-мурза, Орак-мурза. Общая численность ушедших неизвестна, однако отмечается, что только у двух едисанских мурз – Жолмамбет-мурзы и Орак-мурзы – общая численность людей достигала 30 тыс. семей [20, с. 158].

В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. основная масса ногайцев приняла российское подданство. В начале 1771 г. в Петербург были направлены посольства Едисанской и Буджакской орд. 20 февраля 1771 г. ногайские посланники и депутаты были приняты Екатериной II. В результате переговоров императрица подписала грамоту о вступлении Едисанской и Буджакской орд в протекцию, в союз и дружбу с Россией [37, л. 478]. К исходу 1770 г., следуя совету и примеру Едисанской и Буджакской орд, изъявили желание выйти из-под турецкого подданства ногайцы Джембойлукской и Едишкульской орд. Переговоры состоялись в г. Кафе. Для торжественного подтверждения своих обещаний ногайцы отправили посольство в Петербург. В результате переговоров правительство Екатерины II согласилось принять эти орды в протекцию России [20, с. 168].

Следует заметить, что отделения Малых Ногаев были приведены под царскую руку силой оружия. В ноябре 1769 г. салтанаульские ногайцы были причислены к кабардинскому ведомству [24, с. 58]. На имя императрицы Екатерины II было составлено «Всеподданнейшее письмо Кубанских мурз» от 17 февраля 1770 г., от их имени принял присягу князь Ислам Мусин. В 1771 г. касаевские и наврузовские аулы были разбиты генералом фон де Медемом, после чего они, оставив аманатов, присягнули на верность России [1, с. 77].

Из донесения А. В. Суворова князю Г.А. Потемкину видно, что в 1782 г. численность ногайского населения была значительной – 73,7 тыс. семей (казанов). По его мнению, в Едисанской орде, разделенной на два крыла (правое и левое), считалось 20 тыс. казанов, в Едишкульской орде, состоящей из минского, бурлацкого и кара-китайского поколений, – около 25 тыс. казанов, в Джембойлукской орде – 700 казанов. В закубанских ордах: Наврузовской – до 8 тыс. казанов, Касаевской – 4 тыс. казанов. В Буджакской орде, кочующей в Бендеровской степи, было около 5 тыс. казанов [26, л.18].

Ногайцы получили желанное подданство, однако такого рода отношения при всем их позитивном багаже всё же не явились гарантией надежного и не поддающегося конъюнктурным колебаниям совместничества. Неминуемо накапливались взаимные претензии и обиды, на которых активно играла турецкая агентура, стремящаяся втянуть ногайцев в противоборство со своим российским соперником [36, л. 81]. Раздражающим фактором была набеговая практика и воровство скота, чем охотно занималась молодёжь и представители феодальной верхушки, а также специфика хозяйственного уклада ногайцев, для которых существующие политические границы становились преградой для ведения привычного кочевого образа жизни.

Влияли на ситуацию и субъективные факторы, связанные с недостаточной политической дальновидностью того или иного российского чиновника или ногайского мурзы [25, с. 304–305]. Многочисленные поколения мурз проявили в рассматриваемый период явную неспособность поддержать единство Орды. Напротив, ногайские феодалы были погружены в нескончаемую и непримиримую феодальную вражду, в жертву которой были принесены интересы ногайских улусов.

В 1780-х гг. назрела ситуация, которую условно можно охарактеризовать как кризис в отношениях между частью ногайского общества и российской властью. В подобной ситуации даже возник план переселить ногайские общества в «тыловые» районы империи, в Уральские степи [35, л. 64 – 64об.]. Под влиянием неблагополучной внешнеполитической конъюнктуры российская администрация пошла на применение силовых акций против «немирных» ногайских обществ, что привело к вооруженным столкновениям и многочисленным жертвам. Часть ногайских обществ, увлеченных турецкими агентами, переселилась на территорию Османской империи.

В 1792 г., по проекту Г. А. Потемкина русское правительство решило расселить остатки ногайских племен: часть – к трухменам и ногайцам, кочующим в низовьях Кумы по Каспийскому морю, другую часть – на левый берег реки Молочной в Таврической области, отчасти – на Днестр, где ногайцы когда-то жили, отчасти – на правый берег Кубани. Некоторые ногайские племена расположили свои кочевья по рекам Калаус, Большой и Малый Янкуль, Кугульта, Айгур [26, л. 19].

При всей неоднозначности происходивших событий общая тенденция на сближение между ногайцами и Российской державой не только сохранялась, но и укреплялась, что было обусловлено общностью экономических, политических и культурных интересов участников наметившегося исторического диалога.

В административном отношении закубанская территория, населенная ногайцами, была разделена на три приставства:

1) Главное приставство закубанских народов. Оно ведало ногайскими племенами и дударуковскими абазинцами.

2) Приставство тохтамышевское, ведавшее ногайцами рода тохтамыш, частью абазинских и кабардинских аулов.

3) Приставство бесленеевских и закубанских армян, куда входили наврузовские ногайцы [18, с. 111].

Ногайцы степных районов Северного Кавказа в административном отношении были распределены на 4 приставства:

1) Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское приставство. Ногайцы рода касай, мангит, едисан и едишкуль, вошедшие в это приставство, кочевали по Большому и Малому Янкулю, по верховьям реки Калаус и ее нагорной части. Ногайцы указанного приставства территориально входили часть в Пятигорский, а частью в Ставропольские округи [7, л. 43–48; 9, л. 12–14].

2) Калаусо-Джембойлукское приставство входило в состав Ставропольского округа и простиралось по низовьям реки Калаус, по рекам Кугульта, Барханчак, Айгур и Камбулат. В Калаусо-Джембойлукское приставство входили ногайцы джембойлукского рода: месит, канглы, карарюм, а также особе племя шерет калмыцкого происхождения, издавна кочевавшее с ногайцами [6, л. 45–48].

3) Ачикулак-Джембойлукское приставство включало территорию между Моздоком и рекой Кумой, принадлежащей Моздокскому округу. Кочевали здесь едисанцы и джембойлуковцы. Едисанцы состояли из 4 кубов: кенегес, мангыт, бурку, тувулга. Джембойлуковцы состояли из трех кубов: канглы, карарюм, месит [9, л. 12–14].

4) Караногай-едишкульское приставство. Оно располагалось на территории Моздокского и Кизлярского уездов. Кочевали здесь караногайцы и едишкульцы. Караногайцы состояли из трех кубов: найман, кипчак и терик. Едишкульцы представлены родом аскостамгалы [4, л. 147; 9, л. 12–14].

В Таврической губернии ногайцы проживали между рр. Бердой, Конскими и Молочными водами. Примечательно, что здесь ногайские общества прошли интересный эксперимент от создания ногайского казацкого войска до установления приставской администрации. В 1810 г. ногайские общества составляли 4 волости: Ашинскую, Корсакскую, Молочанскую и Кильтичинскую, которые включали колена орды Едисанской, Едишкульской и Джембойлукской орд. В 1821г. в ногайских кочевьях был учрежден административный центр – город Ногайск [23, с. 564–566].

Основными нормативно-правовыми актами, регламентирующими права ногайцев, стали «Положение для управления обитающих Таврической губернии Мелитопольском уезде ногайцев» (1805), «Наказ для управления ногайцами» (1822), «Устав об управлении инородцами» (1822), «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827). Согласно их положениям, за обществом сохранялось выборное самоуправление, за мурзами и духовенством – статус и наследственно-династические права, также правительство признало за ногайцами компетенцию обычного права в качестве правового феномена.

Важным вопросом во взаимоотношениях новых российских подданных и российской администрации являлся вопрос землевладения и землепользования. Постепенно проводилось изъятие пастбищных ногайских земель – сначала для казачьих военных линий, затем для русских крестьян-поселенцев. Сокращение пастбищных территорий вело к ухудшению качества используемых земель. Земельный голод приводил к нарушению пастбищно-кочевой системы, что вело к ухудшению положения ногайцев [10, л. 254].

В процессе социально-экономической адаптации ногайцев можно выделить несколько основных черт. Ведущей отраслью хозяйства оставалось кочевое скотоводство. Преобладающее положение животноводства и коневодства определялось экономической целесообразностью и традиционным кочевым бытом. В рассматриваемый период в ногайских обществах сохранялись крупные коневоды: Нуруш Ибрагимов, Тангат Куватов, Тангатар Кубанов, Байгары Тангаторов, Менглимурзат Сормамбетов и т.д. Известные конные заводы находились в Калаус-Джембойлукском и Ачикулак-Джембойлукском приставствах. Заводы были степными, табунными, лошадей в них растили верховых упряжных [11, л. 7 – 18 об.]. По данным И. В. Бентковского, с 1822 по 1860 гг. количество лошадей у ногайцев сокращается вдвое – с 22 тыс. до 11 тыс. Государственные меры для улучшения состояния, в том числе легализация заводов, ежегодные съезды коневодов, к сожалению, не давали положительных результатов, так как основной причиной упадка являлось уменьшение земельного фонда, необходимого для выпаса [2, с. 21, 28–29].Сами ногайцы отмечали: «когда степи были вольны, не раздроблены, не населены, и когда о спорах за подножный корм не было помину, тогда именно наши табуны процветали» [2, с. 30]. Переход к оседлости и занятию земледелием у кавказских ногайцев сдерживался рядом факторов, основную роль в этом процессе сыграло отсутствие воды и недостаток плодородных земель. При этом ногайцы Таврической губернии успешно практиковали занятия земледелием [38, л. 24–26]. Тем не менее, основным видом деятельности у ногайцев оставалось скотоводство, хотя оно постепенно принимало пастбищно-отгонную форму.

Но не только это задерживало интеграцию ногайцев в российское правовое пространство – немалое значение имели и просчёты местных властей. Многие авторы, которые касались положения ногайцев, писали о многочисленных бесчинствах, царящих в ней. Так в начале 1836 г. поверенные от караногайского и едишкульского обществ в своей жалобе начальнику Кавказской области писали, что «по управлению ногайцами употребляется большое число казаков, называемые дуванщиками, кои посылаются по делам и вообще ездят на ногайских лошадях, выбирая из табуна самих лучших и скорою ездою портят оных, так что хозяева, которые имели по 2 и по 3 лошади, теперь остаются совсем пешими». В связи с этим поверенные просили «ограничить число казаков» [8, л. 1–4].

К середине XIX вв. в связи с изъятием пастбищных угодий, произволом бюрократического

аппарата чиновников и военных отрядов и многих других злоупотреблений местной администрации вызывали возмущение у ногайского населения. Оно выражалось в различной форме: подаче коллективных жалоб, отказе об уплаты податей, бегства в пределы турецких владений и переходе к закубанцам. При этом институт приставства оказался взаимоприемлемой формой диалога между государством и ногайскими обществами и позволял невоенными методами разрешать возникающие спорные ситуации. Большую роль в административном управлении и хозяйственно-экономической деятельности в первой трети XIX в. сыграла личность генерал-майор Султана Менгли-Гирея в должности пристава ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств. Султан Менгли-Гирей принял деятельное участие в налаживании жизни своих подвластных и привлек немало закубанских ногайцев на российскую сторону [14, с. 51–55].

К началу 50-х гг. XIX в. ногайские общества – как на Кавказе, так и в Таврической губернии – успешно адаптировались к социально-политической жизни в империи, однако уже вскоре они ушли из России под державную руку единоверного падишаха. Большое влияние на этот процесс оказала протурецкая пропаганда в лице привилегированного класса феодалов. Господство патриархально-феодальных отношений и родовых институтов, власть религии и духовенства неизменно послужили их интересам в этом процессе. Но были и те, кто уже удачно вошёл в состав российской элиты и видел своё будущее и будущее ногайского народа в неразрывном единстве с русскими. Это были такие авторитетные владельцы, как князь Адиль-Гирей Капланов-Нечев, Султан Казы-Гирей, Султаны Тохтамыш и Джанибек Гиреи, семьи Мансуровых, Мамаевых, Карамурзиных и др. [3, с. 46].

За 1858–1859 гг. в Турцию переселились около 70 тыс. ногайцев Калаус-Джембойлукского, Калаус-Саблинского и Бештово-Кумского приставств [5, л. 90], 39,6 тыс. прикубанских ногайцев [21, с.113] и около 50 тыс. ногайцев из Таврической губернии [39, с. 210]. Однако приведенная статистика переселенцев неточна, т.к. немало ногайцев ушло в Турцию самовольно, без пропусков, без ведома властей.

Отличительной особенностью ногайского мухаджирства от мухаджирства горского являлось то, что у номадов оно не было следствием военно-политического поражения, а было связано с изменениями в социально-экономической жизни, наличием определённых религиозных предубеждений и проводимой антирусской пропаганды [16, с. 258–277].

Положение ногайских эмигрантов в Турции было крайне тяжелым. Ни земель, ни денег ногайцы не получили. Уже вскоре они стали с крайней настойчивостью искать случая возвратиться на прежние места жительства. «Странное явление представляет собою в настоящее время Анатолия. В то время как тысячи новых переселенцев из крымских татар, ногайцев и кавказских горцев с каждым днем прибывают в Константинополь и в порты Анатолии, весь анатолийский берег, как мы лично в том могли убедиться покрыт этим же народом, требующим у местных властей дозволения возвратиться опять в Россию, – отмечает современник, – партия этих переселенцев села на пароход «Буг» и отправилась в Керчь, куда и прибыли в то самое время, как два турецких парохода брали из Керчи новых переселенцев. Прибывшие в Керчь из Смирны татары кажется самым своим возвращением должны были бы подействовать на вновь отправляющихся, но те, движимые фанатизмом, не обратили внимания на только что прибывших и отправились в Синоп, где более 2000 их соплеменников выбиваются из сил, чтобы получить дозволение возвратиться в Керчь. В Самсуне несколько сот ногайцев кочевала на кладбище и, теряя каждый день десятки людей, они с отчаянием осадили дом русского вице-консула, в сад которого принесли своих детей, требуя, чтобы он их отправил в Россию или кормил» [22, с. 97–99]. Массовое переселение ногайцев приходится на 50–60-е гг. XIX в., оно продолжилось до конца русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [43, р.1599–1606].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что русско-ногайские отношения имели давнюю историческую традицию. На ранних этапах они развивались в условиях превалирования внешнеполитических факторов. При отсутствии политического единства и наличии нескольких самостоятельных орд, каждая из которых выбирала внешнего покровителя и конкурировала с соседями, ногайцы становились заложниками геополитического противостояния различных центров силы. В таких условиях каждая орда и даже отдельные ногайские мурзы независимо от других развивали свои связи – часть ногайских племен подчинялась Российскому государству, другие – крымскому хану и турецкому султану, калмыцким тайшам. До начала XVIII в. русскому правительству приходилось иметь дело с политически раздробленными, порой враждующими между собой ногайскими ордами. В этих условиях перед московской дипломатией стояла трудная задача удержать все ногайские улусы в сфере своего влияния, не допустить их союза с Крымом и Турцией, для чего проводилось систематическое приведение ногайских мурз к шерти на верность Москве. Соблюдались такие договорённости не всегда, т.к. социальные верхи ногайского общества стремились максимально использовать быстро меняющуюся политическую конъюнктуру для получения преференций и выбирали наиболее привлекательную с политической и экономической точки зрения позицию. По мере усиления позиций России в регионе желающих делать ставку на турецкую помощь становилось всё меньше, а взаимоотношение ногайцев с империей трансформировалось от вассально-союзнического до подданнического. Неуклонный процесс интеграции ногайцев в административно-правовую систему России в первой половине

XIX в. представлял собой коренную и нелегкую, а нередко и весьма болезненную ломку прежнего уклада жизни, на которую пошли далеко не все ногайские общества, отдав предпочтение более радикальному и драматическому варианту исторической судьбы, эмигрировав в Турцию.

Источники и литература

1. Алиева С. И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа в исторических процессах XVIII – начала XX в.: дисс… канд. истор. наук. Краснодар, 2000. 272 с.
2. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. 134 с.
3. Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. Записки Императорского Русского Географического Общества. Т.2. СПб.: б.и., 1863. 71 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.249. Оп. 2. Д. 23.
5. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 61.
6. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167.
7. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 685.
8. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2369.
9. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737.
10. ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 8.
11. ГАСК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1400.
12. Гизер С. Н. Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // Записки науково-дослідноїлабораторіїісторії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя: РА «Тандем-У». Вип.6. 2001. С. 212–215.
13. Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008 (2009). История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература. 2009. С. 67–97.
14. Джумагулова А. Т. Вклад Султана Менгли-Гирея в организацию административного управления ногайцами Северо-Западного Кавказа в первой трети XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №12 (50): в 3-х ч. Ч.II. С. 51–55.
15. Джумагулова А. Т. Некоторые аспекты ногайско-крымских взаимоотношений в XVIII в. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 95–115.
16. Джумагулова А. Т. Причины и обстоятельства исхода ногайского населения в Османскую империю в 50–60-х гг. XIX в. // В мире научных открытий. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. №1(1). С. 258–277.
17. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: АН СССР, 1955. 368 с.
18. Забудский Н. Н. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Ставропольская губерния. Т. XVI. Ч. 1. СПб.: б.и., 1851.
19. Кидириязов Д. С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами): дисс. … докт. истор. наук. Махачкала, 2001. 594 с.
20. Кочекаев Б. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988. 272 с.
21. Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы / Отв. ред. Р. А.-Х. Джанибекова. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. Вып. V. С. 111–131.
22. Обратное переселение ногайцев и горцев // Журнал Министерства государственных имуществ. 1861. №8. С. 97–99.
23. Полное собрании законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXVII. 983 с.
24. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889.
25. Присоединение Крыма к России (рескрипты, письма, реляции и донесения): В 4 т./ под общ. Ред. Н. Ф. Дубровина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885–1889.
26. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Д. 2914.
27. РГАДА. Ф. 115 за 1646 г. Д. 1.
28. РГАДА. Ф. 115 за 1647 г. Д. 1.
29. РГАДА.Ф. 119 за 1643 г. Д. 2.
30. РГАДА.Ф. 127 за 1637 г. Д. 1.
31. РГАДА.Ф. 127 за 1639 г. Д. 1.
32. РГАДА.Ф. 127 за 1639 г. Д. 2.
33. РГАДА.Ф. 127 за 1641 г. Д. 1.
34. РГАДА.Ф. 127 за 1644 г. Д. 1.
35. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 52. Оп. 194. Д. 289.
36. РГВИА. Ф. 846. Оп. 47. Д. 1.
37. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3.
38. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066.
39. Сергеев А. А. Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Типография Таврическ. Губерн. Земства. 1913. №49. С. 178–223.

40. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты, до присоединения его к России. ЗООИД. Т.15. Одесса: Типография А. Шульце, 1889. С. 152–403.
41. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002. 752 с.
42. Ялбулганов А. А. Некоторые аспекты российско-тюркских контактов на юге Восточной Европы в XVIII в. (Россия и ногайцы) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. РАН. М.: Институт истории РАН, 1995. С.116–119.
43. Mehmet Ali Ekrem KırımveNogayTürklerininOsmanlıDevrindeDobrucu'yaveTümRumeli'yeGeçmeleriveYerleşmeleri // VIII Türk Tarih Kongresi, Ankara, 11–15 Ekim 1976, Kongreye Sunulan Bildiriler, Vol. III, Türk Tarih Kurumu, Ankara, 1983. P. 1599–1606.

References

1. Alieva S. I. Nogajcy Severo-Zapadnogo Kavkaza v istoricheskix processax XVIII – nacphala XX v. *(Nogais of the North-Western Caucasus in the historical processes of the XVIII – early XX centuries):* thesis. Krasnodar, 2000. 272 p. (In Russian)
2. Bentkovskiy I. V. Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoy gubernii. Nogaytsy. *(Historical-statistical review of non-natives-Mohammedans, wandering in the Stavropol province. Nogais)* Part 1. Stavropol': Governor Board Printing Office publ., 1888. 134 p. (In Russian)
3. Venyukov M. I. Ocherk prostranstva mezhdu Kuban'yu i Beloy. Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva *(Sketch of the space between the Kuban and Belaya. Notes of the Imperial Russian Geographical Society).* Vol. 2. St. Petersburg, 1863. 71 p. (In Russian)
4. State Archive of Stavropol Territory.(GASK). F. 249. Inv. 2. D. 23. (In Russian). (In Russian)
5. GASK. F. 249. Inv. 3. D. 61. (In Russian)
6. GASK. F. 249. Inv. 3. D. 167. (In Russian)
7. GASK. F. 249. Inv. 3. D. 685. (In Russian)
8. GASK. F. 249. Inv. 3. D. 2369. (In Russian)
9. GASK. F. 249. Inv. 3. D. 2737. (In Russian)
10. GASK. F. 406. Inv. 1. D. 8. (In Russian)
11. GASK. F. 407. Inv. 1. D. 1400. (In Russian)
12. Gizer P. N. Tureckij istochnik po istorii budzhakskix nogajcev *(Turkish source on the history of Bujak Nogais)* // Zapiski naukovo-doslidnoï laboratoriï istoriï Pivdennoï Ukraïni Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ukraïna XVIII–XIX stolittya. Issue.6. Zaporizhzhya: RA «Tandem-U» publ., 2001. P. 212–215. (In Russian)
13. Gribovskiy V. V. Upravlenie nogaytsami Severnogo Prichernomor'ya v Krymskom khanstve (40–60-e gody XVIII v.) *(Management of the Nogais of the Northern Black Sea Region in the Crimean Khanate (40-60s of the XVIII century)// Tyurkologicheskiy sbornik. 2007–2008 (2009)*. Istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran. Moscow: Eastern literature publ., 2009. P. 67–97. (In Russian)
14. Dzhumagulova A. T. Vklad Sultana Mengli-Gireya v organizatsiyu administrativnogo upravleniya nogaitsami Severo-Zapadnogo Kavkaza v pervoi treti XIX veka *(The contribution of the Sultan Mengli-Girey to the organization of administrative management of the Nogais of the North-West Caucasus in the first third of the XIX century)* // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. No. 12 (50). Part. II. P. 51–55. (In Russian)
15. Dzhumagulova A. T. Nekotorye aspekty nogaysko-krymskikh vzaimootnosheniy v XVIII v. *(Some aspects of Nogai-Crimean relations in the XVIII century)* // Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – XI. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. P. 95–115. (In Russian)
16. Dzhumagulova A. T. Prichiny i obstoyatel'stva iskhoda nogayskogo naseleniya v Osmanskuyu imperiyu v 50–60-kh gg. XIX v. *(Causes and circumstances of the exodus of the Nogai population to the Ottoman Empire in the 50–60s. XIX century)* // V mire nauchnykh otkrytiy. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2015. No. 1(1). P. 258–277. (In Russian)
17. Druzhinina E. I. Kyuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie) *(Küçuk-Kainarji peace of 1774 (its preparation and conclusion).* Moscow: SA USSR publ., 1955. 368 p. (In Russian)
18. Zabudskiy N. N. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii: Stavropol'skaya guberniya *(Military Statistical Review of the Russian Empire: Stavropol Province).* Vol. XVI. Part. 1. St. Petersburg, 1851. (In Russian)
19. Kidirniyazov D. S. Nogaytsy v XV–XVIII vv. (politicheskie, ekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimootnosheniy s sopredel'nymi stranami i narodami) *(Nogais in XV–XVIII centuries (political, economic and cultural aspects of relations with neighboring countries and peoples):* thesis. Makhachkala, 2001. 594 p. (In Russian)
20. Kochekaev B. B. Nogaysko-russkie otnosheniya v XV–XVIII vv. *(Nogai-Russian relations in the XV–XVIII centuries).* Alma-Ata: Nauka publ., 1988. 272 p. (In Russian)
21. Laipanov Kh. O. K istorii pereseleniya gortsev Severnogo Kavkaza v Turtsiyu *(On the History of the Relocation of Highlanders of the North Caucasus to Turkey)* // Trudy Karachaevo-Cherkesskogo NII istorii, yazyka i literatury / ed by R. A.-Kh. Dzhanibekov. Stavropol': Stavropol publishing house publ., 1966. Issue. V. P.111–131. (In Russian)
22. Obratnoe pereselenie nogaitsev i gortsev *(Reverse Migration of Nogais and Highlanders)* // Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. 1861. No.8. P. 97–99. (In Russian)
23. Polnoe sobranii zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe *(Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection One).* Vol. XXXVII. St. Petersburg: Printing House And Offices Of His Imperial Majesty's Own Office publ., 1830. 983 p. (In Russian)
24. Potto V. A. Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh *(Caucasian war in individual essays, episodes, legends and biographies)*: In 5 Vols. St. Petersburg: Printing house of E. Evdokimov, 1887–1889. (In Russian)

25. Prisoedinenie Kryma k Rossii (reskripty, pis'ma, relyatsii i doneseniya) *(Accession of Crimea to Russia (rescripts, letters, reports and reports):* In 4 Vols / edited by N. F. Dubrovin. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences publ., 1885–1889. (In Russian)
26. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) F. 7. D. 2914. (In Russian)
27. RGADA. F. 115 for 1646 year. D. 1. (In Russian)
28. RGADA. F. 115 for 1647 year. D. 1. (In Russian)
29. RGADA. F. 119 for 1643 year. D. 2. (In Russian)
30. RGADA. F. 27 for 1637 year. D. 1. (In Russian)
31. RGADA. F. 127 for 1639 year. D. 1. (In Russian)
32. RGADA. F. 127 for 1639 year. D. 2. (In Russian)
33. RGADA. F. 127 for 1641 year. D. 1. (In Russian)
34. RGADA. F. 127 for 1644 year. D. 1. (In Russian)
35. Russian State Military Historical Archive. (RGVIA) F. 52. Op. 194. D. 289. (In Russian)
36. RGVIA. F. 846. Inv. 47. D.1. (In Russian)
37. RGVIA. F. 846. Inv. 16. D. 3. (In Russian)
38. RGVIA. F. 846. Inv. 16. D. 19066. (In Russian)
39. Sergeev A. A. Ukhod Tavricheskikh Nogaitsev v Turtsiyu v 1860 g. *(The departure of the Tauride Nogai to Turkey in 1860)* // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Simferopol': Tipografiya Tavrichesk. Gubern. Zemstva. 1913. No. 49. P. 178–223. (In Russian)
40. Smirnov V. D. Krymskoe xanstvo pod verxovenstvom Ottomanskoj Porty, do prisoedineniya ego k Rossii *(Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte, before its accession to Russia)*. Vol.15. Odessa: A. Shul'ce's Printing House publ., 1889. P. 52–403. (In Russian)
41. Trepavlov V. V. Istoriya Nogayskoy Ordy *(History of the Nogai Horde)*. Moscow: «Vostochnaya literatura» publ., 2002. 752 p. (In Russian)
42. Yalbulganov A. A. Nekotorye aspekty rossijsko-tyurkskix kontaktov na yuge Vostochnoj Evropy v XVIII v. (Rossiya i nogajcy) *(Some aspects of Russian-Turkic contacts in the south of Eastern Europe in the 18th century (Russia and Nogais)* // Kontaktnye zony v istorii Vostochnoj Evropy: perekrestki politicheskix i kul'turnyx vzaimovliyanij. Moscow: Institute of Russian History of RAS, 1995. P. 116–119. (In Russian)
43. Mehmet Ali Ekrem. «Kırım ve Nogay Türklerinin Osmanlı Devrinde Dobrucu'ya ve Tüm Rumeli'ye Geçmeleri ve Yerleşmeleri» // VIII Türk Tarih Kongresi, Ankara, 11–15 Ekim 1976, Kongreye Sunulan Bildiriler, Vol. III, Türk Tarih Kurumu. Ankara, 1983. P. 1599–1606.

Сведения об авторе

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (филиала в г. Ессентуки) / aigul-men@mail.ru

Information about the author

Dzhumagulova Aigul – PhD in History, Associate Professor, Chair of History, Law and social disciplines, Stavropol State Pedagogical Institute (branch in Yessentuki) / aigul-men@mail.ru

УДК 94(5)

С. Л. Дударев

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ (ОБОБЩАЯ ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Тематика Великого Шелкового пути (ВШП) становится популярной в России с начала 1990-х гг., когда в результате политических перемен страна стала более открытой внешнему миру. Ученые России и других стран проявили большое внимание к историческому опыту ВШП в связи с тем, что он дает уникальную возможность проследить трансрегиональные интеграционные связи внутри Евразии на протяжении последних двух тысяч лет. В вузах Северного Кавказа интерес к теме ВШП закономерен, так как один из участков Шелкового пути проходил именно здесь. Опыт изучения истории ВШП рассматривается в осуществляемых учеными Центра и Северо-Кавказского региона совместными проектами, в рамках которых в вузах региона проводятся научные конференции, защищаются диссертации, читаются дисциплины по выбору. Заметными форумами, на которых были представлены проблемы изучения связей между народами Северной Евразии, являются в недавнем прошлом межрегиональная научная конференция «Минаевские чтения», проходившая на историческом факультете Ставропольского государственного университета, а ныне представительная международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе», проводимая в СКФУ. Репрезентативным примером исследования, которое поднимает вопросы внутриевразийской коммуникации еще в древности является кандидатская диссертация представительницы Южной Кореи Ли Джи Ын, защищенная в Ставропольском госуниверситете и посвященная теме контактов ранних кочевников южнорусских степей с китайской цивилизацией, в которой автором изучаются китайские импорты и подражания им в памятниках между Южным Уралом и Балканами. В вузах Северного Кавказа имеется опыт разработок периодизаций всемирной истории, в которых ВШП выступает, как важная артерия, способствовавшая интеграции весьма удаленных друг от друга народов во всемирно-исторический процесс, в древности и средневековье (исторический факультет АГПУ). Вузы Северного Кавказа вносят свой вклад в развитие проблем исследования ВШП, что имеет сегодня большое прикладное значение в связи с развитием международного партнерства и туризма.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь (ВШП), евразийская интеграция, Ханьский Китай, историография Великого шелкового пути, интеллектуальная история.

S. Dudarev

ON STUDYING THE HISTORY OF THE GREAT SILK ROAD (REVIEW OF DIFFERENT STUDIES)

The theme of the Great Silk Road (GSR) has become popular in Russia since the early 1990s, when, as a result of political changes, the country became more open to the outside world. Scientists of Russia and other countries have shown great attention to the historical experience of the GSR due to the fact that it provides a unique opportunity to trace the trans-regional integration ties within Eurasia over the past two thousand years. In the universities of the North Caucasus, interest in the topic of GSR is logical, since one of the sections of the Silk Road was held here. The experience of studying the history of high school education is examined in joint projects carried out by scientists of the Central and the North Caucasus region, within the framework of which scientific conferences are held at universities, dissertations are defended, elective disciplines are read. Significant forums in which the problems of studying relations between the peoples of Northern Eurasia were presented at the interregional scientific conference “The Minayev Readings” held at the history department of Stavropol State University, and now the representative international scientific and practical conference “The Historical and Cultural Heritage of the Great Silk Road and promotion of tourist destinations in the North Caucasus”, held in the North Caucasus Federal University. A representative example of a study that raises issues of intra-Eurasian communication back in antiquity is the Ph.D. thesis of the South Korean representative Lee Ji Eun, defended at the Stavropol State University and devoted to the topic of contacts between the early nomads of the South Russian steppes with Chinese civilization, in which the author studies Chinese imports and imitations of monuments between them South Ural and the Balkans. In the universities of the North Caucasus, there is experience in the development of periodizations of world history, in which the GSR acts as an important artery that promoted the integration of very distant peoples into the world-historical process, in antiquity and the Middle Ages (the history department of the Armavir State Pedagogical University). The universities of the North Caucasus contribute to the development of the problems of the GSR, which is of great practical importance today in connection with the development of international partnership and tourism.

Key words: Great Silk Road, Eurasian integration, Han China, historiography of Great Silk Road, intellectual history.

Еще в 1990-е гг. отечественными специалистами, т.е. Российским фондом культуры и Центром «Шелковый путь», который имел свое региональное подразделение на Ставрополье, совместно с зарубежными коллегами осуществлялся крупный научный проект, предполагавший изучение стран, лежавших на этой трассе. В рамках данного проекта проводились научные конференции [35] и печатались сборники трудов [8]. Тематика Великого Шелкового пути (ВШП) рассматривалась и на проводившейся ряд лет в Ставропольском государственном университете (ныне Северо-Кавказский федеральный университет) силами исторического факультета (проф. А. А. Кудрявцев) региональной научно-практической конференции «Минаевские чтения», ставшей заметным явлением в научной жизни северокавказских вузов и научно-исследовательских институтов. Проблемы ВШП получили свое отражение в интеграционной периодизации, предложенной кафедрой всеобщей истории Армавирского государственного педагогического института (ныне – университета) в первой половине 1990-х гг. [9, с. 126–135]. На диссертационном Совете при Ставропольском государственном университете в 2000-е гг. защищались диссертации, содержание которых напрямую касалось изучения проблем ВШП [33]. Сегодня традиции, заложенные в 1990–2000-е гг., получают свое полезное, зримое и весомое продолжение в СКФУ в рамках представительной международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе», регулярно проводимой ныне в СКФУ [39]. Иными словами, тематика ВШП по-прежнему имеет высокую научную актуальность. Она должна рассматриваться в контексте проблематики взаимоотношений центров высокой цивилизации и т.н. варварской периферии, выяснения степени и характера влияния классовых обществ на социо-политические, культурные и иные, в том числе, интеграционные, процессы в племенной среде. Несомненна связь указанной проблематики с темой (приобретающей в наше время все большее звучание) трансрегиональных связей между Западом и Востоком, которая особенно актульна в контексте глобализации.

Обратимся к кандидатской диссертации представительницы Южной Кореи г-жи Ли Джи Ын, обойденной вниманием специалистов по ВШП [33]. Автор обращает исследователей к теме контактов ранних кочевников южнорусских степей с китайской цивилизацией, для чего он прибег к изучению китайских импортов и подражаний ему в памятниках между Южным Уралом и Балканами.

Ли Джи Ын представила репрезентативную экспозицию письменных источников, как восточных, так и западных, в контексте которых рассматриваются приводимые в работе археологические артефакты. Автор дает обзор таких важнейших китайских письменных источников, как «Исторические записки» («Шизцы») Сымя Цяня, «Ханьская история» («Ханьшу») Бань Гу и «Позднеханьская история» («Хоуханьшу») Фань Ё. В них имеются сведения о народах Евразии, интересовавших китайцев в качестве исторических партнеров и, одновременно, объектов экспансии, описываются события этнополитической истории периода Хань, которые были связаны с отношениями китайской империи и племен Западного края. Сочинения Гекатея, Геродота, Страбона, Гая Плиния Секунда Старшего, Клавдия Птолемея и др. представляют в исследовании античные источники. Их содержание указывает на существовавший в греко-римском мире стабильный интерес к Востоку. Примечательно, что китайские письменные источники создавались с целью передачи сведений потомкам, а западные были адресованы современникам как справочники и путеводители.

В разделе «Этнополитическая ситуация в евразийских степях в последние века до нашей эры – первые века нашей эры» автором представлена емкая картина формирования племенных союзов сюнну, усуней, юэчжи и др. и их постоянной и ожесточенной борьбы между собой, которая шла в тесном взаимодействии с китайской цивилизацией и экспансией Хань на запад. Она отражает драматичное и одновременно плодотворное столкновение двух миров – кочевого и оседлого, противоборства китайского цивилизационного центра с кочевой периферией. Работа, проделанная автором, служит основой для понимания ритмов взаимоотношений ханьского Китая с варварской средой, локализовавшейся к западу от него, и динамики распространения китайских импортов у населения евразийского ареала.

Третья глава работы посвящена детальному исследованию и систематизированию тщательного собранного фонда китайских импортов из археологических объектов Юга России: практически всех известных на начало XXI в. находок ханьских зеркал и подражаний им, нефритовых деталей мечей, и мечей с так называемым ромбовидным перекрестием. Автор весьма разносторонне анализирует типы китайских зеркал с изучаемой территории, используя свое знание китайского языка, выясняет прочтение сделанных на них надписей, устанавливает семантику данных предметов.

Данные эпиграфики позволяют более четко структурировать зеркала на ряд хронологических групп (всего 6). Особенности нанесения иероглифов на зеркала дают возможность автору установить их китайский или местный генезис. Исследователь тонко демонстрирует отличия иероглифических знаков, нанесенных китайскими мастерами, от тех, которые были изготовлены автохтонами Юга Восточной Европы в подражание ханьским не совсем умело: каллиграфия в Китае всегда была высоким искусством. Китайские зеркала и мечи, найденные на Юге России, рассматриваются специалистом на обширном фоне китайских и иных восточноазиатских параллелей, что придает убедительность его выводам, одновременно показывая эрудицию автора. Правда, не со всеми его выводами в этом отношении можно согласиться. Например, он относит к влияниям

эпохи Хань все длинные мечи без металлических наверший и перекрестий, обнаруженные в памятниках Юга России. Подобное оружие хорошо известно в Восточной Европе и на Кавказе в эпоху поздней бронзы [55, taf. 12, 17], киммерийское [8], и скифо-сарматское время [16, с. 72–78; 33] как среди кочевников, так и оседлых племен. Материалы Северного Кавказа, относящиеся не только к древности, но более поздним временам [43], указывают на то, что для местного рубящего оружия наличие перекрестий не является обязательным.

В главе «Причины проникновения китайского импорта за пределы империи Хань» Ли Джи Ын верно определяет причины, приведшие к появлению ханьских предметов на территории «варварской периферии» и в том числе, на юге современной России. Таковы: переселение и бегство населения империи за пределы Хань, военные трофеи, китайские военные поселения, подарки иноземным вождям, ограбление послов (и купцов – *С.Д.*), транзитная и приграничная торговля, функционирование Великого Шелкового пути, миграции кочевников в Восточную Европу. Специалист дифференцирует эти причин в зависимости от того, насколько тот или иной район был более близок или удален от самого Китая.

Одновременно мы считаем необходимым уточнить причины появления китайского импорта у населения Евразии. Автор приводит, например, вполне справедливое положение А. М. Хазанова о том, что дань и подарки кочевникам производились с целью откупиться от их набегов. Рассуждая о начале функционирования Шелкового пути, Ли Джи Ын верно приводит мысль о том, что на первом своем участке эта трасса не была собственно торговой артерией. По мнению Э. де ля Вессьера, торговля не являлась целью Китая. Вероятно, автор прав, утверждая, что движение китайских вещей происходило, главным образом, в политико-дипломатических и престижных целях. Но объяснение причин поступления китайских вещей к «варварам» требует ныне более углубленной трактовки. В случае с Ханьским Китаем дань тем или иным субъектам Западного Края нужно расценивать не только, а иногда и не столько как стремление купить себе мир ценой подношений. Отечественные ученые отмечают, что города Западного Края, под которым ими понимается Восточный Туркестан, отказывались от «даров Сына Неба». Они расценивали таковые как попытку вмешательства в свои внутренние дела [13]. Этот ракурс зазвучит еще более любопытно, если взять более поздний период отношений Китая с миром евразийских степей. Шедшие туда из Поднебесной предметы роскоши вызывали к себе двоякое отношение. Это чуждое богатство одновременно притягивало и отталкивало средневековых кочевников, которые связывали его с соблазном и упадком нравов [8, с. 153]. Вряд ли случайно, что в более отдаленном будущем люди Востока, которые прекрасно осознавали, какую опасность несут внешние инновации для сохранения идентичности, используя, все же, таковые, стремились при этом к установлению приоритета своих ценностей (японский принцип вакон ёсай: «японский дух, западная техника», корейский «дондо саги», означающий по сути, то же самое).

В другом месте IV главы автор отмечает, что все иностранные гости, прибывавшие ко Двору (в том числе послы и заложники), приносили, как правило, подарки. Подчеркнем, что с точки зрения китайского менталитета, это были не подарки, а дань. Именно в такой форме мог происходить обмен «варваров» с Тяньцзы, «Сыном Неба», владыкой Срединной империи. Причем в обмен на эту дань Китай должен был дать больше. Этого требовал его неизмеримо более высокий престиж [6, с. 382].

Исследуя причины появления китайского импорта в Восточной Европе, Ли Джи Ын делает вывод, что в основе этого факта лежит аланская миграция, произошедшая между 65–49 гг. до н.э. (или несколько позже). Подтверждением этого, по мнению автора, является хронология ханьских зеркал. С этим мы отчасти согласны. Однако сам же исследователь сообщает о более сложной хронологической структуре китайского импорта с юга России. Одна группа памятников с ханьскими зеркалами датируется I-началом II вв. н.э., а другая группа с ханьскими зеркалами – концом II – началом III в. н.э. Памятники с нефритовыми деталями мечей относятся к позднесарматскому времени, т.е. II – III вв. н.э. В принципе, связь движения китайских вещей исследуемого времени с известной аланской миграцией возможна. Тем не менее, нужно учитывать и фактор трансрегиональных торгово-обменных связей, в том числе и по Великому Шелковому пути.

Таким образом, работа Ли Джы Ын дает хорошее представление о тех сложных, многообразных исторических процессах, в ходе которых возникла разветвленная, опосредованная система связей между народами и племенами Великой Степи и далеким Китаем в древности.

В русле проблем изучения ВШП большой интерес представляет исследование восприятия друг другом представителями различных культур Евразии, начиная с древности и заканчивая новым временем. В этом отношении, важную роль играет упоминавшаяся выше коллективная монография «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии» [52]. Обратим особое внимание на некоторые положения главы X «Кочевая элита степной империи. VI–IX вв.». В ней отмечено, в частности то, что религиозные системы добиваются гораздо более серьезных успехов и имеют бо̀льшую эффективность, когда им удается адаптироваться к мировоззрению данной «атакуемой» аудитории, создавая ощущение, что «новое» послание на самом деле является лишь «улучшением» старой веры и полностью соответствует традиционным представлениям людей [52, с. 163]. Религией, которая предъявляла в первые века своего существования менее всего требований к кочевникам Центральной Азии, был ислам. Мусульманское духовенство требовало от кочев-

ников единственно официально принять эту религию и декларировать свою веру в Аллаха [52, с. 164]. Похожая ситуация существовала до конца XVIII – середины XIX в. на Северном Кавказе. Представители целого ряда народов Северного Кавказа, официально принявшие в это время ислам, не придерживались строго догматической версии мусульманской религии. В их верованиях (особенно, у адыгов Закубанья) было немало элементов домонотеистических воззрений, а также христианства, олицетворявших синкретические представления местного северокавказского населения, что позволяет их аттестовать, как ересь [15]. Однако с конца XVIII в. наблюдается тенденция к радикализации ислама. Причиной для этого, по большому счету, не было желание властей массово христианизовать горцев, хотя проекты, направленные на христианизацию, как известно, имели место. Так, известна своей деятельностью Осетинская духовная комиссия, действовавшая в XVIII в., и продолжившая затем работу в XIX в. [13, с. 104–112]. Большую известность получило «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», учрежденное в январе 1860 г. по инициативе тогдашнего кавказского наместника А. И. Барятинского при поддержке представителей высших властей (великий князь Михаил Николаевич). Некоторые историки полагают, что деятельность «Общества» послужила одной из причин мухаджирства [37, с. 175]. Известны проекты отдельных, менее влиятельных лиц, направленные на христианизацию горев (А. А. Бегичев). Не будем забывать и о том, что сидей проповедания Евангелия среди них вступал и А. С. Пушкин («Путешествие в Арзрум»). Впрочем, на наш взгляд, все эти проекты безнадежно запоздали, а если реализовывались, то фрагментарно и непоследовательно. Но главное, что даже после присоединения Крыма в 1783 г. говорить о христианизации было уже поздно – разразившееся в 1785 г. восстание шейха Мансура ярко свидетельствовало о том, что северокавказский ислам становится знаменем политической борьбы и этнической мобилизации против расширения присутствия России на Северном Кавказе.

На наш взгляд, обострение обстановки на Северном Кавказе в первой половине – середине XIX в. было прежде всего, связано не сколько с угрозой для горцев потери конфессиональной идентичности (несмотря на приведенные выше факты, целью российских властей в XVIII–XIX вв., по большому счету, никогда не была смена вероисповедания северокавказцев (о чем говорит, например, опыт А. П. Ермолова) [47, с. 370–373], сколько с необходимостью отказа местного населения от распространенного среди них понимания свободы и принять российский уклад жизни с его бюрократией, муштрой и т.п. На Северном Кавказе имел место удивительный парадокс, отмеченный В. М. Батчаевым [47, с. 176]. Россия в результате «Кавказской войны» одержала политическую победу, а Османская империя – победила на «идеологическом фронте». Большинство горских народов стали мусульманами и остаются ими по сей день. Вопрос – почему? И вновь можно обратиться к историческому опыту народов, живших на ВШП. Хотя кочевые народы воспринимали и чужое, но более всего они ценили свое [52, с. 55]. Именно ислам явился интегрирующим фактором, наиболее полно синтезировавшим ведущие ценности горских народов: приверженность традициям, маскулинность и связанная с ней система гендерных ролей, уважение к предкам и их опыту, устойчивость социальных структур, уходящих корнями в прошлое, и т.п. Сегодня мы видим, как все эти ценности явно доминируют в сознании северокавказцев. Впрочем, данное явление, именуемое футуро-архаикой, уже шагает и по миру.

Большое значение имеют международные научно-практические конференции, проведенные в г. Ставрополе на базе ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» в 2016 и 2017 гг. Два этих представительных форума имели общее название «Историко-культурное наследие Великого Шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе». Наряду с проблемами туристских маршрутов, немало статей были посвящены различным странам и регионам в истории Великого шелкового пути.

Всем историкам, кто изучает Великий шелковый путь и преподает соответствующие данной проблематике курсы, было бы важно обратиться к опыту указанного форума, который важен, прежде всего, широким временным охватом археологического и исторического материала: от VI–IV тысячелетий до нашей эры вплоть до современности, когда актуальными становятся вопросы об использовании исторического наследия Великого шелкового пути. Столь же широк региональный аспект проблематики, связанной с функционированием Великого шелкового пути, охватывающий территории, начиная от Придонья, Северного Кавказа и Закавказья и заканчивая Китаем. Значительно разнообразие спектра исследовательских ракурсов, охватывающее проблемные поля истории, археологии, историографии, истории материальной и духовной культуры, экономики и туризма.

Прежде всего, следуя хронологическому принципу, следует отметить, что проблемы становления городов, возникающих на торговых магистралях древности, являются объектом исследования во многих опубликованных материалах. Проблемам античного и средневекового города посвящены статьи профессора А. А. Кудрявцева, доцента Е. А. Кудрявцева (Северо-Кавказский федеральный университет) о Дербенте в эпоху античности и средневековья и его значении в истории Великого шелкового пути [29; 30; 31]. Эти статьи основываются на богатом археологическом материале, накопленном авторами, который позволил отнести возникновение города к рубежу IV–III тыс. до н.э. и доказать, что уже с III в. до н.э. Дербентскиий проход имел торговые связи с эллинистическим миром Ближнего Востока, а в первые века

нашей эры торговые контакты значительно активизировались. Дербент стал выступать важным центром международной торговли по кавказским маршрутам Великого шелкового пути, контролируя главные «ворота» Кавказа, через которые шел товарообмен между эллинистическими центрами Ближнего и Среднего Востока с античными городами Северного Причерноморья и Приазовья. Е. А. Кудрявцев, прослеживая значение Дербента в более поздний период (XI–XIII вв.), выделил три основных этапа развития международной торговли: XI–XIII вв. – период расцвета города как торгового центра; XIII–XVI вв. – резкое снижение торговли и экономический упадок Дербента из-за военно-политических потрясений; XVII–XVIII вв. – новый подъем вследствие распространения российских и европейских товаров.

Эти же проблемы рассматриваются В. П. Копыловым (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону), исследующим роль транзитной торговли в развитии урбанистических процессов в районе Нижнего Дона в VI–III вв. до н.э. – региона Северного Причерноморья – на основе главным образом, полученных вследствие работы Южно-Донской экспедиции, археологических материалов [25]. Также имеет значение намерение автора соединить отдаленные эпохи во времени, судя по рекомендациям автора об организации в регионе археологического, историко-ландшафтного заповедника.

В статье Ш. Г. Кайтана (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа) речь идет о раннесредневековых крепостях Абхазии, игравших значительную роль на Западнокавказских ответвлениях Великого шелкового пути в IV–VI вв. [20]. Статьи С. А. Сулеймановой (Институт востоковедения им. З. М. Буниятова, Азербайджан) и А. Ю. Скакова (Институт востоковедения РАН) раскрывают значение кавказских маршрутов в сети древних торговых путей [46; 49]. С. С. Сулейманова привлекает сведения многих античных авторов, свидетельствующих о важной роли Кавказской Албании в образовании колоний и торговых путей древневосточных государств. А. Ю. Скаков уточняет места прохождения торговых коммуникаций через регион Кавказа, начиная с античности, и вплоть до 2015 г. Торгово-экономическим взаимоотношениям Южной Осетии со странами античного мира в Сармато-Аланский период посвящена статья Р. Х. Гаглоева (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт). В ней на основе археологических данных (главным образом, монет) рассматриваются межплеменные контакты, начиная с доскифских времен [10].

Общие проблемы торговых путей древности рассматриваются в статьях А. А. Туаллагова (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева), который отмечает, что интерес к ним возрос в ходе реализации международного проекта ЮНЕСКО «Комплексное исследование шелковых путей – путей диалога». На основе критического анализа античных текстов, автор стремится показать, что до середины I в. н. э. не имеется сведений о существовании северного торгового пути из Азии в Европу, как не было и самого пути [50]. Ю. А. Прокопенко (СКФУ, Ставрополь), сосредоточил внимание на цикличности функционирования транзитных путей на Северном Кавказе в V–XI вв. в зависимости от международных отношений, вражды между великими державами и крупномасштабными войнами, чередующимися с относительно мирными и стабильными периодами, что свидетельствовало о «пульсирующем характере» действий магистралей. Автор выделяет чередование трех вариантов функционирования торговых путей, когда доминировали различные трассы [42].

Немало статей содержат проблемы, связанные с транзитом по Великому шелковому пути в период средневековья. Помимо вышеуказанных, следует отметить материал В. А. Бабенко (СКФУ) о торговых путях Центрального Предкавказья в эпоху Золотой Орды [1]. Исследователь по немногочисленным свидетельствам прослеживает торговые пути по территории Центрального Предкавказья, связывающие регион с Ираном, Нижним Подоньем и Китаем. Статья Н. Н. Гаруновой (Дагестанский государственный университет) посвящена индийским купцам, находящимся в составе астраханского и кизлярского купечества в XVII–XVIII вв. [11]., в ней затрагиваются противоречия и сложности взаимоотношений индийских купцов с русскими, которые, имея возможность вести полноценную торговлю только в своей стране, отстаивали свое превосходство на российском рынке.

Помимо статей более традиционного плана, отразивших влияние Великого шелкового пути на историю многих народов в широком региональном аспекте на примерах Калмыкии [24], в Армении [27; 36], Средней Азии и Казахстана [40], горских поселений Северного Кавказа [12], имеются публикации, в которых основное внимание уделяется культурным контактам, осуществляемым в ходе функционирования Великого шелкового пути. В частности, Д. В. Пикалов писал о находках, относящихся к зороастрийским и манихейским верованиям на Северном Кавказе, на основе которых автор сделал вывод о притоке сюда мигрантов из Согдианы и Сасанидского Ирана, причем, не маргиналов, но лиц, способных основать святилища в крупных населенных центрах [38]. В статье А. А. Цуциева (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова) говорится на основе археологического исследования могильников об артефактах культуры Востока в аланских памятниках Горной Осетии. В статье С. Б. Буркова (Институт истории и археологии, Владикавказ) и А. И Мальсагова (Ингушский государственный университет) характеризуются китайские бронзовые предметы, найденные в Ингушетии [4; 48; 51].

Материал теоретико-обобщающего и историографического характера содержится в ряде статей, посвященных теоретическим аспектам проблем, в частности, вопросу о наследии ци-

вилизационных ценностей Великого шелкового пути. Среди немногих публикаций, в которых рассматриваются традиции Великого шелкового пути, следует выделить статьи И. В. Крючкова (СКФУ), которые посвящены осмыслению традиций и наследия экономических и культурных контактов «дороги шелка» в XIX – начале XX веков, когда активизировались связи России с Персией и Османской империей [27]. Анализируя статьи экспорта и импорта, динамику ввоза иностранного капитала, создание современной для того времени транспортной системы, автор приходит к выводу о положительном внешнеторговом сальдо региона, отмечает, что Кавказ в этот период стал активным субъектом мировых экономических связей, как и во времена Великого шелкового пути. Л. Н. Величко (СКФУ), анализирует развитие Программы европейской политики соседства на Южном Кавказе, неоднократно ссылаясь на опыт контактов Великого шелкового пути [7]. В статье В. Н. Садченко (СКФУ), рассматривается экономический потенциал Великого шелкового пути и перспективы ЕАЭС [44]. И. А. Коробкина (СКФУ) раскрывает значение модели нового шелкового пути согласно современному китайскому проекту «Один пояс и один путь» [26]. Проблемы развития туризма на трассах Великого шелкового пути с учетом опыта прошлого рассматриваются в статье Л. П. Ермоленко (СКФУ) [17]. Традициям шелководства на Северном Кавказе посвящены материалы Н. Д. Судавцова (СКФУ), Т. В. Беликовой (СКФУ), которые отражают высокую степень актуальности и значимости этого товара на протяжении нескольких столетий [47; 48].

Историографический ракурс выступает на первый план в статьях М. Е. Колесниковой (СКФУ) и А. Думикяна (Институт истории Национальной академии наук Армении) [16; 21; 22]. М. Е. Колесникова анализирует труды, изданные в XX в. как отечественных историков-кавказоведов М. Г. Мошкова, С. Н. Савенко, Н. Е. Берлизова, А. С. Скрипкина, В. А. Кузнецова, А. А. Ерусалимской, И. В. Каминской, З. В. Доде, так и зарубежных, в которых ставятся и решаются вопросы, связанные с историей Великого шелкового пути. В статье А. Думикяна исследуется значение армянского культурно-экономического фактора в связи с историей Великого шелкового пути в трудах французских путешественников, начиная с XIII в. (Г. Рубрук) и вплоть до XVII в. включительно.

Особо следует отметить участие зарубежных коллег в обсуждении проблем, связанных с историей Великого шелкового пути. Свои статьи предоставили Аттила Колонтари (доцент Капошварского университета, Венгрия): его работа посвящается историко-культурному наследию Юго-Западной Венгрии и перспективам развития туризма: особо выделяется значение города Печ, как важного торгового центра, а также мест, связанных с пребыванием здесь султана Сулеймана I, бальнеологических курортов, центров сельского туризма [23]. Профессор Ласло Чичман (декан факультета социальных наук и международных отношений Будапештского университета имени М. Корвина) опубликовал статью на английском языке «The fault lines in the middle East after the military defeat of ISIS» (Линии разлома на Ближнем Востоке после военного поражения ИГИЛ) [54].

Обращение к материалам, опубликованным в вышеназванных трудах и сборниках, будет полезным для широкого круга исследователей и читателей, содержание указанных статей, научных монографий и диссертаций можно использовать в преподавании многих гуманитарных и прикладных дисциплин.

Источники и литература

1. Бабенко В. А. Торговые пути Центрального Предкавказья в эпоху Золотой Орды // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 87–91.

2. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX в. М.: Институт народов Кавказа, 2006. 239 с.

3. Беликова Т. В. Петр I и идея перенесения восточной торговли шелком на территорию России // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 10–13.

4. Бурков С. Б., Мальсагов А. И. Новые находки китайских бронз из Ингушетии // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016.

5. Вардумян Г. Армения на Великом шелковом пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. Р. 13–17.

6. Васильев Л. С. История Востока. В 2 т. Т.1. М.: Высш. шк., 1994. 495 с.

7. Величко Л. Н. Эволюция программы европейской политики соседства на Южном Кавказе // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 21–25.

8. Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып.1. М.: Шелковый путь, 1993. 340 с.

9. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Азиатские общества: история и современность. 1995. №5. С. 126–135.

10. Гаглоев Р. Х. Торгово-экономические взаимоотношения населения Южной Осетии с античным миром в Сарматско-Аланский период // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 102–108.

11. Гарунова Н. Н. Индийские купцы в составе астраханского и кизлярского купечества в XVII – середине XVIII вв. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С.161–164.

12. Дмитриев В. А. Традиционная горская экономика народов Северного Кавказа в контексте наследия Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С.28–32.

13. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

14. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир: Армавирское полиграф-предприятие, 1999. 400 с.

15. Дударев С. Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. С. 145–149.

16. Думикян А. Армянский культурно-экономический фактор в освещении французской историографии в контексте шелкового пути. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С.114–118.

17. Ермоленко Л. П. проблемы и перспективы развития туристской отрасли на Северном Кавказе // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 32–34.

18. Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. 288 с.

19. История Востока в 6-ти Т. Т.1. Восток в древности. М.: Вост.лит., 1997. 688 с.

20. Кайтан Ш. Г. Раннесредневековые крепости Абхазии на Великом шелковом пути (проблемы выявления, учета и сохранения) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С .42–45.

21. Колесникова М. Е. Северокавказская трасса Великого шелкового пути: к историографии вопроса // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 118–122.

22. Колесникова М. Е. Следы Великого шелкового пути на Северном Кавказе: городище Маджары в исторических сочинениях XVIII века // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 35–38.

23. Колонтари А. Историко-культурное наследие Юго-Западной Венгрии и перспективы развития туризма в регионе // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 38–41.

24. Кольцов П. М. Кольцова К. П. великий шелковый путь на территории Калмыкии // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 42–44.

25. Копылов В. П. Роль урбанистических центров Нижнедонского культурно-исторического района в транзитной торговле Востока и Запада (первая половина VI – первая половина III вв. до н.э.) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 80–87.

26. Коробкина И. А. Новый шелковый путь: реализация концепции китайского проекта «Один пояс и один путь» // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 44–46.

27. Крючков И. В. Кавказ в мировой экономической системе XIX – начала XX веков: продолжение традиций Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 164–170.

28. Крючков И. В. Экономические связи Австро-Венгрии с Персией в конце XIX – начале XX вв. (по материалам российских дипломатов) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. Р. 46–49.

29. Кудрявцев А. А. Великая Китайская стена и дербентский фортификационный комплекс в истории мировых торговых путей Евразии // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017.С. 49–53.

30. Кудрявцев А. А. Дербент в истории Великого шелкового пути в античный период // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 30–37.

31. Кудрявцев Е. А. Китайский импорт из раскопок средневекового Дербента (по материалам раскопок 1970–1995 гг.) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 53–56.

32. Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Ин-т археологии, 2005. 192 с.

33. Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н.э. – III в. н. э.): автореф. дисс. канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2010. 33 с.

34. Махортих С. В., Скорий С. А. Мечі та кинджали скіфського часу без навершів //Археологія. 1986. №56. С. 72–78.

35. Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Тезисы докладов международной конференции. Кисловодск: [б.и.], 1994. 75 с.

36. Мелконян А. А. Западная Армения в сфере экономических отношений Восток-Запад // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 64–68.

37. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 428 с.

38. Пикалов Д. В. Следы зороастризма и манихейства на торговых путях северного Кавказа // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С.110–114.

39. По предположениям наместника кавказского князя А. И. Барятинского об учреждении Общества восстановления православия на Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, иллюзии и реальность. Начало XIX – начала XX вв. / сост. Я. А. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисцина, Б. П. Миловидов. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 409–432.

40. Попова Л. Ф. Отражение торговых связей средней Азии и Казахстана (XIX в.) в коллекциях Российского этнографического музея // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 76–79.

41. Прокопенко Ю. А. О номенклатуре товаров, транспортировавшихся китайскими купцами в города Византии по северной трассе Великого шелкового пути (по материалам могильников Центрального Предкавказья) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 80–82.

42. Прокопенко Ю. А. Цикличность функционирования транзитных путей на Северном Кавказе в V – XI вв. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 70–80.

43. Ривкин К. Холодное оружие Кавказа. Определитель // История оружия. 2012. №7. С. 57–58.

44. Садченко В. Н. Экономический потенциал Великого шелкового пути и перспективы ЕАЭС // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 82–86.

45. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

46. Скаков А. Ю. Транскавказские перевальные маршруты в древности и перспективы их восстановления в начале XXI в. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. Р. 57–65.

47. Судавцов Н. Д. Роль А. Ф. Реброва в развитии шелководства на северном кавказе в первой половине XIX в. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 86–88.

48. Судавцов Н. Д. Традиции шелководства на Северном Кавказе // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С.170–174.

49. Сулейманова С. А. Кавказские маршруты в трансконтинентальной сети древних путей // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 45–56.

50. Туаллагов А. А. К открытию северного маршрута Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 65–70.

51. Цуциев А. А. Восточные предметы в аланских памятниках горной Осетии // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 137–140.

52. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Коллективная монография. Барнаул: Изд. АГУ, 2015. 330 с.

53. Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1991. С. 77–99.

54. Csicsmann L. The fault lines in the Middle East after the Military Defeat of ISIS. (Линии разлома на Ближнем Востоке после военного поражения ИЗИС) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь: СКФУ, 2017. P. 93–96.

55. Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Band 4. Berlin, 1997. Taf. 12, 17.

References

1. Babenko V. A. Torgovye puti Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v epokhu Zolotoi Ordy *(Trade routes of the Central Ciscaucasia in the era of the Golden Horde)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 87–91. (In Russian)

2. Batchaev V. M. Balkariya v XV – nachale XIX v. *(Balkaria in the XV - the beginning of XIX century).* Moscow: Institute Caucasian People publ., 2006. 239 p. (In Russian)

3. Belikova T. V. Petr I i ideya pereneseniya vostochnoi torgovli shelkom na territoriyu Rossii *(Peter I and the idea of transferring eastern silk trade to Russia)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 10–13. (In Russian)

4. Burkov S. B., Mal'sagov A. I. Novye nakhodki kitaiskikh bronz iz Ingushetii *(New findings of Chinese bronzes from Ingushetia)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. (In Russian)

5. Vardumyan G. Armeniya na Velikom shelkovom puti *(Armenia on the Great Silk Road)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P.13–17. (In Russian)

6. Vasil'ev L. S. Istoriya Vostoka *(Oriental History).* In 2 Vols. Vol.1. Moscow: Higher School publ., 1994. 495 p. (In Russian)

7. Velichko L. N. Evolyutsiya programmy evropeiskoi politiki sosedstva na Yuzhnom Kavkaze *(Evolution of the European Neighborhood Policy Program in the South Caucasus)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 21–25. (In Russian)

8. Vestnik Shelkovogo puti. Arkheologicheskie istochniki *(Bulletin of the Silk Road. Archaeological sources).* Issue. 1. Moscow: Silk road publ., 1993. 340 s. (In Russian)

9. Vinogradov V. B., Dudarev S. L., Narozhnyi E. I. Osnovnye etapy vsemirnoi istorii. Metodicheskii material (Main stages of World History. Methodical materials) // Vostok. Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 1995. No. 5. P. 126–135. (In Russian)

10. Gagloev R. Kh. Torgovo-ekonomicheskie vzaimootnosheniya naseleniya Yuzhnoi Osetii s antichnym mirom v Sarmatsko-Alanskii period *(Trade and economic relationships of South Ossetia with antique in Sarmatian-Alan period)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 102–108. (In Russian)

11. Garunova N. N. Indiiskie kuptsy v sostave astrakhanskogo i kizlyarskogo kupechestva v XVII – seredine XVIII vv. *(Indian merchants into Astrakhan and Kizlyar in XVII – the middle XVIII)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 161–164. (In Russian)

12. Dmitriev V. A. Traditsionnaya gorskaya ekonomika narodov Severnogo Kavkaza v kontekste naslediya Velikogo shelkovogo puti *(Traditional economy of mountain peoples of the North Caucasus in the context of the Great Silk Road heritage)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 28–32. (In Russian)

13. Dudarev D. S., Dudarev S. L. Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka *(The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half - mid-XIX-th century).* Armavir; Stavropol': Dizain-studiya B, 2017. 402 p. (In Russian)

14. Dudarev S. L. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuyu epokhu *(Relations between the tribes of the North Caucasus and the nomads of Southeast Europe in the pre-Scythian era).* Armavir: Armavirskoe poligraf-predpriyatie publ., 1999. 400 p. (In Russian)

15. Dudarev S. L. O spetsifike islamizatsii Severo-Zapadnogo Kavkaza v 1830 – nachale 1860-kh gg. *(On the specifics of Islamization of the North-West Caucasus in 1830 – early 1860s.)* // Materialy III Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov «Russko-kavkazskie otnosheniya: ot pervykh kontaktov do sovremennogo edinstva» (November 17, 2015, Rostov-on-Don). Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education publ., 2015. P.145–149. (In Russian)

16. Dumikyan A. Armyanskii kul'turno-ekonomicheskii faktor v osveshchenii frantsuzskoi istoriografii v kontekste shelkovogo puti *(Armenian cultural and economic factor in the coverage of French historiography in the context of the Silk Road)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 114–118. (In Russian)

17. Ermolenko L. P. Problemy i perspektivy razvitiya turistskoi otrasli na Severnom Kavkaze *(Problems and prospects for the development of the tourism industry in the North Caucasus)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 32–34. (In Russian)

18. Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii *(The historical and cultural heritage of the Great Silk Road and the promotion of tourist destinations in the North Caucasus: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference)* (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 32–34. (In Russian)

19. Istoriya Vostoka. *(Oriental History)* in 6 Vols. Vol.1. East in ancient time. Moscow: Vost.lit. publ., 1997. 688 p. (In Russian)

20. Kaitan Sh. G. Rannesrednevekovye kreposti Abkhazii na Velikom shelkovom puti (problemy vyyavleniya, ucheta i sokhraneniya) *(Early medieval fortresses of Abkhazia on the Great Silk Road (problems of identification, accounting and conservation)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 42–45. (In Russian)

21. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaya trassa Velikogo shelkovogo puti: k istoriografii voprosa *(The North Caucasus Highway of the Great Silk Road: On the Historiography of the Question)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 118–122. (In Russian)

22. Kolesnikova M. E. Sledy Velikogo shelkovogo puti na Severnom Kavkaze: gorodishche Madzhary v istoricheskikh sochineniyakh XVIII veka *(The Footprints of the Silk Road in the North Caucasus: ancient settlement Madjars in historical works in XVIII)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 35–38. (In Russian)

23. Kolontari A. Istoriko-kul'turnoe nasledie Yugo-Zapadnoi Vengrii i perspektivy razvitiya turizma v regione *(The historical and cultural heritage of South-West Hungary and the prospects for tourism development in the region)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 38–41. (In Russian)

24. Kol'tsov P. M. Kol'tsova K. P. Velikii shelkovyi put' na territorii Kalmykii *(The Great Silk Road in Kalmykia)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 42–44. (In Russian)

25. Kopylov V. P. Rol' urbanisticheskikh tsentrov Nizhnedonskogo kul'turno-istoricheskogo raiona v tranzitnoi torgovle Vostoka i Zapada (pervaya polovinaVI – pervaya polovinaIII vv. do n.e.) *(The role of urban centers of the Nizhny Don cultural and historical region in the transit trade of the East and West (first half of the VI – first half of the VIII-th centuries BC)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 80–87. (In Russian)

26. Korobkina I. A. Novyi shelkovyi put': realizatsiya kontseptsii kitaiskogo proekta «Odin poyas i odin put'» *(The New Silk Road: the implementation of the concept of the Chinese project "One Belt and One Way")* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 44–46. (In Russian)

27. Kryuchkov I. V. Kavkaz v mirovoi ekonomicheskoi sisteme XIX – nachala XX vekov: prodolzhenie traditsii Velikogo shelkovogo puti *(The Caucasus in the global economic system of the 19th and early 20th centuries: the continuation of the traditions of the Great Silk Road)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 164–170. (In Russian)

28. Kryuchkov I. V. Ekonomicheskie svyazi Avstro-Vengrii s Persiei v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam rossiiskikh diplomatov) *(Economic relations of Austria-Hungary with Persia in the late twentieth – early twentieth centuries (based on materials of Russian diplomats)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 46–49. (In Russian)

29. Kudryavtsev A. A. Velikaya Kitaiskaya stena i derbentskii fortifikatsionnyi kompleks v istorii mirovykh torgovykh putei Evrazii *(The Great Wall of China and Derbent Fortification Complex in the History of Eurasia World Trade Routes)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 49–53. (In Russian)

30. Kudryavtsev A. A. Derbent v istorii Velikogo shelkovogo puti v antichnyi period *(Derbent in the history of the Great Silk Road in the ancient period)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 30–37. (In Russian)

31. Kudryavtsev E. A. Kitaiskii import iz raskopok srednevekovogo Derbenta (po materialam raskopok 1970–1995 gg.) *(Chinese imports from excavations of medieval Derbent (based on excavations from 1970–1995)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 53–56. (In Russian)

32. Leskov A. M., Beglova E. A., Ksenofontova I. V., Erlikh V. R. Meoty Zakuban'ya v seredine VI – nachale III veka do n.e. Nekropoli u aula Ulyap: pogrebal'nye kompleksy *(Meots of the Trans-Kuban in the middle of the VI – beginning of the III century BC Necropolises at Ulyap aul: funerary complexes).* Moscow: Institute of Archeology of RAS publ., 2005. 192 p. (In Russian)

33. Li Dzhi Yn. Kitaiskii import v pamyatnikakh Yuga Rossii (I v. do n.e. – III v. n. e.) *(Chinese imports in the monuments of the South of Russia (I century BC – III century AD)*: abstract of thesis. Stavropol': SSU publ., 2010. 33 p. (In Russian)

34. Makhortikh S. V., Skorii S. A. Mechi ta kindzhali skifs'kogo chasu bez aversh iv *(Swords and canals of Scythian hour without finishes)* //Arkheologiya. 1986. No. 56. P. 72–78. (In Russian)

35. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo arkheologov na velikikh torgovykh i kul'turnykh putyakh drevnosti i srednevekov'ya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii *(International cooperation of archaeologists on the great trade and cultural routes of antiquity and the Middle Ages)*. Abstracts of reports of the international conference. Kislovodsk: [b.i.], 1994. 75 p. (In Russian)

36. Melkonyan A. A. Zapadnaya Armeniya v sfere ekonomicheskikh otnoshenii Vostok-Zapad *(Western Armenia in the field of economic relations East-West)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 64–68. (In Russian)

37. Mukhanov V. M. Pokoritel' Kavkaza knyaz' A. I. Baryatinskii *(The Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky)*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf publ., 2007. 428 p. (In Russian)

38.Pikalov D. V. Sledy zoroastrizma i manikheistva na torgovykh putyakh severnogo Kavkaza *(Traces of Zoroastrianism and Manichaeism on the trade routes of the North Caucasus)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 110–114. (In Russian)

39. Po predpolozheniyam namestnika kavkazskogo knyazya A. I. Baryatinskogo ob uchrezhdenii Obshchestva vosstanovleniya pravoslaviya na Kavkaza *(According to the assumptions of the governor of the Caucasus prince A.I. Baryatinsky on the establishment of the Society for the Restoration of Orthodoxy in the Caucasus)* // Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachala XX vv. St.Petersburg: Publishisng house of magazin «Zvezda», 2005. P. 409–432. (In Russian)

40. Popova L. F. Otrazhenie torgovykh svyazei srednei Azii i Kazakhstana (XIX v.) v kollektsiyakh Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya *(Reflection of trade relations of Central Asia and Kazakhstan (XX century) in the collections of the Russian Ethnographic Museum)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 76–79. (In Russian)

41. Prokopenko Yu. A. O nomenklature tovarov, transportirovavshikhsya kitaiskimi kuptsami v goroda Vizantii po severnoi trasse Velikogo shelkovogo puti (po materialam mogil'nikov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya) *(On the nomenclature of goods transported by Chinese merchants to the cities of Byzantium along the northern route of the Great Silk Road (based on materials from the burial grounds of the Central Ciscaucasia)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 80–82. (In Russian)

42. Prokopenko Yu. A. Tsiklichnost' funktsionirovaniya tranzitnykh putei na Severnom Kavkaze v V–XI vv. *(Cycling of the functioning of transit routes in the North Caucasus in V–VI)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 70–80. (In Russian)

43. Rivkin K. Kholodnoe oruzhie Kavkaza. Opredelitel' *(Cold weapons of the Caucasus. Identification Guide)* // Istoriya oruzhiya. 2012. No.7. P. 57–58. (In Russian)

44. Sadchenko V. N. Ekonomicheskii potentsial Velikogo shelkovogo puti i perspektivy EAES *(Economic potential of the Great Silk Road and the prospects of the EAEU)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 82–86. (In Russian)

45. Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii *(North Caucasus as a part of the Russian Empire)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p.

46. Skakov A. Yu. Transkavkazskie pereval'nye marshruty v drevnosti i perspektivy ikh vosstanovleniya v nachale XXI v. *(Transcaucasian transit routes in antiquity and the prospects for their restoration at the beginning of XXI)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 57–65. (In Russian)

47. Sudavtsov N. D. Rol' A.F. Rebrova v razvitii shelkovodstva na severnom kavkaze v pervoi polovine XIX v. *(The role of A.F. Rebrov in the development of sericulture in the North Caucasus in the first half of the XIX century)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 86–88. (In Russian)

48. Sudavtsov N. D. Traditsii shelkovodstva na Severnom Kavkaze *(Sericulture traditions in the North Caucasus)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 170–174. (In Russian)

49. Suleimanova S. A. Kavkazskie marshruty v transkontinental'noi seti drevnikh putei *(Caucasian routes in the transcontinental network of ancient ways)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). Stavropol': NSFU publ., 2016. P. 45–56. (In Russian)

50. Tuallagov A. A. K otkrytiyu severnogo marshruta Velikogo shelkovogo puti *(On the opening of the northern route of the Great Silk Road)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', September, 28–29, 2015). P. 65–70. (In Russian)

51. Tsutsiev A. A. Vostochnye predmety v alanskikh pamyatnikakh gornoi Osetii *(Oriental items in Alan monuments of mountain Ossetia)* // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', October, 5–7, 2017). Stavropol': NSFU publ., 2017. P. 137–140. (In Russian)

52. Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii *(Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia)*. Barnaul: ASU publ., 2015. 330 p. (In Russian)

53. Erlikh V. R. Meotskie mechi iz Zakuban'ya *(Meotian Swords of the Zakubanie)* // Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya. Moscow: Gosudarstvennyi muzei iskusstva narodov Vostoka, 1991. P. 77–99. (In Russian)

54. Csicsmann L. The fault lines in the Middle East after the Military Defeat of ISIS // Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol' 5–7 oktyabrya 2017 g.). Stavropol': SKFU, 2017. P. 93–96.

55. Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Band 4. Berlin, 1997. Taf. 12, 17.

Сведения об авторе

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@ mail.ru

Information about the author

Dudarev Sergei – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru

УДК 94.438

И. К. Ким

БРЕСТСКИЙ ПРОЦЕСС НАД ДЕЯТЕЛЯМИ ОППОЗИЦИИ В 1931–1932 гг. В ПОЛЬШЕ

Статья посвящена не нашедшему специального отражения в отечественной историографии судебному процессу в Польше, ставшему известным как Брестский. Он проходил на рубеже 1931–1932 гг. в Варшаве. К суду была привлечена часть деятелей, заключённых в течение двух месяцев на период предвыборной кампании 1930 г. в военную тюрьму в Бресте, представлявших левые и центристские партий блока Центролев. Процесс стал проявлением тенденции решительного наступления режима санации на оппозицию после выборов. Исследование опирается на опубликованные материалы процесса, свидетельства прессы, мемуары участников и современников. В статье прослеживается подготовка, ход, итоги и последствия судебного процесса. Обвинительный акт содержал обвинение в подготовке переворота и революции. Представлены отдельные этапы самого судебного процесса: речи обвиняемых, выступления прокуроров и адвокатов, а также приговор и борьба за его изменение. Обращается внимание на важность этого процесса для властей и их намерения: оправдать незаконность ареста брестских узников и издевательства над ними в тюрьме. При рассмотрении хода судебного процесса показываются политический характер обвинения и тактика прокуроров, любыми способами, пытавшимися доказать антигосударственный характер деятельности подсудимых. Тактика же защиты и выступления обвиняемых строилась не столько на полном отказе признать свою вину, сколько на встречных обвинениях властей и лично Ю. Пилсудского в узурпации в результате переворота власти и установлении личной диктатуры, многочисленных нарушениях законности в период существования режима санации. Слабость позиции обвинения повлияла на приговор суда: из него была исключена самая тяжкая статья, сроки заключения были назначены ниже минимальных, приговор был принят не единогласно судейской коллегией. Общественно-политический резонанс процесса в стране и мире серьезно ухудшил имидж польского государства и является одним из высших проявлений нарушения права и независимости суда в межвоенной Польше.

Ключевые слова: история Польши, режим санации, лагерь санации, Центролев, парламентские выборы 1930 г. в Польше, Брестский процесс.

I. Kim

BREST PROCESS OVER OPPOSITION ACTIVISTS IN 1931–1932 IN POLAND

The article is devoted to the litigation in Poland, which became known as Brest litigation, that did not find special reflection in Russian historiography. It took place at the turn of 1931–1932 in Warsaw. A part of the figures who were imprisoned for two months during the pre-election campaign of 1930 in a military prison in Brest, representing the left and centrist parties of the Centrolew bloc, were brought to trial. The process has become a manifestation of the tendency for a decisive offence against the opposition after the election. The study relies on published process materials, press testimonies, memoirs of participants and contemporaries. The article traces the preparation, course, results and consequences of the trial. The indictment charged with preparing a coup and revolution. Separate stages of the trial itself are presented: the speeches of the accused, the speeches of prosecutors and lawyers, as well as the verdict and the struggle for its change. Attention is drawn to the importance of this process for the authorities and their intentions: to justify the illegal character of the arrest of Brest prisoners and mockery of them in prison. When considering the course of the trial, the political nature of the prosecution and the tactics of the prosecutors who by any means tried to prove the anti-state nature of the activities of the defendants are shown. The tactics of the defense and the defendants' speeches were based not so much on a complete refusal to admit their guilt, but on counterclaims by the authorities and personally J. Piłsudski of usurpation as a result of a power coup and the establishment of personal dictatorship, numerous violations of the law during the period of the reorganization regime. The weak position of the prosecution influenced the verdict of the court: the heaviest sentence was excluded from it, the terms of imprisonment were set below the minimum, the verdict was not unanimously adopted by the panel of judges. The socio-political resonance of the process in the country and in the world has seriously worsened the image of the Polish state and is one of the highest manifestations of the violation of the law and independence of the court in interwar Poland.

Key words: history of Poland, clearance regime, clearance camp, Centrolew, 1930 parliamentary elections in Poland, Brest process.

Парламентские выборы 1930 г. в Польше во многом предопределили её развитие вплоть до германской агрессии в 1939 г. На этих выборах решалось сможет ли правящий санационный

лагерь, пришедший к власти после майского переворота 1926 г., окончательно утвердится в качестве ведущей политической силы страны. Ему и его политической организации Беспартийному блоку сотрудничества с правительством (ББВР) противостояли на выборах оппозиционные партии: правонационалистическое Стронництво народове (СН), центристские Польское стронництво христианской демократии (ПСХД), Национальная рабочая партия (НПР) и людовский (крестьянский) «Пяст», а также левые – людовские «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), Польская социалистическая партия (ППС). Накануне выборов НПР, людовские партии и ППС сформировали левоцентристский предвыборный блок Центролев с ведущей ролью последней. Наиболее крупными манифестациями Центролева стали Краковский конгресс в июне 1930 г. и массовые демонстрации, и митинги 14 сентября в начале предвыборной кампании [3, 7, 8].

Тем самым именно левоцентристские партии и их блок стали главными противниками санации на выборах. В своей предвыборной кампании и выборах санация стремилась опереться на авторитет Пилсудского, ставшего на это время во главе правительства, а также на мощную пропаганду и административный ресурс [1, 2, 4]. Проявлением последнего стало, в частности, заключение накануне 14 сентября ряда ведущих деятелей польской оппозиции и украинских деятелей в военную тюрьму в Брестской крепости. Издевательства над заключёнными тюремного персонала во главе с полковником В. Костек-Бернацким и попустительство в этом окружного прокурора Ч. Михаловского стали известны только после того, как узники спустя два месяца, уже после выборов, были отпущены. Арест, имевший цель запугать оппозицию и дезорганизовать её предвыборную кампанию вызвал протесты оппозиции и громкий общественный резонанс [5, 6].

Часть бывших брестских узников оказалась под следствием, результатом чего стал процесс против них в окружном суде в Варшаве. Он стал проявлением тенденции решительного наступления на оппозицию санации после выборов, давших ей относительное большинство в Сейме. Характер судебного процесса, намерения властей, тактика обвинения и обвиняемых в его ходе и итог являются предметом рассмотрения в данной статье.

Лишь через год после заключения деятелей оппозиции в тюрьму прокуратура подготовила обвинения в отношении 11 бывших узников, представлявших партии Центролева: Х. Либермана, С. Дюбуа, М. Мастека, А. Прагера и А. Цёлкоша (ППС), К. Багиньского и Ю. Путека («Вызволене»), А. Савицкого (СХ), В. Витоса и В. Керника («Пяст»). Обвинение, датированное 8 сентября 1931 г., гласило: они «по взаимному соглашению и, действуя сознательно, совместно готовили переворот, целью которого было устранение силой членов осуществляющего власть в Польше правительства и замещение их другими лицами без принципиального изменения государственного устройства». Деятельность обвиняемых велась в двух направлениях. Во-первых, «на вызывании и возбуждении в массах революционных настроений», посредством «подстрекательства к ненависти против правительства, к свержению его насилием, к неповиновению власти, к неуплате налогов», а также посредством «дискредитации, высмеивания, насмехательства над государственными властями» в прессе, на конгрессах, собраниях, митингах, собраниях, в обращениях и листовках. Во-вторых, эта деятельность основывалась «на организации, обучении революционных кадров и на создании руководящей революционной организации, внешне выступающей под названием Центролев, которая составила план захвата власти силой, созвала краковский конгресс, подготовила революционные постановления, принятые на этом конгрессе, издала приказ мобилизации масс и организации вооружённого «марша на Варшаву», следствием чего были 14 сентября 1930 г. кровавые выступления в 22 городах Польши, но планируемого переворота не совершили по причинам, не зависящим от их воли, из-за сведения на нет их кампании против власти». Преступления соответствовали статьям 51, 100 и 101 уголовного кодекса [15, s. 51–52]. Статья 100 уголовного кодекса об устранении силой правительства без смены государственного строя предусматривала от 10 до 15 лет тюремного заключения строгого режима. В многостраничном обосновании акта обвинения подробно излагалась противозаконная, по мнению обвинения, деятельность Центролева, цитировались материалы печатных органов партий, действия отдельных обвиняемых, особенно в связи с Краковским конгрессом и манифестациями 14 сентября [1, s. 52–93].

Примечательно, что к суду в Варшаве не была привлечена почти половина брестских узников, которые за исключением К. Попеля (НПР) представляли партии, не входившие в Центолев: А. Дембский, Я. Квятковский (СН), В. Корфанты (ПСХД), Ю. Бацьмага (ББВР), а также украинские деятели. Выступая на процессе в качестве свидетеля, Попель предположил, что пережитое в тюрьме им и Дембским санационная юстиция посчитала «достаточным наказанием» [15, s. 232]. Не были предъявлены обвинения главным, наряду с В. Витосом, организаторам Краковского конгресса Т. Арцишевскому и К. Пужаку (ППС), что А. Прагер считал не случайным: «…все судебные действия, также и этот огромный процесс были формальностью, необходимой для «прикрытия» тюремного заключения лидеров оппозиции в Бресте. Предполагалось также, что должен быть вынесен обвинительный приговор, так как Пилсудский «не был в состоянии проиграть выборы», так же как и «брестское дело» [14, s. 412].

Процесс в Варшаве сразу названный Брестским продолжался с 26 октября 1931 г. до 13 января 1932 г. Всего прошло 56 заседаний. Председательствовал на процессе судья К. Хермановский,

обвинителями были В. Грабовский и Р. Раузе, защитниками – 18 адвокатов во главе с Я. Новодворским. В первый день процесса был зачитан акт обвинения с обоснованиями и далее процесс шёл в соответствии с польским процессуальным законодательством.

27–29 октября суд заслушал обвиняемых. Первым выступил Х. Либерман, начав со следующих слов: «Не является правдой, что я готовил переворот, что я готовил революцию. Правдой же есть то, что я хотел устранить правительство марш. Пилсудского и что хочу устранить его и сейчас, только хотел бы это сделать парламентским путём, а поскольку в парламентской борьбе последнее слово всегда имеет президент Р[еспуб] лики, я хотел свергнуть это правительство через объявление новых выборов, которые убедили бы марш. Пилсудского, что большинство общества стоит на стороне оппозиции». Социалистическое движение стремится реализовать свои идеи парламентским, законным путём. Отвергнув все обвинения в отношении себя, Х. Либерман указал на противоречивость обвинения в подготовке подсудимыми одновременно заговора и революции: «Революцию делают массы. Заговор требует коварную и скрытую подготовку насилия, конспирации, что является методом работы личностей». Его попытка поднять вопрос о пребывании в тюрьме в Бресте, клятва, что «все те обиды, все пытки, физические и моральные, которые мы там перенесли, являются правдой», прерывались председательствующим суда как не связанные с обвинением [15, s. 94–105].

Выступившие далее Барлицкий, Дюбуа и Мастек также отвергли все обвинения. Угрозы лишения слова Дюбуа прозвучали от судьи дважды, когда тот пытался поднять вопрос об отношении к заключённым в Бресте, частности после заявления Дюбуа, что целью обвинительного акта является «оправдание Бреста, ведь после дьявольских деяний Бернацкого и его подчинённых, после всей этой гнусной аферы, нельзя было не посадить нас на скамью подсудимых». Мастек, пытавшийся поставить под сомнение своё пребывание в Бресте и связать его с тем как там велось следствие, был судьёй лишён слова [15, s.116–119].

28 октября на процессе выступили Прагер, Цёлкош, Витос и Керник. Первые два, социалисты доказывали несовместимость их идей с революцией, причём Цёлкош был председательствующим лишён слова за упоминания об условиях содержания в Бресте арестованных. Особый интерес вызвало выступление Витоса, представлявшего Стронництво людове (СЛ), недавно объединившего три людовские партии. Он охарактеризовал политическую систему как идущую «в направлении ущемления прав народа», и когда «в Варшаве появилась диктатура, то распространилась она на всех чиновников, до полицейских включительно». Отрицая наличие планов марша крестьян на Варшаву и революции, Витос просил прокурора указать, «где и когда именно крестьяне делали революцию». Признав свою руководящую роль в Краковском конгрессе, выступавший отметил, что «она умещается в диапазоне прав и обязанностей гражданина». Заканчивая своё выступление, Витос сказал: «Я, по глубокому убеждению, противник диктатуры и правления личности. Считаю обязательной вещью, чтобы с этой системой, с этим правлением и режимом покончить. Посредством краковского конгресса, в котором приняли участие, мы хотели сообщить обществу о действительном положении вещей. Я исповедую принцип, что никогда и нигде ни в каком государстве недостаточно и для защиты, и для любой другой ситуации государства ни клики, ни отдельного хотя бы наиболее гениального человека. Этот груз должно взять на себя всё общество. Тем самым мы не хотим, чтобы Польша была построена на одном человеке, мы хотим, чтобы её строило всё общество. Если я хочу, чтобы государственной работой заинтересовалось всё общество, то считаю, что конституционное и парламентское правление является самым лучшим путём» [15, s. 132–133].

29 октября выступили Багиньский, Путек и Савицкий, которые, как и ранее выступившие обвиняемые, не признали своей вины. Багиньский несколько раз пытался затронуть проблему отношения арестованных в Бресте и отверг утверждение, что они не жаловались на это. После обращения адвокатов к суду было проведено совещание судей и оглашено решение не рассматривать этот вопрос на процессе: «Упоминание отношения к брестским узникам в Бресте не имеет отношения к нынешнему делу и не может обосновывать его упоминание» [15, s. 144]. Путек в своём выступлении упомянул о предложении во время заключения коменданта тюрьмы Костек-Бернацкого сотрудничать с Пилсудским, которое он отверг. Речь Савицкого отличалась от других. Он выразил недоумение своим попаданием на скамью подсудимых, актом обвинения, которое ставило его «в роли руководителя б. Стронництва хлопского и одного из лидеров Центролева». Он утверждал, что оказался на скамье подсудимых среди настоящих лидеров Центролева, а сам «не принимал участия в заседаниях штаба Центролева ни разу, не был также на краковском конгрессе» [15, s. 150–151].

С 30 октября по 13 ноября на процессе были заслушаны свидетели обвинения. Вице-министр К. Стамировский ссылался на источники, которых не читал, был не в состоянии ответить на большинство вопросов адвокатов. Доказывая, что информация для него собиралась интеллигентными чиновниками, свидетель сказал: «Сама служебная степень говорит о степени интеллигенции» [15, s. 153], что вызвало смех присутствовавших. Невысокий уровень компетенции по делу продемонстрировал директор политического департамента МВД А. Хауке-Новак, на большую часть вопросов адвокатов ответивший, что не помнит или точно не знает. Более основательно выступил бывший начальник отдела безопасности МВД

Х. Кавецкий, ссылавшийся на распоряжения вышестоящих властей в отношении арестованных и сообщивший о первоначально ином списке лиц, в отношении которых предполагалось применить арест. В. Витос в воспоминаниях резюмировал: «…как показания, так и способ ославиться, незнание вещей, лёгкость в переворачивании фактов, а часто обычная ложь, тупость и отсутствие интеллигенции, которые знаменовали показания высокопоставленных государственных сановников, вызвали настолько грустное и угнетающее впечатление» [17, s. 388].

Затем выступили многочисленные свидетели обвинения: чиновники воеводского, городского и повятового уровня, деятели местного самоуправления, полицейские, учителя, шофёры, крестьяне, часть которых была тайными осведомителями полиции. Вопросы адвокатов к ним вскрывали лживость или противоречивость их показаний на предварительном следствии, фальсификацию документов, на чём строилось обвинение. Свидетели часто путались в показаниях, противоречили друг другу, возлагали ответственность за препарирование документов на машинисток, печатавших их. Часть свидетелей заявили, что на предварительном следствии следственные судьи от себя добавляли фрагменты, а подписывали такие протоколы допрашиваемые или под давлением, или не читая их. Отдельные свидетели плохо ориентировались в вопросах, которые им задавались, а одна вообще не имела представления о том, что её спрашивали. Многие из свидетелей обвинения были в прошлом или даже в настоящем членами ППС, часть из них являлась провокаторами и осведомителями.

Среди показаний свидетелей обвинения были и довольно курьёзные. Осведомитель следственного управления в Кракове, направленный на конгресс заявил: «Я чувствовал, что небезопасно относительно правительства. Будет выдвинут лозунг и будет борьба. Я в политике, правда, не работал, только в криминальной службе». Учитель, присутствовавший на митинге во время Краковского конгресса, заявил, что там было «произнесено много речей, но точно их содержания я не слышал, поскольку далеко стоял». Осведомитель полиции, направленный на закрытое мероприятие «Пяста», не получив возможности попасть в помещение, где оно проводилось, по его словам, «уселся в прилегающей уборной и слушал через деревянные дверки» [15, s. 178, 200]. В. Витос в воспоминаниях писал: «Эти бедные люди, занимаясь своим нелюбимым ремеслом, продемонстрировали перед судом такое кардинальное отсутствие моральных принципов, знания людей и вещей, лгали без запинки и щепетильности, что сами выглядели перед судом тяжким обвинением системы. Показания давали перед судом много провокаторов. Они были откомандированы в ППС, либо же были найдены в этой партии для подготовки разного рода шагов, противоречащих закону… Это зрелище, которое несколько раз проявилось в зале, вопреки воле напоминало практику времён российского царизма…» [17, s. 388].

С 14 ноября по 4 декабря суд заслушивал свидетелей защиты. Среди них были видные политики оппозиции разных, иногда противоположных взглядов. Они приводили доводы, отвергающие обвинения в организации революции, подтверждая готовность подсудимых легально бороться за отставку правительства и смену системы правления. Во многих выступлениях приводились примеры антиконституционных действий самих властей, в частности, незаконное финансирование предвыборной кампанией ББВР в 1928 г. или появление вооружённых офицеров в Сейме 31 октября 1929 г.

Сенатор С. Гломбиньский (СН), имея в виду майский переворот 1926 г., заявил, что «переворот в Польше ещё не закончился. Мы по-прежнему живём в атмосфере переворота. До сих пор мы не знаем на что собственно это переворот был нацелен». Свидетель сообщил, что у СН не было постоянного контакта с Центролевом из-за того, что «мы иначе понимаем оппозицию», но в Краковском конгрессе он не усматривал ничего нелегального [15, s. 248–249]. Лидер НПР Рогущак заявил, что, если бы «правительство не топтало закон, не было бы Центролева и конгресса» [15, s. 239]. Руководитель ПСХД В. Корфанты эмоционально отверг обвинение в своём участии в Центролеве и Краковском конгрессе. Манифестация же ПСХД 14 сентября в Катовицах, как утверждал свидетель, только по времени совпала с манифестациями Центролева и её резолюция частично совпадала с резолюциями манифестаций Центролева. Свидетель сравнил своё пребывание в германских тюрьмах и брестской: в первых страдания «не были такими, какие я познал в Польше, когда оказался в тюрьме в Бресте. В тех тюрьмах, однако, не били, ни пытали!» Эти высказывания были прерваны судьёй. На вопрос адвоката, что ныне его объединяет с обвиняемыми, Корфанты ответил: «Брест и борьба за свободу совести и уважение закона в Польше» [15, s. 214, 216].

Генерал М. Кукель отрицал своё участие в совещаниях с Витосом и Керником, заявив, что ему Витос ничего не говорил о каких-то насильственных переворотах, поскольку был «занят чем-то другим», выборами [15, s. 241]. Профессор С. Кот, присутствовавший на Краковском конгрессе, заявил, что заметил «большую дистанцию между риторикой и выдвинутыми требованиями» Центролева. Он усомнился в возможностях этого блока сформировать собственное правительство: «Я не видел там ни веры, ни надежды, что эти круги смо*гут вскоре прийти к власти. Никаких призывов к насилию и революции не слышал» [15, s. 242]. Деятель людовского движения С. Тугутт категорически утверждал, что «вызывание переворота не было целью краковского конгресса», и такая организация как Центролев «не могла бы такой вещи ни перед кем скрыть», поскольку «с несколькими сотнями револьверов нельзя бросаться на несколько полков армии». Среди задач

конгресса свидетель выделил «противопоставление себя неким угрозам новых переворотов, которые не раз исходили из очень высоких сфер». Создание Центролева по мнению Тугутта было необходимостью, поскольку нужно было «сказать ясно и убедительно, чего он хочет, хотя бы в негативной форме» [15, s. 285].

Один из лидеров ППС Т. Арцишевский назвал режим «своеобразной «криптодиктатурой». «Её ликвидация, – продолжал свидетель, – должна была основываться на создании правительства, опирающегося на сеймовое большинство, который бы ликвидировал мирным образом весь материал, нагромождённый послемайскими правительствами. Чем дольше длится такое положение, тем меньшие шансы его мирной ликвидации». Президент же вопреки присяге «встал на сторону диктатуры». Отвергая обвинения Центролева в планировании переворота, свидетель выделил в правящем лагере некую связанную с МВД группу, призывавшую «без всяких стеснений к новому перевороту» [15, s. 227–228]. Б. Земенцкий (ППС) охарактеризовал Центролев как организацию, деятельность которой, «имеющая цель защиты правопорядка, была совершенно открытой». Относя себя к крылу партии, который «дольше всех искал общую линию с послемайскими правительствами», свидетель отметил, что конец этим заблуждениям положил Брест [15, s. 240]. Страстно и обличительно выступил на процессе известный писатель А. Струг (ППС): «Этого зала не хватило бы на размещение всех обвиняемых. Ведь все свидетели здесь обвиняемые. Ежели я посмотрю на людей, сидящих на этой скамье, моих политических товарищей, если я знаю, что вся эта скамья была наказана страшным и жестоким образом, то задаю себе вопрос: о чём говорить?» «Фатум» тянет Пилсудского «в неведомое будущее, а вместе с ним и польское государство». Диктатура охарактеризовалась как «неискренняя, замаскированная», в которой «в целом военные доминируют в общественной жизни», которые всё сделают, «что им только прикажут» [15, s. 287–289].

В зачитанных на процессе письменных показаниях сенатора Мотца пророчески предсказывалось: «Конец трагедии, которая пала на нашу страну, ясна каждому, имеющему какое-то понимание истории. Пройдёт немного лет как нынешняя диктатура падёт, подвергая государство расстройству и потрясениям, которые могут стать опасными для его будущего. Идущее ныне дело против 11 депутатов является собственно историческим процессом нависшей над нашей страной военной диктатуры, является чёрной страницей возрождения Польши». Демократии всех цивилизованных стран вынесли свой приговор, «энергично осуждая насилия, совершённые в Бресте и выражая всю свою симпатию жертвам королевских устремлений маршала Пилсудского» [15, s. 278].

Двойственностью отличалось выступление неоднократного санационного премьера К. Бартеля, представлявшего либеральное крыло этого лагеря. Он, с одной стороны, отрицал какие-либо революционные планы Центролева, а с другой – не признавал и планов переворота у санации. Бартель не считал деятельность Центролева и СН революционной, политику центристских партий не трактовал как антигосударственную. В то же время свидетель заявил, что он боролся с сеймовластием, «детской болезнью нашего парламента», отрицал намерения правительства, ББВР и Пилсудского разогнать парламент и октроировать конституцию. Бартель так охарактеризовал своё премьерство: «Одни называют эту систему правления настоящей диктатурой, а я не нахожу в этом диктатуры. Я в любом случае диктатором не был» [15, s. 233–238].

Свидетелями защиты были и менее известные люди. Один из них заявил, что на проведение Краковского конгресса было израсходовано 2960 злотых. Другой свидетель защиты сообщил суду: выступивший свидетелем обвинения осведомитель полиции в Кракове, сообщал полиции об оружии у боевой группы ППС, и сам свидетель защиты использовал его же «для разведки внутри ББ[ВР] во время выборов и установил, что он приносил правдивые сведения. А тем самым он служил обеим сторонам» [15, s. 220].

15–17 декабря на процессе выступили обвинители, старавшиеся обосновать акт обвинения. Прокурор Раузе утверждал, что обвиняемые «вели борьбу за власть, а не за закон, за силу, мощь и сплочённость государства», поэтому на процессе идёт «борьба за то, чтобы не торжествовала безнаказанность за политические преступления». Отрицались выборы как цель Центролева, поскольку он «имел единственную цель – свержение правительства» или «системы диктатуры марш. Пилсудского», и блок «не видел другого пути, только путь насилия и к этому готовился». ППС называлась главной силой Центролева, мозгом – Либерман и Прагер, сердцем – Барлицкий, а руками – руководители её воеводских организаций Дюбуа, Мастек и Цёлкош. Эти обвиняемые «объединяют силы революционных масс, вооружают эти массы, проводят главную политическую линию на территории парламента, достигают соглашения с заграничными кругами и получают оттуда материальную помощь и моральную поддержку, определяют план действия, выбирают время и место, руководят бунтом» [15, s. 301–304], – заключал прокурор.

Обвинитель Грабовский назвал процесс историческим: «В этом процессе, прежде всего, нет обвиняемых. Есть обвинители. Временами я терял тут чувство реальности и не знал, какая сторона представляет обвиняемых. Временами я чувствовал себя обвинённым во всём. Для чего этот метод обвинений? Чтобы тот, кто обвиняет, не помнит о собственных грехах». Наступательная обвинительная тактика обвиняемых, по мнению прокурора, имеет цель очернить власти, опровергнуть обвинения в стремлении силой свергнуть правительство. Прокурор привёл цита-

ты из книг одного из руководителей ППС Дашиньского о Пилсудском, изданных в 1925 и 1927 гг., сослался на интервью Пилсудского, доказывая, что в Польше нет диктатора и диктатуры. Обвинитель заключал: «А тем самым обвиняемые хотят любой ценой свергнуть правительство. Они знают, что правительство – кровавая диктатура, которая не согласится уйти. Никакой формальный путь к этому не приведёт. Тем самым, каким путём это может наступить? Преодоление, насилие, сила – это единственный ответ. И именно под этим знаком состоялся краковский конгресс, под таким знаком возник Центролев» [15, s. 305–308].

С 9 декабря начались выступления адвокатов подсудимых, продолжавшиеся до 5 января. Первым из них выступил Я. Новодворский, отметивший, что перед судом оказались не только представители разных политических партий, но и бывшие премьер, министры. Побудительными мотивами действий обвиняемых называлась «забота о бытности Польши, о бытии угрожаемого закона», а стремлением, чтобы «угрожаемому закону его бытность и великолепие вернуть». Были приведены многочисленные примеры беззаконий в послемайской Польше: финансовые злоупотребления, не открытие созванных сессий Сейма, террор и насилие в ходе выборов, избиения и убийства политических противников. «Если подсудимые, видя всё это, понимали, что это губительно для народа и если стремились изменить политико-правовые условия в нашей стране, то из этого нельзя выдвигать им обвинение. И гражданская совесть, и чувство гражданской обязанности наказывает каждому из нас вести именно такую легальную борьбу», – делал вывод Новодворский. «Создатели особой идейной конструкции государственного права, – продолжал адвокат, – которые провозглашают, что должны удержаться у власти, поскольку сильное правительство – это сильное государство, забывают, что самое сильное правительство должно пасть, ежели нет основы существования в доверии народа. А что такого доверия санация не имеет, в этом, пожалуй, никто не сомневается». В заключении адвокат сказал: единственное обоснование процесса – «надежда, что он будет оправданием Бреста. … Брест был актом политической мести, и я глубоко верю, что польский суд не будет орудием мести, что польский суд констатирует, что борьба за закон, за его бытие и уважение не была и не будет наказуемым преступлением» [15, s. 310–314].

Эмоциональным и политически острым было выступление адвоката З. Гралиньского, заявившего, что процесс не исторический, а скорее трагический. В судебном зале вершится история народа, и для огромной части общества «раз и навсегда было покончено с легендой и верой, связанной с марш. Пилсудским», а «суд над теми, которые даже переворота не готовили, вершит правительство, которое само пришло к власти через государственный переворот». Обвиняемые пытались не допустить своеволия, организовывая для этого сознательное общественное мнение. За пятилетнее правление санации не было достигнуто ни совершенствование государственного устройства и самоуправления, судов, ни нормализованы отношения с национальными меньшинствами, не сокращён госаппарат, не была уничтожена «партийность», более того, произошло «полное слияние понятий правительства и правительственной партии». Цели деятельности партий Центролева, по мнению адвоката, включали в себя: «1) изменение системы правления через устранение диктатуры; 2) уважение конституции и закона; 3) борьбу с экономическим кризисом», а превентивная цель – «недопущение государственного переворота». А о том, что опасения Центролева не были безосновательными «лучше всего свидетельствуют выборы 1930 г., которые были перечёркиванием сущности народного представительства» [15, s. 314–317].

Адвокат Хонигвилл указал на фальшь процесса: в Краковском конгрессе участвовали не только 11 обвиняемых, но и другие, не ставшие обвиняемыми, и отрицал, что Центролев, «опирающийся на эти партии, был революционным». Причины процесса адвокат усматривал в том, что «после нескольких недель заключения в Бресте требовалась возмущённому до глубины души общественному мнению хотя бы видимость компенсации». В Бресте были «сведены счёты за старые вещи и осуществлено давление на политические партии в момент, когда они готовились к выборам, когда победа оппозиции в этих выборах, если бы они были честными, была верная». Это была месть людям, которые «осмелились противостоять и идти другим путём, чем марш. Пилсудский и те, кто его окружают» [15, s. 318–319].

Чисто польскую причину диктатуры в Польше выделил адвокат С. Шурлей: «У марш<ала>. Пилсудского есть вокруг него лагерь преданных ему верных людей, которых мы привыкли называть «пилсудчиками». Это род политического монотеизма. …на место Бога нужно было поставить божество. Этот культ, опирающийся на эти первичные элементы, помог диктатуре» [15, s. 327]. «Вместо закона у нас стала господствовать воля одного человека. Вместо сеймовластвования у нас сегодня правительствовластвование, которое совершенно парализовало контроль, критику, парализовало отдельные законы, конституцию», – сказал адвокат Т. Черницкий, добавив, что Центролев возник для того, чтобы в Польше снова господствовал закон [15, s. 338]. А адвокат А. Ляндау так закончил свою речь: «Польша беспримерно опозорена незаконным арестом и пытками её хороших сыновей, ещё больше опозорена высоким выделением и награждением исполнителей, выше всей меры опозорена тем, что не грянул гром с польского неба, когда с высокого уровня заявлено, что Брест был польской исторической необходимостью» [15, s. 346].

Адвокат М. Ярош указал на изменение содержания процесса: «В течение долгих недель перед судом в роли обвиняемого представала послемайская система правления вместе со все-

ми методами. ... Принципиальный, очень важный политический спор оппозиции с послемайским лагерем о легальности, целесообразности, о допустимости методов правления втиснут в тесные рамки уголовного процесса. Из проблемы исключительно политической сделали уголовное дело, чтобы оправдать ex post ночь с 9 на 10 сентября. Те, кто готовили брестский процесс, упустили из виду тот момент, что со временем, когда дело окажется перед судейским столом, роли сторон должны измениться. И так произошло». И акт обвинения «лишён его сущностного содержания в смысле вины по кодексу, более того, он висит в воздухе» [15, s. 350].

Тем самым общая линия защиты основывалась на отрицании намерений обвиняемых и Центролева в целом силой захватить власть, революционных намерений Краковского конгресса и содержания его резолюций, а намерения организовать новый переворот усматривались у санации. Процесс трактовался как обоснование беззаконий Бреста, которые в свою очередь были следствием расправы властей над легальной политической оппозицией. «С правовой точки зрения защита свела на нет акт обвинения, что, впрочем, не было трудной задачей. Было, прежде всего, показано, что акт обвинения должен обосновать аресты и содержание узников в Бресте, что решения об аресте приняты и были реализованы прежде, чем появилась идея обвинения о заговоре» [11, s. 153], – подытоживал А. Гарлицкий.

7–9 января обвиняемые выступили с последним словом, подчеркнув, что не они нарушали закон, а наоборот его защищали, и в нравственном отношении именно они правы. «Нас обвинили в том, что мы хотели силой свергнуть осуществляющее власть правительство. Но ничто не в состоянии заглушить те значительно более важные обвинения, которые вырывается из совести общества и громко призывает в мир: Не обвиняемые, только те, кто наверху, свергли силой моральные основы, без которых ни одно современное государство остаться не может. Не обвиняемые, только те, что наверху, свергли силой достоинство польского народа в цивилизованном мире, делая из Польши большую духовную тюрьму, в которой безгранично страдает весь народ» [15, s. 367], – закончил свою эмоциональную речь Либерман.

13 января суд огласил приговор. Он посчитал доказанной вину 10 обвиняемых по статье 102 уголовного кодекса за участие в организации заговора. Им вменялось то, что они «в 1930 году принимали участие в заговоре, созданном внутри внепарламентской организации, популярно наз[ываемой] Центролевом…, зная о том, что заговор был направлен на переворот, имеющий целью свержение силой членов правительства, осуществляющего в то время власть в Польше и замену его другими лицами, без изменения же принципиального государственного строя…., причём участие обвиняемых в этом заговоре выражалось в подготовке этого переворота…». За эти деяния обвиняемые Мастек, Дюбуа, Цёлкош, Прагер и Путек приговаривались к заключению на 3 года. Учитывая прежние заслуги перед польским государством, суд счёл возможным смягчить приговор другим обвиняемым, сократив им срок заключения на 0,5-1,5 года. Либерман, Барлицкий и Керник были осуждены на 2,5 года, Багиньский – 2 года и Витос – 1,5 года. Единственным оправданным был Савицкий. Мотивировочная часть приговора завершалась резюме: суд признал установленным «1) что, как это признают лидеры, внепарламентский Центролев был создан в целях свержения системы правления в Польше в лице осуществляющих власть членов правительства; 2) что в назначенные на день 14 сентября 1930 г. демонстрации, как это также признают лидеры Центролева, были одним из этапов борьбы, стремящейся к этой цели; 3) что по намерениям лидеров Центролева во время этих демонстраций сознательно и целенаправленно было использовано физическое насилие в отношении функционеров органов безопасности; 4) что использование насилия в намечаемых размерах на день 14 сентября 1930 г. в отношении цели, для которой она была использована, содержала признаки преступного деяния…; 5) что лидеры Центролева самим назначением в этих целях демонстраций проявили своё первоначальное намерение. За пределы демонстрации намерения внепарламентский Центролев не вышел» [15, s. 378–384].

Приговор был принят судейской коллегией большинством голосов, поскольку судья С. Лещиньский выразил особое мнение, высказавшись за признание невиновными всех обвиняемых. Примечательно, что суд в приговоре не вменил обвиняемым содержащуюся в акте обвинения статью 100 уголовного кодекса, предусматривавшую от 10 до 15 лет заключения. Статья же 102 предполагала срок заключения до 8 лет, хотя сроки заключения в приговоре не превышали 3 года, что косвенно свидетельствовало о слабости обвинений.

Подводя итоги процесса, А. Прагер писал в воспоминаниях, что «в режиссуре его совершена ошибка». Пилсудскому нужно было оправдание заключения лидеров оппозиции в Бресте, и поэтому требовались обвинительные приговоры. Вероятно, Пилсудский рассчитывал, что «обвиняемые будут доказывать каждый отдельно и все вместе свою невиновность. … Без сомнения не предвидел, что обвиняемые предпримут контрнаступление в широком масштабе и превратят процесс в публичный двухмесячный семинар обучения демократии. Эта психологическая ошибка привела к тому, что мы вышли из зала суда приговорёнными, а диктатура осуждена» [14, s. 441].

Реакция значительной части польского общества на приговор была негативной. В течение недели процесса только в адрес В. Витоса поступило 1,6 тыс. посланий поддержки, преимущественно от крестьян [10, s. 215]. Отражением этой тенденции стал приём 16 января в Варшаве в честь брестских узников, на котором в каче-

стве гостей присутствовали представители СН, не имевшего к процессу никакого отношения. По сообщению органов безопасности, приём «представлял собой серьёзную политическую манифестацию, будучи началом нового периода в истории «антимайской» оппозиции, периода, когда она переходит от попыток оппозиционного «массового» народного движения к организации против господствующей системы т.н. «общественной элиты» ввиду овладения эндецией значительной частью этой элиты. Этот период знаменует непосредственный, явный союз «Центролева» с эндецией, проявившийся в совместном вотуме недоверия правительству. Манифестация от 16 января т. г. в истории нового периода играет роль краковского конгресса для предыдущего периода» [цит. по: 11, s. 156]. Однако А. Гарлицкий полагал, что такая оценка была преувеличенной, поскольку даже временное соглашение правицы и левицы было труднодостижимым [11, s. 157–158].

15 января 1932 г. с заявлениями по поводу приговора выступили парламентские клубы ППС и СЛ. В первом он характеризовался как акт «политической мести со стороны «санационного» лагеря» и «одновременно попыткой устрашения широких кругов общества». Во втором – подчёркивалось, что дело не закрыто и выражалась надежда, что «окончательный приговор независимой судебной власти будет иным», и «приговор, который вынесет польский народ, будет иным» [16. Nr 2/235, s.14]. В этот же день от имени всех польских оппозиционных клубов в Сейме было внесено предложение о вотуме недоверия правительству. В нём указывалось, что брестский процесс выявил ряд беспокоящих фактов: не были расследованы прокуратурой факты издевательств над заключёнными в Бресте, а сам брестский процесс «нанёс огромный ущерб уважению и чести Республики перед другими народами мира, внутри страны привёл к неслыханному обострению политических антагонизмов и к полному подрыву чувства закона и доверия. ... Ответственность за положение в стране несёт правительство в полном составе» [15, s. 387–388].

В дискуссии в Сейме З. Жулавский (ППС) утверждал: «Оппозиция представляет большинство народа», а сам процесс выявил огромный объём насилия. Власти использовали против ППС провокаторов, за что отвечает, и правительство, которое на свои средства содержит их, нарушает независимость судов. В. Тромпчиньский (СН) обратил внимание на незаконное стремление суда не допускать упоминаний об отношении к заключённым в Бресте. Брестом устрашить оппозицию не удалось: «Брестское дело вызвало в польском обществе великую солидарность сочувствия. Почти все узники Бреста идейно от нас очень далекие, но, зная о неслыханном издевательстве над ними, мы видим в них только жертв насилия». Сам процесс «способствовал оздоровлению отношений в Польше, поскольку бросил свет на пропасть, в которую Польша скатывается», а брестское дело «в значительной степени дискредитировало суд». Вотум недоверия правительству – это проблема независимости судов из-за устранения министром юстиции неугодных судей [цит. по: 15, s. 387–391]. От имени ББВР Б. Мезиньский пытался в Сейме отвергнуть обвинения оппозиции, утверждая отсутствие связи между приговором суда и требованием отставки правительства. Суд был назван «надлежащим и справедливым», поэтому он «с чистой совестью» отклонил предложение оппозиции о вотуме недоверия [16. Nr 3/ 236, s.17–20]. ББВР, используя большинство, добился прекращения дискуссии.

29 января 1932 г. левая и центристская оппозиция в Сейме внесла предложение о создание следственной комиссии по вопросу об отношении к брестским узникам. ББВР предложил отклонить проект постановления как противоречащий конституции и польскому законодательству. Депутат Пужак (ППС) напомнил, что Сейм несколько раз пытался провести дискуссию об этом, но получал отказ, а главный прокурор ни разу возбудила дело, поскольку нынешний министр юстиции Михаловский сам осуществлял беззакония в отношении брестских узников. Темпка (ПСХД) отметил, что ответственность за Брест должны нести не только непосредственные исполнители, но также и тогдашний министр юстиции Цар. А непосредственные его исполнители получили награды: прокурор стал министром юстиции, а Костек-Бернацкий – воеводой и получил Крест независимости. «Брест опозорил честь народа. Только соответствующее постановление Сейма может эту честь спасти» [15, s. 393], – завершал свою речь депутат. Клуб ББВР большинством голосов предложил закончить дискуссию, а депутат Винярский (СН) смог только высказать протест против этого. При голосовании по проекту этого постановления депутатское большинство ББВР отвергло его.

На приговор были внесены апелляции как защитой, так и обвинением. Апелляционный суд в феврале 1933 г. вынес более жёсткие приговоры, но после жалобы адвокатов обвиняемых в июле ещё раз рассмотрел дело и подтвердил первоначальный приговор. 5 октября Верховный суд этот приговор утвердил, и он вступил в силу. После этого Барлицкий, Цёлкош, Дюбуа, Мастек и Путек оказались в заключении, но через год были помилованы президентом. Либерман, Прагер, Витос, Керник, и Багиньский покинули страну, сообщив о своём несогласии с приговором. В 1935 г. отправился в эмиграцию также Корфанты, против которого велось отдельное следствие о финансовых злоупотреблениях. Последние четверо вернулись в Польшу в первой половине 1939 г., накануне германского вторжения. Только после разгрома Польши Германией, 31 октября 1939 г., уже в эмиграции в Париже, новые президент Польши В. Рачкевич и премьер В. Сикорский амнистировали всех 10 осуждённых, вернув им гражданские и прочие права [15, s. 399–400].

В ходе войны и после оценки Брестского процесса были в целом негативными. Авторы сбор-

ника материалов «Брестское дело», вышедшего в Лондоне в 1941 г., подводили итоги брестского процесса: «Польша была тяжело оскорблена брестским делом; незаконно арестовали, нечеловечески пытали и безосновательно осудили её хороших сыновей, защищающих закон и правопорядок. Высокие отличия и награды садистским брестским исполнителям были пощёчинами, направленными против чести нации и чести воинского мундира». И эта система, и методы правления должны были кончиться трагически, что предполагали во время процесса сами обвиняемые и свидетели. Вина за такое положение дел возлагалась на «некоторую группу людей при использовании самых разных и самых недостойных средств и самых безнравственных приёмов стремились… последовательно и неумолимо к захвату власти в свои руки, считая себя во имя каких-то воображаемых и мнимых заслуг единственно уполномоченными и способными к управлению нацией и государством» [15, s. 395–396].

Даже у сторонников санации присутствуют негативные характеристики Бреста в целом и процесса в частности. Представитель консервативного крыла этого лагеря С. Мацкевич (Цат) оправдывал Брест с политической точки зрения, благодаря чему, без жертв удалось сломить оппозицию. Однако с точки зрения законности, доводы обвинения были слабыми, использование для обвинений всей судебной системы, «одевание этого политического акта в одежды судейских мантий деморализовало суд, отобрало у судьи в его глазах и в глазах его коллег этот нимб независимости и судейской совести…» [13] Санационный историк В. Побуг-Малиновский, отстаивая наличие независимости суда по брестскому делу, тем не менее, вынужден был признать, что трудно отрицать «факт безнаказанности совершённых в Бресте злоупотреблений и насилия». Он усматривал два аспекта нравственной проблемы: «были в Бесте те, которых били, и те которые били. Костек-Бернацкого и его помощников не наказали; наоборот – вскоре они получили повышение по службе» [12].

По мнению А. Гарлицкого, несмотря на обвинительный приговор, «брестское дело было Пилсудским проиграно», поскольку «обвиняемые стали обвинителями» [11, s. 139–140]. Г. Ф. Матвеев в свою очередь резюмирует: «Процесс показал, что режим подмял под себя и судебную систему» [9].

Брестский процесс над частью брестских узников несомненно носил политический характер под прикрытием юридических обоснований. Он был следствием использования репрессий в ходе выборов 1930 г., задача санации в которых заключалась в обязательности победы и закрепления у власти. Процесс был проявлением стремления санации расправиться с частью деятелей оппозиции, запугав её всю, и обосновав беззакония тюремного заключения в отношении случайно выбранных узников Бреста. Тем не менее, убедительно доказать все предъявляемые обвинения подсудимым не удалось, сам акт обвинения был не слишком убедительным, о чём свидетельствовал приговор. А вызванный общественно-политический резонанс процесса в стране и мире серьезно ухудшил имидж польского государства и является одним из высших проявлений нарушения права и независимости суда в межвоенной Польше.

Источники и литература

1. Ким И. К. Парламентские выборы 1930 года в Польше в зеркале «Газеты польской» // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2015. №1. С. 39–44.

2. Ким И. К. Избирательная кампания санации перед выборами в Сейм 1930 г. в Польше на страницах «Газеты польской» // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2015. №4 (99). С. 209–216.

3. Ким И. К. Центролев как предвыборный блок оппозиционных партий в парламентских выборах 1930 года в Польше // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2015. №5 (100). С. 302–308.

4. Ким И. К. Интервью Юзефа Пилсудского как фактор политической борьбы в предвыборной кампании в парламент в 1930 году в Польше // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сборник научных статей. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 44–52.

5. Ким И. К. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2016. №1. С. 53–58.

6. Ким И. К. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 году // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2016. №1(105). С. 201–209.

7. Ким И. К. Польские оппозиционные партии в парламентских выборах 1930 г. в Польше // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2016. №5 (109). С. 157–164.

8. Ким И. К. Манифестации Центролева 14 сентября как эпизод предвыборной кампании 1930 года в Польше // Российско-польский исторический альманах. Вып. VIII. Ставрополь-Волгоград: СКФУ, 2016. С. 85–90.

9. Польша в XX веке. М.: Индрик, 2014. 952 с.

10. Ajnenkiel A. Polska po przewrocie majowym. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1980. 724 s.

11. Garlicki A. Od Brześcia do maja. Warszawa: Czytelnik, 1985. 405 s.

12. Mackiewicz (Cat) S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 5 lipca 1945 r. Londyn, b. d. S. 223–224.

13. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. T. II. 1914-1939. Warszawa: Graf, 2000. 896 s.

14. Pragier A. Czas przeszły i dokonany. Londyn: Świderski, 1966. 943 s.

15. Sprawa brzeska. Dokumenty i materiały. Warszawa: KiW, 1987. 409 s.

16. WIP. Wszystkie stronnictwa. 1932.

17. Witos W. Dzieła wybrane. T. 2. Warszawa, 1990. 626 s.

References

1. Kim I. K. Parlamentskiye vybory 1930 g. v Pol'she v zerkale «Gazety Pol'skoy» *(1930 parliamentary elections in Poland in the mirror of the Gazeta Polska)* // Gumanitarnye i yuridicheskiye issledovaniya. 2015. No 1. P. 39–44. (In Russian)
2. Kim I. K. Izbiratel'naya kampaniya sanacii pered vyborami v Seym 1930 g. v Pol'she na stranitsakh «Gazety Pol'skoy» *(The election campaign of reorganization before the elections to the Sejm 1930 in Poland on the pages of the Gazeta Polska)* // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskiye nauki. Filologicheskiye nauki. Istoricheskiye nauki i arkheologiya. 2015. No 4 (99). P. 209–2016. (In Russian)
3. Kim I. K. Tsentrolev kak predvybornyy blok oppozitsionnykh partiy v parlamentskikh vyborakh 1930 goda v Pol'she *(Centrolew as an election block of opposition parties in the 1930 parliamentary elections in Poland)* // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskiye nauki. Filologicheskiye nauki. Istoricheskiye nauki i arkheologiya. 2015. No 5 (100). P. 302–308. (In Russian)
4. Kim I. K. Intervyu Yuzefa Pilsudskogo kak faktor politicheskoy bor'by v predvybornoy kampanii v parlament v 1930 godu v Pol'she *(Józef Piłsudski's interview as a factor in the political struggle in the parliamentary election campaign in 1930 in Poland)* // Istoricheskaya nauka i obrazovaniye v nachale XXI veka: problemy i perspektivy razvitiya (k 70-letiyu fakul'teta istorii, filosofii i iskusstv. Stavropol': NCFU publ., 2015. P. 44–52. (In Russian)
5. Kim I. K. Obshchestvenno-politicheskiy rezonans zaklyucheniya v Brestskoy tyur'me deyateley pol'skoy oppozitsii v 1930 g. *(Socio-political resonance of imprisonment of figures of the Polish opposition in Brest prison in 1930)* // Gumanitarnye i yuridicheskiye issledovaniya. 2016. No 1. P. 53–58. (In Russian)
6. Kim I. K. O prebyvanii v voyennoy tyur'me v Breste deyateley pol'skoy oppozitsii v 1930 godu *(On the stay of Polish opposition figures in a military prison in Brest in 1930)* // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskiye nauki. Filologicheskiye nauki. Istoricheskiye nauki i arkheologiya. 2016. No 1 (105). P. 201–209. (In Russian)
7. Kim I. K. Pol'skiye oppozitsionnye partii v parlamentskikh vyborakh 1930 g. v Pol'she *(Polish opposition parties in the 1930 parliamentary elections in Poland)* // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskiye nauki. Filologicheskiye nauki. Istoricheskiye nauki i arkheologiya. 2016. No 5 (109). P. 157–164. (In Russian)
8. Kim I. K. Manifestatsii Tsentroleva 14 sentyabrya kak epizod predvybornoy kampanii 1930 goda v Pol'she *(Demonstrations of the Centrolew on September 14 as an episode of the 1930 election campaign in Poland)* // Rossiysko-pol'skiy istoricheskiy al'manach. Issue. VIII. Stavropol'-Volgograd: NCFU publ., 2016. P. 85–90. (In Russian)
9. Pol'sha v XX veke *(Poland in the twentieth century).* M.: Idrik publ., 2014. C. 206. 952 p. (In Russian)
10. Ajnenkiel A. Polska po przewrocie majowym. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1980. 724 s.
11. Garlicki A. Od Brześcia do maja. Warszawa: Czytelnik, 1985. 405 s.
12. Mackiewicz *(Cat)* S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 5 lipca 1945 r. Londyn, b. d. S. 223–224.
13. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. T. II. 1914–1939. Warszawa: Graf, 2000. 896 s.
14. Pragier A. Czas przeszły i dokonany. Londyn: Świderski, 1966. 943 s.
15. Sprawa brzeska. Dokumenty i materiały. Warszawa: KiW, 1987. 409 s.
16. WIP. Wszystkie stronnictwa. 1932.
17. Witos W. Dzieła wybrane. T. 2. Warszawa, 1990. 626 s.

Сведения об авторе

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград) / kokes@ mail.ru

Information about the author

Kim Igor – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of World History, Volgograd State Pedagogical University (Volgograd) / kokes@mail.ru

УДК 947

В. В. Канищев

БАЗА ДАННЫХ «ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В 1914–1922 гг.»: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАБОТКИ

В статье определены возможности электронной просопографической базы данных для многомерного изучения биографий офицеров российской императорской армии в 1914–1922 гг. Автор сформировал выборку социально-профессиональных данных о 1,5 с лишним тысячах офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний на 1914 г. и изменениях их жизни и карьеры на отрезках Первой мировой войны, Революции 1917 г., Гражданской войны. Анализ показателей возрастного, социально-сословного, национально-религиозного, образовательного состава, карьерного движения изученной когорты офицеров на 1914 г. в сравнении с социально-профессиональным обликом всего офицерского корпуса России показал типичность этой когорты, правомерность формулирования по результатам ее анализа широких выводов, положений, обобщений. Первые результаты обработки базы данных свидетельствуют, что по показателю возраста в изученных гарнизонах, как и в армии в целом, преобладали офицеры средних возрастов. В когорте было относительно немного молодых офицеров, но относительно большое число возрастных командиров (свыше 50 лет), которые физически не совсем были готовы к предстоящей войне. Установлено, что сословный состав офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний на 1914 г. был типичен по явному преобладанию дворянства. Но все-таки треть данной группы офицеров происходила из других сословий. Автор выявил, что в национально-религиозном отношении около 90 % членов изученной когорты были славянами православного исповедания. Небольшими, но заметными группами являлись поляки-католики и немцы-лютеране. По данным об образовании выяснились типичное для российского офицерского корпуса начала XX в. примерное равенство выпускников военных и юнкерских училища, близкая к общероссийской доля офицеров, получивших военное академическое образование. Для карьерного продвижения офицеров исследованной выборки, как и всех офицеров мирного времени, было характерно сравнительно замедленное получение званий и наград. Только около 100 офицеров когорты участвовало в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг., других военных кампаниях России конца XIX – начала XX в. Большинству офицеров предстояло набираться боевого опыта в ходе Первой мировой войны.

Ключевые слова: офицерство, просопография, историческая информатика, базы данных.

V. Kanishchev

THE DATABASE “LIFE TRAJECTORIES OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY OFFICERS IN 1914–1922”: INFORMATION POTENTIAL AND FIRST RESULTS OF PROCESSING

The article defines the possibilities of electronic prosopographic database for multidimensional study of biographies of officers of the Russian Imperial army in 1914–1922. The author formed a sample of socio-professional data on more than 1.5 thousand officers of the garrisons of Voronezh, Kursk, Tambov provinces in 1914 and changes in their lives and careers during the First World War, the Revolution of 1917 and the Civil war. The analysis of indicators of age, social class, national-religious, educational structure, career movement of the studied cohort of officers for 1914 in comparison with the socio-professional appearance of the entire Russian officer corps, has shown the typical character of this cohort, the legitimacy of formulating broad conclusions, provisions and generalizations based on the results of its analysis. The first results of database processing show that in terms of age in the studied garrisons, as well as in the army as a whole, middle-aged officers predominated. There were relatively few young officers in the cohort, but a relatively large number of age commanders (over 50 years old) who were not physically quite ready for the coming war. It is established that the class composition of officers of the garrisons of the Voronezh, Kursk, Tambov provinces in 1914 was typical of the apparent predominance of the nobility. But still a third of this group of officers came from other estates. The author revealed that about 90% of the members of the studied cohort were Slavs of the Orthodox confession. Small but notable groups were Catholic poles and Lutheran Germans. According to the data on education it turned out typical for the Russian officer corps of the early XX century approximate equality of graduates of military and cadet schools, close to the all-Russian proportion of officers who received military academic education. For career advancement of officers of the studied sample, as well as all officers of peacetime, was characterized by a relatively slow receipt of ranks and awards. Only about 100 officers of the cohort participated in the Russian-Turkish war of 1877-1878, the Russian-Japanese war of 1904–1905, other military campaigns of Russia in the late XIX – early XX century

most of the officers had to gain combat experience during the First World War.

Key words: officers, prosopography, historical informatics, databases.

Историография истории российского офицерства начала XX в. весьма обширна. Однако опубликовано сравнительно немного работ, в которых предпринимались попытки многомерного количественного анализа социального облика и жизненного пути представителей офицерского корпуса. Среди классических исследований темы можно отметить монографию П. А. Зайончковского, в которой представлены статистические данные о разных сторонах облика офицеров конце XIX – начала XX в. [5]. В современной историографии разнообразные количественные характеристики дореволюционного офицерства представил В. Суряев [13].

С другой стороны, в последние десятилетия российские историки получили возможность изучать массовые источники по истории офицерства периода Первой мировой и Гражданской войн, созданные в Советской России и в Русском зарубежье. Особенно отметим специальные Интернет-ресурсы: «RIA 1914.info», «Русская армия в Великой войне», «Militera.lib.ru. Военная литература». На данный момент этот богатейший источниковый материал представляет собой мало систематизированную коллекцию фактов [2, 11, 12].

Наиболее ярким образцом такой коллекции является база данных С. В. Волкова, включающая в себя более 300 тыс. биографических справок о Белой Гвардии [3]. Но этот ценнейший ресурс с точки зрения информатики никак не структурирован и не поддается количественной обработке современными методами. Обсчитать десятки тысяч человек по многим параметрам «карандашиком и палочками» практически невозможно.

Существенное преимущество над таким материалом имеют электронные просопографические базы данных, которые советские историки стали формировать еще в 1970–1980-е гг. для составления обобщенных характеристик определенных групп людей в целях определения путей их социальной мобильности и карьерных устремлений. Уже к началу 2000-х гг. накопился немалый опыт создания электронных просопографий [6]. Этот опыт продолжает накапливаться.

Просопографический метод позволяет создать коллективную (типичную) биографию однородной группы людей и на этой основе заполнять типичными показателями недостаток сведений у отдельных персоналий.

В нашем случае это оказалось чрезвычайно важным, поскольку мы попытались в базе данных систематизировать и провести количественный анализ сотен биографий русских офицеров, чья сравнительно спокойная военная карьера конца XIX – начала XX в., редко прерываемая короткими войнами, закрутилась в вихрях Первой мировой войны, Революции 1917 г., гражданского противостояния в России, стала выписывать разнообразные «траектории» и сопровождалась заметной потерей информации.

Цель статьи состоит в оценке возможностей использования компьютерных технологий для систематизации и анализа информации о социально-политическом облике определенной когорты офицеров на 1914 г. и их жизненном пути в военно-революционный период 1914–1922 гг.

Поскольку когортный анализ предполагает в первую очередь изучение состояние объекта на начальный год исследования, мы посчитали необходимым специально выяснить, как сформировался социальный облик избранной группы офицеров в дореволюционный период и представить в статье первые результаты обработки этого блока базы данных. Исследование судеб представителей когорты на последующих отрезках периода 1914–1922 гг. станет задачей дальнейшего анализа обширной базы данных.

В отличие от «готовой» статистики электронные просопографические базы данных позволяют их создателям самим вычислять статистическими приемами многогранные характеристики большой группы людей.

Мы сформировали просопографическую базу данных на основе биографий 1156 офицеров, служивших в 1914 г. в гарнизонах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний. Выбор губерний определялся тем, что здесь располагались сравнительно большие гарнизоны всех родов сухопутных войск, что позволяет сделать типологическую выборку для тщательного анализа более тысячи офицерских биографий. Для нашей темы особенно существенно то, что в годы Гражданской войны, через территории губерний проходили различные фронты, которые давали офицерам большие, чем в глубоких тылах, возможности выбора между красными, белыми, казаками, украинскими войсками.

С точки зрения социологии – это классическая когорта, группа людей, выделенная по общему признаку, в данном случае по общему месту службы. Поэтому базовым источником стали Адрес-календари служащих соответствующих губерний, которые включали и данные об офицерах, дислоцированных на территории губерний воинских частей. Обычно выделение когорт предполагает дальнейшее изучение их жизненного пути, определение их места в одних и тех же исторических событиях [1, 10].

Для понимания «обычных» биографий в «необычное время» мы решили разделить базу данных на 4 блока: довоенный период; 1914–1916 гг.; 1917–1918 гг.; 1918–1922 гг. В каждом блоке в зависимости от особенностей конкретного отрезка истории созданы информационные поля о местах службы (гарнизоны, фронты, «лагеря» Гражданской войны, уход в «обыватели»), званиях, должностях, военных судьбах (жив, убит, ранен, плен, пропал без вести) наградах.

Формуляр БД создан на платформе Excel, которая позволяет заложить в одну строку (пусть

и длинную, но единую) формализованный жизненный путь одного человека. Программа дает достаточные для нашего исследования возможности строить необходимые таблицы, создавать вычисляемые поля.

Проведенный на данный момент анализ показателей 1-го блока позволяет говорить не только об информационных возможностях базы данных, но и о весомости результатов ее обработки для определения общих и особенных черт социально-профессионального портрета избранной когорты офицеров накануне Первой мировой войны.

Показатель даты рождения дает возможность для вычисления сроков продвижения офицеров по службе, а, главное, для выяснения возраста в поворотные моменты жизненной судьбы. Произведенные подсчеты показали типичное для армейских структур распределение офицеров по возрастным группам. Более 80 % составили люди возраста от 24 до 53 лет. Очень молодые офицеры до 23 лет в наших подсчетах не превысили 4 %. Для мирного времени было обычным продолжение службы заметной группы пожилых офицеров (более 13 %).

Полученные нами результаты можно сопоставить с опубликованными П. А. Зайончковским статистическими сведениями о возрастном составе некоторых групп офицеров. В частности, не выглядит необычным наличие в нашей базе данных офицеров старше 60 лет. Зайончковский приводит сведения о том, что в начале XX в. обычным явлением было наличие бригадных командиров в возрасте 65-72 лет, полковых – 62–63 года [5, с. 193].

Он приводил статистику возрастных групп офицеров одной из дивизий, в соответствии с которой в этой части состояли офицеры от 19 лет. В нашей выборке оказались даже 17-летние.

Данные об окончании военного училища позволяют вычислить возраст вступления в офицерскую службу. При всем разнообразии правил поступления в российские военные и юнкерские училища минимальный возраст поступления устанавливался в 16 лет. При 2–3 летнем периоде учебы большинство юнкеров могли заканчивать училища до 20 лет. Но, поскольку эти правила разрешали поступать в училища лицам до 24 лет, разброс значений возраста окончания училища был относительно большим [4].

Большинство офицеров нашей когорты (свыше 85 %) завершали учебу в «нормальные» 19–24 года. Слишком молодые выпускники училищ составляли менее 5 %. «Великовозрастные» выпускники насчитывали 9–10 %.

49 % нашей выборки окончили военные училища, т.е. имели, скажем так, полноценное среднее военное образование. Чуть более половины получили военное образование в юнкерских училищах. По образному выражению историков А. А. Михайлова и С. А. Филюка, юнкерские училища стали теми воротами, через которые в офицерский корпус проникали выходцы из недворянской среды [10].

В принципе наши данные близки к цифрам об уровне военного образования российских офицеров начала XX в., которые привел П. А. Зайончковский: выпускников военных училищ – 55–60 %, юнкерских – 40–45 % [5, с. 170].

Некоторые историки считают, что выпускникам юнкерских училищ, не обладавшим хорошей подготовкой и почти не имевшим шансов на получение высшего военного образования, было трудно сделать хорошую карьеру – потолком для большинства из них была должность ротного командира в пехоте и чин капитана [4, с. 58–59]. В нашей выборке три четверти выпускников юнкерских училищ действительно не поднялись выше звания капитана. Но были и существенные исключения: 3 выпускника таких училищ стали генерал-майорами, около 20 полковниками, более 30 подполковниками. Так что работа с конкретными базами данных показывает в очередной раз необходимость осторожного подхода к любым обобщениям, не основанным на количественных показателях.

Полученные результаты показывают примерное равенство выпускников столичных и провинциальных военных училищ. Воспитанники военных училищ формировались как личности не только в стенах своих учебных заведений. Курсанты столичных училищ имели больше возможностей знать политическую жизнь. Они нередко стояли в караулах во время важных государственных мероприятий, участвовали в столичных парадах. В годы учебы они могли приобщаться к высоким культурным ценностям. Столичная среда создавала условия для формирования важных и полезных в будущем связей в обществе.

Воспитанники провинциальных военных училищ имели больше возможностей знать жизнь простого народа. В будущую военно-революционную эпоху умение общаться с простыми людьми, многие из которых вскоре стали солдатами или активными участниками революционных событий, по-житейски могло оказаться очень важным.

При рассмотрении уровня образования офицеров разных родов войск выясняется, что военные училища окончили 35 % пехотинцев, 99 % -артиллеристов, 51 % кавалеристов. Первые два показателя практически полностью совпали с общероссийскими данными, приведенными В. Суряевым [13, с. 125]. Процент кавалерийских офицеров – выпускников военных училищ в нашей выборке оказался выше, чем по России в целом.

По данным П. А. Зайончковского, в 1904 г. высшее военное образование имели 1232 офицера Генерального штаба (выпускники академий записывались в разряд офицеров Генштаба [5, с. 178]). «Наши» 42 выпускника академий составляли чуть менее 2 % от всех российских офицеров с высшим военным образованием. Это немного меньше доли офицеров выборки во всем российском офицерском корпусе. Такое понятно, если учитывать, что выпускники академий в значительной мере попадали в Генштаб и столичные воинские части, нежели в провинциальные части.

Большинство офицеров когорты поступало в военные училища и оканчивало их в 1870-е и последующие годы, когда военное образование формально стало всесословным. Но нельзя не учитывать того, что в реальной жизни российского общества, особенно его армейской части, вплоть до начала XX в. сохранялось привилегированное положение дворянства. Поэтому мы посчитали важным проанализировать сословное происхождение персоналий конкретной базы данных. Как и следовало ожидать, среди известных по показателю социально-сословного происхождения представителей изучаемой когорты офицеров большинство составили дворяне – свыше 70 %. И все-таки наши данные показывают, что в начале XX в. в составе кадрового офицерства могли оказаться представители всех сословий. Очевидны сравнительно высокие устремления в офицерскую среду представителей мещанства. Напротив, среди них оказалось сравнительно мало выходцев из крестьян. Единичные факты выбора офицерской карьеры представителями сословий купцов, почетных граждан, духовенства, думается, говорят об экзотичности такого выбора людьми из этих слоев общества.

Изученная группа офицеров гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губернии по показателю сословности при сравнении с общероссийскими данными выглядит типичной. По приведенным П. А. Зайончковским данным о сословном составе офицеров российской армии на 1895 г., почти одинаковой оказалась доля дворян (67 %), крестьян (3 %), купцов (2 %), казаков (0.7 %). В общероссийском офицерском корпусе больше числилось почетных граждан – 5 % и выходцев из духовенства – 6 %, но намного меньше оказалась доля мещан – 7 % [5, с. 204–205].

Для определения успешности продвижения в чинах мы решили сопоставить достигнутые звания с возрастом офицеров нашей когорты на 1914 г. Мы исходили из того, что в соответствии с правилами производства в обер-офицеры 1900 г. получение очередного воинского звания полагалось раз в 4 года. Полагая, что средним возрастом окончания училища и получения чина подпоручика (корнета) был 21 год, мы считаем, что звания поручика типичный офицер получал примерно в 25 лет, звание штабс-капитана (штабс-ротмистра) – в 29 лет, звание капитана (ротмистра) – 33 года. Получение званий старших офицеров (подполковника и полковника) и генералов зависело не столько от возраста, сколько от наличия командных должностей. Мы понимаем, что наши расчеты схематичны. Для того, чтобы увидеть эту не типичность, мы выделили тех, кто получал звания слишком рано или слишком поздно.

Полученные результаты в целом отражают характерные для того времени этапы получения очередных чинов. Крайне редкими оказались в базе данные сведения об очень раннем получении званий штабс-капитанов.

Теоретически звание полковника невозможно было достичь до 40 лет. В нашей базе самым молодым полковником оказался офицер для поручений при штабе 5-го армейского корпуса в Воронеже Фердинанд Фердинандович Фешот, который получил звание к 39 годам. В 1903 г. он закончил Николаевскую академию Генерального штаба, что, безусловно, повлияло на его карьеру.

Сравнительно немалой оказалась группа офицеров, засидевшихся в воинских званиях. В частности, мы отнесли к засидевшимся 106 из 111 (95 %) капитанов (ротмистров). Некоторые известные в исторической литературе данные подтверждают типичность такой ситуации. П. А. Зайончковский привел сведения конца XIX в. о 4452 капитанах армейской пехоты, состоявших в строевых частях, 98% которых оставались в этом звании после 35 лет. Ссылаясь на наблюдения современников армейской жизни начала XX в., историк приводил средний возраст командиров рот (капитанская должность) – 46 лет [5, с. 188–189]. В. Суряев приводит данные 1903 г. о том, большинство армейских офицеров производились в чин капитана только к 44–45 годам [13, с.117]. Наши данные в целом близки к приведенным в литературе общероссийским показателям. Большая часть когорты попала в группу лиц, получавших очередные звания раз в 4–8 лет, т.е. несколько медленнее среднего срока. Заметно меньшее число офицеров поднимались в чинах раз в 1–4 года. В исторической литературе факты замедленного движения офицеров от чина к чину в мирное время отмечаются как обычное явление [5, с. 193–194].

Изучение различий в ходе получения званий в отдельных родах войск показало наибольшую типичность пехотных офицеров. Наиболее заметную специфику в процессе движения воинских званий демонстрирует группа офицеров, служивших в управлениях уездных воинских начальников. В принципе это понятно. На такие военно-чиновничьи должности попадали немолодые офицеры уже в чинах. Конечно, движение в чинах этих офицеров было ограничено в сравнении с молодежью, начинавшей военную карьеру.

Еще одним показателем успешности карьерного движения мы посчитали «скорость» получения наград. При обобщении полученных данных мы исходили из того, что награды офицеры мирного времени получали несколько реже, чем звания. Данные о числе награжденных представителей нашей выборки (минимум 200 чел. или 16 % от всей совокупности) представляются достаточно весомыми для офицеров мирного времени. Конечно, сведения о довоенных наградах могли не попасть в их послереволюционные биографии. Но вполне реалистичным может быть предположение о том, что многие офицеры начала XX в., не прошедшие военные кампании и не имевшие большой выслуги, вообще не имели наград.

Среди известных по числу наград наименьшую группу составили те, кто получал их быстрее, чем за 5 лет. Треть награжденных офицеров получила свои ордена в среднем за период 5–10 лет. Но большинство изученной группы офицеров награждалось очень редко – в период свыше 10 лет.

Поскольку боевые награды всегда были стимулами офицерской службы, несложно предположить, что неизбалованные орденами офицеры тыловых гарнизонов Воронежской, Курской, Тамбовской губерний особо стремились к наградам в годы 1-й Мировой войны.

Подсчеты доли известных награжденных офицерам по разным родам войск показали небольшой разброс показателя (в интервале 10–20 %). Высокой оказалась доля награжденных среди офицеров управлений воинских начальников (более 50 %). Это лишнее подтверждение того, что на такие военно-чиновные должности назначали опытных и заслуженных офицеров. С другой стороны, сравнительно немалой была доля офицеров-быстрых получателей наград в пехоте и особенно в артиллерии. Главным объяснением в данном случае могут быть факты, связанные с участием офицеров в военных кампаниях конца XIX – начала XX в.

Факты наличия боевого опыта важны для понимания будущих судеб офицеров 1914 г. В нашей базе данных оказалось 17 чел., относительно которых мы знаем об участии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг. 10 из них прошли только сражения русско-турецкой войны и, конечно, «подзабыли» запах пороха. В русско-японской войне в общей сложности участвовало 86 чел. Понятно, что участие в этой войне было обретением современного для начала XX в. боевого опыта, безусловно, пригодившегося в Первой мировой войне [8].

255 чел. (22 %) в силу своего возраста могли бы участвовать в войнах последней трети XIX – начала XX в. Но в их подробных биографиях нет данных о боевом опыте. Мы не вправе утверждать, что эти офицеры, находившиеся на службе в период русско-турецкой и русско-японской и других войн того периода, уклонялись от участия в военных действиях. Российская армия располагалась на огромных просторах, часть офицеров могла служить вдали от фронтов. 69 офицеров (6 %), родившихся после 1887 г., «не успели» повоевать по объективным причинам.

В целом большинство изученной когорты офицеров были не обстрелянными воинами. Сражения первой мировой войны стали для них первым боевым опытом.

Мы также решили выяснить роль национально-религиозного фактора офицеров когорты, предполагая, что впоследствии в эпоху войны с Германией и Австро-Венгрией, в революционную эпоху разгула национальных и религиозных предрассудков этот личностный показатель мог иметь существенное значение.

Поскольку в изученных нами биографических материалах оказалось недостаточно прямых сведений о религиозной и тем более национальной принадлежности представителей данной когорты, мы решили определить этот показатель экспертным путем по сочетанию фамилий, имен, отчеств.

Наши экспертные данные во многом совпадают с опубликованными в работах коллег показателями религиозного состава российского офицерства начала XX в.: более 80 % – православные, 4–13 % – католики, 5–15 % – лютеране, 1 % – представители мусульман, грузин, армян, других иноверцев [5, с.196–199; 13, с. 128].

В целом, несмотря на определенную неполноту информации, созданная база данных достаточна для характеристики социально-профессиональных признаков типичной группой российских офицеров начала XX в.

В очередной раз апробирована возможность просопографической базы данных распространять типичные черты персонажей на частично неизвестные признаки остальных фигурантов совокупности.

Главными показателями типичности изученной когорты офицеров стало наличие в ней представителей всех основных родов войск российской армии – пехоты, кавалерии, артиллерии, а также интендантских служб, военно-учебных заведений, воинских присутствий.

Анализ показателей возрастного, социально-сословного, национально-религиозного, образовательного состава, карьерного движения отдельной выборки офицеров позволяет утверждать о значительной тождественности этих показателей соответствующим характеристикам всего офицерского корпуса российской армии накануна Первой мировой войны.

Надеемся, что дальнейшее изучение с помощью информационных технологий биографий когорты офицеров во время мировой войны, революции, гражданской войны позволит сделать выводы, которые уточнят сформировавшиеся в историографии обобщения о судьбах российского офицерства в бурную эпоху 1914–1922 гг.

Источники и литература

1. Блоссфельд Х.-П., Хьюнинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. №1. С.15–45.

2. Военная литература (МИЛИТЕРА) URL: http://militera.lib.ru (Дата обращения 15.08.2019).

3. Волков С. В. База данных №2: «Участники Белого движения в России» [1995–2016]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (Дата обращения 08.08.2019).

4. Гребенкин А. Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи в 1863–1917 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. №1. С. 53–60.

5. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.

6. Иванова Г. В., Юмашева Ю. Ю. Историография просопографий // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С.121–152.

7. История русской императорской армии [Электронный ресурс]. URL: http://regiment.ru/bio/L/71.htm (Дата обращения 17.08.2019).

8. Курицын С. В. Братание 11-й армии Юго-западного фронта весной-летом 1917 г. как феномен повседневной жизни военнослужащих российской армии // История: факты и символы. 2019. №1 (18). С. 85-97. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-85-97

9. Михайлов А. А., Филюк С. О. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги // Военно-исторический журнал. 2011. №6. С. 35.

10. Науэн М. С. Метод когортного анализа в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. №3. С. 137–144.

11. Офицеры русской императорской армии URL: http://ria1914.info/index.php (Дата обращения 15.08.2019).

12. Русская армия в Великой войне URL: http://www.grwar.ru/persons/persons (Дата обращения 15.08.2019).

13. Суряев В. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. №6. С.114–128.

References

1. Blossfel'd H.-P., H'junink I. Issledovanie zhiznennyh putej v social'nyh naukah: temy, koncepcii, metody i problem *(The study of life paths in the social Sciences: themes, concepts, methods and problems)* // Zhurnal sociologii i social'-noj antropologii. 2006. No.1. P. 15–45. (In Russian)

2. Voennaja literatura (MILITERA) *(Military literature (MILITERA)* URL: http://militera.lib.ru (Accessed: 15.08.2019). (In Russian)

3. Volkov S. V. Baza dannyh № 2: «Uchastniki Belogo dvizhenija v Rossii» *(Database # 2: «Participants of the White movement in Russia»)* [1995–2016]. URL:http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (Accessed: 08.08.2019). (In Russian)

4. Grebenkin A. N. Pravila priema v voenno-uchebnye zavedenija Rossijskoj imperii v 1863–1917 gg. *(Rules of admission to military educational institutions of the Russian Empire in 1863–1917)* // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2013. No. 1. P. 53–60. (In Russian)

5. Zajonchkovskij P. A. Samoderzhavie i russkaja armija na rubezhe XIX–XX. 1881–1903 *(Autocracy and the Russian army at the turn of XIX–XX. 1881–1903).* Moscow: Mysl', 1973. 351 p. (In Russian)

6. Ivanova G. V., Jumasheva Ju. Ju. Istoriografija prosopografij *(Historiography of prosopography)* // Krug idej: algoritmy i tehnologii istoricheskoj informatiki. Trudy IX konfe-rencii Associacii «Istorija i komp'juter». Moscow; Barnaul: ASU publ., 2005. P. 121–152. (In Russian)

7. Istorija russkoj imperatorskoj armii *(History of the Russian Imperial army)* URL: http://regiment.ru/bio/L/71.htm (Accessed:17.08.2019). (In Russian)

8. Kuricyn S. V. Bratanie 11-j armii Jugo-zapadnogo fronta vesnoj-letom 1917 g. kak fenomen povsednevnoj zhizni voennosluzhashhih rossijskoj armii *(Fraternization of the 11th army of the South-Western front in the spring-summer of 1917 as a phenomenon of everyday life of servicemen of the Russian army)* // Istorija: fakty i simvoly. 2019. No. 1 (18). P. 85–97. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-18-1-85-97 (In Russian)

9. Mihajlov A. A., Filjuk S. O. Reformy rossijskih voenno-uchebnyh zavede-nij v 1860-e gody. Al'ternativnye proekty i itogi *(Reforms of Russian military educational institutions in the 1860s. Alternative projects and outcomes)* // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2011. No. 6. P. 35. (In Russian)

10. Naujen M. S. Metod kogortnogo analiza v sociologii *(The method of cohort analysis in sociology)* // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2006. No.3. P. 137–144. (In Russian)

11. Oficery russkoj imperatorskoj armii *(Officers of the Russian Imperial army).* URL: http://ria1914.info/index.php (data obrashhenija 15.08.2019). (In Russian)

12. Russkaja armija v Velikoj vojne *(Russian army in the great war)* [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons (Accessed:15.08.2019). (In Russian)

13. Surjaev V. Struktura russkogo oficerskogo korpusa nakanune Pervoj mirovoj vojny *(Structure of the Russian officer corps on the eve of the First world war)* // Rossijskaja istorija. 2017. No. 6. P. 114–128. (In Russian)

Сведения об авторе

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (Тамбов) / kan-vladimir-tamb@yaendex.ru

Information about the author

Kanishhev Vladimir – PhD in History, Associate Professor, Chair of World and Russian history, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (branch in Tambov) / kan-vladimir-tamb@yaendex.ru

УДК 94(47).073 - 94(47).081

В. А. Колесников

ВОЗВРАЩАЯ ИМЕНА ГЕРОЕВ ЗАБЫТОЙ ЭПОХИ (О ПОЛНЫХ ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРАХ ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЕСТВА КУБАНИ ЭПОХИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ)[1]

В статье рассматривается сюжет о полных георгиевских кавалерах из линейных полков Кубани эпохи Кавказской войны, который остается по-прежнему в разряде малоизученных проблем. Имперская историография Кубани не обращала должного внимания на статус нижних чинов, награждавшихся знаком отличия военного ордена Св. Георгия, и поэтому сведения, публиковавшиеся даже спустя несколько лет после окончания Кавказской войны, оказываются несвободными от ошибок. Безвестный автор заметки, помещенной в региональной газете в 1869 г. к числу здравствовавших в тот момент полных георгиевских кавалеров отнес отставного казака Ивана Чернышева из 1-й (Кавказской) бригады и отставного урядника Мартына Братухина из 2-й (Кубанской) бригады Кубанского войска. Привлечение документов из различных центральных и региональных архивов позволило выявить допущенную ошибку и, помимо урядника Братухина, установить другого действительного обладателя полного Георгиевского банта. Таковым героем оказался сотник Иван Сесекин, происходивший, как и Братухин, из ст. Прочноокопской. Жители данного казачьего поселения отличались массовой приверженностью к старообрядчеству, что создает трудности в реконструкции казачьих биографий. Вместе с тем, казаки-старообрядцы весьма заметно проявили себя в многолетней войне с горцами, и именно ст. Прочноокопская дала в описываемую эпоху более сотни георгиевских кавалеров и около трех десятков офицеров в Кавказское линейное, позднее – в Кубанское казачье войско. Тема, посвященная георгиевским кавалерам линейных полков Кубани эпохи Кавказской войны, все еще до конца не раскрыта, что требует дополнительных исследовательских усилий.

Ключевые слова: георгиевские кавалеры, линейные полки Кубани, эпоха Кавказской войны, старообрядческая община, Кавказская и Кубанская бригады, Кавказское линейное войско, Кубанское казачье войско, станица Прочноокопская, горцы.

V. Kolesnikov

RETURNING THE NAMES OF THE HEROES OF THE FORGOTTEN EPOCH (ON COMPLETE ST. GEORGE CAVALIERS OF THE LINE COSSACKS OF THE KUBAN DURING THE CAUCASIAN WAR)

The article discusses the plot devoted to the complete St. George cavaliers from the line Cossack's regiments of the Kuban in Caucasian War period. This problem still remains in the category of little-studied. The imperial historiography of the Kuban did not pay due attention to the ordinary Cossacks, who were awarded the military order of St. George for their many years struggle against the highlanders. In practice, it turns out that there were no systematic accounting of heroes and relevant statistics for Cossack's regiments and villages. The unknown author of a note published in a regional newspaper in 1869 included the retired Cossack Ivan Chernyshev from the 1-st (Caucasian) brigade and the retired Cossack's sergeant Martyn Bratukhin from the 2-nd (Kuban) brigade of the Kuban Cossack's army among the complete cavaliers who were still alive at that time. According to various documents found in central and regional archives, it turned out that the Cossack Ivan Chernyshev was nott the complete cavalier. In spite of the found mistake it could be possible to identify another hero of the passed epoch. Such holder of a prestige award was a Cossack's officer (sotnik) Ivan Sesekin. It is interesting to stress that both heroes originated from stanitsa Prochnookopskaya. This Cossack's village was well-known as a greatest centre of Old Believers who conflicted with Orthodox clergy. At the same time, Cossacks-Old Believers showed themselves very noticeably in a long-term war with the highlanders. About more than a hundred St. George cavaliers and about three dozen Cossack's officers originated from stanitsa Prochnookopskaya and they glorified many times the Caucasian Line, and later the Kuban Cossack Army. The theme devoted to the St. George cavaliers of the Cossack's regiments of the Kuban in Caucasian War period still requires additional research efforts.

Key words: St. George cavaliers, line regiments of the Kuban, the epoch of the Caucasian war, the Old Believer community, the Caucasian and Kuban brigades, the Caucasian line Cossack's army, the Kuban Cossack's army, the Cossack's village (stanitsa Prochnookopskaya), highlanders.

[1] Автор выражает самую искреннюю признательность за помощь в подготовке данной статьи: Е. Н. Герасименко (г. Москва), А. И. Сапожникову (г. Санкт-Петербург) и А. Ю. Соколову (ст. Новотитаровская Краснодарского края).

Пробуждение интереса к военной истории Российской империи, имевшее место за последние годы, принесло весьма внушительные результаты. В преддверии 100-летнего юбилея начала Первой мировой войны, основательно забытой в советский период, был, например, осуществлен мегапроект С. Б. Патрикеева (14 томов, каждый объемом около и свыше тысячи страниц), увековечивший память о более чем 900 тысячах нижних чинах Русской армии, представленных к Георгиевским крестам и медалям [32]. Впечатляет и литература, непосредственно посвященная георгиевским кавалерам Кубанского казачьего войска – участникам Великой войны [34], особенно – капитальный труд столичного историка П. Н. Стрелянова (Калабухова), увидевший свет в конце 2017 г. [35]. Вместе с тем, говоря о героях кавказского пограничья, нельзя не отметить, что вклад кубанцев (а ранее – линейцев и черноморцев) в кампании Российской империи еще до конца не изучен, предстоит достаточно кропотливая работа по установлению тех, кто на протяжении XIX столетия награждался знаком отличия военного ордена Святого Георгия.

Из архивных источников явствует, что первые представители линейного казачества Кубани стали выдвигаться на высокую награду еще с 1810 г. [22, л. 951], и понятно, что за последующие более чем полувековые боевые действия счет награжденных исчислялся уже многими сотнями. Нельзя не отметить и то, что тогда, в пылу экспедиций и сражений эпохи, никто и не пытался систематизировать сведения о кавалерах, устанавливать их имена, отчества и фамилии, станичную принадлежность, номера наград и описывать сами совершенные подвиги. В лаконичной заметке, опубликованной на страницах «Кубанских войсковых ведомостей» за 1869 г., невольно подтверждалась эта далеко не оптимистичная тенденция, сложившаяся за предыдущие десятилетия, хотя в ней же приводились и, по всей видимости, первые обобщенные статистические выкладки, касавшиеся героев-кубанцев.

«По случаю минувшего столетнего праздника ордена Св. Георгия, в войсковом штабе были собраны для представления по требованию в Главный штаб, сведения, между прочим и о числе чинов в Кубанском войске, имеющих знаки отличия военного ордена. Оказывается, что после смерти в последнее время нескольких престарелых кавалеров первой степени, таковых, т.е. имеющих все четыре степени, во всем войске осталось лишь двое: 2-й бригады урядник Мартын Братухин, и 1-й бригады казак Иван Чернышев, оба отставные. Знаки, четвертой, третьей и второй степени т.е. золотой крест без банта имеется у 36 чинов – офицеров, урядников и казаков; двух степеней (четвертой и третьей) имеются у 203 чинов; а одной четвертой степени у 4433 человек. Таким образом в настоящее время в войске, кроме Собственного Его Величества конвоя и артиллерии, состоит всего кавалеров военного ордена, офицеров и нижних чинов, отставных и служащих 4674 из прилагаемой ведомости видно распределение всех их между частями войска» [19].

Таблица 1

Сведения о числе кавалеров военного ордена Кубанского Казачьего войска

Части	Офицеров служащих и отставных				Нижних чинов			
	Степени ордена				Степени ордена			
	I ст.	II ст.	III ст.	IV ст.	I ст.	II ст.	III ст.	IV ст.
Округов:								
Таманского		2	8	66		2	21	463
Екатеринодарского		3	6	93		3	11	405
Ейского		1	4	39		1	8	576
Бригад:								
1-й (Кавказской)		1	2	22	1	3	29	439
2-й (Кубанской)			6	42	1	3	13	409
3-й (Ставропольской)			5	41		2	13	394
4-й (Хоперской)		1	5	27			8	295
5-й (Урупской)				20			6	151
6-й (Лабинской)			1	21		5	19	373
Отдельных полков:								
22-го			3	4		2	5	93
23-го			4	12			7	107
24-го		2	3	7		1	2	51
25-го			1	5			1	32
Адагумского		1		7		1	3	70
Абинского			2	7			3	90
Псекупского		2	1	6			1	49
Шапсугского берегового Пешего батальона				5				12
Всего		13	51	424	2	23	152	4009

Мысль, сформулированная в газетной заметке о том, что уже в 1869 г. в Кубанском войске насчитывался уже далеко неполный перечень героев Кавказской войны и прочих имперских кампаний, без труда находит подтверждение в архивных документах. Так, еще до завершения покорения Западного Кавказа, в 1861 г. умер урядник 1-го Кавказского полка Макар Афанасьевич Орехов, обладавший тремя престижными наградами (знаком отличия военного ордена (ЗОВО) Св. Георгия 4 ст. № 2906, 3 ст. № 764 и 2 ст. № 316) [29, л. 115] и являвшийся, по всей видимости, самым выдающимся участником сражений с горцами в своей родной ст. Новодонецкой [13, л. 310].

В предлагаемой статье хотелось бы обратить более пристальное внимание на тех представителей линейного казачества Кубани, которые заслужили полный бант георгиевских крестов в давно ушедшую эпоху покорения Северного Кавказа. Как вытекает из обнаруженного в фондах военно-исторического архива (РГВИА) послужного списка, упомянутого в газетной заметке урядника Мартына Леонтьевича Братухина, сам герой Кавказской войны происходил из ст. Прочноокопской. Это старейшее линейное поселение было основано в июле 1794 г. выходцами из Пятиизбянской, Есауловской, Глазуновской, Сиротинской, Заполянской и Малодельской станиц Войска Донского [23, л. 235–235 об.]. С момента своего появления на кубанском правобережье Прочноокопская – оплот старообрядчества в регионе, жители которой категорически отвергали попытки официальных церковных властей как-то учитывать своих прихожан с помощью метрических книг и исповедных росписей [1, л. 1–10]. Именно поэтому в формуляре М. Л. Братухина нет даты рождения, и в связи с этим можно опираться только на один из известных списков прочноокопских раскольников, датируемый 9 декабря 1834 г. и составленный исключительно по приказу полкового командира. Согласно сохранившегося документа, Мартын Братухин родился около 1824 г. и там же, в Прочноокопской, появился на свет его отец Леонтий Васильевич (около 1796 г.) [1, л. 93]. Другой список, отложившийся в фондах Астраханского госархива, а именно «Ведомость о находящихся в Прочноокопской, Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской и Темнолесской станицах старообрядцах поповской секты, именуемой порознь в мужеском и женском поле душах» за 1805 г., позволяет более подробно ознакомиться с интересующей нас казачьей семьей.

В нем указано, что в ст. Прочноокопской в то время проживали: вдовец Дмитрий Братухин – 51-го года с сыновьями Василием – 30-ти лет, Филиппом – 29-ти лет, Захаром – 15-ти лет, Леоном – 6-ти лет, Савелием – 1-го года и дочерью Ефимией – 14-ти лет. У Василия Дмитриевича, в свою очередь, была своя семья: жена Пелагея – 29-ти лет, дочери: Матрена – 13-ти, близнецы Аграфена и Матрена 2-я по 12 лет, Анисья – 3-х лет и, наконец, сын Леон (Леонтий) – 8-ми лет, отец будущего героя [1, л. 18об.]. Судя по всему, старейший представитель рода Дмитрий Братухин, происходил из донской станицы Пятиизбянской и по всей видимости, именно его родственники, отставные казаки из этой станицы Наум, Павел и Петр Братухины участвовали в волнениях на Дону 1793–1794 гг. «…были в дерзости и жесточайше наказаны», после чего их определили в число переселявшихся на Кавказскую линию [33, с. 228].

Из послужного списка, составленного 29 января 1887 г., явствует, что Мартын Братухин имел вероисповедание старообрядческое, владел грамотой, но мастерства никакого не знал [24, л. 1 – 6об.]. 1 января 1845 г. присягал на верность службе с последующим зачислением в Кубанский конный полк Кавказского линейного казачьего войска. Подобно большинству линейцев той эпохи, он неоднократно привлекался к кордонной службе, однако не менее часто участвовал в военных экспедициях, направлявшихся в разные районы Закубанья. Согласно формуляра, в январе 1845 г. он находился при разбитии аула за р. Белой, в 1846 г. брал неприятельские коши за р. Лабой, в 1848 г. – вновь на р. Белой, а в 1849 г. – в верховьях Урупа, Кяфара и Зеленчуков при «…поражении скопищ горцев» и в сентябре этого же года – опять за р. Белой.

В январе 1850 г. Мартын Леонтьевич производится в урядники 2-го Кубанского полка, а в ноябре этого же года за отличие при взятии Белореченского аула награждается знаком Св. Георгия за № 88626, хотя несколько ранее в январе ему довелось поучаствовать еще в походе на Малую Лабу против махошевцев. В 1851–1855 гг. урядник Братухин, как и в предыдущее время, сражается с закубанскими горцами, причем в одном из таких боев чудом избегает смерти. При захвате неприятельских кошей в 1855 г. под ним на полном карьере убивают лошадь, а сам Братухин повреждает обе ноги (собственным кинжалом он случайно еще и накалывает ногу выше колена) и получает травму головы. Оправившись от полученных ран, бравый урядник в следующем 1856 г. вновь оказывается в Закубанье, где принимает участие в закладке Шедокского (на одноименной реке) и Псебайского (на Малой Лабе) укреплений. За отличие в перестрелках с горцами при Шедоке, в марте 1856 г. Мартына Братухина представляют, минуя третью степень награды (вместо нее ему выплачивают вторую треть добавочного жалования) [24, л. 26 об.] сразу к ЗОВО Св. Георгия 2-й степени с № 229 [30].

Вскоре отважный линеец становится и полным георгиевским кавалером, поскольку 15 апреля 1857 г. за особое отличие ему вручают ЗОВО 1-й степени с № 108. Согласно послужного списка, высокую награду Братухин снискал «…при занятии крепости Майкопа в жаркой перестрелке с горцами…» [24, л. 1 – 6 об.]. В 1858 г. заслуженный урядник продолжает находится на фронтирах Западного Кавказа, но вскоре 1 января 1860 г. Мартын Леонтьевич завершает свою воинскую карьеру, наполненную походами и трудами, и за

выслугой лет перечисляется в отставку. Помимо указанных георгиевских знаков отличия трех степеней, урядник Братухин также был удостоен медалей: бронзовой на Андреевской ленте «В память войны 1853 и 1856 годов» и серебряной «За покорение Западного Кавказа». Кроме того, в ноябре 1850 г. в проезд Его Высочества Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и за отличие против горцев его поощрили 11 рублями серебром [24, л. 1 – 6 об.].

Выйдя в отставку, М.Л. Братухин, судя по сохранившимся разрозненным свидетельствам, представлял родную ст. Прочноокопскую по разным торжественным случаям. Так, 21 сентября 1888 г. во время посещения г. Екатеринодара императором Александром III с семьей, отставной урядник Братухин являлся знаменосцем почетного караула, составленного из ветеранов Кубанского войска, причем его ассистентами выступили одностаничники, урядники Петр Кочергин (имел георгиевские кресты 4-й, 3-й и 2-й степени) и Петр Казанков (обладал полным Георгиевским бантом), удостоенные высоких наград за отличие в Кавказской и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [17, с. 19, 83].

Известно, что в следующем 1889 г. отставного урядника ст. Прочноокопской Мартына Братухина за заслуги на общественном поприще поощрили серебряной медалью с надписью: «За усердие» [21]. Будучи стойким приверженцем старообрядчества и фигурой достаточно публичной, Мартын Леонтьевич тогда же, в конце 80-х гг. XIX в., выступал ходатаем за разные нужды прочноокопской общины [18, с. 306]. К сожалению, фрагментарность данных и отсутствие метрических книг по ст. Прочноокопской интересующего периода, не позволяют пока выяснить, когда окончил свой земной путь один из видных героев Кавказской войны.

В отличии от биографии М. Л. Братухина, реконструкция жизненного пути другого заметного участника покорения Кавказа, упомянутого в газетной заметке 1869 г. – Ивана Чернышева представляется куда более сложной по причине отсутствия самого послужного списка. Удалось установить, что он родился около 1818 г. в ст. Казанской Кавказского линейного полка в семье казака Якова Михайловича Чернышева и его супруги Ефимии Петровны [2, л. 267, 663об.]. Чернышевы относились к казанским первопоселенцам, происходили из однодворцев Украинской линии и до того, как перебраться на Кавказ, проживали в слободе Новоайдарской Донецкого уезда Екатеринославского наместничества (сегодня – г. Новоайдар, центр одноименного района Луганской области Украины). Дед Михаил Акимович служил казаком, а прадед Аким Трофимович имел чин подпрапорщика Екатеринославского или иначе – Новодонского казачьего войска [5, л. 1114 – 114об.], отличившегося в русско-турецкой войне 1787–1791 гг.

По всей видимости, в конце 30-х гг. XIX в. Иван Яковлевич Чернышев был призван в ряды Кавказского линейного полка (с 1846 г. – 2-го Кавказского полка КЛКВ), где начались его боевые будни, наполненные кордонной службой и походами против горцев. Известно, что первую георгиевскую награду под № 84269 приказный Чернышев снискал в 1848 г. за отличие против закубанцев в верховьях реки Гиаги [6, л.97], однако в источниках за последующие годы факты о новых награждениях описываемого представителя ст. Казанской не обнаруживаются. Более того, в архивном деле из фонда 496 «Капитул российских орденов Министерства Императорского двора» государственного исторического архива (РГИА), обнаруживается запись, что казак Иван Чернышев, обладавший знаком отличия за № 84269, умер в 1870 г., и сама награда, согласно действовавшего правила, была возвращена в Орденский Капитул 12 октября 1870 г. за № 1827 [31, л. 52]. Таким образом, автор газетной заметки ошибочно отнес Ивана Чернышева к числу полных георгиевских кавалеров, воспользовавшись непроверенной информацией, предоставленной, вероятно, бригадным писарем, не ставшим вникать в суть вопроса.

Выявленное досадное недоразумение, вместе с тем, вовсе не свидетельствует о невозможности установления прочих выдающихся представителей линейного казачества Кубани, героически проявивших себя в многолетней борьбе с горцами. В том же фонде 496 РГИА удалось обнаружить урядника 2-го Кубанского полка Ивана Сесекина, обладавшего званием полного георгиевского кавалера за период Кавказской войны, – правда, фактически располагавшего только 4-й и 1-й степенями, поскольку за 3-ю и 2-ю степени знака отличия он получал добавочное жалование [30, л. 26об.]. Привлечение различных архивных источников позволяет заключить, что вышеназванный герой являлся не только сослуживцем описанного урядника М. Л. Братухина, но и его одностаничником. Можно в этой связи утверждать, что пафос одного из современников, отмечавшего в 1868 г., что 1-я прочноокопская сотня Кубанского полка «…пользовалась особенно громкою славою среди всей кавказской кавалерии…» [20], во многом подтверждается фактами награждения местных казаков престижными наградами эпохи. Нельзя в этой связи не упомянуть и о том, что за период Кавказской войны (с учетом кампаний против венгров, турок и поляков 1849, 1853–1856 и 1863–1864 гг.) не менее сотни местных уроженцев представлялись к знаку отличия военного ордена Св. Георгия. Сама ст. Прочноокопская, где с начала XIX в. располагался полковой, а затем и бригадный штабы, достаточно быстро обрела статус «офицерской» станицы, а около трех десятков ее казаков влились в командные ряды Кавказского линейного и позднее (с 1861 г.) – Кубанского войска.

Возвращаясь к интересующей нас фигуре, отметим, что, как и М. Л. Братухин, урядник Иван Матвеевич Сесекин (в источниках встречается и такая форма написания фамилии как Сесёкин,

видимо, подчеркивающая станичную манеру произнесения) принадлежал к старообрядческой общине, главенствовавшей в Прочноокопской, что создает трудности в реконструкции его биографии. Исходя из документальных сведений, обнаруженных в различных архивохранилищах, датой его рождения могут выступать 1830, 1832, 1833 и даже 1834 гг. [14, л. 97; 25, л. 19]. Старейшим представителем рода выступает Михаил Сесекин (Сесёкин), родившийся около 1764 г. на Дону в ст. Пятиизбянской, который, по сведениям за сентябрь 1839 г., являлся отставным урядником и, несмотря на преклонный возраст, управлял хозяйством и владел лавкой в ст. Прочноокопской [25, лл. 19, 98]. Ранее в 1818 г. он, зная грамоту, выступал ходатаем от раскольничьих общин Прочноокопской, Кавказской и Усть-Лабинской станиц, просивших о назначении к ним собственного священника, отправлявшего требы по старому обряду [15, л. 3–8]. Сын Михаила Тихон (родился около 1790 г.) поступил в Кубанский полк в 1806 г. и после двух с лишним десятков лет линейной службы сумел отличиться в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг., по итогам которой удостоился производства в хорунжие. За эту же кампанию Тихона Сесекина представили к ЗОВО Св. Георгия (номер знака, к сожалению, не указан в двух формулярах), а позднее удостоился и ордена Св. Анны за 20-тилетнюю беспорочную службу с № 170420, выйдя в отставку в чине сотника, по всей вероятности, в середине 40-х гг. XIX в. [26, л. 79об., л. 171об. – 175].

Сыновья Тихона Сесекина Матвей (родился около 1808 г.) и Иван (родился около 1812 г.), как и полагалось линейным казакам, также пошли по военной стезе, – причем, старший сын намного превзошел своего родителя. По данным формуляра, Матвей Тихонович Сесекин вступил в службу казаком в Кубанский полк в 1831 г. Спустя пять лет за отличие в делах против горцев удостоился ЗОВО Св. Георгия с № 71190, а уже в 1839 г., также за отличие в сражениях, его произвели в хорунжие [27, лл. 219об. – 220]. За 20 с лишним лет походов и сражений, наполненных всевозможными лишениями и трудностями, Матвей Сесекин достиг штаб-офицерского чина войскового старшины, но в 1853 г. вышел в отставку с характерной формулировкой: «за ранами» [16, л. 36]. Его младший брат Иван Тихонович Сесекин дослужился только до урядника, но и он в 1843 г. также был поощрен георгиевской наградой №77900 за проявленное мужество в делах против горцев [8, л. 74об., 325об.].

Таким образом, примеры героического служения Отечеству будущему полному георгиевскому кавалеру Ивану Матвеевичу Сесекину уже с самых ранних пор подавали его ближайшие родственники. К сожалению, полного послужного списка этого выдающегося представителя ст. Прочноокопской на текущий момент обнаружить не удалось, но зато в анналах РГВИА отыскался его краткий формуляр за 1860 г. Судя по записи в документе и принадлежности к офицерской семье (где сыновей могли определять на службу уже в 14–16 лет), Иван Сесекин зачислился во 2-й Кубанский полк Кавказского линейного казачьего войска (КЛКВ) с 1 января 1848 г. Походы в Закубанье этого же года завершились для Сесекина получением престижной воинской награды с номером 84683 [28, л. 165об. – 169], а вскоре, по итогам очередных экспедиций в земли черкесов 1 сентября 1851 г., последовало и производство юного Сесекина в урядники.

Дальнейшие записи формуляра информируют, что в период 1852–1857 гг. урядник Иван Сесекин ежегодно участвовал в закубанских походах и в одном из них вновь заметно отличился [28, л. 165об. – 169]. Согласно сведений из фонда Капитула, ЗОВО Св. Георгия 1-ой степени с № 107 отважный урядник получил «…за отличия, оказанные в делах и перестрелках с горцами в течение 1855 и 1856 гг. на правом крыле Кавказской линии и на Черноморской кордонной линии, а равно за труды, понесенные во время устройства Мало-Лабинской линии» [30, л. 26об.]. Привлечение вышеупомянутого краткого послужного списка из фондов РГВИА позволяет утверждать, что Иван Сесекин смог продолжить традиции своего офицерского рода, и 11 ноября 1858 г. его произвели в хорунжие [28, л. 165об. – 169; 10, л. 2]. Обретение офицерских погон и заслуги ближайших родственников могли бы помочь Ивану Матвеевичу в поиске куда более спокойной должности во 2-м Кубанском полку или на тот момент – 4-ой бригаде Кавказского линейного войска. Но сам описываемый представитель ст. Прочноокопской, вероятно, не мыслил себя вне фронтовой службы, и строки документа лишний раз подтверждают свойства характера боевого офицера. Как гласит последняя запись формуляра, с 1 декабря 1859 г. по 31 января 1860 г. хорунжий Сесекин находился в действиях Псефирского отряда на реках Псефир и Серале для прикрытия Лабинской линии и обозрения предгорий между реками Уль, Кубань и Большой Лабой. Сопоставление других архивных данных дает основание утверждать, что молодой офицер неоднократно проявил себя на завершающем этапе покорения Западного Кавказа, поскольку до 1864 гг. Ивана Матвеевича производят в сотники 13-го конного (бывшего 2-го Кубанского) полка 2-й бригады теперь уже Кубанского войска [10, л. 1].

Нельзя не отметить и то, что в завершающих схватках с абадзехами, шапсугами и убыхами серебряные погоны хорунжего в 1864 г. заслуживает и младший брат Ивана – Василий Матвеевич Сесекин [9, л. 1153]. Что касается самого описываемого героя, то по всей видимости, частые спутники казачьего офицера-линейца – раны, лишения и невзгоды – сделали свое пагубное дело. В посемейном списке ст. Прочноокопской, составленном в апреле 1864 г., служащий сотник Иван Матвеевич Сесекин (имевший от роду всего 30 с небольшим лет) уже значится умершим, а в семье его отца, отставного войскового старшины М. Т. Сесекина, продолжали проживать вдова

сотника Марья Михайловна – 30-ти лет (она являлась дочерью урядника Михаила Артемовича Зотова из соседней ст. Григориполисской, также исповедовавшего старообрядчество) и её сын Яков – 7-ми лет [10, л. 1об.]. Смерть молодого обер-офицера косвенно подтверждает и общий список сотников Кубанского войска, составленный в конце 1864 г. [12, л. 1162–1304].

Обнаруженная информация о двух выдающихся представителях линейного казачества Кубани, ставших в годы Кавказской войны полными георгиевскими кавалерами, едва ли может считаться исчерпывающей. Десятки пустых страниц вышеупомянутого фонда 496 РГИА, в которых проставлены только номера знаков без какого-либо указания сведений о самих награжденных [30], недвусмысленно свидетельствует о том, что имена многих героев все еще остаются в небытие.

Источники и литература

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.599. Оп. 2. Д. 6020.
2. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1595.
3. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. 3283.
4. ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 7148.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф.И-18. Оп.1. Д.152.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 16.
8. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1025.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 221.
10. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 44.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 221.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 220.
13. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 3. Д. 1033.
14. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1539.
15. ГАСК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 244.
16. ГАСК. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 439.
17. Дмитренко И. И. Пребывание их Императорских Величеств Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Марии Федоровны с августейшими детьми, наследником цесаревичем Николаем Александровичем и Великим Князем Георгием Александровичем, в Кубанском казачьем войске в сентябре месяце 1888 года. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса жандармов, 1898. 94 с.
18. Зудин А. И. Старообрядческое духовенство Белокриницкой иерархии в Кубанской области. Вторая половина XIX – начало XX вв. / Кубанский сборник. Т. IV (25); под ред. О. В. Матвеева, Г. В. Кокунько. Краснодар: «Книга», 2012. 488 с.
19. Кубанские войсковые ведомости. 1869. №48.
20. Кубанские войсковые ведомости. 1868. №19.
21. Кубанские областные ведомости. 1889. №19.
22. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА. г. Москва). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422.
23. РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 203.
24. РГВИА. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3.
25. РГВИА. Ф. 15044. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1.
26. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 7. Д. 80.
27. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 7. Д. 52.
28. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 980.
29. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА. г. Санкт-Петербург). Ф. 496. Оп. 3. Д. 799.
30. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 765. (Список по знакам отличия Военного ордена 1 степени, с № 1-2000).
31. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 755.
32. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914-1922 гг. / в 14-ти т. / сост. С. Б. Патрикеев. М.: Духовная Нива, 2012–2015.
33. Служба донских казаков. Мятеж на Дону: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Вып. 11. Волгоград: «Панорама», 2018. 392 с.
34. Страницы казачьей славы: Об участии казаков Кавказского отдела Кубанского казачьего войска в Первой мировой войне 1914–1917 гг. В 2-х т. / сост. М. С. Тимченко, К. В. Шкуро. Краснодар: «Фамилия», 2014. 688 с.
35. Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки Кубанского Войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. В 2-х т. М.: Стихира, 2017. Т. 1. А-Л. 876 с. Т. 2. К-Я. 848 с.

References

1. State archive of Astrakhan territory (GAAO). F. 599. Inv. 2. D. 6020. (In Russian)
2. GAAO. F. 599. Inv. 2. D. 1595. (In Russian)
3. GAAO. F. 599. Inv. 2. D. 3283. (In Russian)
4. GAAO. F. 599. Inv. 2. D. 7148. (In Russian)
5. State archive of Voronezh territory. F.I-18. Inv. 1. D. 152. (In Russian)
6. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. 670. Inv. 1. D. 37. (In Russian)

7. GAKK. F. 358. Inv. 1. D. 16. (In Russian)
8. GAKK. F. 396. Inv. 1. D. 1025. (In Russian)
9. GAKK. F. 396. Inv. 2. D. 221. (In Russian)
10. GAKK. F. 358. Inv. 1. D. 44. (In Russian)
11. GAKK. F. 396. Inv. 2. D. 221. (In Russian)
12. GAKK. F. 396. Inv. 2. D. 220. (In Russian)
13. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 135. Inv. 3. D. 1033. (In Russian)
14. GASK. F. 79. Inv. 1. D. 1539. (In Russian)
15. GASK. F. 435. Inv. 1. D. 244. (In Russian)
16. GASK. F. 1300. Inv. 1. D. 439. (In Russian)
17. Dmitrenko I. I. Prebyvanie ih Imperatorskih Velichestv Gosudarya Imperatora Aleksandra Aleksandrovicha i Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny s avgustejshimi det'mi, naslednikom cesarevichem Nikolaem Aleksandrovichem i Velikim Knyazem Georgiem Aleksandrovichem, v Kubanskom kazach'em vojske v sentyabre mesyace 1888 goda *(Stay of their Imperial Majesties Emperor Alexander Alexandrovich and Empress Maria Feodorovna with August children, heir Tsarevich Nikolai Alexandrovich and Grand Duke George Alexandrovich, in the Kuban Cossack army in September 1888)*. St. Petersburg: Printing house of the headquarters of a separate corps of gendarmes, 1898. 94 p. (In Russian)
18. Zudin A. I. Staroobryadcheskoe duhovenstvo Belokrinickoj ierarhii v Kubanskoj oblasti. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. *(Old believers clergy Belokrinitskoy hierarchy in the Kuban region. The second half of XIX-the beginning of XX centuries)* // Kubanskij sbornik. Vol. IV (25); ed by O. V. Matveev, G. V. Kokun'ko. Krasnodar: Kniga publ., 2012. 488 p. (In Russian)
19. Kubanskie vojskovye vedomosti. 1869. No. 48. (In Russian)
20. Kubanskie vojskovye vedomosti. 1868. No. 19. (In Russian)
21. Kubanskie oblastnye vedomosti. 1889. No. 19. (In Russian)
22. Russiam state military amdhistorical archive (RGVIA). F. 13454. Inv. 1. D. 422. (In Russian)
23. RGVIA. F. 41. Inv. 1/199. D. 203. (In Russian)
24. RGVIA. F. 643. Inv.1. D. 3. (In Russian)
25. RGVIA. F. 15044. Inv.1. D. 25. Part. 1. (In Russian)
26. RGVIA. F. 14719. Inv.7. D. 80. (In Russian)
27. RGVIA. F. 14719. Inv.7. D. 52. (In Russian)
28. RGVIA. F. 330. Inv. 55. D. 980. (In Russian)
29. Russian state historical archive (RGIA). F. 496. Inv. 3. D. 799. (In Russian)
30. RGIA. F. 496. Inv. 3. D. 765. (In Russian)
31. RGIA. F. 496. Inv. 3. D. 755. (In Russian)
32. Svodnye spiski kavalerov Georgievskogo kresta 1914–1922 gg. *(Consolidated lists of cavaliers of the St. George cross 1914–1922)* / In 14 Vols. / compiler S.B. Patrikeev. Moscow: Duhovnaya Niva publ., 2012–2015. (In Russian)
33. Sluzhba donskih kazakov. Myatezh na Donu: materialy po istorii i genealogii kazachestva *(Service of the Don Cossacks. Rebellion on the Don: materials on the history and genealogy of the Cossacks)* / compiler V. A. Gusev. Issue. 11. Volgograd: Panorama publ., 2018. 392 p. (In Russian)
34. Stranicy kazach'ej slavy: Ob uchastii kazakov Kavkazskogo otdela Kubanskogo kazach'ego vojska v Pervoj mirovoj vojne 1914–1917 gg. *(See, for example: Pages of Cossack glory: On participation of Cossacks of the Caucasian Territory of the Kuban Cossack army in the First World War 1914–1917)*. In 2 Vols / compiler M.S. Timchenko, K.V. SHkuro. Krasnodar: Familiya publ., 2014. 688 p. (In Russian)
35. Strelyanov (Kalabuhov) P. N. Kazaki Kubanskogo Vojska v Velikoj, grazhdanskoj vojnah i emigracii. CHiny konnyh polkov, plastunskih batal'onov, artillerijskih batarej, osobyh soten, voenno-uchebnyh zavedenij i vojskovyh struktur *(The Cossacks of Kuban army in the Great, Civil wars and emigration. Ranks of cavalry regiments, infantry battalions, artillery batteries, special cavalry squads, military educational institutions and military structures)*. In 2 Vols. Moscow: Stihira publ., 2017. Vol. 1. A-L. 876 p. Vol. 2. K-YA. 848 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Колесников Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования (Ставрополь) / kolesnikov-va@yandex.ru

Information about the author

Kolesnikov Vladimir – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Humanities, Stavropol regional Institute of education development, advanced training and retraining of education workers (Stavropol) / kolesnikov-va@yandex.ru

УДК 94(47).084.6

А. А. Кудрявцев

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ 1939 г.: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫИГРЫШ ИЛИ ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА СССР (К 80-ЛЕТИЮ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА)

В истории Второй мировой войны советско-германский договор, подписанный 23 августа 1939 г., занимает особое место и вот уже 80 лет остается одним из широко обсуждаемых и дискуссионных вопросов второй половины XX – начала XXI вв. Значительные расхождения в понимании причин и целей, заинтересованных в заключении договора сторон, в трактовке достигнутых в их ходе результатов и допущенные стратегические просчеты, до настоящего времени остаются актуальными и полемичными как в отечественной, так и в зарубежной историографии советского и постсоветского периодов.

Мюнхенский «сговор», имевший целью «умиротворение» в Европе за счет расчленения и дальнейшей оккупации суверенной европейской страны, не принес ожидаемых результатов, но посеял страх и сомнения в небольших странах Восточной Европы. Советский Союз, не без основания опасавшийся за свою безопасность, в период с марта по август 1939 г., искал возможность сохранить нейтралитет, зондируя при этом англо-французскую позицию по вопросу заключения военно-политического соглашения с СССР. Длительные вялотекущие переговоры в мае-августе 1939 г., между Великобританией, Францией и СССР, где две первые державы стремились, прежде всего, столкнуть Советский Союз с фашистской Германией, перенеся вектор надвигавшейся войны на Восток, не дали реальных результатов и зашли в тупик. Гитлер, еще в апреле 1939 г., подписавший план «Вайс», предусматривавший с 1 сентября 1939 г., военные мероприятия по разгрому и захвату Польши, нуждался в договоре с СССР, который позволил бы Германии избежать войны на два фронта – на Западе и на Востоке. Сталин, опасавшийся создания единого антисоветского фронта и разуверившийся к середине августа в искренности англо-французских предложений, увидел более широкие перспективы для безопасности Советского Союза и отсрочки войны с Германией, в появившейся возможности заключения договора с ней о ненападении, подписание которого немецкие дипломаты активно зондировали с мая – июня 1939 г. Германия, сосредоточившая к двадцатым числам августа 1939 г., более 1,5 млн. солдат, около 2800 танков и 2000 самолетов, остро нуждалась в скорейшем подписании договора о ненападении с СССР. Не желая откладывать начало военных действий, Гитлер пошел на очень значительные уступки, включавшие вопросы военно-политического, территориального, экономического характера, заранее авансированные в присланной им специальной телеграмме, врученной Сталину 21 августа 1939 г., в Москве Риббентропом (глава МИД Германии) и Молотовым (глава НКИД СССР) был подписан договор о ненападении и секретное приложение к нему о разграничении сфер влияния и территорий между СССР и Германией «на пространстве от Балтийского до Черного морей».

Ключевые слова: угроза войны, политика «умиротворения», переговоры, противоречие держав, национальные интересы, договор.

A. Kudryavtsev

THE SOVIET-GERMAN NON-AGGRESSION TREATY OF 1939: A STRATEGIC GAIN OR TRAGIC MISTAKE OF THE USSR (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF SIGNING THE TREATY)

In the history of the Second World War, the Soviet-German Treaty, signed on August 23, 1939, occupies a special place and for 80 years remains one of the widely discussed and debatable questions of the second half of the 20th – early 21st centuries. Significant differences in understanding the causes and objectives, interested in concluding the agreement of the parties, the interpretation of the results achieved in their course and the admitted strategic miscalculations, remain up to date and controversial both in Russian and in foreign historiography of the Soviet and post-Soviet periods.

The Munich “conspiracy”, which had the goal of “pacification” in Europe due to the dismemberment and further occupation of a sovereign European country, did not bring the expected results, but sowed fear and doubts in small Eastern European countries. The Soviet Union, not without reason fearing for its security, in the period from March to August 1939, was looking for an opportunity to maintain neutrality, while probing the Anglo-French position on the conclusion of a military-political agreement with the USSR. Long sluggish negotiations in May-August 1939, between Britain, France and the USSR, where the two first powers sought, above all, to push the Soviet Union with Nazi Germany, shifting the vector of the approaching war to the East, did not produce real results and reached an impasse. Hitler, back in April 1939, who signed the Weiss plan, which, from September 1, 1939, envisaged military measures to defeat and seize Poland, needed an agreement with the USSR that would allow Germany to avoid war on two fronts - in the West and in the East.

Stalin, who was afraid of creating a single anti-Soviet front and disbelieved by the sincerity of the Anglo-French proposals by mid-August, saw broader prospects for the security of the Soviet Union and the postponement of the war with Germany, in the opportunity to conclude a non-aggression treaty with it, which German diplomats actively probed with May – June 1939. Germany, which by the twenties had concentrated more than 1.5 million soldiers, about 2,800 tanks and 2,000 airplanes, urgently needed to sign the agreement fall from the USSR. Not wanting to postpone the start of hostilities, Hitler made very significant concessions, including questions of a military-political, territorial, economic nature, advanced beforehand in a special telegram sent by him on August 21, sent to Stalin on August 23. In Moscow in 1939 Ribbentrop (German Foreign Minister) and Molotov (head of the USSR NKID) signed a non-aggression agreement and a secret annex to it on the delimitation of spheres of influence and territories between the USSR and Germany "in the area from the Baltic to the Black Sea".

Key words: threat of war, policy of "appeasement", negotiations, contradiction of powers, national interests, contract.

Одним из крупнейших трагических событий XX в., несомненно, является Вторая мировая война – самая кровопролитная и разрушительная в истории человечества, причины возникновения, основные этапы и важнейшие итоги которой уже 80 лет привлекали, привлекают, и еще долго будут привлекать внимание политиков, военных специалистов, историков, широкий круг представителей различных слоев общества. Холодная война, начавшаяся вскоре после разгрома союзниками фашистской Германии и поддерживавших ее стран «оси», сделала ряд проблем Второй мировой войны весьма актуальными, а трактовку и интерпретацию многих ключевых событий ее полемичными. Двойные стандарты и отрицание важнейшего, доминирующего вклада СССР в Победу зашли так далеко, что в ряде стран Восточной Европы борьба с коммунистическим наследием перенесена на памятники советским воинам, павшим в боях с фашистской Германией.

К числу подобных дискуссионных проблем, особенно обострившихся в конце XX – начале XXI вв., относится советско-германский договор о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1939 г., главами советской и немецкой дипломатии – В. Молотовым и Й. Риббентропом [13]. Причинам, анализу и последствиям подписания этого договора посвящено множество разнообразных публикаций как научного, так и популярного характера, количество которых значительно возросло в начале XXI в. на постсоветском пространстве [11, с. 7; 18. с. 103–121; 13; 1, с. 94; 23, 02.06.19].

В истории Второй мировой войны период 1938–39 гг., отмечен как время начала агрессии фашистской Германии против небольших европейских стран, что было декларировано Гитлером еще на страницах «Маин кампфа» («Mein Kampf»). Вялый протест или явное попустительство наиболее крупных европейских держав – Великобритании и Франции, этой политике «расширения жизненного пространства», стало предтечей нападения Гитлера на Польшу и распространения немецкой гегемонии на территории большинства стран Европы. С 1935 г., Германия даже формально перестала считаться с версальскими ограничениями восстановления ее вооружённых сил, что вскоре привело к демонстрации немецкой военной мощи перед Чехословакией, ответом на которое стало англо-французское «умиротворение» А. Гитлера, призванное, по их мнению, надежно сохранять мир и стабильность в Европе.

Имея немалое количество своих сторонников в правящих элитах многих европейских стран, Гитлер по дипломатическим и военным каналам был хорошо осведомлен о «попустительских» настроениях в правительственных кругах Великобритании и Франции, что позволяло ему грубо и безнаказанно нарушать международное право и устав Лиги Наций.

Очень важный шаг на пути ко Второй мировой войне был сделан в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., когда четыре ведущих европейских державы (Великобритания, Франция, Германия и Италия) узаконили расчленение суверенной Чехословакии, которая имела возможность успешно защищаться [24, с. 125] фактически санкционировав ее дальнейший распад и немецкую оккупацию в марте 1939 г. [6, с. 32–33].

Следует отметить данные Нюрнбергского процесса, где фельдмаршал В. Кейтель, оценивая позиция Д. Чемберлена и Э. Даладье в вопросе расчленения Чехословакии, утверждал, что немецкие вооруженные силы «ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям» [5, с. 108], если бы английский и французский лидеры пригрозили бы А. Гитлеру в Мюнхене, заявив: «Мы выступим», «мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям» [18, с.108]. СССР, являвшийся одним из крупнейших европейских государств, оказался изолирован не только от участия в переговорах в Мюнхене, но и от возможности как-то влиять на эти, важнейшие для судьбы Чехословакии и всей Европы, события. Несмотря на существующий советско-чехословакский договор и предложение И. Сталина президенту Бенешу оказать его стране мощную поддержку силами Красной Армии [7, с.97], эта возможная помощь, под давлением глав правительств Великобритании и Франции, руководством Чехословакии была отклонена [5, с.109–112; 7, с. 96–98]. Однако, даже при его согласии, СССР не смог бы выполнить свои обязательства из-за позиции Польши, антисоветски настроенное правительство которой твердо заявило «о закрытии своего территориального пространства», в том числе и воздушного, для прохождения частей Красной Армии [5, с. 109–112; 7, с. 97–98].

Мюнхенское соглашение, его итоги и явная антисоветская направленность, хорошо понятые и оцененные И. Сталиным, внесли серьезные коррективы и дополнения в целый ряд аспектов

внешней политики СССР и в понимании его места в военно-политических процессах, происходивших в Европе.

Подписание в Мюнхене договора четырьмя ведущими государствами Европы, дало основание Д. Чемберлену и Э. Даладье надеяться на сохранение мира в регионе и на возможность силового разрешения идеологических противоречий фашистского и коммунистического режимов. В рамках достигнутых в Мюнхене договоренностей, немецкая дипломатия в конце 1398 – начале 1939 гг., активизировала германскую антисоветскую политику, демонстрируя свои идеологические и политические разногласия с СССР. Показательными являются визит Й.Риббентропа в Париж 6 декабря 1938 г., в ходе которого была подписана франко-германская декларация, по сути, пакт о ненападении [19, с. 105], ликвидирующий фактически советско-французский договор 1935 г., [19, с.137], а также поездка Д. Чемберлена и Э. Галифакса в Рим 11–14 января 1939 г., где главным был вопрос о европейской солидарности германско-итальянским планам на Юге и Востоке Европы.

Однако лидеры Великобритании и Франции не смогли переиграть А. Гитлера, в первоочередные планы которого входили Польша и Румыния, где румынская нефть и польский территориально-сырьевой ресурс должны были обеспечить Германию важнейшим стратегическим сырьем и продовольствием, укрепив ее экономический потенциал, необходимый для ведения большой затяжной войны. Политика попустительства и «умиротворения», проводимая правительствами Великобритании и Франции, привели к прогнозируемым результатам, которые изменили обстановку в Европе и расстановку основных противоборствующих сил на политической арене. Успокоив общественное мнение европейский стран обещаниями и разговорами о мире, А. Гитлер уже через полгода после Мюнхена, приступил к осуществлению своих стратегических и тактических планов по завоеванию «жизненного пространства» за счет территорий своих соседей [6, с. 32]. Эта агрессивная политика вскоре противопоставила интересы Германии интересам крупнейших мировых держав как стран западной демократии – Великобритании , Франции, США, так и главного оплота «идей Коминтерна» – СССР.

Одной из важнейших задач в своих стратегических планах А. Гитлер считал подготовку захвата Польши, начало военных действий, против которой он наметил на 1 сентября 1939 г., и так комментировал это В. Браухичу: «Польшу необходимо так разбить, чтобы в ближайшие десятилетия не было нужды считаться с ней» [25, p. 209]. В связи с задуманными планами фюрера, Верховное главнокомандование вермахта за подписью В. Кейтеля издало распоряжение «О единой подготовке вооруженных сил к войне», в основе которого лежал план «Вайс» – план нападения на Польшу [7, с. 98]. В резолюции А. Гитлера, фактически определившей дату начала Второй мировой войны, вермахту приказывалось полностью быть готовым к нападению на Польшу «в любое время», начиная с 1 сентября 1939 г. [5, с. 126; 7, с. 98].

Нараставшее противостояние между странами, которые еще совсем недавно дружно подписали мюнхенское соглашение, значительно повысило политическую роль СССР в европейских делах. По мере обострения противоречий между англо-французской коалицией и фашистскими режимами стран «оси», в дипломатических кругах этих государств возрастал интерес к позиции СССР, и каждая из сторон зондировала вопрос о возможности использовать его в своих политических планах или хотя бы нейтрализовать возможную договоренность с противником.

Начало 1939 г. ознаменовалось успехами фашистских режимов в Испании, где, благодаря значительной немецко-итальянской военной помощи, республиканское правительство, поддерживаемое СССР, пало, и в стране была установлена диктатура генерала Ф. Франко.

Не встречая противодействия со стороны Великобритании и Франции, А. Гитлер в марте 1939 г., оккупировал Чехословакия и 15 марта немецкие войска вошли в Прагу [6, с. 32–35], а 14 марта Словакия объявила о своей «независимости под защитой Германской империи». Вынужденный оправдываться в английском парламенте Чемберлен заявил, что Чехословакия перестала существовать по причине «внутреннего распада», но это не окажет влияние на внешнеполитический курс английского правительства. [5, с. 122].

Подобная «миротворческая» позиция важнейших европейских держав способствовала активизации силового давления Германии на своих более слабых восточных соседей.

Несмотря на стремление Варшавы не обострять германско-польские отношения, в Берлине уже, вторично после октября 1938 г., был подготовлен новый меморандум с серьезными требованиями к польской стороне. 21 марта 1939 г., Й. Риббентроп направил Польше предложение передать Германии Данциг (Гданьск) и разрешить строительство экстерриториальной автострады и железной дороги через польские земли в Восточную Пруссию. Полученный 26 марта польский отказ, стал для А.Гитлера поводом «избавиться от германо-польского пакта о «ненападении», подписанного еще в 1934 г., о ликвидации которого Гитлер объявил в рейхстаге 28 апреля 1939 г. [19, с. 362–363]. Это был прогнозируемый акт в свете подготовленного нападения на Польшу, предусмотренного планом «Вайс». В ответ на действия Берлина, Великобритания 31 марта предложила Польше военную помощь и гарантии, которые 6 апреля 1939 г., были заменены двусторонним соглашением о взаимной помощи. Однако А. Гитлер и высшее военное руководство рейха довольно спокойно отнеслось к этим шагам Лондона, считая их в большей мере популистскими. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии В. Гальдер записал в своем «Военном дневнике», что «гарантии западных стран

Польше являются фальшивыми» [2, с. 39]. Надо отметить, что эти гарантии, даже по мнению ряда западных историков, не были действенной мерой способной защитить Польшу, а скорее: «Гарантии были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну» [23, p. 11].

21–22 марта 1939 г., Литва была вынуждена заключить договор с Германией, по которому последней были переданы Мемельская (Клайпедская) область и г. Мемель (Клайпеда) – важный порт на Балтийском море. 18 марта 1939 г., был подготовлен немецкий ультиматум Румынии, в ответ на который СССР, чьи интересы и безопасность могли пострадать, предложил созвать международную конференцию шести заинтересованных стран (СССР, Англия, Франция, Румыния, Польша, Турция) [19, с. 246]. Однако, английская сторона посчитала подобную конференцию «преждевременной», и вместо нее предложила Советскому Союзу, подобно Англии, подписать договор о гарантиях Польше. Односторонний договор о гарантии Польше мог втянуть СССР в войну с Германией и не отвечал его национальным интересам, да и глава польского МИД был против договора с СССР. В свою очередь, 17 апреля 1939 г., нарком НКИД СССР М.Литвинов предложил Великобритании проект англо-франко-советского договора о взаимопомощи из 8 пунктов, в том числе включавшего, при необходимости, военную помощь восточным европейским государствам на пространстве между Балтийским и Черным морями [5, с. 131–132; 19, с. 336–337].

3 мая Великобритания и Франция ответили отказом на советское предложение, что было воспринято Сталиным как провал политики М. Литвинова на сближение СССР с Великобританией и Францией и создания ими англо-франко-советской антигитлеровской коалиции. Отставка М. Литвинова и назначение на пост наркома НКИД В. Молотова, оставшегося одновременно главой СНК СССР, была положительно воспринята Берлином, увидевшего в этой перестановке наркомов, новые возможности для возобновления советско-германских взаимоотношений, прерванных по идеологическим причинам немецкой стороной. Политика Великобритании и Франции в отношении советского проекта совместного договора и последовавшая за их отказом отставка М. Литвинова, была четко понята А. Гитлером, как разочарование Сталина в политике английского и французского лидеров в отношении СССР. Комментируя отставку М. Литвинова, А. Гитлер заявил, что после нее он «моментально понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось».

Приступив к подготовке и осуществлению основных задач плана «Вайс», А. Гитлер стремился избежать любого военного конфликта с СССР из-за Польши. Даже возможный советский нейтралитет, не подтвержденный юридическим актом, мог привести к столкновению Германии и СССР на восточной польской границе, которое могло перерасти в затяжную полномасштабную войну. В случае активных военных действий между СССР и Германией, основные выгоды, независимо от их исхода, получили бы Великобритания и Франция, упорно стремившиеся столкнуть между собой своих главных противников, обескровив их в тяжелой войне на Востоке. В связи с возможностью подобного развития событий, любопытно мнение Гитлера, который считал, что «только безоглядные оптимисты могли думать, что Сталин настолько глуп, что не распознает их истинные цели».

В рамках наметившихся изменений политики Германии в отношении СССР, с начала мая 1939 г., в немецкой прессе и других СМИ были прекращены нападки на Советский Союз и даже стали распространяться слухи о возможном сотрудничестве между Германией и СССР при возникновении польского кризиса. 20 мая германский посол В.Шуленбург запросил В.Молотова о встрече и сделал официальное предложение СССР о возобновлении советско-германских экономических переговоров, прерванных по инициативе Берлина. Возобновление торгово-экономических связей в технической и ресурсной сферах, несомненно, было выгодно обеим сторонам и правительство СССР дало указание на возобновление прерванных переговоров, хотя было понятно, что одним из приоритетных направлений в них будет политическое зондирование. Это был важный шаг в наметившемся сближении Советского Союза и фашистской Германии, заинтересованность в котором проявляли как А. Гитлер, так и И. Сталин, каждый из которых решал свои задачи. Сталин придал им большое значение и даже затребовал в НКИД всю документацию и протоколы по советско-германским переговорам. Но не только в Москве и Берлине придавали особое значение этим экономическим переговорам. Наметившееся возобновление контактов, между, казалось бы, непримиримыми идеологическими противниками, привлекло пристальное внимание не только англо-французской дипломатии, но и руководителей этих стран. Наметившееся сближение СССР и Германии и возможность договоренности А. Гитлера и И. Сталина заставили Д. Чемберлена и Э. Даладье вернуться к отвергнутому ими англо-франко-советскому договору.

Предложенный еще в апреле 1939 г., М. Литвиновым проект англо-франко-советского договора не нашел тогда поддержки ни у Великобритании, ни у Франции. Надо отметить, что Д. Чемберлен выступал активным противником договора о взаимопомощи с Советским Союзом и весьма негативно оценивал его экономический и военный потенциал, сильно занижал боеспособность Красной Армии и ее техническое оснащение, к тому же был убежденным противником Советской России и испытывал неприязнь к И. Сталину [21, p. 403; 5, с. 140]. Все это усугубляло существовавшее недоверие и подозрение между главой правительства Великобритании и руководством СССР, препятствуя сближению их точек зрения и антигитлеровских позиций. [5, с. 135]

Сходным был подход к договору и у французской дипломатии, которая по основным вопросам и предложениям представленного М. Литвиновым советского проекта англо-франко-советского договора, была солидарна с Великобританией. В ответ на предложение СССР о полномасштабном договоре, французская сторона посчитала уместным ограничиться совместной краткой декларацией о военной поддержке трех стран друг друга и о возможной солидарной поддержке государств Восточной Европы, в случае нападения Германии на них.

К началу мая, когда стало ясно, что советский проект не нашел поддержки ни у Франции, ни у Великобритании, переговоры прекратились. Лишь после наметившегося сближения СССР с Германией, 24 мая Великобритания предприняла шаги, направленные на подписание договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Д. Чемберлен, стремясь не допустить возможность активизации советско-германских контактов в политической сфере, направил 27 мая английскому послу в Москве предписание, санкционировавшее начало обсуждения договора с СССР «о взаимопомощи, военной конвенции и гарантий государствам» в случае нападения на них Германии.

Таким образом, стремясь предотвратить возможную договоренность СССР и Германии, сближение которых еще полгода назад лидерам Великобритании и Франции казалось невозможным, Д. Чемберлен, а за ним и Э. Даладье вынуждены были пойти на обсуждение с СССР договора о взаимопомощи [5, с. 130–139; 17, с. 110–112].

Это был несомненный успех советской дипломатии, добившейся прорыва политической изоляции, в которой Советский Союз оказался в период Чехословакского кризиса, но сумевшего сбалансированно наладить переговорный процесс с противоборствующими группировками крупнейших европейских держав, сохраняя при этом свой нейтралитет и свободу выбора.

Сталину удалось избежать возможности создания против СССР единой антисоветской коалиции четырех основных подписантов Мюнхенского договора и начать важные экономические переговоры с Германией и военно-политические с Великобританией и Францией. Ярким свидетельством выбранной советской дипломатией линии в международной политике Советского Союза стало выступление В. Молотова 31 мая 1939 г., на сессии Верховного Совета СССР, где руководитель НКИД и Председатель СНК, охарактеризовав начавшееся обсуждение проекта англо-франко-советского договора, не только подверг критике позицию Великобритании и Франции, отказавшихся дать гарантии странам Прибалтики, но и заявил, что СССР «не считает необходимым» отказаться «от деловых связей» с Германией и Италии. Советское правительство, начав сложные переговоры, стремилось показать, что оставляет за собой свободу выбора их вектора, оказывая, таким образом, давление как на позицию Лондона и Парижа, так и Берлина.

Начавшееся летнее англо-франко-советское обсуждение договора, за основу которого был принят англо-французский проект от 27 мая 1939 г., дополненный 2 июня советскими предложениями, проводившееся в форме письменного обмена документами и мнениями, по предложению Э. Галифакса, сделанного 8 июня, было заменено встречами делегаций за круглым столом [5, с. 135]. Длительный и весьма сложный процесс переговоров, временами прерывавшийся для получения необходимых консультаций английской и французской делегаций у своих правительств по спорным вопросам, затянулся до 20 августа, когда переговоры зашли в тупик по ряду вопросов. Наиболее обсуждаемые среди них были: предоставление гарантий защиты странам Прибалтики, в случае германской агрессии; расширенная формулировка в договоре термина «косвенная агрессия» и его соответствие международному праву; предоставление Польшей и Румынией своих территорий и воздушного пространства для советских войск, в случае, если СССР будет вовлечен в войну против Германии [5, с. 278–281].

Еще одним требованием советской стороны было предложение об одновременном заключении политического договора и военной конвенции договаривавшимися сторонами.

После длительных обсуждений и консультаций Великобритания и Франция 1 июля приняли предложение СССР о гарантиях странам Прибалтики, а 8 июля сообщили, что договор с СССР в своей основе согласован, но это мнение не нашло поддержки у советской делегации.

Стремясь не допустить активизации советско-германских контактов и затруднить их переход из экономической в военно-политическую сферу, английское правительство 19 июля согласилось на начало военных переговоров с СССР, которые проходили в Москве с 12 по 22 августа. Прибывшие английская и французская военные миссии, имели весьма ограниченные полномочия и не слишком авторитетный кадровый состав, что значительно затруднило их позитивную работу с советскими коллегами [5, с. 141–147].

Наличие нерешенных проблемных вопросов как политического, так и военного характера, явное затягивание самого переговорного процесса англо-французской стороной, стремившейся не дать возможность А. Гитлеру напасть на Польшу до начала осенней распутицы, как он это запланировал. Надо отметить, что А. Гитлер довольно успешно пытался использовать в своих целях имевшееся недоверие между И. Сталиным и Д.Чемберленом, с каждым из которых немецкая дипломатия зондировала почву для подписания двустороннего пакта. В августе 1939 г., А. Гитлер вел активные переговоры и с Москвой, и с Лондоном о заключении сепаратного соглашения, что оставляло очень мало надежд на подписание летом 1939 г., ожидаемого англо-франко-советского договора [9, с. 283–284, 305].

Одним из острых вопросов, так и не решенным в процессе обсуждения англо-франко-советско-

го договора, была позиция Польши по проблеме использования ее территории и воздушного пространства частями Красной Армии, в случае их участия в рамках договора в боевых действиях на Западе.

Традиционно прохладные отношения поляков к Российской империи еще со времен «разделов Польши» и наследие польско-советской войны, в значительной мере, сохранялись и к периоду обсуждения англо-франко-советского договора.

С приходом в Германии к власти А. Гитлера, начавшего активную борьбу с немецкими коммунистами и Коминтерном, определенная часть польской верхушки, в числе которой был и руководитель МИД Польши полковник Бек, поддержала антисоветский курс фюрера. Даже, несмотря на угрозу немецкого нападения, Польша отказывалась от каких-либо договоров с СССР [5, с. 275, 281]. В этом плане политическая линия Бека не очень изменилась и после объявленного А. Гитлером 28 апреля 1939 г., разрыва германо-польского договора о ненападении 1934 г. Начало англо-франко-советских переговоров в Москве было негативно встречено главой польского МИД полковником Ю. Беком, который 9 июня 1939 г., телеграфировал польскому послу в Лондоне, что договор с СССР только нарушит «стабилизацию и безопасность в Восточной Европе» [20, с. 216]. Несмотря на английское и, особенно, французское давление на Польшу по вопросу пропуска советских войск через ее территорию, добиться польского согласия государствам, гарантировавшим польскую безопасность и военную поддержку (Великобритания – 6 апреля, Франция – 7 апреля 1939 г.), не удалось. Уже 20 августа 1939 г., Ю. Бек телеграфировал польскому послу во Франции, что «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается» [3, с. 163]. Перед самым нападением Германии на Польшу Ю. Бек продолжал обивать пороги высших фашистских чинов с предложением уступить Германии Данциг и «данцигский коридор» в обмен на мир, но А. Гитлеру нужна была вся Польша, о которой он говорил В. Кейтелю: «Польша должна стать выдвинутым вперед плацдармом, предназначенным для сосредоточения войск» [2, с. 158].

В связи с политикой польского руководства накануне Второй мировой войны, известный американский историк, автор монографического исследования «Взлеты и падения Третьего Рейха» Уильям Шерер, оценил ее как «самоубийственную».

Большую роль в углублении наметившихся разногласий и приостановке 20 августа переговоров в Москве, как скоро выяснилось навсегда, сыграли дипломатические усилия Германии в августе 1939 г., имевшие целью сорвать подписание англо-франко-советского договора. Немецкое руководство активно зондировало позиции Великобритании и СССР, предлагая каждой из сторон переговоры о пакте с Германией.

10 и 15 августа в Берлине и Москве, на уровне глав советского и германского дипломатических представительств Астахова и Шуленбурга, немецкая сторона представила на рассмотрение советскому руководству конкретные предложения по разграничению сфер влияния, на которые СССР дал положительный ответ и внес свои коррективы. Германия согласилась с ними и 17 августа предложила ускорить юридическое оформление договоренностей, подписав уже готовый экономический договор и подготовить подписание пакта о ненападении, для которого в Москву готов был прилететь Й. Риббентроп. Советское руководство направило в Берлин проект пакта и назначило приезд Й. Риббентропа на 26-27 августа, что не устроило А. Гитлера. Германское командование, сосредоточившее уже главные силы вермахта на польской границе (группу армий «Юг» и группу армии «Север»), включавшие 54 дивизии из 62, выделенных для войны в Польше (более 1,5 млн солдат), до 2800 танков, в том числе более 300 новых типов (T-III и T-IV), и более 2000 самолетов [10, с. 206–209; 22, S. 45; 5a, с. 17]. Исходя из назначенной фюрером даты начала компании с 1 сентября 1939 г., которую он планировал завершить до сезона осенних дождей, 21 августа Шуленберг передал Й. Сталину телеграмму от А.Гитлера, где последний сообщал о полном согласии принять советский проект пакта о ненападении и просил принять Й.Риббентропа для подписания пакта «22 августа, но не позднее среды 23 августа» [5, с. 282]. Сталин дал ответ Гитлеру, что советское правительство готово принять «г. Риббентропа 23 августа» [5, с. 282].

Подобная поспешность фюрера со сроками подписания договора была связана не только с началом военных действий в Польше, но и с намеченными на 23 августа секретными переговорами Г. Геринга с Д. Чемберленом, которые должны были состояться в Великобритании в поместье британского премьера [25, p. 444; 3, с. 306].

В августе 1939 г., продолжая переговоры в Москве о подписании англо-франко-советского договора, каждая из стран-участниц вела сепаратные переговоры с Германией, сохраняя строгую секретность. Наметившиеся еще весной 1939 г., контакты английских и немецких дипломатов, получили активное развитие в августе и шли параллельно с советско-германскими. Так, 2–3 августа, 10 августа, 14–15 августа, 23 августа – отмечены активные контакты Германии и СССР, а 7 августа, 11 августа и 23 августа – Германии и Великобритании. 23 августа министр иностранных дел Й. Риббентроп прилетел в Москву подписывать пакт о ненападении с СССР, а намеченный А. Гитлером на этот же день секретный визит в Великобританию рейхсмаршала Г.Геринга, был фюрером отменен, хотя Д. Чемберлена немцы известили об этом только 24 августа [9, с. 306–307].

В полдень 23 августа самолет Й. Риббентропа приземлился в Москве и глава МИД Германии отправился в Кремль на переговоры с В. Молотовым и Сталиным, которые продолжались более 2

часов. После согласования возникших в ходе обсуждения вопросов, Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом был подписан в кабинете В. Молотова в два часа ночи 24 августа 1939 г., но был датирован 23 августа. Присутствие на подписании договора высшего руководства СССР и «всеобъемлющие неограниченные полномочия», которыми Й. Риббентропа наделил А. Гитлер, о чем он сообщил Й. Сталину в телеграмме, способствовало быстрому подписанию договора, а затем его ратификации Верховным Советом СССР 30 августа 1939 г. Сам текст договора, но без секретного приложения, был опубликован 24 августа 1939 г., в газете «Известия» [«Известия», 24.09.1939].

Соглашение с Советским Союзом на данном этапе А. Гитлер посчитал тактически более важным и стратегически необходимым для Германии, чем договоренность с Великобританией и Францией; что было жизненно необходимо, с точки зрения Сталина, и для СССР.

Подписанный в Москве в августе 1939 г., пакт о ненападении между СССР и Германией получил широкую известность как важнейший документ, подписанный накануне Второй мировой войны [12, с. 373; 15, с. 786; 1, с. 94], но по-разному оценивается исследователями как в отечественной, так и в зарубежной историографии. При этом уже на протяжении 80 лет «пакт Молотов-Риббентроп» является не только предметом изучения, но и широких политических и дискуссий. Однако, несмотря на трагические ошибки и тяжелые последствия первых месяцев Великой Отечественной войны, во многом связанные с упущениями советской военной доктрины и стратегии, недооценкой мощи немецкой армии и сроков нападения Германии на Советский Союз, полученная в результате подписания договора отсрочка вступления СССР в войну имела важнейшее значение для будущей победы, исторические последствия которой трудно переоценить.

В короткий предвоенный период руководству Советского Союза удалось за счет огромных материальных затрат и самых жестких административных усилий, максимально перестроить работу отраслей военной промышленности и конструкторских институтов, разрабатывавших новые типы вооружения, прежде всего, самолеты, танки, артиллерию. Уже к 1941 г., были разработаны и запущены в серию новые виды советской боевой техники, лучшие образцы которой, такие как истребители Як, МиГ, ЛаГГ, штурмовик Ил, бомбардировщик Пе, танки Т-34, КВ-1, реактивные минометы – знаменитые «Катюши», не только не уступали немецким образцам, но значительно превосходили их.

О масштабах этой колоссальной работы всего трудового и интеллектуального ресурса по развитию оборонной промышленности страны, могут свидетельствовать, например, успехи советского танкостроения, выпустившего в 1942 г., несмотря на огромные трудности и неудачи первого года войны, около 12500 танков нового образца, против 3500 немецких, произведенных Германией и оккупированными ей странами.

Важным итогом подписания советско-германского договора было перенесение к западу государственной границы СССР на сотни километров от его важнейших политических и экономических центров: Киева, Минска, Ленинграда и др.

Особенно важное военно-политическое и стратегическое значение договор 1939 г., имел для советско-японских отношений, носивших в 30-е годы XX столетия весьма недобрососедский, а нередко и конфликтный характер [16, с. 287].

Политическое и военное руководство Японии одним из главных противников на протяжении длительного периода считало Советский Союз, против которого планировались будущие военные действия и нанесение превентивных ударов. При подготовке договора Берлин – Рим –Токио, Япония была готова вести войну «за мировое господство» с СССР, но колебалась в выступлении против ряда западных держав, прежде всего Великобритании. Военная доктрина Японии, главной целью которой было завоевание господства в Азии, в значительной мере базировалась на создании военного превосходства на Дальнем Востоке, за счет концентрации японских вооруженных сил, превосходящих мощь Красной Армии.

Основные положения этой японской военной стратегии были утверждены на конфиденциальных заседаниях правительства 7 и 11 августа 1936 г. На них были приняты строго секретные решения о «Курсе внешней политики Японии», целью которых было обеспечение японских позиций и превосходства «на восточноазиатском континенте и расширение продвижения на юг» [5, с. 370]. Здесь же отмечалось, что японская армия должна была иметь возможность нанести на Дальнем Востоке «решающий удар русским в самом начале войны» [5, с. 371].

Однако, подписание советско-германского договора значительно повлияло на военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке и привело к кардинальным изменениям ряда положений японской военной доктрины в восточноазиатском регионе. В стратегических планах японского командования на первое место в реализации доктрины «императорского пути», т.е. покорения соседних государств, выходит осуществление идеи «расширения продвижения на юг» в тихоокеанский регион.

Надо отметить, что в августе 1939 г., когда был подписан советско-германский договор, еще продолжались военные действия советских и монгольских войск на Халхин-Голе против вторгнувшихся в МНР японских вооруженных сил.

Военное руководство Японии, зная о планах Гитлера нападения на Польшу в сентябре 1939 г., надеялось, что вслед за разгромом последней, Германия начнет агрессию против СССР, что облегчит военные операции японской армии на Халхин-Голе. Однако, советско-германский договор не только разрушил эти планы, но и посеял недоверие японцев к свои немецким союзникам.

По дипломатическим каналам временно поверенный в делах СССР в Японии сообщал в Москву, что подписание договора между Советским Союзом и Германией «произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь» [5, с. 287]. 25 августа 1939 г., японское правительство заявило решительный протест Германии, обвинив ее в нарушении основных положений «антикоминтерновского пакта».

Важнейшим успехом, достигнутым СССР в результате подписания советско-германского договора 1939 г., были не только определенная стабилизация советско-японских отношений на Дальнем Востоке и военно-политический провал японской авантюры на Халхин-Голе, но и вынужденное изменение ряда пунктов военной доктрины Японии и крах курса правительства Киитиро Хиранумы, подавшего 28 августа 1939 г., в отставку. В этой связи, в заявлении японского правительства подчеркивалось, что «в Европе создалась сложная и неожиданная ситуация», которая кардинальным образом повлияла на положение в регионе и заставила «правительство отказаться от проведения разработанной им политики; необходимо установить новую политику, основанную на новых установках» [5, с. 288]. Новый кабинет министров вынужден был несколько скорректировать проводившуюся ранее агрессивную антисоветскую политику и подписал 15 сентября 1939 г., соглашение с СССР о перемирии.

Несмотря на усилия немецких дипломатов, смягчить, через японского посла в Германии Осиму, негативное восприятие японцами советско-германского договора, последние принимали его как удар по японско-германским отношениям и по уже готовому к подписанию новому пакту между Германией, Италией и Японией. Японская пресса, в связи с подписанием советско-германского договора, самым активным образом обсуждала военно-политическую ситуацию в регионе, а ряд газет очень осторожно стал даже обсуждать вопрос о перспективах заключения советско-японского договора, нашедшего позднее воплощение в Пакте о нейтралитете между СССР и Японией, подписанном 13 апреля 1941 г.

Полученная, в результате подписания советско-германского договора, возможность избежать войны на Дальнем Востоке с Японией оказалась не только очень важной и стратегически оправданной, но и как показали дальнейшие события, жизненно необходимой в исторической перспективе первого этапа Великой Отечественной войны. В исключительно трудной, во многом судьбоносной, битве за Москву большую роль сыграли свежие сибирские дивизии с Дальнего Востока, переброшенные в конце ноября 1941 г., на защиту столицы, так как новая военная доктрина Японии, принятая после 23 августа 1939 г., предусматривала южный, а не северный вектор ее агрессии [5а, с. 170–186].

Сообщение выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге о запланированном на 1941 г., японском наступлении в южном направлении, позволило Сталину перебросить в критический момент под Москву отмобилизованные, хорошо вооруженные кадровые дальневосточные дивизии, сыгравшие важнейшую роль в разгроме наступавших на Москву частей вермахта группы «Центр».

Оценивая подписание советско-германского договора с позиций национальных интересов и безопасности СССР, которые в многовековой военной истории России довольно редко выходили на первое место в ее взаимоотношениях с союзниками, следует отметить особое значение договора для исторических судеб народов, населявших Советский Союз и для сохранения государственности и территориальной целостности последнего. Стратегический выигрыш, полученный в результате отсрочки столкновения с фашистской Германией в 1939 г., позволил Советскому Союзу, несмотря на крупные просчеты его политического и военного руководства, использовать для подготовки к войне исключительно важный, временной фактор, который сыграл весьма значительную роль в победе СССР в войне.

Подписание советско-германского договора 23 августа 1939 г., о ненападении было вынужденным, но стратегически обоснованным решением Сталина, альтернативу которому сегодня трудно просчитать.

Источники и литература

1. Большая Оксфордская энциклопедия / пер. с англ. У. В. Сапциной, А. И. Кима, Т. В. Сафроновой и др. М.: Росмэн-Пресс, 2007. 664 с.

2. Гальдер Ф. Военный дневник / пер. с нем. Т.I. М.: Воениздат, 1968. 512 с.

3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939–1943. М.: Наука, 1973. 510 с.

4. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т.1. М.: Воениздат, 1960. 600 с.

5. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т.2. Накануне войны. М.: Военное издательство Мин. обороны СССР, 1974. 479 с.

5а. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М.: Военное издательство Мин. обороны СССР, 1974. 503 с.

6. Кимхе Д. Несостоявшаяся битва / пер. с англ. М: Воениздат, 1971. 168 с.

7. Кудрявцев А. А. Начало Второй мировой войны: домыслы и реальность // Победа народов Советского Союза в Великой Отечественной войне: национальное самосознание и историческая память. 1945–2015 гг. Краснодар: Традиция, 2015. С. 96–100.

8. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. 608 с.

9. Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / пер. с англ. М.: Воениздат, 1972. 376 с.

10. Мюллер – Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / пер. с нем. А. Высоковского и др. М.: Изографус, Эксмо, 2002. 800 с.
11. Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 г. и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006, №12. С. 3–23.
12. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / под ред. А. Д. Некипелова. М.: Энциклопедия, 2003. Т.1.: Россия. 2003. 960 с.
13. Пакт Молотова-Риббентропа всплыл в ПАСЕ // Газета. Ru. [Дата обращения: 19.09.2019].
14. Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация / пер. с англ. Е. Л. Семеновой и А. В. Короленкова // Новая и новейшая история. 2001. №5. С. 75–101.
15. Самый полный иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 1247 с.
16. Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке: накануне Второй мировой войны. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 557 с.
17. Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933–1941. Расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. №1. С. 98–119.
18. Смирнов В. П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // 65 лет Великой Победы. Т.1. М.: МГИМО – Университет, 2010. С.103–121.
19. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: Изд. Политической литературы, 1971. 671 с.
20. Станевич М. Сентябрьская катастрофа / пер. с польск. М.: Изд-во иностранной лит., 1953. 244 с.
21. Ширер Уильям. Взлет и падение Третьего рейха. / пер. с англ. Под ред. О. А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1991. 653 с.
22. Ферстер Г., Блейф В., Дрехслер К., Хасс Г. Германия во Второй мировой войне (1939–1945). / пер. с нем. А. И. Долгорукова, В. М. Артеменко, И. И. Карабутенко. М.: Воениздат, 1971. 432 с.
23. «Это было неизбежным: опубликован пакт Молотова-Риббентропа» // Газета. Ru. [Дата обращения: 19.09.2019].
24. Förster G. und andere. Der zweite Weltkrieg. Militär historisher Avriss. Berlin,1972. 432 s.
25. Halifax E. The life of lord Halifax by the Earl of Birkenhead. London, 1965. 626 p.
26. Liddell Hart B. History of the Second World War. New York, 1971. 543 p.
27. Shirer William. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1960. 653 p.
28. Speer A. Erinnerungen. Berlin, 1969. 610 s.

References

1. Bolshaya Oksfordskaya encyclopediya *(The Big Oxford Encyclopedia)*. Moscow: Rosmen-Press. 664 p. (In Russian)
2. Galder F. Voennyi dnevnik *(War diary)*. Vol.I. Moscow: Voenizdat, 1968. 512 p. (In Russian)
3. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-polskih otnoshenii *(Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations)*. Vol.VII. 1939–1943. Moscow: Nauka, 1973. 510 p. (In Russian)
4. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza *(History of the Great Patriotic War of the Soviet Union)*. 1941–1945. Vol. 1. Moscow: Voenizdat, 1960. 600 p. (In Russian)
5. Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 *(History of the Second World War 1939–1945)*. Vol. 2. Nakanune voiny *(On the eve of the war)*. Moscow. Voennoe izdatelstvo Min. oborony USSR, 1974. 479 p. (In Russian)
5a. Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 *(History of the Second World War 1939–1945)*. Vol. 3. Nachalo voiny. Podgotovka agressii protiv USSR *(The beginning of the war. Preparation of aggression against the USSR)*. Moscow.: USSR Military Publishing House publ., 1974. 503 p. (In Russian)
6. Kimhe D. Nesostoyavshayasya bitva *(Failed battle)*. Moscow.: Voenizdat, 1971. 168 p. (In Russian)
7. Kudryavtsev A. A. Nachalo Vtoroi mirovoi voiny: domisly i realnos *(The beginning of the Second World War: speculation and reality)* // Pobeda narodov Sovetskogo Soyuza v Velikoi Otechestvennoi voine: nacionalnoe samosoznanie i istoricheskaya pamyat. 1945–2015. Krasnodar: Tradiciya publ., 2015. P. 96–100. (In Russian)
8. Meltyuhov M. I. Upuschennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i borba za Evropu: 1939–1941 *(Lost chance of Stalin. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941)*. Moscow: Veche publ., 2000. 608 p. (In Russian)
9. Mosli L. Utrachennoe vremya. Kak nachinalas Vtoraya mirovaya voina *(Lost time. How did the Second World War begin)*. Moscow: Voenizdat, 1972. 376 p. (In Russian)
10. Myuller – Gillebrandt B. Suhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 *(Land Army of Germany 1933–1945)*. Moscow: Izografus, Eksmo publ., 2002. 800 p. (In Russian)
11. Nadjafov D. G. Sovetsko-germanskii pakt 1939 i ego istoricheskie posledstviya *(Soviet-German Pact of 1939 and its historical consequences)* // Voprosy istorii. 2006. No. 12. P. 3–23. (In Russian)
12. Novaya Rossiiskaya enciklopediya: v 12 t. (New Russian Encyclopedia: in 12 vol.). / ed by A. D. Nekipelov. Moscow: Enciklopediya publ., 2003. Vol.1. Rossiya, 2003. 960 p. (In Russian)
13. «Pakt Molotova-Ribbentropa vsplyl v PASE» *("Molotov-Ribbentrop Pact emerged in PACE")* / Gazeta. Ru. [Accessed: 19.09.2019]. (In Russian)
14. Roberts Dj. Sfery vliyaniya i sovetskaya vneshnyaya politika v 1939–1945: ideologiya_ raschet i improvizaciya *(Spheres of influence and Soviet foreign policy in 1939–1945: ideology, calculation and improvisation)* / translated by E. L. Semenova, A. V. Korolenkov // Novaya i noveishaya istoriya. 2001. No. 5. P. 75–101. (In Russian)
15. Samyi polnyi illyustrirovannyi enciklopedicheskii slovar *(The most comprehensive illustrated encyclopedic dictionary)*. Moscow: AST: Astrel publ., 2008. 1247 p. (In Russian)
16. Sevostyanov G. N. Politika velikih derjav na Dalnem Vostoke: nakanune Vtoroi mirovoi voiny *(The policy of the great powers in the Far East: on the eve of the Second World War)*. Moscow: Social and economic literature publ., 1961. 557 p. (In Russian)

17. Sluch S. Z. Stalin i Gitler. 1933–1941. Raschety i proschety Kremlya *(Stalin and Hitler. 1933–1941. Kremlin calculations and miscalculations)* // Otechestvennaya istoriya. 2005. No. 1. P. 98–119. (In Russian)
18. Smirnov V. P. Myunhenskaya konferenciya i sovetsko_germanskii pakt o nenapadenii v diskussiyah rossiiskih istorikov *(The Munich Conference and the Soviet-German non-aggression pact in the discussions of Russian historians)* // 65 let Velikoi Pobedy. Moscow: MSIIR – University publ. 2010. Vol.1. P. 103–121. (In Russian)
19. USSR v borbe za mir nakanune Vtoroi mirovoi voiny (sentyabr 1938 – avgust 1939). Dokumenty i materialy *(The USSR in the struggle for peace on the eve of the Second World War (September 1938 – August 1939). Documents and materials)*. Moscow: Political Literature publ., 1971. 671 p. (In Russian)
20. Stanevich M. Sentyabrskaya katastrofa *(September disaster).* Moscow: 'Foreing Literature publ., 1953. 244 p. (In Russian)
21. Shirer William. Vzlet i padenie Tretego reiha *(The Rise and Fall of the Third Reich)* / ed by O. A. Rjeshevskii. Moscow: Voenizdat publ., 1991. 653 p. (In Russian)
22. Ferster G., Bleif V., Drehsler K., Hass G. Germaniya vo Vtoroi mirovoi voine (1939–1945) *(Germany in World War II (1939–1945)* / translated by A. I. Dolgorukov, V. M. Artemenko, I. I. Karabutenko. Moscow: Voenizdat publ., 1971. 432 p. (In Russian)
23. «Eto bylo neizbejnim: opublikovan pakt Molotova-Ribbentropa» *(«It was inevitable: The Molotov-Ribbentrop Pact was published»)* // Gazeta. Ru. [Accessed: 19.09.2019] (In Russian)
24. Förster G. und andere. Der zweite Weltkr: eg. Militär historisher Avriss. Berlin,1972. 432 s.
25. Halifax E. The life of lord Halifax by the Earl of Birkenhead. London, 1965. 626 p.
26. Liddell Hart B. History of the Second World War. New York, 1971. 543 p.
27. Shirer William. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1960. 653 p.
28. Speer A. Erinnerungen. Berlin, 1969. 610 s.

Сведения об авторе

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaa0210@ yandex.ru

Information about the author

Kudryavtsev Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaa0210@ yandex.ru

УДК 94 (47)

Е. Ю. Любушкина

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В БОРЬБЕ С АЛКОГОЛИЗМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

В статье речь идет о движении против пьянства в России во второй половине XIX – начале XX в., а также о методах борьбы с алкоголизацией населения. Автором рассматриваются причины, приводившие к употреблению спиртных напитков в рабочей, крестьянской, солдатской среде, употребление алкоголя состоятельными гражданами. Отмечается участие в обсуждении методов борьбы с алкоголизмом среди врачей, учителей. Показана роль обществ трезвости в борьбе с алкоголизмом, в том числе Первого Московского общества трезвости, Александро-Невского общества трезвости. Обращено внимание на деятельность Русского общества охранения народного здравия, в частности на работу комиссии, которая занималось научным исследованием вопросов алкоголизма и предлагала рекомендации по внедрению в практику методов борьбы с алкоголизмом. В статье автор поднимает проблему пьянства в Ставропольской губернии, отмечает насколько пагубным и распространенным было употребление алкоголя в крестьянской среде, настолько, что употребляли алкоголь даже дети. Отмечается, что в целях преодоления проблемы пьянства велась активная нравственно-воспитательная работа Андреевско-Владимирским братством, Обществом для содействия распространения народного образования. Большую работу по отвлечению населения Ставрополя от употребления спиртных напитков проводил Старофорштадский клуб трезвости. Движение за трезвость нашло практическую реализацию на Дону и Северном Кавказе в целом. В начале XX в. на Дону и Северном Кавказе открывались различные общественные организации, ставившие целью борьбу с пьянством. Отмечается, что на Севеном Кавказе население не столь активно стремилось отказаться от употребления алкогольных напитков, многие считали, что эту проблему нелегко решить. Автор показывает деятельность Попечительств о народной трезвости, их практическую работу – надзор за доходом питейной торговли, распространение здорового образа жизни, учреждение чайных, столовых. Показана роль члена III-й Государственной Думы от Самарской губернии М. Д. Челышова, который ратовал за искоренение пьянства в России, в том числе, поднимал этот вопрос в Государственной Думе. Отмечается, что передовой общественностью России велась колоссальная работа по борьбе с алкоголизацией населения во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: организованная общественность, история повседневности, социальная история, попечительства народной трезвости, борьба с алкоголизмом.

E. Luybyshkina

PUBLIC ORGANIZATIONS OF RUSSIA IN FIGHT AGAINST ALCOHOLISM IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY: SOCIAL PRACTICES

The article studies the movement against drinking in Russia in the second half of the 19th – early 20th century, the methods to tackle alcoholism of the population. The reasons that led to alcohol consumption in the working, peasant, soldier environment, alcohol consumption by wealthy citizens are considered. Participation in the discussion of methods of combating alcoholism among doctors and teachers is noted. The role of sobriety societies in the fight against alcoholism, including the First Moscow Sobriety Society, the Alexandro-Nevsky Sobriety Society, is shown. Attention was drawn to the activities of the Russian Society for the Protection of National Health, in particular to the work of the Commission, which was engaged in scientific research on alcoholism and offered recommendations on the introduction of methods of combating alcoholism. In the article, the author raises the problem of drinking in the Stavropol province, noting how harmful alcohol consumption in the peasant environment was that even children consumed alcohol. It is noted that in order to overcome the problem of alcohol consumption, active moral and educational work was carried out by the Andreevsky-Vladimir Brotherhood, the Society to promote the spread of national education. A lot of work to distract the population of Stavropol from drinking alcohol was carried out by the Staroforstad Sobriety Club. Sobriety movement found practical implementation in the Don and the North Caucasus as a whole. At the beginning of the 20th century, various public organizations were opened on the Don and the North Caucasus to fight drinking. It is noted that in the Seven Caucasus the population did not actively seek to abandon the use of alcoholic beverages, many believed that this problem is not easy to solve. The author shows the activities of the Trustees on folk sobriety, their practical work – supervision of the income of the food trade, distribution of a healthy lifestyle, establishment of tea and dining rooms. The role of the member of the III State Duma from the Samara province M. D. Chelyshov, who advocated the eradication of drinking in Russia, including raising this issue in the State Duma, is shown. It is noted that the advanced public of Russia carried out enormous work to combat alcoholism of the population in the second half of the XIX – the beginning of the XX century.

Key words: organized community, history of everyday life, social history, guardianship national sobriety, fight against alcoholism.

Проблема алкоголизма и связанные с этим социальным недугом последствия, такие как наносимый вред здоровью, деморализация личности, рост преступности, привлекали внимание передовых людей на протяжении практически всей истории человечества. Первые движения в защиту трезвости начались в зарубежных странах. В Америке движение против пьянства началось в начале XIX в., в Германии в конце 30-х гг., в Нидерландах – в начале 40-х гг., во Франции в 70-е гг. XIX в.

В России наиболее ярко движение против пьянства началось в XIX в. К 1900 г. в России действовало 15 городских, порядка 140 церковно-приходских обществ трезвости в сельской местности и около 10 фабричных и заводских обществ. Кроме того, было зарегистрировано 35 эстонских, 10 латышских и 10 финских обществ трезвости [14, с. 174].

В конце XIX – начале XX в. проблеме преодоления алкоголизма в России были посвящены работы В. М. Бехтерева, Н. И. Григорьева, В. Я. Канель, А. М. Коровина, А. Ф. Кони, Л. Н. Толстого и других ученых, государственных и общественных деятелей.

Проблеме алкоголизма и рассмотрению вопроса о том, почему пьет рабочий класс была посвящена работа члена Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова профессора Л. Б. Грановского «Общественное здравоохранение и капитализм», в которой он отмечал, что рабочий в меньшей степени задумывался о вреде алкоголя: «Ему холодно, и алкоголь его согрел, – отлично. Ему голодно, и алкоголь дал ему ощущение сытости, – превосходно. Ему скучно, ему грустно, его душу охватывает ужас сознания безвыходности своего положения, – алкоголь веселит, алкоголь разгоняет тоску, алкоголь повышает настроение; и чудесно. Ведь это только и требуется пролетарию» [3, с. 30].

Далее Л. Б. Грановский рассуждал о том, что основная причина развития алкоголизма в рабочей среде – это низкое социально-экономическое положение рабочего класса, чрезмерная работа, которая требует напряжения сил, способствует истощению организма, преждевременному старению. Употребление алкоголя вело к частым несчастным случаям в рабочей среде, наибольшее число которых приходилось на понедельник, особенно на первую половину дня, когда сказывалось влияние алкоголя, употребленного в воскресенье. Рассматривая вопрос о том, почему пьет богатый человек, Л. Б. Грановский отвечал: «у имущих классов алкоголизм развивается вследствие обеспеченности положения, вследствие отсутствия необходимости трудиться, работать, вследствие сытой праздности» [3, с. 31].

Одной из серьезных проблем в рассматриваемый период в Российской империи была проблема алкоголизма в солдатской среде. Комиссия при Русском обществе охранения народного здравия основными причинами пьянства солдат считала «сложную сферу нравственных потребностей солдата, его взглядов, привычек и ту обстановку, среди которой он большею частью предается пьянству… Какими удовольствиями и развлечениями станет коротать солдат часы своего досуга? Человек неразвитой, иногда и малограмотный, он не может наслаждаться чтением, которое для него все-таки утомительный умственный труд; зрелищ и удовольствий, ему доступных, не существует; беседу в товарищеском кружке он любит, но беседу надо оживить и поддерживать, а что лучше водки возбуждает и веселит собеседников?» [22, с. 283–284]. Далее комиссией отмечалось, что в питейном заведении солдат находит развлечения, которых ему не достает, опрокинутый стакан водки делает его участником общего разгула, дает возможность забыть условия казарменной жизни.

Тяжелый труд крестьянина, усталость от трудового дня способствовали употреблению алкоголя в крестьянской среде.

В 1858–1859 гг. среди крестьян Саратовской, Пензенской, Владимирской и Тверской губерний возникли неофициальные общества трезвости. Доктор медицинских наук, профессор П. В. Власов усматривал в этом «существовавшую в России в течение нескольких столетий систему винных откупов, вызывавшую повсеместное недовольство, прорывавшееся временами в крупных народных волнениях, когда сторонники движения громили питейные заведения, крестьяне на сходах принимали решения не употреблять вина, нарушителей подвергали денежным штрафам и телесным наказаниям» [7, с. 109]. Однако, как отмечают Ю. П. Лисицын и Н. Я. Копыт, «движение за трезвость, лишенное организации и не поддержанное государством, заглохло» [14, с. 173].

Во второй половине XIX – начале XX в. в общественной жизни России заметную роль стали играть общества трезвости. Необходимость создания подобных обществ была связана с распространением пьянства и преступности в стране, что побудило прогрессивную общественность к объединению для борьбы за трезвость и за рост народного нравственного самосознания.

В 1874 г. открылось общество трезвости в с. Дейкаловка Полтавской губернии. В 1882 г., по инициативе С. А. Рачинского, учредилось «согласие» трезвости в с. Татево Смоленской губернии. В 1889 г. Св. Синод обратился к духовенству заняться организацией обществ трезвости, результатом чего стало создание обществ трезвости по всей России. Причем уставы обществ трезвости, которые учреждались в городах утверждались министром внутренних дел, а в уездах – церковно-приходские общества трезвости утверждались местным епископом.

Уставы обществ трезвости предусматривали здоровый образ жизни, прежде всего для членов обществ, воздержание от употребления спиртных напитков. Основной целью этой группы обществ была борьба с пьянством, а одним из основных видов деятельности – благотворительность. В целях отвлечения населения от употребления

спиртных напитков члены обществ организовывали чайные, столовые, в которых посетителям предоставлялись газеты и журналы, устраивались беседы, чтения о вреде алкоголизма, спектакли, танцевальные вечера, концерты.

В деятельности Первого Московского общества трезвости отмечен отход от учреждения развлекательных мероприятий и выдвижение на первое место, прежде всего, борьбу с невежеством, безграмотностью, грубостью нравов. В связи с этим, члены Общества устроили свою воскресную школу для взрослых, в которой велось преподавание рисования, бухгалтерии, географии. В одном из докладов Общества отмечалось: «в публичных чтениях стремимся открыть иной лучший мир, показать иные светлые горизонты мысли, стараемся, пользуясь всяким случаем, внушать любовь и сострадание к ближнему и неустанно будить потребность к самоусовершенствованию» [22, с. 236].

При Русском обществе охранения народного здравия (1878 г.) была создана специальная комиссия, которая занималась научным исследованием вопросов алкоголизма. Научные наработки комиссии получили свое отражение в издаваемых Обществом «Трудах», которые могут считаться «русской энциклопедией по вопросу об алкоголизме». Комиссией был составлен перечень мер для борьбы с народным пьянством, включавший 23 пункта. В нем отмечалось, к примеру: «1) поднятие экономического благосостояния трудящихся масс путем уменьшения налогового бремени, возможного удовлетворения земельной нужды, введения государственного страхования рабочих, нормировки рабочего дня, охраны женского и детского труда, содействия организациям профессиональным, кооперативным, взаимопомощи и т.п., 2) всемерное содействие улучшению гигиенической обстановки во всех отраслях крупного и мелкого производства, улучшение условий жилищных, питания, санитарных вообще среди трудящихся масс…, 5) обязательное ознакомление учащихся в низших, средних и высших мужских и женских школах с вредным влиянием спиртных напитков…, 8) содействие учреждению организаций для борьбы с пьянством (общества трезвости, братства трезвенников и т.п.) и отвлекающих от спиртных напитков (трезвые и разумные развлечения – спектакли, концерты, экскурсии, различные виды спорта, музыкальные кружки, певческие и т.п.), 13) запрещение продажи спиртных напитков всюду в воскресные и праздничные дни; ограничение времени торговли ими в остальные особенно предпраздничные дни (закрытие с 1 часа для праздничного, до 9 ч. утра послепраздничного дня), 14) запрещение спиртных напитков детям до 16 л. и пьяным, а равно преследование распития вина на улицах, около винных лавок…» [1, с. 29–30]. Кроме того, в целях эффективной работы в борьбе с алкоголизмом, Общество ратовало за привлечение общественной инициативы и самодеятельности.

Активную работу по борьбе с алкоголизмом проводили представители духовенства. Александро-Невским обществом трезвости организовывались крестные ходы трезвенников из столицы в Троице-Сергиеву пустынь (на берегу Финского залива в 20 верстах от Санкт-Петербурга) [17, с. 4]. При обители Св. Сергия в 1904 г. было открыто Сергиевское отделение Александро-Невского общества трезвости. По благословению Санкт-Петербургского митрополита Антония, 8 сентября 1908 г. вместо Сергиевского отделения Александро-Невского общества трезвости было создано общество «Первая Российская Сергиевская школа трезвости», которое ставило целью – «борьбу с алкоголизмом, распространение и укрепление среди населения начал трезвости… распространение идеи трезвости путем школы, в которой дети из семей пьяниц и нищих получали бы правильные, систематические понятия о многоразличном вреде порока пьянства, усваивали бы твердые начала нравственности…» [17, с. 4–5].

Обществом русских врачей в память И. И. Пирогова организовывались съезды – Пироговские съезды, на секциях которых рассматривались вопросы по проблеме алкоголизма. К примеру, на Восьмом Пироговском съезде, проходившем в Москве в 1902 г., поднимая проблему алкоголизма, приват-доцент В. В. Воробьева предложила проект схемы для регистрации различных форм и степеней алкоголизма и его последствий, отмечала степень вреда от алкоголя по трем показателям: вред для себя (болезни, полная неспособность к работе); по отношению к семье (разоряет семью, буйствует, бьет семейных, груб, сквернословен, развратен); по отношению к обществу (пьяный, уединяется, или ищет общества, преступность (судился или не судился), нравственные дефекты (лживость, попрошайничество, склонность к насилию, мелкие кражи и т.д.) [8, с. 42]. Доктор В. Ф. Велямович в докладе «Гипнотерапия, как единственный метод амбулаторного лечения алкоголизма, почти не уступающий по результатам специальным лечебницам для алкоголиков (Практические условия и обоснование метода)» отмечал, что «широкое применение гипнотерапии в амбулаториях земств и городов составляет единственный практически пригодный способ для лечения алкоголиков в условиях данного времени» [9, с. 26].

О проблеме алкоголизма и мерах борьбы с этой социальной язвой выступали, в том числе и в печати, учителя. Русский педагог, публицист И. И. Горбунов-Посадов отмечал: «алкоголизм ведет поистине к вырождению народных масс… Все возрастающие в своем огромном числе дети алкоголиков дают огромный процент пьяниц, чахоточных, рахитников, неврастеников, паралитиков, эпилептиков, психопатов, идиотов, безумцев, преступников и т.д. … Антиалкогольное просвещение учащихся должно стать одною из серьезнейших задач школы» [4, с. 4–7].

Исследуя проблему пьянства в Ставропольской губернии А. В. Архангельский отмечал, что в сельской местности пропивается последнее имущество. Кроме того, в Ставропольской губернии

были частыми случаи продажи крестьянских наделов собственниками в посторонние руки, торговцам за невысокую цену, а вырученные от продажи надельной земли деньги пропивались. По данным педагога Л. Я. Апостолова «в некоторых школах Ставропольской губернии из 60 учащихся в них – пьющих водку было 55, из коих 35 напивались допьяна, и только 5 не знали вкуса водки» [2, с. 12].

В «Ставропольских епархиальных ведомостях» в начале XX в. была опубликована статья протоиерея П. Рутневича «Надвигающееся зловещее бедствие», в которой отмечалось, что «только в 80-х гг. XIX в. начинаются заботы правительства об ограничении пьянства. Образование народа с каждым годом растет, а пьянство не только не прекращается, но усиливается. Наилучшим выражением борьбы с алкоголизмом могут служить братства и общества трезвости при станичных, городских церквах и монастырях» [21, с. 157].

В Ставропольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. из учреждений и обществ, занимавшихся, пропагандой здорового образа жизни, следует отметить Андреевско-Владимирское братство и Общество для содействия распространения народному образованию. В 1913 г. в г. Ставрополе был открыт Старофорштадский клуб трезвости. Развивающееся на одной из окраин Ставрополя пьянство и хулиганство побудило общественность к борьбе с этим отрицательным явлением через устройство спектаклей для населения, танцевальных вечеров для молодежи, чтению лекций о вреде алкоголя. Была достигнута договоренность организаторов клуба с местным комитетом грамотности о предоставлении лекторов, которые в воскресные дни проводили народные чтения. Предполагалось, что эти меры будут отвлекать население от «пагубных для нравственности и материального благосостояния привычек и занятий» [16, с. 3]. Только за второе полугодие 1913 г. состоялось 13 спектаклей, прочитано 13 лекций, проведено 16 танцевальных вечеров [16, с. 2]. Председатель совета клуба И. Масликов в отчете констатировал: «все лекции в клубе были бесплатными, спектакли от 45 до 15 коп., танцевальные вечера – 25 коп.» [16, с. 3]. Население с интересом отнеслось к мероприятиям, устраиваемым клубом, даже для детей, что можно подтвердить количеством посетивших литературное утро, проведенное в начале 1913 г., на котором присутствовало 350 детей [16, с. 3].

На Дону и Северном Кавказе в начале XX в. открывались различные общественные организации, ставившие целью борьбу с пьянством. На Кубани были открыты Екатеринодарское общество борьбы с пьянством (1907), Ливонское общество трезвости «Линда» (1908); на Дону – Бесилемяновское общество трезвости (1908), Власовское общество трезвости при руднике Е. Т. Парамонова хуторе Власово-Грушевском Новочеркасской станции (1910) и др.

В то же время, население Северного Кавказа не столь активно стремилось отказаться от потребления алкогольных напитков. В местных газетах помещались статьи как с призывами к борьбе с пьянством, так и о том, что это «бесполезное дело». К примеру, в газете «Казбек» за 1897 г. отмечалось, что «жители слободы Нальчик Терской области решили создать общество «трезвенников», поскольку слобода уже нуждается в подобном обществе, так как в ней пьют все – и старый и малый, и мужчины, и женщины» [10, с. 153]. Инициаторы учреждения общества собрались на одной из квартир для окончательной выработки устава. Один из членов учреждаемого общества предложил выпить в последний раз, а больше «в рот не брать этого зелья». «После первых трех-четырех рюмок «задушевная» беседа велась мирно, но затем некоторые члены начали проявлять буйные наклонности, а иные пришли в экстаз. И вот один из членов общества, подойдя к другому и со словами, которые он скорее проревел, чем пропел: «Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили», ударил товарища по голове два раза, что послужило сигналом для начала драки. Наутро члены общества «трезвенников» ходили с украшениями на лице в виде ссадин под глазами и кровоподтеков. На вопрос, почему не возникло общество «трезвенников» члены отвечали, что этому помешала водка…» [10, с. 153].

В газете Терские ведомости в 1901 г. один из жителей ст. Приближная отмечал: «В прошлом году население нашей станицы было страшно взволновано и перепугано тем, что местная интеллигенция затеяла устроить общество трезвости. Одни из жителей говорили, что настали «последние времена», другие – что, записавшись в это общество, надо отдать себя под власть «антихриста» и т.д. Нашлись 17 человек, которые желали вступить в общество, и хотя устав был учрежден, но деятельности общество не вело» [10, с. 153].

Далеко не во всех регионах Российской империи приветствовалось движение за народную трезвость. В «Северокавказской газете» за 1908 г. неизвестный горожанин поместил заметку о том, что, обосновавшись в г. Ставрополе и познакомившись с запросами и нуждами этого общества, он заинтересовался местным злободневным вопросом о борьбе с пьянством. Решив выяснить отношение к этой проблеме образованной части женского населения г. Ставрополя, он обратился к одной интеллигентной особе, которая на вопрос о том, состоит ли она членом нового союза женщин для борьбы с пьянством, ответила, что не состоит, и не думает, потому что, во-первых, не хочет выставлять свою фамилию на показ перед всеми, а, во-вторых думает, что из этого никогда ничего путного не выйдет и как пили люди водку, так и будут пить [20, с. 3]. Тем не менее, в той же газете было дано объявление о том, что в воскресенье 3 августа 1908 г. в Народном доме в 13 часов дня состоится собрание женщин по вопросам о мерах борьбы с пьянством.

В целях борьбы с алкоголизмом в России были открыты правительственные учреждения – Попе-

чительства о народной трезвости, нацеленные «на ограждение населения от злоупотребления крепкими напитками». Законом 20 декабря 1894 г. о попечительствах народной трезвости провозглашалось право вести широкую борьбу с пьянством. Как отмечает историк Л. Е. Оспищева, «вводились попечительства в концепции общей политики по отвлечению населения от пьянства как альтернатива «казенной продажи питей» [15, с. 76]. Правительством были изданы две части «Сборника циркуляров, распоряжений и разъяснений по учреждению попечительств о народной трезвости» (1902 г), в которых регламентировалась деятельность попечительств о народной трезвости. К 1911 г. в России было создано 791 попечительство с 16 тыс. членов [13, с. 216].

Попечительства о народной трезвости учреждались в каждой губернии. В сферу деятельности Попечительств о народной трезвости входили: надзор за доходом питейной торговли, распространение здорового образа жизни, содействие посторонним учреждениям, преследующим однородные с попечительством цели, учреждение лечебных приютов для страдающих запоем, организацию народных чтений, открытие чайных, народных читален.

Подчинялись попечительства Министерству финансов по Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей, которые выделяли на эти цели ежегодно более 2 млн руб. (по 50 000 на губернию). Хотя, зачастую, выделение средств попечительствам сокращалось. В частности, Ставропольскому губернскому комитету попечительства о народной трезвости от казны в среднем отпускалось 40 000 руб. [6, л. 7об.] Дополнительными источниками доходов попечительств были членские взносы, пожертвования и пособия, средства от работы открытых учреждений (чайных, столовых и ночлежных приютов), деньги, вырученные от проводимых мероприятий, театральных представлений и других развлечений.

Попечительные комитеты стали открываться в губерниях и областях России с 1900 г. Так, 17 июня 1900 г. был учрежден Ставропольский губернский комитет и 4 уездных комитета (Медвеженский, Благодаринский, Александровский, Прасковейский) [5, л. 45].

Как правило, во главе попечительств стояли высокопоставленные чины, в основном, главы губерний и областей. Так, председателем Ставропольского попечительства о народной трезвости был Ставропольский губернатор генерал-лейтенант Н. Е. Никифораки. В Ставропольский губернский комитет входили люди, занимавшие высокие государственные и общественные должности – И. Т. Горошко (ставропольский городской голова), П. П. Франтов (директор народных училищ), М. В. Краснов (директор женских гимназий), С. Н. Советов (губернский врач), священник В. Фиалкин, протоирей Д. Успенский (ключарь Ставропольского кафедрального собора) и др. В состав уездных комитетов входили учителя, врачи, ветеринарные врачи, чиновники, волостные старшины, писари.

Попечительства о народной трезвости работали по разработанной ими программе. При комитетах были учреждены должности участковых попечителей, которые курировали прикрепленные к ним районы.

В число участковых попечителей входили священнослужители, земские начальники, мировые и городские судьи, лица свободных профессий, учителя, офицеры, служащие общественных учреждений, крестьяне и казаки, занимающие общественные должности. Если в других регионах России попечительства о народной трезвости открывали учреждения для лечения больных алкоголизмом, то попечительства Дона и Северного Кавказа такие заведения не учреждали и лечением алкоголиков не занимались. Основной функцией Попечительств о народной трезвости в данном регионе было создание чайных и чайно-столовых, в которых продавали холодные закуски, горячие блюда, чай. В Ставропольской губернии к 1904 г. насчитывалось 29 чайных и чайно-столовых, которые посетило 365 556 человек [6, л. 4]. Во Владикавказе «Комитет попечительства о народной трезвости» открыл несколько народных чайных, дешевую столовую, где устраивались вечера, концерты, лекции и беседы общеобразовательного характера [11, с. 127]. По свидетельству исследовательницы повседневной жизни дореволюционного Владикавказа З. В. Кануковой, «такая деятельность пришлась по вкусу простым горожанам: в бесплатной чайной в феврале 1908 г. побывало более 200 чел., в августе – 5 920 человек, в июне 1909 г. – 7850 человек» [11, с. 127]. При попечительствах открывались библиотеки и читальни. Попечительства организовывали театральные представления, спектакли и, конечно, народные чтения.

В 1907 г., член III-й Государственной Думы от Самарской губернии М. Д. Челышов заявил о необходимости начать борьбу с пьянством законодательным путем, в поддержку этого предложения со всех концов России к нему направлялись обращения жителей страны. К примеру, 31 марта 1911 г. от жителей Архангельской губернии было получено письмо, в котором говорилось следующее: «мы, нижеподписавшиеся жители г. Архангельска, сознавая вред пьянства, доводящего многих до нищеты и потере человеческого достоинства и, видя пробелы в нашем законодательстве по пресечению пьянства, а равно беспрепятственное открытие казенных винных лавок по главным улицам и проспектам города с распитием вина тут же на улицах среди безобразного скопища пьяного народа, сим почтительно просим членов Государственной Думы закон о борьбе с пьянством в России, выработанный особою для того комиссиею, при третьем чтении такового в Государственной Думе – одобрить…» [19, с. 6]. 1 января 2016 г. Международная Академия трезвости учредила Орден М. Д. Челышова, которым «награждаются граждане мирового сообщества

за особое, деятельное участие в становление трезвого образа жизни, за героический вклад в борьбу с наркобизнесом и другими вредными явлениями, разрушающими физическое и духовное здоровье человека общества. Этого ордена могут быть удостоены лица, проявившие личное мужество в борьбе с производством и распространение табака, алкоголя и других наркотиков» [18].

В статье профессора М. Д. Карпачева, исследовавшего процесс движения за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в., говорится о том, что «отучить людей от привычной выпивки оказалось непросто» [19, с. 89]. Даже когда Николай II 18 июля 1914 г. издал указ о запрете продажи спиртных напитков в местностях, объявленных на военном положении, то уже в начале осени 1914 г. воронежский полицмейстер докладывал губернатору: «После полного запрещения питейной торговли привычные алкоголики стали прибегать к различным суррогатам крепких напитков – одеколону. Самая популярная в городе аптека Мюфке выпустила особый одеколон под названием «экономический». За месяц аптека Мюфке продала 42 ведра одеколона» [19, с. 89–90].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, насколько сильна алкогольная зависимость, насколько серьезна и сложна проблема борьбы с пьянством. Анализ деятельности передовой общественности, общественных организаций, братств, развернувших движение за народную трезвость, позволяет заключить, что несмотря на активную пропаганду ими здорового образа жизни, устройство народных домов, чайных, чайно-читален, библиотек, организацию народных чтений, выступлений в печати с призывами о пагубном влиянии пьянства, благонамеренные планы передовой общественности разбивались о реальную действительность традиционного бытового порока – пьянства. Низкий уровень жизни, малограмотность населения, усталость от полевых работ и тяжелого труда на предприятиях, наличие большого числа питейных заведений и винных лавок способствовали потреблению крепких напитков. Тем не менее, работа, проделанная организованной общественностью России и южного региона, не может остаться незамеченной, поскольку именно усилиями социально активных граждан были разработаны и заложены основные методы работы по борьбе с повальной алкоголизацией населения, что, в той или иной степени, способствовало снижению уровня потребления спиртных напитков в стране.

Источники и литература

1. Алкоголизм и борьба с ним. Особое приложение к «Трудам» Комиссии, издаваемым под редакцией Н. М. Нижегородцева. Вып. 1. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1909. 69 с.

2. Архангельский А. В. Пьянство в Ставропольской губернии. (Статистический очерк). Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. 29 с.

3. Грановский Л. Б. Общественное здравоохранение и капитализм. Туберкулез, алкоголизм, венеризм, нервность и условия борьбы с ними. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1907. 62 с.

4. Горбунов-Посадов И. И. К русским учителям начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа в борьбе с народным пьянством. М.: Б.и., 1912 г. 89 с.

5. Государственный архив Ставропольского края. (далее – ГАСК). Ф.244. Оп. 1. Д. 9.

6. ГАСК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 26.

7. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 443 с.

8. Восьмой Пироговский съезд. Москва. 3–10 января 1902 г. Выпуск первый. ноябрь 1901 г. М. Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1901. 283 с.

9. Восьмой Пироговский съезд. Москва. 3–10 января 1902 г. Выпуск второй. Декабрь 1901 г. М. Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1901. 283 с.

10. Живая старина. 1993. №3.

11. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование: Монография; Северо-Осетинский ин-т и соц. исслед. им. В. И. Абаева. Изд-е 3-е. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2008. 288 с.

12. Карпачев М. Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. №9. С. 85–96.

13. Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиции в России. М: АСТ: ЛЮКС., 2005. 382 с.

14. Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты). М.: Медицина, 1978. 232 с.

15. Оспищева Л. Е. История благотворительных организаций Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2003. 256 с.

16. Отчет Старофорштадского клуба трезвости за 2-е полугодие 1913 г. Ставрополь, [1914 г.]. 3 с.

17. Первые шаги воспитательной борьбы с пьянством в России. СПб.: Типография «Промышленность», 1909. 15 с.

18. Положение о награждении Орденом М. Д. Челышова: Международная Академия Трезвости URL: http://www.intacso.ru/nagrady-akademii/polozhenie-o-nagrazhdenii-ordenom-m-d-chelyshova/ (Дата обращения: 21.11.2019).

19. Пощадите Россию! Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Издание члена Государственной Думы М. Д. Челышова. Самара. Типо-литография З. Л. Гордон и К, 1911. 232 с.

20. Северокавказская газета. 1908. №173.

21. Ставропольские епархиальные ведомости. 1913. №5.

22. Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков / под ред. М. Н. Нижегородцева. Журналы заседаний и доклады. Вып. IV. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1900. 414 с.

References

1. Alkogolizm i bor'ba s nim. *(Alcoholism and fight against it)*. St.Petersburg: P.P. Sojkin's Printing House, 1909. 69 p. (In Russian)
2. Arhangel'skij A. V. P'janstvo v Stavropol'skoj gubernii. (Statisticheskij ocherk). *(Drinking in Stavropol province. (Statistical essay)* Stavropol': Printing house of the provincial government, 1910. 29 p. (In Russian)
3. Granovskij L. B. Obshhestvennoe zdravoohranenie i kapitalizm. *(Public health and capitalism)*. Tuberkulez, alkogolizm, venerizm, nervnost' i uslovija bor'by s nimi. Moscow: "Pechatnja S.P. Jakovleva" publ., 1907. 62 p. (In Russian)
4. Gorbunov-Posadov I. I. K russkim uchiteljam nachal'noj, srednej i vysshej shkoly. Uchitel' i shkola v bor'be s narodnym p'janstvom. *(To Russian teachers of primary, secondary and higher school. Teacher and school in the fight against popular drinking)*. Moscow, 1912. 89 p. (In Russian)
5. State Archive of Stavropol region (GASK). F. 244. Inv. 1. D. 9. (In Russian)
6. GASK. F. 244. Inv. 1. D. 26. (In Russian)
7. Vlasov P. V. Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii. *(Charity and mercy in Russia).* Moscow: Centrpoligaf publ., 2001. 443 p. (In Russian)
8. Vos'moj Pirogovskij s#ezd. *(The eighth Pirogovsky congress)*. January 3–10, 1902. 1901. Issue 1. Moscow: «Pechatnja S. P. Jakovleva», 1901. 283 p. (In Russian)
9. Vos'moj Pirogovskij s#ezd *(The eighth Pirogovsky congress)*. January 3–10, 1902. 1901. Issue 2. Moscow: «Pechatnja S.P. Jakovleva», 1901. 283 p. (In Russian)
10. Zhivaja starina. 1993. No. 3. (In Russian)
11. Kanukova Z. V. Staryj Vladikavkaz. Istoriko-jetnologicheskoe issledovanie *(Old Vladikavkaz. Historical and ethnological research)*. Vladikavkaz: SOIGSI publ., 2008. 288 p. (In Russian)
12. Karpachev M. D. Dvizhenie za narodnuju trezvost' v Voronezhskoj gubernii v nachale XX v. *(Movement for popular sobriety in the Voronezh province at the beginning of the XX century)* // Voprosy istorii. 2010. No. 9. P. 85–96. (In Russian)
13. Kurukin I. V., Nikulina E. A. «Gosudarevo kabackoe delo». Ocherki pitejnoj politiki i tradicii v Rossii *(«Govisarevo kabak case.» Essays of drinking policy and traditions in Russia).* Moscow: AST: LJuKS. Publ., 2005. 382 p. (In Russian)
14. Lisicyn Ju. P., Kopyt N. Ja. Alkogolizm (social'no-gigienicheskie aspekty) *(Alcoholism (socio-hygienic aspects).* Moscow: Medicina publ., 1978. 232 p. (In Russian)
15. Ospishheva L.E. Istorija blagotvoritel'nyh organizacij Kubani (konec XIX – nachalo XX veka): opyt izuchenija *(History of Kubani charities (late 19th and early 20th century): experience of learning).* Majkop: Adygeja publ., 2003. 256 p. (In Russian).
16. Otchet Staroforshtadskogo kluba trezvosti za 2-e polugodie 1913 g. *(The report of Staroforshtadsky club of sobriety for the 2nd half-year 1913).* Stavropol', [1914 g.]. 3 p. (In Russian)
17. Pervye shagi vospitatel'noj bor'by s p'janstvom v Rossii *(First steps of educational fight against drinking in Russia)*. St.Petersburg: Printing House "Promyshlennost'", 1909. 15 p. (In Russian)
18. Polozhenie o nagrazhdenii Ordenom M. D. Chelyshova *(Regulation on awarding the Order of M. D. Chelyshov):* Mezhdunarodnaja Akademija Trezvosti URL: http://www.intacso.ru/nagrady-akademii/polozhenie-o-nagrazhdenii-ordenom-m-d-chelyshova/ (Accessed: 21.11.2019). (In Russian)
19. Poshhadite Rossiju! Pravda o kabake, vyskazannaja samim narodom po povodu zakona o merah bor'by s p'janstvom. Izdanie chlena Gosudarstvennoj Dumy M. D. Chelyshova *(Spare Russia! The truth about kabak, expressed by the people themselves about the law on measures to combat drinking. Publication of the member of the State Duma M. D. Chelyshov)*. Samara. Z. L. Gordon and Co publ., 1911. 232 p. (In Russian)
20. Severokavkazskaja gazeta. 1908. No. 173. (In Russian)
21. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti. 1913. No. 5. (In Russian)
22. Trudy komissii po voprosu ob alkogolizme, merah bor'by s nim i dlja vyrabotki normal'nogo ustava zavedenij dlja alkogolikov *(Works of the Commission on Alcoholism, Measures to Combat It and to Develop a Normal Statute of Institutions for Alcoholism)* / ed by M. N. Nizhegorodcev. Zhurnaly zasedanij i doklady. Issue. IV. St.Petersburg: P.P. Sojkin's Printing House, 1900. 414 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / luybyshkina@rambler.ru

Information about the author

Lyubushkina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian history, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / luybyshkina@rambler.ru

УДК 94(47).066

С. И. Маловичко

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ОЧЕРКОВОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И И. П. ЕЛАГИНА[1]

В предметном поле источниковедения историографии изучается в вопрос о конструировании национального прошлого в очерковой практике историописания, которую осуществили императрица Екатерина II («Записки касательно российской истории») и известный екатерининский вельможа и масон И. П. Елагин («Опыт повествования о России»).

Автор статьи впервые актуализирует проблему классификации историографических источников второй половины XVIII в., в частности, такого их вида как очерк. Его подвидами, по мнению автора, следует считать «записки» и «опыт». Решая исследовательскую задачу, автор выявил основные черты, свойственные таким формам историописания, как «записки» и «опыт» в западноевропейской и российской историографии. Дана характеристики «Записок касательно российской истории», которые по мнению автора имеют видовые черты большой национальной истории и учебной книги по национальной истории. Однако присутствующее в самоназвании слово «записки» и рефлексия автора о цели историописания позволяют отнести его к виду очерков.

Из девяти частей «Опыта повествования о России» в 1803 г. была издана только первая часть. С остальными частями автор этой статьи знакомился в рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Есть основание считать, что Елагин использовал форму «опыта» для испытания своей оригинальной модели русской истории.

Учитывая формат научной статьи, автор проанализировал один сюжет (киевское событие 1068 г.) из произведений Екатерины II и И. П. Елагина (по рукописи РНБ). Для более корректного проведения анализа были использованы древнерусские летописи (изданные в XVIII в.) и привлечены тексты российских историков XVIII в. В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. В результате проведенного анализа были выявлены черты социально ориентированного типа историописания, отличающегося от научного и черты присущие очерковой форме исторической наррации.

Ключевые слова: источниковедение историографии, очерковая форма наррации, опыт, записки, социально ориентированное историописание, Екатерина II, И. П. Елагин.

S. Malovichko

DESIGNING THE NATIONAL PAST IN THE ESSAYISTIC PRACTICE OF THE HISTORY WRITING OF CATHERINE THE GREAT AND I. P. ELAGIN

Within the subject field of source study of historiography the author studies the question of constructing the national past in the essayistic practice of historiography, which was carried out by Empress Catherine the Great (Notes on Russian History) and the famous Catherine nobleman and mason Ivan Elagin (Essay of the narration about Russia). The studyactualizes the problem of classifying historiographical sources of the second half of the 18th century, in particular of their kind as an essay (“ocherk” – in rus., Abriß”/“Umriß” – in germ.). According to the author, his notes should be considered “notes” and “essay” investigative task, the author points to the main features inherent in such forms of historiography as “notes” and “essay” in West European and Russian historiography. The characteristics of “Notes on Russian history” are given, which, according to the author, have specific features of a big national history and educational book on national history, however, the word “notes” present in the self-name and the author’s reflection on the purpose of historical writing allow him to be classified as essays.

From nine parts of “Essay of the narration about Russia” in 1803 only the first part was published. The author got acquainted with other parts in the manuscript which is stored in the Department of manuscripts of National Library of Russia (St. Petersburg). There is basis to consider that I. Elagin used a form of “essay” for test of the original model of the Russian history.

Considering a format of the scientific article, the author analyzed one plot (the Kiev event of 1068) from Catherine the Great and I. Elagin’s works (according to the manuscript). For more correct carrying out the analysis the Old Russian chronicles (published in the 18th century) were used and texts of the Russian historians of the 18th century Vasiliy Tatishchev and Mickail Shcherbatov are attracted. As a result of the analysis, features of a socially oriented type of historical writing that differing from scientific and lines inherent in a historical narration in the form of the essay were revealed.

Key words: source study of historiography, narration in the form of an ocherk/abriß (essay), essay, notes, socially oriented historical writing, Catherine the Great, I. P. Elagin.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

В XVIII веке в России, как и во всей Европе начинает формироваться современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XXI вв. В это время в российской историографии появился широкий спектр произведений по национальной истории, написанных историками, писателями, чиновниками, учителями, священниками, близкими к трону аристократами, императрицей и т.д. Современные исследователи, изучающие историографию, следуют по давно намеченному пути расширения и уточнения социокультурных факторов историописания, выявления и структурирования тематической специфики исторических произведений. Чаще всего историография изучается посредством канонических фигур, писавших о национальной истории авторов или с точки зрения их вклада в формирующийся национальный исторический мастер-нарратив. Например, Н. Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (следует учитывать, что это учебное пособие), писал, что в историографии XVIII в. нужно выделять, в первую очередь, В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова. У остальных «попытки исторического повествования переходят в чисто литературные упражнения. Их авторы – журналисты <…>, любители <…>, но не ученые, и их труды лишены научного значения» [21, с. 92].

В структуре исторического знания России в XVIII веке появляются общие для Европы формы организации исторических нарраций, в которых авторы презентировали те или вопросы национальной истории: *большие (полные) национальные истории, учебные книги по национальной истории, научные статьи, [исторические] описания, материалы историографических дискуссий, а также опыты, начертания, [исторические] записки*. В указанных формах исторических нарраций историописатели презентировали как научный, так и социально ориентированный типы исторического знания. Классическая европейская модель исторической науки еще только начинала складываться (ее расцвет придется на XIX столетие). Но уже с середины XVIII в., по замечанию П. Бёрка, кризис европейского исторического сознания, начавшийся с конца XVII в., закончился и научное историческое сознание начинает задает новые правила осуществления исторических исследований [27, p. 265, 275]. Вместе с профессионализацией исторического знания, начиная с XVIII в., историография с одной стороны начала борьбу с социально мотивированным «ложным» истолкованием прошлого, с другой стороны, она стала (и это вполне объективный процесс) отрываться от общественного исторического сознания.

Каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения авторов исторических произведений функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историописателями при написании больших (полных) национальных историй, исторических очерков, учебных книг по истории и т.д., не могли быть одинаковыми.

В данной статье я ставлю задачу проанализировать в контексте европейской исторической культуры XVIII в. очерковую практику в произведениях, которые были презентированы авторами как *«записки»* и *«опыт»*: «Записки касательно российской истории» Екатерины II (1729–1796); «Опыт повествования о России» И. П. Елагина (1725–1794). Для решения задачи я последовательно 1) укажу основные черты, свойственные таким разновидностям *очерка*, как *записки* и *опыт*, 2) дам характеристику произведений Екатерины II и И. П. Елагина, 3) проведу анализ одного из сюжетов их исторических нарраций для выявления черт, свойственных очерку, как виду историографических источников.

В моем исследовании базовыми являются *историографические источники*, но для анализа практик историописания указанных авторов, я привлекаю исторические источники – летописи, изданные во второй половине XVIII в. (о которых они знали или могли ими пользоваться).

В российской культуре во второй половине XVIII в. стали появляться произведения, которые в своем названии имели слово *«записки»*. Среди исторических произведений – это в первую очередь, упомянутое выше – издание Екатерины II «Записки касательно российской истории» в шести частях, предназначенные автором для молодого читателя [4]. С одной стороны, «Записки» Екатерины II имеют признаки большой (полной) национальной истории и учебной книги по национальной истории (книги для чтения), но, с другой стороны, присутствующее в названии слово «записки» делает это историческое произведение близким по своей форме к опытам (очеркам). Эту близость демонстрируют некоторые черты, вообще присущие запискам / заметкам.

Авторы записок / заметок не всегда, но рефлексируют выбранную форму презентации материала для читателя. Немецкий автор А. Ф. фон Нольде в своих «Notizen» сообщил о наличии определенной неполноты при раскрытии сюжетов, фрагментарности изложения материала [31, s. XVI]. Философ и будущий президент США Т. Джефферсон в «Notes on the State of Virginia» предупредил читателя об особой композиции рассматриваемых сюжетов, их несовершенстве из-за недостатка информации [30, p. 3 (ненумер.)]. В интеллектуальном пространстве Российской империи близкую рефлексию о своих «Записках» для читателя дал украинский историописатель Я. М. Маркович, заключивший: «Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опыт трудов моих был без всяких погрешностей и недостатков» [13, с. 5–8 (ненумер)]. Таким образом, исторические записки обладают соответствующими форме ограниченностью источниковой базы, композиционной дробностью (из записок), декларируемой незавершенностью проведенного исследования, изложением от первого лица. Указанные черты присущи очерковой форме историописания, которая станет наиболее распространенной в XIX в.

Как уже приходилось писать [12, с. 343–344], происхождение «опыта» как вида наррации в европейской культуре следует связать с «Опытами» (“Les Essays”, 1580) М. де Монтеня и «Опытами, или Наставлениями нравственными и политическими» (“Essays, or Counsels Civil and Moral”, 1597) Ф. Бэкона. В первых «опытах» появились черты, которые станут маркирующими для авторов, пожелавших позиционировать свое знание в подобном виде произведения и узнаваемые читателем: наличие своей (авторской) субъективности – собственного *«испытания»* выбранных вопросов [17, кн. 2, с. 7], а также краткость, популярность и недостаточность нарративной отделки [2, т. 2, с. 352]. Такие черты будут присущи эссеистике. В XIX в. В. И. Даль в «Толковом словаре», дал «опыту» очень емкое определение: «Опытом многие писатели называли сочинения свои, не признавая их полными, оконченными» [3, т. II, с. 711].

Переводчики «Опытов» Бэкона на русский язык, как само собой разумеющееся, в качестве синонима «опытам» предложили слово «очерки» [2, с.352]. В принципе, это уже превратилось в один из топосов российской письменной культуры. Мы с М. Ф. Румянцевой считаем, что «опыт» можно рассматривать как разновидность такого вида историописания, как «очерк» [12, с. 344].

В XVIII в. вид наррации под названием «опыт» становится и одним из видов историописания. В частности, формой («Essay») для организации исторического материала воспользовался Ф.-М. А. Вольтер при написании «Опыта по всеобщей истории и о нравах и духе народов от времен Карла Великого и до наших дней» [32]. Выбор мыслителем такого вида историописания был совершенно не случайным, он старался представить собственное *испытание*, сформулировав заново ее мировой характер истории.

Мысли, обращенные к читателю, о форме, выбранной наррации, можно найти в «Опыте» (нем. «Versuch») немецкого автора И. Г. Дрюмеля. Исследователь указывал, что по разбираемому вопросу постарался противопоставить истину заблуждениям [28, s. 5 (ненумер.)]. В британской историко-политической литературе одним из известнейших трудов, выполненным в этом виде наррации («Essay») стал «Опыт истории гражданского общества» [29] шотландского просветителя А. Фергюсона.

Авторы XVIII в. объясняли выбор такой формы организации исторического материала рядом причин. П. И. Рычков отмечал, что это первая попытка связно расположить материал о выбранном для исследования объекте (Казанская земля), который «не имеет еще обстоятельной своей истории» [23, с. 5–11 (ненумер.)]. Н. И. Новиков также отметил эту черту: «трудно в первый раз издавать такого рода сочинения» и перечислил некоторые связанные с этой трудностью «погрешности». В итоге, для разбирающегося в формах наррации читателя, автор заключил: «сие то принудило меня в заглавии сея книги написать Опыт исторического словаря о российских писателях» [18, с. 10–11 (ненумер.)]. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать» [24, с. V].

Предпринявший первую попытку (для начала 60-х гг. XVIII в.) рассмотрения истории России новейшего времени (а по сути – истории Смутного времени) Г. Ф. Миллер – прекрасно понимал, что такая история еще и (мягко говоря) не совсем подходящая для приучаемого, в первую очередь стараниями М. В. Ломоносова, к триумфальному прошлому сознания россиян. В журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (январь, февраль, март 1761 г.) он начал публикацию «Опыта новейшей истории о России». Читателю академического журнала, историк объяснил, что, взявшись «описать новейшую Историю о России <…>, охотно признаюсь, что *сие не такое время, которое великолепно представляется мыслям нашим, или которого память достойно бы было выхвалить потомству* [выделено мной – *С.М.*]» [15, с. 158]. Г. Ф. Миллер заключил свое объяснение читателю важной для выбранной формы историописания (опыт) фразой: «Теперь я должен ожидать, какую *апробацию* [выделено мной – *С.М.*] иметь будут мои труды…» [15, с. 163]. «Апробацию» пришлось ждать не долго, вмешательство М. В. Ломоносова остановило дальнейшую публикацию «Опыта» Г. Ф. Миллера.

Самым важным признаком, отличающим социально ориентированное историописание от научного, является целеполагание. Социально ориентированная история – это строительство идентичности. Например, М. В. Ломоносов ставил целью «соблюсти похвальных дел должную славу» [8, с. 3–4], поэтому, воспоминание или забвение тех или иных страниц прошлого у него подчинялось формуле «не предосудительно ли славе российского народа будет» [9, с. 41]. Научная практика историописания требовала иного, – стремления к истине. Так, Г. Ф. Миллер отмечал: «Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех <…> приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает» [14, с. 121]. Научную цель перед исследованием ставил и М. М. Щербатов, когда отмечал, что он старается не вступать «ни в какие неподлинные системы» и стремится к «беспристрастному повествованию» [26, т. 1, с. IV].

Екатерина II перед своим трудом поставила сугубо практические цели. Исследование она посвятила подрастающему поколению, которому следовало читать «правильные» истории, написав: «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными…». При этом, в качестве основной функции истории она указала на ее дидактическое значение – «она

учит добро творить и от дурного остерегаться» [4, ч. 1, с. I, 1].

Работа с источниками (документальная фаза исторического исследования) у Екатерины II не обязательно предшествовала объяснению того или иного сюжета (что будет заметно по приведенному ниже примеру) Екатерина II не указывала источники, использовавшиеся при написании произведения. Если для Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова «буква» исторического источника (чаще всего) имела приоритет над общей схемой объяснения, то для императрицы, наоборот, смысл заключался в нарративизации своей объяснительной схемы. В ее модели историописания объяснение превалировало над сообщениями исторических источников.

На мой взгляд, работу Екатерины II и И. П. Елагина как историописателей можно рассмотреть на примере конструирования ими события 1068 г. в Киеве (это не самый лучший пример, но наиболее компактный для данного формата статьи). Для анализа практики историописания я привлекаю сообщения летописей об указанном событии (которыми пользовались и/или могли пользоваться авторы) и их интерпретацию другими исследователями XVIII в.

В изданной в 1767 г. Никоновской летописи сообщается о том, что в 1068 г. после поражения от половцев братья Ярославичи вернулись домой, «Изеславуже со Всеволодомъ прибегшу к Киеву, а Святославу к Чернигову, и сотвориша вече на торговище, ї рѣша людї Киевстиї ко князю: «се Половцы разсыпались по земли вsагонехъ; дай намъ, Княже, оружие и кони, еще биемся сними» [22, ч. 1, с. 157]. В изданной в том же 1767 г. Радзивиловской летописи (издана под названием Кенигсбергской) сообщается об этом событии немного иначе: «людїе Кїевстїи прибѣгоша къ Кїеву, и створиша вече на торговищѣ» и.д. [7, с. 118]. В обоих случаях древнерусские книжники указали, что киевляне собрались на вече, которое народ устроил в торговой части города.

Если обратиться к микроструктуре произведения императрицы, состоящего из «записок», то нужный нам сюжет помещен в «записку» №29. «Великий князь Изяслав I. Во святом крещении Дмитрий». Екатерина II поведала этот сюжет иначе. Коалицию князей разгромили половцы. «Киевские же войски прибегли в растройстве в Киев, – писала она, – начали роптать и, согласясь между собою, послали к великому князю сказать тако: «Ныне половцы разсеялись по земле и делают разорение, просим, чтоб нам даны были оружие и кони, которые естьли получим, можем оборонить-ся» [4, с. 209–210].

Можно сразу заметить, что в приведённых словах Екатерины II отсутствует упоминание о вече, но, кроме того, в отличие от слов летописца, у неё действуют не «люди киевстїи», а «войски». Кто это такие? Так как императрица выборочно пользовалась «Историей» В. Н. Татищева, необходимо посмотреть, как там описывается это событие: «Киевляне же прибегши в Киев учинили обсченародный совет на торговище, и согласясь, послали ко князьям и объявить тако…» (то есть, у него близко к тексту Радзивиловской летописи). У В. Н. Татищева есть упоминание о народе: «начали народ роптать», – но слово «войски», у Татищева мы не найдем [25, кн. 2, с. 120].

Маловероятно, что под этим словом Екатерина подразумевала дружины Изяслава и Всеволода, т.к. вслед за В. Н. Татищевым императрица назвала дружину «вельможами». В. Н. Татищев отличал «народ» киевский от «вельмож». Последние делали всё возможное, чтобы спасти ситуацию в Киеве в пользу своего князя Изяслава [25, кн. 2, с. 120–121]. У него мы обнаруживаем «вельмож» там, где в летописи значатся «дружинники», например, в Никоновской летописи читаем: «… и дружине стоящи у князя» [22, ч. 1, с. 158]. Екатерина II, следуя за историком, также указала, на князя, «стоящего с вельможи» [4, с. 158]. Значит «вельможи» у императрицы, как и у В. Н. Татищева, это дружинники. Однако ситуацию с «войски» это полностью не объясняет.

В «Истории Российской» кн. М. М. Щербатова можно найти указание на то, что киевское событие 1068 г. начали именно «войска». Историк интерпретировал летописное «людїе Кїевстїи прибѣгоша къ Кїеву», вполне логично – что это была часть киевлян, т.к. весть город не мог ходить в поход на половцев. Он писал, что после поражения пришедшие «же *войска* [выделено мной – *С.М.*] в Киев учинили собрание между собой» [26, с. 12], т.е. – не указал, как летописец, что «кияне» – (весь город) собрались на совет (вече).

Однако не следует думать, что, создавая образ этого события, Екатерина II полагалась только на тексты В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Нет, ведь далее у кн. Щербатова написано: «…Тогда *народ* [здесь и далее выделено мной – *С.М.*], возлагая всю вину на воеводу Косняча… пошел с яростию на двор его, но нешедши его в доме, половина *народу* на двор Княжеский устремилась» и призвали на княжение освобожденного из темницы Всеслава [26, с. 12–13]. В приведённых историком словах уже нет слова «войска», теперь действует «народ», также как в летописях.

Екатерина II поместила щербатовские «войска», как в начало, так и в ход дальнейших событий. Она давала понять, что «войски», а не «народ» были недовольны поражением, «безпорядочным предводительством» и в этом обвиняли княжеского воеводу Коснячко. Более того, именно этот мотив императрица усиливает в том месте, когда, по её словам, «войски», а не народ» оказались рядом со злополучным «порубом», где содержался полоцкий князь. Недовольные «стали у двора, где содержался в заточении князь Всеслав Полоцкий <…> и начаша некоторые поговаривать и посоветовать, чтоб содержащегося князя Всеслава освободить и, его яко искуснаго в воинстве начальника, противу неприятелей [половцев] отправить» [4, с. 210]. Значит, приведённым императрицей «войскам» нужен был полководец.

Остаётся только одна версия: загадочные «войски» – это незначительная часть горожан, они не

собирались изгонять своего князя и на его место ставить другого. Им нужен был не князь, а «храбрый воин» – полководец. Такими «войсками», как и в тексте М. М. Щербатова, могло быть только народное ополчение – *вои*. Екатерина II отошла и от татищевского, и от щербатовского текста, так как в первом – нарисована картина всеобщего выступления горожан, а во втором – указано, что начало событиям было положено воями, а затем к ним присоединился весь город. Императрица не привела и татищевских эпитетов, данных той категории киевлян, которые хотели избавиться от Изяслава (В. Н. Татищев их назвал «подлыми», и «возмутителями» [24, с. 120]). Екатерине II незачем было так называть горожан, так как, по её гипотезе, никто Изяслава изгонять не собирался, он ушёл из Киева «поверя слабым» – части своих неразумных «вельмож» (дружинников) [4, с. 211]. Если В. Н. Татищев писал, что Изяслав «побежал из Киева» [25, с. 121], а кн. Щербатов отметил, что тот «изгнан из Киева» [26, с. 14], то Екатерина II не допуская по отношению к верховной власти позорящих ее выражений, пояснила, что Изяслав «вышел из Киева <…> поехал в Польшу» [4, с. 211].

Екатерина II не признала никакого вече в Киеве, так как всё замешательство произошло по причине недовольства воев своим поражением и поисками храброго полководца, а таким был полоцкий князь. Выбранная императрицей модель «разумного прошлого» в «Записках» заняла высшее место в иерархии правил оформления письма истории. Именно она являлась тем фактором, который способствовал выбору направленности описания российских социальных-политических практик. Целью Екатерины было не желание приблизиться к истине, чего можно было достичь посредством соблюдения правил, вырабатываемых зарождающейся классической европейской моделью историографии, а «реализация» своей идеи в прошлом, трансляция посредством формы «записок» этой идеи российскому читателю для формирования в его сознании «правильного» отношения к прошлому и существующей (разумной) власти. Считаю важным, отметить еще тот факт, что четвертая часть произведения императрицы имеет другое самоназвание – «*Опыт* (выделено мной – *С.М.*). Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224» [4].

Екатерининский вельможа и известный масон И. П. Елагин выбрал для конструирования российской истории как-раз-таки форму *опыта*. Первоначально, он, как и Г. Ф. Миллер (своим «Опытом новейшей истории») намеревался продолжить «Историю» В. Н. Татищева (Елагин знал его опубликованный вариант «Истории» в 4 кн. до 1462 г.), и с 1788 г. начал писать «Опыт повествования о государях российских, о их царствованиях, от великого князя Иоанна Васильевича третьего всея России самодержца», доведя повествование до 1564 г. [см.: 20] Но затем, решил создать новую историческую наррацию – опять в форме опыта, однако уже с древнейших времен (первоначальное название: «Опыт любомудрого и политического повествования о России [см.: 20, 1]) до Ивана III. Таким образом, к своей кончине в 1794 г. он написал 9 частей «Опыта», а посмертно в 1803 была издана (его другом А. И. Мусиным-Пушкиным) лишь первая часть под авторским названием «Опыт повествования о России». В 1819 г. некоторые сановники (в том числе министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын) выступили с инициативой продолжить издание «Опыта» И. П. Елагина, но – по сути – отрицательный отзыв Н. М. Карамзина (к этому времени издавшему первые 8 томов своей «Истории государства российского») не позволил этот план реализовать [15, с. 104–109].

В начале своего «Опыта» в коротком «Приношении премудрости» («божественной Софии»), И. П. Елагин заметил, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит можно «занять пользою праздное их время» [5, с. 4 (ненумер.)]. А в пространном «Преуведомлении читателю», автор пояснил, что ранее историки, восхваляя государей составляли «жития героев наших» и ввели их «во храм незабвенной памяти». Но его история отличается от других, тем, что в ней можно не найти геройские описания государей («славные описания Государей») и небрежное описание народа («народа небрежением»). Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого» [5, с. VII]. В конце «Преуведомления» он уже в извинительной форме снова актуализирует эту мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших государей, которых по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость инако их описует» [5, с. LVI]. Елагин решил *испытать* новую модель истории строительства России, вот почему, выбрал форму исторической наррации в форме опыта.

И. П. Елагин, в отличие от императрицы, указал основные источники, которыми пользовался при конструировании киевского события 1068 г.: «летопись Нестора» (Радзивиловская летопись) и Никоновская летопись (строгих правил он не придерживался поэтому, к указанным летописям добавил – «и прочие»). Описание события 1068 г. историописатель начал с изложения поражения коалиции князей во главе с Изяславом от половцев в битве при Альте, привел свои причины поражения, после чего написал: «Прибегшие с великим князем киевляне учинили немедленно общенародное на торговой площади собрание, и согласились храбро против победителей обороняться, послали от всего народа объявить великому князю», просить оружие и коней, но Изяслав «робостью духа пораженный, прошению народному отказал» [20, 1, с. 63–64]. Как можно заметить, И. П. Елагин следовал сообщению Радзи-

виловской летописи, незначительно ее дополняя и корректируя, например: вместо «людие Киевстии» он написал «киевляне».

Как М. М. Щербатов и императрица, И. П. Елагин не стал указывать слово «вече», а употребил иное – [«общенародное»] «собрание» [20, 1, с. 64]. Солидаризируясь с В. Н. Татищевым, он оказался ближе к сообщениям летописей, т.к. показал, что весь народ с самого начала принял участие в событии. Кроме того, он оказался единственным среди приведенных историописателей, кто постарался по-своему интерпретировать фразу летописца «начаша прѣтися» (спорить) [22, с. 158]. И. П. Елагина от себя пояснил, чем укоряли своего князя киевляне: «небрежением долга государского, в нерачительном Отечества защищении» [20, 1, с. 65]. Тем самым историописатель, не только прибавил своё видение к сообщению летописца, но – и это самое важное – посчитал, что народ имел право нерадивому князю такое сказать.

Употребив слово «вельможи» («увидя великого князя на сенях, вельможами окруженного» [20, 1, с. 65]), И. П. Елагин не желая того проговорился, что конструируемое им событие 1068 г. сверял не только с летописями (на которые дал указание на полях рукописи), но и с «Историей» В. Н. Татищева или «Записками» Екатерины II. Риторика, присутствующая в тесте И. П. Елагина, однозначно демонстрирует восприятие историописателем незаконности учиненного «чернью» изгнания великого князя с престола. Он писал: «Яростен в начале волнования своего народ и всегда ищет кровью погасить <…> воспаленные чувства» или «народ <…> предался злоумышлению» и т.д. [20, 1, с. 64–65] В отличие от больших национальных историй В. Н. Татищева и М. М. Щербатова текст И. П. Елагина в большей степени изобиловал риторикой и выдуманными речами. Например, вернувшиеся в Киев после поражения от половцев горожане, кричали: «Мы хотим стать против супостатов; и бог поможет нам» или не найдя воеводу, «возопил народ “убьем злодея”» [20, 1, с.64].

В «Опыте» И. П. Елагина присутствуют и иные существенные отличия в объяснении киевского события 1068 г. Никто из предшествующих историописателей не связывал причину бегства Изяслава из Киева с его княжеским «нерадением». И. П. Елагин, объясняя изгнание и бегство князя постарался объединить фактор неумелого руководства с советом близкого к князю окружения и написал: «Так робость, нерадение и дурные Изяславу от ласкателей советы, став причиною народного смятения, лишили его <…> престола» [20, 1, 66]. Автор «Опыта» не стал выбирать корректную форму употребляемого выражения по отношению к власти (как Екатерина II) при описании бегства Изяслава из Киева, а наоборот постарался унизить, заслужившего того князя, написав, что «он к срамному побегу приклонился» [20, 1, 66].

Итак, идеей, которая легла в основу созданных «Записок», Екатерина II хотела продемонстрировать легитимный характер власти, выражающийся в согласии между властью и обществом. Для апробирования такой идей императрица выбрала соответствующую очерковую форму наррации – *записки*. Екатерину II-ю в последующем обвиняли в невнимании к простому народу [19, ч. 2, с. 262; 1, с. 161], в том, что она подготовила «фундаментальное научное сочинение», но «полностью уйти от современности Екатерине-историку не удалось» [10, с. 22]. Кроме того, что эти замечания, не совсем соответствуют сконструированным Екатериной II социально-политическим практикам средневековой Руси, они еще и являются замечаниям к ней как к *историку*. Однако Екатерина II была *«другим»* историком. Не надо искать в ее работе «настоящей истории», это другая социально ориентированная история.

И. П. Елагин же свою модель истории России решил *испытать* в конце XVIII в., когда уже приближалось время появления новой националистической формы национальной истории – национально-государственного нарратива, призванного формировать национально-государственную идентичность в европейских странах. Через два года после получения звания историографа, в 1805 г. – автор первого российского национально-государственного нарратива Н. М. Карамзин, в журнальной статье о некоторых «неприемлемых» положениях изданной части «Опыта» И. П. Елагина, уже критиковал автора за отход от «принятой праотцами, утвержденной столетиями» истины [6, с. 114–115].

Учитывая, что в неопубликованной части «Опыта» И. П. Елагина присутствовали еще и масонские пацифистские рассуждения, заставлявшие сомневаться в повсеместном военном триумфе российского государства, содержалась защита автором новгородцев от обвинений их историками в измене (за нежелание входить в состав Московского государства) [20, 5, с. 67, 227], нетрудно представить, что эти конструкции могли внести противоречия в формирующийся российский исторический мастер-нарратив с содержавшимся в нем набором (уже в целом) непротиворечивых героев и антигероев.

Конечно, дискурсивное поведение обоих историописателей Екатерины II и И. П. Елагина (особенно первой), с точки зрения *историка* не совсем рационально (они привносили в описание конструируемых событий свое видение), но таковым оно является, когда историк смотрит с позиций идеологии сциентизма, резко отрицательно относящейся к «ненаучной» форме мышления, смотрит сквозь призму «своей» научной истории [11, с. 13–26]. Не надо забывать, что оба автора позиционировали свой социально ориентированный тип исторического знания в особой *очерковой форме* исторической наррации, с присущей ей дробностью, незавершенностью, не обязательным указанием источников информации, испытанием своего мнения. Понимание сложной структуры исторического знания, состоящей из разных по формам наррации видов историографических источников, дает возможность для проведения корректного историографического анализа.

Источники и литература

1. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука,1985. 272 с.
2. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977–1978.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [2-е изд.]. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
4. [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб.: Имп. тип., 1787–1794.
5. Елагин И.[П]. Опыт повествования о России, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790. Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. 532 с.
6. [Карамзин Н. М.] Ѳ. Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. Ч.21. №10. С. 112–124.
7. Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб.: При Имп. Акад. наук., 1767. 400 с.
8. Ломоносов М. [В.] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1766. 146 с.
9. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. / гл. ред. С. И. Вавилов и др.; АН СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1952. 692 с.
10. Лосиевский И. [Я.] С пером и скипетром // Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М.: Эксмо, 2008. 800 с.
11. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. «Историописатель второго плана» в истории // Слава и забвение: парадоксы биографики: сб. науч. статей / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014. С.13–26.
12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной) / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 337–354.
13. Маркович Я. [М.] Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Ч. 1. СПб.: При Губ. правлении, 1798. 117 с.
14. Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1750. Кн. 1. 507 с.
15. Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории России // Миллер Г. Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С. С. Илизаров. М.: Московские учебники и картолитография, Янус-К, 2007. С. 158–209.
16. Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Вып. 16. С. 104–109.
17. Монтень М. Опыты: в 3 кн. / пер. с фр. А. С. Бобович. М.; Л.: АН СССР, 1954–1960.
18. Новиков Н. [И.]. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: Тип. Н. Новикова, 1772. 276.
19. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. в 3 ч. Л.: ЛГУ, 1961–1971.
20. Отдел рукописей. Российская национальная библиотека (ОР.РНБ). F. IV-34/1-6.
21. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 647 с.
22. Руская летопись по Никонову списку изданная смотрением Императорской Академии Наук: в 8 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767–1792.
23. Рычков П. [И.] Опыт Казанской истории древних и средних времян. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767. 247 с.
24. [Соковкин С. П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. 276 с.
25. Татищев В. [Н.] История Российская с самых древнейших времен: в 4 кн. М.: Имп. Моск. ун-ет, 1768–1784.
26. Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен.: в VII т. [15 кн.]. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770–1791.
27. Burke P. History, Myth, and Fiction: Doubts and Debates // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 261–281.
28. Drümel J. H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herstammen. Nürnberg, 1744. 32 s.
29. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printedfor A. Millar&T. Caddel, MDCCLXVII [1767]. 445 p.
30. Jefferson T. Notes on the State of Virginia. London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. 395 p.
31. Nolde A.F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningeschen, 1807. 383 s.
32. Voltaire F.-M.A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. Genève: Cramer, 1761–1763.

References

1. Alpatov M. A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.) *(The Russian historical thought and Western Europe (XVIII – the first half of the 19th century)*. Moscow: Nauka,1985. 272 p. (In Russian).
2. Bekon F. Opyty, ili nastavleniya nravstvennye i politicheskie *(Essays, or manuals moral and political)* // Bekon F. Sochineniya: in 2 Vols. Moscow: Mysl' publ., 1977–1978.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka *(Explanatory dictionary of living great Russian language):* in 4 Vols. St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f's publishing house, 1880–1882. (In Russian)

4. [Ekaterina the Great] Zapiski kasatel'no rossijskoj istorii *(Notes on Russian History):* in 6 Vols. St. Petersburg: Imperial printing house, 1787–1794. (In Russian)

5. Elagin I. [P]. Opyt povestvovaniya o Rossii *(Essay of the narration about Russia)*. Vol. 1. Moscow: University printing house, 1803. 532 p. (In Russian)

6. [Karamzin N. M.] Ѳ. Smelaya dogadka *(Courageous guess)* // Vestnik Evropy. 1805. Vol. 21. No. 10. P. 112–124. (In Russian)

7. Letopis' Nestorova s prodolzheniem po Kenigsbergskomu spisku do 1206 goda *(Nestorov's chronicle with continuation according to the Konigsberg list till 1206)*. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1767. 400 p. (In Russian)

8. Lomonosov M. [V.] Drevnyaya rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda *(Ancient Russian history from the beginning of the Russian people before death of the grand duke Yaroslav the First or till 1054)*. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1766. 146 p. (In Russian)

9. Lomonosov M. V. Poln. sobr. Soch *(Complete works):* in 11 Vols. Vol. 6. Trudy po russkoj istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765 gg. *(Works on the Russian history, socioeconomic questions and geography, 1747–1765)*. Moscow; Leningrad: SA of USSR publ., 1952. 692 p. (In Russian)

10. Losievskij I. [Ya.] S perom i skipetrom *(With a feather and a scepter)* // Ekaterina II. Rossijskaya istoriya. Zapiski velikoj imperatricy. Moscow: Eksmo, 2008. 800 p. (In Russian)

11. Malovichko S. I., Rumyanceva M. F. «Istoriopisatel' vtorogo plana» v istorii *("Hisrorical writer of the second plan" in history)* // Slava i zabvenie: paradoksy biografiki: sb. nauch. statej. St. Petersburg: Aletejya publ., 2014. P. 13–26. (In Russian).

12. Malovichko S. I., Rumyanceva M. F. Monografiya i ocherk: opyt sravnitel'nogo istochnikovedcheskogo analiza istoriograficheskih istochnikov *(Monograph and essay: experience of the comparative source study analysis of historiographic sources)* // Professiya – istorik. Moscow: Akvilon publ., 2017. P. 337–354. (In Russian)

13. Markovich Ya. [M.] Zapiski o Malorossii, ee zhitelyah i proizvedeniyah *(Notes about Malorossiya, its inhabitants and works)*. Vol. 1. St. Petersburg: Provincial Government publ., 1798. 117 p. (In Russian)

14. Miller G.-F. Opisanie Sibirskogo carstva i vsekh proizshedshih v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossijskoj derzhave po sii vremena *(The description of the Siberian kingdom and everything that in it came from conquest by its Russian power so far)*. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1750. Vol. 1. 507 p. (In Russian)

15. Miller G. F. Opyt novejshej istorii Rossii *(Essay of the contemporary history of Russia)* // Miller G. F. Izbrannye trudy. Moscow: Yanus-K, 2007. P. 158–209. (In Russian)

16. Moiseeva G. N. «Opyt povestvovaniya o Rossii» I. P. Elagina v ocenke N. M. Karamzina *("Essay of the narration about Russia" by I. P. Elagin in N. M. Karamzin's assessment)* // XVIII vek. Leningrad: Nauka publ., 1989. Vol. 16. P. 104–109. (In Russian)

17. Monten' M. Opyty *(Essays)*: in 3 vol. Moscow; Leningrad: SA USSR, 1954–1960. (In Russian)

18. Novikov N. [I.]. Opyt istoricheskogo slovarya o rossijskih pisatelyah. Iz raznyh pechatnyh i rukopisnyh knig, soobshchennyh izvestij, i slovesnyh predanij *(Essay of the historical dictionary about the Russian writers. From different printing and hand-written books, the reported news, and verbal legends)*. St. Petersburg: N. Novikov's printing house, 1772. 276 p. (In Russian)

19. Peshtich S. L. Russkaya istoriografiya XVIII v. *(Russian historiography of the 18th century)*: in 3 vol. Leningrad: LSU publ., 1961–1971. (In Russian)

20. Otdel rukopisej. Rossijskaya nacional'naya biblioteka *(Department of manuscripts. National Library of Russia)*. F. IV-34/1-6. (In Russian)

21. Rubinshtejn N. L. Russkaya istoriografiya *(Russian historiography)*. Moscow: OGIZ, 1941. 647 p. (In Russian)

22. Ruskaya letopis' po Nikonovu spisku izdannaya smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk *(The Russian chronicle across Nikonov to the list published by Imperial Academy of Sciences)*: in 8 vol. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1767–1792. (In Russian)

23. Rychkov P. [I.] Opyt Kazanskoj istorii drevnih i srednih vremyan *(Essay of the Kazan history of the most Ancient time and Middle Ages)*. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1767. 247 p. (In Russian)

24. [Sokovkin S. P.] Opyt istoricheskogo slovarya vsekh v istinnoj pravoslavnoj greko-rossijskoj vere svyatoyu neporochnoyu zhizn'yu proslavivshihsya svyatyh muzhah *(The essay of the historical dictionary of all in true orthodox Greek-Russian belief sacred men)*. Moscow: I. Lopuhin's printing house, 1784. 276 p. (In Russian)

25. Tatishchev V. [N.] Istoriya Rossijskaya s samikh drevnejshih vremen *(Russian History since the most ancient times):* in 4 vol. Moscow: Moscow Univesity publ., 1768–1784.

26. Shcherbatov M. [M.] Istoriya rossijskaya s drevnejshih vremen *(The history of Russia since the most ancient times)*: in VII Vols. [15 vol.]. St. Petersburg: Imperial Acamemy of Science publ., 1770–1791. (In Russian)

27. Burke P. History, Myth, and Fiction: Doubts and Debates // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 261–281.

28. Drümel J. H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herstammen. Nürnberg, 1744. 32 s.

29. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printedfor A. Millar&T. Caddel, MDCCLXVII [1767]. 445 p.

30. Jefferson T. Notes on the State of Virginia. London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. 395 p.

31. Nolde A. F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningeschen, 1807. 383 s.

32. Voltaire F.-M. A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. Genève: Cramer, 1761–1763.

Сведения об авторе

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево), профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / sergei.malovichko@gmail.com

Information about the author

Malovichko Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of History, State Humanitarian Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities), Chair of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for Humanities (Moscow) / sergei.malovichko@gmail.com

УДК 94(47)+324

Н. Г. Мануковский

ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩНО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ДОНСКИХ ШАХТЕРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[1]

Статья посвящена малоисследованному вопросу об особенностях жилищно-бытовой культуры донских шахтеров в пореформенный период. Рассмотрен ряд вопросов, связанных с ценностями и установками шахтеров в жилищно-бытовой сфере, их запросами и жизненными стандартами.

В рассматриваемый период абсолютное большинство шахтеров Дона проживали землянках-балаганах и землянках-каютках. В ряде случаев шахтеры отказывались переселяться из землянок в благоустроенные помещения. В течение 1860–80-х годов шахтерами Дона в ходе протестных выступлений не были выдвинуты требования по улучшению жилищно-бытовых условий. Эти факты дают основание утверждать, что основная масса шахтеров отличалась непритязательностью в жилищно-бытовой сфере, готовностью мириться с бытовой неустроенностью. У части шахтеров такая бытовая непритязательность объяснялась тем, что они работали сезонно и смотрели на свое жилище при рудниках как на временное.

Вместе с тем, уже в начале пореформенного периода при рудниках Дона стали появляться полноценные дома, построенные самими шахтерами, что свидетельствует о появлении среди них прослойки рабочих с более высокими бытовыми потребностями и жизненными стандартами. Также, некоторые шахтеры-отходники на заработанные на рудниках деньги строили кирпичные или каменные дома в родных деревнях.

В период 1890-х годов большая часть шахтеров Дона (около 90 %) была переселена из землянок в большие каменные казармы и дома от предприятия. Однако следует отметить, что переселение 90 % шахтеров из землянок в казармы и семейные домики происходило исключительно по инициативе предприятий, что также подтверждает их бытовую непритязательность.

Ключевые слова: жилищно-бытовая культура, жизненные стандарты, непритязательность, землянки-балаганы, каютки, семейные домики, шахтеры, отходники.

N. Manukovskiy

FEATURES OF HOUSING AND HOUSEHOLD CULTURE OF THE DON MINERS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article is devoted to the little-studied question about the features of housing and household culture of the Don miners in the post-reform period. A number of issues related to the values and attitudes of miners in the housing sector, their needs and living standards are considered.

During the period under review, the vast majority of Don miners lived in dugouts and cabins. In some cases, the miners refused to move from the dugouts to comfortable premises. During the 1860–80-ies miners did not put forward demands for improvement of living conditions during protests. These facts give the basis to claim that the bulk of miners differed unpretentiousness in the housing and household sphere, readiness to put up with household disorder. Among some of the miners, this homely simplicity was due to the fact that they worked seasonally and looked at their home in the mines as temporary.

At the same time, at the beginning of the post-reform period at mines of Don the full-fledged houses constructed by miners began to appear that testifies to emergence among them a layer of workers with higher household needs and living standards. Also, some miners, hunters earned in the mines money to build brick or stone houses in their native villages.

During the 1890s, most of the Don miners (about 90%) were relocated from dugouts to large stone barracks and houses from the enterprise. However, it should be noted that the resettlement of 90% of miners from dugouts to barracks and family houses was solely on the initiative of enterprises, which also confirms their everyday unpretentiousness.

Key words: housing and domestic culture, living standards, simplicity, dugouts-the booths, kayutki, family houses, miners, seasonal workers.

В советской историографии горнорабочих Дона (и Донбасса в целом) в пореформенный период особое внимание уделялось жилищно-бытовым условиям их жизни на рудниках ([2]; [3]; [14]). Отмечалось, что шахтеры в указанный период жили в неблагоустроенных помещениях, так как шахтовладельцы экономили на бытовом обустройстве рудничных поселков. Вместе с тем, ряд

[1] Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

вопросов, связанных с ценностями и установками шахтеров в жилищно-бытовой сфере, их запросами, моделями бытового поведения и жизненными стандартами в целом, остается по-прежнему малоисследованным. В этой связи актуальность приобретает вопрос об особенностях их жилищно-бытовой культуры. Источниковую базу представленного исследования составляют воспоминания современников, отчеты врачей, рапорты окружных инженеров, воспоминания самих рабочих, материалы шахтерского фольклора.

Прежде всего, следует отметить, что в пореформенный период контингент донских шахтеров формировался из малоземельных и безземельных крестьян-отходников преимущественно из губерний Центрального Черноземья. Большая часть из них проживала на рудниках в течение осенне-зимнего периода и по окончании срока найма (обычно в марте или апреле) возвращалась в родные деревни на полевые работы в собственных хозяйствах. Другие шахтеры (как правило, из безземельных крестьян) утрачивали экономические связи с родной деревней и либо селились при определенном руднике и становились оседлыми рабочими, либо постоянно переходили с одного рудника на другой и летом уходили на полевые работы к местным помещикам и кулакам [14, с. 141–148]. Первая группа численно преобладала среди горняков Дона в период 1860–80-х годов, а в период 1890-х годов, в связи с усилением аграрного перенаселения, начался рост удельного веса второй группы [14, с. 141–148].

Как следует из воспоминаний современников, отчетов врачей, рапортов окружных инженеров, в 1860–1890-х годах большинство шахтеров из крестьян-отходников проживало в больших землянках-балаганах (до 10 сажен в длину), которые строились самими артелями рабочих по договоренности с рудничной администрацией либо из выданного ею материала, либо на выделенные ей деньги. О том, как это происходило, дает представление следующий пример. Нанявшиеся в начале 1871 г. на работу на шахту Маркова артели подрядчиков Уланова и Князева, общей численностью более 30 человек, в договоре о найме «обязались устроить своими силами землянку при посредстве доставленного управляющим инженером Отто леса», «не менее 14 аршин длины» [7, л. 160 об]. Общая стоимость леса, выделенного управляющим рудником Отто этим двум артелям на строительство землянки, составила 86 рублей [7, л. 73]. Для устройства землянки рабочим также были выделены деньги: 10 рублей 92 копейки на покупку 2 столов и 10 табуретов, а также около 5 рублей на покупку металлических и деревянных тарелок и деревянных ложек [7, л. 90]. В общей сложности, постройка и обустройство этой землянки-балагана обошлось, примерно, в 100 рублей.

Обычно, после того, как артель крестьян-отходников заканчивала работу на руднике по заключенному договору и покидала рудник, такая землянка затем населялась новыми партиями прибывших на работы шахтеров. Если уже построенного жилья не хватало, нанявшаяся артель строила при руднике еще одну землянку-балаган. Для таких землянок, построенных самими артелями рабочих, было характерно соединение общей комнаты со спальней, столовой и кухней. Рабочие спали либо на лавках, либо, если не хватало места, на полу, либо на несъемных нарах без разделения между местами [1, с. 557].

Представление о конструкции и планировке таких построенных шахтерскими артелями больших землянок дают сведения из отчета управляющего Богообетованным рудником горнопромышленника Прохорова в Управление Горной и Соляной частями Области Войска Донского от 4 марта 1890 г. Согласно этому отчету, на Богообетованном руднике имелись три новых барака-землянки размером 11,5 сажен в длину и 2 сажени в ширину и в высоту от земли до основания крыши 0,5 сажени (то есть немногим больше метра) и от земли до конька крыши 1,3 сажени (2,86 м). Также, на данном руднике имелись еще два старых балагана-землянки размером 6 сажен в длину и 2,3 сажени в ширину и в высоту от земли до основания крыши 0,5 сажени и от пола до конька крыши в 1 сажень [4, л. 15].

Схожие сведения о характере больших артельных землянок-балаганов на донских рудниках за период конца 1880-х – начала 1890-х гг. дают материалы санитарного обследования жилищ рабочих в поселках при крупных рудниках в районе Макеевки и Кальмиуса от 18 марта 1890 г. [4, л. 14]. В отчете указывалось, что на всех указанных рудниках на момент осмотра все жилые помещения для рабочих представляли собой построенные самими артелями шахтеров большие землянки-балаганы, устроенные с углублением в землю от 1,5 до 2,5 аршин. В некоторых помещениях стены изнутри были оббиты досками, а в некоторых - обложены камнем на глине. Большинство помещений было без потолков. Крыша, как правило, была деревянной, из тонких досок, сверху обмазанных глиной и засыпанных землей [4, л. 14].

Также в пореформенный период часть оседлых рабочих-шахтеров проживала в самостоятельно выстроенных при рудниках небольших землянках и полуземлянках, называемых «каютками». Значительная часть таких землянок-каюток представляла собой «ямы, сверху прикрытые бревнами, иногда с небольшими световыми отверстиями» [10, л. 78об]. Также некоторые каютки представляли собой надземные постройки в виде сараев из тонких оштукатуренных досок. В них также не было ни полов, ни потолков [10, л. 62].

По воспоминаниям горного инженера А. М. Терпигорева, в конце 1890-х годов вокруг Сулинского рудника имелось большое шахтерское поселение, состоящее из таких землянок-каюток. Он вспоминал: «Когда же неподалеку от одного из рудников мы спустились в балку, то увидели по ее отрогам десятки небольших землянок. В них жили семейные рабочие» [18, с. 42]. «Все эти землянки строились рабочими прямо у самого склона балки или у ее отрогов, как бы врастая в них, при-

чем три стенки этого помещения выкладывались насухо из плит песчаника, обмазывались кое-как снаружи, а иногда и изнутри, глиной, белились, а в четвертой стене были небольшая дверь и окно. Ни потолков, ни полов в такой землянке не было» [18, с. 42]. По словам рудничного врача Р. Н. Шора, каютки обычно строились из горбыля. Домики эти снаружи и внутри были обмазаны глиной, пол в них был земляной [20, с. 28–29].

Таким образом, каютки представляли собой самостоятельно построенные семейными кадровыми шахтерами из досок или камня небольшие землянки и полуземлянки без полов и потолков. Очевидно, что каютки имели большое распространение среди донских шахтеров на протяжении почти всего пореформенного периода по причине небольшой стоимости их строительства. Если постройка большой землянки-балагана обходилась не менее 80-100 рублей, то стоимость постройки небольшой землянки-каютки была, очевидно, еще меньше из-за малого их размера.

Вместе с тем, как вспоминает А. М. Терпигорев, часто шахтеры такие землянки-каютки называли «собачьими конурами», а состоящие из них поселения при рудниках – «собачьими хуторами» [18, с. 42]. По воспоминаниям одного из рабочих, каютки ими также часто назывались «халупами» [11, с. 155]. Таким образом, для шахтеров в рассматриваемый период было характерно двойственное отношение к землянкам-каюткам. С одной стороны, они считали каютки лучшим для семейных шахтеров местом для постоянного проживания в сравнении с балаганами, а с другой – не считали их полноценным жилищем, в отличие от, например, крестьянской избы или хаты.

Вместе с тем, уже в начале пореформенного периода при рудниках Дона стали появляться полноценные каменные либо деревянные дома, самостоятельно построенные оседлыми шахтерами. В первую очередь появление на рудниках Дона такого рабочего жилья было связано с образованием Грушевского горного поселения при одноименном руднике. Проект создания Грушевского горного поселения был разработан в 1864 г. Управлением Горной и Соляной частями Области Войска Донского с целью создания условий для формирования «класса горнорабочих». 3 октября 1864 г. было высочайше утверждено Положение о Грушевском горном поселении [8, л. 1].

По правилам этого положения, Управление горной и соляной частями «всем желающим поселиться при Грушевском руднике независимо от их сословной принадлежности выдавало ярлык с указанием выделенного на общем плане места». На оборотной стороне ярлыка были изложены обязанности «местовладельца в двухлетний срок выстроить на собственные средства каменный или деревянный фасадный дом и огородить его» [8, л. 1–2]. Застройка территории началась в 1867 г. [8, л. 1–2]. В 1883 г. Грушевское горное поселение было преобразовано в город Александровск-Грушевский [8, л. 1–3].

Из рапорта окружных горных инженеров в Управление Горной и Соляной частями о застройке дворовых мест от сентября 1873 г. следовало, что к этому времени на дворовых местах в Грушевском горном поселении, выданных желающим в 1870 г, уже был выстроен 61 фасадный дом, 26 фасадных домов достраивались, и на 32 выделенных местах застройка либо отсутствовала, либо (в двух случаях) имелись землянки [8, л. 31–33]. Также, по имеющимся данным, в Грушевском горном поселении в 1871 г. всем желающим под постройку так называемых «фасадных домов» было роздано еще 79 мест [5, л. 7–8]. В 1873 г. в Грушевском горном поселении с разрешения Управления горной и соляной частями Области Войска Донского начали постройку еще 35 человек [8, л. 31–33]. Таким образом, уже в начале 1870-х годов в Грушевском горном поселении уже имелась существенная фасадная застройка. По данным, собранным комиссией А. А. Штофа, в 1900 г. «более половины» рабочих рудника РОПИТ проживали в собственных домах в городе Александровске-Грушевском [10, л. 98].

Представление о характере этих построенных самими рабочими «фасадных домиков» в Грушевском горном поселении дают следующие примеры. В 1874 г. рабочим Н. Журовым в течение двух лет был выстроен каменный фасадный двухоконный дом. В том же году шахтер Никифор Губанов построил деревянный двухоконный дом, а рабочий А. Алексеев – трехоконный каменный дом. По соседству с ними в Грушевском горном поселении размещались уже выстроенные другими шахтерами дома: трехоконный дом рабочего Тюрина, двухоконный деревянный дом рабочего Герасименко, двухоконный дом рабочего Колесникова, двухоконный дом рабочего Курятникова, трехоконный дом рабочего Дергачева, двухоконный дом рабочего Чупракова, двухоконный дом рабочего Безкурченко, двухоконный дом рабочего Деркачева [6, л. 1–2]. Как следует из планов этих домов, они представляли собой обычно однокомнатные и реже двухкомнатные помещения с сенями. У некоторых были пристройки для кухни и бани [6, л. 1–2]. В целом, по конструкции и планировке большая их часть походила на крестьянские избы или хаты. Вместе с тем, некоторые из перечисленных домов грушевских шахтеров имели более сложную планировку и состояли из нескольких комнат, что указывает на отход этой небольшой части рабочих от традиционно крестьянских стандартов жилищного строительства, на смену у них культурного образца.

Также, в 1900 г. при руднике Азовской угольной компании, по данным Комиссии А. А. Штофа, две трети рабочих проживали в своих самостоятельно выстроенных домах в хуторе Власовка [10, л. 9]. На руднике Шушпанова, по данным Комиссии Штофа, в 1900 году также имелись 83 самостоятельно выстроенных рабочими этого рудника каменных домика на войсковой земле [10, л. 101]. Эти данные подтверждает также управляющий рудником Шушпанова штейгер Е.К. Колодуб, по словам которого часть рабочих этого предприятия «живут своими домами прилично» [13, с. 121].

В газете Приазовский край от 3 ноября 1892 г. в статье «Рабочий вопрос на Корсунском руднике»

сообщалось, что при основании рудника и при дальнейшем его расширении контора отводила каждому желающему из поступивших рабочих участок земли и необходимый материал под постройку дома. Рабочий сам строил себе помещение из конторского материала. Согласно установленным рудничной администрацией правилам, шахтер и его семья являлись хозяевами дома, пока он сам или его сыновья работали на руднике [15, с. 2]. В случае оставления рудника шахтером, дом, в котором он жил, переходил другому рабочему [15, с. 2]. Кроме того, каждому рабочему давалось право пасти на земле рудника две головы рогатого скота и занимать под огород 200 квадратных сажен [15, с. 2]. На Корсунском руднике, отмечал автор статьи в 1892 году, «теперь имеется 250 таких отдельных домиков» [15, с. 2].

Постройка собственного деревянного, кирпичного или каменного дома должна была, как свидетельствуют воспоминания современников, составить не менее 120 рублей. Заработная плата холостых квалифицированных рабочих в конце XIX века обычно не превышала 30–40 рублей в месяц [10, л. 74–78]. У семейного шахтера, при условии, что его жена и дети старше семи лет также работали, получая от 5 до 9 рублей в месяц [12, с. 98], совокупный месячный доход, таким образом, мог превышать 50 рублей. При этом, месячные расходы холостого рабочего должны были составить не менее 15 рублей, а семейного – от 25 до 36 рублей [17, с. 180–181]. Следовательно, построить собственный дом холостой или семейный шахтер мог только в двух случаях: либо накопив за несколько лет работы нужную сумму, либо получив строительный материал от рудничной администрации (как в долг, так и бесплатно).

Приведенные выше примеры постройки шахтерами собственных домов доказывают, что такое решение жилищной проблемы самими рабочими было возможно, но этим путем шло очень мало рабочих. Основная масса артельных и семейных рабочих предпочитала жить в описанных выше артельных балаганах и в недорогих в постройке небольших каютках. В этой связи особый интерес представляют воспоминания горнопромышленника А. А. Ауэрбаха, относящиеся к середине 1870-х г. Он сообщает, что, когда им были выстроены взамен землянок казармы и семейные домики, рабочие, к его удивлению, «решительно отказались переходить из землянок в казармы». Один из шахтеров объяснял А. Ауэрбаху: «привыкли мы жить свиньями, так нам и землянка не противна, поживешь у вас в хоромах, каких ни на одном другом руднике нет, от грязи и смраду отвыкнешь, так и тяжело будет опять в землянку попасть, если вы уволите, а так как мы народ такой, что сегодня здесь, а завтра Бог знает где, то лучше и не привыкать к хорошему помещению» [1, с. 557]. Как отмечал П. И. Фомин, что «для шахтеров была свойственна привычка к плохим условиям жизни» [19, с. 350]. Утверждение подтверждают материалы рабочего движения, согласно которым, в течение 1860–80-х годов шахтеры как Дона, так и Донбасса в целом, в ходе протестных выступлений не выдвинули ни одного требования по улучшению жилищно-бытовых условий [14, с.178–249].

Во многом это было связано с тем, что на свое пребывание на рудниках значительная часть шахтеров, основную массу которых составляли малоземельные и безземельные крестьяне-отходники из центрально-черноземных губерний, смотрели как на временное и мечтали со временем покинуть их и вернуться в родную деревню. Об этом свидетельствуют следующие данные. Так, по воспоминаниям шахтера-отходника из тамбовского села Вирятино Г. П. Дьякова, в семье его деда большая часть заработанных его сыновьями на шахтах денег откладывалась на строительство кирпичных домов. После шести лет работы на шахтах ими было построено четыре кирпичных дома [16, с. 44–54]. Так, в 1895 году один из Дьяковых на заработанные на руднике деньги построил однокомнатный кирпичный дом площадью 45 квадратных метров [16, с. 44–54]. В 1897 году еще один из братьев Дьяковых, также на заработанные на руднике деньги, построил кирпичный дом, а в 1903 году он пристроил к нему большие кирпичные сени [16, с. 44–54]. В 1898 году его родственник, шахтер-отходник Е. А. Дьяков, построил кирпичный дом, состоящий из горницы и кухни. Для строительства дома им было куплено 19 000 кирпичей на 95 рублей. Оплата труда каменщиков за 10 дней работы составила 25 рублей. В целом, постройка кирпичного дома Е. А. Дьякова обошлась ему в 120 рублей [16, с. 44–54]. Также, на заработанные в Донбассе деньги еще один шахтер-отходник из села Вирятино, Митрофан Матрохин, в 1890-е годы построил двухкомнатный кирпичный дом площадью в 66 квадратных метра, а в 1903 году он пристроил к горнице кирпичную кухню и кирпичные сени и перенес русскую печь в кухню, а в горнице установил голландскую печь [16, с. 44–54]. Примечательно, что первые кирпичные дома строились вирятинскими шахтерами-отходниками по плану срубных изб и состояли из одной жилой комнаты с сенями. Получалась «кирпичная изба». Однако, в 1890-е годы, под влиянием отхода на шахты, постепенно изменялись требования некоторых крестьян-отходников к своему жилищу. С заменой деревянных жилищ кирпичными менялась и их внутренняя планировка и обстановка. Как видно из приведенных выше примеров, происходило разделение кухни и горницы. Горница для крестьян-отходников становилась символом достатка [16, с. 44–54]. Таким образом, для части работавших шахтерами на рудниках Дона крестьян-отходников было характерна смена культурного образца жилища, выразившаяся в переходе от однокомнатной избы с сенями к дому, состоящему из нескольких комнат.

В целом, в конце XIX – начале XX в. в Вирятине местными кулаками и шахтерами-отходниками было построено в общей сложности 230 кирпичных домов [16, с. 44–54]. При этом следует отметить, что, по данным того же источника, и в этот период большая часть шахтеров-отходников из

села Вирятино по-прежнему проживала в небольших крестьянских избах и хатах [16, с. 44–54].

В целом, представленные данные свидетельствуют о том, что лишь небольшая часть шахтеров, как оседлых, так и сезонников, имела стремление к улучшению своего жилища при рудниках собственными силами. Основная же масса как тех, так и других, проявляла бытовую непритязательность, готовность жить в землянках, каютках и балаганах.

В период промышленного подъема 1890-х гг. углепромышленниками Дона было начато строительство для шахтеров казарм и семейных домов, имевшее своей целью формирование при рудниках контингента постоянных рабочих.

Представление об условиях жизни в построенных в это время казармах дают материалы Комиссии члена Горного совета А. А. Штофа, обследовавшей положение рабочих Донбасса в 1900 году. Из этих материалов следует, что некоторые казармы были хорошо обустроены, имели полы и потолки, отдельные столовые и кухни. Так, по заключению Комиссии А. А. Штофа, сравнительно хорошо были обустроены казармы при руднике РОПИТ. Это были двухэтажные каменные казармы. В центре каждой из них располагались кухня, плита и сушилка для одежды. Полы в них были деревянными. Нары для рабочих были разгорожены [10, л. 98 – 98об]. Благоустроенностью отличались также некоторые казармы на Кальмиус-Богодуховском руднике Алексеевского общества [10, л. 98 – 98об].

Однако, подавляющее большинство казарм, по мнению членов комиссии Штофа, по своей конструкции более напоминали сараи. Так, при руднике Панченко, по данным Комиссии А. А. Штофа, в 1900 году имелось 8 казарм типа сараев из камня, без потолка и пола [10, л. 76 – 76об]. Так, треть рабочих Азовской угольной компании в 1900 году проживала в каменных казармах без потолка и пола. Отдельной столовой и кухни в этих казармах не было [10, л. 99]. При Рыковском руднике Общества Рыковских копей в 1900 году имелись 4 каменные казармы с земляными полами и без специальных помещений для кухни и столовой [10, л. 75].

По данным Статистического Бюро Совета Съездов горнопромышленников Юга России, в 1901 году в казармах проживало 52,4 % всех шахтеров Донбасса [14, с. 148–149]. Между тем, шахтеры отрицательно относились к казармам и называли их «пересыльными тюрьмами» [11, с. 149]. Как признавали сами семейные шахтеры, им из-за постоянных ссор и драк между холостыми шахтерами им не нравилось жить в этих казармах и они предпочли бы жить в собственной землянке [10, л. 93]. Один рабочий отмечал, что в сравнении с казармой землянка считается «настоящей квартирой» [10, л. 75].

Помимо казарм в период 1890-х годов предприятия развернули строительство для оседлых кадровых рабочих так называемых «семейных домиков». Как и казармы, семейные домики для шахтеров строились предприятиями по плану специально нанятыми рабочими-строителями.

Представление об устройстве и условиях жизни в семейных домиках дают материалы, собранные в апреле 1900 года Комиссией А. А. Штофа. Согласно данным этого источника, в 1900 году на Кальмиус-Богодуховском руднике Алексеевского горнопромышленного общества имелся 71 четырехквартирный каменный дом для семейных рабочих. Квартира для семейного рабочего в каждом из таких домов состояла из одной комнаты и сеней и имела деревянный потолок и глинобитный пол [10, л. 76 – 76об]. В 1898 г. на руднике Общества Чулковского рудника для 300 рабочих данного предприятия рудничной администрацией было выстроено 136 семейных домиков. Согласно содержащему эти сведения отчету управляющего Чулковским рудником, больше половины указанных семейных домиков состояли из двух комнат и имели отдельное помещение для кухни [10, л. 31]. Также в 1900 году в поселке при Чулковском руднике для семейных рабочих были выстроены так называемые «лимпачевые домики» с глиняными полами и потолками. Каждый домик состоял из одной комнаты с сенями и погребом во дворе [10, л. 31]. При Кальмиусском руднике Общества Рыковских копей в 1900 г. имелись 8 четырехквартирных домиков, занятых мастеровыми. Каждая квартира в этих домиках состояла из двух комнат. Полы в этих домах были глиняными [10, л. 78]. При шахте №3 Макарьевского рудника Общества Рыковских копей имелись 2 каменных одноквартирных домика для рабочих. Квартира в каждом из них состояла из одной комнаты в 9 кубических сажен и сеней. Полы в комнатах были глиняными, имелись потолки [10, л. 82]. Для «привилегированных рабочих» на Берестово-Богодуховском руднике Голубовского Берестово-Богдуховского товарищества в 1900 году имелись 12 двухквартирных домиков для 24 семейных рабочих. Каждая квартира состояла из комнаты в 7 кубических сажен с земляными и глиняными полами и потолками [10, л. 84]. При руднике РОПИТ, по данным Комиссии А. А. Штофа, в 1900 г. имелись семейные многоквартирные каменные дома на 331 рабочего [10, л. 98]. В комнатах были деревянные полы и обмазанные глиной потолки [10, л. 98 – 98об]. На руднике Шушпанова, по данным Комиссии Штофа, в 1900 г. имелись 2 каменных дома, разделенных на квартиры для семейных по 2 комнаты с отдельной кухней [10, л. 101об].

Условия жизни в «семейных домиках» были существенно лучше, чем в землянках и казармах, что объективно способствовало формированию у шахтеров новых черт материально-бытовой культуры, прививало им более высокие стандарты жизни. В целом, в 1900 г., согласно данным Статистического Бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России, в семейных домиках проживало уже 38,5 % всех шахтеров Донбасса [14, с. 148].

Однако следует отметить, что переселение 90 % шахтеров из землянок в казармы и семейные домики происходило исключительно по инициативе предприятий. Поэтому и после масштабного строительства предприятиями в период 1890-х гг. казарм и семейных домиков на многих рудниках

сохранялись землянки-балаганы и каютки. Так, из описи жилых помещений для рабочих на рудниках «Анонимного общества Прохоровских копей на Донце» от 26 октября 1898 г. следует, что на них было 32 балагана «в земле», занятых большим количеством рабочих, в том числе и семейных [9, л. 6].

В начале XX века на Макеевском руднике Русско-Донецкого общества, по данным Комиссии А. А. Штофа, в 1900 г. при шахте «София» по-прежнему оставались 17 самостоятельно выстроенных семейными рабочими землянок-каюток без полов и потолков, с засыпанной землей крышей [10, л. 80]. На шахте «Капитальной» Русско-Донецкого общества в 1900 году имелось 20 таких землянок-каюток [10, л. 80]. На Евдокиевском руднике Кошкина в 1900 г имелись самостоятельно выстроенные семейными шахтерами большие каюты-полуземлянки без полов и потолков, а также несколько небольших землянок [8, л. 80]. Сохранялись землянки-каютки в 1900 г., по данным Комиссии А. А. Штофа, и при руднике Азовской угольной компании, а также при руднике Панченко и при других грушевских рудниках [10, л. 9]. На Берестово-Богодуховском руднике в 1900 г. имелись 41 землянка-каютка на 41 шахтерскую семью. Кроме этих землянок, как отмечается в дневнике Комиссии А. А. Штофа, в одной из балок при том же руднике имелась также группа из 30 землянок, называемая самими рабочими «собачьим хутором». Эти землянки представляли собой ямы, сверху прикрытые бревнами, иногда с небольшими световыми отверстиями [10, л. 87].

Таким образом, в период 1860–80-х гг. абсолютное большинство шахтеров Дона проживали в наспех устроенных ими самими по договоренности с рудничной администрацией больших и плохо обустроенных землянках-балаганах и каютках. В ряде случаев, как отмечали современники, шахтеры отказывались переселяться из землянок в благоустроенные помещения. Также, как свидетельствуют материалы рабочего движения, в течение 1860–80-х гг. шахтерами как Дона, так и Донбасса в целом в ходе протестных выступлений не были выдвинуты требования по улучшению жилищно-бытовых условий. Эти факты дают основание утверждать, что основная масса шахтеров отличалась непритязательностью в жилищно-бытовой сфере, готовностью жить в землянках, балаганах и каютках, которые они сами не считали полноценным жилищем, и мириться с бытовой неустроенностью.

У части шахтеров такая бытовая непритязательность объяснялась тем, что они работали сезонно и сохраняли связь с деревней, а потому смотрели на свое жилье при рудниках как на временное. В силу этого они были готовы терпеть временные бытовые трудности и не проявляли стремления к улучшению своего жилища за собственный счет. Это подтверждает тот факт, что некоторые шахтеры-отходники на заработанные на рудниках деньги строили кирпичные или каменные дома в родных деревнях, в то время как на рудниках они жили в неблагоустроенных землянках.

Вместе с тем, уже в начале пореформенного периода при рудниках Дона стали появляться полноценные каменные либо деревянные дома, построенные самими шахтерами, что свидетельствует о появлении среди них прослойки рабочих с более высокими бытовыми потребностями и жизненными стандартами.

В период промышленного подъема 1890-х гг. в рудничных поселках Области Войска Донского большая часть шахтеров (около 90 %) была переселена из землянок в большие каменные казармы с полами и потолками и в одноквартирные и многоквартирные каменные дома от предприятия. Условия жизни в «семейных домиках» были существенно лучше, чем в землянках и казармах, что объективно способствовало формированию у проживавших в них шахтеров новых черт материально-бытовой культуры, прививало им более высокие стандарты жизни. Однако следует отметить, что переселение 90 % шахтеров из землянок в казармы и семейные домики происходило исключительно по инициативе предприятий. Поэтому и после масштабного строительства предприятиями в период 1890-х годов казарм и семейных домиков на многих рудниках сохранялись землянки-балаганы и каютки и проживавшие в них артельные и семейные шахтеры (около 10 % от их общего состава) не проявляли инициативы по постройке собственного качественного жилья в отличии от своих немногочисленных товарищей, построивших собственные дома.

В целом, представленные данные свидетельствуют о том, что лишь небольшая часть шахтеров, как оседлых, так и сезонников, имела стремление к улучшению своего жилища собственными силами. Основная же масса как тех, так и других, проявляла бытовую непритязательность, готовность жить в землянках на рудниках и тесных избах в родной деревне.

Источники и литература

1. Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России // Русская старина. 1909. Сентябрь. С. 544–566.
2. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Госполитиздат, 1955. 672 с.
3. Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР. В 2-х томах. Т. 2. М.: Изд. ЦК Союза горнорабочих, 1929. 294 с.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 581.
5. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 963.
6. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 590.
7. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 680.
8. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1017.
9. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д.1178.

10. ГАРО. Ф. 455. Оп. 3. Д. 282.
11. Ионов А. И. Песни и сказы Донбасса. Сталино: Донбасс, 1960. 345 с.
12. Историко-бытовые экспедиции. 1951–1953 гг. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века. Под общей редакцией академика А. М. Панкратовой. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 222 с.
13. Колодуб Е. К. Труд и жизнь горнорабочих грушевских антрацитовых рудников. М.: Тип. И.Я. Полякова, 1905. 127 с.
14. Потолов С. И. Рабочие Донбасса в XIX веке. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 254 с.
15. Приазовский край. 1892. 3 октября.
16. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни / отв. ред. П. И. Кушнер. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 279 с.
17. Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета. 1971. 211 с.
18. Терпигорев А. М. Воспоминания инженера. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. 272 с.
19. Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность Южной России. Т. 1. Харьков: Типография Б. Бенгис, 1915. 487 с.
20. Шор Р. Н. Шахтеры. СПб: Новый мир, 1906. 32 с.

References

1. Auerbach A. A. Vospominaniya o nachale razvitiya kamennougolnoy promyshlennosty v Rossii *(Memories of the beginning of the development of coal industry in Russia)* // Russkaya starina. 1909. September. P. 544–566. (In Russian)
2. Bakulev G. D. Razvitie ugolnoi promyshlennosti Donetzkogo basseyna *(Development of coal industry of Donetsk basin).* M.: Gospolitizdat, 1955. 672 p.
3. Gessen Yu. I. Istoriya gornorabochih SSSR *(History of miners of the USSR)*.In two volumes. Vol. 1. Moscow, 1929. 294 p. (In Russian)
4. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 1. D. 581. (In Russian)
5. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 1. D. 963. (In Russian)
6. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 1. D. 590. (In Russian)
7. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 2. D. 680. (In Russian)
8. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 2. D. 1017. (In Russian)
9. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 32. Inv. 2. D. 1178. (In Russian)
10. State Archive of Rostov Region (GARO). F. 455. Inv. 2. D. 282. (In Russian)
11. Ionov A. I. Pesni i skazy Donbassa *(Songs and stories of Donbass)*. Stalino: Donbass Press, 1960. 345 p. (In Russian)
12. Istoriko-Bytovye Expedicii 1951–1953 godov. Materialy po istorii proletariat i krestyanstva v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov *(Historical and Household expedition 1951–1953. Materials on the history of the proletariat and the peasantry of Russia in the late XIX – early XX century)* / ed by A.M. Pankratova. Moscow: Goskultprosvetizdat publ., 1955. 222 p. (In Russian)
13. Kolodub E. K. Trud i ghizn gornorabochih na grushevskih antracitovyh rudnikah *(Work and life of miners of Grushevsky anthracite mines)*. Moscow, 1905. 127 p. (In Russian)
14. Potolov S. I. Rabochie Donbassa v XIX veke *(Workers of the Donbass in the XIX century).* Moscow - Leningrad, 1963. 254 p. (In Russian)
15. Priazovskiy kray. 1892. October 10. (In Russian)
16. Selo Viryatino v proshlom I nastoyashem. Opyt izucheniya russkoi kolhoznoi derevni *(The village of Viryatino in the past and present. Experience of ethnographic study of the Russian collective farm village)* / ed by P. I. Kushner. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1958. 279 p. (In Russian)
17. Seryi Y. I. Rabochie Yuga Rossii v period imperializma *(Workers of the South of Russia in the period of imperialism).* Rostov – on – Don: Publishing House of Rostov State University, 1971. 211 p. (In Russian)
18. Terpigorev A. M. Vospominaniya gornogo ingenera *(Memoirs of a mining engineer)*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1956. 272 p. (In Russian)
19. Fomin P. I. Gornaya I gornozavodskaya promyshlennost Yughnoi Rossii *(Mining and mining industry of southern Russia)*. Vol. 1. Kharkov: The Printing House B. Bengis, 1915. 487 p. (In Russian)
20. Shor R. N. Shahtery *(Miners).* St.Petersburg: Noviy mir publ., 1906. 32 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Мануковский Николай Георгиевич – младший научный сотрудник кафедры отечественной истории средних веков и раннего нового времени института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / manuckovsckij.nikolai@yandex.ru

Information about the author

Manukovskiy Nikolay – junior researcher, Chair of national history of the middle ages and early modern times, Institute of history and international relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / manuckovsckij.nikolai @yandex.ru

УДК 94

Г. Н. Рыкун, Т. Н. Плохотнюк

ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВОЗВЕДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ (1953–1961 гг.)

В статье на фоне послевоенных экономических трудностей в Германской Демократической Республике раскрывается рост социально-политической напряженности в восточногерманском обществе в период так называемого берлинского кризиса, кульминацией которого стало укрепление секторальной границы в Берлине. Решение о строительстве Берлинской стены автор объясняет не только глубокими противоречиями в германо-германских отношениях, обострившихся после образования двух немецких государств, но и ужесточением холодного идеологического противостояния между Западом и Востоком. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции, прежде всего, США и СССР, поделившие Европу на зоны влияния, стремились не только укрепить свои позиции в подконтрольных им государствах, но и с помощью политико-дипломатических механизмов создать плацдармы для будущих баталий на фронтах «холодной войны». В силу этого они не смогли принять компромиссного решения по стабилизации обстановки в Восточном Берлине и определению статуса западной части города, а власти ГДР быстро воспользовались разногласиями в стане бывших союзников для кардинального решения проблемы бегства восточных немцев через секторальную границу на Запад посредством строительства бетонной стены вокруг Западного Берлина.

Ключевые слова: Берлинский кризис, Берлинская стена, оккупационные зоны, секторальная граница, восстание рабочих, бегство на Запад, союзники, Восточная Европа.

G. Rykun, T. Plokhotnyuk

INTERNAL BACKGROUND AND EXTERNAL FACTORS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE BERLIN WALL (1953–1961)

Against the background of post-war economic difficulties in the German Democratic Republic, the article reveals the growth of socio-political tension in East German society during the so-called Berlin crisis, culminating in the strengthening of the sectoral border in Berlin. The author explains the decision to build the Berlin Wall not only by the deep contradictions in the German-German relations, aggravated after the formation of the two German states, but also by the tightening of the cold ideological confrontation between the West and the East. Former allies in the anti-Hitler coalition, primarily the United States and the USSR, who divided Europe into zones of influence, sought not only to strengthen their positions in the states controlled by them, but also, using political and diplomatic mechanisms, to create bridgeheads for future battles on the fronts of the Cold War. Because of this, they could not make a compromise decision to stabilize the situation in East Berlin and determine the status of the western part of the city, and the GDR authorities quickly took advantage of the disagreements in the camp of the former allies to radically solve the problem of the flight of East Germans across the sectoral border to the West through the construction of a concrete wall around the West Berlin

Key words: Berlin crisis, Berlin Wall, occupation zones, sectoral border, workers' uprising, flight to the West, allies, Eastern Europe.

У нескольких послевоенных поколений во всем мире «Берлинская стена» ассоциируется с идеологическим противостоянием между Западом и Востоком, а ее разрушение символизирует окончание «холодной войны». Данное утверждение вполне обосновано, хотя для самих немцев стена означала, прежде всего, раздел страны, общества, семей, который стал следствием поражения Германии в развязанной нацистским правительством Третьего рейха Второй мировой войне. В массовом сознании немцев стена воспринималась как символ утраты могущества, национального унижения, политической и экономической самостоятельности. Надежды на их возрождение были, но они вступали в противоречие с недавним нацистским прошлым, от которого сложно было отказаться или предать забвению.

Как известно, в 1945 г. на Потсдамской конференции союзники по антигитлеровской коалиции поделили побежденную Германию на четыре оккупационные зоны. Договориться о статусе Берлина, большая часть которого находилась под контролем советских войск, союзникам так и не удалось. В середине 1950-х гг. США, Великобритания и Франция отклонили предложение советского руководства о придании германской столице статуса свободного демилитаризованного города, в результате чего его постигла участь страны: Берлин также был разделен на Западную

и Восточную части и превратился в центр идеологического противоборства в Европе.

В мае и октябре 1949 г. на карте европейского континента появились два немецких государства: Федеративная Республика Германии (ФРГ) и Германская Демократическая Республика (ГДР). Столицей ФРГ был провозглашен Бонн, а столицей ГДР стала Восточная часть Берлина. Население ФРГ и ГДР вплоть до окончания Второй мировой войны представляло собой единую национальную общность с собственной этнической идентичностью, менталитетом, культурными и мировоззренческими ценностями. Война, развязанная нацистами, поделили это общество на две части без учета интересов и убеждений, социальной и политической ориентации. В этой связи по обе стороны германо-германской границы находились как сторонники, так и противники установленных режимов [2, с. 157–160].

Восточная Германия (ГДР) столкнулась с большими трудностями восстановления разрушенной страны на основе плановой экономики, ситуацию усугубляла необходимость репарационных выплат победителям. В стране не хватало продовольствия, действовала карточная система, социальная инфраструктура восстанавливалась медленными темпами, заработная плата на государственных предприятиях была низкой, а уровень безработицы не позволял строить планы на будущее. К тому же, в силу понятных причин, со стороны оккупационных властей в рамках политики денацификации действовали многочисленные, а порой жесткие ограничительные меры. Со временем совокупность негативных тенденций послевоенного развития восточногерманского общества вынуждала людей вступать на путь протеста, одной из форм которого явилось бегство на Запад.

В это же самое время благополучные и вышедшие из войны с минимальными потерями Соединенные Штаты Америки установили на территории Западной Германии (ФРГ) либеральный режим, они щедро снабжали Западную Германию товарами первой необходимости. Уровень жизни населения повышался, сокращалась безработица, что, естественно, привлекало восточных немцев. На Запад бежала в основном трудоспособная часть населения, профессиональные специалисты, инженерно-технический персонал крупных промышленных предприятий. Вследствие этого на Востоке страны прекратили свое существование многие заводы и фабрики, например, заводы Германского автомобильного союза (Auto Union), позднее они возобновили свою деятельность в Западной Германии, создав концерн «Ауди» [4, с. 98].

В июне 1953 года волна недовольства в ГДР вылилась в открытое противостояние с властью. Поводом послужило официальное сообщение правительства и ЦК правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) о решении повысить нормы выработки на предприятиях без увеличения заработной платы якобы по просьбе трудящихся и в целях борьбы с экономическими трудностями. Вышедшие на улицу возмущенные рабочие выдвигали не только экономические (повышение заработной платы, снижение цен и норм выработки), но и политические требования об устранении границ и выводе оккупационных войск.

Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции в Западных зонах оккупации Германии не только пристально контролировали развитие событий в Берлине, но и пытались оказать на ситуацию деструктивное воздействие, направить сознание протестующих в русло углубления конфликта с властью, вовлечения в протест более широких слоев населения в других регионах ГДР. Это им удалось, многотысячные демонстрации состоялись во всех крупных городах и промышленных центрах Восточной Германии. Особая активность в разжигании страстей, создании провокационных ситуаций наблюдалась со стороны популярной в то время радиостанции RIAS (Rundfunk im amerikanischen Sektor – Радио американского сектора). Радиостанция располагалась на территории Западного Берлина, а ее деятельность была целиком и полностью подчинена идеологическому воздействию на умы и сознание простых граждан посредством распространения в их среде альтернативной, чаще всего тенденциозно подобранной информации о положении дел в ГДР на фоне процветания и укрепления ФРГ.

Анализируя события тех лет, современные аналитики вполне обоснованно считают, что возведение «Берлинской стены» отчасти являлось реакцией на политтехнологии этого противоборства, которые использовались Западом для снижения международного авторитета, созданной Советским Союзом социалистической системы. ГДР оказалась на передовых позициях идеологической борьбы между Западом и Востоком.

Власти Западных оккупационных властей, стремясь показать свою приверженность межсоюзническим договоренностям, широко распространяли информацию о мерах по сдерживанию рабочих Западного Берлина, намеревавшихся оказать поддержку своим восточногерманским коллегам, по предотвращению попыток распространения письменных обращений к советским военнослужащим с призывами к сдержанности и неприменению силы к протестующим. Подобные материалы оказывали выгодное, ожидаемое Западом воздействие, еще сильнее накаляли обстановку в ГДР. Они становились катализатором новых протестных акций, в общей сложности в них приняло участие порядка одного миллиона жителей Восточной Германии.

Июньское восстание 1953 года в ГДР было подавлено с помощью советских воинских частей, в стране сменилось партийное руководство, была удовлетворена часть требований протестующих о снижении цен и норм выработки, по результатам многочисленных расследований и судебных процессов в стране появилась такая категория граждан как политзаключенные. Около двух тысяч

немцев лишились свободы на длительные сроки. Среди пострадавших числятся и советские военнослужащие, которые отказывались стрелять по безоружным протестующим. Жители Западного Берлина в знак благодарности установили им в Целендорфе памятный камень [3].

С течением времени общественно-политическая ситуация в ГДР вошла в русло повседневных социально-экономических забот, отмечалось даже повышение уровня лояльности простого народа к власти. Германская Демократическая Республика, начиная с 1953 г., демонстрировала реальные успехи экономического роста в соревновании с ФРГ и в конце 1950-х гг. прочно занимала место в пятерке экономически развитых государств Европы. Однако полностью справиться с проблемой бегства граждан ГДР в Западный Берлин не удавалось вплоть до начала 1960-х гг. За этот период из Восточного Берлина бежало около двух миллионов человек, список погибших, по данным разных источников, содержит от 645 до 1245 имен (Би-Би-Си), документально подтверждена гибель 140 человек, почти в три раза больше арестованных и осужденных за попытку нелегального пересечения границы внутри города. Уголовный кодекс ГДР предусматривал за это 10 лет лишения свободы. По имеющимся данным, в течение двух лет после подавления берлинского восстания ГДР нелегально покинуло более 300 тысяч человек [8].

Именно с учетом этих данных мы предпочитаем рассматривать проблему возведения Берлинской стены в рамках Берлинского кризиса, который охватывает наиболее напряженный период «холодной войны» в центре Европы. Четких временных границ этот период не имеет. Одни исследователи рассматривают его в рамках 1958–1961 гг., другие раздвигают эти рамки до 1963 г., когда советское руководство фактически отказалось от намерения заключать мирный договор с ГДР, а с гражданским правительством Западного Берлина было достигнуто соглашение о порядке пересечения внутригородской границы. По нашему мнению, если брать во внимание появление Берлинской стены как апогея кризиса между бывшими союзниками и двумя германскими государствами, то предпочтительней обращение к более длительному периоду, начиная с 1953 г., когда нестабильная обстановка в Восточной Германии вызывала серьезные опасения мировой общественности и могла негативно отразиться на решении всей германской проблемы. Это со всей очевидностью показали описанные выше события лета 1953 г.

В то же время на глубину кризисных проявлений в Берлине в 1950 – начале 1960-х гг. оказывали влияние не только внутригерманские противоречия, но внешние факторы, обусловленные политико-дипломатическим противостоянием между СССР и бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего США. Американская позиция на тот период времени заключалась в создании единого германского государства посредством включения ГДР в состав ФРГ, возрождении бундесвера и размещении в Западной Германии американских ракет с атомными боеголовками. В ответ на эти планы советское руководство высказало намерение подписать, по сути, сепаратный мирный договор с ГДР. В этом случае весь Берлин оказался бы на территории суверенной Германской Демократической Республики, а союзникам пришлось бы вывести из города свои воинские подразделения. ГДР такой договор вполне устраивал, поскольку он укреплял ее государственный статус, создавал перспективу распространения влияния на западную часть Берлина и позволял решать проблему исхода населения [5, с. 13–19].

Однако быстро подписать мирный договор с ГДР Советский Союз не мог, хотя проект уже был готов. Правительство СССР в конце 1950-х гг. было ограничено в действиях другими межсоюзническими соглашениями и наметило подписание договора на декабрь 1961 года [9, с. 87–98]. Взятая отсрочка давала возможность проследить отношение Запада и в случае необходимости принять меры по локализации назревавшего конфликта, который мог перерасти в военное противостояние. Западные державы, в свою очередь, также заняли выжидательную позицию, постоянно затягивая переговоры с СССР для выработки взаимоприемлемого решения [1, с. 425–426].

Западная позиция не осталась незамеченной общественностью ФРГ, которая высказывала претензии по поводу того, что США, Великобритания и Франция в своих политических планах игнорируют вопрос объединения Германии даже в отдаленной перспективе. По инициативе немецких социал-демократов к дискуссии по этому поводу была привлечена ООН и ряд других международных организаций. В результате под давлением международного общественного мнения западные державы пошли на некоторые уступки, согласившись с необходимостью соблюдать разумную достаточность свободы пересечения внутригородской границы и возможностью предоставлять восточным немцам рабочие места в Западном Берлине [6, с. 382]. Но, для властей ГДР это было заведомо неприемлемое решение, не устраивало оно и советское руководство. В то же время стало понятно, что союзники не имеют определенного плана развития ситуации в Германии и в Берлине, в частности, и вряд ли будут решительно противодействовать радикальным мерам со стороны восточногерманских властей. К тому же они были не готовы, ради укрепления позиций в Западном Берлине, рисковать утратой влияния в Европе и других регионах мира. Это отчетливо показала очередная встреча министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Париже в начале августа 1961 г.

Что касается позиции советского правительства в отношении Берлинского кризиса, то она также не была однозначной. Москва проявляла озабоченность по поводу увеличения случаев бегства восточных немцев на Запад, но ее в боль-

шей мере волновали более масштабные проблемы всей Восточной Европы. В такой ситуации, когда все союзнические державы избрали тактику осторожного воздействия на обстановку в Берлине, дабы не вызвать негативную реакцию друг друга, власти ГДР действовали решительно. На очередном совещании партийных руководителей стран Восточной Европы они получили их согласие на ужесточение пограничного режима в Берлине, и в ночь с 12 на 13 августа 1961 г. граница была полностью закрыта сначала живой цепью пограничников и полицейских, а через несколько дней – бетонными заграждениями и колючей проволокой.

В Восточной Германии Берлинская стена официально называлась Антифашистский защитный вал (Antifaschistischer Schutzwall), в Западной Германии она воспринималась, как стремление советской зоны оккупации огородиться от внешнего мира. За время своего существования в течение 28 лет стена претерпела множество реконструкций и, в конце концов, из небольшого участка колючей проволоки внутри Берлина превратилась в мощный 155-ти км военно-инженерный комплекс, оснащенный сигнальным оборудованием, видеонаблюдением, контрольно-пропускными пунктами, сторожевыми вышками и другими пограничными сооружениями со средней высотой заграждений – 3,5 метра. В наиболее уязвимых местах стена была укреплена параллельными железобетонными блоками, между которыми была оборудована контрольно-следовая полоса и протянуто проволочное заграждение под электрическим напряжением. Лица, попадавшие в эту зону, обрекали себя на верную гибель, так как пограничники ГДР, начиная с 1973 г., беспрекословно выполняли приказ открывать огонь на поражение по нарушителям границы без предупреждения [7, с. 35–38]. В любом случае, это было единственное заграждение в истории мировых конфликтов, которое строилось не для противодействия внешним угрозам, а для сдерживания собственных граждан от бегства из страны.

Западные державы, в целом, спокойно восприняли известие о закрытии секторальной границы в Берлине, если не считать отдельных инцидентов, например, «танкового противостояния» в районе пропускного пункта «Чарли». Сутки американские и советские танки стояли друг против друга в полной боевой готовности, но тогда разум восторжествовал над эмоциями. Первыми место противостояния покинули советские танки, вслед за ними и американцы вернули свои боевые машины в места постоянной дислокации. На этом конфликт был исчерпан. Западные державы также были заинтересованы в сокращении численности беженцев, которых нужно было принимать, обустраивать, обеспечивать рабочими местами, социальными пакетами и т.д. В то время западные державы из двух зол выбрали наименьшее, им было легче согласиться с ужесточением пограничного режима между секторами, чем утратить свои позиции в Западном Берлине. Этот город, расположенный внутри ГДР и социалистического блока, нужен был им для реализации дальнейших планов борьбы с Советским Союзом. В Западном Берлине была создана самая крупная в Европе резидентура ЦРУ, располагались так называемые миссии связи при главнокомандующих союзнических войсках, полностью состоявшие из кадровых военных разведчиков, активно действовали такие известные антисоветские пропагандистские центры, как Би-Би-Си, Радио Свобода, Голос Америки, радиостанции американской, английской и французской комендатур, западногерманская радиостанция Радио-100 и многие другие. Свои позиции в Западном Берлине бывшие союзники по антигитлеровской коалиции сохранили, несмотря на многомиллионные расходы, связанные с достижением и реализацией торговых, транспортных и других соглашений с Восточногерманскими властями и советской военной администрацией в ГДР.

Остается добавить, что Берлинской стены могло не быть, если бы советское руководство того периода проявило бы настойчивость в решении административно-территориальных и других вопросов обустройства послевоенной Германии и не форсировало бы перевод восточногерманской экономики на рельсы планового развития, как предлагали некоторые члены правительства, обвиненные позднее в измене Родине и объявленные врагами народа.

Источники и литература

1. Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы – Берлин. ЦРУ против КГБ в холодной войне; пер. с англ. Л. Володарской. М.: ЭКСМО, 2002. 541 с.

2. Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.

3. Восстание рабочих в ГДР (16–17 июня 1953 г.) URL: https://rusidea.org/25061708 (Дата обращения: 21.09.2019).

4. Невский С. И. Экономика послевоенной Западной Германии: на пути к «экономическому чуду». М.: МГУ-ТЕИС, 2006. 168 с.

5. Платошкин Н. Н. Предыстория возведения Берлинской стены. Август 1961 года // Военно-исторический журнал. 2009. №1. С. 13–19.

6. Рыкун Г. Н. Восточноевропейская политика Советского Союза в контексте решения «германского вопроса». 1941–1961. Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 2005. 428 с.

7. Славин А. Защитный вал диктатуры // Новое время. 2011. 8 августа. №24(209). С. 35–38.

8. 140 человек погибли при попытках преодолеть Берлинскую стену URL: https://www. svoboda. org/a/ 28669912.html (Дата обращения: 21.09.2019).

9. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961–1963. Vol.13. Wash., 1969. 455 p.

References

1. Bejli Dzh., Kondrashev S., Merfi D. Pole bitvy – Berlin. CRU protiv KGB v holodnoj vojne *(Battlefield – Berlin. CIA vs. KGB in Cold War)* / per. s angl. L. Volodarskoj. Moscow: EKSMO publ., 2002. 541 p. (In Russian)
2. Vatlin A. Yu. Germaniya v XX veke *(Germany in the Twentieth Century)*. Moscow: ROSSPEHN publ., 2002. 336 p. (In Russian)
3. Vosstanie rabochih v GDR (16–17 iyunya 1953 g.) *(Rise of the workers in the GDR (June 16–17, 1953)* URL: https://rusidea.org/25061708 (Accessed: 21.09.2019). (In Russian)
4. Nevskij S. I. Ekonomika poslevoennoj Zapadnoj Germanii: na puti k «ekonomicheskomu chudu» *(The Economics of Post-War West Germany: Towards an "Economic Miracle")*. Moscow: MGU- TEIS publ., 2006. 168 p. (In Russian)
5. Platoshkin N. N. Predystoriya vozvedeniya Berlinskoj steny. Avgust 1961 goda *(Background to the construction of the Berlin Wall. August 1961)* // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2009. No. 1. P. 13–19. (In Russian)
6. Rykun G. N. Vostochnoevropejskaya politika Sovetskogo Soyuza v kontekste resheniya «germanskogo voprosa». 1941–1961 *(Eastern European policy of the Soviet Union in the context of solving the «German question». 1941–1961).* Rostov-na-Donu: SKNCVSH publ., 2005. 428 p. (In Russian)
7. Slavin A. Zashchitnyj val diktatury *(Protective shaft of dictatorship)* // Novoe vremya. 2011. August 8. No. 24(209). P. 35–38.
8. 140 chelovek pogibli pri popytkah preodolet' Berlinskuyu stenu *(140 people died while trying to overcome the Berlin Wall)* URL: https://www. svoboda. org/a/ 28669912.html (Accessed: 21.09.2019) (In Russian)
9. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961–1963. Vol. 13. Wash., 1969. 455 p.

Сведения об авторах

Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорске) / galina.rykun@gmail.com

Плохотнюк Татьяна Николаена – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / plokhotnjuk@gmail.com

Information about the authors

Rykun Galina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Tourism and Hospitality, North-Caucasus Federal University (branch in Pyatigorsk) / galina.rykun@gmail.com

Plokhotnyuk Tat'yana – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / galina.rykun@gmail.com

УДК 947(470.6)

Д. С. Ткаченко

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА КАВКАЗСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАСПИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ОПИСАНИЯХ РОССИЙСКИХ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ[1]

Статья посвящена исследованию складывания в Российской империи феномена военного кавказоведения на примере эволюции практики описания береговой линии Каспийского моря. Автор показывает роль руководства Военного министерства, инициировавшего составление военно-статистических описаний Каспия командованием Каспийского флота, ее корреляцию с опытом составления описаний других морских владений России. В научный оборот вводятся два итоговых документа, появившихся в результате данной деятельности: записка о Каспийском море, составленная частным капитаном корпуса Штурманов Рыдалевым и описание Каспийского моря капитана Базановского.

В статье показано, что характер сведений, интересовавших морское начальство о Каспии, укладывался в приоритеты, которые Россия преследовала в данном регионе. Обе записки так же ярко свидетельствуют о том, как по мере продвижения границы имперских владений по Закавказью, расширялся круг знаний о регионе, а интересы в его описании смещались все дальше на Юго-Восток.

Статья фокусирует внимание на том, что при составлении чисто технических описаний, необходимых морскому командованию для организации безопасной навигации по расширяющейся «русской» части Каспия, морские офицеры неизбежно приходили к пониманию необходимости уделять внимание народам, проживавшим в регионе, что неизбежно вносило в текст их записок пласт сведений не имевших прямого отношения к технике мореплавания и конфигурации морских глубин возле берегов – к особенностям этнических культур, экономическому и отчасти, политическому укладу жизни народов, проживавших на описываемых ими берегах.

В завершении автор приходит к выводу об особенностях ранних российских военно-разведывательных исследований, которые создавались не для широкой публики – не с целью популяризации знаний о дальних окраинах империи, а писались военными для того, чтобы их читали такие-же военные. В результате знания, накопленные морскими офицерами о Каспии, не выходили за стены Морского министерства.

Ключевые слова: Кавказоведение, военно-статистические описания, исследования Каспийского моря, Морское министерство, генерал-гидрограф, Рыдалев, Базановский, Г. А. Сарычев.

D. Tkachenko

THE SURVEY OF THE CASPIAN SEA CAUCASUS LITTORAL THE FIRST HALF OF XIX CENTURY IN RUSSIAN NAVAL OFFICERS' NARRATION

The article concerns the phenomena of the military Caucasus studies in the Russian empire foundation. The author shows the role of the Military Ministry initiated the commencement of military statistical descriptions of the Caspian littoral together with the correlation of this activity with performing of such military-statistical descriptions of other sea possessions of Russia. All conclusions are based on two resulting documents that came into life as the result of the military-statistic activity: the description of the Caspian Sea of the captains Rydalev and Bazanovsky. They have never been used as a primary source.

The article headlines the idea that the core of the data the military Stuff was interested in collecting shows us the issues Russian Empire was interested to gain. The Notes of Russian captains either show how the interests were shifted according to the extension of Russian control on the Caspian Sea.

The article focuses on the idea that being interested in making the safe navigation by the extending Russian sector of the sea and gathering technical information on its coastal line, the naval officers inevitably turned to the idea of having a stance on people who lived on the shores – on their cultural, ethnical and sometimes political features.

Finally, the author concludes that gathering military statistic data was very special in the Russian Empire. All the descriptions were not intended on the knowledge of the remote Imperial regions popularisation among Russian laymen but were written by the militaries concerned on supporting other militaries with the strategical information. That is why all the notes kept in military vaults were utter unknown to the Russian publics.

Key words: Caucasus studies, military statistic descriptions, the investigation of the Caspian Sea, Sea Ministry of Russia, the hydrography General, Rydalev, Bazanovsky, Sarychev.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

Формирование военно-статистического изучения окраин Российской империи и прилегающих к ним земель в контексте его влияния на становление академической науки – одно из развивающихся направлений в современных исследованияхт [3]. При этом ученые, обращающиеся к данной тематике склонны объяснять интерес к изучению земель на Востоке не только экономическими, но и геополитическими соображениями как России, так и соперничавших с ней Западных стран [8]. Одним из регионов соперничества, игравшем ключевую роль в складывавшемся геополитическом противостоянии играл Каспий, сведения о котором в первой половине XIX в. активно собирала как российская, так и британская сторона. Следует отметить, что несмотря на то, что англоязычные источники описания региона становились известны общественности практически «по горячим следам» [9, 19, 11], о деятельности российских исследователей даже внутри страны было известно лишь узкому кругу специалистов военного ведомства.

Целью данной статьи стало введение в научный оборот двух военных обозрений, составленных в первой половине XIX в. Российскими морскими офицерами. В них военных, конечно, интересовала прежде всего сугубо практическая информация: количество кораблей Астраханской флотилии на Каспийском море, их типы, количество флотских экипажей и их квартирование, порядок управления портами, способ ведения дел – довольно запутанная субординация двойного подчинения флотских офицеров «морскому» и «сухопутному» начальству, – однако среди бюрократической части записок авторами приводились интересные зарисовки. Научное кавказоведение в первой половине XIX в. еще не разделилась по направлениям, и авторы наравне с координатами портов приводили отдельные исторические, этнографические и экономические изыскания. По характеру записок можно судить о разноплановости подготовки военных офицеров, которые составляли материалы, а их творчество показывает пример выделения историописаний из области других знаний.

Каспийское море было издавна известно на Руси, однако первые попытки его научного описания были предприняты только в начале XVIII в. в рамках подготовки военных экспедиций в регион [7, с. 115–127]. Картами, составленными по итогам этих исследований «на купеческих судах» пользовались вплоть до середины XIX века [1, с. 30], однако, они детально отражали только известную русским морякам часть моря. Низовья Терека, Аграханский мыс, а также часть приморского Дагестана до Дербента долгое время оставались своеобразной чертой, за которой простирались малоизвестные в России земли и воды [2]. Однако, военно-политические события: присоединение Грузии и серия русско-иранских войн, приведшие к расширению имперских границ на Юг, остро поставили вопрос о необходимости тщательного изучения как новоприобретенных земель, так и морских коммуникаций, ведущих к ним.

Яркими источниками, характеризующими деятельность военных моряков по описанию вод Каспия, являются две записки, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ). Составленные в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в., они показывают не только известные в империи сведения о регионе, но и отражают сам характер организации военной разведки приграничных земель.

В конце 20-х гг. XIX в. Морское министерство Российской империи в лице генерал-гидрографа Морского штаба Г. А. Сарычева приступило к работе по описанию портов Российской империи. В связи с этим, в январе 1828 года командующему Каспийской флотилией было сообщено, что «о всех почти портах собраны надлежащие сведения, недостает только подробных описаний Астраханского порта и прочих якорных мест Каспийского моря» [5, л. 1].

Выполняя распоряжение начальства, в феврале 1829 г. начальник Астраханского порта передал в морской штаб записку, содержавшую «описания Старого и Нового Астраханского адмиралтейства, фарватера реки Волги, начиная от Астрахани до выхода в море и всего Каспийского моря и якорных мест, на которых останавливаются на якорях парусные Коронные и Коммерческие суда» [5, л. 2]. Записка, составленная «частным капитаном корпуса Штурманов» Рыдалевым, стала, таким образом, одной из первых попыток в России провести систематизацию сведений о Каспийском Море [5, л. 3 – 21об.].

Не имея четкой структуры изложения материала, Рыдалев представил достаточно эклектичный труд, содержавший одновременно и координаты объектов на Каспии, и описание особенностей берегов, и данные о характере грунта возле них, а также сведения экономического и исторического характера. При этом, большая часть записки посвящалась характеристике Астрахани и устья Волги, а о портах, находившихся на Кавказском берегу, была представлена фрагментарная информация. Например, сообщалось, что «Рейд при Тарках открыт при всех восточных ветрах, от чего беспокойство [на море] и делается затруднение в выгрузке провианта» [5, л. 11].

Еще более отрывочные сведения имелись о Южных и Восточных берегах Каспийского моря. Персидские владения были представлены пятью местами: двумя портами в заливах Энзели [5, л. 15об.] и Астарабад, а также тремя рейдами при устьях рек и заливах. О них в записке сообщались лишь географические координаты и глубины моря возле берегов. Восточные берега Каспия были обозначены лишь двумя заливами [5, л. 17].

В целом, записка четко показывала каким кругом знаний о регионе располагало наиболее компетентное ведомство –командование Каспийского флота. То, что оно знало больше о кораблях, чем о географии тех мест, по которым они плавали свидетельствовал последний раздел записки – «О судах Каспийского флота», содержавший детальнейшую историческую справку о появлении

в Астрахани всех «казенных» судов с 1716 г. [5, л. 17об. – 21 об.].

Работа, проведенная каспийскими моряками, не удовлетворила теоретика и практика морской гидрографии, Г. А. Сарычева, который, посвятив в свое время более 20 лет изучению Балтийского моря, являлся как непосредственным участником экспедиций, так и организатором работы по изданию лоций и карт Балтийского моря [6, с. 205–206]. Он «досмотрел, что описание сие многосложно и с историческими описаниями прочих портов несообразно» [5, л. 22] и предложил, приняв за образец напечатанное в Записках Адмиралтейского департамента описание Кронштадта, «составить описание сходственно с оными как Астраханскому порту так и самому городу, а так же Баку и прочим якорным местам Каспийского моря…» [5, л. 22 – 22об.].

Однако, вскоре выяснилось, что командование Каспийским флотом не имело в городе Астрахани ни одного экземпляра тех официальных изданий, которые следовало взять за образец [5, л. 24об.]. Работа по систематизации сведений о Каспии затянулась, осложняясь тем, что в декабре 1829 г. автор записок скончался [5, л. 25]. За время выяснения вопроса – успел ли Рыдалев составить новое описание Каспийского моря и если нет, то кому поручить продолжение работы [5, л. 27], в 1831 г. в результате эпидемии холеры в Санкт-Петербурге умер и инициатор проведения систематизации сведений о Каспии – генерал-гидрограф Г. А. Сарычев [6, с. 206].

В сентябре 1833 г. в Морской штаб была передана новая версия описания «Астраханского порта и его Адмиралтейства и всех портов и пристаней Каспийского моря с рейдами, принадлежащих Российской Империи и Персидскому Царству» [5, л. 30]. Автором записки стал частный инспектор корпуса флотских штурманов Каспийской флотилии, капитан Базановский.

Его труд был не только переписан по общему стандарту, но и содержал новые сведения, которыми к началу 30-х гг. XIX в. располагало флотское командование. Он так же имел довольно обширную аналитическую часть – рассуждения о пользе, которую Российская империя может извлечь как из эксплуатации богатств Каспийского моря, так и из стратегического положения контролируемых пунктов. Например, автор уже не просто приводил географические координаты города Астрахани, но добавлял, что «сей город стал в нынешние времена почитаться в числе первых торговых ворот России, являясь, так сказать форпостом торговли и сношений двух частей Европы, куда стекаются различные произведения соседних стран посредством морских и сухопутных коммуникаций и уже отсюда Россия и Европа принимают роскошь и богатства Азии» [5, л. 31].

Несмотря на то, что блок исторических сведений записки касался исключительно Астрахани, он был существенно переработан и дополнен по сравнению с предыдущей версией. Базановский сообщал, что «начальные упоминания» об Астрахани указывают, что горд располагался на правом берегу реки. В 1237 г. вместе с нашествием на Русь, монголы «силою дружины Батыя подчинили себе и уже по прошествии трех столетий» [5, л. 31об.] было воссоздано независимое царство. Краткий рассказ о древнем Астраханском ханстве заканчивался историей его покорения Иваном Грозным.

Сведения о судах Каспийской флотилии так же предварялись обширной исторической справкой, где отмечалось, что «плавание по Каспийскому морю существовало в отдаленные времена, прежде покорения Астраханского царства под Российскую державу, а в 1660 г. стало осуществляться на судах, построенных в Южных персидских приморских провинциях» [5, л. 37об.].

Основание же чисто российского мореходства на Каспии связывались с военно-политической историей Российской империи – тем, что Астраханское адмиралтейство «возымело свое начало», с указания вернувшегося из Персидского похода Петра I возвести новые постройки в Астрахани в 13 верстах от старого города [5, л. 34об.]. На фактах персонального участия основателя Российской империи в военных событиях в записке делался особый акцент. Автор сообщал, что император «в походе против персиян морем сам изволил командовать авангардом, а всей флотилией и войском распоряжался генерал-адмирал Апраксин, имевший свой штаб на гуккоре “Принцесса Анна”. На каком же из судов флотилии находился Государь Император, по документам не отыскано. После сего похода мирным трактатом с Персией положено» [5, л. 38] было плавание русских судов к персидским берегам.

С периода петровских завоеваний военное присутствие России на Каспии настолько усилилось, что появилась возможность создать из разрозненных судов морскую флотилию, а «в прошествии времени для защиты торговли» [5, л. 38об.] Астраханским адмиралтейством были выстроены «бомбардирские корабли, корветы и другие суда» [5, л. 38об.]. Однако, невоенные – купеческие корабли, строящиеся в России, по своему типу являются скорее речными, чем морскими судами. «Будучи совершенно плоскими – без киля не могут ходить… в открытое море без всякого ориентира…, но переменить сего, не меняя самой конструкции, … невозможно, а чтобы купцы решились переменить свою любимую конструкцию на лучшую – правильную, непременно ожидать надо стечения многих побудительных обстоятельств» [5, л. 38об.], – пишет Базановский.

Любопытные исторические сведения в записке сочетались с данными о порядке управления Каспийским флотом и Астраханским портом, техническими описаниями кораблей и деталями квартирования в городе 45-го флотского экипажа, обслуживавшего нужды всего Каспийского флота [5, л. 40].

Общее описание Каспийского моря сочеталось с попытками предостеречь мореходов от возможных опасностей, поджидавших возле его

берегов. Главной проблемой автор считал географию моря, которое мелко в своей северной части, изобилует отмелями, иногда столь протяженными, как на Чеченской косе, что «став на … мель, нельзя видеть самого острова и разве только … в ясную погоду усмотреть оный можно» [5, л. 51]. Одной из опасностей капитан считал бурные ветры, которые дуют «от гор, окружающих все море и особливо Западные берега», и ставят «не успевших укрыться мореплавателей в великое затруднение» [5, л. 52].

Трудности для мореплавателей увеличивал и тот факт, что несмотря на долгое присутствие Росси на Северо-Западном участке моря, условия для безопасной навигации здесь так и не было обеспечено. На всем этом участке, – пишет Базановский, – существует только один маяк «на Четырехбугорном острове, который слабым освещением своим более 60 лет освещает вход в устье реки Волги» [5, л. 51]. Маяк изначально строился низким – всего в 85 футов, и по отзывам мореплавателей, его свет при бурной погоде был виден только с 8 мильного расстояния. Для решения проблемы, Базановский считает необходимым выстроить новый, современный маяк на острове Чечень или Жилом, причем, на последнем, по сведениям капитана, имелся «нефтяной колодец из коего значительное количество добывается нефти, столь удобной для свету и для самого построения маяка на оном» [5, л. 52об.].

Как и в предыдущей записке Рыдалева, точные данные, имевшиеся у флотского командования, заканчивались на описании выхода из устья Волги. Информация о «портах и пристанях Каспийского моря, принадлежащих России», была дана гораздо более фрагментарно. Так, Базановский привел краткую историческую справку только об одном Дербенте, отмечая, что город «и крепость около оного составлял в прежние времена оплот и центр всего Дагестана, назывался вратами Персии – и справедливо дано ему сие название, ибо обойти его невозможно: с одной стороны – горы, а с другой – море образуют его неприступность. Крепость сия по-видимому столь непреступная, повержена Россиянами в начале Персидского похода в 1804 году бывшем» [5, л. 55 – 55об.]. Смесь исторических и практических сведений даны автором записки и о Бакинской крепости, которая «для персиян, не имевших флота и осадной артиллерии, кажется неприступною, но Русские с небольшим усилием овладели оною в 1806 г. Сама же в 1826 г. дважды осаждена обильными силами Персов, встретила препятственную силу от защитников малым гарнизоном» [5, л. 57об. – 58].

Основной акцент в описаниях Кавказских портов, начиная с Шандруковской пристани и заканчивая Ленкоранью, автор сделал на детальном перечне неудобств их использования. Оказалось, что порт Шандруковской пристани «открыт от всех восточных ветров, неглубок и потому удобен только для малых судов» [5, л. 55.]; рейд в Тарках находится слишком далеко от берега, «открыт от всех восточных ветров, а потому небезопасен»; Бакинский рейд славился своими резкими переменчивыми ветрами, вынуждавшими суда становиться на якорь в середине залива, который «тесен и … близко подводная каменная гряда и остатки древнего разрушенного караван-сарая» [5, л. 57]; Сальянский рейд «открыт от восточных ветров, а потому не очень безопасен»[5, л. 58]; Дербентский порт известен среди моряков настолько плохим дном, что «редкое судно устоит на одном якоре, а часто бывает и на двух, и уходит в море. На сем рейде купеческие суда много потеряли якорей, которые еще более наносят вреда» [5, л. 59об.]. Наиболее неудобным из всех портов на российском Каспии, Базановский считал Ленкоранский, который «по причине царствующих здесь жарких ветров» пересыхал летом, а в осенне-зимний период времени «крепкие осенние ветры с морской стороны производят большую качку и принуждают уходить с оного рейда» [5, л. 60].

Стремление предупредить об опасностях при плавании по Каспию чувствуется и при описании Апшеронского пролива, где суда вынуждены останавливаться для мелкого ремонта. Здесь «неглубокое и опасное место якорное есть у Апшеронского берега против полу-банки на глубине 4 ½ сажени. У означенной банки определен форпост казаков, которые имеют бдительность за судами, проходящими сим проливом, и о всем дают знать Бакинской крепости» [5, л. 56].

Российское присутствие на Кавказе выражалось не только в казачьих постах, наблюдавших за мореходством в опасных местах. Базановский вскользь отмечает строительство российских укреплений Кавказской Линии, дошедших до Каспийского моря. Так, при «прежде бывшем» городе Тарки, «на утесистом возвышении Кавказа, выступающем к Югу, в 1824 г. выстроена неприступная от природы и искусства крепость Бурная, при них редут и пристань для выгрузки провианта, доставляемого для гарнизона в оной находящегося» [5, л. 55].

Особое внимание было уделено описанию российской военно-морской базы на острове Сара. «Место сие … избрано по причине границы с Персией и удобства …, где военная Эскадра уже стоит 40 лет, имея свою Штаб-квартиру. Оная … находясь на морской воде, ежедневно получает перстную из колодцев острова сего» [5, л. 59об.]. Сама же эскадра, представляющая основную морскую силу России в регионе, находится «под управлением командира эскадры военных судов, который состоит в полном распоряжении Главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса и выполняет все приказания, относящиеся до мореплавания» [5, л. 59]. Для стоянки флота был выбран самый удобный пункт на российской части Каспийского моря. Он «закрыт со всех сторон и имеет превосходный грунт при глубине от 3-х до 4 сажен в расстоянии от берега в 3 или 4 кабельтовых. … Рейд весьма спокоен и только крепкие ветра иногда разводят небольшие волны, в месяцы Зимы иногда показывается лед, и эска-

дра выходит за остров в море, но лед очень скоро исчезает» [5, л. 59].

Военно-стратегическое положение базы служило стимулом для военной колонизации, и как отмечает Базановский, «продолжительное пребывание Эскадры у сего острова, устроило его в виде порта, куда доставляется из Астрахани провиант, легкие провизии, снаряды и материалы для эскадры и хранятся в Арсеналах, и для берегового жительства лазарет, командира Эскадры и прочих чиновников и служителей, коих служба обязывает проживать на берегу, выстроены изрядные с их прислугами дома и каменная Церковь» [5, л. 59об.].

Отдельным сюжетом в описаниях всех принадлежащих России мест на Кавказском побережье Каспия, являлись сведения об их пользе для государства. Кроме упоминаний, что все портовые места служат пунктами доставки припасов как для расквартированных в них гарнизонов, так и для войск Кавказского корпуса, автор перечислял местные товары, которыми жители могут торговать с Россией. Так, в Дербент через его порт доставляются «товары для торгу с Горцами, а из оной получают краску марену, грецкие орехи и другие Горские товары. Он славится отличной работой бурок, столь необходимых и употребляемых во всем Закавказском крае» [5, л. 55об.].

Бакинская провинция «изобилует солью, коей снабжает Сальянский рыбный промысел, обильна черной нефтью. Но главное ее произведение – Шафран, исключительно в сей провинции растущий, который почти весь отправляется в Персию для пищи и краски желтого цвета. Сверх сего привозятся из всей Персии шелковые, бумажные и выделанные материи и изделия и через здешнюю таможню отправляются на судах и берегом в Астрахань» [5, л. 57].

Характеристика экономики Закавказья в записке переходила на оценки местного населения. «Жители Бакинской провинции, – продолжает автор, – преимущественно упражняются в мореходстве и строят свои расшивы и лодки, на коих по воде в Персию развозят нефть, возят для освящения, и можно сказать, что они очень понятливы, способны к судостроению и мореплаванию, но ленивы, как и все азиятцы» [5, л. 58].

Местные жители имели так же одну полезную религиозную особенность. «На высоком Бакинском берегу, от крепости в 8 ½ милях к ONO, – пишет Базановский, – есть неугасаемые огни от недр Земли исходящие, при коих индейцы имеют капища и приносят подаяния как перед жертвенниками. Они служат мореходцу в ночное время утвердительным пунктом по крепостному плану и видны быть могут за 25 миль» [5, л. 58об.]. Идея использовать вместо маяка свет от огней огнепоклонников для навигации по Каспию, свидетельствовала не об интересе капитана-практика к местным этническим культурам, а диктовалась лишь заботой о безопасной навигации. В общем контексте записок она отличалась, например, от совета какой морской маневр следует проделать, чтобы, используя отражающиеся от берегов ветра проскочить опасный пролив между Апшеронским полуостровом и о. Святой [5, л. 56 – 56об.], только своей оригинальностью. Сама же ассоциация огнепоклонников в Баку с «индейцами» свидетельствует о крайне поверхностном знакомстве автора с объектом повествования.

Однако, даже неточные сведения заканчивались, когда военным требовалось описать земли, лежавшие за границей Российского влияния. Раздел «Порта персидского царства» [5, л. 60об. – 62], куда было отнесено так же и все Восточное побережье моря, фактически не принадлежавшее ни Персии, ни России, содержит очень схематичное описание. Автор считал, что на доброй половине Каспия «весьма немногие [места] заслуживают сие название и [портом] только может называться по своей торговле один Энзелинский, лежащий в Южной склонности Каспийского Моря при заливе того же названия» [5, л. 60об.].

Открытый для международного посещения порт «есть центр всей персидской морской торговли, куда свозятся произведения персидские через город Реш в котором складка товаров и прежде пребывал Российский консул» [5, л. 60об.], – продолжал Базановский. Раньше этот порт был главным центром российского влияния и «до 1805 г. в заливе стояло постовое судно на брандвахте, но после сего года трактатом воспрещено и ныне только временно на рейд оного приходят военные и казенные суда» [5, л. 60об.].

За время пребывания на персидской земле, российские военные смогли очень точно изучить и Энзелийский порт и весь прилегающий к нему залив. «Рейд оного самый наибезопаснейший во всем Море, в особенности при северных ветрах, коим он совершенно открыт, – пишет Базановский. На оном суда становятся на глубине в 16 сажен на хорошем грунте, но где множество потерянных якорей, а потому никак нельзя ручаться за целость своего якоря и каната. При северных ветрах волнение бывает столь велико, что с глубины 10 сажен начинается бурун и тем оный опасен, что из залива противное течение. Купеческие суда, имеющие углубление не более 6 футов, в тихое время входят в залив, а прочие до сего углубления разгружаются и тогда входят. Вход в залив мелководен, но глубина в средине сначала от 2 до 3 сажен; от входа закрыт и спокоен» [5, л. 61].

Все другие портовые места на Южном берегу Каспия, даже лежащие между Энзели и российской границей, были удостоены лишь констатацией факта их существования. Как и в предыдущей записке российский исследователь называл пять портовых мест в Персии и отмечал, что «прибрежные рейды, хотя и лучше Энзелинского, но весьма незначительно. Из них Сенфидуринский и Астрабадский используются только для рыболовья, Ланигруский и Шахалинский заведены для покупки дров, кои привозятся из Баку по неимению в оной лесу» [5, л. 61 – 61об.]. Более подробных сведений о них, кроме указания географических координат рейдов, российские военные не имели.

Однако даже эти сведения выглядели весьма точными по сравнению с тем, что сообщалось о громадном Восточном побережье Каспия. Командование российским флотом на море, конечно, не сомневалось, что «от Астрабадского залива и до мыса Тюк Карагана [на полуострове Мангышлак] восточный берег имеет хорошие якорные места»[5, л. 61об.], но указывала лишь две эти крайние точки, первая из которых была той границей к которой в Персии продвинулись российские войска во время экспедиций начала XVIII в., а вторая – известным еще со времен Древней Руси пунктом торговли с Востоком. Описать громадную по протяженности береговую линию между этими пунктами сколько-нибудь точно мешал военно-политический фактор – то, что «жители по берегам – кочующие туркмены разных поколений – народ хищный и дикий»[5, л. 61об.].

Весь Северо-Восточный участок Каспийского моря до реки Яик был обширной приграничной зоной, которая хоть формально и принадлежала Российскому Морскому рыболовству «под названием Элибенского промысла», но фактически была так же слабо изучена. Об этих водах Базановский мог только сказать, что море «имеет местами до 7 сажен глубины, а берег отлогий» [5, л. 61]. Зато военные хорошо знали, что приграничные воды неспокойны и «сии промыслы в летнее время когда производится лов рыбы защищаются военными судами под названием “Элибенские военные боты” от хищных туркменцев и киргиз-кайсаков, но редкое лето проходит, чтобы разбойники сии не захватили какого-либо судна, которое, разграбив, пускают в Море или сжигают, а людей не могущих противиться, забравши в плен, отводят с собою в рабство или продают Хивинцам» [5, л. 62].

Изо всех пунктов на Северо-восточном и Восточном побережье Каспия военным был известен только один – место древней торговли, существовавшее со времен Великого Шелкового пути напротив выхода из Волги. «В заливе Тюк Караганы есть пристань без всякого селения, именуемая Мангышлакская, через которую производится торг с Хивою и Бухарою, по предварительным условиям суда здесь дожидаются караванов для принятия груза» [5, л. 61об], – писал Базановский.

В целом, по описаниям 20–30 гг. XIX в. можно судить о характере знаний Российских военных о том море, в котором русские купцы плавали со времен Новгородских ушкуйников. Лучше всего они изучили саму Астрахань и устье Волги, которым было посвящено практически половина обеих записок. Затем, российские суда традиционно, плыли по западному побережью, которое в сведениях военных получило определенное отражение. Чем дальше описания уходили на Юг, тем отрывочнее и схематичнее они становились, а на картах XVIII – первой половины XIX вв. неизвестное пространство сокращалось, вызывая серьезные искажения в конфигурации самого моря и Кавказского перешейка [4]. Причем море с его ветрами, волнениями, глубинами и течениями было описано морскими офицерами гораздо более живо и правдоподобно, чем то, что находилось на его берегах.

Записки капитанов конца 20 – начала 30 гг. XIX в. так же отражают общую особенность ранних российских военно-разведывательных исследований. Они создавались не для широкой публики – не с целью популяризации знаний о дальних окраинах империи, а писались военными для того, чтобы их читали такие-же военные. В результате знания о Каспии не выходили за стены Морского министерства и по словам известного ориенталиста второй четверти XIX в. И. Березина, «нельзя не упрекнуть каспийских моряков в равнодушии к общей пользе: за исключением двух-трех имен… укажите мне других тружеников науки» [1, с. 31–32]. При всей эмоциональности оценок путешественника середины XIX в., И. Березин точно подметил замкнутый характер проводившихся в Российской империи военных исследований.

Он накладывал негативный отпечаток даже на стиль имевшихся в России описаний Каспия, обращаясь к которым, современный исследователь не воскликнет вслед за британским писателем Дж. Паксманом, что записи первооткрывателей, конечно, «пронизаны непреклонной уверенностью в собственном превосходстве, звучащей в наши дни даже оскорбительно: мыслью, что “белый лучше знает” то, как устроен Мир. Однако, невозможно, читая их не заразиться восхищением первопроходца перед кричащим разнообразием неведомых земель с их людьми, животными и растениями» [12, p. 109]. Российские военные исследователи в отличие от британских первооткрывателей в своих трудах не восхищались неведомым, а делали рутинную бюрократическую работу. Писали по требованию вышестоящего начальства, а не для того, чтобы передать широкому кругу читателей сведения о новых землях и этим прославить свое имя. В результате наши архивы и по сей день хранят целый пласт не введенных в научный оборот описаний, скрывают плеяду имен исследователей в погонах.

Источники и литература

1. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская типография, 1850. 473 с.

2. Вильдбрехт А. М. Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два Наместничества Империю разделяющий. СПб.: б.и., 1792. 45 л.

3. Колосовская, Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.

4. Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений // Столистовая карта Российской империи. Сочинена, гравирована и печатана при Его Императорского Величества депо карт. СПБ.: б.и., 1816, л. 1.

5. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф.407. Оп.1. Д.195.
6. Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцева. Т.18, СПб.: Типография Императорской академии наук, 1904. 673 с.
7. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти…» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: СГУ, 2011. 303 с.
8. Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток (Orense). 2017. №1. С. 6–27.
9. De Hell H. H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea. London: Chapman and Hall Publ., 1847. 456 p.
10. Fraser J. Travels and adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea. London; Longman Publ., 1826. 384 p.
11. Hanway J. An Historical account of the British trade over the Caspian Sea. Vol I. London: Vaillant and Mr. Patterson Publ.,1753. 399 p.
12. Paxman J. Empire. What Ruling the World did to the British, Oxford: Penguin group Publ., 2011. 335 p.

References

1. Berezin I. Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkaz'yu *(The Travel on Dagestan)*. Kazan': University printing office, 1850. 473 p. (In Russian)
2. Vil'dbrekht A. M. Rossiyskiy atlas iz soroka chetyrekh kart sostoyashchiy i na sorok dva Namestnichestva Imperiyu razdelyayushchiy *(Russian Atlas containing forty four maps, dividing the Empire into forty two viceroys)*. St.Petersburg, 1792. 45 p. (In Russian)
3. Kolosovskaya T. A. Rossiiskie voennye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. *(Russian militaries in the foundation of the Caucasus studies)*. Moscow: Kalligraf publ., 2015. 240 p. (In Russian)
4. Podrobnaya karta Rossiiskoi imperii i blizlezhashchikh zagranichnykh vladenii *(The detail map of Russian Empire and foreign near-located regions)* // Stolistovaya karta Rossiiskoi imperii. Sochinena, gravirovana i pechatana pri Ego Imperatorskogo Velichestva depo kart. St.Petersburg, 1816. (In Russian)
5. Russian state navy archive (RGA VMF) F.407. Inv.1. D.195. (In Russian)
6. Russkii biograficheskii slovar' *(Russian Biographical dictionary)* / ed. by A. A. Polovtsev. Vol.18. St. Petersburg, 1904. 673 p. (In Russian)
7. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatelya i uiti…» Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov) *(We fought in the Caucasus not to defeat the enemy and retreat')*. Stavropol': NCFU publ., 2011. 303 p. (In Russian)
8. Fursov K. A. Geopolitika ili ekonomika? Sootnoshenie tselei anglo-russkoi ekspansii v Tsentral'noi Azii v XIX v. *(Geopolitics or Economy? The Correlation of the Goals of Anglo-Russian Expansion in Central Asia in the Nineteenth Century)* // Vostok (Orense). 2017. No.1. P.6–27.
9. De Hell H.H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea. London, 1861. 456 p.
10. Fraser J. Travels and adventures in the Persian Provinces of the Caspian Sea. London, 1826. 399 p.
11. Hanway J. An Historical account of the British Trade over the Caspian Sea. Journal of Travels. London, 1756. 444 p.
12. Paxman J. Empire. What Ruling the World did to the British, Oxford: Penguin group Publ., 2011. 335 p.

Сведения об авторе

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmsg@rambler.ru

Information about the author

Tkachenko Dmitrii – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History of North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmsg@rambler.ru

УДК 94(470.64)

Н. А. Шаожева

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВА И СТРУКТУРЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КПСС КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ В 1985–1991 гг.

В статье анализируются вопросы численности, состава и структуры Кабардино-Балкарской организации КПСС, отражающие региональный вариант внутрипартийной жизни «руководящей и направляющей силы советского общества» в 1985–1991 гг. Изменение этих ключевых факторов ясно показывает, как в условиях трансформации советской общественно-политической системы 1985–1991 гг. проявлялись кризисные процессы внутри КПСС. Обоснована авторская периодизация, отражающая динамику этих процессов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этих кризисных процессов внутри Кабардино-Балкарской организации КПСС, которые отражали, с одной стороны, снижение ее политической, идеологической и организационной роли в жизни республики, степени политической адаптации к новой социально-политической реальности, формируемой ЦК КПСС, а, с другой, позволяют реконструировать события развала региональной политической системы.

Основными источниками исследования послужили архивные материалы, собранные в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики, которые содержат подробные данные по численности, половозрастному, профессиональному, национальному составу республиканской парторганизации. Информация, полученная из архивных статистических документов, дополняется опубликованными материалами личного происхождения и сведениями из средств массовой информации.

В работе освещены события, связанные с появлением новых политических сил и с развитием общественных процессов, которые обусловили негативную трансформацию роли и статуса Коммунистической партии Советского Союза.

Показано, как формирующиеся национальные общественные организации, изначально создаваемые в качестве культурных центров по возрождению языка, культуры и истории, получив определенную поддержку общества, стали реальной оппозиционной силой, противостоящей партийным и советским органам республики.

Ключевые слова: КПСС; Кабардино-Балкарская организация КПСС, перестройка, динамика численности; состав, структура, идеология.

N. Shaozheva

DYNAMICS OF NUMBER, COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE CABARDINO-BALKARIA ORGANIZATION OF THE CPSU AS THE REFLECTION OF ALL CRISIS PROCESSES IN SOCIETY IN 1985–1991

The article analyzes the issues of the size, composition and structure of the Kabardino-Balkaria organization of the CPSU, reflecting the regional version of the intra-party life of the “leading and guiding force of Soviet society” in 1985-1991. The change in these key factors clearly shows how in the context of the transformation of the Soviet social and political system 1985-1991 crisis processes within the CPSU were manifested. The author’s periodization, reflecting the dynamics of these processes, is substantiated.

The relevance of the study is conditioned by the need to study these crisis processes within the Kabardino-Balkaria organization of the CPSU, which reflected, on the one hand, the decline of its political, ideological and organizational role in the life of the republic, degree of political adaptation to the new socio-political reality formed by the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, and, on the other hand, allow to reconstruct the events of the collapse of the regional political system.

The main sources of the study were archival materials collected at the Documentation Center for the Modern History of the Kabardino-Balkaria Republic, which contain detailed data on the number, age, professional, national to the Republican Party. Information obtained from archival statistics is supplemented by published personal material and media information.

The work highlights the events related to the emergence of new political forces and the development of social processes, which led to a negative transformation of the role and status of the Communist Party of the Soviet Union. It shows how the emerging national social organizations, originally established as cultural centers for the revival of language, culture and history, having received some support from society, have become a real opposition force, opposing the party and Soviet bodies of the republic.

Key words: Communist party, Kabardino-Balkaria Communist party organization, restructuring, population dynamics; composition, structure, ideology.

70–80-е годы XX века вошли в историю нашей страны как годы стагнации и застоя в экономической и политической сферах жизни Советского Союза. Новый курс, взятый руководством КПСС во второй половине 1980-х гг., был направлен на коренное обновление советского общества, которое, вместе с тем, не затрагивало бы принципиальные основы «программы построения коммунизма», принятой в 1961 г. на XXII съезде КПСС. Эту работу предполагалось провести на основе новой государственной идеологии – «демократического социализма». Но, как показало время, эта политика не только не смогла ликвидировать накопившиеся противоречия в обществе, но и привела к еще большему обострению политических, социальных и экономических отношений, а КПСС была обвинена в организации государственного переворота, повлекшего запрет ее деятельности.

Анализ кризисных процессов, происходивших внутри Кабардино-Балкарской организации КПСС, в контексте перестроечных процессов, активизированных Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Основными источниками исследования послужили архивные материалы, собранные в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики, опубликованные документы личного происхождения и средств массовой информации.

История Кабардино-Балкарской партийной организации в период с 1985 по 1991 гг. до сих пор не получила должного научного осмысления в региональной гуманитарной науке. Специальных публикаций на эту тему не выявлено. Но, в то же время, есть работы российских исследователей, в которых дан анализ политической адаптации КПСС к вызовам перестройки, изучены качественные и количественные изменения в жизни правящей партии. Это работы: Барсенкова А. С. [3], Котлярова М. В. [15], Величко С. А. [7], Сеелева И. В. [23], Бехтерева Л. С. [5], Волгина И. В. [8], Лукашевича Д. А. [16], Белоусова Г. [4].

Особую группу источников представляют работы тех, кто был непосредственным свидетелем краха КПСС в центре и Кабардино-Балкарии. Это работы Оникова Л. А. [20], Осадчего И. П. [21], Рудинского Ф. М. [22], Кокова В. М. [14], Докшокова М. И. [10], Зумакулова Б. М. [12] и др.

Различные аспекты этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии в период с 1985 по 1991 гг. рассматривались в работах региональных исследователей: Борова А. Х. [6], Тетуева А. И. [24], Аккиевой С. И. [2], Шоровой М. Б. [50] и др.

Динамика численности, состава и структура Кабардино-Балкарской организации КПСС. 11 марта 1985 года к руководству КПСС пришел М. С. Горбачев – политик новой формации, понимавший глубину проблем, накопившихся в недрах советского общества. Пройдя все ступени партийной иерархии, получив поддержку значительной части партийной номенклатуры среднего и высшего звена, он предпринял ряд решительных шагов. Во-первых, была осуществлена перестановка в высшем руководстве. Во-вторых, на Апрельском пленуме КПСС 1985 г. он выступил с инициативой «обновления социализма», направленной на ускорение социально-экономического развития [17, с. 16]. В-третьих, была организована антиалкогольная компания. Ее целью явилась борьба с пьянством и алкоголизмом, ставшие крайне опасным социальным явлением в СССР. В-четвертых, была объявлена борьба с нетрудовыми доходами и яркая демонстрация борьбы с коррупцией.

Важным этапом в жизни КПСС стал XXVII съезд, проходивший 25 февраля – 6 марта 1986 г. М. С. Горбачев представил политический доклад, в котором объявил о расширении гласности, так как именно этот политический механизм мог реально показать принципиальные недостатки предшествующего руководства страны, проявляющиеся в экономике и социально-духовной сфере [9]. Также, были озвучены планы развития народно-хозяйственного комплекса; предложена система мер по совершенствованию системы управления и методов хозяйствования. Ключевая роль в реформировании всех сторон жизни советского общества отводилась партии, перед которой ставилась конкретная задача «… решительно переломить неблагоприятные тенденции в развитии экономики, придать ей должный динамизм, открыть простор инициативе и творчеству масс, подлинно революционным преобразованиям… Другого пути нет» [1, с. 45].

Активный настрой и эффективная деятельность М. С. Горбачева в первые годы перестройки оказали благотворное влияние на общественное настроение, что не могло не сказаться на численности партии, как в целом по стране, так и в Кабардино-Балкарии. Так, в 1985 г. общая численность членов и кандидатов в члены партии в КБАССР составляла 46328 тыс. человек, а в 1986 году эта цифра составила уже 47127 тыс. чел. соответственно [26, л. 1].

Каких-либо изменений в составе и структуре республиканской парторганизации в обозначенный период ни в половозрастном, ни в образовательном, ни в национальном плане не наблюдалось.

В тоже время процессы обновления партии сказались на количестве исключенных из партии. М. С. Горбачев выдвинул жёсткое требование, касающееся укрепления партийной дисциплины и ответственности. Райкомы и горкомы КПСС были обязаны работать «над улучшением качественного состава нового партийного пополнения, его воспитания, повышением боевитости партийных органов» [27, л. 19]. В соответствии с этой установкой в 1985 г. было исключено 183 чел., в 1986 – 213 чел. [26, л. 3, 4] Основная причина – пренебрежение партийной дисциплиной. Выбывшие из партии за этот период составляли – 1985 г. – 61 чел., 1986 – 55 [26, л. 3,4]. Интересно то, что выбывшим считался тот член или кандидат в члены партии, кто не уплатил членские взносы без уважительных причин в течение трех месяцев. После этого он

фактически утрачивал связь с партийной организацией, что означало выбывание из партии [25].

С 1987 г. стали происходить определенные изменения в динамике численности партии. На Январском пленуме ЦК КПСС 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС взял курс на пополнение партийных рядов и одновременно отметил, что крайне важно восстановить чистый и честный облик коммуниста, необходимо очистить партию от недостойных людей, которые в нее проникли, извлекая выгоду из партийного билета [19].

Первоначально, перестройка в системе кадровой политики дала свои результаты. Так, Кабардино-Балкарская областная парторганизация пыталась активизировать деятельность комиссий партийного контроля в борьбе «за чистоту партийных рядов». Было введено в практику работы парторганизаций проведение собеседования с коммунистами по определению позиции каждого из них. Комиссии по партийной работе, а также первичные парторганизации усилили внимание за соблюдением партийного устава, дисциплины, систематической уплатой членских взносов. В практику было введено широкое гласное обсуждение при приеме кандидатов в члены партии. И, в тоже время, определенное сокращение членов в партии происходило, на наш взгляд, благодаря этим мерам. Например, в 1985 году было принято в ряды партии 1328 тыс. чел, в 1986 г. – 1355 тыс. чел., а уже в 1987 г. эта цифра сократилась до 1250 человек [28, л. 1–4, 26].

На численности партии, кроме изменения политики в отношении приема в ее ряды, сказалась и структурная перестройка экономики. Создание новых форм хозяйствования – кооперативов, привело к перераспределению трудовых ресурсов по сферам деятельности, повлекшее за собой сокращение числа работающих в государственном секторе экономики, за счет которых и происходило пополнение рядов парторганизации [18, с. 46]. Партийными органами республики предпринимались меры по дополнительному вовлечению населения в общественное производство. Но, численность занятых, вместо увеличения, сократилась на 45,6 % [29, л. 17].

В целом, численность республиканской партийной организации Кабардино-Балкарии продолжала расти, но меньшими темпами. В 1987 г. она вместе с кандидатами в члены партии составляла 47833 тыс. человек, что на 706 человек больше по сравнению с 1986 г. (1,5 %) [28, л. 1].

С 1988 г. тенденция сокращения численности партии усиливается за счет изменения общественных настроений в СССР. Связано это было с XIX Всесоюзной партконференцией, проходившей с 28 июня по 3 июля 1988 г., на которой было провозглашено возвращение к полновластию Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления. Такой подход к Советам говорил о том, что руководство КПСС в корне изменило свою политику в отношении органов власти и управления. Именно введение демократического контроля стало реальным показателем перестройки властных отношений, выражающимся в распределении властных полномочий между партийными и советскими органами. Предполагалось вернуть Советам законодательную, управленческую и контрольную функции. Авангардная же роль продолжала принадлежать КПСС и заключалась в идеологической разработке общего курса, по которому шло развитие страны [13].

В этой связи, были введены демократические принципы внутрипартийной жизни и в республиканской парторганизации КБАССР, включающие в себя децентрализацию управления, коллегиальный принцип обсуждения и принятия решений. Также обращает на себя внимание развитие новых форм народовластия: Советов трудовых коллективов, рабочих комитетов, Советов местного самоуправления и т.д., возникающих по инициативе трудящихся [30, л. 33].

Демократизация общественно-политической жизни страны, привела к усилению влияния неформальных общественных групп и объединений, которые стали играли существенную роль в трансформации общественных настроений. Речь идет об «Ашамаз» и «Голлу», национальных общественных организациях, изначально строивших свою деятельность на изучении вопросов истории, культуры, фольклора кабардинского и балкарского народов. Их деятельность постепенно стала политизироваться и в коллективных дискуссиях и диспутах, посвященных истории и современной роли партии, стали звучать речи, направленные на критику деятельности КПСС и курса проводимых реформ [31, л. 1]. В этой связи, в республике, в неформальных общественных организациях все чаще стали звучать слова о «вредности коммунистических идеалов», о том, что Коммунистическая партия уступила власть Советам и начала устраняться от решения важных политических и социально-экономических вопросов. [12, с. 168].

Новые общественные настроения ярко проявились в количестве кандидатов в члены КПСС в 1988 г., общее число которых составило 1000 человек, что на 25 % было меньше, чем в 1987 г. [32, л. 4]. В общей сложности, количество принятых коммунистов в республиканской организации КПСС этот период увеличилось на 489 чел. и составило 48322 тыс. чел., но это было на 217 чел. меньше (0,5 %) по сравнению с 1987 г. (706 чел.) [33, л. 1].

Показательным было то, что с 1988 г., помимо исключенных, происходил уже добровольный выход из состава КПСС по заявлениям, принявшим массовый характер к 1990 г. И, несмотря на то, что руководство партийной организации предпринимало серьезных усилий по привлечению в свои ряды новых членов, к сожалению, шел обратный процесс. С января прошлого (1987) года из рядов КПСС вышли по заявлению 207 человек [33, л. 10]. Но реальные причины выхода из партии секретари городских и районных парторганизаций скрывали, убеждая обком КПСС, что, отток из

партийных рядов связан с увеличением членских взносов в связи с повышением зарплаты.

Изменился социальный состав партийных организаций КБАССР. По сравнению с прошлыми годами, рабочие составляли уже не более 40% (было 45 %). Существенное снижение удельного веса рабочих произошло в Прохладненской, Тырныаузской городских и Октябрьской районной парторганизациях [34, л. 9–10]. Не росла рабочая партийная прослойка и среди руководителей среднего звена, а в некоторых районах, таких как Урванский и Баксанский, даже сократилась. Численность колхозников не превышала 15 % (было 18 %), 37 % приходилось на представителей научно-технической интеллигенции, работников просвещения, здравоохранения и культуры [34, л. 9–10]. Несмотря на достаточно высокий процент служащих, «в республике наметились тенденции к снижению партийной прослойки в учебных заведениях…» [35, л. 29–30]. Однако, несколько возросла численность коммунистов-женщин. Их в областной организации насчитывалось 28,6 % или 13825 тыс. чел. (в 1987 г. – 13663 тыс. чел.). [34, л. 10].

Для того, чтобы не допустить дальнейшего ослабления роли КПСС в обществе и сокращения численности парторганизаций, на X Пленуме областного комитета КПСС 24 ноября 1988 г., в целях совершенствования работы партаппарата, была поставлена четкая задача – всемерно изживать командно-административные методы руководства, которые могли быть причиной формирования антикоммунистических настроений и способствовать сокращению рядов партии, постоянно совершенствовать стиль и формы работы с учетом развития демократизации и гласности.

1989 г. можно охарактеризовать как период, в течение которого резко стали выявляться кризисные явления в обществе. 26 марта 1989 г. прошли выборы народных депутатов СССР на альтернативной основе, что усилило, с одной стороны, процессы политического обновления общества, которые стимулировали тенденции постепенного становления и развития в государстве идеологического и политического плюрализма, проявившиеся в формировании политического лидерства, выступавшего за ликвидацию монополии КПСС на власть, за самостоятельность республик и за рыночную экономику. С другой, накал политической борьбы ухудшил социально-экономическую обстановку в стране. Рост инфляции привел к товарному дефициту, что повлекло за собой ряд забастовок, например, шахтеров Кузбасса, которые стали первыми открытыми массовыми забастовками в стране [15, с. 273].

Все это не могло не отразиться на динамике численности и составе республиканской парторганизации. Так, в начале 1989 г. общая численность коммунистов (вместе с кандидатами) Кабардино-Балкарской республиканской парторганизации составила 48265 тыс. чел. [36, л. 1]. Но, как свидетельствуют документы «…. количество принимаемых в партию в Нальчике уменьшилось на 41 %, в Прохладненском районе – на 61 %, в Терском районе – на 48 %» [37, л. 2].

Важным, на наш взгляд, является то, что, если с 1985 г. шел планомерный приток в ряды областной организации КПСС интеллигенции (1985 г. – 5997 тыс. чел., 1986 г. –. 5939 тыс. чел., 1987 г. – 6143 тыс. чел., 1988 г. – 6135 тыс. чел.), то с 1989 г. происходило сокращение данной социальной страты в рядах партии – 1989 г. – 6051 тыс. чел., 1990 г. – 5891 тыс. чел. [36, л. 1–165; 39, л. 1–125]. Снижение численности парторганизации на 107 человек за пять лет, конечно, не существенно, фактически – это естественная убыль, но оно демонстрирует тенденцию скептического отношения к демократическим реформам, проводимым М. С. Горбачевым и его окружением.

Но особенно снизился прием в партию рабочих и колхозников, причем эта тенденция имела место в большинстве партийных организаций предприятий промышленности, колхозов и совхозов КБАССР. Так, доля принятых рабочих в партии по сравнению с 1988 г. сократилась на 45 % (1988 г. – 520 чел., в 1989 – 287 чел.), а численность колхозников на 27 % (1988 г. – 150 чел.. в 1989 г. – 109 чел.) [38, л. 21].

Также уменьшился приток в партию молодежи через комсомол. Если, в 1985 г. общее число молодежи, вступившей в ряды КПСС, составляло 954 чел., то в 1989 г. эта цифра равнялась 349 чел., а в 1990 г. – 104 чел. [27, 36, 40].

В 1990 г. кризисные явления в политической и социально-экономической жизни СССР усилились. 15 марта III Съезд народных депутатов отменил 6 статью Конституции СССР, закрепляющую идеологическую и политическую монополию КПСС, ввел институт президентства в СССР.

Поворотным событием для КПСС стал XXVIII съезд, который проходил в июле 1990 г. Коммунисты, в том числе и Кабардино-Балкарской республиканской парторганизации, большие надежды связывали с этим съездом, надеясь на четкую программу действий партии по выходу из глубокого политического и социально-экономического кризиса в СССР. В выступлениях многих руководителей и рядовых коммунистов республики звучала мысль: «перестройка партийного аппарата должна усилить партийное влияние во всех сферах жизни республики» [32, л. 64]. Обком и партийные комитеты надеялись, что будет принято постановление XXVIII съезда по усилению внимания к вопросам развития внутрипартийной жизни, отбору в партию и укреплению партийных рядов. К сожалению, все внимание СМИ и общественности было сфокусировано на заявлении Б. Н. Ельцина о выходе его из рядов КПСС, а не принципиальных вопросах внутрипартийной жизни. Деструктивные действия Ельцина, бывшего первого секретаря Московского горкома партии и кандидата в члены Политбюро КПСС, усугубили идеологический раскол и сделали очевидным полярный расклад политических сил в обществе, в том числе и Кабардино-Балкарии.

Кризисные явления в политической жизни страны были связаны и с центробежными тенден-

циями в союзных республиках, которые постоянно освещались в СМИ. 12 июня 1990 г. на первом Съезде народных депутатов РСФСР была принята «Декларация о государственном суверенитете России», в которой официально был провозглашен приоритет российского права над союзным на территории РСФСР.

Эти процессы серьезно подорвали авторитет партии, что сказалось на ее численности, составе и структуре. Исправить положение дел в республике был призван XI Пленум областной парторганизации КБАССР, проведенный в 1990 г., на котором, в соответствии с еще действующими установками ЦК КПСС, было принято решение повысить требовательность к вступающим, избавляться от бытовавшей практики формального, механического регулирования приема новых членов [39, л. 14]. Опираясь на известные демократические принципы, руководство республики пыталось сдержать массовый выход членов партии из рядов КПСС, но это была, по сути, бесплодная работа, поскольку политическую ментальность граждан республики формировали не выступления и инструкции Обкома КПСС, а радикальные союзные, российские и региональные средства массовой информации девальвирующие советскую историю, социалистические ценности, деятельность партии.

Важным шагом в работе республиканской парторганизации КБАССР стало решение бюро Кабардино-Балкарского обкома партии от 24 июля 1990 г., в котором говорилось, что «с учетом мнения коммунистов Нальчика» упраздняются Ленинский и Октябрьский райкомы КПСС г. Нальчик [39, л. 2. 40, л. 9]. Это было сделано с целью укрупнения Нальчикской парторганизации для оптимизации и демократизации ее работы.

Ряды парторганизацией республики продолжали редеть. Общее количество членов и кандидатов в партию составило в 1990 г. 44538 тыс. чел. по сравнению с 48284 тыс. чел. в 1989 г., т.е., численность членов партии сократилась на 3746 тыс. чел. (7,8 %). Изменения коснулись и социального состава. По сравнению с 1989 г. количество рабочих уменьшилось на 13 %, составляя 41,2 % от общего числа коммунистов, удельный вес крестьян уменьшился на 7,8 %, а служащих на 4,4 % [38, л. 2]. На основе анализа документов УЦДНИ АС КБР, нами выявлено уменьшение удельного веса коммунистов, занятых в народном хозяйстве, во всех городских и районных парторганизациях. В целом по республике он оставлял 9,5 % [38, л. 1–5].

Что касается численности коммунистов по партийному стажу, то усилился процесс старения рядов партии. Удельный вес членов партии от 60 лет и старше составлял 45,6 %, что на 4,6 % было больше, чем в 1989 г. Почти пятая часть коммунистов республиканской парторганизации состояла в КПСС более 30-ти лет. Безусловно, этот факт свидетельствовал о зрелости ее состава. Но это, так же, говорило о том, что молодое поколение интересовали иные общественно-политические проблемы, чем внутрипартийная работа.

Национальный состав парторганизации за период с 1985 по 1990 гг. практически не изменился. Среди коммунистов были представители более 50-ти национальностей, в том числе кабардинцев – 43,2 %, русских – 35,9 %, балкарцев – 10,9 % [38, л. 3].

Продолжалось сокращение кандидатов в партию, особенно из рабочих. В 1990 г. в партию было принято только 245 человек, что в три раза было меньше, чем в 1989 г. В парторганизациях совхозов рядовые рабочие, занятые в полеводстве и животноводстве, составляли 28,6 %, хотя в колхозах данная категория молодых коммунистов составляла 52 %. Среди принятых в партию служащих было около 30 %. В целом, по республике, происходило сокращение притока в партию рабочих в Нальчикской городской парторганизации – на 19,6 %, Прохладненской – на 35,4 %, Майской – на 23,3 %, Терской – на 20,2 %, Урванской – на 20,8 %. Первичные парторганизации за 1990 г. Тырныауза не приняли ни одного рабочего [42, л. 4].

Увеличилось количество выбывших коммунистов из рядов партии. Так, общее их число составило 3625 тыс. чел. Основная масса членов партии, добровольно покинувших ее, была из среды рабочих и служащих. Т.е., за 1990 г. потери партии составили 4134 тыс. чел., включая исключенных (509 чел.) [41, л. 4].

Среди объективных и субъективных причин, которые способствовали выходу коммунистов из партии, выделим следующие. Отметим, что они были высказаны самими коммунистами как в ходе социологических опросов, которые проводил областной комитет КПСС КБССР в 1990 г., так и в средствах массовой информации. Члены партии указали: снижение авторитета КПСС (75 %). Здесь имелось ввиду несогласие с политикой партии, проявляющееся в неудовлетворенности ходом перестройки, работой первичных парторганизаций, решением жилищно-бытовых и социальных вопросов. Другие в качестве основной причины указали на то, что считают себя недостойными состоять в рядах партии в связи с возросшими требованиями (10 %). Часть ссылалась на плохое здоровье (11 %). 40 % опрошенных отказались объяснять причины выхода из рядов КПСС [41, л. 3]. Соблюдение партийной дисциплины стало неактуальным, что ярко демонстрировало общее настроение в отношении популярности КПСС в обществе. Так, около трети опрошенных не желали выполнять партийные обязанности, в т.ч. уплачивать возросшие членские партийные взносы [41, л. 3]. С их позиции, партия отражала интересы не трудящихся масс, а своего аппарата – от районного комитета и выше, который благополучно содержался за счет партийных взносов. Особое раздражение вызывал бюрократизм партийной работы [11]. Неуплата членских взносов, систематическое отсутствие на партсобраниях, нарушение уставных требований – все это явилось причинами и исключения из рядов партии.

Тем не менее, прием в партию продолжался. В 1990 г. в ряды КПСС было принято 328 человек.

Это были, безусловно, люди, хорошо обдумавшие свой шаг и руководствующиеся идейными убеждениями. В новых условиях жизни общества конъюнктурные мотивы ушли в прошлое. Вместе с тем, в работе по формированию состава парторганизаций обострились старые и появились новые проблемы. На этапе перехода от статистически разноразрядочного подхода, включающего в себя жесткие требования социального квотирования и индивидуальный отбор, к демократизации приема в партию, многие первичные организации продолжали ослаблять «идейно-воспитательную работу» среди рабочих и колхозников. Именно эти категории партийцев стали стремительно сокращаться. «Среди принятых в партию в 1990 г., удельный вес рабочих составил лишь 17,1 %, а колхозников – 20,4 %» [43, л. 24].

Сокращение численности партийных рядов повлекло за собой структурные изменения в парторганизациях. Это касалось, прежде всего, цеховых парторганизаций и партийных групп. За 1990 г. по сравнению с 1989 г. количество цеховых организаций уменьшилось на 90, а партийных групп – на 368 [38, л. 1–7].

Падение авторитета КПСС к концу 1990 г. было связано с появлением различных идейно-политических оппозиционных течений, открыто выражающих свое негативное отношение к ее работе. Например, на Учредительном съезде Демократической партии Кабардино-Балкарии, входящей на федеративных началах в Республиканскую партию России, с докладом о текущем моменте выступил Ж. М. Губачиков. Он критически оценил экономическое и социальное положение в республике и возложил вину за это на партийный аппарат, который отказался от прямого вмешательства в хозяйственные дела и озабочен был только сохранением своего привилегированного положения…» [30, л. 37, 38].

1991 г. – заключительный период «перестройки», отмеченный резким ухудшением экономического и социального положения в стране, углублением кризиса советской государственности.

Эти факторы обусловили существенное сокращение численности партийных рядов (за 1991 год использовались данные только за первое полугодие). За первые семь месяцев 1991 г. численность членов партии составила всего 41940 тыс. чел., сократившись на 3099 тыс. чел. (7 % за 7 месяцев). В большинстве своем это была часть населения, занятая в материальном производстве и наиболее пострадавшая в результате «перестроечных» реформ.

В республике из общего числа вышедших членов партии, рабочие составили 825 чел. (44 %), крестьяне – 95 чел. (5 %), служащие– 729 чел. (39 %) [44, л. 22]. Что касается интеллигенции, то она продолжала вступать в партию (за первое полугодие было принято в КПСС 83 человека, из них служащих 35 (56,4 %) [45, л. 1]), что косвенно свидетельствовало об ее социальном и материальном самочувствии. Значительная часть интеллигенции продолжала поддерживать демократический курс М. С. Горбачева. Число исключенных из партии по различным обстоятельствам, составило 850 человек, из них рабочих – 445, крестьян – 67, служащих – 253 [45, л. 2].

Что касается численности коммунистов по партийному стажу, то «лидировали» те, у кого он достиг 20 лет и более – 835 чел. (44,6 %), количество коммунистов, имеющих партстаж до 5 лет, составило 215 чел. (11,5 %) [44, л. 22].

Исходя из официальных статистических отчетов областного комитета партии о составе городских и районных парторганизаций в отношении привлечения женщин в ряды партии, ситуация не менялась до 1991 г. КПСС жестко квотировала представительство женщин в своих рядах. От общего числа коммунистов женщины в республиканской парторганизации составляли около 30 %. Но с 1991 г. партийных лидеров стало беспокоить то, что слабое участие женщин в политической жизни республики было неадекватно их политическому потенциалу. По мнению партийных лидеров, «наблюдалось низкое представительство женщин в выборных органах партии, что не соответствовало их удельному весу в составе КПСС, уровню образования, что не обеспечивает активного их включения в процессы обновления партии и страны» [46, л. 30] Что касалось представителей женщин среди членов рескома КП РСФСР, то они составляли всего 15,4 %; среди освобожденных секретарей парторганизаций – 5,5 %. Не было женщин среди первичных секретарей горкомов, райкомов партии. Резко сократилось количество женщин в Советах. В Верховном Совете республики женщины составляли 14,4 % (было 43 %). Не было женщин в Верховном Совете РСФСР, уменьшилась доля женщин в органах государственного управления всех уровней. Женщины – руководители предприятий и организаций составляли всего 2 % [46, л. 30].

Актуализация проблемы была связана с тем, что женщины республики стали активно участвовать в различных общественных организациях, союзах, других партиях и обществах. В республике оформилось массовое движение, которое, в отличие от КПСС, активно стремилось защищать интересы женщин. В первую очередь, это была автономная система женсоветов во главе с Комитетом женщин Кабардино-Балкарии [46, л. 30].

В марте 1991 г. «Адыгэ Хасэ» и Демократическая партия КБССР организовали Конгресс демократических сил Северного Кавказа и провели митинг в поддержку демократии. «Оба эти мероприятия отличались небывалым …антикоммунистическим и антисоветским содержанием» [47, л. 15]. Показательно было то, что они вообще выступали за устранение КПСС от власти [42, л. 27].

Факт резкого падения авторитета КПСС в обществе зафиксировали референдумы по сохранению СССР и РСФСР. В записке об итогах работы партийных комитетов и организаций по проведению референдумов говорилось, что в республике наблюдается определенная дифференциация числа проголосовавших за сохранение

СССР. Особенно выраженный радикализм в этом вопросе проявили граждане из Нальчика, Урванского и Чегемского районов, которые проголосовали против сохранения СССР. Обком партии КБССР быстро выявил причину такого положения дел: «…партийные комитеты и рескомы на местах с запозданием развернули организаторскую и политическую работу, в результате чего не удалось охватить влиянием отдельные социальные группы» [48, л. 8]. С точки зрения руководителей Рескома КПСС, Демократическая партия КБССР провела эту работу более активно. Но, дело здесь было не в организационной работе Демпартии, а в том, что КПСС в общественном сознании перестала быть главной силой в политических процессах. Национальные общественные движения энергично вмешивались в вопросы, находящиеся в компетенции партийных, советских и государственных органов.

Особенно активную позицию в этом плане заняла «Адыгэ Хасэ» – массовая общественная организация кабардинского народа. Кабардино-Балкарский республиканский комитет КПСС был обеспокоен тем, что эта организация «… становится все более реальной оппозиционной силой, противостоящей партийным и советским органам республики, агитируя за выход из КПСС, которую считает тормозом общественного развития» [42, л. 26]. Контроль партии над ситуацией в обществе слабел с каждым днем. Партийные комитеты и первичные партийные организации, привыкшие получать команды сверху, так и не научились проявлять в своей работе политическую гибкость, активно использовать новые методы работы. Они постоянно ждали чьих-то указаний, вследствие чего упускали время и инициативу [49].

Сложившаяся в стране и регионе политическая ситуация играла против Кабардино-Балкарской республиканской организации КПСС. Этнополитические объединения «Адыгэ Хасэ», «Тере», «Славяне» активно выступали против самого существования КПСС, обвиняя ее во всех проблемах общества. Неадекватная позиция республиканского обкома партии в тревожные дни 19–21 августа 1991 г. усилили отторжение общества от КПСС.

Таким образом, за исторически короткий срок «перестройки», внутренние ресурсы партии, как в центре, так и на местах, оказались настолько истощены, что она, как политическая сила советского общества, практически без боя сдала позиции в политической борьбе с оппонентами. Жесточайшая централизация внутри партии, отсутствие механизмов широкого демократичного обсуждения злободневных вопросов, безхребетность в отстаивании принципиальных вопросов партии и общества во второй половине 80-х – начале 90-х годов XX века, привели к фатальному исходу. Среди членов партии не нашлось ни одного лидера, который мог бы повести коммунистов к решению жизненно важных экономических и социальных проблем. Об этом наглядно свидетельствует конкретный фактологический материал о внутрипартийной жизни республиканской партийной организации.

Изменение ключевых факторов внутрипартийной жизни: численности, состава и структура Кабардино-Балкарской организации КПСС ясно показывает, как в условиях трансформации советской общественно-политической системы 1985–1991 гг. проявлялись кризисные процессы внутри КПСС.

Анализ численности, состава и структуры Республиканской партийной организации КПСС дает нам право предложить периодизацию динамики этих процессов. Первый этап: 1985–1987 гг. Это был период, когда радикальных шагов по изменению основ внутрипартийной жизни партия еще не предпринимала, и ее ряды КПСС активно пополнялись из различных социальных слоев: профессиональных, половозрастных, национальных, образовательных. Эта фаза отражает ведущую роль и значимость КПСС в начатых преобразованиях.

Второй этап: 1987 г. – 1989 г. В связи с реформированием общества в духе демократического социализма, введением гласности, узакониваем частного предпринимательства в форме кооперативов, социальный состав республиканской партийной организации стал меняться. Если в 1987 г. число вступавших в партию различных социальных групп превышало число тех, кто выбывал из нее, то с 1988 г., начавшееся ухудшение политической и экономической ситуации, межнациональные конфликты привели к тому, что динамика численности членов партии пошла на убыль. С 1989 г. стало наблюдаться снижение приема в партию рабочих и колхозников; наметился добровольный выход из состава КПСС; стало нарастать влияние неформальных общественных групп и объединений, открыто выступающих против партии и ее курса. Роль КПСС в жизни общества стала постепенно падать.

Третий этап: 1990–1991 гг. Резкая дестабилизация обстановки в стране, приведшая к обострению экономической ситуации, переход к президентской форме правления, кризис федеративного устройства, усиление борьбы за власть между республиканскими политическими элитами и унитарным Центром, складывание антикоммунистической идеологии, повлекли за собой окончательное падение авторитета КПСС. На этом этапе прослеживается дальнейшее сокращение численности республиканской парторганизации, меняется ее состав и структура.

Противостояние между республиканской организацией КПСС и демократическими политическими силами республики, политический успех российского руководства, отстаивавшего демократические идеалы над союзными, которые ассоциировались с консервативными ценностями в дни ГКЧП, привели к «полной и окончательной победе» ее политических противников.

Источники и литература

1. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет/ URL: http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit2.htm (Дата обращения: 24.05 2019).

2. Аккиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 2002. 441 с.

3. Барсенков А. С. Реформы М. С. Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991 г. М.: МГУ. 2001. 364 с.

4. Белоусова Г. А., Лебедев В. А. Партократия и путч. М.: Республика, 1992. 45 с.

5. Бехтерев Л. С. Статус Удмуртской организации КПСС в позднесоветской политической системе (историко-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 4. С.100–105.

6. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 182 с.

7. Величко С. А. Кризис и распад партийных организаций КПСС в Сибири (по материалам Российского государственного новейшей истории и местных региональных архивов. 1985-1991 гг. // Омский научный вестник. 2004. №3 (28). С. 13–19.

8. Волгин В. И. Эволюция КПСС в 1985–1991 гг. (историко-политологическое исследование): дисс … канд полит. наук. М., 2000. 220 с.

9. Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС URL:http://lib.ru/Memyary/Gorbachov/doklad_xxv.txt. (Дата обращения: 28.05. 2019).

10. Докшоков М. И. О времени, людях и земле. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. 368 с.

11. Ефимов Ю. Е. «Исключите меня из партии…» // Кабардино-Балкарская правда. 23 марта. 1990.

12. Зумакулов Б. М. О времени и о себе. Нальчик: Тетраграф, 2017. 367 с.

13. Из резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О демократизации советского общества и реформе политической системы» URL:https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/xix-konfierientsiia-kpss (Дата обращения: 28. 05. 2019).

14. Коков В. М. Восхождение к идеалам. Проблемы реформирования государственного и общественного устройства. М.: Славян. диалог, 2001. 478 с.

15. Котляров М. В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период Перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 257–283.

16. Лукашевич Д. А. Юридический механизм разрушения СССР. М., Литагент Алгоритм, 2016. 520 с.

17. Материалы Пленума ЦК КПСС, 5 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 16 с.

18. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник URL: http://alcdata.narod.ru/USSR_1989/ (Дата обращения: 28.05.2019).

19. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева М.С. 27 января и 1987 г. // Материалы Пленума ЦК КПСС 27-28 января 1987 года URL: http://soveticus5.narod.ru/88/od1987.htm (Дата обращения: 28.05 2019).

20. Оников Л. А. КПСС: анатомия распада (взгляд изнутри аппарата ЦК). М.: Республика. 1996. 221 с.

21. Осадчий И. П. Как это было… К истории Компартии РСФСР – КПРФ. URL: https://biography.wikireading.ru/55375 (Дата обращения: 20.06.2019).

22. Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде. Записки участника процесса. М.: Былина, 1999. 503 с.

23. Сеелев И. В. Кризис КПСС в период политик перестройки. На примере Куйбышевской партийной организации // Вестник Волжского университета. 2015. № 2(18). С.213 – 220.

24. Тетуев А. И. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. Нальчик: Принт Центр, 2018. 240 с.

25. Устав Коммунистической партии Советского Союза. Утвержден XXII съездом (1961). (Москва, 17–31 октября 1961 г.) URL: https://ru.wikisource.org) (Дата обращения: 20.05. 2019)

26. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф.1. Оп.15. Д.262. Ф.1. Оп. 18. Д. 269.

27. УЦДНИ АС КБР. Ф. 2. Оп. 35. Д. 15.

28. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 21. Д. 183.

29. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 24. Д. 20.

30. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 116.

31. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 21. Д. 41.

32. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 24. Д. 13.

33. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 24. Д. 176.

34. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 24. Д. 27.

35. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 24. Д. 7.

36. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 27. Д. 157.

37. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 38.

38. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 131.

39. УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 24. Д. 15.

40. УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 29. Д. 53.

41. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 132.

42. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 4.

43. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 86.

44. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 99.

45. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 97.

46. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 87.
47. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 176.
48. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 58.
49. Февральский Пленум ЦК КПСС 1990 года взял курс на обновление партии // Кабардино-Балкарская правда. 23 февраля. 1990.
50. Шорова М. Б., Котепахов А. Х., Погорова З. И. Кризис власти в Кабардино-Балкарии в августе 1991 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №9. С. 215–217.

References

1. Akkieva S. I. Razvitie ehtnopoliticheskoi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike (postsovetskii period) *(The development of the ethnopolitical situation in the Kabardino-Balkaria Republic (post-Soviet period)*. Moscow: In-t ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences publ., 2002. 441 p. (In Russian)
2. Brsenkov A. S. Reformy M. S. Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva 1985–1991 g. *(Reforms of Mikhail Gorbachev and the fate of the union state 1985–1991)*. Moscow: Moscow State University publ., 2001. 364 p. (In Russian)
3. Bekhterev L. S. Status Udmurtskoj organizacii KPSS v pozdnesovetskoj politicheskoj sisteme (istoriko-pravovoj aspekt) *(Status of the Udmurt organization of the CPSU in the late Soviet political system (historical-legal aspect))* // Herald of Udmurt University. 2011. No 4. P. 100–105. (In Russian)
4. Belousova G. A., Lebedev V. A. Partokratiya i putch. *(Partocracy and Putsch)*. Moscow: Republic, 1992. 45 p. (In Russian)
5. Borov A. Kh., Dumanov Kh. M., Kazharov V. Kh. Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem *(Modern statehood of Kabardino-Balcaria: origins, ways of formation, problems)*. Nalchik, El Fa publ., 1999. 182 p. (In Russian)
6. Dokshokov M. I. O vremeni, lyudyakh i zemle *(About time, people and the earth)*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2015. 368 p. (In Russian)
7. Efimov Yu. E. «Isklyuchite menya iz partii…» *(«Exclude me from the party...»)* // Kabardino-Balkarskaya pravda. March 23. 1990. (In Russian)
8. Fevral'skii…Fevral'skii Plenum TsK KPSS 1990 goda vzyal kurs na obnovlenie partii *(The February Plenum of the Cpsu Central Committee in 1990 set a course for the renewal of the party)* // Kabardino-Balkarskaya pravda. February 23. 1990. (In Russian)
9. Gorbachov M. C. Politicheskii doklad TsK KPSS XXVII s»ezdu KPSS *(The political report of the Central committee of the CPSU XXVII Congress of the CPSU)* URL: http://lib.ru/Memyary/Gorbachov/doklad_xxvi.txt (Accessed: 28.05.2019). (In Russian)
10. Iz rezolyutsii XIX Vsesoyuznoi konferentsii KPSS "O demokratizatsii sovetskogo obshchestva i reforme politicheskoi sistemy" *(Resolution of the 19th all-Union Conference of the CPSU «On the democratization of the Soviet society and the political system reform»)*. 1988. URL: https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/xix-konfierientsiia-kpss. (Accessed: 28.05.2019). (In Russian)
11. Kokov V. M. Voskhozhdenie k idealam. Problemy reformirovaniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo ustroistva *(Climbing to ideals. Problems of reforming the state and social order)*. Moscow: Slavian. Dialogue, 2001. 478 p. (In Russian)
12. Kotlyarov M. V. Dinamika chislennosti i sostava organizacij KPSS v Zapadnoj Sibiri v period Perestrojki (1985–1991 gg.) *(The dynamics of the size and composition of the Communist party organization in Western Siberia during the adjustment period 1985–1991)* // Power and society in the 20th century in Siberi. Novosibirsk: Nonparel, 2010. P. 257–283. (In Russian)
13. Lukashevich D. A. Yuridicheskij mekhanizm razrusheniya SSSR *(Legal mechanism for the destruction of the USSR)*. Moscow: Litagent Algorithm publ., 2016. 520 p. (In Russian)
14. Materialy Plenuma TsK KPSS, 5 aprelya 1985 g. *(Materials of the CPSU Central Committee Plenum, April 5, 1985)*. Moscow, 1985. 16 p. (In Russian)
15. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1989 g.: Statisticheskii ezhegodnik *(The national economy of the USSR in 1989: Statistical Yearbook)* URL: http://alcdata.narod.ru/USSR_1989/ (Accessed: 28.05.2019). (In Russian)
16. O perestroike i kadrovoi politike partii. Doklad General'nogo sekretarya TsK KPSS Gorbacheva M. S. 27 yanvarya i 1987 g. Materialy Plenuma TsK KPSS 27–28 yanvarya 1987 goda. *(On restructuring and personnel policies of the party. Report of the Secretary-General of the CPSU, Gorbachev M.S. 27 January 1987 g.)* Materials of the CPSU Central Committee Plenum 27–28 January 1987) URL: http://soveticus5.narod.ru/88/od1987.htm (Accessed: 28.05.2019). (In Russian)
17. Onikov L. A. KPSS: anatomiya raspada (vzglyad iznutri apparata CK). *(CPSU: the anatomy of decay (view from inside the CC apparatus)*. Moscow: Republic. 1996. 221 p. (In Russian)
18. Osadchij I. P. Kak eto bylo… K istorii Kompartii RSFSR – KPRF. *(How it was... To the history of the Communist Party of the Russian Federation – the Communist Party)* URL: https://biography.wikireading.ru/55375 (Accessed: 20.06.2019). (In Russian)
19. Rudinskij F. M. «Delo KPSS» v Konstitucionnom sude. Zapiski uchastnika processa *(«The case of the CPSU» in the Constitutional Court. Notes from the participant of the process*) Moscow: Bysina, 1999. 503 p. (In Russian)
20. Seleeva I. V. Krizis KPSS v period politiki perestrojki. Na primere Kujbyshevskoj partijnoj organizacii *(Crisis of the CPSU during the perestroika period. By the example of the Kuibyshev Party Organization)* // Herald of volga University. 2015. No 2 (18). P. 213–220. (In Russian)
21. Shorova M. B., Kotepakhova A. Kh., Pogorova Z. I. Krizis vlasti v Kabardino-Balkarii v avguste 1991 goda *(The crisis of power in Kabardino-Balcaria in August 1991)* // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. Issues of theory and practice. 2017. No.9. P. 215–217. (In Russian)

22. Tetuev A. I. Ehtnopoliticheskie protsessy v Kabardino-Balkarii v period sistemnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva: osobennosti i osnovnye tendentsii *(Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkariya during the period of systemic transformation of the Russian society: features and main trends).* Nalchik: Print Center publ., 2018. 240 p. (In Russian)
23. Ustav Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza *(Charter of the Communist Party of the Soviet Union).* URL: https://ru.wikisource.org (Accessed: 20.05.2019). (In Russian)
24. Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (ODCMH AS CBR). F. 1. Inv. 15. D. 262. (In Russian)
25. ODCMH AS CBR. F. 2. Inv. 35. D. 15. (In Russian)
26. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 21. D. 183. (In Russian)
27. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 24. D. 20. (In Russian)
28. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 28. D. 116. (In Russian)
29. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 21. D. 41. (In Russian)
30. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 24. D. 13. (In Russian)
31. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 24. D. 176. (In Russian)
32. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 24. D. 27. (In Russian)
33. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 24. D. 7. (In Russian)
34. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 27. D. 157. (In Russian)
35. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 38. (In Russian)
36. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 28. D. 131. (In Russian)
37. ODCMH AS CBR. F.1. Inv. 24. D. 15. (In Russian)
38. ODCMH AS CBR. F.1. Inv. 29. D. 53. (In Russian)
39. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 28. D. 132. (In Russian)
40. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 4. (In Russian)
41. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 86. (In Russian)
42. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 99. (In Russian)
43. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 97. (In Russian)
44. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 87. (In Russian)
45. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 23. D. 176. (In Russian)
46. ODCMH AS CBR. F. 1. Inv. 29. D. 58. (In Russian)
47. Velichko S. A. Krizis i raspad partijnyh organizacij KPSS v Sibiri (po materialam Rossijskogo gosudarstvennogo novejshej istorii i mestnyh regional'nyh arhivov. 1985–1991 gg.)) *(Crisis and the disintegration of the party organizations of the Communists in Siberia (based on the materials of the Russian State of Modern History and local regional archives. 1985–1991))* // Omsk Scientific Gazette. 2004. No.3 (28). P.13–19. (In Russian)
48. Volgin V. I. Evolyuciya KPSS v 1985–1991 gg. (istoriko-politologicheskoe issledovanie). *(Evolution of the CPSU in 1985–1991 (Historical and political research)*: thesis. Moscow, 2000. 220 p. (In Russian)
49. XXVII s»ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza, 25 fevr. – 6 marta 1986 g. Stenograficheskiiotchet *(XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union, 25 Feb. – March 6, 1986)* URL: http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit2.htm (Accessed: 24.05.2019). (In Russian)
50. Zumakulov B. M. O vremeni i o sebe. *(Time and myself).* Nalchik: Tetragraf publ., 2017. 367 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Шаожева Наталья Анатольевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик) / disana05@mail.ru

Information about the author

Shaozheva Natalia – Doctor of Political Science, Lead Researcher, Cabardino-Balkaria Science Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik) / disana05@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.8

А. А. Волков, М. А. Волков, И. А. Уваров

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО СОЗНАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И ЕГО НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматриваются особенности формирования пенитенциарного сознания осужденных и его негативное влияние на личность. Интерес к этой проблеме, по мнению авторов, продиктован тем, что, данный феномен, присущ только государствам бывшего Советского Союза. Именно здесь неформальные отношения между осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, сформировались в качестве специфического морального императива. В качестве основы для реализации такого рода неформальных норм определены особенности иерархической системы организации и управления всем пенитенциарным социумом. В статье, предпринята попытка системного анализа принципов формирования пенитенциарного сознания осужденных посредством использования неформальных норм поведения. Такое воздействие, осуществляется в зависимости от статусных и ролевых установок различных групп осужденных. Здесь, можно увидеть своеобразную конкуренцию между требованиями легального закон, декларирующего равенство всех осужденных перед законом, и «избирательностью» неформальных норм, которые могут как в зависимости от конкретной ситуации изменять характер внутригрупповых отношений. Используется как правило, статусно-ролевая модель, при которой уровень притязаний зависит от места, которое занимает индивид в неформальной иерархической системе.

Авторы убедительно показывают, что такого рода негативное моральное воздействие на личность осужденного, продиктована желанием некой компенсации в системе ценностной ориентации обусловленной существенными различиями в жизнедеятельности обычного человека и осужденного. Такого рода компенсация по мнению авторов, осуществляется на двух уровнях субъективном – индивидуальном и коллективно – групповом. В этой связи в качестве показательной группы авторы выделяют лидирующую группу пенитенциарного сообщества, которая выступает в качестве субъекта определяющего степень криминализации отношений в пенитенциарном социуме. Основным средством, по мнению автором, является агрессивно-насильственная установка таких социальных образований. Степень противоречий между ними обусловлено определенного рода стереотипом поведения, который основывается на жестких противоречиях, между свободным обществом и лицами находящимися в изоляции от него. Эта категория осужденных находится на самой «верхней ступени» неформальной иерархии, что дает ей возможность оказывать существенное влияние на всю систему взаимоотношений в пенитенциарном социуме.

Ключевые слова: неформальные нормы поведения, пенитенциарный социум, пенитенциарное сообщество.

A. Volkov, M. Volkov, I. Uvarov

FORMATION OF PENITENTIARY CONSCIOUSNESS OF CONVICTS AND ITS NEGATIVE IMPACT ON PERSONALITY

The article deals with the peculiarities of the formation of penitentiary consciousness of convicts and its negative impact on the personality. The interest to the problem, according to the authors, is preconditioned by the fact that this phenomenon is inherent only in the States of the former Soviet Union. It is here that informal relationships between convicts serving sentences of imprisonment have emerged as a specific moral imperative. As a basis for the implementation of this kind of informal norms, the features of the hierarchical system of organization and management of the entire penitentiary society are defined. The article analyzes the system of the principles of formation of penitentiary consciousness of convicts by means of use of informal norms of behavior. Such influence is carried out depending on the status and role settings of different groups of convicts. Here, you can see a kind of competition between the requirements of the legal law, declaring the equality of all convicts before the law, and the “selectivity” of informal norms, which can, depending on the specific situation, change the nature of intra-group relations. As a rule, the status-role model is used, in which the level of claims depends on the place occupied by the individual in the informal hierarchical system.

The authors convincingly show that this kind of negative moral impact on the personality of the convicted person is dictated by the desire for some compensation in the system of value orientation due to significant differences in the life of an ordinary person and a convicted person. This kind of compensation, according to the authors, is carried out at two levels subjective – individual and collective – group. In this regard, as an indicative group, the authors identify the

leading group of the penitentiary community, which acts as a subject determining the degree of criminalization of relations in the penitentiary society. The main means, according to the author, is aggressive-violent installation of such social formations. The degree of contradiction between them is due to a certain kind of stereotype of behavior, which is based on the rigid contradictions between a free society and persons in isolation from it. This category of convicts is at the "top level" of the informal hierarchy, which gives it the opportunity to have a significant impact on the entire system of relations in the penitentiary society.

Key words: informal norms of behavior, prison society, prison community.

Если тюрьма не учит заключенного жить в обществе,
она учит его жить в тюрьме.
Алан Бартолемью

Отношение общества к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, является одним из наиболее сложных вопросов современной криминологической теории. В подавляющем большинстве исследований говорится о том, что «общество не готово к контакту с лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы». Такого рода «неготовность», продиктована тем, что в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы у осужденных формируется специфическое сознание, которое условно, можно было бы именовать – пенитенциарным. Полагаем, что здесь прослеживается некая методологическая неточность, в которой нарушена причинно-следственная связь. Пенитенциарное сознание осужденных, выступает в качестве своеобразной реакции на отношение к ним со стороны обычных граждан. В массовом обыденном сознании которых, осужденные и лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, олицетворяют в себе все негативные человеческие качества. Тем более, что в общественное сознание активно внедряется мысль о том, что система отношений в среде осужденных полностью подчинена неформальному регулированию. При этом многие специалисты сходятся во мнении, что такое положение формируется под влиянием объективных условий изоляции осужденных от общества [8, 24].

Пожалуй, здесь стоит акцентировать внимание на сущности пенального конфликта, где в качестве базовых представлений выступают «резко» обостряющиеся противоречие между объективными требованиями законодательства и субъективным восприятием осужденного. Подтверждением этому служит отношение подавляющего большинства осужденных к воспитательно-профилактическому воздействию, осуществляемому в исправительных учреждениях. И здесь, мы сталкиваемся с еще одним противоречием. Заявленная в действующем законодательстве цель – исправления осужденного, по своему содержанию, по-прежнему сформулирована так, что она призвана сформировать «социалистическое правосознание». Иначе, как объяснить тот посыл, который содержится в ч. 1 ст. 9 УИК РФ о том, что в процессе исправительного воздействия необходимо направить работу его сознания к переосмыслению собственных взглядов (зачастую кардинальному). Пенитенциаристы советского периода, были убеждены, что если такого рода работа соответствующих учреждений, будет иметь специфическую направленность, то неформальные нормы существующие среди осужденных, потеряют свою социально-психологическую основу. И тогда, сознательная деятельность осужденных будет направлена на критическое осмысление своего преступного поведения и формирования на этой основе позитивных социально-правовых и морально-нравственных установок, и представлений [3, 5]. Сейчас принято считать, что такого рода представления не получили своего практического воплощения, в силу чего, современные авторы предлагают отказаться, от закрепленного в уголовно-исполнительном законодательстве целей (прежде всего это относится к исправлению осужденных) [2, 12, 21, 22].

Мы не разделяем мнение большинства современных авторов, которые предлагают отказаться от исправления осужденных, как одной из форм воздействия на их сознание. Более того, мы убеждены, что в современных условиях, при правильном определении сущности неформальных отношений существующих в пенитенциарном социуме, их можно использовать для воздействия на сознание осужденных с целью формирования у них позитивных установок. Для того чтобы показать возможность подобной переориентации, мы полагаем необходимым подвергнуть сравнительному анализу регулятивные неформальные нормы и правовые. Учитывая, что, и те и другие, в сущности своей направлены на личностное сознание осужденных, необходимо определить их базовыепризнаки. В литературе принято выделять следующие [6, 19]:

Во-первых, правовые нормы отличаются от неформальных, природой своего возникновения. Это качество правовых норм, можно назвать тождественным природе возникновения моральных норм. Ибо их возникновение происходит в результате стихийного процесса обнаружения, отбора и закрепления различного рода форм поведения, которые в последствии принимаются всеми члена социума в качестве базовых. В результате чего, эти модели поведения получают статус моральной нормы. Кончено же, многие их них, могут подвергаться определенного рода видоизменениям. Социальная эволюция не стоит на месте и поэ-

тому, такие процессы можно наблюдать в период определенных, социально-экономических преобразований в обществе. В тоже время, необходимо отметить, что такой порядок формирования правовых норм нельзя считать единственным, хотя, если выстраивать их иерархию, его можно определить, как – главный.

Неформальные нормы, существующие в среде осужденных, так же как и моральные, вырабатываются в процессе социального опыта. Однако, в отличие от правовых норма, они не носят так называемый – «писаный характер». Поэтому основной формой их передачи является своего рода «наследование» представлений о них. Отсюда и отсутствие определенного вида конкретизации в содержании большинства регулятивных неформальных норм. Безусловно, представители лидирующей группы пенитенциарного сообщества заинтересованы в отсутствии конкретизации содержательной стороны таких норм. Ибо их толкование, является одной из базовых функций лидеров так называемого «воровского сообщества» [14]. И здесь не стоит удивляться, что толкование таких норм, всегда будет осуществляться не в пользу пресловутой справедливости, а в пользу интересов представителей пенитенциарного сообщества. К категории «знатоков» неформальных норм, как правило, относятся лица не только с криминальным стажем, но и реально отбывавшие наказание в виде лишения свободы. В этом есть определенного рода логика. Только личный опыт пребывания в местах лишения свободы, дает возможность лицу познать все тонкости «пребывания в неволе». Изоляция от общества, приводит к тому, что у лица, начинают вырабатываться свойства и качества личности, которые присущи только закрытому социальному образованию. Вследствие этого, практическая реализация неформальных норм поведения, постепенно начинает отдаляться от того, изначально заявленного морального императива. Отсюда и разность видения сущности неформальных регулятивных норм и требований действующего законодательства, как со стороны осужденных, так и со стороны персонала.

Практика показывает, что использование неформальных норма поведения в среде осужденных, зачастую является одной из форм управления пенитенциарным социумом осуществляемого персоналом мест лишения свободы. В современной мемуарной литературе, встречаются упоминания о том, что проводниками отдельных моральных установок свойственных системе неформальных отношений в среде осужденных, выступают представители определенных служб исправительных учреждений [15].

Во-вторых, любая правовая норма имеет свои специфические особенности в своем обосновании. В частности, для обоснования любой правовой нормы, можно обращаться не только к конкретному нормативно-правовому акту, но и к конкретному органу, правомочному это делать. Это определяет фундаментальность не только самой нормы, но и субъекта ее обоснования, начиная с законодательной инициативы, и завершая правоприменительной практикой. Неформальные нормы поведения в среде осужденных, напрямую зависят от условий жизни закрытого социального образования. Здесь стоит уточнить, что условия отбывания в исправительной колонии (различных видов режима), существенно отличаются от условий отбывания наказания в тюрьме или колонии-поселения. Исходя из этого, отдельные авторы предлагают рассматривать эти «нормы», как «естественные», в силу их «адекватности» условиям жизнедеятельности субъектов пенитенциарных отношений [24]. В качестве обоснования, многие авторы исходят из специфического представления об «эволюционности» неформальных норм в местах лишения свободы. Отсюда и сложившийся научных кругах стереотип о том, что способ существования неформальных норм поведения в условиях мест лишения свободы, определяется максимальной близостью со «специфическими формами бытия» [18]. В тоже время, легальным нормам права, в этом отказывается. Возможно именно такой методологический подход, позволяет отдельным автора критиковать действующее уголовно-исполнительное законодательство, а персоналу исправительных учреждений, строит свою работу на соблюдении, прежде всего неформальных норм, существующих в среде осужденных.

В-третьих, моральные нормы не могут существовать в «отрыве» от поведения конкретных индивидуумов. Такого рода признак хорошо иллюстрировать на пример, гендерного равенства, где наличие морально-этических норм, существующих между мужчинами и женщинами, призваны нивелировать такого рода нормы. И если в социальной системе, произойдет повсеместная ломка такого рода морально-этических норм, то, не за горами то время, когда они перестанут существовать как таковые. Именно поэтому наличная нравственная норма, по сути является обязательным элементом, определяющим разницу в отношениях между представителями разных полов, возрастов и социальных статусов, что дает ей возможность быть непосредственно включеннойв определенные взаимоотношения, влияющих на способы общения между ними. Противоречивость таких норм в системе неформальных отношений, и с позиции легальных нормативных предписаний, носит очевидный характер, который к сожалению, четко фиксирует правоприменительная практика пенитенциарных учреждений и игнорирует (на уровне социально-правовых представлений) теоретическая наука. Достаточно проиллюстрировать такого рода «несостыковки» на примере нескольких диссертационных исследований [11, 23, 26]. По непонятной причине, авторы, не понимают наличия данного социального фактора (аспекта) в однополой среде осужденных. А ведь сам пенитенциарный социум в сущности, вырабатывает свои специфические нормы, и сам же следит за их неукоснительным выполне-

нием. В результате этого отсутствует фактическое разделение на объект и субъект неформального регулирования. А непосредственное действие таких ненормальных норм совпадает с их исполнением. Это можно видеть на примере всего комплекса регулятивных норм, существующих в пенитенциарном социуме. Отсюда и утверждение отдельных авторов в том, что такого рода нормы, воспринимаются представителями пенитенциарного социума, как моральные. Конечно же авторы делают оговорку, что эта некая «специфическая мораль», что на наш взгляд, говорит лишь о том, что они признают за этими неформальными нормами, требования морального императива. В то же время, если анализировать легальные, нормы, то можно увидеть, что порядок их реализации существенно отличается от неформального. В частности, уголовно-исполнительные норм регулирующие поведение осужденных, напротив «чётко разводят» систему отношений на между субъектом и объектом, что создает впечатление о своеобразном «разрыве» нормативных предписаний с существующими моральными нормами (прежде всего гендерными). В середине 1990-х и начале 2000-х, по исправительным учреждениям «прокатилась волна массовых беспорядков», обусловленных требованиями нивелирования неформальных гендерных различий в условиях однополой среды осуждённых [10, 17]. И это обстоятельно, так же стало достоянием гласности благодаря средствам массовой информации, но отнюдь, не предметом специально-криминологического исследования теоретической юридической науки.

В-четвертых, моральные нормы имеют особенности в своем ресурсном обеспечении. Аксиоматическим является утверждение о том, что поддержание таких норм, осуществляется прежде всего силой коллективного или личного примера. Это в свою очередь, компенсируется взаимными ожиданиями участников того социального образования, в котором эти нормы трактуются как общепринятые. Отсюда и реализация определяется их одобрением или осуждением, со стороны подавляющего количества челнов социального образования. Так, например, многие моральные нормы, выработанные пенитенциарным социумом, одобряются всеми (или подавляющим большинством) его представителей. Это так же можно очень хорошо проиллюстрировать регулятивными неформатныминормами, ибо именно в них наиболее полно отражаются общепринятые принципы поведения. Ресурсом здесь выступает воля всего пенитенциарного социума, а отличие от легальных уголовно-исполнительных норма, где ресурсом выступает, не воля персонала, а требование действующего уголовно-исполнительного законодательства. Такого рода «разрыв», в ресурсном обеспечении и обуславливает приемлемость тех или иных моральных императивов, определяющих жизнь пенитенциарного социума.

Здесь же можно отметить, что в специальной литературе, в отношении пенитенциарного социума, были предприняты попытки рассмотреть так же «дуалистическую модель», обеспечения реализации моральных норм (очень часто, нет реальной конкуренции в нормах легальных и неформальных). Например, если рассматривать пенитенциарный социум в качестве объекта воздействия, а пенитенциарное или «воровское» сообщество в качестве субъекта реализации моральных норм [13, 25].

Перечисленные характерные признаки, сходства и различия формальных и неформальных норм, демонстрируют, заметное превалирование в среде осужденных последних. Здесь можно выделить отдельные моральные нормы, требования которых могут совпадать как в формальной, так и в неформальной системе отношений. На первый взгляд, может показаться, что такого рода совпадение, может усилить предписываемое ими поведение демонстрируя главенство легальных норм. Практика, свидетельствует об обратном. В этом случае, они все равно трактуются как неформальные. К сожалению, в специальной литературе, такое тождество не получило достойного осветщения, а, следовательно, и попытки критического анализа, для выбора правильной линии поведения правоприменителя. Попытку объяснить такого рода положение вещей, мы смогли найти лишь у Г. Ф. Хохрякова, который отметил, в этой связи, что «совпадение неформальных норм поведения осужденных с требованиями морального характера, если даже эти требования носят внутригрупповой, умещающийся в пределах общности характер, делает проблему борьбы с этими нормами щекотливой в практическом плане и непростой в теоретическом» [27]. Опрос криминологов-теоретиков, свидетельствует об их убежденности в том, что осужденные не способны к критическому анализу неформатных норм поведения. Что они, воспринимают их как данность, не подлежащую обсуждению. Практические же работники, видят эту проблему несколько по-другому. Часть из них, придерживается такой же точки зрения, что и теоретики. Другая часть, склонна к компромиссу, между формальными и неформальными нормами и кстати, сказать добивается очень часто успеха в этом. И третья часть, в целом отрицает неформальные нормы, как принципы организации взаимоотношений, между осужденными или осужденными и персоналом. На наш взгляд, решение этой проблемы, лежит в плоскости определения функции морали в условиях жизнедеятельности закрытого социального образования.

Дело в том, что в пенитенциарном социуме неформальное регулирование общественных отношений отличается от легального, на что мы уже обращали внимание. И как следствие, включение в орбиту этих отношений осужденных на основе специфического понимания справедливости. А если попытаться посмотреть на это как на определенный элемент эволюции закрытого социума? Ведь и в истории человечества представления о моральных нормах подвергалось иногда изменению, о чем мы говорили ранее. По мнению

А. Н. Головистиковой и Ю. А. Дмитриева, «представления о добре и зле, в истории человечества так кардинально менялись, что зачастую приобретали форму, прямо противоположнуюпредыдущему содержанию» [9]. Такой же подход, мы видим и в системе морального императива неформальных норм поведения. Например, если в 40–50-х гг. прошлого века, пенитенциарное сообщество, снисходительно относилось к определенной категории осуждённых и их месте в неформальной иерархической системе, то в 60-х гг. и практически до середины 2000-х, эта же социальная группа, уже относилась к категории отвергаемых. Что хорошо иллюстрирует, отношение к посягательствам на жизнь таких осужденных. Даже их убийство, с неформальной точки зрения, не расценивалось как их нарушение. А с осужденного, его совершившего могли получить объяснения только в том случае, если последствия такого преступления, могли создать определенный дискомфорт для жизнедеятельности пенитенциарного сообщества. Тоже самое относилось и к причинению вреда здоровью. Проблема могла заключаться лишь в формальном обосновании повода к совершению такого деяния с позиции неформальной системы ценностей. В настоящее время ситуация в этой сфере, существенно изменилась. Не в смысле того, что повысились морально-этические представления о системе неформальных отношений, а прежде всего в том, что снизилось качество морального императива неформальных норм поведения. В подтверждение, можно привести существенное снижение количества совершаемых в местах лишения насильственных преставлений, на что современные исследователи, не могут дать внятного объяснения. Что на наш взгляд, является лишним доказательством правильности, выдвигаемой нами гипотезы.

В этой связи, возникает закономерный вопрос: «какие же преимущества может видеть осужденный в своей приверженности неформальным моральным установкам, бытующим в пенитенциарном социуме?».Именно такого рода вопрос, по нашему мнению, выступает «краеугольным камнем», в системе качественной оценки, механизма целеполагания, заложенного в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Если до настоящего времени, цели уголовного наказания сохранены законодателем, следовательно, можно предполагать, что они считаются достижимыми. Значит, для правоприменителя, безусловно будет и должна быть важна реакция осужденного, на ту систему исправительного воздействия, которая применяется в отношении него. И наличие неформальным норм, выступает в качестве некого «препятствия» на пути реализации этих целей. И здесь, мы видим их значение для осужденного в том, что они позволяют ему защититься от моральных упреков, которые традиционно адресует общество к преступникам. Вступая таким образом моральное противоборство с обществом, осужденный поднимает собственную значимость прежде всего в глазах своего ближайшего окружения. Отсюда и наблюдаемые факты, представления своего противоправного поведения как чего-то значимого и самое главное одобряемого со стороны представителей пенитенциарного социума. Опросы показывают, что до трети представителей администрации мест лишения свободы, относятся с уважением к фактам совершения преступлений отдельными осужденными. Как правило это касается деяний, где преступление выступило в виде способа защиты чести и достоинства личности, защиты права собственности или защиты своих близких. Как видим перечень, соответствует тем морально-нравственным установкам, которые свойственны традиционным представлениям свободного общества.

Однако условия изоляции от общества таковы, что они сводят роль моральных установок личности осужденного, только к такого рода проявлениям. Любые попытки неформальных норм, направленные на своеобразную подмену их функционального назначения, нивелируются требованиями жесткого их соблюдения со стороны представителей пенитенциарного сообщества. Таким образом, складывается ситуация, при которой даже схожесть моральных установок, не может оказывать сколь-нибудь положительного воздействия на мотивационную сферу осужденного. Структура неформальных норм сформирована по такому принципу, чтобы не только способствовать дальнейшему отчуждению осужденных от общества, но и создавать такие внутрисоциальные условия, при которых сносно может существовать лишь тот, кто соблюдает требования неформальных норм. Причем, следует отметить, что банальная лояльность к их существованию, не является панацеей от негативного воздействия со стороны пенитенциарного сообщества. Осужденный, должен в качестве основного принципа, определяющего необходимость следования этим нормам видеть их как «свои», т.е. выработанные самим пенитенциарным социумом, для облегчения существования осужденных в условиях изоляции от общества.

С другой стороны, необходимость придерживаться неформальных норм поведения, обуславливается тем, что представители свободного общества не считают осужденных, такими же как они. Это создает иллюзию морального превосходства осужденных перед свободными людьми, т.к. наказание в виде лишения свободы, представляется как нечто аморальное и самое главное, созданное самим «свободным обществом». Говоря другими словами, «плох» не преступник и его деяние, а те условия, которые создает для него в местах лишения свободы государство, которое по сути изолируя его, препятствует приобщению к нравственным ценностям общества. К большому сожалению, эту «уловку» не понимают многие ученые-криминологи. Тем самым демонстрируя и свое непонимание сущности пенологии как научного направления [1]. Этим умело пользуются представители пенитенциарного сообщества,

представляя безнравственность существующей в системе неформальных отношений ценностей, как некую панацею, от негативного отношения к ним, со стороны «свободного общества».

В этой связи, закономерным будет и то, что осужденных, как отдельных индивидов в условиях изоляции от общества, объединяет в одну социальную общность нежелание решать общие задачи, а возможность определения субъективных механизмов выхода из пенального конфликта. И здесь, мы снова сталкиваемся с фундаментальным противоречием, которое только усугубляется посредством использования осужденными неформальных отношений. Ибо они, в соответствии с неформальными представлениями об иерархичности пенитенциарного социума, закрепляют за каждым осуждённым конкретное место в ней, определяя тем самым характер возможных межличностных отношениях. А как известно, статусно-ролевое положение конкретного осужденного, определяет и объем его «свободного» волеизъявления в выборе линии поведения. Любые нарушения статусно-ролевых требований, «караются» самым жестким и даже жестоким образом. По справедливому утверждению, Г. Ф. Хохрякова «такая жесткая регламентация внутригруппового поведения, предусматривает, что за любое отступление от нормы следует неминуемая кара, это в полном смысле слова убивает любые нравственные начала» [28]. Нравственный опыт любого индивидуума, это как правило, «опыт отхода от формальных предписаний, продиктованный стремлением к общему благу» [7]. Исходя из приведенного посыла, здесь мы наблюдаем прямо противоположную ситуацию, при которой в закрытом социальном образовании, любые движения к благу строго контролируется и регламентируется, тем самымустраняется нравственная основа существования такого социума.

Если же разрушается нравственная основа социального образования, то существующие в ней индивиды становятся эгоистичными. Основной их целью в условиях изоляции становится исключительно забота только о собственном благе, где надежда может быть только на собственные силы. В тоже время, учитывая, что пенитенциарный социум большинством из них, воспринимается как враждебная среда, то надежда на свои собственные силы основывается не на уверенности в них. Здесь скорее всего нужно говорить о сомнении в их способностях. Именно поэтому осужденный и ищет помощи со стороны окружающих, т.е. в той же самой враждебной среде, от которой он пытается защититься. В качестве средства такой «защиты», пенитенциарное сообщество и предлагает ему неформальную систему ценностей.

Интересным на наш взгляд, здесь выступает опыт советского периода, когда в отдельных исправительных учреждениях, администрация прилагала определенного рода усилия для контроля процессов «самоорганизации осужденных». Ей, зачастую удавалось не допускать формирования пенитенциарного сообщества, с сильнойгруппой лидеров. Результатом, как правило становилось, снижение степени «жесткости» требований неформальных предписаний. Основная масса осужденных становилась «управляемой», неповиновения и различного рода эксцессы, становилась редкими явлениями, осужденных активнее шли на сотрудничество с администрацией. По утверждению Ю. В. Бышевского, это выражалось, в оживлении общественной жизни, в появлении неформальных групп, которые создавались для более эффективного решения поощряемых законом задач. В лучшую сторону изменились психические состояния осужденных [4].

С другой стороны, в исправительных учреждениях, где администрация, допускала свободное применение неформальных норм, это приводило к прямо противоположным результатам. Уровень напряжённости в каждом таком учреждении возрастал, что в свою очередь приводило к негативным последствиям – совершению преступлений. Общеизвестным является тот факт, что по своей сущности, неформальные нормы требуют нетерпимого отношения к осуждённым допускающим любые отступления от них. «...Чем в более угрожаемом состоянии ощущает себя социальная группа, тем более нетерпимым, ригористичным становится ее отношение к отклоняющимся от социальных норм актам индивидуального поведения» [16]. В соответствии с этой психологической закономерностью, представители пенитенциарного сообщества еще более усиливают дистанцию между собой и остальными осужденными. Складывается ситуация, при которой, они декларируют что являются единственнымивыразителями интересов пенитенциарного социума, и для этого требуют от его представителей прилагать все усилия для сохранениясуществующего неформального порядка, при этом создавая максимально благоприятные условия только для себя.

Именно в такой ситуации наиболее «ярко» проявляется парадоксальность сущностной стороны неформальных норм, существующих в пенитенциарной среде. Моральное сознание осужденных стремилось к преодолеть пенальный конфликт за счет определенных усилий, направленных на освобождениеот «ярлыка» преступника. От сформировавшегося в обществе негативного стереотипа в отношении к осужденным. Но вместо этого пенитенциарный социум «выработал» не менее «жесткие», а в отдельных случаях и жестокие стереотипы. Представления, о которых у обычного человека могут вызывать только чувство страха и отторжения.

Криминологическое изучение стереотипов, позволило установить, и другую парадоксальную деталь. Осужденные, в зависимости от своей неформальной групповой принадлежности, в оценке представителей любых других социальных образований также пользуются стереотипами [20]. Учитывая характер неформальных отношений, следует говорить о том, что и стереотипы по своему содержанию намного жестче, нежели у граждан, живущих на свободе и оценивающих по

такому же принципу осужденных. На этой основе и осуществляется жесткая поляризация между различными группами осужденных, как по вертикали, на основе иерархических представлений, так и по горизонтали в зависимости от степени криминализации различных социальных групп, сформировавшихся в исправительном учреждении. В этих отношениях, именно стереотипы являются своеобразной психологической предпосылкой для проявления агрессии, к любым противоположным социальным образованиям.

Таким образом, морально-нравственные установки, которые содержат в себе неформальные нормы поведения изначально сформировались как противоречащие моральным установкам «свободного общества». Функционируя в специфических условиях изоляции от общества, оно не только не способны оказывать позитивное воздействие на личностные установки осужденных, но и усиливают степень противоречивости как внутри самого пенитенциарного социума, так и во взаимоотношениях со «свободным обществом». Отсюда и несоответствие заявленных законодателем целей исправительного воздействия, которые должны реализовываться в условиях мест лишения свободы. Формирование посредством неформальных норм, специфической пенитенциарной морали, в сущности создает определенного рода «барьер», между требованием легального закона и реальными возможностями пенитенциарной системы.

Литература

1. Антонян Ю. М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. №4. С.4–7.

2. Анфиногенов В. А. Значение достижимости цели уголовного наказания в виде лишения свободы // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 22. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С.18–24.

3. Белослудцев В. И. Проблемы достижения цели исправления осужденных посредством уголовного наказания // Проблемы права. 2013. №2. С.144–154.

4. Бышевский Ю. В. Принцип опоры на положительное в исправлении воров-рецидивистов // Педагогическое наследие А. С. Макаренко и проблемы воспитания осужденных. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко (22–24 декабря 1977 г.). Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1978. С. 222–223.

5. Васильев А. А. Исправление правонарушителя как основная цель наказания в консервативной правовой доктрине России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. №4. С.16–20.

6. Витвицкая В. Р. Право и мораль: соотношение понятий // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 22–26 апреля 2013 г.: Право и юриспруденция. Философия и социальные науки. Вып. 4. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 203–207.

7. Волков А. А. Формирование профессиональной наблюдательности и памяти у работников правоохранительных органов // Юридическая психология. Тезисы докладов к VII Съезду общества психологов СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1989. С. 9–10.

8. Ганькова Е. В., Канчурина А. А., Шатровой О. В. Правовое и моральное сознание осужденных как составляющие криминальной зараженности // Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года). Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 24–25 ноября 2011 г.): В 2 ч. Ч. 2. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. С. 88–93.

9. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: ЭКСМО. 2005. 649 с.

10. Громов В. Г. Массовые беспорядки как чрезвычайное событие в местах лишения свободы // Проблемы совершенствования правовых основ деятельности органов, исполняющих наказания. Труды Академии / отв. ред. П. Г. Пономарев, В. И. Старков, М. П. Стурова. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1995. С. 75–85.

11. Дядюн К. В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве российской федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2009. 25 с.

12. Исаева О. А. К вопросу о достижении целей наказания в современных условиях // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (29–30 октября 2009 г.). Вып. 6. Тюмень: ТГАМЭУП, 2010. С. 83–86.

13. Кутякин С. А. К вопросу об экстремизме «воровского» сообщества // Проблемы уголовной ответственности и наказания: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров Н. А. Огурцова и В. А. Елеонского. Рязань: Акад. ФСИН России, 2012. С. 116–122.

14. Кутякин С. А. Современное состояние и перспективы развития преступного сообщества «воров в законе» и их влияние на деятельность уголовно-исполнительной системы России // Значение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в предупреждении рецидивной преступности: материалы научно-практического семинара. Рязань: Акад. ФСИН России, 2012. С. 82–90.

15. Мавроди С. Тюремные дневники, или письма к жене. М.: Тэнсил, 2004. 268 с.

16. Мурашов В. П. Изучение социальных групп в криминологии // Методологические проблемы изучения преступности и ее причин. Сборник научных трудов / отв. ред. А. И. Долгова. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1986. С. 43–51.

17. Пальгуева К. Н. Правовые аспекты квалификации массовых беспорядков в местах лишения свободы // Механизм обеспечения и защиты прав человека в России и зарубежных государствах: материалы Международной научной конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей (25 мая 2012 г.). Самара: Изд-во Самар. юрид ин-та ФСИН России, 2012. С. 152–154.

18. Пантыкина М. И. Право-структура и право-процесс как формы бытия права // Философия права. 2008. №5. С. 36–40.

19. Пушкарёва А. О. Право и мораль: соотношение понятий // Правовая система России: теория и практика: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции. Шадринск: Каргап. филиал ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2013. С. 241–244.

20. Савченко А. Стереотипы практики назначения наказания не должны заменять предписания закона // Российская юстиция. 2002. №9. С. 55–57.

21. Сагрунян В. М. Цели уголовного наказания: теоретические и практические проблемы // Современное право. 2011. № 5. С. 131–135.

22. Сверчков В. В. Цели реализации уголовной ответственности (применения уголовного наказания): историческая преемственность, обоснованность и уровни достижения // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. №1 (12). С. 454–468.

23. Сергеева Е. Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому законодательству: гендерный аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2006. 22 с.

24. Тулегенов В. В. Неформальные нормы «тюремной» субкультуры и их криминологическое значение // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. Сборник статей. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 84–87.

25. Уваров И. А. Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных // Преступление. Наказание. Исправление. 2012. №2 (18). С. 40–43.

26. Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. 30 с.

27. Хохряков Г. Ф. Социальная среда и личность. Значение элементов социальной среды в процессе достижения целей исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ. М.:ВНИИ МВД СССР, 1982. 88 с.

28. Хохряков Г. Ф. Ценностные ориентации осужденных в местах лишения свободы // Социологические и социально-психологические проблемы отбывания наказания в ИТУ. Сборник научных трудов. №60. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 62–72.

References

1. Antonyan Yu. M. K chemu prigovarivaet sud, kogda prigovarivaet k lisheniyu svobody *(What the court sentences to when it sentences to deprivation of liberty)* // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2005. No.4. P. 4–7. (In Russian)

2. Anfinogenov V. A. Znachenie dostizhimosti tseli ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody *(The importance of achieving the goal of criminal punishment in the form of imprisonment)* // Trudy yuridicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Issue. 22. Stavropol': Servisshkola publ., 2009. P. 18–24. (In Russian)

3. Belosludtsev V. I. Problemy dostizheniya tseli ispravleniya osuzhdennykh posredstvom ugolovnogo nakazaniya *(Problems of achieving the goal of correctional rehabilitation of offenders by means of criminal punishment)* // Problemy prava. 2013. No.2. P. 144–154. (In Russian)

4. Byshevskii Yu. V. Printsip opory na polozhitel'noe v ispravlenii vorov-retsidivistov *(The principle of reliance on the positive in the correction of thieves-recidivists)* // Pedagogicheskoe nasledie A. S. Makarenko i problemy vospitaniya osuzhdennykh. Materialy Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Makarenko (22–24 dekabrya 1977 g.). Ryazan': NIiRIO RVSh MVD SSSR publ., 1978. P. 222–223. (In Russian)

5. Vasil'ev A. A. Ispravlenie pravonarushitelya kak osnovnaya tsel' nakazaniya v konservativnoi pravovoi doktrine Rossii *(Correction of the offender as the main purpose of punishment in the conservative legal doctrine of Russia)* // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2012. No.4. P.16–20. (In Russian)

6. Vitvitskaya V. R. Pravo i moral': sootnoshenie ponyatii *(Law and morals: the ratio of concepts)* // Materialy Nauchnoi sessii, g. Volgograd, 22–26 aprelya 2013 g.: Pravo i yurisprudentsiya. Filosofiya i sotsial'nye nauki. Issue. 4. Volgograd: VolSU publ., 2013. P. 203–207. (In Russian)

7. Volkov A. A. Formirovanie professional'noi nablyudatel'nosti i pamyati u rabotnikov pravookhranitel'nykh organov *(Formation of professional observation and memory in law enforcement officials)* // Yuridicheskaya psikhologiya. Tezisy dokladov k VII S»ezdu obshchestva psikhologov SSSR. Moscow: SA USSR publ., 1989. P. 9–10. (In Russian)

8. Gan'kova E. V., Kanchurina A. A., Shatrovoi O. V. Pravovoe i moral'noe soznanie osuzhdennykh kak sostavlyayushchie kriminal'noi zarazhennosti *(Legal and moral consciousness of convicts)* // Reformirovanie penitentsiarnykh uchrezhdenii i aktual'nye voprosy resotsializatsii osuzhdennykh (v svete trebovanii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda). Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vologda, 24–25 noyabrya 2011 g.): In 2 part. Part 2. Vologda: Feferal Penitentiary Service Academy publ. publ., 2012. P. 88–93. (In Russian)

9. Golovistikova A. N., Dmitriev Yu. A. Problemy teorii gosudarstva i prava *(Problems of the theory of state and law)*. Moscow: EKSMO publ., 2005. 649 p. (In Russian)

10. Gromov V. G. Massovye besporyadki kak chrezvychainoe sobytie v mestakh lisheniya svobody *(Mass riots as an extraordinary event in places of imprisonment)* // Problemy sovershenstvovaniya pravovykh osnov deyatel'nosti organov, ispolnyayushchikh nakazaniya. Trudy Akademii / ed by P. G. Ponomarev, V. I. Starkov, M. P. Sturova. Moscow: Academy IM RF publ., 1995. P. 75–85. (In Russian)

11. Dyadyun K. V. Gendernyi podkhod v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve rossiiskoi federatsii: vliyanie na realizatsiyu printsipov ravenstva grazhdan pered zakonom, spravedlivosti i gumanizma *(Tender approach in the criminal and penal legislation of the Russian Federation: impact on the implementation of the principles of equality of citizens as regards the law, justice and humanism)*: abstract of thesis. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 2009. 25 p. (In Russian)

12. Isaeva O. A. K voprosu o dostizhenii tselei nakazaniya v sovremennykh usloviyakh *(On achieving the goals of punishment in modern conditions)* // Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (29–30 oktyabrya 2009 g.). Issue. 6. Tyumen': TGAMEUP publ., 2010. P. 83–86.

13. Kutyakin S. A. K voprosu ob ekstremizme «vorovskogo» soobshchestva *(About extremism of thieves ' community)* // Problemy ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professorov N. A. Ogurtsova i V. A. Eleonskogo. Ryazan': Feferal Penitentiary Service Academy publ., 2012. P.116–122. (In Russian)

14. Kutyakin S. A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya prestupnogo soobshchestva «vorov v zakone» i ikh vliyanie na deyatel'nost' ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii *(Modern condition and perspectives of development of criminal community «thieves in law» and their impact on the activity of criminal-executive system of Russia)* // Znachenie realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda v preduprezhdenii retsidivnoi prestupnosti: materialy nauchno-prakticheskogo seminara. Ryazan': Feferal Penitentiary Service Academy publ., 2012. P. 82–90. (In Russian)

15. Mavrodi S. Tyuremnye dnevniki, ili pis'ma k zhene *(Prison diaries, or letters to his wife)*. Moscow: Tensil publ, 2004. 268 p. (In Russian)

16. Murashov V. P. Izuchenie sotsial'nykh grupp v kriminologii // Metodologicheskie problemy izucheniya prestupnosti i ee prichin. Sbornik nauchnykh trudov *(Study of social groups in criminology)* / ed by A. I. Dolgov. Moscow: All-Union Institute for the Study of Causes and the Development of Crime Prevention Measures publ., 1986. P. 43–51. (In Russian)

17. Pal'gueva K. N. Pravovye aspekty kvalifikatsii massovykh besporyadkov v mestakh lisheniya svobody *(Legal aspects of qualification of mass riots in places of deprivation of freedom)* // Mekhanizm obespecheniya i zashchity prav cheloveka v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ad»yunktov, kursantov, studentov i slushatelei (25 maya 2012 g.). Samara: Samar Law Institute publ., 2012. P. 152–154. (In Russian)

18. Pantykina M. I. Pravo-struktura i pravo-protsess kak formy bytiya prava *(Law-structure and law-process as a form of existence of law)* // Filosofiya prava. 2008. No.5. P. 36–40. (In Russian)

19. Pushkareva A. O. Pravo i moral': sootnoshenie ponyatii *(Law and morality: correlation of concepts)* // Pravovaya sistema Rossii: teoriya i praktika: materialy Vserossiiskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Shadrinsk, 2013. P. 241–244. (In Russian)

20. Savchenko A. Stereotipy praktiki naznacheniya nakazaniya ne dolzhny zamenyat' predpisaniya zakona *(Stereotypes of the practice of sentencing should not replace the requirements of the law)* // Rossiiskaya yustitsiya. 2002. No.9. P. 55–57. (In Russian)

21. Sagrunyan V. M. Tseli ugolovnogo nakazaniya: teoreticheskie i prakticheskie problemy *(Goals of criminal punishment: theoretical and practical problems)* // Sovremennoe pravo. 2011. No.5. P. 131–135. (In Russian)

22. Sverchkov V. V. Tseli realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti (primeneniya ugolovnogo nakazaniya): istoricheskaya preemstvennost', obosnovannost' i urovni dostizheniya *(Objectives of criminal responsibility (application of criminal punishment): historical continuity, validity and levels of achievement)* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No.1 (12). P. 454–468. (In Russian)

23. Sergeeva E. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie zhenshchin po rossiiskomu zakonodatel'stvu: gendernyi aspect *(Criminal liability and punishment of women under Russian law)*: abstract of thesis. Saratov: Saratov law Institute of the Russian interior Ministry publ., 2006. 22 p. (In Russian)

24. Tulegenov V. V. Neformal'nye normy «tyuremnoi» subkul'tury i ikh kriminologicheskoe znachenie *(Nonformal norms of prison culture and their criminological meaning)* // Problemy prestupnosti: traditsionnye i netraditsionnye podkhody. Sbornik statei. Moscow: Russian criminological Association publ., 2003. P. 84–87. (In Russian)

25. Uvarov I. A. Ideologiya penitentsiarnogo soobshchestva v sisteme formirovaniya obshchestvennogo soznaniya osuzhdennykh *(Ideology of the prison community in the formation of social consciousness of the convicted)* // Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie. 2012. No.2 (18). P.40–43. (In Russian)

26. Khachak B. N. Gendernyi podkhod v institute ugolovnogo nakazaniya: ugolovno-pravovye, penitentsiarnye i kriminologicheskie problem *(Gender approach in the Institute of criminal punishment: criminal law, penitentiary and criminological problems):* abstact of thesis. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2014. 30 p. (In Russian)

27. Khokhryakov G. F. Sotsial'naya sreda i lichnost'. Znachenie elementov sotsial'noi sredy v protsesse dostizheniya tselei ispolneniya nakazaniya, ispravleniya i perevospitaniya osuzhdennykh v ITU *(Social environment and personality. Value of elements of the social environment in the process of achievement of the purposes of execution of punishment, correction and re-education condemned in Correctional facility)*. Moscow: IM USSS publ., 1982. 88 p. (In Russian)

28. Khokhryakov G. F. Tsennostnye orientatsii osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody *(Value orientations of convicts in prison)* // Sotsiologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy otbyvaniya nakazaniya v ITU. Sbornik nauchnykh trudov. No. 60. Moscow: IM USSS publ., 1982. P.62–72. (In Russian)

Сведения об авторах

Волков Александр Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры правовой культуры и прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / volkoffss@yandex.ru

Волков Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Института дружбы народов (Ставрополь) / obep_mikhail@mailru

Уваров Игорь Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД РФ (Ставрополь) / uvarov.igor@mail.ru

Information about the authors

Volkov Alexandr – Doctor of Psychology, Professor, Chair of Legal Culture and Human Rights Protection, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / volkoffss@yandex.ru

Volkov Mihail – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, The Institute of Friendship of peoples of the Caucasus (Stavropol) / obep_mikhail@mailru

Uvarov Igor – PhD in Law, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs (Stavropol branch) / uvarov.igor@mail.ru

УДК 349.2

Т. Ф. Вышеславова

СТАНОВЛЕНИЕ ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Исторический аспект изучения проблем урегулирования коллективных трудовых споров в России заслуживает более пристального внимания, в том числе сквозь призму современных проблем правового регулирования отношений в сфере труда. Исторический анализ правовых норм нацеливает законодателя на разработку эффективного механизма адекватного отражения закономерностей развития трудовых отношений. Выявление конкретных объективных и субъективных условий возникновения коллективных трудовых споров ориентирует на устранение их негативных последствий и является актуальным, по сей день.

Статья посвящена правовому анализу дореволюционного периода становления в Ставропольской губернии механизмов мирного разрешения коллективных трудовых конфликтов. В ней рассмотрены на фоне отсутствия правовой регламентации российского фабричного законодательства, применяемые в практике меры по урегулированию разногласий между работодателями и работниками по материалам государственного краевого архива Ставропольского края. Автором впервые анализируется порядок разрешения коллективных трудовых конфликтов, органами, созданными в губернии на принципе равноправия участия спорящих сторон, показа роль рабочего движения, профессиональных союзов за свои трудовые права. Автором акцентируется значение заключения коллективных трудовых договоров как фундамента локального регулирования коллективных трудовых споров.

Ключевые слова: коллективные трудовые конфликты, рабочие, работодатели, трудовые права, стачечное движение, забастовка, требования рабочих, профессиональные союзы, органы по разрешению трудовых конфликтов, коллективных договор.

T. Vysheslavova

FORMATION OF FACTORY LEGISLATION IN THE FIELD OF COLLECTIVE LABOR DISPUTES RESOLUTION

The historical aspect of the study of the problems of settlement of collective labor disputes in Russia deserves closer attention, including through the prism of modern problems of legal regulation of relations in the field of labor. Historical analysis of legal norms focuses the legislator on the development of an effective mechanism of adequate reflection of the laws of labor relations. Identification of specific objective and subjective conditions of collective labor disputes focuses on the elimination of their negative consequences and is relevant to this day.

The article is devoted to the legal analysis of the pre-revolutionary period of formation of mechanisms of peaceful settlement of collective labor conflicts in Stavropol province. Against the background of the lack of legal regulation of the Russian factory legislation it examinesthe applied in practice measures to resolve disputes between employers and employees on the materials of the state regional archive of the Stavropol territory. The author analyzes for the first time the order of collective labor conflicts resolution, the bodies established in the province on the principle of equal participation of the disputing parties, the role of the labor movement, trade unions for their labor rights. The author emphasizes the importance of collective labor agreements as the foundation of local regulation of collective labor disputes.

Key words: collective labor disputes, workers, employers, labor rights, strike movement, strike, workers' demands, trade unions, labor dispute resolution authorities, collective agreements.

Исторический опыт правового регулирования коллективных конфликтов в сфере трудовых отношений актуален и в настоящее время. Никуда не делась полярность интересов труда и капитала, различная оценка общественных ценностей участниками коллективных трудовых споров. Коллективным трудовым спорам присуще разнообразие объектов противоборства, наличие пробелов трудового законодательства, проблемы в экономике и социальной политике государства.

Все правовые явления в трудовом праве связаны с принципом историзма юридической науки, который нацеливает законодателя на обоснование новаций в правовом регулировании разрешения коллективных трудовых споров.

В Ставрополье исторически складывались предпосылки специфического воздействия на общественные отношения в сфере наемного труда. Это явление объясняется особым географическим положением края, исключительным набором трудовых и экономических ресурсов.

В конце 70-х гг. XIX в. в Ставропольской губернии развиваются трудовые капиталистические отношения. Возникают противоречия между ра-

ботодателями и наемными рабочими, требующие законодательного урегулирования. В это время уже в России действуют законодательные акты, регулирующие взаимоотношения участников труда на фабриках, заводах, мануфактурах. Они издавались в форме положений, указов, инструкций, докладов, правил, записок, наказов, фабричных уставов и т.д. [16, с. 167].

Мелкие промышленные заведения в губернии действовали с 1861 г. по переработке сельскохозяйственного сырья, свинцовой и цинковой руды, использованию кислых и железных источников [14, с. 209].

Рабочая сила пополнялась из рядов крестьян, вследствие реформы 1861 г., которая концентрировалась в Ставрополе, крупных городах губернии и по Владикавказской железной дороге. Развивался торговый капитал, разрабатывались минеральные источники. Экономика губернии строилась на промышленном развитии железнодорожного транспорта, где Ростово-Владикавказская железная дорога была одной из самой доходной того времени. Железная дорога явилась ситемообразующим предприятием, на базе которого учреждались мастерские, депо, небольшие заводы по металлообработке и добыче нефти. Тут особо можно выделить Минераловодские мастерские. Железной дороге принадлежал Новороссийский порт, как промышленное предприятие по продаже ставропольской пшеницы [11, с. 158].

Росли противоречия между промышленниками и рабочими, не прекращались крестьянские волнения, говорившие об острой проблеме земельного вопроса в губернии. Тяжелые условия труда, быстрый рост промышленного производства были катализаторами коллективных конфликтов. Назревали проблемы во взаимных отношениях рабочих и работодателей.

Однако открытые выступления рабочего класса против работодателей на Ставрополье начинаются в 1905 г. как отклик общероссийского движения пролетариата за свои трудовые права. Так рабочий день на промышленных предприятиях составлял 12–16 часов, контроль за техникой безопасности отсутствовал, усиливалась промышленная эксплуатация крестьян.

По сведениям губернского архива того времени, наемные рабочие Медвежинского уезда отказывались от условий заключения договора за половину урожая, а рабочие Прасковейских мукомольных мельниц работали в очень тяжелых условиях [2, л. 115].

С целью урегулирования конфликтов в сфере наемного труда в губернии действовали судебные уставы, предусматривающие их разрешение в мировом суде, при урегулировании споров применялись нормы Городового положения 1870 г.

В 1882 г. для разрешения коллективных трудовых конфликтов была учреждена Камера старшего фабричного инженера Черноморской губернии, действующая и на Ставрополье, руководствующаяся нормами Устава о промышленном труде, где разрешались споры, связанные с несчастными случаями, зафиксированными на мельницах губернии [6, л. 1–5].

Массовость рабочих выступлений за свои трудовые права, отмеченные по материалам Ставропольского краевого архива, начались с января 1905 г. забастовкой на чугунолитейном заводе Руднева и Шмидта, где в результате забастовки работодатель сократил рабочий день до 10 часов [3, л. 17]. Летом того же года возник конфликт рабочих на Минераловодском участке Владикавказской железной дороги с работодателем. Рабочие выдвигали требования повышения заработной платы, запрещения штрафов, установления 8-ми часового рабочего дня, введения страхования, надлежащего контроля за охраной труда. Наряду с этими экономическими требованиями предъявлялись и политические – свободы собраний, митингов, союзов рабочих. Рабочие предупреждали администрацию об отказе применения увольнений или арестов рабочих в ходе стачки, в противном случае они объявят забастовку, где «всякие работы, движение по Минераловодскому узлу тяги незамедлительно будут приостановлены» [12].

Администрация отказала требованиям рабочих, кроме того на подмогу были вызваны войска. Защищая свои трудовые права, рабочие объявили забастовку 11 июля 1905 г. Эту забастовку поддержали и другие рабочие паровозных бригад, прибывших на станцию Минеральные Воды, отказавшихся от ведения железнодорожных составов. Этот пример послужил началом всеобщей стачке на Владикавказской железной дороге, к которой примкнули многие станции.

В ответ на игнорирование требований администрации возобновить работу и восстановить железнодорожное движение, к забастовщикам решено было применить локаут. Работодатель распорядился об увольнении тех рабочих, которые не выйдут на работу 13 июля 1905 г. Однако и эта мера не прекратила стачку, руководимую стачечным бюро [11, с. 192].

Такие решительные коллективные действия рабочих заставили администрацию железной дороги вступить в переговоры с рабочими и удовлетворить их отдельные экономические требования. Правда, из предъявленных рабочими 34 требований было удовлетворено только три.

Во-первых, администрация обязывалась снова принять на работу уволенных рабочих без потери их прав. Во-вторых, отказаться от усмотрения начальника депо по приему на работу работников – участников стачки. В-третьих, время стачки оформлялось для работников днями отпуска. К сожалению требование рабочих о сохранении заработной платы в период стачки было решительно отклонено администрацией [15]. 30 июля 1905 г. стачка была прекращена. Однако материалы краевого архива свидетельствуют о многочисленных забастовках в губернии на мелких промышленных предприятиях.

Все это говорит о том, что при отсутствии правового регулирования права на забастовку в российском законодательстве, представители работодателей предпочли мирный выход из забастовок и стачек, не применяя ст. 1358 и 1381 действующего Уложения о наказаниях, что потом

стало фундаментом урегулирования коллективных трудовых споров.

Переговоры велись на паритетной основе из представителей работодателя и рабочих, где их интересы представляло выбранное стачечное бюро. Таким образом, разрешение разногласий работодателя и наемных работников приобретает определенный механизм, где формируется посредничество сторон, примирительные процедуры, при полном отсутствии законодательного урегулирования.

Стачечное движение в губернии набирало силу и уже 8 ноября 1905 г. рабочие чугунолитейного завода Руднева и Шмидта опять бастовали, требуя улучшения условий труда и социального обеспечения. Забастовка продлилась 5 дней, рабочие не добились ей результатов, но она стала примером для рабочих Пятигорска, Георгиевска, Минеральных Вод и трудового крестьянства.

Для наблюдения за порядком и недопущения массовых волнений в губернии создается Особая Комиссия при управлении Владикавказской железной дороги. Она издала 16 сентября 1906 г. постановление запрещающее создание и действие рабочих бюро и комитетов, не разрешенных в установленном порядке, а также проведение собраний и митингов. Предписывалось во время забастовки прекращать работу потребительских лавок, уволенных работников удалять с полосы отчуждения железной дороги, а виновные, нарушающие данное положение могли подвергаться аресту на три месяца или денежному штрафу в размере до 500 рублей [1, л. 1–2].

Несмотря на это в 1907 г. бастовали рабочие сел Китаевского, Круглолесского, а в 1908 г. – сел Маслов-Кут, в 1912 г. – станции Курсавка. Министерство путей сообщений принимает «Правилао порядке увольнения и перемещения политически неблагонадежных железнодорожных служащих по требованию жандармской полиции» от 3 октября 1909 г., где наемные работники могли быть уволены, подвергнуты высылке как неблагонадежные. Обратный прием на работу осуществлялся с согласия полиции. Вводятся специальные циркуляры о запасных наборах специалистов для замены ими бастующих рабочих [7, л. 11].

Этими коллективными действиями рабочие добились снижения цены на хлеб, хоть и незначительного, но повышения заработной платы, усиления работы фабричного инспектора Черноморской губернии. Так данный фабричный инспектор, обращаясь к Ставропольскому губернатору, отмечал, что при наличии трудового конфликта, рабочие могут обращаться в суд, при отсутствии специального органа правительственной власти, регулирующего данные конфликты. Он обращает внимание на отсутствие у него полномочий на вмешательство во взаимоотношения между работодателями и наемными рабочими и ходатайствует о необходимости скорейшего ведения на Ставрополье ст. 48–60 и 125–156 Устава о Промышленности, в качестве регламентации действий администраций при нарушении промышленного порядка [4, л. 2].

Для защиты экономических интересов рабочих в 1905 г. на Ставрополье созданы были профсоюзы правительственных учреждений, а также союзы пекарей, почтовых работников и другие. Позднее были созданы профессиональные союзы железнодорожников, работников промышленных предприятий. Их деятельность регламентировалась уставами, включающими нормы о необходимости вступать в коллективные переговоры с представителями хозяев по установлению условий труда, где основное место занимали вопросы увеличения оплаты труда, снижения норм рабочего времени. Уже в уставах предписывалось при возникновении трудовых конфликтов учреждать примирительные камеры, где представители сторон конфликта могли урегулировать разногласия и споры. К 1917 г. в губернии действовали профессиональные союзы печатников, строителей, кожевников, металлистов и другие. На их основе в центре губернии в г. Ставрополе начало действовать Центральное Бюро профсоюзов, как организующий и руководящий орган. Однако большого влияния на рабочее движение по защите интересов рабочих оно не сыграло, в силу того, что в его руководстве оказались меньшевики и эсеры, проводившие туманную политику по отношению к интересам рабочих, не уделяя внимания вопросам о разрешении трудовых конфликтов [8, л. 1–2].

Деятельность данного Бюро также регламентировалась уставом, в котором предписывалась деятельность по объединению всех профсоюзов губернии, определялись цели и задачи, но не было ничего сказано по созданию механизмов по урегулированию трудовых конфликтов, слабы были начинания по действенной защите экономических интересов рабочих. Работа Бюро сосредотачивались в крупных предприятиях, мелкие же предприятия были мало охвачены профсоюзным движением.

Однако в ответ на рост стачечного движения, как на крупных предприятиях, так и мелких производствах, при губбюро был создан тарифно-стачечный отдел. В его компетенцию входили вопросы экономический борьбы, повышение заработной платы и разрешение споров в данной сфере. Кроме того, Бюро сформировало конфликтную комиссию, где разбирались разногласия хозяев и рабочих по условиям труда. Примером такого рассмотрения комиссией явились споры между работодателем и профсоюзом «Игла», а также завода «Адольфа Шмидта». Интересы рабочих в данных конфликтах представляли стачечные комитеты, которые объявляли забастовки и выдвигали требования [13, с. 342].

С целью разрешения коллективных трудовых споров в 1917 году в губернии создается Ставропольская городская примирительная камера, где рассматривались разногласия между работниками и предпринимателями с непосредственным участием, как конфликтной комиссии, так и представителей Бюро.

Примером камерного разбирательство может служить требования Союза работников печатно-

го дела о повышении заработной платы в целом на 25 рублей всем работникам. В коллективных переговорах участвовали представители конфликтной комиссии и представители работников и хозяина. Переговоры не принесли ощутимых результатов и в июле 1917 г. работники печати объявили забастовку, которая была поддержана и Бюро. В это время уполномоченный газеты «Северокавказское слово» обращался в Бюро с просьбой отложить забастовку или задержать до рассмотрения разногласий в примирительной камере, ссылаясь, что нельзя оставить население без газет и телеграмм в то непростое для страны время [9, л. 6, 17].

Достаточно активно работал тарифно-стачечный отдел Ставропольского губбюро по разрешению коллективных трудовых споров связанных с улучшением условий оплаты труда рабочих. Значимость работы этого органа примирения была очевидна, так как им в значительной степени гасились возмущения рабочих мелких предприятий губернии. Так тарифно-стачечным отделом урегулированы разногласия рабочих и предпринимателем Бандерсоном в пищевой отрасли, где забастовка была предотвращена условиями работы, установленными Продовольственным комитетом губернии.

Таким образом, примирительная комиссия, тарифно-стачечный отдел, конфликтная комиссия и само губбюро являлись действенными органами по разрешению трудовых конфликтов, особенно при рассмотрении требований рабочих и мирном урегулировании взаимоотношений между ними и работодателями. Тем более, что требования рабочих не всегда признавались обоснованными и тем самым предотвращались неорганизованные и стихийные забастовки и другие меры протеста рабочих. Бюро как основной орган по урегулированию конфликтов уже корректировал рабочее движение в губернии, разрабатывая объективные требования к работодателям и принимал предупредительные меры для предотвращения забастовок и возникновению коллективных трудовых споров. В общественной жизни края значительное место занимали вопросы профилактики возникновения трудовых конфликтов на основе мирного их урегулирования и активного участия в них как самих рабочих, так и предпринимателей.

Концентрация наемной рабочей силы на Ставрополье в то время была значительной, так по данным Ставропольского краевого архива, в разных отраслях хозяйства трудилось 40 тысяч рабочих из которых 7,5 тысяч человек работали на заводах и фабриках. В составе Ставропольского губернского бюро профсоюзов насчитывалось 11 союзов, объединяемых 3, 5 тысячи рабочих.

Основными требованиями рабочих были вопросы улучшения охраны труда, повышения заработной платы, условия об отказе работодателей увольнения рабочих участвовавших в забастовках, обратного приема на работу таких рабочих. Однако рабочие испытывали на себе последствия участия в забастовках и работодатели, часто игнорировали свои обещания о неприменении такой меры как увольнение рабочих. Так, последствием забастовки рабочих на мельнице братьев Милосердовых в г. Ставрополе явилось увольнение крупчатника данной мельницы, несмотря на обещание промышленников не отвечать репрессиями на последствия забастовки. Бюро отреагировало на такие действия промышленников, им предлагалось рассмотреть последствия забастовки и свои обещания и принять незамедлительно соответствующие меры [10, л. 3–4].

Таким образом, при отсутствии правового регулирования в российском законодательстве норм, регламентирующих порядок разрешения трудовых конфликтов, нарушались в одностороннем порядке взятые на себя обязательства при улаживании забастовок. Практика говорила об отсутствии механизмов ответственности предпринимателей при достижении соглашений по мирному разрешению споров. В свою же очередь профсоюзы рабочих не могли оказать на них должного влияния, при нарушении работодателями своих обещаний, принятых в добровольном порядке при проведении коллективных переговоров с рабочими.

В это же время началась практика заключения коллективных договоров на предприятиях и организациях губернии, что регламентировало взаимоотношения между рабочими и работодателями. В них уже появились такие нормы как запрещение предпринимателей перекания с рабочими, при возникновении разногласий заявлять в секретариат Союза, наложение штрафа на работодателя, принявшего на работу работника без специальной карточки Союза и другие. Нормы по мирному урегулированию трудовых конфликтов включались в действующие правила внутреннего распорядка, где запрещалось рабочим собираться в «кучи», отсутствовать на работе без уважительных причин, а значив и в случае забастовки. Тут же действовали табели о взысканиях, так за неявку на рабочее место с рабочего удерживалась дневная заработная плата [5, л. 1–6] Устанавливалось локальное регулирование, добровольное взятие обязательств сторонами спора, пробелы законодательства, устраняясь ведением коллективных переговоров.

Таким образом, в дореволюционный период в Ставропольской губернии создались благоприятные предпосылки мирного разрешения коллективных трудовых споров. Данный период характеризуется ущемлением трудовых прав рабочих, тяжелыми условиями их труда, что способствовало наличию разногласий между работниками и работодателями, что нередко приводило к стачкам и забастовкам.

В губернии плохо осуществлялся надзор за неукоснительным выполнением действующих правительственных циркуляров и Устава о промышленности, что влияло на рабочее движение в губернии и жестокую эксплуатацию наемных работников. Однако силами профессиональных союзов и промышленников в губернии были созданы органы по урегулированию коллективных трудовых споров, что, несомненно, указывает

на то, что именно в этот период закладываются основные механизмы по разрешению трудовых конфликтов на мирной основе. Предприниматели губернии достаточно рано признали силу профсоюзов, созданных примирительных органов по разрешению конфликтов, коллективных переговоров, где представители рабочих выступали как равноправная сторона. Заключение коллективных трудовых договоров, регламентация рабочей жизни в правилах внутреннего распорядка создало предпосылки к локальному регулированию взаимоотношений труда и капитала. Мирное разрешение трудовых конфликтов на принципах паритетности способствовало разработке на локальном уровне процедур разрешения коллективных трудовых споров и служило профилактирующим механизмом для их предотвращения.

Литература

1. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 383.
2. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 414.
3. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 552.
4. ГАСК. Ф. 133. Оп. 1. Д. 95.
5. ГАСК. Ф.133. Оп. 1. Д. 115.
6. ГАСК. Ф. 133. Оп. 1. Д. 170.
7. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д.60.
8. ГАСК. Ф. 2430. Оп. 1. Историческая справка.
9. ГАСК. Ф. 2430. Оп. 1. Д. 6.
10. ГАСК. Ф. 2430. Оп. 1. Д. 14.
11. История Ставропольского края от древних времен до 1917 г. / под ред. Невской В. П. Ставрополь: СКИПКРО, 1996. 196 с.
12. Кавказские Минеральные Воды. 1905. 14 июля.
13. Наш край 1777–1917. Документы и материалы. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. 424 с.
14. Очерки истории Ставропольского края. Т.1. С древних времен до 1917 г. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1984. 383 с.
15. Политический листок. 1905. 28 июля.
16. Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века. М.: Наука, 1986. 214 с.

References

1. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 101. Inv. 5. D. 383. (In Russian)
2. GASK. F. 101. Inv. 5. D. 414. (In Russian)
3. GASK. F. 101. Inv. 5. D. 552. (In Russian)
4. GASK. F. 133. Inv. 1. D. 95. (In Russian)
5. GASK. F. 133. Inv. 1. D. 115. (In Russian)
6. GASK. F. 133. Inv. 1. D. 170. (In Russian)
7. GASK. F. 1008. Inv. 1. D. 60. (In Russian)
8. GASK. F. 2430. Inv. 1. Historical information. (In Russian)
9. GASK. F. 2430. Inv. 1. D. 6. (In Russian)
10. GASK. F. 2430. Inv. 1. D. 14. (In Russian)
11. Istorija Stavropol'skogo kraja ot drevnih vremen do 1917 g. *(History of Stavropol region from ancient times to 1917)* / ed. Nevskaya V. P. Stavropol: SKIPCRO publ., 1996. 196 p. (In Russian)
12. Kavkazskie Mineral'nye Vody. 1905. July 14. (In Russian)
13. Nash kraj 1777–1917. Dokumenty imaterialy *(Our region 1777–1917. Documents and materials).* Stavropol: Stavropol book publishing house, 1977. 424 p. (In Russian)
14. Ocherkiistorii Stavropol'skogo kraja. T. 1. S drevnih vremen do 1917 g. *(Essays on the history of the Stavropol territory).* Vol. 1. From ancient times to 1917). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1984. 383 p. (In Russian)
15. Politicheskij listok. 1905. July 28. (In Russian)
16. Rybakov Yu. Ya. Promyshlennoe zakonodatel'stvo Rossii pervoj poloviny XIX veka *(Industrial legislation of Russia in the first half of the XIX century)*. Moscow: Nauka publ., 1986. 214 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Вышеславова Татьяна Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vysheslavova_tf@mail.ru

Information about the author

Vysheslavova Tat'jana – PhD in Law, Accossiate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Instute of Law, North-Caucasus Federal Institute (Stavropol) / vysheslavova_tf@mail.ru

УДК 340.1

Р. Р. Габрилян, И. Н. Клюковская, Е. В. Конина

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ: ОТ ГЕНЕЗИСА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Настоящая статья посвящена анализу понятия и содержания правового плюрализма, рассмотрению отдельных подходов (как отечественных, так и зарубежных авторов) к роли правового плюрализма и его значению для различных государств и правовых систем современности. Отмечается, что несмотря на многочисленные исследования в сфере правового плюрализма, в настоящее время отсутствует не только единый подход к определению данного института, но и единого мнения относительно наименования рассматриваемого явления.

В данном исследовании правовой плюрализм рассматривается не только с теоретико-правовых, но и историко-правовых позиций, что, несомненно, способно обогатить любой научный труд. В правовой доктрине исследуемая категория появилась сравнительно недавно, всего около 50 лет назад, что стало логичным результатом крушения колониальной системы и появления необходимости для новых независимых государств обеспечить сосуществование исторически сложившихся обычно-правовых норм с колониальным правом, распространённым метрополиями. Приводятся доводы относительно изменения понятия правового плюрализма с течением времени.

В статье раскрываются наиболее актуальные вопросы, касающиеся правового плюрализма, в частности, такие как особенности источников права в государствах с наличием правового плюрализма, исторические предпосылки к оформлению правового плюрализма и ряда других вопросов. Приводятся доводы относительно позитивного и негативного опыта правового плюрализма в различных странах мира. Рассматривается роль правового плюрализма в разрешении правовых конфликтов и реституционного правосудия. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования концепции правового плюрализма и изучения влияния данного института на правовые системы государств.

Научная новизна работы состоит в анализе зарубежной научной литературы, посвящённой правовому плюрализму, а также в выявлении положительных и отрицательных факторов правового плюрализма в современных условиях развития правовых систем различных государств.

Ключевые слова: правовой плюрализм, источники права, правовой обычай, колонии, нормативно-правовой акт, мусульманское право.

R. Gabrilyan, I. Klyukovskaya, E. Konina

LEGAL PLURALISM: FROM THE GENESIS OF THEORETICAL CONCEPT TO IMPLEMENTATION IN MODERN CONDITIONS

The presented paper covers the analysis of a study of the concept and the matter of “legal pluralism”, an examination of approaches (both domestic and foreign authors) to the role of legal pluralism and its significance for various states and modern legal systems. It is noted that despite numerous studies in the field of legal pluralism, currently there is not a unified approach to the definition of this institution as well as a consensus on the name of the phenomenon under consideration.

In this study, legal pluralism is considered not only from the point of legal theory but also from the position of legal history, which, undoubtedly, can enrich any scholar paper. In the legal doctrine, the examined conception appeared relatively recently, only about 50 years ago. It was the logical result of the collapse of the colonial system and the emergence of the need for newly independent states to ensure the coexistence of historically established customary laws with colonial law distributed by metropoles. Arguments are given regarding the change in the concept of legal pluralism over time.

The article highlights the most topical issues concerning the legal pluralism, such as features of sources of law in states with the presence of legal pluralism, historical background to the evolution of legal pluralism and several other issues. Arguments are given regarding the positive and negative experience of legal pluralism in various countries of the world. The role of legal pluralism in resolving legal conflicts and restorative justice is also considered. The conclusion is drawn on the need to subsequent study the concept of legal pluralism and study the impact of this institution on the legal systems of states.

The scientific originality of the research lies in the analysis of foreign scientific literature on legal pluralism, as well as in the identification of positive and negative factors of legal pluralism in modern conditions of development of various states’ legal systems.

Key words: legal pluralism, sources of law, custom, colonies, normative act, Muslim law.

Вопросы, касающиеся сосуществования в рамках одной правовой системы нескольких элементов разных правовых систем, привлекают интерес учёных-правоведов на протяжении последних нескольких десятилетий. Однако несмотря на кажущуюся определённость, до сих пор не выработано ни общепринятого понятия правового плюрализма, ни единого подхода к его сущности, роли и значению. Более того, не имеется даже единообразного мнения по поводу наименования данного института. Так, рядом исследователей вообще не используется категория «правовой плюрализм», при этом выбор делается в пользу иных синонимов, таких как «юридический плюрализм», «децентрализм» или «полиюридизм».

Видный американский исследователь проблематики правового плюрализма Брайан З. Таманаха говорит о том, что правовой плюрализм обнаруживается, буквально, везде, имея в виду множественность правовых порядков, начиная с местного и, заканчивая, глобальным уровнем. Автор указывает на сосуществование таких привычных правовых норм как сельские, городские, иные муниципальные с государственными, региональными, национальными, транснациональными и международными правовыми нормами. Однако в дополнение к указанным общепризнанным правовым нормам, в различных точках нашей планеты наличествуют более экзотические формы права, такие как обычное право, право коренных народов, религиозные нормы и нормы, связанные с различными этническими или культурными группами общества. Исследователь наблюдает очевидный рост квази-правовой деятельности, от частной охраны общественного порядка и правосудия (о чём писал также Н. Рулан [10, с. 281], до частных тюрем и постоянного развития обычного торгового права (lex mercatoria). Наконец, Таманаха выделяет правовые нормы транснационального коммерческого права, которые практически целиком являются продуктом частной законотворческой деятельности [20, p. 375].

Среди отечественных исследователей также выделяются примечательные мнения относительно природы правового плюрализма. Так, например, Антонов М. В. считает, что «правовой плюрализм в современной интерпретации сконцентрирован на противопоставлении права государства праву общества» [2, с. 157], сложно с данным высказыванием не согласиться, учитывая, что, оно ярко прослеживается в приведённом выше мнении Б. Таманахи.

Концепция правового плюрализма, естественно не является новой. Менее полувека назад данный термин впервые стал использоваться в научной юридической литературе. Данное явление имеет простое объяснение, именно в те годы, при столкновении двух идеологически противоположных лагерей, в результате непримиримой борьбы за освобождение от колониальной зависимости народов различных континентов и регионов Земли от Южной Америки до Океании, на политической карте мира появляется множество новых независимых государств.

Целый ряд из государств, обретших суверенитет, столкнулся с серьёзной дилеммой. На протяжении многих веков своей доколониальной истории, население большинства из новообразованных государств руководствовалось исторически сложившимися обычаями, передававшимися устно из поколения в поколение.

Европейские колонисты, захватывая всё новые и новые территории, стремились распространять на них и своё право. Естественно, в подавляющем большинстве случаев исторически сложившиеся обычно-правовые нормы вступали в противоречие с привносимым правом западноевропейских, а впоследствии и иных колониальных держав.

В результате борьбы с правовыми обычаями местного населения, европейцы, не без кровопролития насаждали новые порядки. Часть из обычаев коренных народов исчезла, другую приспособили под право колонистов. В некоторых территориях колониальными империями велась борьба на полное уничтожение местных правовых обычаев. Так, например, во Французской Полинезии, несмотря на устремления местного населения, правовой обычай как источник права официально не признаётся, в то время, как во всех других государствах и территориях региона такое признание обычное право получило, в том числе в рамках Конституций и конституционных актов.

Однако вести речь о правовом плюрализме, имевшем место на заре своей истории и современном правовом плюрализме, следует с разных позиций. С распространением глобализационных процессов, развитием международного частного права, в особенности после крушения одного из двух лагерей антагонистов, обозначается начало новой волны правового плюрализма. И, если ранний правовой плюрализм был только связан со взаимоотношениями между колониальным правом и обычным правом завоёванных, то на современном этапе к данным отношениям прибавились и отношения международные, в частности, упомянутое ранее lex mercatoria.

Примечательно, что несмотря на то, что само понятие правового плюрализма вошло в научный оборот относительно недавно, это отнюдь не означает отсутствие данного института в более ранние периоды развития человечества. Так, например, И. Л. Бабич, рассматривая правовые обычаи адыгов, отмечает, что признанное на государственном уровне «сосуществование (адатно-шариатного) судопроизводства и советской правовой системы адыгов сохранялось в течении XIX и в начале XX в., вплоть до 1925 г. Позднее была установлена единая советская правовая система, но адат и шариат использовались неофициально» [3, с. 116].

Более того, рассматривая идеи различных учёных начала XX в., можно обнаружить, что о правовом плюрализме говорили гораздо ранее общепринятых на данный момент дат. Так, некоторые исследователи относят к основоположникам правового плюрализма австрийского учёного

О. Эрлиха. В частности, Б. Дюпре, пишет о том, что вклад австрийского учёного в развитие правового плюрализма является ключевым, что связано с разработкой им теории «живого права», возникшей в качестве реакции на идеологию исключительного государство-центристского права. Рассматривая «живое право» преимущественно как независимое от государства, Эрлих предложил так называемую научную концепцию права, связанную с правилами поведения [14, p. 298].

Однако данная точка зрения не находит поддержки у всех современных правоведов. Исследуя учение знаменитого австрийца, Антонов М. В. отмечает, что утверждение о причастности первого к формированию такой категории как правовой плюрализм, представляется не совсем верным, так как некоторые постулаты учения Эрлиха идут вразрез с рассматриваемым институтом. В частности, вопросы вызывает противопоставление государственного права праву общественному, чего невозможно обнаружить у О. Эрлиха [2, с. 180].

Понятие правового плюрализма претерпевает трансформацию вслед за меняющимися значением и ролью данного явления. Так, на первом этапе развития правового плюрализма, под данным явлением понимали «наличие в рамках одного конкретного общества нескольких правовых механизмов, по-разному действующих в одинаковых ситуациях» (Дж. Жиллсан и Ж. Вандерлинден) [23, p. 19]; «положение дел, для любого социального поля, в котором встречается поведение, соответствующее более чем одному правовому порядку» (Дж. Гриффитс) [15, p. 2]; «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном социальном поле» (С. Э. Мерри) [16, p.870]. В следующем периоде развития правовой плюрализм стали рассматривать несколько иначе. От предложенного А. И. Ковлером «такого положения вещей, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку» [7, с. 38] до «множества разнообразных коммуникативных процессов, которые следуют за социальными действиями в рамках бинарного кода «легальное/нелегальное»» Гюнтера Тойбнера [21, p. 1456].

Непросто что-либо противопоставить точке зрения А. Бьянки, согласно которой, правовой плюрализм представляет собой явление, куда более сложное, нежели это может показаться на первый взгляд. Под вывеской правового плюрализма скрывается целый ряд теорий. Правовой плюрализм можно понимать как сосуществование множества отдельных режимов в международном праве; трансформацию глобального общества в сложную структуру множества независимых систем с ограниченными формами взаимодействия друг с другом; единственную жизнеспособную альтернативу в мире, характеризующуюся множеством центров лояльности и притяжения в пост-национальных обществах; индивидуальный профессиональный вызов, психологический опыт, требующий твёрдого чувства персональной ответственности [13, p. 227–243].

Весьма аргументированное объяснение существующей неоднозначности трактовок правового плюрализма даёт Ф. фон Бенда-Бекманн, отмечающий, что много споров и недоразумений между правоведами-теоретиками и антропологами права, в том числе в отношении правового плюрализма, вызваны тенденцией приведения данных совершенно разных устремлений и вытекающих из этого концепций к одномерному уровню обсуждения, в котором авторы находятся в поиске одной единственно верной или утилитарной концепции как для правоведов, так и для социологов. При этом не принимается во внимание тот факт, что данные группы учёных преследуют различные цели [24, p. 41].

В частности, автором приводится в качестве примера мнение знаменитого американского антрополога Л. Надер, критикующей «какофонию в правовых и антропологических исследованиях, касающихся права и общества» [17, p. 73].

При этом встречаются и светлые пятна, хотя и являются, скорее исключением. Так, представляется логичной точка зрения Зале, продемонстрировавшего осведомлённость в сущности данной проблемы [18, p. 197].

Данное, в особенности, заметно в теориях, в которых у многих учёных имеется запрос на универсальную оценку для своих концепций в абсолютном измерении. Фактически, они борятся за концептуальную гегемонию.

Ф. фон Бенда-Бекманн также заявляет, что указанный выше подход не только серьёзное препятствие на пути к качественно выстроенной юридической антропологии, он также делает диалог между представителями различных наук чрезвычайно сложным. Действительно, корни многих разногласий находятся в слишком ограниченном знании, когда, под влиянием стереотипов собственного учения, исследователям сложно принять концепции и подходы научных деятелей из смежных областей научного познания. Автором предлагается как представителям общей теории права, так и антропологам права работать над исследованиями, в которые вовлечены обе стороны. Таким образом, в то время как первыми будет ставится цель отстоять идеологию позитивного права, вторые не смогут стремиться в данных условиях к отношению к непризнанному праву как к праву государства. В случае, если одним приходится выбирать для правоприменения «правильные нормы», другим не получится применять достижения правового плюрализма в практической плоскости. Однако если одна сторона вовлечена в сравнительный анализ права через призму смены эпох и обществ, другая не будет воспринимать сравнительные процедуры как поглощенные доминирующей правовой идеологией.

Таким образом, прежде чем кому-либо вступить в концептуальные дебаты, ему следует чётко понимать, насколько различаются академические и профессиональные подходы, а также и их ограничения, а также принимать во внимание последствия продвижения своей точки зрения или критики других [24, p. 41–42].

К теории правового плюрализма зачастую обращаются в переходные периоды истории. Как справедливо отмечает Тихонова С. В. [11, с. 94], именно в такие времена ставится вопрос об одновременном существовании права государства и права социума, что, несомненно, привлекает учёных-правоведов.

Исследуя современное состояние правового плюрализма, нельзя не привести мнение М. В. Антонова, согласно которому, происходящие в настоящее время в мире глобализационные процессы, несомненно отражаются и на таком явлении как правовой плюрализм, однако данные процессы учёный предлагает рассматривать не просто для отражения современных реалий права, но, главным образом, в качестве регулирующей концепции для подтверждения признания определенных закономерностей эволюции общества со стороны учёных, юристов и политиков [12, p. 15].

Положительные черты правового плюрализма учёными нередко выводятся посредством противопоставления рассматриваемой концепции юридическому монизму. Действительно, если в качестве примера обратиться к странам Африки или Океании после получения ими независимости, одним из ключевых вопросов становится не только вопрос официального признания обычного права в качестве источника права, но и его преимущества перед позитивным правом, в особенности решения таких проблем как, например, коррупция. Несмотря на то, что обычное право располагает всем необходимым для решения подобных проблем, именно неписанное право выступает реальным инструментом для их искоренения.

Кроме того, говоря о таком явлении как коррупция, следует принимать во внимание не только западно-центристскую концепцию, но и учитывать особенности конкретного региона. Так, размышляя об указанном явлении в пост-советском Узбекистане, Р. Уринбоев и М. Свенссон говорят о необходимости иного подхода к данному явлению касательно узбекского народа, для которого под влиянием исторических, культурных и цивилизационных факторов подобное, несомненно, негативное явление воспринимается несколько иначе нежели на Западе, где исторически сложилось крайне отрицательное отношение к коррупции, как к одному из серьёзных преступлений против государственной власти.

На основе исследования, проводившегося в Узбекистане данными учёными, авторы приходят к заключению, что международные институты, такие как Всемирный Банк, Транспаренси Интернейшнл занимают крайне западно-центристскую позицию, оценивая уровень и состояние коррупции в данной среднеазиатской стране. Так, некоторые неформальные действия, однозначно интерпретируемые международными институтами как «коррупция» не обязательно означает такого же отношения к ним самих местных жителей. Более того, проведённые наблюдения, изучение статистики и опросы населения продемонстрировали наличие существенно отличающихся от западных морали и норм поведения. Причём к схожим выводам пришли и три других группы антропологов права в 2000, 2005 и 2007 годах. Однако в упоминавшемся исследовании Р. Уринбоев и М. Свенссон находят решение проблемы в применении достижений правового плюрализма. Так называемые «неформальные действия», которые однозначно признаются в западном мире в качестве коррупционных преступлений, рассматриваются с позиций концепции «живого права». Применяя данную концепцию, исследователи задаются вопросом применимости западных норм (ставших основой для норм международного права, по крайней мере, в данной области). Неформальное право в данном случае выступает в роли паллиативного механизма, нивелирующего недостатки государственных механизмов, в частности, в сфере финансирования инфраструктуры и социального обеспечения граждан [22, p. 372, 387–388].

Отметим, вышесказанное имеет непосредственное отношение не только к такому государству как Узбекистан, но и многим государствам в различных частях нашей планеты. Действительно, применение западных (будь то американских или европейских) подходов к оценке различных явлений правовой действительности в государствах и у народов с иной историей и культурой не представляется верным и именно правовой плюрализм в данном случае является лучшим решением проблем, возникающих у таких народов и стран. В особенности, позволим себе, ещё раз указать на упоминавшееся ранее суждение о том, что правовой плюрализм демонстрирует крайне важную способность решения проблем в переходный период развития государств, что и было доказано рядом групп учёных, проводивших свои исследования на постсоветском пространстве, в частности, в Узбекистане.

При правовом плюрализме, различные системы не только сосуществуют, они начинают взаимодействовать, в результате чего появляются на свет институты ранее не существовавшие и пользу от которых сложно переоценить. В качестве положительного примера реализации концепции правового плюрализма на практике, следует привезти новозеландскую практику реституционного правосудия. Признаем, данный опыт оказался насколько действенным, что вскоре после введения в Новой Зеландии, был перенят рядом развитых государств, находящихся на разных континентах. Более того, был взят на вооружение и Организацией объединённых наций [9, с. 133]. Как авторами ранее упоминалось, «при разрешении конфликтов с применением реституционного правосудия главный упор делается не на наказание виновного лица и лишение его свободы либо ограждении от общества, а на возмещении ущерба потерпевшей стороне. Поэтому данный, вышедший из обычного права институт и называют восстановительным» [6, с. 155]. К решению проблем, связанных с высоким уровнем преступ-

ности в среде коренного населения страны – маори, были привлечены обычно-правовые практики самой этой народности. Таким образом, в данном случае можно проследить несомненную пользу правового плюрализма.

Похожая практика существует и в нашей стране. К примеру, в республиках Северного Кавказа имеются и широко применяются примирительные процедуры. Так, народы Дагестана используют исторически сложившийся институт маслаата для разрешения возникших конфликтов [8]. Подобный институт имеется и у вайнахов [1, 5].

Указанный положительный опыт тесно связан с такой неотъемлемой чертой правового плюрализма как незаменимость при разрешении правовых споров и конфликтов. Как нами отмечалось в более ранних исследованиях по данной тематике, в ряде государств удалось совместить деятельность обычно-правовых судов с судами, которые руководствуются позитивным правом при вынесении решений [6, с. 155].

Согласно Л. Шелеффу, большая польза правового плюрализма не ограничивается только обеспечением потребностей общества, но и выходит далеко за данные рамки. В частности, предлагает возможные решения для запутанных проблем политического характера, а также для толкования существующих правовых конструкций. В различных аспектах, к примеру, сама сущность федеративных государств требует пересечения правовых систем, в то время как будущее развитие в международном и региональном праве зависит от желания признания параллельных юрисдикций с распределением властных полномочий, где наднациональный суд будет иметь более высокое положение по отношению к национальному. Приведённые примеры демонстрируют проявления правового плюрализма, даже если данная концепция редко используется для описания таких изменений. Однако их важность состоит в их доказательстве жизнеспособности сосуществования конкурирующих правовых систем [19, p. 432].

Однако не только положительные стороны выделяются у правового плюрализма. Некоторыми учёными данная теория нещадно критикуется. Так, Балацким Е. В. именно правовому плюрализму вменяются в вину экономические проблемы. Автор отмечает, что хозяйствующие субъекты оказываются в условиях, когда конкурирующие нормы, представляющие разные правовые системы, приводят к путанице, так как правовые нормы подвергаются сомнению, но их не отменяют и не изменяют [4].

Согласно Таманахе, правовой плюрализм примечателен совершенно не тем, что сосуществуют многочисленные несогласованные, частично схожие правовые акты, которые регулируют определённые сферы жизнедеятельности, но тем, что они серьёзным образом отличаются. Данный факт приводит к тому, что возникает вопрос о приоритете тех или иных правовых норм, что, в конечном счёте, может повлечь наступление потенциальных конфликтов между отдельными лицами или в обществе в целом [20, p. 375].

Подобная неуверенность в применимости правовых норм, в особенности, в сложных ситуациях экономического и политического характера, может создать возможность для отдельных категорий лиц или групп общества использовать право для достижения своих собственных целей.

В свою очередь, сложившая негативная ситуация непременно создаст затруднения для государственных органов, которые теряют монопольный характер на осуществление власти. Фактически, наличие правового плюрализма ставит вопрос об авторитете санкционированных государством правовых норм.

Проведённое нами исследование в очередной раз подводит нас к выводу о том, что проблематика правового плюрализма требует дальнейшего изучения. Данное суждение касается как теоретической работы, в частности, над определением понятия правового плюрализма, так и подробного изучения положительного и отрицательного опыта реализации правового плюрализма в современном мире, подверженном влиянию глобализационных процессов. Как было нами продемонстрировано в данной статье, потребность в плюралистическом подходе существует в современных государствах, особенно это касается государств, находящихся на перепутье. Позицию о необходимости отойти от однобокого рассмотрения многих явлений правовой действительности считаем доказанной, при этом также требующей дальнейших исследований.

Литература

1. Албогачиева М. Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность // Традиционные практики урегулирования конфликтов. Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг. (сборник). М.: Общественный центр «Судебно-правовая реформа», 2014. С. 94–117.

2. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. №1. С. 157–181.

3. Бабич И. Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 116–127.

4. Балацкий Е. В. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм // Общество и экономика. №10. 2001. С. 84–97.

5. Берсанова З. Обычай кровной мести и практика примирения в современной Чечне // Традиционные практики урегулирования конфликтов. Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг. (сборник). М.: Общественный центр «Судебно-правовая реформа», 2014. С. 118–126.

6. Габрилян Р. Р. К вопросу об обычно-правовых способах разрешения споров и конфликтов (на примере Южно-Тихоокеанского региона) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №4. С.152–157.

7. Ковлер А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М.: Стратегия, 2003. С. 24–50.
8. Магомедсалихов Х. Г. Маслаат. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX – начале XX в. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2003. 174 с.
9. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк: ООН, 2007. С. 106–111.
10. Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. 310 с.
11. Тихонова С. В. История правовых норм: правовой плюрализм и коммуникативные теории права // Дискурсы этики. №2(7) 2014. С. 81–98.
12. Antonov M. Global legal pluralism: A new way of legal thinking // Higher School of Economics Research Paper No. WP BPR. 2013. Vol. 10. P. 1–17.
13. Bianchi A. International Law Theories: An Inquiry into Different Ways of Thinking. Oxford: Oxford University Press, 2016. XIV+336 p.
14. Dupret B. Legal pluralism, plurality of laws, and legal practices: Theories, critiques, and praxiological re-specification // Eur. J. Legal Stud. 2007. Vol. 1. P. 296–321.
15. Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. No. 24. P. 1–55.
16. Merry S.E. Legal pluralism // Law & Soc'y Rev. 1988. Vol. 22. P. 869–896.
17. Nader L. The Life of the Law. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002. 275 p.
18. Petersen H. and Zahle H., Legal Polycentricity: Consequences of pluralism in law. Aldershot: Darmouth, 1995. 245 p.
19. Sheleff L.S. The Future of Tradition: Customary Law, Common Law and Legal Pluralism. London: Frank Cass, 1999. 521 p.
20. Tamanaha B. Z. Understanding legal pluralism: past to present, local to global // Sydney L. Rev. 2008. Vol. 30. P. 375–411.
21. Teubner G. The two faces of Janus: rethinking legal pluralism // Cardozo L. Rev. 1991. Vol. 13. P. 1443–1462.
22. Urinboyev R. and Svensson M. Living law, legal pluralism, and corruption in post-Soviet Uzbekistan // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2013. 45:3. P. 372–390.
23. Vanderlinden J., Gilissen J. Le pluralisme juridique: essai de synthèse // Le pluralisme juridique. 1972. P. 19–56.
24. von Benda-Beckmann F. Who's Afraid of Legal Pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2002. P.34–82.

References

1. Albogachieva M. Primiritel'nye komissii v Ingushetii: istoriya i sovremennost' *(Reconciliation commissions in Ingushetia: history and modernity)* // Tradicionnye praktiki uregulirovaniya konfliktov. Materialy ezhegodnogo seminara 2010–2014 gg. (sbornik). Moscow: Social centre «Sudebno-pravovaya reforma» publ., 2014. P. 94–117. (In Russian)
2. Antonov M. V. Ojgen Erlih: zhivoe pravo protiv pravovogo plyuralizma? *(Eugen Erlich: Living Law Against Legal Pluralism?)* // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2013. No.1. P. 157–181. (In Russian)
3. Babich I. L. Formirovanie pravovogo plyuralizma v sovetskoe i postsovetskoe vremya na Severo-Zapadnom Kavkaze *(The formation of legal pluralism in Soviet and post-Soviet times in the North-West Caucasus)* // Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'. Moscow: Strategiya publ., 2000. P. 116–127. (In Russian)
4. Balackij E. V. Teoriya institucional'nyh lovushek i pravovoj plyuralizm *(Theory of institutional traps and legal pluralism)* // Obshchestvo i ekonomika. No. 10. 2001. P. 84–97. (In Russian)
5. Bersanova Z. Obychaj krovnoj mesti i praktika primireniya v sovremennoj Chechne *(The blood feud custom and reconciliation practice in modern Chechnya)* // Tradicionnye praktiki uregulirovaniya konfliktov. Materialy ezhegodnogo seminara 2010 – 2014 gg. (sbornik). Moscow: Social centre «Sudebno-pravovaya reforma» publ., 2014. P. 118–126. (In Russian)
6. Gabrilyan R. R. K voprosu ob obychno-pravovyh sposobah razresheniya sporov i konfliktov (na primere Yuzhno-Tihookeanskogo regiona) *(On customary legal methods for resolving disputes and conflicts (case study of the South Pacific region)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. No. 4. P. 152–157. (In Russian)
7. Kovler A. I. Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm (prava cheloveka i prava narodov) *(Anthropology of law and legal pluralism (human rights and the rights of peoples)* // Olen' vsegda prav. Issledovaniya po yuridicheskoj antropologii. Moscow: Strategiya publ., 2003. P. 24–50. (In Russian)
8. Magomedsalihov H. G. Maslaat. Tradicionnye formy razresheniya konfliktov u avarcev v XIX – nachale XX v. *(Maslaat. Traditional forms of conflict resolution among Avars in the 19th – early 20th centuries).* Mahachkala: Publishing House «Epokha», 2003. 174 p. (In Russian)
9. Osnovnye principy primeneniya programm restitucionnogo pravosudiya v voprosah ugolovnogo pravosudiya *(Basic principles on the use of restorative justice programmes in criminal matters)* // Sbornik standartov i norm Organizacii Ob'edinennyh Nacij v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugolovnogo pravosudiya. NY: UN publ., 2007. P. 106–111. (In Russian)
10. Rouland, N. Yuridicheskaya antropologiya *(Legal Anthropology).* M.: Norma, 2000. 310 p. (In Russian)
11. Tihonova S. V. Istoriya pravovyh norm: pravovoj plyuralizm i kommunikativnye teorii prava *(History of legal norms: legal pluralism and communicative theory of law)* // Al'manah «Diskursy etiki». No.2(7) 2014. P. 81–98. (In Russian)
12. Antonov M. Global legal pluralism: A new way of legal thinking // Higher School of Economics Research Paper No. WP BPR. 2013. Vol. 10. P. 1–17.
13. Bianchi A. International Law Theories: An Inquiry into Different Ways of Thinking. Oxford: Oxford University Press, 2016. XIV+336 p.

14. Dupret B. Legal pluralism, plurality of laws, and legal practices: Theories, critiques, and praxiological re-specification // Eur. J. Legal Stud. 2007. Vol. 1. P. 296–321.
15. Griffiths J. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. No. 24. P. 1–55.
16. Merry S.E. Legal pluralism // Law & Soc'y Rev. 1988. Vol. 22. P. 869–896.
17. Nader L. The Life of the Law. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002. 275 p.
18. Petersen H. and Zahle H., Legal Polycentricity: Consequences of pluralism in law. Aldershot: Darmouth, 1995. 245 p.
19. Sheleff L. S. The Future of Tradition: Customary Law, Common Law and Legal Pluralism. London: Frank Cass, 1999. 521 p.
20. Tamanaha B. Z. Understanding legal pluralism: past to present, local to global // Sydney L. Rev. 2008. Vol. 30. P. 375–411.
21. Teubner G. The two faces of Janus: rethinking legal pluralism // Cardozo L. Rev. 1991. Vol. 13. P. 1443–1462.
22. Urinboyev R. and Svensson M. Living law, legal pluralism, and corruption in post-Soviet Uzbekistan // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2013. 45:3. P. 372–390.
23. Vanderlinden J., Gilissen J. Le pluralisme juridique: essai de synthèse // Le pluralisme juridique. 1972. P. 19–56.
24. von Benda-Beckmann F. Who's Afraid of Legal Pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2002. P. 34–82.

Сведения об авторах

Габрилян Роман Русланович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / roman@gabrilyan.com

Клюковская Ирина Николаевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / klyukovskaya@inbox.ru

Конина Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Ставропольской государственной юридической академии (Саратов) / elenapalagina4@rambler.ru

Information about the authors

Gabrilyan Roman – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / roman@gabrilyan.com

Klyukovskaya Irina – Doctor of Legal Science, Professor, Head of Chair of theory and history of State and Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / klyukovskaya@inbox.ru

Konina Elena – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory of State and Law, Saratov State Academy of Law (Saratov) / elenapalagina4@rambler.ru

УДК 341: 342

Д. В. Галушко

ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В КОНТЕКСТЕ ЧЛЕНСТВА ГОСУДАРСТВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В статье рассматриваются основные вопросы проведения референдумов в отдельных странах-членах Европейского Союза в отношении вопросов, связанных с функционированием и развитием ЕС. Автор даёт характеристику современного значения института референдума в связи с продолжающимися процессами региональной интеграции и участием государств в них на основе делегирования суверенных полномочий. Членство в Европейском Союзе, как международной организации sui generis, предусматривает передачу государствами реализации части своих ключевых суверенных полномочий институтам и органам ЕС. Данный институт неразрывно связан с понятием «суверенитет», а именно с концепцией «народного суверенитета», что предполагает участие граждан в осуществлении функций государства, в том числе, в отношении участия в межгосударственных объединениях. Выражением этого, среди прочего, является институт референдума. Многие государства-члены Европейского Союза используют референдумы для решения вопросов, связанных с процессами европейской региональной интеграции. Автор статьи выделяет три категории референдумов, связанных с членством в ЕС. Во-первых, это референдумы, касающиеся присоединения к европейскому Союзу. Ко второй категории можно отнести референдумы, касающиеся одобрения международных договоров Союза, которые вносят изменения в учредительные договоры ЕС. В третью категорию входят референдумы о выходе из состава Европейского Союза. К данной категории относятся референдумы о выходе, проведённые в Великобритании в 1975 и 2016 гг. Если на первом был получен отрицательный результат, то второй референдум стал причиной инициирования процесса выхода Великобритании из Европейского Союза – Brexit. В целом, референдумы как приоритетная форма прямого народовластия продолжают свой генезис на качественно новом уровне: расширяется круг стран, практикующих референдумы с целью принятия общественно значимых решений; увеличивается круг вопросов, выносимых на всенародное голосование, а сами референдумы, проводимые в отдельных государствах, приобретает не только общенациональное, но и международное значение, что подтверждает практика Европейского Союза.

Ключевые слова: референдум, членство государств в ЕС, Европейский Союз, суверенитет, Великобритания, Брекзит, Ирландия.

D. Galushko

THE INSTITUTE OF REFERENDUM IN THE CONTEXT OF MEMBERSHIP IN THE EUROPEAN UNION

The article discusses the main issues of holding referendums in particular European Union member-states in relation to issues related to the functioning and development of the EU. The author gives a description of the current importance of the institute of the referendum in connection with ongoing processes of regional integration and the participation of states in them on the basis of delegation of sovereign powers.

Membership in the European Union, as an international organization sui generis, provides for the states' transfer of part of their key sovereign powers to EU institutions and bodies. This institution is inextricably connected with the concept of «sovereignty», namely with the concept of «popular sovereignty», which implies the participation of citizens in the execution of functions of the state, including with regard to participation in interstate entities. An expression of this, among other things, is the institution of a referendum. Many member-states of the European Union use referenda to resolve issues related to European regional integration processes. The author of the paper identifies three categories of referenda related to EU membership. Firstly, these are referenda regarding accession to the European Union. The second category includes referenda regarding the approval of international treaties of the Union, which amend the EU constituent treaties. The third category includes referenda on secession from the European Union. Exit referenda held in the UK in 1975 and 2016 fall into this category. If a negative result was obtained at the first, the second referendum became the reason for initiating the process of Great Britain's exit from the European Union — Brexit. In general, referenda as a priority form of direct democracy continue their genesis at a qualitatively new level: the circle of countries practicing referenda is expanding with the goal of making socially significant decisions; the range of issues submitted to a popular vote is increasing, and the referenda held in individual states are acquiring not only national but also international significance, which is confirmed by the practice of the European Union.

Key words: referendum, EU member states, European Union, sovereignty, United Kingdom, Brexit.

Референдумы, как акты прямого народовластия, выступают важными источниками современного права. Их считают не просто высказыванием народа по определенному вопросу, а принятием решения народом по данному вопросу [1, с. 416]. Референдумы имеют большое значение для большинства государств и наций, поскольку именно решения, принятые на референдумах, легитимизировали независимость многих стран мира, придали силу их конституциям, уладили территориальные споры, разрешили вопросы реформ, оптимизировали их административно-территориальное устройство. Кроме того, именно на референдумах были приняты решения, которые определили отношение народов разных стран мира ко многим международным вопросам, в частности, в отношении членства в различных международных организациях, прежде всего, региональных, среди которых особое место занимает Европейский Союз.

Развитие региональных международных организаций в настоящее время зачастую неразрывно ассоциируется с понятием «региональная организация». По мнению некоторых учёных, ЕС представляет собой сложную многоступенчатую систему, в основу функционирования которой положены принципы, нацеленные на гармонизацию интересов всех участников интеграционного процесса [7, с. 45–46]. Процесс интеграции также характерен и для евразийского региона, на просторах которого в 2015 г. был образован Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС). Образование ЕАЭС – результат долгой и трудной эволюции региональных интеграционных процессов в Евразии, которые начались с момента развала СССР и создания Содружества Независимых Государств [8, с. 32].

Нельзя не отметить поразительное сходство алгоритма развития межгосударственной интеграции в Евразии с процессами, которые привели к созданию современного Европейского Союза (ЕС) [9, с. 130]. Общепризнанно, что Европейский Союз является наиболее развитой организационной формой региональной интеграции, указывается, что опыт ЕС является мерилом эффективности интеграции и образцом для подражания, что интеграционные теории должны опираться в основном на обобщение опыта, успехов и неудач интеграции в рамках ЕС [2, с. 99]. Поэтому учёт опыта различных аспектов функционирования данной международной организации, по нашему мнению, представляется целесообразным.

Общегосударственные референдумы, проводимые в странах в связи с членством в Европейском Союзе или по отдельным вопросам сотрудничества с данной международной организацией, стали во многом судьбоносными не только для самих государств, но и для развития правовой системы ЕС. Процесс развития Европейского Союза неоднократно акцентировал внимание на необходимости привлечения граждан к оценке углубления евроинтеграции и расширения границ ЕС как внутри самой организации, так и в государствах-кандидатах на вступление и в государствах-партнерах [15].

Принимая во внимание особый характер Европейского Союза как организации sui generis [6], членство государств в ЕС предполагает передачу ими реализацию части своих ключевых суверенных полномочий институтам и органам данной организации. Тем самым, институт членства государств в ЕС неразрывно связано с категорией «государственный суверенитет», который характеризуется как «юридическое выражение самостоятельности государства, верховенства его власти внутри страны, а также независимости и равноправия во взаимоотношениях с другими государствами» [4, с. 370]. При этом, можно выделить непосредственную связь государственного суверенитета с суверенитетом народным, так как суверенитет государства вытекает из суверенитета государственно-организованного народа и означает не совокупность важных властных полномочий, а особую природу данного политического образования. По этому поводу Н. Н. Марченко отмечает, что «в триаде «общество-государство-государственная власть» первичным звеном является «народный суверенитет», что ассоциируется, как правило, с «народовластием», а затем уже – «государственный суверенитет», как производное свойство или явление от «народного суверенитета»». При этом, носителем государственного суверенитета, а вместе с тем и обладателем суверенных прав и обязанностей является не государственная власть или какой бы то ни было государственный орган, а само государство [10, с. 194].

Народному суверенитету в современных условиях как никогда присущи действенность, активность, конструктивизм, динамизм. Такие элементы, как свойство и способность народа быть верховным и полновластным, недостаточны для понимания народного суверенитета. Народ должен быть не только источником, но и субъектом власти. Именно из этих постулатов исходит большинство основных законов современных демократических государств. Так, Конституция Эстонии в отдельной главе 3 «Народ» в ст. 56 закрепляет, что верховную государственную власть народ осуществляет через граждан, обладающих правом голоса:

1) путем выборов в Государственное Собрание;

2) путем референдума (всенародного голосования) [24].

В национальных правовых системах о суверенитете соответствующего государства речь идёт в первых разделах конституций при общей характеристике самого государства. Например, Конституция Республики Ирландии упоминает суверенитет в двух своих статьях: статья 1 говорит, что «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями», а статья 5 указывает, что

«Ирландия является суверенным, независимым и демократическим государством» [25].

Кроме того, Конституция Ирландии содержит положения, касающиеся осуществления суверенных прав (функций) при участии в каких-либо межгосударственных объединениях. В статье 29.4.2 закреплено, что с целью осуществления любых исполнительных функций государства или относящихся к внешним сношениям Правительство может в пределах и на условиях, определенных законом, использовать или применить любой орган, инструмент или процедуру, используемые или одобряемые для этих целей членами любой группы или союзом народов, с которыми государство объединяется или будет объединяться с целью международного сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес [25].

Такое включение государством в свое национальное законодательство нормативных положений, касающихся передачи суверенных прав межгосударственным образованиям, органы которых вправе принимать обязательные для этих государств акты и предписания, выступает как форма реализации своего суверенитета [5].

В целом, когда государство передает некоторые свои суверенные права межгосударственным образованиям, то это не влечет за собой уменьшения суверенных правомочий этих государств. Так как переданное право на реализацию суверенных правомочий компенсируется приобретением так называемых общесистемных полномочий, что влечет за собой расширение радиуса совместной деятельности государств [19].

В качестве примера можно привести опыт Ирландии (впрочем, как и других стран-членов Европейского Союза), которая, став членом ЕС, ни в коей мере не утратила своего суверенитета, поскольку передала, как утверждают некоторые учёные, не сами свои суверенные права, а лишь право их реализации [23, p. 78]. Кроме того, Ирландия может вернуть их себе обратно в полном объеме путем выхода из Союза.

Существенное значение в процессе осуществления суверенитета имеет референдум, путем проведения которого могут решаться не только вопросы принятия и утверждения конституции или иных правовых актов, насущных проблем государственной и общественной жизни, но и, как уже отмечались, вопросы взаимодействия с Европейским Союзом. При этом, учет мнения граждан при реализации евроинтеграционной стратегии государства является важным фактором ее успешности.

Например, Норвегия дважды не стала членом ЕС, хотя два раза подавала заявку на вступление и каждый раз организационно была к этому готова и даже подписала соглашения о вступлении с ЕС, однако членство этого скандинавского государства в ЕС не было поддержано гражданами государства на общенациональных референдумах о вступлении.

Так, 22 января 1972 г. был подписан Договор между государствами-членами Европейских Сообществ с Норвегией, Ирландией, Соединённым Королевством и Данией, который предусматривал процедуру вступления этих стран в Сообщества [27]. В преамбуле Договора подчеркивалось, что вступление данных государств в Сообщества происходит на основе статьи 237 Договора, учреждающего Европейское экономическое сообщество, 1957 г. и статьи 205 Договора, учреждающего Европейское сообщество по атомной энергии, 1957 г., которые «дают европейским государствам возможность стать членами этих Сообществ».

В соответствии со ст. 2 Договора, он должен был быть ратифицирован вступающими государствами. Договор вступал в действие с 1 января 1973 года. Условия вступления Норвегии, Ирландии, Дании и Соединённого Королевства были определены в «Акте об условиях вступления и внесении изменений в Учредительные Договоры» [12]. Как указывалось, в п. 2 ст. Договора о вступлении, данный «Акт» являлся его неотъемлемой частью [3, с. 61–62].

Однако, уже в сентябре 1972 года 54 % населения Норвегии проголосовали против присоединения к Сообществам из-за волнения последствий вступления для экономики государства [13].

Следует заметить, что кроме норвежского референдума, в том же году свой плебисцит был проведён в Ирландии. Ирландский референдум преследовал двойную цель – одобрение гражданами вступления страны в Европейские Сообщества, а также внесение изменений в Конституцию (о применении права Сообществ на территории страны и приоритете права Сообществ над национальным правом). Вхождение Ирландии в Сообщества было одобрено населением страны. «За» высказались 1 041 890 избирателей из 1 264 278, явившихся на избирательные участки.

Во второй раз Норвегия подала заявку на вступление в ЕС в ноябре 1992 г. [22] В июне 1994 г. Соглашение о вступлении [28] было подписано между Норвегией и ЕС, однако уже в ноябре норвежские граждане снова проголосовали против членства этого государства в Евросоюзе на общенациональном референдуме. Основные вопросы, которые способствовали такому результату, вновь касались экономической сферы, в частности, энергетической политики (Норвегия не хотела отказываться от контроля над ее огромными резервами природного газа и нефти), а сфера рыболовства и другие [18].

Еще одним примером того, как общественное мнение может негативно повлиять на результаты участия в процессах европейской интеграции, а именно на стремление вступления в ЕС, является Швейцария. Её граждане выступили против присоединения государства к Европейскому экономическому пространству (ЕЭП) на общенациональном референдуме в декабре 1992 г., после чего правительство Швейцарии приняло решение не продолжать евроинтеграционную политику государства и не ставить целью членство Швейцарии в ЕС [14]. ЕЭП было предложением Европейской комиссии как проект создания большого интегрированного рынка, который включал бы в себя двенадцать государств-членов ЕС и семь

членов Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ): Австрию, Финляндию, Исландию, Лихтенштейн, Норвегию, Швецию и Швейцарию [11]. Фактически ЕЭП стал первым неофициальным шагом к интеграции половины государств ЕАСТ в Союз, а именно Австрии, Финляндии и Швеции, которые стали членами Европейского Союза в 1995 г.

В целом, в Европейском Союзе не каждое государство использует национальные референдумы для решения евроинтеграционных вопросов. Более того, такая форма привлечения граждан к процессу принятия решений в ЕС использовалась в отношении определенных аспектов, но референдумы со временем стали играть все более важную роль в процессе функционирования Союза. В настоящее время можно выделить три категории вопросов, которые становились предметами общенациональных референдумов в связи с членством государств в Европейском Союзе.

В первую категорию можно причислить референдумы, касающиеся присоединения к ЕС. О некоторых из таких референдумов, проводившихся в Норвегии и Ирландии, говорилось выше.

Во вторую категорию можно отнести референдумы, касающиеся одобрения международных договоров Союза, которые вносят изменения в учредительные документы ЕС. Так, в Ирландии в связи с членством страны в ЕС, кроме референдума о вступлении, было проведено восемь референдумов о внесении соответствующих изменений в Конституцию, по итогам которых были внесены шесть поправок (в 1987, 1992, 1998, 2002, 2009 и 2012 гг.). При чём результаты ирландских референдумов как минимум в двух случаях (по вопросам ратификации Ниццкого и Лиссабонского договоров) имели чрезвычайно важное значение для развития Европейского Союза и всего процесса европейской интеграции. И Ниццкий, и Лиссабонский договоры были ратифицированы Ирландией в результате проведения повторных референдумов, так как на первоначальных голосованиях были получены отрицательные результаты. Это не только не давало возможности ратифицировать договоры государством, но и откладывало вступление их в силу в принципе [20].

Первый ирландский референдум по вопросу ратификации Лиссабонского договора, проведенный 12 июня 2008 г., не только поставил большой знак вопроса перед сторонниками усиления интеграционных процессов на Европейском континенте, но и еще раз заставил обратить внимание на существующие проблемные моменты в сфере государственного строительства стран Единой Европы. Речь идет, прежде всего, о соотношении институтов непосредственной и представительной демократии при решении вопросов, связанных с функционированием Европейского Союза. Ратификационный процесс еще раз подтвердил, что ставить знак равенства между этими двумя формами в современных условиях практически невозможно. И прежде всего из-за того, что на фоне практически беспроблемного решения вопроса ратификации Лиссабонского договора парламентами восемнадцати других стран-членов ЕС, предшествовавшего ирландскому референдуму, граждане Ирландии на специальном референдуме высказались против этого документа. Причину этого мы склонны усматривать не только в особом отношении ирландцев к усилению европейских интеграционных процессов, но и в постепенном изменении подходов как властных структур, так и самих избирателей к институтам непосредственной демократии, в особенности, когда это касается вопросов, связанных с делегированием реализации суверенных полномочий международным структурам.

В третью категорию референдумов, связанных с членством в Европейском Союзе, можно отнести референдумы о выходе из состава ЕС, проведённые в Великобритании. Для обозначения процесса выхода Великобритании из состава Европейского Союза был введён специальный термин – Brexit (Брекзит). Он образован путём слияния сокращений слов «Britain» (Британия) и «Exit» (выход). Аналогично этому для обозначения возможного выхода Греции из ЕС ранее был использован термин «Grexit».

Если на первом референдуме, проведённом в 1975 г., был получен отрицательный результат, то на втором, состоявшемся 23 июня 2016 г., большинство проголосовавших поддержали выход этого государства из состава Европейского Союза. На референдуме по Brexit[1] 51,9 % проголосовавших высказались за выход Великобритании из ЕС, а 48,1 % – за то, чтобы Великобритания осталась в составе ЕС. Такой неожиданный результат референдума вызвал большой резонанс в не только в Великобритании и Европе, но и во всём мире. Британское правительство оказалось в непростом положении. Лидер правящей Консервативной партии премьер-министр Дэвид Камерон подал в отставку, и уже 11 июля после внутрипартийного голосования новым лидером партии стала Тереза Мэй. С 13 июля она была назначена премьер-министром Соединённогом Королевства. Среди общественности распространялся протест против Brexit, ведь с юридической точки зрения референдум прямо не предусматривал выход Великобритании из Союза. Первый министр Шотландии Никола Стерджен высказывалась за наложение вето парламентом Шотландии на выход Великобритании из ЕС.

Однако с политической точки зрения, любая партия, которая бы пыталась обжаловать результаты народного волеизъявления, угрожала бы демократическим традициям, и такие действия могли бы существенно подорвать не только авторитет британского правительства, но и вызвать массовые волнения. Учитывая это, Тереза Мэй недвусмысленно обозначила характер будущих отношений, четко отметив, что Brexit является неотвратимым. Это заявление дало основания считать, что новая премьер-министр приложит максимум усилий для того, чтобы без компромиссов

[1] «Br» (англ. Великобритания) + «exit» (англ. выход).

инициировать выход Великобритании из ЕС по процедуре, установленной в статье 50 Договора о Европейском Союзе.

Согласно тексту Договора о ЕС, каждый член Союза может оставить объединение согласно собственным конституционным требованиям. Для этого государство сообщает Европейскому совету о таком намерении. Согласно инструкций, предоставленным Европейским советом, ЕС обязано провести переговоры и достичь соглашения по особенностям процесса выхода государства из объединения, учитывая дальнейшие отношения после выхода. Такое соглашение может быть достигнуто квалифицированным большинством Европейского совета после согласия Европейского парламента. При этом государство, задействовавшее статью 50, уже не участвует в совещаниях Европейского совета, а момент прекращения его членства определяется в достигнутом соглашении или наступает автоматически через два года после применения статьи 50 [18].

В конце января 2017 г. Верховный суд Великобритании постановил, что статья 50 Договора о ЕС не может быть задействована правительством без одобрения обеими палатами парламента. Уже 1 февраля 2017 г. депутаты Парламента Соединенного Королевства в первом чтении 498 голосами против 114 поддержали законопроект о выходе из ЕС, а 2 февраля правительство опубликовало так называемую «Белую книгу» (окончательный вариант программы правительства) по выходу из Евросоюза [26]. Позже законопроект был одобрен обеими палатами британского парламента и 16 марта 2017 г. подписан королевой Елизаветой II. 29 марта 2017 г. премьер-министр Великобритании Тереза Мэй подписала письмо на имя главы Евросовета Дональда Туска с уведомлением властей Европейского Союза о начале процедуры выхода Соединенного Королевства из ЕС [21].

Полноценные переговоры с Европейским советом по особенностям соглашения между Великобританией и ЕС начались только после того, как Великобритания провела внеочередные парламентские выборы 8 июня 2017 г. Данные выборы, которые были инициированы Терезой Мэй с целью обеспечить поддержку выбранного курса на выход из ЕС, не откладывали переговоры, потому что по словам представителей Европейской комиссии, переговоры в любом случае должны были происходить не раньше лета 2017 г.

В рамках подготовки к этим переговорам в ЕС в конце марта были приняты ключевые принципы, на основе которых будут проводиться переговоры. Самым сложным вопросом должно было стать будущее торговых отношений между Великобританией и ЕС. Если в «черновом» варианте речь шла о готовности ЕС работать для достижения полноценного соглашения о свободной торговле, то уже в апреле 2017 г. обновленные принципы предусматривали только желание возможного рассмотрения вопроса «соглашения о торговле». В этом документе было также указано, что членство в ЕС должно быть выгодным, и Великобритания в любом случае должна потерять определенные торговые привилегии. Что касается самого международного договора о выходе, то первый проект Соглашения о выходе был представлен в марте 2018 г., последняя на сегодняшний день опубликованная редакция датируется ноябрём 2018 г. [17].

В заключение следует отметить, что референдумы как приоритетная форма прямого народовластия продолжают свой генезис на качественно новом уровне: расширяется круг стран, практикующих референдумы с целью принятия общественно значимых решений; увеличивается круг вопросов, выносимых на всенародное голосование, а сами референдумы, проводимые в отдельных государствах, приобретает не только общенациональное, но и международное значение. В особенности это подтверждается практикой Европейского Союза, в котором успех референдумов в начале XXI в., по-прежнему зависит от готовности общества решать важные дела публично и доброй воли политической элиты государства способствовать этим стремлениям народа. В любом случае, можно с полной уверенностью утверждать, что результаты целого ряда референдумов, в частности, в Ирландии, оказывали серьёзное влияние на функционирование ЕС, развитие его правовой системы. А результаты референдума по Brexit ознаменовали совершенно новый этап в развитии всего процесса европейской интеграции, который до того момента рассматривался как необратимый.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: в 2 т. Т.1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 864 с.

2. Воронков Л. С. О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вестник МГИМО Университета. 2013. №4 (31). С. 98–105.

3. Галушко Д. В. Правовые и институционные основы взаимодействия Ирландии и Европейского союза: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. 187 с.

4. Галушко Д. В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. №1 (14). С. 366–374.

5. Галушко Д. В. Международно-правовые проблемы правосубъектности государств (на примере Ирландии): монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 224 с.

6. Галушко Д. В. Взаимодействие права Европейского союза с правом государств-членов и третьих стран: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 186 с.

7. Зверева Т. В. О референдумах в Европейском союзе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. №4 (10). С. 45–57.

8. Кембаев Ж. М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. №1. С. 32–45.

9. Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ Комиссий Евразийского и Европейского Союзов // Современное право. 2012. №12. С.129–132.

10. Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. №1. С. 186–197.

11. Машкова Е. В. Особенности формирования и новые тенденции развития межрегиональной зоны свободной торговли, созданной Европейской ассоциацией свободной торговли // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №8. С. 389–395.

12. Act concerning the conditions of accession and the adjustments to the treaties (1972) // Official Journal. 27.03.1972. L.73.

13. Bjørklund T. Old and New Patterns: The «No» Majority in the 1972 and 1994 EC/EU Referendums in Norway // Acta Sociologica. 1997. No.40. P.143–159.

14. Buchan D. Outsiders on the Inside: Swiss and Norwegian Lessons for the UK. London: Centre for European Reform, 2012. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/ attachments/pdf/2012/buchan_swiss_norway_11oct12-6427.pdf (Accessed: 01.07.2019).

15. Butcher P., Stratulat C. The European Citizens' Consultations: Evaluation report. European Policy Centre. URL: http://www.epc.eu/pub_details.php?cat_id=1&pub_id=8839&year=2018 (Accessed: 01.07.2019).

16. Consolidated version of the Treaty on European Union OJ C 202, 7.6.2016, p. 13–388 (EN). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT (Accessed: 01.07.2019).

17. Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as agreed at negotiators' level on 14 November 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/draft_withdrawal_agreement_0.pdf (Accessed: 01.07.2019).

18. Fossum J.E. Norway's European conundrum // ARENA Working Papers. 2009. No. 4. URL: https://www.sv.uio.no/arena/english/research/publications/arena-working-papers/2001-2010/2009/WP04_09.pdf (Accessed: 01.07.2019).

19. Hathaway O. A. International Delegation and State Sovereignty. URL: http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1455&context=lcp (Accessed: 01.07.2019).

20. Miller V. The Treaty of Lisbon after the Second Irish Referendum. URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/Treaty_of_Lisbon_after_the_Second_Irish_Referendum.pdf (Accessed: 01.07.2019).

21. Prime Minister's letter to Donald Tusk triggering Article 50. URL: https://www.gov.uk/government/publications/prime-ministers-letter-to-donald-tusk-triggering-article-50 (Accessed: 01.07.2019).

22. Setälä M., Schiller T. Referendums and representative democracy: Responsiveness, accountability and deliberation. New York: Routledge, 2009.

23. Sovereignty in Transition / Ed. Walker N. Portland: Hart Publishing, 2003.

24. The Constitution of the Republic of Estonia. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013003/consolide (Дата обращения: 01.07.2019).

25. The Constitution of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en (Accessed: 01.07.2019).

26. The United Kingdom's exit from and new partnership with the European Union // UK Government. London, 2017. URL: https://www.gov.uk/government/publications/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union-white-paper (Accessed: 01.07.2019).

27. Treaty between the Member States of the European Communities and the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning the accession of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the European Economic Community and the European Atomic Energy Community (1972) // Official Journal. 27.03.1972. P. 73.

28. Treaty concerning the accession of Norway, Austria, Finland and Sweden to the European Union // Official Journal. 29.08.1994. P. 241.

References

1. Avak'jan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii: v 2 t. *(Constitutional law of Russia: in 2 vol.)* Vol.1. Moscow: Norma: INFRA-M publ., 2011. (In Russian)

2. Voronkov L. S. O mnogoobrazii integracionnyh processov v Evrope *(On the diversity of integration processes in Europe)* // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 4 (31). P. 98–105. (In Russian)

3. Galushko D. V. Pravovye i institucionnye osnovy vzaimodejstvija Irlandii i Evropejskogo sojuza: monografija *(Legal and institutional foundations of the interaction of Ireland and the European Union: monograph).* Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr VGU, 2008. (In Russian)

4. Galushko D. V. O suverenitete gosudarstva v mezhdunarodnom prave *(On the state sovereignty in international law)* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2013. № 1 (14). P. 366–374. (In Russian)

5. Galushko D. V. Mezhdunarodno-pravovye problemy pravosub'ektnosti gosudarstv (na primere Irlandii): monografija *(The international legal problems of legal personality of states (by the example of Ireland).* Moscow: Jurlitinform publ., 2017. (In Russian)

6. Galushko D. V. Vzaimodejstvie prava Evropejskogo sojuza s pravom gosudarstv-chlenov i tret'ih stran: monografija *(Relationships between EU law and law of member-states and third countries: monograph).* Voronezh: VSU publ., 2018. (In Russian)

7. Zvereva T. V. O referendumah v Evropejskom sojuze *(On referenda in the European Union)* // Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossija i mir. 2016. No.4 (10). P. 45–57. (In Russian)

8. Kembaev Zh. M. Regional'naja integracija v Evrazii: osnovnye priznaki, problemy i perspektivy *(Regional integration in Eurasia: key features, problems and prospects)* // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2016. No.1. P. 32–45. (In Russian)
9. Kembaev Zh. M. Sravnitel'no-pravovoj analiz Komissij Evrazijskogo i Evropejskogo Sojuzov *(Comparative legal analysis of the Commissions of the Eurasian and European Unions)* // Sovremennoe pravo. 2012. No.12. P. 129–132. (In Russian)
10. Marchenko M. N. Gosudarstvennyj suverenitet: problemy opredelenija ponjatija i soderzhanija *(State sovereignty: problems of defining the concept and content)* // Pravovedenie. 2003. No.1. P. 186–197. (In Russian)
11. Mashkova E. V. Osobennosti formirovanija i novye tendencii razvitija mezhregional'noj zony svobodnoj torgovli, sozdannoj Evropejskoj associaciej svobodnoj torgovli *(Features of formation and new development trends of the interregional free trade zone created by the European Free Trade Association)* // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. No.8. P. 389–395. (In Russian).
12. Act concerning the conditions of accession and the adjustments to the treaties (1972) // Official Journal. 27.03.1972. L.73.
13. Bjørklund T. Old and New Patterns: The «No» Majority in the 1972 and 1994 EC/EU Referendums in Norway // Acta Sociologica. 1997. No.40. P. 143–59.
14. Buchan D. Outsiders on the Inside: Swiss and Norwegian Lessons for the UK. London: Centre for European Reform, 2012. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/ attachments/pdf/2012/buchan_swiss_norway_11oct12-6427.pdf (Accessed: 01.07.2019).
15. Butcher P., Stratulat C. The European Citizens' Consultations: Evaluation report. European Policy Centre. URL: http://www.epc.eu/pub_details.php?cat_id=1&pub_id=8839&year=2018 (Accessed: 01.07.2019).
16. Consolidated version of the Treaty on European Union OJ C 202, 7.6.2016, p. 13–388 (EN). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT (Accessed: 01.07.2019).
17. Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as agreed at negotiators' level on 14 November 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/draft_withdrawal_agreement_0.pdf (Accessed: 01.07.2019).
18. Fossum J.E. Norway's European conundrum // ARENA Working Papers. 2009. No. 4. URL: https://www.sv.uio.no/arena/english/research/publications/arena-working-papers/2001-2010/2009/WP04_09.pdf (Accessed: 01.07.2019).
19. Hathaway O. A. International Delegation and State Sovereignty. URL: http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1455&context=lcp (Accessed: 01.07.2019).
20. Miller V. The Treaty of Lisbon after the Second Irish Referendum. URL: https://www.voltairenet.org/IMG/pdf/Treaty_of_Lisbon_after_the_Second_Irish_Referendum.pdf (Accessed: 01.07.2019).
21. Prime Minister's letter to Donald Tusk triggering Article 50. URL: https://www.gov.uk/government/publications/prime-ministers-letter-to-donald-tusk-triggering-article-50 (Accessed: 01.07.2019).
22. Setälä M., Schiller T. Referendums and representative democracy: Responsiveness, accountability and deliberation. New York: Routledge, 2009.
23. Sovereignty in Transition / Ed. Walker N. Portland: Hart Publishing, 2003.
24. The Constitution of the Republic of Estonia. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013003/consolide (Дата обращения: 01.07.2019).
25. The Constitution of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en (Accessed: 01.07.2019).
26. The United Kingdom's exit from and new partnership with the European Union // UK Government. London, 2017. URL: https://www.gov.uk/government/publications/the-united-kingdoms-exit-from-and-new-partnership-with-the-european-union-white-paper (Accessed: 01.07.2019).
27. Treaty between the Member States of the European Communities and the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning the accession of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the European Economic Community and the European Atomic Energy Community (1972) // Official Journal. 27.03.1972. P.73.
28. Treaty concerning the accession of Norway, Austria, Finland and Sweden to the European Union // Official Journal. 29.08.1994. P. 241.

Сведения об авторе

Галушко Дмитрий Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета (Воронеж) / galushkodv@gmail.com

Information about the author

Galushko Dmitriy – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory of State and Law, International Law and Comparative Law, Voronezh State University (Voronezh) / galushkodv@gmail.com

УДК 342.95

А. А. Дегтярёва

РЕГИСТРАЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА

Актуальность данной статьи имеет теоретические и практические предпосылки. Теоретическое значение разработок регистрационных правоотношений с участием некоммерческих организаций, приобретающих статус иностранного агента, обусловлено тем, что научная литература по административному праву в настоящее время не содержит анализ особенностей процедур государственной регистрации данных субъектов и вытекающих из этого отличий их административной правосубъектности от правосубъектности некоммерческих организаций, не имеющих статуса иностранного агента. Практическое значение исследования вопросов данной разновидности регистрационных отношений определяется тем, что от оптимальной их организации зависит дальнейшее развитие гражданского общества, поскольку, с одной стороны, наличие таких организации является показателем развития демократии в государстве, но с другой – цели деятельности иностранных агентов могут быть направлены на причинение ущерба Российской Федерации. Большое значение для обеспечения соблюдения законности в деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, имеет организационно-управленческая деятельность государства, которая связана с реализацией исполнительной власти и находит выражение в различных административно-правовых средствах, включая применяемую на разных этапах функционирования некоммерческих организаций государственную регистрацию в качестве иностранного агента, что гарантирует прозрачность их финансирования и политической деятельности и снижает риски причинения вреда интересам Российской Федерации. В данной статье определено место государственной регистрации в структуре административно-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проведённого анализа законодательства о некоммерческих организациях и практики его применения впервые выявлены особенности нормативно-правового регулирования, затрагивающие государственную регистрацию некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, и показывающие специфику их административной правосубъектности, что может способствовать дальнейшим исследованиям в данной сфере.

Ключевые слова: регистрационные правоотношения, некоммерческие организации, иностранный агент, административно-правовое регулирование, административное принуждение.

A. Degtyareva

REGISTRATION LEGAL RELATIONS IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS ACTING AS A FOREIGN AGENT

The relevance of this article has theoretical and practical prerequisites. Theoretical developments in the registration of legal relations with the participation of non-profit organizations, acquiring the status of a foreign agent, due to the fact that the scientific literature on administrative law currently does not contain an analysis of the features of procedures of state registration of these subjects and the resulting differences in their administrative legal personality from the legal personality of non-profit organizations not having the status of a foreign agent. The practical significance of the research questions of the variety registration of the relationship is determined by the fact that the optimal organization depends on the further development of civil society, since, on the one hand, the existence of such organizations is an indicator of the development of democracy in the state, but the objectives of foreign agents can be intended to the injury of the Russian Federation. Of great importance to enforce the law in the activities of non-commercial organizations performing functions of a foreign agent, has organizational and managerial activities of the state, which is associated with the implementation of Executive power, and finds expression in various legal and administrative means, including applied at different stages of the functioning of non-profit organizations state registration as a foreign agent, this ensures transparency of their financing and political activities and reduces the risk of harm to the interests of the Russian Federation. This article defines the place of state registration in the structure of administrative and legal regulation of non-profit organizations that perform the functions of a foreign agent. The scientific novelty of the article lies in the fact that on the basis of the analysis of the legislation on non-profit organizations and the practice of its application for the first time the features of legal regulation affecting the state registration of non-profit organizations

performing the functions of a foreign agent, and showing the specifics of their administrative legal personality, which can contribute to further research in this area.

Key words: registration legal relations, non-profit organizations, foreign agent, administrative and legal regulation, administrative coercion.

Административно-правовой статус некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, имеет ряд существенных особенностей, определяющих специфику их правосубъектности по сравнению с иными некоммерческими организациями. Одна из особенностей связана с содержанием регистрационных правоотношений с их участием, которые возникают в связи с реализацией механизма административно-правового регулирования их организации и функционирования. Указанный механизм представляет собой рассматриваемую в единстве нормативно определённую и имеющую признаки системной организации совокупность административно-правовых средств и методов (способов), обеспечивающих последовательное воздействие на общественные отношения сообразно целям, задачам и функциям государственного управления [5, с. 84–87].

В числе административно-правовых средств и способов, используемых в системе административно-правового регулирования, выделяются: а) нормативно-правовая регламентация базиса той или иной деятельности (её содержания, видов и др.); б) реализация государством мер, направленных на санкционирование возможности осуществления субъектами предпринимательской деятельности (меры регистрационной, лицензионно-разрешительной системы и др.); в) установление правил ведения экономической и прочей деятельности; г) закрепление в нормативных правовых актах стандартов качества и содержания деятельности; д) обеспечение стимулирования эффективного функционирования управляемых объектов – отраслей, субъектов хозяйствования); е) определение гарантий законности деятельности управляемых объектов в виде введения запретительных норм и установления административно-правовых санкций за их нарушение [14, с. 373–374]. Следует указать, что механизм административно-правового регулирования обеспечивает нормальное функционирование не только хозяйствующих субъектов, но и иных индивидуальных и коллективных субъектов административного права. Поэтому меры регистрационной системы как элемент исследуемого механизма адресованы в том числе и некоммерческим организациям. Реализация данного механизма связана с функционированием субъектов исполнительной власти – как собственно органов исполнительной власти, образующих собственную организационную систему и структуру, так и иных публично-властных субъектов, на которых законом возложена реализация функций государственного управления.

Любые регистрационные правоотношения, в том числе и связанные с регистрацией некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, относятся к числу административно-процессуальных отношений. Их процессуальный характер обусловлен тем, что они возникают в процессе реализации материальных норм различных отраслей права, включая административное. Так, материальные нормы конституционного права определяют правовое положение общественных объединений, но процедура их государственной регистрации охватывается административно-правовым регулированием [12, с. 452; 6, с. 273].

Регистрационные отношения с участием некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, имеют свои особенности.

1. Наличие у некоммерческой организации таких функций обусловливает целесообразность установления двухуровневой системы регистрации. Во-первых, первоначально некоммерческая организация регистрируется в качестве таковой. Значение государственно-регистрационных процедур для некоммерческих организаций заключается в том, что указанные субъекты с момента государственной регистрации приобретают административную и гражданско-правовую правоспособность, получая статус полноправных субъектов правоотношений, поскольку сведения об их регистрации подлежат внесению в Единый государственный реестр юридических лиц органами Федеральной налоговой службы, что является основанием последующей выдачи органами Министерства юстиции Российской Федерации свидетельства о государственной регистрации [4, с. 5]. Таким образом, первый этап регистрационных отношений связан с совместной деятельностью двух федеральных органов исполнительной власти, удовлетворяющих требования заявителей о регистрации соответствующей организации. Данная деятельность осуществляется на основании ст. 13.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «О некоммерческих организациях» [17] и Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [18].

Во-вторых, сведения о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента, вносятся реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, который ведёт Минюст России в соответствии с Приказом Минюста России от 30 ноября 2012 г. № 223 «О порядке ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [9]. Ведение различных реестров и регистров также является формой государственно-регистрационной деятельности. В научной литературе указывается на синонимичность понятий «регистрация» и «ведение ree-

стров», а указанные реестры рассматриваются как учётные системы федеральных органов исполнительной власти, содержащие сведения, которые оказывают непосредственное воздействие либо на осуществление, либо на ограничение прав физических и юридических лиц [19, с. 20–21].

2. Регистрационные отношения, связанные с внесением некоммерческой организации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, включают не только регулятивный, но и охранительный компоненты. Регулятивные административно-правовые отношения складываются в связи с осуществлением позитивного государственного управления, направленного на обеспечение эффективной организации функционирования различных управляемых объектов. Возникновение охранительных административных правоотношений обусловлено необходимостью обеспечения законности в системе государственного управления, а также юридическими фактами, угрожающими нормальному течению процессов государственного управления в связи с какими-либо конфликтами и иными деструктивными факторами.

Если исходить из позиции К. С. Бельского, регистрация и её административные процедуры в целом носят охранительный характер, поскольку через осуществление указанной деятельности органы государственного управления обеспечивают охрану конституционно значимых объектов – закреплённых в гл. 2 Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, в число которых входит право граждан на создание объединений для достижения общих целей совместной деятельности. Установление механизма государственной регистрации определяется публичными интересами государства, имеющего целью обеспечение охраны прав и законных интересов индивидуальных и коллективных субъектов [1, с. 692].

В то же время охранительный характер правоотношений, связанных с государственной регистрацией некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, является выраженным в большей степени, нежели при регистрации иных организаций. В научной литературе отмечается, что наличие подобных организаций само по себе является фактором, угрожающим национальной безопасности Российской Федерации, поскольку безопасность является состоянием защищённости личности, общества и государства не только от внутренних, но и от внешних угроз [15, п. 6], а финансирование некоммерческих организаций из-за рубежа может привести к осуществлению разрушительной деятельности в отношении Российской Федерации ввиду формирования зависимости как самих организаций, так и отдельных их должностных лиц от иностранных заказчиков, цели которых вряд ли могут быть связаны с благотворительностью [13, с. 20–26].

В связи с этим специфика возникающих регистрационных правоотношений с участием некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, сближает их с теми регистрационными отношениями, которые направлены на ограничение прав физических и юридических лиц в связи с необходимостью обеспечения безопасности (общественной безопасности, промышленной безопасности), например, в случае регистрации оружия или опасных производственных объектов.

3. Государственная регистрация некоммерческой организации в качестве иностранного агента возможна и в добровольном, и в принудительном порядке. Соответственно, установлено несколько механизмов такой регистрации.

Во-первых, учредители подобных организаций могут заранее планировать их финансирование из-за рубежа и осуществление политической деятельности в интересах иностранных источников. В этом случае внесение в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, будет сопутствовать регистрации соответствующей организации. При этом в Минюст России или в его территориальный орган наряду с иными документами должно быть подано заявление о включении некоммерческой организации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, что установлено в ст. 13.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Во-вторых, потребность в привлечении финансовых средств из-за рубежа и осуществлении политической деятельности может возникнуть после регистрации некоммерческой организации. В этом случае в отношении данной организации установлена обязанность направить в соответствующий орган Минюста России заявление о включении ее в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях»). Как видно, оба варианта рассчитаны на реализацию волеизъявления уполномоченных субъектов (заявителей, должностных лиц уже зарегистрированных некоммерческих организаций), результатом которого будет включение организации в обозначенный реестр.

В-третьих, предусматривается возможность применения в отношении некоммерческой организации меры административного принуждения в виде её принудительного включения Минюстом России в данный реестр. Это связано с фактическим осуществлением некоммерческой организацией политической деятельности с использованием финансовых средств, полученных из иностранных источников.

Материалы деятельности органов Минюста России показывают, что наибольшее распространение получил последний вариант. Согласно «Докладу об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора) в 2017 году» [3] реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, был пополнен 16 организациями, в отношении 14 из которых дан-

ное регистрационное действие было осуществлено в принудительном порядке, а в остальных случаях на основании добровольной подачи заявления. Во многом это связано с неприятием некоммерческими организациями наименования «иностранный агент», члены которых зачастую воспринимают его как унизительное [7, с. 31–35]. Однако Конституционным Судом Российской Федерации было указано на отсутствие конституционно-правовых оснований для обнаружения в словосочетании «иностранный агент» негативных контекстов. По мнению судей данного суда, законодателем не предполагается отрицательная оценка соответствующих организаций со стороны государства и формирование негативного отношения к осуществляемой ими политической деятельности и не выражается недоверие либо намерение дискредитировать данные организации и цели их функционирования [8]. С другой стороны, в отсутствии намерений проходить регистрационные процедуры в качестве иностранного агента кроется более прагматичный момент: их административная правосубъектность существенно отличается от правосубъектности иных некоммерческих организаций, что создаёт определённые неудобства. Например, помимо документов, предоставляемых Минюсту России любыми некоммерческими организациями, ими предоставляется ещё и аудиторское заключение. При этом данные документы должны отражать информацию о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, полученных из-за рубежа, и об их действительном расходовании и использовании.

Следует иметь в виду, что существует легальная возможность избежать участия в регистрационных правоотношениях, связанных с приобретением статуса иностранного агента. Законодатель допускает функционирование общественных объединений без регистрации в органах Минюста России [16, ст. 18]. Соответственно, получение иностранного финансирования и участие в политической деятельности не приведут к признанию их иностранными агентами. Возможна также добровольная ликвидация некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, с последующим осуществлением деятельности в качестве незарегистрированного общественного объединения [2, с. 313].

4. Регистрационные правоотношения с участием иностранных агентов возможны не только в рамках собственно регистрационных процедур, но и в рамках контрольно-надзорной деятельности. Эта особенность вытекает из предыдущей, поскольку принудительное включение некоммерческой организации в реестр иностранных агентов возможно только после предварительного выявления осуществления деятельности в качестве иностранного агента, что производится по результатам контрольно-надзорной проверки. Так, поступление в орган Минюста России сведений от субъектов публичной власти, физических или юридических лиц, о том, что некоммерческая организация получает иностранное финансирование и осуществляет политическую деятельность, является основанием для проведения в отношении неё внеплановой проверки, итогом которой может стать её включение в указанный реестр.

5. Регистрация некоммерческой организации в качестве иностранного агента порождает специфику административно-юстиционных отношений, которые могут возникнуть в связи с такой регистрацией. Данные отношения складываются в рамках осуществления административного судопроизводства и обусловливаются необходимостью судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций от незаконных действий и решений субъектов публичного управления [10, с. 174; 11, с. 183]. Отказ заявителю в регистрации «обычной» некоммерческой организации может быть сопряжён с нарушением прав и законных интересов участвующих в регистрационных правоотношениях лиц, что является основанием для обращения в суд в целях оспаривания такого отказа в порядке административного судопроизводства. Если же некоммерческая организация не признаётся органом Минюста России выполняющей функции иностранного агента и не включается в соответствующий реестр, вряд ли это можно рассматривать как ограничение прав и свобод, тем более что исполнение перед государством особых обязанностей в силу наличия статуса иностранного агента представляет собой дополнительную административную нагрузку. Данное обстоятельство обусловливает фактическое отсутствие административно-юстиционных отношений, связанных с отказом во внесении некоммерческих организаций в реестр иностранных агентов. Напротив, принудительная регистрация субъекта в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, в отсутствие законных на то оснований является нарушением прав данной организации и может повлечь её обращение в суд с требованием об исключении из реестра, что предусмотрено в ч. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Таким образом, регистрационные правоотношения в структуре административно-правового статуса некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, имеют ряд существенных особенностей, определяющих специфику их административной правосубъектности.

Литература

1. Бельский К. С. Полицейское право: лекционный курс. М.: Дело и Сервис, 2004. 814 с.

2. Давыдова А. А. О практике включения некоммерческих организаций в реестр иностранных агентов // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 4–5 апреля 2015 г.). Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 308–315.

3. Доклад об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора) в 2017 году. URL: https://minjust.ru/sites/default/files/doklad.pdf (Дата обращения: 15.09.2019).

4. Кокорева О. М. Правовое регулирование государственной регистрации некоммерческой организации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 195 с.

5. Константинов А. В. Некоторые аспекты понятия и сущности механизма административно-правового регулирования // Вестник науки и образования. 2015. №10. С. 84–87.

6. Кравченко О. Б. Административно-процессуальные правоотношения: понятие, виды, классификация // Вестник Южно-Уральского государственного университета Серия: Право. №13. С. 273–281.

7. Мамасахлиси Н. М. «Иностранный агент» – советское прошлое или неутешительные реалии России // Научный поиск. 2016. №1.3. С. 31–35.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №16. Ст. 1921.

9. Приказ Минюста России от 30 ноября 2012 г. № 223 «О порядке ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 3 декабря.

10. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Меры процессуального принуждения по законодательству об административном судопроизводстве в системе мер административного принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №4. С. 173–179.

11. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая регламентация мер предварительной защиты по административному иску // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. №4. С. 183–189.

12. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 537 с.

13. Тавмасян А. Ю., Ракитин Ю. А. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, как угроза национальной безопасности России // Ростовский научный журнал. 2017. №11. С. 20–28.

14. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Издание Тихомирова М. Ю., 2005. 1150 с.

15. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. №1. Ст. 212.

16. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 1930.

17. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №3. Ст. 145.

18. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №33. Ст. 3431.

19. Филатова Л. В., Полякова Т. А. Информационно-правовые учётные системы федеральных органов государственной власти: учебное пособие. М.: РПА Минюста России, 2014. 127 с.

References

1. Bel'skii K. S. Politseiskoe pravo: lektsionnyi kurs *(Police law)* .Moscow: Delo i Servis publ., 2004. 814 p. (In Russian)

2. Davydova A. A. O praktike vklyucheniya nekommercheskikh organizatsii v reestr inostrannykh agentov *(On the practice of inclusion of non-profit organizations in the register of foreign agents)* // Problemy organizatsii organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya: istoriya, teoriya, praktika i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 4-5 aprelya 2015 g.). Irkutsk: BGUEP, 2015. P. 308–315. (In Russian)

3. Report on the implementation by the Ministry of justice of the Russian Federation of state control (supervision) in the field of non-profit organizations and the effectiveness of such control (supervision) in 2017. URL: https://minjust.ru/sites/default/files/doklad.pdf (Accessed: 15.09.2019). (In Russian)

4. Kokoreva O. M. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi registratsii nekommercheskoi organizatsii *(Legal regulation of state registration of a non-profit organization)*. M., 2010. 195 p. (In Russian)

5. Konstantinov A. V. Nekotorye aspekty ponyatiya i sushchnosti mekhanizma administrativno-pravovogo regulirovaniya *(Some aspects of the concept and essence of the mechanism of administrative regulation)* // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2015. No. 10. P. 84–87. (In Russian)

6. Kravchenko O. B. Administrativno-protsessual'nye pravootnosheniya: ponyatie, vidy, klassifikatsiya *(Administrative-procedural legal relations: concept, types, classification)* // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Pravo. No. 13. P. 273–281. (In Russian)

7. Mamasakhlisi N. M. «Inostrannyi agent» – sovetskoe proshloe ili neuteshitel'nye realii Rossii *(«Foreign agent» – Soviet past or disappointing realities of Russia)* // Nauchnyi poisk. 2016. No. 1.3. P. 31–35. (In Russian)

8. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punkta 6 stat'i 2 i punkta 7 stat'i 32 Federal'nogo zakona «O nekommercheskikh organizatsiyakh», chasti shestoi stat'i 29 Federal'nogo zakona «Ob obshchestvennykh ob»edineniyakh» i chasti 1 stat'i 19.34 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii, fonda «Kostromskoi tsentr podderzhki obshchestvennykh initsiativ», grazhdan L.G. Kuz'minoi, S.M. Smirenskogo i V.P. Yukecheva» *(«In the case of check of constitutionality of provisions of paragraph 6 of article 2 and item 7 of article 32 of the Federal law «On noncommercial organizations», part six of article 29 of the Federal law «On public associations» and part 1 of article 19.34 of the Russian code of administrative offences in connection with complaints of the Commissioner for human*

rights in the Russian Federation, the Foundation «Kostroma centre of support of public initiatives», citizens L. G. Kuzmina, S. M. Smirenski and V. P. Foundation») (08.04.2014) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2014. No. 16. Art. 1921. (In Russian)

9. Order of the Ministry of justice No. 223 «O poryadke vedeniya reestra nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta» *(«On the order of maintaining the register of the non-profit organizations performing functions of the foreign agent»)* (30.11.2012) // Rossiiskaya gazeta. 2012. 3 Dec. (In Russian)

10. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya po zakonodatel'stvu ob administrativnom sudoproizvodstve v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya *(Measures of procedural coercion under the legislation on administrative proceedings in the system of measures of administrative coercion)* // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2015. No. 4. P. 173–179. (In Russian)

11. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Pravovaya reglamentatsiya mer predvaritel'noi zashchity po administrativnomu isku *(Legal regulation of provisional measures of protection in an administrative lawsuit)* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. No. 4. P. 183–189. (In Russian)

12. Sorokin V. D. Administrativno-protsessual'noe pravo: uchebnik *(Administrative procedural law)*. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 537 p. (In Russian)

13. Tavmasyan A. Yu., Rakitin Yu. A. Nekommercheskie organizatsii, vypolnyayushchie funktsii inostrannogo agenta, kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii *(Non-profit organizations acting as a foreign agent as a threat to the national security of Russia)* // Rostovskii nauchnyi zhurnal. 2017. No. 11. P. 20–28. (In Russian)

14. Tikhomirov Yu. A. Administrativnoe pravo i protsess: polnyi kurs *(Administrative law and process: full course)*. Moscow: Izdanie Tikhomirova M. Yu., 2005. 1150 p. (In Russian)

15. Presidential decree No. 683 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» *(«On the national security Strategy of the Russian Federation»)* (31.12.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2016. No. 1. Art. 212. (In Russian)

16. The Federal Law No. 82-FZ «Ob obshchestvennykh ob»edineniyakh» *(«On public associations»)* (19.05.1995) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1995. No. 21. Art. 1930. (In Russian)

17. The Federal Law No. 7-FZ «O nekommercheskikh organizatsiyakh» *(«On noncommercial organizations»)* (12.01.1996) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996. No. 3. Art. 145. (In Russian)

18. The Federal Law No. 129-FZ «O gosudarstvennoi registratsii yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelei» *(«On state registration of legal entities and individual entrepreneurs»)* (08.08.2001) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. No. 33. Art. 3431. (In Russian)

19. Filatova L. V., Polyakova T. A. Informatsionno-pravovye uchetnye sistemy federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti: uchebnoe posobie *(Information and legal accounting systems of Federal public authorities)*. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2014. 127 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Дегтярева Анастасия Александровна – соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / d.a.a.pnz@mail.ru

Information about the author

Degtyareva Anastasiya – postgraduate student, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov state law Academy (Saratov) / d.a.a.pnz@mail.ru

УДК 342.95

О. А. Лакаев

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Актуальность данной статьи связана с её теоретической и практической значимостью. Теоретическое значение исследования особенностей административно-правовых режимов обусловлено тем, данная категория является одной из ключевых в административном праве, однако в научной литературе доминирует традиционный подход к таким режимам, не учитывающий современные тенденции развития законодательства и связывающий административно-правовые режимы с системой правоограничений для граждан и организаций в целях обеспечения безопасности. Практическое значение анализа характерных признаков административно-правовых режимов определяется тем, что от их тщательной научной проработки зависит дальнейшее развитие административного законодательства, поскольку разработка системного подхода к данным режимам, учитывающего необходимость не только обеспечения безопасности, но и поступательного экономического развития государства, может способствовать внедрению последующих нормативных нововведений в законодательство об особых правовых режимах осуществления экономической деятельности. Большую значимость для обеспечения административно-правовых режимов имеет некоторая трансформация системы субъектов государственного управления, включающую не только органы исполнительной власти федерального и регионального уровней, но и иных субъектов – государственных корпораций, управляющих компаний, наблюдательных и экспертных советов, чем обеспечивается экономичность государственного управления. В данной статье выявлены наиболее характерные черты административно-правовых режимов с учётом развития законодательства последних двух десятилетий, в котором наряду с традиционными режимами были урегулированы и иные, обеспечивающие инновационное развитие, режимы. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проведённого анализа теоретических подходов к административно-правовым режимам и административного законодательства выделены и подробно охарактеризованы их отличия от иных отраслевых правовых режимов, дополнены имеющиеся представления о них, переосмыслено представление о режимах как исключительно о системе запретов и ограничений, предложена идея о возможности установления режимов на административно-договорных началах, что может способствовать дальнейшим исследованиям в данной сфере.

Ключевые слова: административно-правовой режим, субъекты государственного управления, органы исполнительной власти, обеспечение безопасности, обеспечение экономического развития.

O. Lakaev

ON THE PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES

The relevance of this article is connected with its theoretical and practical significance. The theoretical value of the study of peculiarities of administrative-legal regimes is due to the fact this category is one of the key administrative law, however, the literature is dominated by the traditional approach to these regimes, not taking into account modern trends of development of legislation and binding administrative-legal regime of system restrictions for citizens and organizations to ensure security. The practical value of the analysis of the characteristic features of administrative-legal regimes is because of their thorough scientific study depends on the further development of administrative law, since the development of a systematic approach to these regimes, taking into account the need not only security, but sustainable economic development of the state, can contribute to the implementation of later regulatory amendments to the laws on special legal regimes of economic activity. A certain transformation of the system of subjects of public administration, which includes not only the Executive authorities of the Federal and regional levels, but also other subjects-state corporations, management companies, Supervisory and expert councils, is of great importance for ensuring administrative and legal regimes, this ensures the efficiency of public administration. This article identifies the most characteristic features of administrative and legal regimes, taking into account the development of legislation of the last two decades, in which, along with traditional regimes, other regimes providing innovative development were regulated. Scientific novelty of the article lies in the fact that, on the basis of the analysis of theoretical approaches to legal and administrative regimes and administrative law are allocated and in detail described their differences from other legal regimes, supplemented by existing perceptions of them, rethought the idea of the modes solely on the system of prohibitions and restrictions, proposed the idea of the possibility of establishing regimes on the administrative and contractual basis that can facilitate further research in this area.

Key words: administrative and legal regime, subjects of public administration, executive body, security provision, ensuring economic development.

Административно-правовые режимы широко освещаются в научной литературе с точки зрения их понятия, содержания, структуры, признаков и классификации. Это обусловлено их значением для административно-правового регулирования, поскольку посредством введения режимных правил устанавливаются отличные от стандартных параметры функционирования разнообразных субъектов и объектов государственного управления. Административно-правовые режимы, по мнению ряда авторов, могут рассматриваться и как новые критерии структурирования отрасли российского административного права [4, с. 303–307]. Следует отметить, что рассматриваемые в научной литературе признаки административно-правовых режимов, определяющие их место в системе иных отраслевых правовых режимов, во многом однотипны и представлены в виде перечней характеристик, неполно или однобоко раскрывающих их специфику. Например, Э. Л. Лещина, основываясь на уже имеющихся достижениях науки административного права, указывает на такие признаки административно-правовых режимов, как:

1) наличие вынужденной детальной регламентации функционирования государственно-властных субъектов и негосударственных организаций;

2) определение специальными правовыми нормами правил поведения граждан, организаций и должностных лиц;

3) дополнение общеобязательных правовых норм или установление изъятий из них;

4) введение особых контрольно-надзорных полномочий властвующих субъектов, обеспечивающих правопорядок в условиях соответствующего режима, и осуществление правоограничительных мероприятий [9, с. 7].

Однако для того, чтобы учесть все особенности административно-правовых режимов, необходим тщательный анализ современных тенденций в государственном управлении. В настоящее время к числу признаков административно-правовых режимов целесообразно относить следующие.

1. Административно-правовые режимы основаны на сочетании законодательного и подзаконного регулирования. Законодательство образует базис для последующего подзаконного установления тех или иных правил органами государственного управления, прежде всего органами исполнительной власти, наделёнными нормотворческими функциями. Их деятельность по осуществлению подзаконного нормотворчества является вполне естественной, как и то, что органы государственного управления руководствуются правилами, которые они сами и вырабатывают [2, с. 356]. Степень их участия в регламентации административно-правовых режимов определяется законодателем посредством указания в законе на те сферы, которые должны быть урегулированы на уровне подзаконных нормативных правовых актов. Подобное распределение полномочий базируется преимущественно на значимости общественных отношений для обеспечения прав и свобод физических лиц, прав и законных интересов организаций, безопасности личности, общества и государства от различных угроз.

В одних случаях органы исполнительной власти минимально задействованы в нормативно-правовом обеспечении административно-правовых режимов; их роль является фрагментарной и связана с установлением порядка совершения отдельных управленческих действий должностными лицами органов государственного управления в тех случаях, когда их законодательная регламентация представляется излишней, а также с осуществлением пострежимной деятельности субъектов исполнительной власти по преодолению остаточных негативных последствий их введения. Особенно это присуще административно-правовым режимам, которые урегулированы федеральными конституционными законами (административно-правовые режимы военного и чрезвычайного положений), и режимам, цель которых – защита жизни граждан и обеспечение государственной безопасности (режим контртеррористической операции). Подзаконное регулирование при этом ограничивается нормативными правовыми актами органов общей компетенции (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации).

В иных случаях законодатель создаёт основу нормативно-правового регулирования деятельности каких-либо субъектов государственного управления, физических лиц и организаций в условиях административно-правового режима, предоставляя органам исполнительной власти, включая органы специальной компетенции, осуществлять подзаконное регулирование по ключевым вопросам обеспечения соответствующего режима, поскольку этим обеспечивается повышение эффективности государственного управления (административно-правовые режимы осуществления экономической деятельности в зонах территориального развития, на территориях опережающего социально-экономического развития, в особых экономических зонах и др.).

В ряде случаев административно-правовые режимы функционируют преимущественно на основе подзаконных нормативных правовых актов в отсутствие детального законодательного регулирования (паспортный режим, регистрационный режим по месту пребывания и по месту жительства).

2. Административно-правовые режимы обеспечиваются субъектами государственного управления. В научной литературе отмечается, что обязательными субъектами административно-правовых режимов должны быть органы исполнительной власти [3, с.130]. Вместе с тем следует учитывать современные тенденции государственного управления, когда органы исполнительной власти не могут рассматриваться как наделённые монополией на осуществление властной исполнительно-распорядительной деятельности.

С одной стороны, органы исполнительной власти занимают доминирующее положение в числе субъектов, обеспечивающих административно-правовые режимы. Это определяется

конституционно установленным принципом разделения государственной власти на три ветви, включая исполнительную власть, представленную системой организационно обособленных государственных органов, призванных обеспечивать практическое исполнение законов. Стабильность конституционно-правового регулирования будет обусловливать в перспективе превалирование такой формы субъекта государственного управления, как орган исполнительной власти. Особенно это касается административно-политической и социально-культурной областей государственного управления, где в настоящее время роль органов исполнительной власти в обеспечении административно-правовых режимов незыблема (режимы государственной тайны; закрытого административно-территориального образования; въезда в Российскую Федерацию и выезда из неё; охраны объектов культурного наследия; проведения официальных спортивных соревнований; и др.).

С другой стороны, в экономической области государственного управления можно говорить о некоторой его трансформации без изменения сути исполнительно-распорядительной деятельности, что выражается в поиске оптимальных решений для создания эффективных и компактных структур управления [6, с. 103–104]. В настоящее время имеет место законодательное наделение полномочиями по осуществлению государственного управления таких субъектов, как отдельные государственные корпорации (Росатом, Роскосмос), управляющие компании, наблюдательные и экспертные советы, которые в том числе обеспечивают ряд административно-правовых режимов (режимы использования атомной энергии; функционирования космодрома Байконур; функционирования инновационного центра «Сколково»; осуществления экономической деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития, в особых экономических зонах, в свободном порту Владивосток, в свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя).

3. Государственное управление в области обеспечения административно-правовых режимов имеет федеральный и региональный компоненты. Это вытекает из федеративного характера государственного устройства России. Роль субъектов государственного управления федерального и регионального уровней в обеспечении административно-правовых режимов определяется конституционно-правовыми положениями о разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и её субъектами. Поскольку административно-правовые режимы в значительной степени направлены на обеспечение безопасности, что относится к предметам исключительного ведения Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти преобладают в системе субъектов обеспечения данных режимов. Это проявляется либо в их исключительной роли (режимы военного и чрезвычайного положения), либо в доминирующем положении, когда органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации выполняют второстепенные, вспомогательные функции (режимы контртеррористической операции; чрезвычайной ситуации; и др.). Административно-правовые режимы, вводимые для обеспечения экономического развития, напротив, основаны на расширенном участии в их обеспечении региональных органов исполнительной власти (режим осуществления экономической деятельности в особых экономических зонах) либо на их наиболее приближенном положении к объектам государственного управления (особый режим осуществления экономической деятельности в зонах территориального развития).

4. Обеспечение административно-правовых режимов основано на сочетании ретроспективных, проспективных и перспективных оснований их введения. Административно-правовые режимы, которые имеют своим предназначением обеспечение безопасности, часто имеют в качестве фактического основания различные мешающие нормальной жизнедеятельности личности, общества и государства события, явления, процессы и действия в их ретроспективе, что требует принятия государственно-управленческих мер для преодоления их негативных последствий (режимы чрезвычайного и военного положения; чрезвычайной ситуации; контртеррористической операции).

Иные административно-правовые режимы обеспечения безопасности имеют проспективное основание, поскольку их введение базируется на предположении о возможных угрозах, что требует планирования и последующей реализации управленческих действий, направленных на нейтрализацию этих угроз (режимы государственной, служебной тайны; пограничный режим; режимы проведения публичных мероприятий, официальных спортивных мероприятий; и др.).

В связи с совершенствованием государственного управления в экономической области большое значение приобретает перспективное основание введения административно-правовых режимов, обусловленное творчески организующим характером административно-правовых норм [1, с. 40]. Указанное свойство проявляется в возможности внедрить такие отношения, которых ранее не существовало. При этом законодателем определяется идеальная модель функционирования той или иной системы, а органы государственного управления в рамках реализации инновационных методик организующего воздействия осуществляют полномочия по применению различных позитивных (стимулирующих) мер к управляемым объектам для получения в перспективе качественно новых результатов (особые административно-правовые режимы осуществления экономической деятельности в особых экономических зонах, в зонах территориального развития, на территориях опережающего социально-экономического развития и др.).

5. Административно-правовые режимы своим предназначением имеют достижение социально значимого результата в государственно-управленческой сфере [5, с. 7]. Установление того или

иного административно-правового режима не может рассматриваться как самоцель. Законодатель, конструируя правила, направленные на организацию взаимодействия субъектов и объектов государственного управления в рамках соответствующих режимов, исходит из приоритета наиболее важных для общества социальных явлений. При этом планируется достижение такого результата, который отвечает потребностям личности, общества и государства, поддерживает баланс публичных и частных интересов. Социально значимый результат может достигаться и за счёт ограничения прав и свобод граждан, прав юридических лиц, возложения на них дополнительных обязанностей, но польза от осуществления ограничительных мероприятий для указанных субъектов, общества и государства существенно превосходит причиняемый правообременениями урон (в условиях таких режимов, как режимы чрезвычайного и военного положения; контртеррористической операции). К тому же последствия правоограничительной деятельности субъектов государственного управления подлежат устранению их же силами. Достижению социально значимого результата может способствовать и установление неравных возможностей участников административно-правовых отношений в условиях определённых режимов. Отдельные виды деятельности (экономической, научной, инновационной) могут рассматриваться государством как приоритетные, что обусловливает предоставление преференций тем субъектам данных правоотношений, деятельность которых отвечает критериям, установленным в законе, чем определяется смысл и предназначение соответствующего административно-правового режима (особый режим осуществления экономической деятельности в зонах территориального развития и др.). Вместе с тем вряд ли можно говорить об ущемлении прав [7, с. 30] тех субъектов правоотношений, которые в условиях подобных режимов не наделяются особыми возможностями: они осуществляют свою деятельность в обычном – предусмотренном законодателем для всех – порядке.

6. Административно-правовые режимы обеспечиваются управленческим связями разнообразного характера. Безусловно, характер взаимосвязей субъектов и объектов государственного управления в условиях таких режимов определяется преимущественно императивным методом административно-правового регулирования, что обусловливает преобладание правоотношений, основанных на субординации (власти и подчинении). В связи с этим режимные правила во многих случаях устанавливаются обязывающими и запрещающими нормами административного права, ограничивающими правосубъектность граждан и организаций [8, с. 23], нормами, устанавливающими возможность применения мер административного принуждения, включая меры административной ответственности, а также дисциплинарной ответственности. Вместе с тем характер связи участников режимных правоотношений может быть основан на методе согласования и административно-договорном методе (например, в рамках введения и функционирования особых административно-правовых режимов осуществления экономической деятельности в свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя; в зонах территориального развития; и др.).

Таким образом, учёт современных тенденций в государственном управлении показывает, что традиционно выделяемые характеристики административно-правовых режимов нуждаются в уточнении, поскольку те правовые установления, которые обеспечивают развитие всех областей государственного управления, особенно экономической, существенным образом корректируют основные параметры административно-правовых режимов, дополняют их и определяют отход от утверждения об их сугубо охранительном предназначении.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Норма, ИНФРАМ, 2016. 352 с.

2. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. 3-е изд., исправ. и доп. М.: Эксмо, 2007. 528 с.

3. Благов А. Д. Сущность и особенности административно-правового режима // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. №2. С. 125–131.

4. Долгополов А. А., Жеребцов А. Н. Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли российского административного права // Общество и право. 2016. №2. С. 303–307.

5. Долгополов А. А. Предмет правового регулирования административно-правовых режимов // Научный портал МВД России. 2011. №4. С. 3–8.

6. Захарова М. А. Административно-правовой статус территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 241 с.

7. Зиборов О. В. Административно-правовые режимы как объект научного осмысления // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. №3. С. 29–30.

8. Леоненко Н. Т. Административно-правовые режимы в Российской Федерации: курс лекций. Новосибирск: Издательство СибАГС, 2018. 394 с.

9. Лещина Э. Л. Специальные административно-правовые режимы: учебное пособие. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2005. 50 с.

References

1. Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / A. Yu. Sokolov *(Administrative law of the Russian Federation).* Moscow: Norma, INFRA-M, 2016. 352 p. (In Russian)

2. Bakhrakh D. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik *(Administrative law of Russia).* M.: Eksmo, 2016. 528 p. (In Russian)

3. Blagov A. D. Sushchnost' i osobennosti administrativno-pravovogo rezhima *(The essence and features of the administrative-legal regime)* // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2007. No.2. P.125 – 131. (In Russian)

4. Dolgopolov A. A., Zherebtsov A. N. Administrativno-pravovoi rezhim kak kriterii strukturirovaniya otrasli rossiiskogo administrativnogo prava *(Administrative and legal regime as a criterion for structuring the branch of Russian administrative law)* // Obshchestvo i pravo. 2016. No.2. P. 303–307. (In Russian)

5. Dolgopolov A. A. Predmet pravovogo regulirovaniya administrativno-pravovykh rezhimov *(Subject of legal regulation of administrative and legal regimes)* // Nauchnyi portal MVD Rossii. 2011. No.4. P. 3–8. (In Russian)

6. Zakharova M. A. Administrativno-pravovoi status territorial'nykh organov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti *(Administrative and legal status of territorial bodies of Federal Executive authorities).* Saratov, 2016. 241 p. (In Russian)

7. Ziborov O. V. Administrativno-pravovye rezhimy kak ob»ekt nauchnogo osmysleniya *(Administrative and legal regimes as an object of scientific understanding)* // Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa. 2018. No.3. P. 29–30. (In Russian)

8. Leonenko N. T. Administrativno-pravovye rezhimy v Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii *(Administrative and legal regimes in the Russian Federation).* Novosibirsk: SibAGS publ., 2018. 394 p. (In Russian)

9. Leshchina E. L. Spetsial'nye administrativno-pravovye rezhimy: uchebnoe posobie. *(Special administrative and legal regimes).* Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute IM RF publ., 2005. 50 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / olegoleg81@mail.ru

Information about the author

Lakaev Oleg – PhD in Law, Associate Professor of Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / olegoleg81@mail.ru

УДК 349.4

Э. С. Навасардова, Г. И. Чечель, Р. В. Нутрихин

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ МЕСТНОСТЕЙ И КУРОРТОВ

Изменения, внесенные в 2013 г. в законодательство, устанавливающее правовой режим особо охраняемых территорий, повлекли за собой исключение из их состава курортов и лечебно-оздоровительные местности. Подверглись корректировки и нормы Земельного кодекса РФ и связанного с ним законодательства, в результате чего возник ряд проблем теоретического и прикладного характера. На сегодняшний день земли курортов отнесены к землям особо охраняемых территорий, но ст. 94 Земельного кодекса РФ, содержащая закрытый перечень земель особо охраняемых территорий, курорты и лечебно-оздоровительные местности не упоминает.

Серьезные расхождения обнаруживаются и при сравнительном анализе Земельного кодекса РФ и ФЗ от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О государственной регистрации недвижимости», а также Градостроительным кодексом в части установления границ зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны.

Базовым источником правового регулирования режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов является ФЗ от 23.02.1995 г. №26-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», однако и он не в полной мере отвечает реальным потребностям в регулировании отношений санаторно-курортного комплекса из-за своей фрагментарности и неполноты. Требуется существенная корректировка курортного законодательства, что придает теме проведенного исследования актуальность.

В статье проводится детальный анализ элементов правового режима земель курортов, включая анализ правового режима зон округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов.

Наряду с исследованием действующего законодательства в статье приводится характеристика изменений, которые планируется внести в нормативные правовые акты, регулирующие земельно-правовую сферу курортных отношений и делается вывод о том, что новеллы в случае их принятия приведут к необоснованной либерализации существующего правового режима земель зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов.

По итогам проведенного исследования формулируются выводы, обладающие новизной, касающиеся совершенствования правового режима земель курортов.

Ключевые слова: курорты, лечебно-оздоровительные местности, земли, округ санитарной (горно-санитарной) охраны.

E. Navasardova, G. Chechel, R. Nutrikhin

THE PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF LANDS OF HEALTH-IMPROVING AREAS AND RESORTS

Changes made to the legislation establishing the legal regime of specially protected areas in 2013resulted in the exclusion of resorts and health-improving areas from their content. The norms of the Land code of the Russian Federation and related legislation were also amended, resulting in a number of theoretical and applied problems. To date, the land of the resorts referred to the lands of specially protected areas on Art. 94 of the Land code of the Russian Federation, containing the closed list of lands of especially protected territories, resorts and health-improving areas are not mentioned.

Serious discrepancies are found both at the comparative analysis of the Land code of the Russian Federation and FL of 13.07.2015 N 218-FL (edition of 25.12.2018) “On state registration of real estate”, and also the town-planning code regarding establishment of borders of zones of the district of sanitary (mounting and sanitary) protection.

The basic source of legal regulation of the regime of health-improving areas and resorts is the Federal law of 23.02.1995 №26-FL (ed. of 28.12.2013) “On natural healing resources, health-improving areas and resorts”, however, it does not fully meet the real needs in the regulation of relations of the health-resort complex because of its fragmentation and incompleteness. A significant adjustment of the resort legislation is required, which makes the topic of the study relevant.

The article provides a detailed analysis of the elements of the legal regime of resort lands, including the analysis of the legal regime of the district of sanitary (mounting and sanitary) protection of resorts.

Along with the study of the current legislation, the article describes the changes that are planned to be made to the normative legal acts regulating the land and legal sphere of resort relations and concludes that the novelties, if adopted, will lead to unjustified liberalization of the existing legal regime of land areas of the district of sanitary (mounting and sanitary) protection of resorts.

According to the results of the study, the conclusions with novelty concerning the improvement of the legal regime of land resorts are formulated.

Key words: resorts, health-improving areas, lands, the district of sanitary (mounting and sanitary) protection.

На сегодняшний день в России создана обширная законодательная база в санаторно-курортной сфере, а в последние годы ведется еще и большая законопроектная работа, направленная на совершенствование правового режима лечебно-оздоровительных местностей (далее – ЛОМ) и курортов [1, с. 119], а также соответствующих земель, являющихся пространственно-территориальным базисом для размещения курортной инфраструктуры. Идет напряженный поиск оптимальных юридических средств и нормативных алгоритмов, могущих способствовать сохранению природоресурсного потенциала отечественных курортов, способных помочь преодолеть их начавшуюся стагнацию и задать вектор их дальнейшего развития.

Наряду с неизбежными трудностями теоретико-правового и юридико-технического характера совершенствование законодательства в данной сфере наталкивается на серьезные лоббистские преграды. Вопрос о правовом режиме курортов и соответствующих земель оказывается в фокусе самых разных, прежде всего, экономических интересов. Поскольку лейтмотивом правовых норм, направленных на охрану лечебно-оздоровительных местностей и курортов, на рациональное использование их земельных и иных природных ресурсов, являются всевозможные запреты и ограничения, то на содержание данных норм пытаются влиять представители строительного и иного бизнеса, муниципальные власти и другие субъекты, заинтересованные в беспрепятственном осуществлении хозяйственной деятельности на этих особо охраняемых территориях, в предоставлении там земель и прочих очевидных выгодах, которые соответствующее законодательство как раз и призвано ограничить с целью сохранения лечебно-оздоровительных местностей и курортов для настоящего и будущих поколений.

Неприкосновенность, с одной стороны, приоритета санаторно-курортного назначения рассматриваемых земель перед иными видами их хозяйственного использования, а также приверженность законодателя природоохранному характеру соответствующих правовых норм, а, с другой, снятие излишних законодательных барьеров, которые могут мешать развитию данных территорий, должно способствовать более эффективному совершенствованию курортного законодательства на современном этапе [5, с. 168].

Отражение правовых реалий курортной сферы в нормах Земельного кодекса РФ сопряжено с большим количеством проблем теоретического и прикладного характера. Правовой режим земель ЛОМ и курортов (ст. 96) определен в главе XVII «Земли особо охраняемых территорий и объектов», однако в ч. 2 ст. 94 ЗК РФ, где содержится закрытый перечень видов земель этой категории, земли ЛОМ и курортов даже не упомянуты. Там упоминаются земли особо охраняемых природных территорий, однако ЛОМ и курорты к ООПТ давно не относятся. Так что неясно, в какой категории земель должны быть отнесены сегодня земли ЛОМ и курортов. По расположению статьи о них в главе XVII напрашивается вывод, что к землям особо охраняемых территорий и объектов. Однако для этого указание на земли ЛОМ и курортов необходимо ввести в ч. 2 ст. 94 ЗК РФ.

В настоящее время основным источником правового регулирования режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов является Федеральный закон от 23.02.1995 г. №26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (далее – Закон №26-ФЗ), который закрепил основные нормативные положения о ЛОМ и курортах, а также правовые принципы их защиты как особо охраняемых объектов и территорий, являющихся национальным достоянием народов Российской Федерации. Вместе с тем, данный закон не в полной мере отвечает реальным потребностям в регулировании отношений санаторно-курортного комплекса из-за своей фрагментарности и очевидной неполноты. Примером этого может служить определяемый законом режим санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов. С этой целью на территории ЛОМ и курортов устанавливается округ санитарной (горно-санитарной) охраны, внутри которого выделяется до трех зон, для каждой из которых предусмотрены определенные ограничения хозяйственной деятельности. Каждая из этих зон должна иметь строго определенные, зафиксированные границы. Однако Закон №26-ФЗ ничего не говорит о границах зон, а только о границах округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов (абз. 3 ст. 4, ч. 2 ст. 16 и др.). Это создает нежелательную терминологическую неопределенность. Возможно, что, говоря о границах округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов законодатель подразумевал и границы трех зон внутри этого округа, но из текста закона это не вполне очевидно. Для полной ясности в Законе №26-ФЗ должна идти речь как о границе округа санитарной (горно-санитарной) охраны (она же граница территории ЛОМ или курорта), так и о границах зон внутри такого округа (внешний контур последней зоны совпадает с границей территории ЛОМ или курорта). Причем все виды этих границ должны устанавливаться и при необходимости изменяться одним и тем же органом исполнительной власти (для курортов федерального значения – Правительством РФ).

Наличие указанной терминологической неопределенности привело к тому, что в ряде существующих законопроектных инициатив их разработчики предлагают уже, чтобы границы округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов федерального значения устанавливались Правительством РФ, а границы зон внутри такого округа – уполномоченным Правительством федеральным органом исполнительной власти, что на наш взгляд, совершенно недопустимо. Границы этих зон определяют конкретику территориального ограничения отдельных видов хозяйственной деятельности на курортах, что, по факту,

оказывается более важным для их охраны, чем просто определение внешней границы территории курорта. Решение столь значимого вопроса на более низком уровне может привести к злоупотреблениям и стать явным коррупциогенным фактором. Во избежание этого необходимо четко прописать в Законе №26-ФЗ, что Правительство РФ устанавливает как границы округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов, так и границы зон внутри такого округа. Изменение этого порядка может привести к произвольной трансформации границ указанных зон, что повлечет за собой деградацию природоресурсного потенциала курортов федерального значения [9, с.99].

Сам правовой режим трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ или курорта прописан в законе весьма поверхностно (ч. 3 ст. 16). Куда более детально он урегулирован п.п. 12-14 Постановления Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425 «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения». Думается, что ограничение хозяйственной деятельности в зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ или курорта является принципиально важным вопросом для этой сферы отношений, в виду чего его регулирование нормами подзаконного акта не вполне уместно. Указанные нормы Постановления Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425, детально конкретизирующие правовой режим трех зон, необходимо перенести в Закон №26-ФЗ. В данном подзаконном акте должны остаться только те нормы, которые регулируют особенности установления таких зон.

Помимо природных лечебных ресурсов ЛОМ и курорты обладают иными природными ресурсами – в частности, землями, лесами и другими зелеными насаждениями, водными объектами, животным миром и др., – которые не только представляют собой значительную эстетическую ценность, но и образуют экосистемы ЛОМ и курортов. Сегодня ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 23.02.1995 г. №26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» определяет, что отношения, связанные с использованием и охраной природных ресурсов, не отнесенных к лечебным, регулируются земельным, водным, лесным и иным законодательством о природных ресурсах.

Вместе с тем, на наш взгляд, природоресурсным законодательством правовой режим перечисленных природных ресурсов на курортах урегулирован не в достаточной степени. Например, пп. «д» п. 3 ч. 2 ст. 102 Лесного кодекса РФ все леса, расположенные в первой, второй и третьей зонах округов санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов относит к категории защитных. Вместе с тем, Лесной кодекс недостаточно полно и эффективно определяет порядок охраны защитных лесов в России, и их режим требует очевидного усиления. В федеральном законодательстве необходима норма, запрещающая перевод земель лесного фонда на территории ЛОМ и курортов в земли иных категорий, кроме как в земли особо охраняемых территорий и объектов. Необходимы нормы, защищающие и городские леса на курортах от сокращения их площади и их застройки. Следует предусмотреть и нормы о том, что все леса, парки, скверы и зеленые массивы на территории курортов должны в обязательном порядке включаться в зеленый лесопарковый пояс соответствующих населенных пунктов, согласно ст. 62.1-62.5 Федерального закона от 10.01.2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Это обосновывается огромной средо- и климатообразующей ролью лесов на бальнеологических курортах, их значением для поддержания влажности почв и гидрологического баланса, от чего напрямую зависит экологическое благополучие курортных территорий.

Говоря о недостатках Закона №26-ФЗ, нельзя не отметить, что в последнее время ведется активная законотворческая работа, нацеленная на изменение данного закона, а также иного федерального законодательства о курортах [4, с. 162]. Обратим внимание на проект №555658-6 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект). Важность данного проекта очевидна, поскольку в нем предпринята попытка восполнить пробелы и разрешить противоречия, возникшие за последние годы в законодательстве о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Однако актуальная на сегодняшний день редакция документа содержит ряд положений, которые могут привести не к улучшению, а к ухудшению ситуации в этой области отношений.

Среди прочих, весьма многочисленных недостатков данного законопроекта в нем наблюдается тенденция к изменению существующего порядка управления курортами в сторону передачи некоторых важных полномочий на более низкий уровень. В частности, установление и изменение границ округа горно-санитарной охраны курортов федерального значения в настоящее время осуществляется Правительством РФ (ч. 2 ст. 16 Закона №26-ФЗ). Разработчики законопроекта предлагают наделить полномочиями по принятию соответствующих решений федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на это Правительством. Из ст. 96 Земельного кодекса РФ законопроектом изымается положение о том, что границы и режим округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов, имеющих федеральное значение, устанавливаются Правительством РФ. В этом усматривается стремление упростить существующий порядок установления и изменения указанных границ в интересах хозяйствующих субъектов и застройщиков, но никак не в целях охраны природно-лечебных ресурсов, на страже которых должно стоять государство в лице своего высшего органа исполнительной власти – Правительства РФ [3, с. 103]. По нашему мнению, в федеральном законодательстве

должны быть сохранены нормы о том, что границы округов санитарной (горно-санитарной) охраны для лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения утверждаются Правительством. Только так может быть обеспечено принятие соответствующих решений на достаточно высоком государственном уровне. С этой точки зрения передача указанных полномочий от Правительства РФ одному из федеральных министерств представляется крайне нежелательной.

Имеется немало вопросов к прописанному в законопроекте новому правовому режиму трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны на курортах. В настоящее время осуществление хозяйственной деятельности в данных зонах регламентируется Законом №26-ФЗ и принятым в соответствии с ним «Положением об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения», которое было утверждено Постановлением Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425.

Думается, что в процессе совершенствования данного правового института определяемый им режим хозяйственной деятельности в трех зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны должен быть по своим стандартам не ниже существующего. Точечное или повсеместное смягчение этого режима может привести к самым нежелательным последствиям, однако именно это и предлагается рассматриваемым законопроектом.

Сегодня в первой зоне на курортах федерального значения запрещается: проживание и все виды хозяйственной деятельности, за исключением работ, связанных с исследованиями и использованием природных лечебных ресурсов в лечебных и оздоровительных целях при условии применения экологически чистых и рациональных технологий. Однако законопроект допускает, например, размещение в первой зоне средств связи. Понятно, что такая деятельность не имеет никакого отношения к исключительно лечебно-оздоровительным целям создания этой зоны. Предлагаемая норма выглядит как средство устранения «экологических барьеров» на пути реализации интересов мобильных операторов и иных субъектов сферы услуг связи – явно не в целях сохранения курортов.

Таким образом, предлагаемое законопроектом изменение режима хозяйствования в зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны таят в себе серьезную опасность. В случае принятия законопроекта №555658-6 будет снят существующий на протяжении нескольких десятилетий запрет на строительства в первой зоне. При этом возведение объектов недвижимости станет возможным не только для лечебных и оздоровительных, но и для туристско-рекреационных, физкультурно-оздоровительных и спортивных целей. По факту же, строительство, например, спортивного стадиона или торгового оздоровительно-развлекательного центра в непосредственной близости от оголовка скважины или контура очага разгрузки минеральных вод, либо от нулевых границ залежи лечебных грязей (все это первая зона) неизбежно приведет к бактериальному и химическому загрязнению, а следом и к неизбежной деградации природных лечебных ресурсов российских курортов.

На территории второй зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов федерального значения в настоящий момент запрещается: размещение объектов и сооружений, не связанных непосредственно с созданием и развитием сферы курортного лечения и отдыха, а также проведение работ, загрязняющих окружающую среду, природные лечебные ресурсы и приводящих к их истощению. В рассматриваемом законопроекте столь категоричный запрет отсутствует. Там не допускается лишь строительство и размещение объектов, оказывающих особо негативное воздействие на окружающую среду. Такое смягчение режима второй зоны также представляется недопустимым. Законопроект не исключает строительства во второй зоне многоэтажных жилых домов, торговых центров и других зданий, не имеющих никакого отношения к санаторно-курортному лечению и рекреации, тогда как их возведение во второй зоне должно быть в обязательном порядке ограничено по вполне понятным причинам, как это и определено в действующем законодательстве. Если мы хотим сохранить курорты, то смягчать эту норму тоже нельзя.

Сейчас для третьей зоны на всех курортах федерального значения законодательством установлены ограничения на размещение промышленных и сельскохозяйственных организаций и сооружений, действует запрет на осуществление хозяйственной деятельности, сопровождающейся загрязнением окружающей среды, природных лечебных ресурсов и их истощением. Рассматриваемый законопроект никаких конкретных ограничений такого рода не предусматривает. В границах третьей зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны он допускает осуществление любой деятельности при соблюдении общих нормативов охраны окружающей среды. То есть никаких специальных запретов для третьей зоны в законопроекте нет. И совершенно уже неясно, в чем состоит особый режим этой зоны? Для чего она вообще создается? К чему сводится смысл ее существования? Не вызывает сомнений, что размещение, к примеру, мест для долговременного захоронения павших от инфекционных болезней сельскохозяйственных животных (данная деятельность не противоречит общим нормативам охраны окружающей среды) в третьей зоне округа санитарной (горно-санитарной) охраны бальнеологических курортов губительно скажется на качестве минеральных вод, поскольку именно здесь происходит водосбор при формировании их источников.

Можно сделать вывод, что законопроект допускает необоснованную либерализацию существующего правового режима трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов.

Это может быть выгодно, прежде всего, застройщикам, но никак не отвечает интересам общества по сохранению природных лечебных ресурсов и охране окружающей среды на курортах. Понятно, что при существующем порядке возникает немало проблем, связанных с дисбалансом довольно строго режима трех зон и необходимостью развития урбанистской инфраструктуры. Однако решать эти проблемы нужно не всеохватным ослаблением действующих запретов, введенных с благой целью сохранения природоресурсного курортного потенциала, а путем разработки более сложных инструментов дифференцированного правового регулирования.

Выявленные проблемы позволяют говорить об обозначившейся тенденции к «деэкологизации» курортного законодательства. Существующие в нем ограничения и запреты, очевидно, рассматриваются некоторыми лоббистами как нежелательные «преграды» и «препоны» на пути осуществления хозяйственной деятельности и реализации всевозможных бизнес-интересов. При этом как-то забывается о том, что упраздняемые запреты и ограничения устанавливались вовсе не против бизнеса как такового, а в целях сохранения курортов как бесценного природоресурсного достояния, как неотъемлемого компонента национальной системы здравоохранения. Ведь даже при самом прагматичном подходе к регулированию данных отношений все же следует признать, что без сбережения здоровья всякий рост благосостояния общества лишается какого-либо рационального смысла.

Мы уже неоднократно отмечали, что в качестве важнейшего инструмента правовой охраны ЛОМ и курортов должно рассматриваться установление на их территории округа санитарной (горно-санитарной) охраны и выделение внутри него до трех зон. При этом на курортах федерального значения в целях их эффективной охраны органы власти настаивают на необходимости оформления земельных участков, расположенных в первой зоне округа санитарной (горно-санитарной) охраны, в государственную федеральную собственность с установлением запрета на их предоставление, а также на четком закреплении закрытого перечня видов деятельности во второй и третьей зонах. Это вполне логичное и обоснованное предложение, которое в отдельных субъектах Федерации уже начало реализовываться на практике, следовало бы закрепить в федеральном законодательстве.

Не нуждается в лишних пояснениях тезис о том, что выделения трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны еще слишком мало для того, чтобы эффективно обеспечить для каждого из них режим ограничения хозяйственной деятельности. Границы каждой из этих зон должны быть четко определены и зафиксированы путем кадастрирования. И тут тоже возникает немало проблем, в том числе и законодательного характера.

Сегодня даже на курортах федерального значения сведения далеко не обо всех границах зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны зафиксированы в кадастре недвижимости. Без этого подчас невозможно определить, что конкретный земельный участок относится к той или иной зоне, а, следовательно, и определенные виды деятельности на нем запрещены.

Существующую систему учета земельных ресурсов призвана усовершенствовать идущая сейчас в стране кадастровая реформа, наиболее значительным шагом которой стало принятие Федерального закона от 13.07.2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон №218-ФЗ). В соответствии с новым законом то, что раньше было «Государственным кадастром недвижимости», отныне именуется «Реестром объектов недвижимости (кадастром недвижимости)», который наряду с Реестром прав на недвижимость и Реестром границ входит теперь в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Понятно, что система новая, и ее конкретное содержательное наполнение, равно как и особенности порядка дальнейшего ведения еще не до конца ясны. В частности, по новому закону вовсе не очевидно, что сведения о границах округа санитарной (горно-санитарной) охраны курорта и зон внутри него должны вноситься именно в кадастр недвижимости. Там, конечно, предусмотрены разделы об ограничениях и обременениях прав на землю, к чему можно подвести и режим округа санитарной (горно-санитарной) охраны, однако вовсе не факт, что такие сведения будут заноситься работниками Росреестра именно туда. Ведь наряду с кадастром недвижимости у нас появился еще и Реестр границ, где, в частности, будут содержаться сведения о границах зон с особыми условиями использования.

Казалось бы, это нововведение должно упростить фиксацию границ округа санитарной (горно-санитарной) охраны, а также зон внутри него. Однако ни ст. 7, ни ст. 10 Закона №218-ФЗ, детально регулирующая содержание Реестра границ, не упоминает ни о границах округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов, ни о границы зон внутри него. О границах таких «территорий с особыми условиями использования» законодатель, по-видимому, просто забыл, оставив этот вопрос без должного регулирования.

Для обеспечения надежной фиксации названных границ необходимо внести изменения в ст. 7, 10 и другие нормы Закона №218-ФЗ, предусмотрев обязательную регистрацию границ ЛОМ и курортов, а также границ зон округов их санитарной (горно-санитарной) охраны в реестре границ ЕГРН.

Не лучше обстоит дело с этими зонами и в градостроительном законодательстве. Так, ч. 4 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ при определении «зон с особыми условиями использования территорий» также не упоминает округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов.

Недавно Федеральным законом от 03.08.2018 г. №342-ФЗ в Земельный кодекс РФ была введена новая XIX глава о зонах с особыми условиями ис-

пользования территорий. Часть 15 ст. 105, в отличие от норм Градостроительного кодекса и Закона №218-ФЗ, в числе таких зон все же называет «округ санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей, курортов и природных лечебных ресурсов», однако опять же не дает конкретизированного указания на три зоны внутри данного округа. Смущает и диспозитивная формулировка новой ст. 105 ЗК РФ («могут быть установлены следующие виды зон…»), что в совокупности опять же не дает гарантий фиксации таких зон в актах градостроительного планирования и в градостроительных регламентах. Думается, что формулировка данной статьи должна быть более определенной.

Градостроительный кодекс РФ вообще крайне неудовлетворительно отражает правовые реалии курортной сферы. Так, в ч. 6 ст. 36 и п. 6 ч. 5 ст. 51 ГрадК РФ говорится соответственно о землях и границах «особо охраняемых природных территорий (за исключением земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов)», тогда как предусматривать здесь ЛОМ и курорты в качестве исключений уже не корректно, поскольку они с 2013 года больше не относятся к ООПТ.

Остановимся подробнее на том, как эта проблема вообще возникла и какие имела последствия для российского курортного законодательства. До принятия Федерального закона от 28.12.2013 г. №406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ЛОМ и курорты относились к особо охраняемым природным территориям (далее – ООПТ). Указанным законом ЛОМ и курорты из перечня ООПТ были исключены, и сегодня они определяются в Законе №26-ФЗ просто как некие «особо охраняемые объекты и территории» (см. преамбулу). Столь серьезное реформирование правового статуса ЛОМ и курортов в России потребовало внесения соответствующих изменений в целый ряд норм федеральных и региональных законов и подзаконным актов для того, чтобы привести правовое регулирование их режима в строгое соответствие с новым статусом ЛОМ и курортов. Однако эта кропотливая работа по реформированию законодательства о курортах была проведена не в полной мере.

Проблема изменения правового статуса российских ЛОМ и курортов в 2013 г. вообще крайне негативно отразилась на институте юридической ответственности за нарушение их режима. Ст. 20 Закона №26-ФЗ, посвященная ответственности за нарушение правового режима ЛОМ и курортов, просто отсылает к уголовному, административному и иному законодательству. Однако в соответствующих федеральных законах данной ответственности попросту не установлено. Ранее, когда ЛОМ и курорты еще относились к ООПТ, уголовная ответственность за нарушение их правового режима наступала по ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», а административная ответственность – по ст. 8.39 КоАП РФ «Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях». Однако, так как деятельность этих норм распространяется только на ООПТ, а ЛОМ и курорты ими больше не являются, то последние, как следствие, фактически остались без надлежащей уголовно-правовой и административной защиты. Необходимо дополнить ст. 262 Уголовного кодекса РФ и ст. 8.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нормами об уголовной и административной ответственности соответственно за нарушение правового режима ЛОМ и курортов – наряду и по аналогии с юридической охраной ООПТ, коль скоро ЛОМ и курорты к ним больше не относятся. Отсутствие упоминания о них в ст. 262 УК РФ и ст. 8.39 КоАП РФ стало серьезным упущением при реформировании правового статуса ЛОМ и курортов в 2013 году, из чего можно заключить, что федеральное законодательство до сих пор не в полной мере приведено в соответствие с их реформированным статусом.

Практические проблемы реализации правового режима земель ЛОМ и курортов можно проиллюстрировать на примере ситуации, сложившейся в эколого-курортном регионе федерального значения Кавказские Минеральные Воды. Говоря о правовом режиме земель, мы имеем в виду особенности правового регулирования имущественных прав, публичного управления, прав и обязанностей правообладателей и должностных лиц, ответственных за состояние земель и природных лечебных ресурсов, правовые меры охраны и ответственность за нарушение правового режима использования и охраны земель и иных природных ресурсов курортов.

Земли курортов, во-первых, не являются самостоятельной категорией, а входят в состав земель особо охраняемых территорий и объектов.

Во-вторых, что бы ни говорили о порочности идеи двойного режима земель, считая единственно верной позицию, «полностью опровергающую высказывания о возможности «совмещения правовых режимов земель» [2, с. 31], проблема существует и ее, на наш взгляд, следует обсуждать.

Как известно, ЗК РФ признает землями лечебно-оздоровительных местностей и курортов те земли, которые предназначены для лечения и отдыха граждан. Как следует далее из нормы ст. 96 ЗК РФ, в состав этих земель включаются земли, обладающие природными лечебными ресурсами, которые используются или могут использоваться для профилактики и лечения заболеваний человека. Логика в такой компоновке предложений отсутствует: сначала обозначили следствие – предназначенные для лечения, а потом назвали причину – наличие природных лечебных ресурсов. Ведь лечиться можно и в поликлинике, а отдыхать на даче. Видимо поэтому в проекте ФЗ № 555658-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ», прошедшем первое чтение в сентябре 2014 г., формулировку привели в соответствие со здравым

смыслом. Если закон будет принят, то звучать она будет так: «Земли, обладающие природными лечебными ресурсами, предназначены для организации профилактики и лечения заболеваний и отдыха населения».

Границы территории (надо полагать и земель) курортов федерального значения определяются согласно постановлению Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425 «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения», а в отношении курортов КМВ также соответствующими постановлениями Совета Министров РСФСР [8] и Правительства РФ [7], утвердивших положения о курортах КМВ, и проходят по внешнему контуру округа санитарной (горно-санитарной) охраны.

В нашем случае границы курортов КМВ проходят по территории Ставропольского края, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, занимая площадь 5,8 тыс. кв. км. Но вот парадокс: земель курортов мы там не найдем. В Ставропольском крае не зарегистрировано ни одного участка в качестве земель курортов. Таким образом, земли курортов, если законодатель признает наличие таких земель, не имеют самостоятельного значения.

Единственная информация, поступающая в территориальные органы Росреестра по Ставропольскому краю при регистрации прав на недвижимое имущество, это информация о том, что земельный участок расположен в пределах курорта – требования к режиму зон горно-санитарной охраны, которые, согласно ст. 56 ЗК РФ, регистрируются в качестве ограничений пользования земельными участками. Причем сведения поступают только в отношении первой и второй зон. Третья зона, по существу, выпадает из ограничений, предусмотренных постановлением Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425 «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения». Ограничения пользования земельными участками по этой зоне даже не регистрируются.

Так можно ли говорить о двойном режиме земель применительно к землям курортов КМВ?

На территории курортов Кавказских Минеральных вод располагаются земли и земельные участки, принадлежащие, скажем, большинству известных земельному законодательству категорий и подкатегорий земель. Выходы используемых минеральных вод на поверхность, что происходит в ряде случаев, расположены на землях населенных пунктов. Как известно, в границах населенных пунктов существуют земли только данной категории. На этих землях действуют режимы первой и, как правило, второй зон горно-санитарной охраны, известны случаи наличия на этих землях и третьей охранной зоны.

За границей земель населенных пунктов, где также имеют место выходы минеральных вод на поверхность, зоны охраны в большинстве случаев просто не устанавливаются. Однако здесь имеют место все возможные категории (за исключением земель курортов), включая земли особо охраняемых природных территорий, в частности, земли государственных природных заказников. Большинство земель за границей населенных пунктов – земли сельскохозяйственного назначения, а в горных местностях – земли лесного фонда. Например, в Предгорном районе Ставропольского края, находящегося в составе округа горно-санитарной охраны, есть большое количество родников минеральной воды, изливающихся на поверхность земли. Никаких первых или вторых зон в отношении них нет. Известны случаи передачи земельных участков с такими минеральными источниками в частную собственность.

Таким образом, исходя из фактических реалий, никакого двойного режима земель курортов нет, потому что нет самих земель курортов. С другой стороны, если таких земель нет и кроме упоминания о них в ЗК РФ ни в каких иных нормативно-правовых актах их режим не устанавливается, с точки зрения чистоты правового регулирования, следует отказаться от этой подкатегории земель, оставив только правовое регулирование режима территории округов санитарной или горно-санитарной охраны как основание ограничения прав на землю. Показателен в этом смысле и Приказ Минэкономразвития РФ от 29.10.2013 г. №630 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков», где не упоминаются земельные участки из земель курортов, а говорится лишь о курортной деятельности как виде разрешенного использования земельных участков. По мнению Минэкономразвития, разрешенное использование предполагает: использование, в том числе с их извлечением, для лечения и оздоровления человека природных ресурсов (источники минеральных вод, лечебные грязи, рапой лиманов и озер, особый климат), а также охрана лечебных ресурсов от истощения и уничтожения в границах первой зоны округа горно-санитарной или санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курорта. Вот уже не только третьей, но и второй зоны не стало.

Что касается имущественных прав на земельные участки на территории курортов КМВ, то они представлены всеми известными титулами: и правом собственности, и арендой, и правом постоянного (бессрочного) пользования, и правом пожизненного наследуемого владения. Причем из-за противоречивости законодательства и судебной практики при одних и тех же правоустанавливающих фактах кому-то земельные участки предоставлялись в собственность, кому-то в аренду. До сих пор соседи-собственники жилых домов владеют земельными участками на разных видах права – у одного земельный участок в собственности, у другого в аренде. Поскольку Федеральный закон от 28.12.2013 г. №406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» исключил курорты из числа особо охраняемых природных территорий, тем самым сняв ограничения на оборот земельных участ-

ков, предусмотренных ст. 27 ЗК РФ, в настоящее время земельные участки, находящиеся на иных, кроме права частной собственности титулах, могут быть обращены в частную собственность.

Одним из элементов правового режима выступает институт управления. Здесь мы сталкиваемся с множеством органов, наделенных теми или иными полномочиями, связанными с администрированием в области использования и охраны природных ресурсов, расположенных в границах округов, в нашем случае, горно-санитарной охраны.

Основное полномочие – распоряжение землями. И здесь свою лепту в нарушение законодательства о курортах вносят органы местного самоуправления. Земельные участки под непрофильное для курортов строительство выделяются не только во второй, но и в первой зоне охраны. Примеров очень много. Большинство из них касается городов Пятигорска (абсолютный лидер) и Ессентуков. Есть примеры и из практики неправомерного выделения земельных участков в Кисловодске. Администрация Пятигорска и вовсе дошла до того, что обратилась в арбитражный суд края с иском к Федеральной кадастровой палате Росреестра по Ставропольскому краю об уменьшении площади первых охранных зон, мотивируя это тем, что они устанавливались в 1985 г. и уже не актуальны, и даже более того – препятствуют развитию города. К чести суда требования не были удовлетворены. До этого по решению той же администрации Пятигорска для строительства магазина «Метро» было вырублено 5 га леса. Напомним, что лес на территории курорта с дореволюционных времен высаживался людьми для охраны минеральных источников.

Еще один пример связан с будущим распоряжением землями. Согласно генеральному плану города Пятигорска, утвержденному городской думой (вопрос к законодателю: почему генеральные планы городов-курортов федерального значения утверждаются представительными органами муниципалитетов, а не Правительством РФ?), по данным экологической общественной организации «Солнечный патруль», предполагается «снести» 200 га леса, в том числе на территории Бештаугорского государственного регионального заказника, на горе Машук, горе Бештау, далее – везде. Взамен планируется высадить 7 га леса. Более того, отличившаяся проигранными судебными процессами по уменьшению площади первой охранной зоны администрация Пятигорска обратилась в суд с иском о снятии статуса с государственного природного заказника Бештаугорский. Краевой суд вслед за Пятигорским судом отказал в удовлетворении исковых требований. И произошло это совсем недавно, в ноябре 2014 г. Однако, как отмечают экологи-общественники, «администрация города намерена и дальше добиваться снятия статуса особой охраны лесов Пятигорска: гор Машук, Бештау, Дубровка» [6].

К предоставлению земельных участков в охранных зонах имеет отношение и Росприроднадзор, который до недавнего времени проводил экологическую экспертизу, зачастую идя на поводу у администраций. Пример тому – экспертиза проектной документации на строительство, якобы, малоэтажного пансионата на западном склоне горы Машук в целях «рекреационного развития города» на месте «внезапно погибшей ореховой рощи». Действительно, во второй зоне разрешено строительство объектов курортной инфраструктуры. Росприроднадзор по Северо-Кавказскому федеральному округу при проведении экологической экспертизы даже не рассматривал вопрос о беспричинной и безвременной гибели рощи, дав положительное заключение. Вскоре, как и предполагала общественность, неоднократно обращавшаяся в прокуратуру по факту незаконного строительства, застройщик обратился в городскую администрацию с просьбой об изменении вида разрешенного использования: строить уже собрались не пансионат, а двухэтажные жилые коттеджи с последующей их продажей. Полагаем, что только потому, что ситуация имела общественный резонанс, администрация города не удовлетворила просьбу застройщика. Кстати, уже упоминавшийся Федеральный закон от 28.12.2013 г. №406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», исключив курорты из числа особо охраняемых природных территорий, автоматически исключил и обязанность по проведению экологической экспертизы документации на строительство объектов на их территории. Проблема заключается еще и в том, что общественные экологические организации, готовые безвозмездно проводить общественную экологическую экспертизу, лишены этого права. ФЗ от 23.11.1995 г. №174-ФЗ «Об экологической экспертизе» допускает ее проведение только в отношении объектов федеральной и региональной экологической экспертизы, перечисленных соответственно в ст. 11 и 12 закона.

Еще один орган управления – уже упомянутое Минэкономразвития, «забывшее» про вторую и третью охранную зону при регламентации видов разрешенного использования земельных участков для курортной деятельности.

Что же касается центральной функции – контроля, то речь должна идти как о земельном надзоре (значительный урон природным лечебным ресурсам наносится землепользователями при строительстве), надзоре за рациональным пользованием источниками природных лечебных ресурсов, так и за рациональным пользованием и охраной иных природных ресурсов, в частности лесов, выполняющих важные гидрологические функции.

Здесь «разброс» органов тоже велик. Надзор за соблюдением законодательства по округам горно-санитарной охраны водных объектов, водные ресурсы которых являются природными лечебными ресурсами, осуществляет Росприроднадзор. У него же есть ряд полномочий по земельному надзору. Надзор за санитарно-эпидемиологическим состоянием природных лечебных ресурсов осуществляет Роспотребнадзор. За соблюдени-

ем земельного законодательства – Росреестр, а в отношении земель сельскохозяйственного назначения (они в основном сосредоточены в третьей зоне) еще и Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору.

Серьезная работа по выявлению и пресечению правонарушений, связанных с правовым режимом земель курортов КМВ, в последние годы ведется прокуратурой. Именно по представлению прокуратуры края ФГУ «Земельная кадастровая палата» по Ставропольскому краю в государственный кадастр недвижимости были внесены сведения о первой и второй зонах округа горно-санитарной охраны городов-курортов.

Возникает вопрос: почему эти проблемы решает прокуратура, а не надзорные органы исполнительной власти?

Теперь о правах и обязанностях субъектов и мерах охраны природных объектов как элементах правового режима. Права граждан и юридических лиц – назовем их владельцами земельных участков, ограничены требованиями соблюдения правового режима земель курортов. Обязанности должны неукоснительно выполняться, а проверять их выполнение призваны также органы надзора и контроля. Помимо общих требований, содержащихся в земельном законодательстве, землевладельцы должны исполнять требования Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425. Однако нарушений обязанностей землевладельцев – огромное количество. Мало того, что вторая зона застроена жилыми домами, производственными объектами. Это вина не землевладельцев, а органов, предоставивших эти участки. Но граждане и юридические лица зачастую не имеют канализации, организуют стихийные свалки и т.д.

В качестве наиболее принципиальных выводов из рассмотренных проблем правового режима земель ЛОМ и курортов можно сформулировать следующие предложения законодателю:

– В Земельный кодекс РФ необходимо ввести норму, запрещающую перевод земель лесного фонда на территории лечебно-оздоровительных местностей и курортов, а также на территории курортных регионов в земли иных категорий (кроме как в земли особо охраняемых территорий и объектов).

– В ч. 2 ст. 94 Земельного кодекса РФ перечень видов земель особо охраняемых территорий и объектов необходимо дополнить землями лечебно-оздоровительных местностей и курортов.

– Из ч. 3 ст. 96 Земельного кодекса РФ необходимо исключить упоминание об особо охраняемых природных территориях, поскольку лечебно-оздоровительные местности и курорты больше не относятся к ним с 2013 года.

– Ч. 3 ст. 96 Земельного кодекса РФ необходимо дополнить указанием на то, что изъятие земельных участков у собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов при необходимости возможно не только на территории первой, но и второй зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов.

– Статью 262 Уголовного кодекса РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов» необходимо дополнить указанием на уголовную ответственность за нарушение законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах, изложив не только ее содержание, но и название в новой редакции: «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий, лечебно-оздоровительных местностей, курортов и природных объектов».

– Статью 8.39 КоАП РФ «Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях» следует дополнить указанием на административную ответственность за нарушение законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах, изложив не только ее содержание, но и название в новой редакции: «Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях, лечебно-оздоровительных местностях и курортах».

– В работе как над федеральным (проекты федерального закона №555658-6 и федерального закона о Кавказских Минеральных Водах), так и над региональным законодательством не следует допускать либерализации правового режима трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны. Режим ограничения в них хозяйственной деятельности должен устанавливаться не ниже того, как он сейчас представлен в п.п. 12–14 Постановления Правительства РФ от 07.12.1996 г. №1425 «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения».

– В п. 3 ч. 2 ст. 7 и ст. 10 Федерального закона от 13.07.2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» среди границ зон с особыми условиями использования необходимо ввести указание на пропущенные там границы округа санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов.

– В ч. 4 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ в числе зон с особыми условиями использования необходимо также упомянуть округа санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов.

– Ч. 6 ст. 36 и п. 6 ч. 5 ст. 51 Градостроительного кодекса РФ необходимо привести в соответствие с действующим федеральным законодательством, убрав из данных норм упоминание о лечебно-оздоровительных местностях и курортах, поскольку последние с 2013 года больше не относятся к числу особо охраняемых природных территорий.

Литература

1. Выпханова Г. В. Концептуальные основы совершенствования законодательства о лечебно-оздоровительных местностях и курортах // Lex Russica. 2016. №6. С. 119–131.
2. Кузнецов Д. В. Ограничения оборота земельных участков в курортных населенных пунктах // Экологическое право. 2011. №4. С. 31–37.
3. Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Проблемы реализации государственно-правовой курортной политики в современной России // Права человека и правовая культура в системе ценностей гражданского общества и направлений государственно-правовой политики Российской Федерации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ставрополь: Фабула, 2018. С.101–103.
4. Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В. Некоторые аспекты совершенствования российского законодательства о курортах на современном этапе // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2018. №3. С. 162–167.
5. Навасардова Э. С., Нутрихин Р. В., Колесникова К. В. Состояние и тенденции развития эколого-курортного законодательства в Российской Федерации // Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права. Материалы Республиканского круглого стола, приуроченного к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Т. И. Макаровой. Минск: Издательский центр БГУ, 2017. С.168–171.
6. Открытое письмо Президенту России регионального экологического движения «Солнечный патруль» (Пятигорск). URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/199684/ (Дата обращения: 10.10.2019).
7. Постановление Правительства РФ от 17.01.2006 г. №14 «О признании курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск, расположенных в Ставропольском крае, курортами федерального значения и об утверждении Положений об этих курортах» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Совета Министров РСФСР от 9 июля 1985 г. №300 «Об установлении границ и режима округа санитарной охраны курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и Пятигорск в Ставропольском крае» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Садовская О. В. О влиянии изменений законодательства на правовой режим курортов // Евразийский юридический журнал. 2014. №4. С. 99–101.

References

1. Vyphanova G. V. Konceptual'nye osnovy sovershenstvovanija zakonodatel'stva o lechebno-ozdorovitel'nyh mestnostjah i kurortah *(Conceptual bases of improvement of the legislation on medical and improving areas and resorts)* // Lex Russica. 2016. No. 6. P. 119–131. (In Russian)
2. Kuznecov D. V. Ogranichenija oborota zemel'nyh uchastkov v kurortnyh naselennyh punktah *(Restrictions of a turn of the land plots in resort settlements)* // Jekologicheskoe pravo. 2011. No. 4. P. 31–37. (In Russian)
3. Navasardova Je. S., Nutrihin R. V. Problemy realizacii gosudarstvenno-pravovoj kurortnoj politiki v sovremennoj Rossii *(Problems of implementation of state and legal resort policy in modern Russia)* // Prava cheloveka i pravovaja kul'tura v sisteme cennostej grazhdanskogo obshhestva i napravlenij gosudarstvenno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Stavropol': Fabula, 2018. P. 101–103. (In Russian)
4. Navasardova Je. S., Nutrihin R. V. Nekotorye aspekty sovershenstvovanija rossijskogo zakonodatel'stva o kurortah na sovremennom jetape *(Some aspects of improvement of the Russian legislation on resorts at the present stage)* // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2018. No. 3. P. 162–167. (In Russian)
5. Navasardova Je. S., Nutrihin R. V., Kolesnikova K. V. Sostojanie i tendencii razvitija jekologo-kurortnogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii *(State and trends of development of the ecological-resort legislation in the Russian Federation)* // Prioritetnye napravlenija razvitija jekologicheskogo, zemel'nogo i agrarnogo prava. Materialy Respublikanskogo kruglogo stola, priurochennogo k jubileju d-ra jurid. nauk, prof. T.I. Makarovoj. Minsk: BSU publ., 2017. P.168–171. (In Russian)
6. Otkrytoe pis'mo Prezidentu Rossii regional'nogo jekologicheskogo dvizhenija «Solnechnyj patrul'» (Pjatigorsk). *(Open letter to the President of Russia of the regional ecological movement «Solar Patrol» (Pyatigorsk))*. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/199684/ (Accessed: 10.10.2019). (In Russian)
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.01.2006 g. №14 «O priznanii kurortov Essentuki, Zheleznovodsk, Kislovodsk i Pjatigorsk, raspolozhennyh v Stavropol'skom krae, kurortami federal'nogo znachenija i ob utverzhdenii Polozhenij ob jetih kurortah» *(The resolution of the Government of the Russian Federation of 17.01.2006 No. 14 «On recognition of the resorts of Yessentuki, Zheleznovodsk, Kislovodsk and Pyatigorsk located in Stavropol Region, resorts of federal importance and on the adoption of Regulations on these resorts»)* // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian)
8. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 9 ijulja 1985 g. №300 «Ob ustanovlenii granic i rezhima okruga sanitarnoj ohrany kurortov Essentuki, Zheleznovodsk, Kislovodsk i Pjatigorsk v Stavropol'skom krae» *(Resolution of Council of ministers of RSFSR of July 9, 1985 No. 300 «On establishment of borders and mode of the district of sanitary protection of the resorts of Yessentuki, Zheleznovodsk, Kislovodsk and Pyatigorsk in Stavropol Region»)* // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian)
9. Sadovskaja O. V. O vlijanii izmenenij zakonodatel'stva na pravovoj rezhim kurortov *(On the impact of changes of the legislation on a legal regime of resorts)* // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2014. No.4. P. 99–101. (In Russian)

Сведения об авторах

Навасардова Элеонора Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / navasardova@yandex.ru

Чечель Григорий Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru

Нутрихин Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / nut-roman@yandex.ru

Information about the authors

Navasardova Eleonora – Doctor of Law, Professor, Head of Department of Environment, Land and Labor Right, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / navasardova@yandex.ru

Chechel Gregoriy – Doctor of Law, Professor of Department of Penal Law and Process, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ug_pravo11a@mail.ru

Nutrikhin Roman – Doctor of Law, Docent of Department of Environment, Land and Labor Right, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / nut-roman@yandex.ru

УДК 341.322

Р. Э. Невский, Н. С. Троицкий

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕШЕНИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ ТРИБУНАЛОВ AD HOC

Авторы подчеркивают, что для отечественной уголовно-правовой системы имеют силу решения международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. Это особенно важно, так как именно в них дано официальное разъяснение сущности военных преступлений и преступлений против человечности. Однако в решениях международных трибуналов ad hoc сходные по объективным и субъективным признакам деяния (убийства, пытки, акты сексуального насилия и другие) квалифицировались в одних случаях в качестве военных преступлений, а в других – как преступления против человечности.

В соответствии с действующими конвенционными нормами, совершение актов насилия в отношении военнопленных и приравненных к ним лиц, а также в отношении пленных в ходе внутренних вооруженных конфликтов должно расцениваться как военное преступление. Поэтому основная проблема при квалификации содеянного как преступления против человечности или военного преступления возникает только в случае, если потерпевшими являются представители гражданского населения.

Исходя из предписаний норм международного уголовного права и решений международных трибуналов ad hoc, если преступное деяние (при установлении всех «конвенционных» и «контекстуальных» условий) совершено в отношении представителей гражданского населения в ходе вооруженного конфликта международного или немеждународного характера либо в непосредственной связи с таким конфликтом, то оно должно быть квалифицировано как военное преступление.

В соответствии с конвенциональными нормами и общими нормами международного права, для квалификации содеянного как преступления против человечности должен быть установлен контекст «широкомасштабного» и/или «систематического» нападения на гражданское население. Принципиально важна позиция Международного трибунала по бывшей Югославии, о том, что нападение на гражданское население не обязательно должно одновременно являться и широкомасштабными, и систематическими. Данное деяние может быть квалифицировано как преступление против человечности, если соответствует хотя бы одному из этих «контекстуальных» условий.

В решениях международных трибуналов ad hoc выработано еще одно принципиально важное для квалификации преступлений против человечности правило: вовлеченность государства в совершение преступлений против человечности (в виде осуществления «плана» или «политики») не является обязательным признаком.

Ключевые слова: военные преступления, преступления против человечности, Нюрнбергский трибунал, Римский Статут Международного уголовного суда, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде.

R. Nevsky, N. Troitsky

WAR CRIMES AND CRIMES AGAINST HUMANITY: GENERAL AND PARTICULAR IN THE DECISIONS OF INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNALS AD HOC

The authors underline that the decisions of international criminal tribunals in Rwanda and the former Yugoslavia are valid for the domestic criminal law system. This is especially important; since it is in them that an official explanation of the essence of war crimes and crimes against humanity is given. However, in decisions of international ad hoc tribunals, acts that were similar in objective and subjective terms (murder, torture, acts of sexual violence and others) were qualified in some cases as war crimes, and in others as crimes against humanity.

In accordance with applicable convention norms, the commission of acts of violence against prisoners of war and persons equated with them, as well as against prisoners during internal armed conflicts, should be regarded as a war crime. Therefore, the main problem in qualifying an offense as a crime against humanity or a war crime arises only if the victims are civilians.

Based on the requirements of international criminal law and the decisions of international ad hoc tribunals, if a criminal act (when all «conventional» and «contextual» conditions are established) was committed against representatives of the civilian population during an armed conflict of international or non-international character or in direct connection with such conflict, it must be qualified as a war crime.

In accordance with conventional norms and general norms of international law, in order to qualify an offense as a crime against humanity, the context of «widespread» and/or «systematic» attacks on the civilian population must be established. The position of the International Tribunal for the Former Yugoslavia that the attack on the civilian population does not have to be both large-scale and systematic is fundamentally important. This act can be qualified as a crime against humanity if it meets at least one of these «contextual» conditions.

In the decisions of the international ad hoc tribunals, one more principle has been developed for qualifying crimes against humanity: the involvement of the state in committing crimes against humanity (in the form of implementing a «plan» or «policy») is not a mandatory feature.

Key words: war crimes, crimes against humanity, Nuremberg Tribunal, Rome Statute of the International Criminal Court, International Tribunal for the Former Yugoslavia, International Tribunal for Rwanda.

В решениях международных трибуналов по итогам Второй Мировой войны (приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов), ставших фундаментальной основой для всей современной системы международного уголовного права, в качестве наиболее тяжких преступлений против мира и безопасности всего человечества были расценены преступление агрессии (агрессивной войны), военные преступления и преступления против человечности. Во второй половине XX века перечень военных преступлений был значительно расширен четырьмя Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и двумя Дополнительными протоколами к этим конвенциям 1977 г. (при этом особо надо подчеркнуть, что II Дополнительный протокол признал юридическую возможность совершения военных преступлений в вооруженных конфликтах немеждународного характера). Определенную роль в конвенциональном определении системы военных преступлений сыграли и иные акты международного права, регламентирующие правила ведения вооруженных конфликтов (в частности, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1981 г.).

Что касается определения системы преступлений против человечности, то, вплоть до конца XX века, она, по существу, оставалась в рамках, определенных Уставом Нюрнбергского трибуна. Наиболее существенным стало выделение геноцида в качестве наиболее тяжкого преступления против безопасности человечества (человечности), сделанное Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., а также признание апартеида самостоятельным преступлением против человечности в силу принятия в 1973 г. Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него.

В конце XX века ввиду трагических событий в Руанде и бывшей Югославии решениями Совета Безопасности ООН были учреждены специальные уголовные трибуналы ad hoc. Данные трибуналы на протяжении более чем двадцати лет рассматривали дела о военных преступлениях и преступлениях против человечности (а также об актах геноцида) в соответствии с правилами юрисдикции, установленными в ст. 2–5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – *МТБЮ*) и в ст. 2–3 Устава Международного трибунала по Руанде (далее – *МТР*).

Одним из наиболее «знаковых» событий в плане развития международного уголовного права и учреждения постоянно действующего органа международной уголовной юстиции стало принятие в 1998 году Римского Статута Международного уголовного суда, вступившего в силу в 2002 г. Именно в этом документе в наиболее «завершенном» виде в настоящее время сформулирован перечень военных преступлений и преступлений против человечности (ст. 7 и 8). В силу целого ряда обстоятельств данный документ не имеет для нашего государства юридической силы, так как Российская Федерация де-факто отозвала свою подпись под ним в соответствии с распоряжением Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп.

Тем не менее, для отечественной уголовно-правовой системы имеют силу все решения международных трибуналов ad hoc по Руанде и бывшей Югославии, чья юрисдикция признается Российской Федерацией. Как подчеркивается в доктрине, это обстоятельство «особенно важно», так как именно в них дано «официальное разъяснение» сущности, элементов и конкретных признаков военных преступлений и преступлений против человечности, «применимое к положениям национального уголовного законодательства» [2, с. 451–452; 3, с. 147–148].

Необходимо отметить, что в доктрине высказаны различные, порой, взаимоисключающие позиции по отношению к политическим аспектам и «наследию» деятельности этих органов международного правосудия. Тем не менее, подавляющее большинство отечественных и иностранных авторов единодушны в том, что в решениях МТБЮ и МТР накоплен большой опыт применения материальных норм международного уголовного права (некоторые авторы говорят даже о «прецедентном праве» или о «прецедентном наследии» деятельности международных трибуналов ad hoc. Именно этот опыт может и должен быть использован при применении соответствующих норм национального уголовного законодательства о военных преступлениях и преступлениях против человечности [2, с. 278–279; 4, с. 10–14; 5, с. 45–47].

Несмотря на существенную разницу в перечне деяний, считающихся военными преступлениями или преступлениями против человечности, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что де-факто одно и то же деяние может одновременно подпадать под признаки того или иного военного преступления и преступления против человечности. Это касается, например: убийств, пыток, умышленного причинения «серьезного» вреда здоровью, актов сексуального насилия. По-

этому возникает закономерный вопрос: как правильно квалифицировать такое деяние?

Обратимся к «наследию» международных уголовных трибуналов ad hoc.

В деятельности МТБЮ глубоко изучены объективные и субъективные признаки, прежде всего, военных преступлений. В частности, в решениях по делам *Prosecutor v. Z. Aleksovsky, Prosecutor v. T. Blaškič, Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo, Prosecutor v. A. Furundzija, Prosecutor v. R. Krstič, Prosecutor v. D. Kunarač, Prosecutor v. Z. Mučič, Prosecutor v. D. Tadič* дано официальное толкование признакам таких военных преступлений, совершаемых в отношении участников оппозиционных вооруженных сил и/или гражданских лиц, как: 1) *убийство* [21, § 439]; 2) *пытка* в отношении плененных участников вооруженных групп и/или представителей гражданского населения [10, § 468; 18, § 182]; 3) *«жестокое (дурное) обращение»* [10, § 1086, 1124]; 4) *умышленное причинение «серьезных телесных повреждений» или «ущерба» здоровью, включая «ментальный» (психический) вред* [10, § 509; 17, § 513]; 5) *акты сексуального насилия* [7, §§ 158, 173; 13, § 164–172].

За время деятельности органов международной уголовной юстиции ad hoc в решениях МТР (в частности, по делам *Prosecutor v. J.–P. Akayesu; Prosecutor v. I. Bagilishema; Prosecutor v. S. Gacumbitsi; Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana; Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana; Prosecutor v. G. Rutaganda*) и МТБЮ (например, по делам *Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez; Prosecutor v. R. Krstič; Prosecutor v. M. Kvočka et al; Prosecutor v. M. Milutinovič; Prosecutor v. M. Stakič*) многократно давалось содержательное толкование таким преступлениям против человечности, совершенным против представителей гражданского населения в контексте «широкомасштабного или систематического нападения», как: 1) *убийство* [8, § 88–89; 11, § 309; 16, § 37; 20, § 261; 22 § 138]; 2) *«истребление»* [8, § 90; 11, § 309; 14 § 146–147; 17, § 503; 24, § 516; 25 § 84; 26, § 260]; 3) *пытка* [6, § 594–596; 13, § 267; 18, § 482; 21 § 496]; 4) *акты сексуального насилия* [6, § 598; 13 § 185; 18, § 458].

Таким образом, в решениях МТР и МТБЮ сходные по объективным и субъективным признакам деяния квалифицировались в одних случаях в качестве преступлений против человечности, а в других – как военные преступления. Однако, как известно, в силу принципа международного уголовного права «не суди дважды» *(ne bes in idem)*, имеющего прямые аналоги в национальном уголовном законодательстве (например, в ст. 6 УК РФ), одно деяние не может быть одновременно квалифицировано либо как преступление против человечности, либо как военное преступление. В связи с этим возникает проблема правильной квалификации указанных деяний в качестве военного преступления или преступления против человечности.

Представляется, что для верной квалификации необходимо использовать, с одной стороны, предписания действующих норм международного уголовного права, а, с другой – «контекстуальные» и «квалификационные» правила, выработанные в решениях самих международных уголовных трибуналов ad hoc.

1. В соответствии с уставами МТР и МТБЮ, а также конвенционными нормами (в частности, предписаниями Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.), «адресатами» военных преступлений являются: 1) военнопленные и приравненные к ним лица в международном вооруженном конфликте; 2) пленные в ходе внутренних вооруженных конфликтов; 3) гражданское население, ставшее объектом преступных посягательств в ходе вооруженных конфликтов международного и внутреннего характера.

Потерпевшими от преступлений против человечности конвенционные нормы и общие нормы международного права называют только представителей гражданского населения. Поэтому совершение убийств, актов «жестокого обращения», действий, расцениваемых как сексуальное насилие и прочих преступных деяний в отношении военнопленных и приравненных к ним лиц, а также в отношении пленных в ходе внутренних вооруженных конфликтов *должно расцениваться как военное преступление*.

Следовательно, основная проблема при квалификации совершенного деяния как преступления против человечности или военного преступления возникает только в случае, если потерпевшими являются представители гражданского населения.

2. Исходя из предписаний норм международного уголовного права и решений международных трибуналов ad hoc, практически все авторы единодушны в том, что для квалификации содеянного как военного преступления необходимо установить «контекстуальную связь» совершенного деяния с вооруженным конфликтом. Согласно решению по делу *Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez*, любое, даже «самое страшное», «общеуголовное» преступление может быть квалифицировано в качестве военного преступления только в случае установления «очевидной связи» совершенного преступления с фактически существующим вооруженным конфликтом [15, § 22].

При этом, как отмечается в решениях МТБЮ, достаточно установить, что «инкриминируемые преступления были близко связаны с военными действиями, происходящими в других частях территорий, контролируемых сторонами конфликта». Согласно решениям по делам *Prosecutor v. D. Kunarač et al* и *Prosecutor v. D. Tadič*, военное преступление не обязательно совершается на непосредственно территории идущего вооруженного конфликта: вполне допускается ситуация, когда такое преступление может быть совершено вне непосредственной территории вооруженного конфликта, но в обязательной связи с вооруженным конфликтом [18, § 57; 27, § 70]. Как подчеркивает А. Г. Кибальник, «одним из наиболее известных решений Международного трибунала по

бывшей Югославии стало признание виновными в военных преступлениях группы боснийских мусульман, совершивших убийства, пытки и иные массовые акты насилия в отношении заключенных-сербов в концентрационном лагере "Челебичи"» [2, с. 440–441]. В судебном решении по делу *Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo* сказано, расправа над сербскими пленными в этом лагере имела место, когда на этой территории вооруженный конфликт уже не шел. Однако виновные «были арестованы и задержаны в результате военных действий, проводимых от имени правительства Боснии и Герцеговины и в ходе вооруженного конфликта, стороной которого являлась последняя» [10, § 196].

Наконец, в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc принципиально важным моментом стало указание на тот факт, что военные преступления в равной степени могут совершаться в ходе международного и немеждународного (внутреннего) вооруженного конфликта. Например, в принципиально важном решении по делу *Prosecutor v. D. Tadič* указано, что качестве именно военного преступления необходимо расценивать «серьезные нарушения как общей [для Женевских конвенций] Статьи 3 и дополняющих ее других общих принципов и норм защиты жертв внутреннего вооруженного конфликта, так и за серьезные нарушения определенных фундаментальных принципов и норм, касающихся средств и методов ведения войны в ходе гражданских волнений» [27, § 128].

Таким образом, исходя из смысла решений МТБЮ, если преступное деяние (при установлении всех «конвенционных» и «контекстуальных» условий и признаков) совершено в отношении представителей гражданского населения в ходе вооруженного конфликта международного или немеждународного характера либо в непосредственной связи с таким конфликтом, то оно *должно квалифицироваться в качестве военного преступления.* Говоря иными словами, несмотря на совпадение объективной стороны многих преступлений против человечности и военных преступлений, для квалификации содеянного как преступления против человечности необходимо исключить его непосредственную связь с вооруженным конфликтом (как международным, так и внутренним).

Надо отметить, что в Приговоре Нюрнбергского трибунала указывалось, что преступления против человечности непосредственно связаны с военными действиями (вооруженным конфликтом). Однако в настоящее время практика международных трибуналов ad hoc (прежде всего, МТБЮ) сформировала принципиально иной подход. Например, в одном из «знаковых» решений МТБЮ по делу *Prosecutor v. D. Tadič* сказано о том, что «преступления против человечества не требуют связи с международным вооруженным конфликтом». Соответственно, в настоящее время «нет ни логического, ни правового основания для этого требования» – то есть для требования обязательной увязки совершения преступления против человечности с вооруженным конфликтом или в его контексте [27, § 140–142].

3. В соответствии с конвенциональными нормами и общими нормами международного права, для квалификации содеянного как преступления против человечности должен быть установлен *контекст «широкомасштабного» и/или «систематического» нападения на гражданское население*.

Прежде всего, в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc отмечено, что именно «широкий масштаб» и «систематичность» нападений на гражданское население «трансформируют обычное преступление, наказуемое по внутригосударственному праву, в преступление против человечности, которое … стало затрагивать также и интересы международного права» [28, § 644]. Принципиально важна позиция, выработанная в решениях МТБЮ, о том, что нападения, совершаемые на гражданское население, не обязательно должны одновременно обладать признаками «широкомасштабности» и «систематичности». Такие нападения, в соответствии в решением по делу *Prosecutor v. M. Naletillič and V. Martinovič*, квалифицируются в качестве преступления против человечности при «соответствии» хотя бы одному из этих «контекстуальных условий» [23, § 26].

В решениях международных уголовных трибуналов ad hoc указывается, что под «широкомасштабным нападением», как правило, понимается то обстоятельство, что нападение имеет «крупные масштабы» и направлено «против значительного числа жертв». В свою очередь, как справедливо указывает А. Кассезе, «систематический» характер нападений на гражданское население подразумевает, что «насильственные действия», как правило, предполагают методичные и организованные действия и совершаются «в рамках составленного заранее плана» либо в целом «проводимой политики» со стороны государства или какой-либо организации [4, с. 92–95].

Эта позиция подтверждается практикой международных уголовных трибуналов ad hoc. Например, в решении *Prosecutor v. G. Jelisič* говорится, что «существование признанной политики, направленной против определенного сообщества, учреждение параллельных институтов, предназначенных для реализации этой политики, участие высокого уровня политических или военных чиновников, вовлеченность значительных финансовых, военных или других ресурсов, а также масштаб или повторяемый, неизменный и непрерывный характер насилия, совершенного против определенного гражданского населения, находятся среди факторов, которые могут продемонстрировать широкомасштабную или систематическую природу нападения» [12, § 53]. Данное правило подтверждено в других решениях МТБЮ – например, в решениях по делам *Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez u Prosecutor v. D. Kunarač et al* [15, § 178; 19, § 103].

Как отмечено в литературе, в решениях МТР систематичный характер нападений на гражданское население определен как совершение таких нападений в качестве «организованных по регулярному образцу на основе общей политики, вовлекающих существенные общественные или частные ресурсы» [3, с. 149–150]. В частности, в решении по делу *Prosecutor v. J.–P. Akayesu* выработано очень важное квалификационное правило о том, что для признания указанных нападений в качестве преступлений против человечности «не требуется, чтобы эта политика [т.е. практика совершения широкомасштабных и/или систематичных нападений на гражданское население] была принята формально как политика государства» [6, § 580].

Исходя из практики МТР и МТБЮ, можно говорить, что в решениях международных трибуналов ad hoc выработано еще одно принципиально важное для квалификации преступлений против человечности правило: вовлеченность государства в совершение преступлений против человечности (в виде осуществления «плана» или «политики») *не является обязательным, «квалификационным» признаком преступления против человечности*. С другой стороны, согласно решению по делу *Prosecutor v. T. Blaškič*, установление такой «вовлеченности» «может быть важным при доказывании того, что нападение было направлено против гражданского населения и что оно было широкомасштабным или систематическим» [9, § 120]. Данное правило получило положительную оценку в отечественной и западной доктрине международного уголовного права [3, с. 151; 4, с. 96].

С точки зрения субъективной стороны *(mens rea)*, лицо, совершающее преступление против человечности, как правило, действует *«намеренно»* (в российском уголовном праве к «намеренности» наиболее близка конструкция прямого умысла). Согласно решениям международных уголовных трибуналов ad hoc, такое лицо «стремится причинить вред» представителям гражданского населения. Однако международное правосудие допускает и «безрассудно безразличное» отношение к причинению вреда представителям гражданского населения в результате совершенных нападений. Согласно решениям по делам *Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana u Prosecutor v. D. Kunarač et al*, в этом случае достаточно установить, что виновное лицо осознавало (должно было осознавать), что «совершает действия в рамках широкомасштабного и/или систематического нападения» [14, § 133–134; 18, § 410].

Общий вывод. В силу того, что многие военные преступления и преступления против человечности имеют много общих признаков вплоть до их «смешения», в конвенционных нормах международного уголовного права и решениях международных уголовных трибуналов ad hoc выработаны критерии их отграничения. По существу, квалификация содеянного как преступления против человечности должна проводиться по «остаточному правилу».

Во-первых, в отличие от военных преступлений, потерпевшими от преступлений против человечности могут признаваться лишь представители гражданского населения. Во-вторых, должен быть исключен «контекст связанности» совершенного деяния с вооруженным конфликтом международного или внутреннего характера. В-третьих, для квалификации нападений на представителей гражданского населения как преступлений против человечности необходимо установить «контексты» их «широкомасштабности» и/или «систематичности» как они определены в решениях международных уголовных трибуналов ad hoc.

Литература

1. Кибальник А. Г. Куда идет международная уголовная юстиция? // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12. №2. С. 300–310.

2. Кибальник А. Г. Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. №7. СПб: Юридическая книга, 2013. С. 439–453.

3. Кибальник А. Г. Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. №4. С.147–159.

4. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.

5. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.

6. Prosecutor v. J.–P. Akayesu. Case № ICTR–96–4–T. 2 September 1998.

7. Prosecutor v. Z. Aleksovsky. Case № IT–95–14/1– T. 25 June 1999.

8. Prosecutor v. I. Bagilishema. Case № ICTR-95-1A-T. 7 June 2001.

9. Prosecutor v. T. Blaškič. Case № IT-95-14-A. 29 July 2004.

10. Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.

11. Prosecutor v. S. Gacumbitsi. Case № ICTR-2001-64-T. 17 June 2004.

12. Prosecutor v. G. Jelisič. Case № IT-95-10-T. 14 December 1999.

13. Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT–95–17/1–T. 10 December 1998.

14. Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana. Case № ICTR-95-1-T. 21 May 1999.

15. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT-95-14/2-T. 26 February 2001.

16. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT-95-14/2-A. 17 December 2004.

17. Prosecutor v. R. Krstič. Case № IT–98–33–T. 2 August 2001.

18. Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT–96–23/23/1–T. 22 February 2001.

19. Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT-96-23/23/1-A. 12 June 2002.

20. Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT–98–30/1–A. 28 February 2005.
21. Prosecutor v. Z. Mučič. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
22.Prosecutor v. M. Milutinovič. Case № IT–05–87–T. 26 February 2009.
23. Prosecutor v. M. Naletillič and V. Martinovič. Case № IT–98–34–T. 31 March 2003.
24. Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana. Case № ICTR–96–10–A. 13 December 2004.
25. Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR–96–13–T. 6 December 1999.
26. Prosecutor v. M. Stakič. Case № IT–97–24–A. 22 March 2006.
27. Prosecutor v. D. Tadič. Case № IT–94–I–A. 2 October 1995.
28. Prosecutor v. D. Tadic. Case № IT–94–I–T. 7 May 1997.

References

1. Kibalnik A. G. Kuda idet mezhdunarodnaya ugolovnaya yustitsia? *(Where is international criminal justice going?)* // Vserossiisky kriminologichesky zhurnal. 2018. Vol. 12. No. 2. P. 300–310. (In Russian)
2. Kibalnik A. G. Ponimanie voennykh prestupleniy v resheniyakh sovremennykh mezhdunarodnykh tribunalov *(Understanding of war crimes in the decisions of modern international tribunals)* // Rossiisky ezhegodnik ugolovnogo prava. No. 7. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga, 2013. P. 439–453. (In Russian)
3. Kibalnik A. G. Prestupleniya protiv chelovechnosti v resheniyakh sovremennykh mezhdunarodnykh sudov (tribunalov) *(Crimes against humanity in modern international courts' (tribunals') decisions)* // Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii. 2015. No. 4. P. 147–159. (In Russian)
4. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
5. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.
6. Prosecutor v. J.–P. Akayesu. Case № ICTR–96–4–T. 2 September 1998.
7. Prosecutor v. Z. Aleksovsky. Case № IT–95–14/1– T. 25 June 1999.
8. Prosecutor v. I. Bagilishema. Case № ICTR–95–1A–T. 7 June 2001.
9. Prosecutor v. T. Blaškič. Case № IT–95–14–A. 29 July 2004.
10. Prosecutor v. Z. Delalič, Z. Mučič, H. Delič, E. Landzo. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
11. Prosecutor v. S. Gacumbitsi. Case № ICTR–2001–64–T. 17 June 2004.
12. Prosecutor v. G. Jelisič. Case № IT–95–10–T. 14 December 1999.
13. Prosecutor v. A. Furundzija. Case № IT–95–17/1–T. 10 December 1998.
14. Prosecutor v. C. Kayishema and O. Ruzindana. Case № ICTR–95–1–T. 21 May 1999.
15. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT–95–14/2–T. 26 February 2001.
16. Prosecutor v. D. Kordič and M. Čerkez. Case № IT–95–14/2–A. 17 December 2004.
17. Prosecutor v. R. Krstič. Case № IT–98–33–T. 2 August 2001.
18. Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT–96–23/23/1–T. 22 February 2001.
19. Prosecutor v. D. Kunarač et al. Case № IT–96–23/23/1–A. 12 June 2002.
20. Prosecutor v. M. Kvočka et al. Case № IT–98–30/1–A. 28 February 2005.
21. Prosecutor v. Z. Mučič. Case № IT–96–21–T. 16 November 1998.
22. Prosecutor v. M. Milutinovič. Case № IT–05–87–T. 26 February 2009.
23. Prosecutor v. M. Naletillič and V. Martinovič. Case № IT–98–34–T. 31 March 2003.
24. Prosecutor v. E. Ntakirutimana and G. Ntakirutimana. Case № ICTR–96–10–A. 13 December 2004.
25. Prosecutor v. G. Rutaganda. Case № ICTR–96–13–T. 6 December 1999.
26. Prosecutor v. M. Stakič. Case № IT–97–24–A. 22 March 2006.
27. Prosecutor v. D. Tadič. Case № IT–94–I–A. 2 October 1995.
28. Prosecutor v. D. Tadic. Case № IT–94–I–T. 7 May 1997.

Сведения об авторах

Невский Руслан Эмильевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru
Троицкий Николай Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru

Information about the authors

Nevsky Ruslan – Postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / ug_pravo11a@mail.ru
Troitsky Nikolay – Postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / ug_pravo11a@mail.ru

УДК 343.5

Д. В. Пучков

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящей статье рассмотрены основные объективные признаки составов преступлений, определенных в российском уголовном законодательстве в сфере реализации кибернетических технологий. При этом дается критическая оценка понятию «компьютерная информация». Признается, что примечание к ст. 272 УК РФ в этой части, не соответствует сложившимся и развитым отношениям в данной области, а передача информации может производиться и иными, не предусмотренными уголовным законом способами. Установлено, что большинство преступлений, предусмотренных Главой 28 УК РФ совершаются с использованием кибернетических технологий, а компьютерной информация является лишь частью данных технологий. В этой связи предлагается новая редакция понятия «компьютерная информация». Кроме того, определено, что преступления в сфере компьютерной информации подлежат выделению в отдельный раздел Уголовного Кодекса Российской Федерации, определив родовой объект такого рода преступлений как отношения в сфере кибернетических технологий, что соответствовало бы как существующему развитию компьютерных технологий, так и определенному уникальному кибернетическому пространству их совершения. В ходе анализа ст. 273 УК РФ установлено, что нормативно-определенное понятие «вредоносная программа» отсутствует, в связи с чем предлагается привести данное понятие в соответствие со стандартами. Актуализируется повышенная общественная опасность преступлений в сфере кибернетических технологий на примере введение нового состава преступления, предусмотренного ст. 274.1 УК РФ, на фоне принятия нового Закона и понятия «критическая информационная структура Российской Федерации». На основе проведенного исследования составов преступления в указанной сфере и новаций в нормативно-правовом регулировании признается необходимость криминализации ряда деяний, таких как неправомерное ознакомление с компьютерной информацией и неправомерные воздействие на компьютерную среду и компьютерную информацию в частности, особое внимание предлагается также уделить особо квалифицирующему признаку в виде тяжких последствий. Признается возможным учитывать правоприменительными органами повышенную степень общественной опасности данных преступлений, совершенных с использованием кибернетических технологий с адекватным отражением выводов при назначении уголовного наказания по данным преступлениям.

Ключевые слова: преступность, уголовное законодательство, кибернетические технологии, киберпреступность, компьютерная информация, объективные признаки преступления, состав преступления.

D. Puchkov

OBJECTIVE ELEMENTS OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF CYBER TECHNOLOGIES WITHIN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article studies the main objective elements of crimes in the sphere of cyber technologies. The article discusses in details the term «computer information». In that context the author remarks that the note to Article 272 of Russian Criminal Code does not correspond to the well-established practice in the sphere of cyber technologies. It shall be noted that it is possible to transfer information in other ways, the list provided by the Code is not complete. The article says that most of the crimes from Chapter 28 of Russian Criminal Code are committed with the usage of cyber technologies. At the same time computer information is only a part of cyber technologies. Accordingly, the author proposes updated version of understanding of term «computer information». In addition, the article points out at the necessity of institution of separate Section in the Criminal Code devoted to crimes in the sphere of computer information. The generic object of crime will be defined as relations in the sphere of cyber technologies. Innovations of this kind would correspond to requirements of the present day. In the context of Article 273 of the Code it is emphasized that there is no proper legal definition of the term «harmful computer programme». The article proposes to standardize that term. The article pays attention to the high danger of crimes in the sphere of cyber technologies as to the fact of recent introduction of the Law and the term «critical informational infrastructure of the Russian Federation» and introduction of new Article 274.1 to the Criminal Code. As the result of analysis of elements of crimes in the sphere of cyber technologies and recent legal updates it is crucial to criminalize a number of actions. Among them unlawful acquaintance with computer information and unlawful influence upon computer environment and information. Also close attention shall be paid to such constituent element of a crime as heavy consequences. Law enforcement officials should take into account the increased degree of public danger of crimes in the sphere of cyber technologies when they impose punishment.

Key words: crime, criminal legislation, cyber technologies, cybercrime, computer information, objective elements of a crime, elements of a crime.

Несмотря на то, что кибернетические преступления появились в российском уголовном законодательстве уже более 20 лет назад, их изучение является, тем не менее, весьма актуальным и должно быть построено с учетом являющегося основой классификации значимого признака любого преступления – объекта преступления. Таким образом, существующие в УК РФ преступления, которые в том или ином виде затрагивают вопросы реализации кибернетических технологий, могут быть выделены и классифицированы в дальнейшем на основе выделения объекта преступного посягательства.

Сеть «Интернет» пронизывает все государственные институты, социальные сети буквально вторглись в нашу жизнь, стали все чаще появляться цифровые машины, способные сделать многое, если не сказать все. Человек создал очередное чудо – цифровую личность. Благо это или разрушение нам еще предстоит выяснить в будущем, но достижения, способные разрушить мир уже есть и это атомная бомба. Человек, оттолкнувшись от своих нравственных истоков шагнул слишком далеко вперед, практически уничтожив моральные ценности, уничтожив Библейские заповеди, поставив или заменив их на другие, убрав жизнь человека в последний ряд витка развития. Всерьез об уменьшении уровня секурялизации заговорили после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне в 2001 г. Это угроза, долго зарождавшаяся и основанная на провозглашение новой веры или извращении имевшихся, стала отрицанием тех нравственных основ, присущих человечеству многие столетия назад, получивших свое очевидное развитие.

Представляется, что в этой связи государство обязано обеспечить охрану общественного порядка и общественной безопасности в более широком смысле, чем нежели это указано в ч. 2 УК РФ, представив охрану духовным ценностям присущие человечеству. В этой связи введение на законодательном уровне определенных ограничений для гражданина, возможность введения которых предусмотрена ст. 55 Конституции РФ, как нельзя кстати становится актуальным и необходимым.

Действительно, точка зрения, что объектом являются не только общественные отношения, давно существует в науке. Так, например, Г. П. Новоселов, как и многие другие современные правоведы (можно даже говорить о сформировавшейся в отечественной юридической литературе тенденции), подвергает сомнению тезис о том, что объектом преступления всегда выступают общественные отношения. Не только объектом каждого преступления, резонно предполагает Г. П. Новоселов, но и каждым из объектов многообъектного преступления выступают люди – индивиды или их малые, или большие группы (объединения). И в этом плане так называемых беспоследственных преступлений не существует в принципе, по определению, речь в данном случае идет о тех из них, которые не причинили реального вреда, хотя при определенных условиях могли его причинить [1, с. 153]. По мнению, И. Я. Козаченко: «Данное положение следует признать обоснованным, так как в любом случае причиняется или создается угроза причинения вреда не чему-то (благам, нормам права, отношениям, интересам и т. п.), а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то. И потому никакого иного вреда, кроме вреда людям, преступление причинить не может» [2, с. 1].

Однако, следует возразить тому, что при совершении преступлений в сфере кибернетических технологий затрагивают лишь интересы отдельного индивида, по причине внедрения высоких технологий в жизнь не только каждого индивида, но и каждого юридического лица, государства, да и всего мира целом, в условиях сложившейся глобализации, а также затрагивание данных отношений между индивидом и цифровой личностью (искусственный интеллект, робот).

Преступления в сфере компьютерной информации раскрыты законодателем в главе 28 УК РФ. Включение данных преступлений в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» уже предполагает такой родовой объект как «общественная безопасность» и определение которой раскрывается через «совокупность общественных отношений, установленных нормативно-правовыми актами, обычаями и традициями, обеспечивающих достаточный уровень личной безопасности членов общества и самого общества в целом» [3, с. 296].

В общественных отношениях в сфере уголовно-правового регулирования отношений при осуществлении государственной власти, а также военной службы кибернетические технологии стали иметь ключевое значение, в связи с тем, что органы государственной власти являются основными субъектами, использующими такого рода технологии. Подтверждением такого положения дел и наличие угрозы информационной инфраструктуре Российской Федерации как раз и явилось введение нового состава преступления в главу 28 УК РФ: «Незаконное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации» (ст. 274.1 УК РФ). Фактически законодателем одним прилагательным «критическая» «информационная инфраструктура» определена как жизненно важная артерия государства, подлежащая уголовно-правовой охране под угрозой уголовного наказания до десяти лет лишения свободы при особо квалифицированном составе преступления (согласно ч. 5 ст. 274.1 УК РФ).

Компьютерная информация, выступая объектом преступлений главы 28 Уголовного кодекса РФ, является лишь частью кибернетических технологий. При этом, преступления в сфере таких технологий, учитывая их развитие и уникальное кибернетическое пространство могут быть выделены в отдельный раздел Уголовного Кодекса Российской Федерации, определив родовой объ-

ект такого рода преступлений как отношения в сфере кибернетических технологий и включив в него как существующие преступления, так и деяния, подлежащие криминализации, в частности указываемые нами DDOS атаки, фишинг, банкинг и др. При этом следует указать, что целью настоящего исследования не является определение принципиального нового для уголовно-правовой науки объекта преступного посягательства, но данные выводы скорее должны быть восприняты наукой как начало подобной дискуссии.

Поскольку содержание Особенной части российского уголовного закона структурирует составы преступлений не только отдельно по главам, но и по более крупным разделам, потребность в выделении видового объекта киберпреступления обладает существенным практическим значением. При использовании такого подхода при исследовании объекта преступления, видовым объектом предусмотренных гл. 28 УК РФ преступлений следует определить существующее состояние защищенности информации, находящейся на компьютерных и иных электронных носителях, а также компьютерных программ, от различного рода кибернетических технологий и непосредственных угроз, связанных с неправомерным доступом к такого рода информации и воздействия на них, включая вредоносное.

Затрагивая понятие «компьютерная информация» с позиций ее уголовно-правовой защиты, сделать уточнение относительно ее содержания в юридическом смысле. Еще Федеральным законом № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в российское законодательство впервые было введено такое понятие, как «компьютерная информация». В настоящее время такое понятие как «компьютерная информация» определено в УК РФ как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, но при этом более нигде на законодательном уровне данного понятия не существует.

Полагаем, что на сегодняшний день предмет преступлений в сфере компьютерной информации намного шире, представленных исследователями. Компьютерная информация может существовать в форме любых электронных сообщений, сведений о жизнедеятельности человека, а также функционирования организаций или о фактах, событиях, процессах или явлениях, которые были получены в результате указанных жизнедеятельности и функционирования, а равно анализ сообщений, сведений, фактов, процессов, и явлений о жизнедеятельности человека и созданных входе такой деятельности продуктах, зафиксированные либо не зафиксированные на материальном носителе, но имеющие следы в виртуальной системе (кибернетическом пространстве) и способные оказать влияние на общественную безопасность и общественный порядок, а также государственную власть.

При переходе к непосредственному анализу объекта преступных посягательств, хотелось бы отметить, что безопасность компьютерной информации имеет крайне важное значение в условиях цифровизации всех сфер экономики и жизнедеятельности человека в целом, в связи с чем нахождение данной категории преступлений в разделе IX мы находим абсолютно верным. Применительно к ст. 272 УК РФ рядом исследователей непосредственный объект преступления определяется на основе «состояния защищенности, через безопасность информационных систем, базирующихся на использовании компьютерной техники или их систем, включая компьютерные сети» [5, с. 10]; либо через «безопасность деятельности, связанной с созданием и использованием информации всех субъектов, являющихся обладателями информации» [6, с. 346]. Полагаем, что такое определение не соответствует уголовно-правовой теории.

В этой связи значимыми следует признать представление в качестве объекта неправомерного доступа к компьютерной информации:

– «общественные отношения как отношения, обеспечивающие безопасность (неприкосновенность) компьютерной информации» [7, с. 9];

– «общественные отношения по соблюдению и обеспечению безопасности законного получения, обработки и использования компьютерной информации, а также нормального функционирования компьютерной техники» [8, с. 40];

– «совокупность отношений, возникающих по поводу обеспечения безопасности компьютерной информации и ее носителей» [9, с. 56].

Можно предположить, что предметом подобного преступления выступает только информация, которая подлежит охране законом, оформленная как документированная информация, содержащая отнесенные законом к конфиденциальной информации или государственной тайне сведения. Свойствами такой информации может быть режим ограниченного доступа к ней, то есть информация должна обладать не только специальным правовым статусом, но и по своему характеру быть предназначенной только для ограниченного круга лиц, обладающих правом на ознакомление и работу с ней.

Содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ и осуществляемого путем неправомерного доступа к компьютерной информации, раскрывается уже в названии статьи: «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации», что определяет основные элементы, входящие в состав объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

С технической точки зрения неправомерный доступ понимается как «доступ к определенной информации, который был получен, благодаря несанкционированному преодолению аппаратных, программных или комплексных мер защиты» [10, с. 32–35]. В этой связи доступ есть уже сами по себе активные действия, который раскрывается

через «активное поведение человека, заключающееся в воздействии на окружающую среду» [11, с. 56]. Среди основных способов осуществления неправомерного доступа выделяются использование чужого логина, изменение сетевого адреса технического устройства, завладение различными способами паролем, определение и использование существующих «пробелов» в программном обеспечении или сетевой защите, любой иной обман системы защиты компьютерной информации [12, с. 11]. При этом ущерб при неправомерном доступе к компьютерной информации может быть причинен в четырех основных формах (детальный юридический анализ которых был успешно выполнен в работе В. Г Степанова-Егиянц [13]) последствий:

– блокирование компьютерной информации, которое состоит в возможности или невозможности использования определенной компьютерной информации;

– копирование компьютерной информации;

– модификация компьютерной информации, т.е. осуществление преобразования, видоизменения компьютерной информации с приобретением ею новых свойств;

– уничтожение компьютерной информации.

В действующей формулировке предусмотренного ч.1 ст.272 УК РФ состава преступления отсутствуют возможные ситуации, при которых последствия, определенные в уголовном законе не могут наступить, но «фактическое обладание информацией третьим лицом способно причинить значительный вред ее обладателям». В таких случаях факт ознакомления с информацией, например, ее прочтением может причинить не менее опасные последствия, чем ее копирование. Иногда злоумышленнику достаточно прочитать или увидеть информацию для того, чтобы она потеряла свою ценность или появилась возможность для ее применения без копирования.

Определенное внимание на доктринальном уровне уделено квалификации таких деяний как подключение к сети «Интернет» и аккаунтам пользователей информационно-телекоммуникационных сетей на основе применения чужих паролей и логинов. Данные действия «влекут изменения статистической информации на серверах провайдера об объеме услуг, предоставляемых лицу, которому принадлежат реквизиты, а также искусственные затруднения доступа законного пользователя к ресурсам сети, так как работу в сети Интернет в одно и тоже время с одним и тем же паролем может осуществлять лишь один пользователь, то есть модификацию и блокирование компьютерной информации» [13].

К одному из наиболее опасных деяний во всем спектре компьютерных преступлений, представленных в УК РФ, следует отнести использование и распространение вредоносных программ, которые способны причинить вред не только компьютерной информации, но и системам ее обработки и передачи относится к одним из наиболее опасных преступлений в киберсреде.

Однако, необходимо отметить отсутствие в уголовном законодательстве понятия «вредоносная программа». Например, в ст. 273 УК РФ указаны только негативные последствия, которые связаны с использованием подобных программ. Поэтому, учитывая криминальный потенциал вредоносных программ, это является существенным пробелом в российском законодательстве. Следует согласиться с А.В. Суслопаровым, полагающим, что «отсутствие четких критериев вредоносности программы, способствует невозможности эффективного применения рассматриваемой нормы на практике».

Определение понятия «вредоносная программа» дано в п. 2.6.5 ГОСТа Р 50922-2006 г. «Защита информации. Основные термины и определения», согласно которому «вредоносной является программа, предназначенная для осуществления несанкционированного доступа к информации и (или) воздействия на информацию или ресурсы информационной системы».

Следовательно, следует обратится к вышеуказанным стандартам, с целью нормативного закрепления закрепленных уголовным Законом понятий.

Кроме того, особо хочется подчеркнуть особо квалифицирующий признак данного рода преступлений, выразившийся в наступлении тяжких последствий, либо угрозе такого наступления (ч. 3 ст. 273 УК РФ). Однако, понятия «тяжкие последствия» не определено в действующем уголовном законе, в связи с чем данный признак носит оценочный характер. Между тем, на практике зафиксированы случаи совершения целенаправленных действий для достижения целей, предусмотренных ст. 273 УК РФ способами, влекущих блокировку не только объекта преступного посягательства, но и целой инфраструктуры (например: обесточивание электрических сетей города). Учитывая глобальный характер использования кибернетических технологий и информационно-телекоммуникационных сетей целесообразно состав преступления, предусмотренного ст. 272, 273 УК РФ, а равно и иных Главы 28 дополнительным особо квалифицирующим признаком как совершение такого рода преступлений общественно-опасным способом, наряду с преступлениями против личности, разграничив его с квалифицирующим признаком в виде тяжких последствий.

Следует признать, что конструкции квалифицирующих признаков анализируемых составов не разграничены и вызывают определенную сложность при определении наказания. Например, преступления совершенные в составе группы лиц по предварительному сговору, на наш взгляд находятся в одном ряду с преступлениями, совершенными в составе организованной группы, что является очевидно более общественно-опасным и как следствие подлежащим применению более серьезного наказания.

Компьютерные технологии относятся к наиболее удобным и прогрессивным инструментам работы с существующей информацией. Поэтому в

результате совершения предусмотренного ст. 274 УК РФ преступления происходит нарушение установленного порядка функционирования специального технологического оборудования. Даже несмотря на то, что в диспозиции ст.274 УК РФ законодательством уже определен предмет данного преступления, большей частью исследователей к его предмету отнесена охраняемая законом компьютерная информация. Исходя из чего, в качестве непосредственного объекта преступления, состав которого определен в ст. 274 УК РФ, выступают общественные отношения, которые позволяют обеспечить соблюдение обладающим компьютерной информацией лицом, действующих порядка и правил, определяющих эксплуатацию технических средств, задействованных в ее обработке, передаче или хранении. Объективная сторона данных деяний находит свое отражение или в действии, или в бездействии виновных лиц.

Внесенные Федеральным законом № 420 от 7 декабря 2011 г. изменения в редакцию ст. 274 УК РФ представляются в полной мере соответствующими практике развития новых компьютерных технологий. В качестве объекта состава преступления, предусмотренного в ст. 274.1 УК РФ следует определить общественные отношения по обеспечению нормальной работы, функционированию критической информационной инфраструктуры РФ. Данное понятие закреплено п. 6 ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: «критическая информационная инфраструктура – объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов». В качестве объектов критической информационной инфраструктуры названы «информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры».

Особое внимание на себя обращает то, что законодатель определил цель введения данного закона № 187-ФЗ, указав в ст. 1, что настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее также – критическая информационная инфраструктура) в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении нее компьютерных атак.

Впервые на законодательном уровне было определена защита от компьютерных атак, как устойчивое функционирование критической информационной инфраструктуры, а законодателем было обоснованно криминализировано деяние в виде воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Однако, на наш взгляд, совершенно неоправданно деяние в виде воздействия не вошло в ст. ст. 272, 273 УК РФ, что требует восполнения, путем включения в состав данных преступлений, так как в конечном счете неправомерный доступ к информации в большинстве случаев происходит компьютерными атаками с помощью созданного вредоносного программного обеспечения. Данное обстоятельство и предполагает существенное усиление репрессии по данной категории дел, особенно при их совершении в сети «Интернет». При таком законодательном решении становится возможным учитывать правоприменительными органами повышенную степень общественной опасности данных преступлений, совершенных с использованием кибернетических технологий с адекватным отражением своих выводов при назначении уголовного наказания по данному преступлению.

Литература

1. Алескеров В. И., Максименко И. А. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика современных видов преступлений: лекция. Домодедово: ВИПК МВД России, 2011. 26 с.

2. Буз С. А. Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации. Краснодар: Краснодарский юридический институт, 2002. 134 с.

3. Букалерова Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2007. 574 с.

4. Козаченко И. Я. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2013. 672 с.

6. Криминология / под ред. Малкова В. Д. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. 528 с.

7. Ляпунов Ю., Максимов В. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. 1997. №1. С. 8–15.

8. Малышенко Д. Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2002. 166 с.

9. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.

10. Парфенов А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 428 с.

11. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М.: Юристь, 1997. 496 с.

12. Сборник законодательства РФ. 2011. №250. Ст. 7362.

13. Сизов А. В. Неправомерный доступ к компьютерной информации: практика правоприменения // Информационное право. 2009. №1. С. 32–35.

14. Степанов-Егиянц В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дисс. … докт юрид. наук. М., 2016. 389 с.

15. Числин В. П. Уголовно-правовые меры защиты информации от неправомерного доступа: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2004. 134 с.

References

1. Aleskerov V. I., Maksimenko I. A. Ugolovno-pravovaya i kriminalisticheskaya kharakteristika sovremennykh vidov prestuplenii: lektsiya *(Criminal law and forensic characteristics of modern types of crimes: lecture).* Domodedovo: IM RF publ., 2011. 26 p. (In Russian)

2. Buz S. A. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s prestupleniyami v sfere komp'yuternoi informatsii *(Legal means of struggle against crimes in the sphere of computer information)*. Krasnodar: Krasnodar law institute publ., 2002. 134 p. (In Russian)

3. Bukalerova L. A. Informatsionnye prestupleniya v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: zakonotvorcheskie i pravoprimenitel'nye problem *(Information crimes in the field of state and municipal administration: legislative and law enforcement problems)*: thesis. Moscow, 2007. 574 p. (In Russian)

4. Kozachenko I. Ya. Uchenie ob ob»ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty *(The doctrine of the crime object. Methodological aspects)*. Moscow: Norma publ,, 2001. 208 p. (In Russian)

5. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (Postateinyi) *(Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)* / ed by A. I. Chuchaev. Moscow: Kontrakt publ., 2013. 672 p. (In Russian)

6. Kriminologiya *(Criminology)* / ed by Malkov V. D. Moscow: Yustitsinform publ., 2006. 528 p. (In Russian)

7. Lyapunov Yu., Maksimov V. Otvetstvennost' za komp'yuternye prestupleniya *(Responsibility for computer crimes)* // Zakonnost'. 1997. No.1. P. 8–15. (In Russian)

8. Malyshenko D. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyi dostup k komp'yuternoi informatsii *(Criminal liability for illegal access to computer information):* thesis. Moscow, 2002. 166 p. (In Russian)

9. Novoselov G. P. Uchenie ob ob»ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty *(The doctrine of the object of crime. Methodological aspects).* Moscow: Norma publ., 2001. 208 p. (In Russian)

10. Parfenov A. F. Obshchee uchenie ob ob»ektivnoi storone prestupleniya *(General doctrine of the objective side of crime):* thesis. St. Petersburg, 2004. 428 p. (In Russian)

11. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' *(Russian criminal law. Special part)* / ed by V. N. Kudryavtsev, A. V. Naumov. Moscow: Yurist' publ., 1997. 496 p. (In Russian)

12. Sbornik zakonodatel'stva RF *(Collection of legislation of the Russian Federation).* 2011. No. 250. Art.7362. (In Russian)

13. Sizov A. V. Nepravomernyi dostup k komp'yuternoi informatsii: praktika pravoprimeneniya *(Unlawful access to computer information: enforcement practice)* // Informatsionnoe pravo. 2009. No.1. P. 32–35. (In Russian)

14. Stepanov-Egiyants V. G. Metodologicheskoe i zakonodatel'noe obespechenie bezopasnosti komp'yuternoi informatsii v Rossiiskoi Federatsii (ugolovno-pravovoi aspekt) *(Methodological and legislative support for the security of computer information in the Russian Federation (criminal law aspect)*: thesis. Moscow, 2016. 389 p. (In Russian)

15. Chislin V. P. Ugolovno-pravovye mery zashchity informatsii ot nepravomernogo dostupa *(Criminal law measures to protect information from unauthorized access)*: thesis. Moscow, 2004. 134 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Пучков Денис Валентинович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург) / d.puchkov@loys.law

Information about the author

Puchkov Denis – PhD in Law, Senior teacher, Criminal law department, Ural State Law University (Yekaterinburg) / d.puchkov@loys.law

УДК 347.65/.68

Р. Ш. Рахматулина, В. С. Савина, Е. А. Свиридова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТИЗАЦИИ – НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ[1]

На современном этапе развития новых технологий в последнее время большое внимание уделяется искусственному интеллекту. Статья посвящена искусственному интеллекту и роботизации. Под искусственным интеллектом понимается технология создания компьютерных программ, при этом такие программы работают как обучающиеся системы, накапливают опыт, собирают информацию, умеют анализировать и делать оценки, применяют накопленные знания в повседневной жизни. Делается вывод о том, что во всем мире нет единого законодательного акта в области искусственного интеллекта и использования роботов. Многие специалисты предлагают введение изменений в существующие законы, регулирующие отдельные области, связанные с искусственным интеллектом. Отмечено, что большое значение для развития цифровых технологий и искусственного интеллекта в области гражданского права, как одной сфер, влияющих на оборот прав, оказание услуг, заключение договоров является совершенствование таких понятий, как информация, большие данные, ответственность, информационная безопасность, защита персональных данных и т.д. В соответствии с новыми возможностями искусственного интеллекта важно определить искусственный интеллект – это субъект или объект правоотношений. При этом это является определяющим моментом в различных системах законодательства. На современном этапе развитие искусственного интеллекта происходит также с использованием роботов, их поведением. В связи с этим следующим важным этапом является определение правовых понятий технологий, используемых в процессе искусственного интеллекта. В статье осуществлен анализ норм Великобритании и Эстонии по регулированию искусственного интеллекта и роботизации. В итоге проведенного исследования авторами сделан вывод о необходимости разработки программ развития робототехники, искусственного интеллекта в важных отраслях экономики и выработки общей концепции становления и развития правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, правовое регулирование роботизации, правовое регулирование искусственного интеллекта.

R. Rakhmatulin, V. Savina, E. Sviridova

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTIZATION – A NEW STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT

At the present stage of development of new technologies, much attention has recently been paid to artificial intelligence. The article is devoted to artificial intelligence and robotization. Artificial intelligence refers to the technology of creating computer programs, while such programs work as learning systems, accumulate experience, collect information, know how to analyze and make assessments, and apply accumulated knowledge in everyday life. It is concluded that all over the world there is no single legislative act in the field of artificial intelligence and the use of robots. Many experts propose changes to existing laws governing specific areas related to artificial intelligence. It was noted that of great importance for the development of digital technologies and artificial intelligence in the financial field, as one of the important areas of the digital economy is the improvement of financial services, information security, protection of personal data, etc. In accordance with the new capabilities of artificial intelligence, it is important to determine artificial intelligence – this is the subject or object of legal relations. Moreover, this is a defining moment in various systems of legislation. At the present stage, the development of artificial intelligence also occurs with the use of robots, their behavior. In this regard, the next important step is to determine the legal concepts of technologies used in the process of artificial intelligence, and is there a need to separate robotics and robot law separately into an independent field of research, as happens in foreign law. The article analyzes the norms of Great Britain and Estonia on the regulation of artificial intelligence and robotization. As a result of the study, the authors concluded that it is necessary to develop programs for the development of robotics, artificial intelligence in important sectors of the economy and to develop a common concept for the formation and development of the legal regulation of artificial intelligence, robots and robotics objects.

Key words: artificial intelligence, robot, legal regulation of robotics, legal regulation of artificial intelligence.

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) как технология оказывает сильное влияние на «цифровую экономику», которая является важной частью всей экономики. Жизнь государства и общества в ближайшем будущем будет во многом зависеть от искусственного интеллекта, роботизации, научно-технических достижений. Сильное влияние новые технологии окажут на развитие транспорта, промышленности, сельского хозяйства, маркетинга, сферы услуг, строительства, связи, природных ресурсов, финансов, торговли.

Искусственный интеллект – это технология создания компьютерных программ, при этом такие программы работают как обучающиеся системы, накапливают опыт, собирают информацию, умеют анализировать и делать оценки, применяют накопленные знания в повседневной жизни. Искусственный интеллект по утверждению многих специалистов, это машины, которые призваны решать задачи, ориентированные на возможности человека. На современном этапе развитие искусственного интеллекта происходит также с использованием роботов. При этом «искусственный интеллект – это не робот. Робот – это своеобразная оболочка ИИ, которая иногда имеет очертания человеческого тела. Однако, искусственный интеллект – это компьютер внутри робота» [2].

Роботов третьего поколения многие специалисты по роботизации именуют роботами с искусственным интеллектом. Роботы третьего поколения способны обучаться при взаимодействии с окружающей средой, они способны имитировать многие действия человека [3].

Главной концепцией правового регулирования роботизации на современном этапе является понимание того, как будет осуществляться управление роботами и какими законодательными нормами необходимо руководствоваться при работе с такими машинами. По мере перехода роботов из научного мира в реальную жизнь необходимо выработать специальные правила и нормы их правового взаимодействия и регулирования.

Несомненно, искусственный интеллект, роботизация – это потенциал для экономического развития государства. Искусственный интеллект будет развивать существующие отрасли производства, и способствовать возникновению новых сфер, услуг и товаров. Также с экономикой связана необходимость развития эффективного обучения и подготовки кадров в новых цифровых реалиях. Для этого должна измениться подготовка кадров, что будет способствовать не только системе получения знаний, но и их дальнейшему совершенствованию и развитию в рамках искусственного интеллекта.

С появлением компьютеров, как указывает известная шахматистка Майя Чебурданидзе, «шахматы сильно изменились. Если раньше можно было выезжать на одном таланте, то сейчас это не получится. Компьютер произвел в шахматах переворот, а искусственный интеллект оказался умнее и гибче человеческого».

Большое значение для развития цифровых технологий и искусственного интеллекта в области гражданского права, как одной из важных сфер правового регулирования цифровой экономики является совершенствование разного рода услуг, договоров, определения правосубъектности искусственного интеллекта, сущности исключительного права на произведение, информации, баз данных и защиты персональных данных и т.д.

В Европе, США, Корее, Китае, Японии начались процессы по регулированию правовых вопросов действия роботов и развитию соответствующего законодательства. На основе зарубежного опыта и развития отечественного законодательства необходимо определить сферы применения робототехники, дать законодательное определение отдельным видам роботов и их ответственности, разработать специальные правила, которые должны учитывать российские и мировые технологии в отдельных отраслях экономики. Регулирование технологических машин – это вызов нашему законодательству.

В рамках Европейского сообщества и таких развитых стран, как США, Япония, Корея рассматривался вопрос принятия правил, которые бы не влияли на процессы исследования и развития роботизации. Важным и необходимым документом многие исследователи считают также кодекс этических норм разработчиков роботов и искусственного интеллекта.

Во всем мире нет единого мнения о создании отдельных законодательных норм в области искусственного интеллекта и использования роботов.

Специалисты во многих отраслях предлагают использовать те нормы правового регулирования, которые имеются, и вводить в основном изменения в существующие законодательные акты в области различных видов ответственности, страхования.

Как пишет М. А. Федотов, «проблема программного кода как средства регулирования киберпространства и деятельности в нем весьма сложна ввиду принципиальной новизны этого социального регулятора и неясности его соотношения с другими регуляторами» [8]. Поэтому необходим баланс, как законодательных норм, так и технологий.

По справедливому утверждению Ю. С. Харитоновой «созданные с помощью алгоритмов объекты, легче учитывать, контролировать, открывать доступ и получать прибыль» [9].

Но при этом «компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ и (или) создателям соответствующего оборудования» [6].

Некоторые специалисты предлагают взять за основу концепции правовой охраны результатов, создаваемых искусственным интеллектом, правовое регулирование баз данных. Базы данных характеризуются в большей степени технологическими новшествами, что, соответственно, по-

рождает ряд вопросов, как в области права, так и в области техники. В этой связи в большей степени получают развитие базы данных менее сложные по своему устройству, но более объёмные по своему содержанию и заложенной в ней информации, обработанные с помощью специальных программ. Такие базы данных обладают «значительной коммерческой ценностью, а их разработка требует значительных усилий и расходов» [1]. Отсюда обоснованно отметить, что базы данных в большей степени – это упорядоченный объём информации, не требующий творческой составляющей, а согласно критерию вложения, в такую базу данных определенных финансовых затрат и определенных усилий её изготовителя, объект смежных прав. Для современных баз данных в большей степени характерна простота использования, эластичность применения и постоянное обновление.

Технологии обработки и анализа больших данных стали использоваться во многих сферах. Так, например, технологии Big Data (далее – Больших данных) используются для анализа различных рисков компаний для работы с персоналом, на рынке умной рекламы, в страховании. Все эти операции совершаются с помощью специальных программ. Значимость и уникальность того, что создано искусственным интеллектом, зависит в большей степени от больших данных, необходимых для обучения. В этой связи Большие данные и их развитие для человечества во многом зависят на сегодняшний день с сопоставлением с научными, историческими, археологическими данными, данными музеев других зарубежных стран. Так как неоценимыми и важными данными являются именно достоверные Большие данные. Отсюда полагаем для комплекса информации, обработанной системой искусственного интеллекта, с точки зрения правового регулирования, необходимо точно определять термин «Большие данные».

В соответствии с новыми возможностями искусственного интеллекта важно определить искусственный интеллект – это субъект или объект правоотношений. При этом это является определяющим моментом в различных системах законодательства.

Следующим важным этапом является определить правовые понятия технологий, используемых в процессе искусственного интеллекта, и есть ли необходимость выделять отдельно в самостоятельную область исследования робототехнику и робоправо, как это происходит в зарубежном праве.

Великобритания

Английская экосистема искусственного интеллекта насчитывает более 200 стартапов и предприятий малого и среднего бизнеса. Все они сосредоточены в семи основных отраслях экономики: здравоохранение, цифровой маркетинг, автомобилестроение, идентификация личности, финансовые услуги, право и образование. Несмотря на то, что большинство из этих предприятий расположены в английской столице, некоторые из них избрали местом своего нахождения такие регионы как Кембридж, Оксфорд и Бристоль. Все больше инновационных предприятий располагают свое производство не в Лондоне, в основном на базе региональных университетов. Согласно Times Higher Education, Великобритания занимает четвертое место в мире по количеству научных производств в области искусственного интеллекта (следом за Китаем, США и Японией). В настоящее время два учреждения играют решающую роль в развитии исследований в области искусственного интеллекта на территории Великобритании: Совет инженерных и физических научных исследований (Engineering and Physical Sciences Research Council) который является одним из семи английских исследовательских советов, и национальный центр науки данных Alan Turing Institute, созданный в 2015 г.

В Великобритании наблюдается соединение университетского и промышленного секторов. Многие успешные стартапы в области искусственного интеллекта начинались как исследовательские проекты в рамках английских университетов.

Так, Центр «Цифровая катапульта» (Digital Catapult) был создан с целью содействия росту цифровизации и производительности труда в Великобритании. Данные Центры призваны оказывать содействие в передаче технологии от университета технологическим предприятиям. Digital Catapult являются независимыми и некоммерческими центрами, основная цель которых состоит в содействии установлению связей между университетами и технологическими предприятиями. Для этого Catapult выполняют две основные миссии. Во-первых, оказывают поддержку мелким и средним предприятиям путем выработки рекомендаций, помощи в налаживании связей с ключевыми участниками экосистемы (представителями академического сообщества, крупными предприятиями), содействия в поисках финансирования. Во-вторых, помогают крупным предприятиям в переходе на «цифровой уровень» путем выплаты субсидий.

Digital Catapult осуществляют отслеживание и поиск инновационных технологий. На сегодняшний день центры сосредоточены на 4 типах технологий: «connected» (интернет вещей, технология связи 5G, беспроволочные связи слабого энергетического потребления); “data-driven” (конфиденциальность данных, технология blockchain, кибербезопасность); «intelligent» (машинное обучение, искусственный интеллект); «immersive» (виртуальная реальность, дополненная реальность, тактильная технология).

В Великобритании пик внимания к искусственному интеллекту приходится на 2016 г., когда органы государственной власти и общественные организации всерьез заинтересовались искусственным интеллектом и робототехникой. Термин «искусственный интеллект» используется в отчете «Рост индустрии искусственного интеллекта в Великобритании» как родовое понятие, объеди-

няющее несколько технологий, включая статистику, информатику и когнитивную психологию (машинное обучение, глубокое обучение).

Одним из основным пунктов Отчета является рекомендация предоставления наилучшего доступа к данным. Развитие искусственного интеллекта требует наличия доступа к важным базам данных. Английское правительство приняло достаточно мер, способствующих обмену данными. В их числе – принятие в апреле 2017 года закона о цифровой экономике (Digital Economy Act); продвижение Open Data Institute; запуск платформы data.gov.uk, идентифицирующей около 30 000 публичных баз данных.

В соответствии с Отчетом внедрение искусственного интеллекта включает четыре уровня: сильное управление, расширение коммуникаций, распространение культуры искусственного интеллекта в государственном секторе и продвижение английской экосистемы на международной арене. Авторы рекомендуют создать Совет по искусственному интеллекту, ответственный за координацию инициатив и развитие этой области. Кроме того, предлагается усилить действия Департамента международной торговли по поддержке экспорта и привлечению иностранных инвестиций в искусственный интеллект.

Данный отчет устанавливает приоритетные направления развития искусственного интеллекта и определяет субъектов, вовлеченных в отрасли экономики, использующие искусственный интеллект, но он не содержит никаких указаний относительно графика и порядка практической реализации каждой из представленных в Отчете рекомендаций. Также, отчет не учитывает политический аспект, хотя 80 % финансирований исследований в области робототехники и автономных систем в 2015 г. осуществлялось из стран Евросоюза, из которого Великобритания планирует выйти.

Эстония

Эстония одна из передовых европейских стран, стремящихся воспользоваться в полной мере всеми возможностями, которые возникли с появлением цифровой экономики. Отличительной особенностью Эстонии является ее стремление вносить изменения в действующие законодательные акты с учетом развития новых технологий, а не создавать новую правовую базу специально для регулирования новых технологических объектов. Государственная стратегия в области искусственного интеллекта не является исключением: правительство стремится придать статус правосубъектности всем алгоритмам, связанным с искусственным интеллектом, не связывая при этом предоставление правосубъектности с конкретными технологическими критериями, которые игнорировали бы полиморфный и непостоянный характер любой технологии. Алгоритмы предлагается рассматривать в качестве «цифровых субъектов».

Одним из аспектов правового регулирования искусственного интеллекта является регламентирование автономных транспортных средств. Автономные транспортные средства рассматриваются как «роботы на колесах», что мотивирует Эстонию адаптировать свое законодательство, так, чтобы оно применялось не только к автономным транспортным средствам, но и ко всем алгоритмам.

Эстония стала одной из первых стран, которые приняли закон, разрешающий движение транспортных средств без шофера в общественных местах. В сентябре 2016 г. Кабинет премьер-министра сформировал группу экспертов в области автономных транспортных средств, в сотрудничестве с Управлением транспорта и Управлением инвестиций Министерства экономики и коммуникаций, перед которыми была поставлена задача выявить нормативные изменения, необходимые для обеспечения движения автономных транспортных средств на эстонских дорогах. В результате 2 марта 2017 г. был принят закон, разрешающий движение автономных транспортных средств уровней 1–3 по шкале Международной организации производителей автомобилей (OICA) под контролем физического лица, способного при необходимости принять на себя управление автомобилем. Уровень 1 позволяет водителю делегировать часть функций машине, при условии, чтобы речь идет только об одном из двух аспектов управления (продольном или поперечном). Применение этого принципа нашло отражение в функции «круиз-контроль», когда водитель может позволить машине управлять скоростью, в то время как он продолжает заботиться о направлении движения. На уровне 2 водитель может контролировать управление на отдельных этапах. Например, технология «park assist» позволяет машине самостоятельно производить маневрирования, выбирая скорость и направление, при этом водитель может перенять контроль управления на себя в любое время. На уровне 3 водитель делегирует часть управленческих функций машине. Например, при движении в пробке водитель может передать управление интеллекту автомобиля, который будет останавливаться перед препятствием и держать руль в правильном положении. При этом автомобиль просигнализирует водителю о необходимости принять контроль управления. На каждом из указанных трех уровнях субъектом, ответственным за причинения вреда в случае аварии, остается водитель.

Поправки в Traffic Act, [17] принятые 14 июня 2017 г., разрешили движение автономных роботов в общественных местах, что позволило, в частности, эстонскому предприятию Starship осуществлять тестирование созданных им роботов – доставщиков в городской среде.

В настоящее время группа экспертов под руководством Pirko Konsa продолжает свое исследование в целях определения границ, в рамках которых правомерно движение транспортных средств с уровнем автономности 4 и 5 [15]. В этой связи экспертами рассматриваются четыре возможных сценария.

Первый предлагает придать агентам – роботам статус юридического субъекта. В этом случае агенты-роботы смогли бы приобретать правосубъектность, альтернативную правосубъектности физических и юридических лиц, которая наделяет их ограниченной правоспособностью.

Второй вариант заключается в приравнивании интеллектуальных роботов к объектам права, что позволит заключать сделки в отношении них их владельцами. Здесь автономная способность робота может быть признана свойством, позволяющим придать искусственному интеллекту правовой статус аналогичный статусу животного.

Третий вариант состоит в принятии закона, т.н. Robotic Act, который одновременно определит правовой статус интеллектуального робота и права и обязанности его производителя и его владельца. В таком акте предлагается прописать отсутствие у владельца робота права позволять роботу действовать или принимать решение автономно, и наличие у владельца полной ответственности за действия робота.

Четвертый вариант предполагает внесение изменений в действующее законодательство, применяемое к обычным механизированным транспортным средствам, для того, чтобы допустить к участию в дорожном движении все автономные транспортные средства независимо от их уровня автономности.

Начиная с сентября 2017 г. национальный советник Эстонии Marten Kaevats поставил задачу разработать эстонскую стратегию искусственного интеллекта и предложил принять специальный закон о роботах (law robot). Для разработки проекта закона была создана специальная рабочая группа, а в основу законопроекта предлагалось заложить первый из четырех сценариев, предложенных группой экспертов. Согласно проекту закона Эстонии о роботах, алгоритмам предоставляется правосубъектность и статус законного представителя. Таким образом, законопроект наделяет алгоритм правом заключения сделок от имени и за счет своего владельца. При этом законопроект не предусматривает предоставление эстонского гражданства алгоритмам. Законопроект не содержит технические детали в связи с развивающимся характером цифровой технологии [10].

Эстонский законопроект предписывает использование алгоритмов в экономических целях. Предлагается регистрировать все алгоритмы в реестре, находящемся в ведении Департамента государственной инфосистемы (RIA). Указанный реестр позволит выявить все действующие алгоритмы, без разграничения производительности или области применения. Регистрация алгоритмов необходима для приобретения ими правосубъектности и прав, которые из нее проистекают.

Однако, в мае 2019 г. было подготовлено исследование по искусственному интеллекту Эстонии, [11] которое можно рассматривать как официальную стратегию развития искусственного интеллекта в стране. Не являясь юридическим документом, отчет содержит принципы, на которые должна опираться правовая основа для искусственного интеллекта. Поскольку правительство Эстонии подписало Принципы искусственного интеллекта Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [16] в отчете рекомендуется применять подход к правовой базе для искусственного интеллекта, используемый в Европейском союзе.

На сегодняшний день в Эстонии существует три типа субъектов, использующих искусственный интеллект: предприятия робототехники (например, выпускающая роботов – курьеров компания Starship, или разработанная Fits Me технология распознавания человеческих черт); предприятия, располагающие объемными клиентскими базами данных (они используют технологии автоматического обучения и анализа данных в целях обнаружения мошеннических действий); стартапы (например, платформа для обучения иностранным языкам Lingvist или технология контроля информационных систем Proekspert). Эти субъекты функционируют независимо друг от друга и развивают свои интеллектуальные технологии самостоятельно. Таким образом, в настоящее время не приходится говорить о наличии экосистемы искусственного интеллекта в Эстонии.

Отчасти к правовому регулированию развития искусственного интеллекта можно отнести Программу субсидий Enterprise Estonia, направленную на поддержку предприятий и повышению их конкурентоспособности на внешних рынках [14]. Для участия в программе необходимо, чтобы предприятия удовлетворяли ряду условий. Во-первых, предприятие должно работать в сфере промышленности или «умных технологий» и иметь в штате не менее восьми работников, осуществлять деятельность не менее трех лет и иметь опыт в экспортной торговле или представить доказательства роста заработной платы не менее чем на 10% в год в течение последних трех лет, предшествующих дате подачи заявки на включение предприятия в Программу. Кроме того, предприятия должны получать стабильную прибыль и иметь очевидные перспективы роста и доказать способность выводить новые продукты или услуги на рынок.

Предприятия, которые отвечают этим условиям, имеют право на получение субсидии в размере не более 500 000 евро, которая необходима для привлечения новых кадров и переквалификации действующих работников, развитие новых технологий производства; развитие деятельности в области продаж и маркетинга; развитие новых продуктов или услуг; приобретение оборудования, предназначенного для производства новых продуктов.

В целях содействия установлению и развитию отношений между исследователями и научно-исследовательскими учреждениями, министерством науки и образования была создана эстонская исследовательская информационная система ETIS, [14] которая содержит доступную на национальном уровне информацию обо всех

научно-исследовательски учреждениях, исследователях, текущих проектах и программах доступных субсидий. Эта система позволяет исследователям обменяться информацией, подать заявку на участие в программах субсидий, представить свои научные труды научно-исследовательским учреждениям.

Россия

В России технологии искусственного интеллекта в большей части развиваются в крупных компаниях, в которых появляются специальные проекты, выполняемые специалистами в области ИТ-технологий. Бизнесмены-заказчики ставят перед ИТ-компаниями новые стратегические направления развития определенных отраслей экономики.

Государственная поддержка искусственного интеллекта осуществляется через государственные стратегические программы, которые делятся на несколько блоков. Например, один из них поддерживает и развивает научные исследования в области алгоритмов и математических методов ИИ.

«Волна настоящей роботизации у нас начнется после 2022 г., потому что до сих пор существует целый ряд технологических проблем, для того чтобы делать настоящих роботов на конвейере, которые замещают человека», [4] отметил Д. Песков.

Также как и за рубежом, правовая система России недостаточно развита в вопросах покрытия ущерба новыми машинами-роботами. Поэтому необходимо развивать вопросы ответственности роботов, определить, кто из разработчиков является ответственным за ущерб, причинённый машинами.

Но некоторые моменты, несмотря на развитие технологий, могут препятствовать внедрению искусственного интеллекта и вложению инвестиций в эту сферу. Первое время, как указывают многие специалисты, будет не хватать квалифицированных кадров, информационной организации, денежных средств.

В России нормы, регулирующие ответственность роботов не приняты. В рамках Евразийского экономического союза принят технический регламент «О безопасности машин и оборудования», [5] в котором также не затронуты вопросы ответственности.

В российской практике встают такие вопросы как договорная и внедоговорная ответственность, ущерб, правовой статус роботов, их создателей, третьих лиц, конфиденциальность, безопасность, защищенность.

Таким образом, определим общую концепцию становления и развития правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники, в области экономических отношений, исходя из Стратегии развития информационного общества:

– создание экосистемы цифровой экономики, в которой будет постоянное взаимодействие организаций, которым принадлежат технологические платформы, прикладные интернет-сервисы, аналитические системы,

– создание технологии анализа больших объемов данных на мировом уровне, которые могут конкурировать с их зарубежными аналогами;

– при создании технологий анализа больших данных должны быть учтены вопросы охраны результатов интеллектуальной деятельности в трансграничном пространстве;

– совершенствовать правовое регулирование обработки информации с применением новых технологий;

– необходимо в отдельных отраслях экономики выработать отдельные концепции с использованием систем искусственного интеллекта [7].

Таким образом, к информации относятся не только данные, находящиеся в сети Интернет, но и остальные данные окружающие нас – это различные изображения, пояснения, бумажные и машиночитаемые тексты, сведения и т.д., которые могут быть обработаны системой искусственного интеллекта, и, чтобы обеспечить их хранение необходимо преобразовать их в цифровую форму. Цифровизация информации предполагает не только её обработку, хранение, но и передачу. При этом любая информация, как результат интеллектуальной деятельности, так и иной результат, представляющий экономическую ценность, не является оборотоспособной, в обороте могут участвовать имущественные права. При этом в договорах, на оказываемые услуги при применении систем искусственного интеллекта необходимо это учитывать.

Литература

1. Калятин В. О. Изменения системы объектов интеллектуальных прав в связи с принятием четвертой части Гражданского кодекса // СПС: «КонсультантПлюс».

2. Конструктор лендингов LPgenerator URL: https: // lpgenerator.ru/ (Дата обращения: 08.10.2019).

3. Мыльник В. В., Мыльник А. В. Роботизация промышленного производства на базе искусственного интеллекта // Организатор производства. 2014. №3. С. 5–11.

4. Песков Д. Россия начнет масштабную роботизацию после 2022 года URL: https://www.vestifinance.ru/articles/109231 (дата обращения: 03.10.2019).

5. Решение Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 N 823 (ред. от 16.05.2016) // СПС: «КонсультантПлюс».

6. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. №4. С. 320–328.

7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 №203 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федотов М. А. Проблемы доктрины информационного права // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. №1. Т.10. С. 42.

9. Харитонова Ю. С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет: Ежегодник. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 52–65.
10. Bartosz Troczynski. Estonia Plans the Boldest AI Regulations, NEWTECH.LAW (Oct. 23, 2017) URL: https://newtech.law/en/estonia-plans-the-boldest-ai-regulations/ (Accessed: 04.08.2019).
11. Dame Wendy Hall, Jérôme Pesenti. Growing the artificial intelligence industry in the UK URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/652097/Growing_the_artificial_intelligence_industry_in_the_UK.pdf (Accessed: 01.08.2019).
12. Eesti tehisintellekti kasutuselevõtu eksperdirühma aruannею. Mai 2019 URL: https://www.riigikantselei.ee/sites/default/files/riigikantselei/strateegiaburoo/eesti_tehisintellekti_kasutuselevotu_eksperdiruhma_aruanne.pdf (Accessed: 03.08.2019).
13. Enterprise Estonia. URL: https://www.eas.ee/eas/?lang=en (Accessed: 03.08.2019).
14. Estonian Research Information System. URL: https://www.etis.ee/Portal/News/Index/?IsLandingPage=true&lang=ENG (Accessed:: 03.08.2019).
15. Minister: testen met autonomie level 5 gemakkelijker maken URL: https://www.mkm.ee/en/news/estonia-allowing-number-self-driving-cars-streets-starting-today (Accessed: 03.08.2019).
16. OECD, Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 URL: file:///C:/Users/surface/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/OECD-LEGAL-0449-en%20(1).pdf (Accessed: 03.08.2019).
17. Traffic Act from 01.11.2017. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/compare_original/513092017001 (Accessed: 02.08.2019).

References

1. Kalyatin V. O. Izmeneniya sistemy ob»ektov intellektual'nykh prav v svyazi s prinyatiem chetvertoi chasti Grazhdanskogo kodeksa *(Changes in the system of intellectual property rights in connection with the adoption of the fourth part of the Civil Code)* // SPS: «Konsul'tantPlyus». (In Russian)
2. Konstruktor lendingov LPgenerator *(Landing Designer LPgenerator)* URL: https: // lpgenerator.ru/ (Accessed: 08.10.2019). (In Russian)
3. Myl'nik V. V., Myl'nik A. V. Robotizatsiya promyshlennogo proizvodstva na baze iskusstvennogo intellekta *(Robotization of industrial production based on artificial intelligence)* // Organizator proizvodstva. 2014. No. 3. P. 5–11. (In Russian)
4. Peskov D. Rossiya nachnet masshtabnuyu robotizatsiyu posle 2022 goda *(Russia will begin large-scale robotization after 2022)* URL: https://www.vestifinance.ru/articles/109231 (Accessed: 03.10.2019). (In Russian)
5. Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 18.10.2011 N 823 (red. ot 16.05.2016) *(The decision of the Commission of the Customs Union of 10/18/2011 N 823 (as amended on 05/16/2016)* // SPS: «Konsul'tantPlyus». (In Russian)
6. Sinel'nikova V. N., Revinskii O. V. Prava na rezul'taty iskusstvennogo intellekta *(Rights to the results of artificial intelligence)* // Kopirait. 2017. No. 4. P. 320–328. (In Russian)
7. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 09.05.2017 №203 *(The development strategy of the information society in the Russian Federation for 2017-2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No 20)* // SPS «Konsul'tantPlyus». (In Russian)
8. Fedotov M. A. Problemy doktriny informatsionnogo prava *(Problems of the doctrine of information law)* // Trudy po intellektual'noi sobstvennosti. 2012. No. 1. T.10. P. 42. (In Russian)
9. Kharitonova Yu. S. K voprosu ob okhranosposobnosti rezul'tata deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta *(On the issue of protection of the result of the activity of artificial intelligence)* // Pravo budushchego: intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, internet: Ezhegodnik. Issue. 1. Moscow.: INION RAN publ., 2018. P. 52–65. (In Russian)
10. Bartosz Troczynski. Estonia Plans the Boldest AI Regulations, NEWTECH.LAW (Oct. 23, 2017) URL: https://newtech.law/en/estonia-plans-the-boldest-ai-regulations/ (Accessed: 04.08.2019).
11. Dame Wendy Hall, Jérôme Pesenti. Growing the artificial intelligence industry in the UK URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/652097/Growing_the_artificial_intelligence_industry_in_the_UK.pdf (Accessed: 01.08.2019).
12. Eesti tehisintellekti kasutuselevõtu eksperdirühma aruannею. Mai 2019 URL: https://www.riigikantselei.ee/sites/default/files/riigikantselei/strateegiaburoo/eesti_tehisintellekti_kasutuselevotu_eksperdiruhma_aruanne.pdf (Accessed: 03.08.2019).
13. Enterprise Estonia. Официальный сайт URL: https://www.eas.ee/eas/?lang=en (Accessed: 03.08.2019).
14. Estonian Research Information System. Официальный сайт URL: https://www.etis.ee/Portal/News/Index/?IsLandingPage=true&lang=ENG (Accessed:: 03.08.2019).
15. Minister: testen met autonomie level 5 gemakkelijker maken URL: https://www.mkm.ee/en/news/estonia-allowing-number-self-driving-cars-streets-starting-today (Accessed: 03.08.2019).
16. OECD, Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449 URL: file:///C:/Users/surface/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/OECD-LEGAL-0449-en%20(1).pdf (Accessed: 03.08.2019).
17. Traffic Act from 01.11.2017. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/compare_original/513092017001 (Accessed: 02.08.2019).

Сведения об авторах

Рахматулина Римма Шамильевна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при правительстве Российской Федерации (Финуниверситет) (Москва) / rimin@mail.ru

Савина Виктория Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / savin-viktoriya@yandex.ru

Свиридова Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при правительстве Российской Федерации (Финуниверситет) (Москва) / Esviridova@fa.ru

Information about the authors

Rakhmatulina Rimma – PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University) (Moscow) / rimin@mail.ru

Savina Viktoriia – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Procedure Department, Institute of Law. North-Caucasus Federal Iniversity (Stavropol) / savin-viktoriya@yandex.ru

Sviridova Catherine – PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University) (Moscow) / Esviridova@fa.ru

УДК 349.42

В. В. Стрепетов

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЬ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

В статье приводится анализ понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель», закрепленного в ряде нормативно-правовых актах Российской Федерации, таких как: Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», Налоговый кодекс Российской Федерации. Автором выделены как общие законодательные критерии, определяющие субъект аграрных правоотношений в качестве сельскохозяйственного товаропроизводителя, так и отмечены различия в подходах, сделан вывод о существовании в настоящий момент терминологической неидентичности законодательных актов, регулирующих данную сферу, влекущей отрицательные последствия для правоприменения, а также приведены позиции судебных органов относительно рассматриваемого понятия.

Автором сделан вывод о том, что в вышеназванных нормативно-правовых актах законотворцем не предпринята попытка закрепления «универсального» определения, так как применяется конструкция «…для целей настоящего Закона», что делает их значимыми лишь исключительно с практической точки зрения в рамках конкретных правоотношений.

В качестве заключения, исходя из выделенных критериев, определяющих правовой статус субъекта аграрных правоотношений, автором предложено под сельскохозяйственным товаропроизводителем понимать физическое лицо или организацию, производящие, перерабатывающие (с целью дальнейшей реализации или без таковой), сбывающие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие вылов водных биологических ресурсов и (или) оказывающие сопутствующие услуги (выполняющие работы) на постоянной основе лицам, участвующим в сельскохозяйственном производстве.

Ключевые слова: сельскохозяйственный товаропроизводитель, субъекты аграрного права, сельскохозяйственная организация.

V. Strepetov

AGRICULTURAL PRODUCER: ANALYSIS OF THE CONCEPT

The article provides an analysis of the concept of «agricultural producer», enshrined in a number of regulatory acts of the Russian Federation, such as: the Federal Law «On the Development of Agriculture», the Federal Law «On Agricultural Cooperation», the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)», Federal Law «On the financial recovery of agricultural producers», Tax Code of the Russian Federation. The author singles out both general legislative criteria defining the subject of agrarian legal relations as an agricultural producer of goods, and points out differences in approaches, concludes that there is currently a terminological non-identity of legislative acts regulating this sphere, entailing negative consequences for law enforcement, and also gives the position of judicial organs regarding the concept under consideration.

The author concluded that in the above-mentioned normative legal acts the lawmaker did not attempt to consolidate the «universal» definition, since the construction «... for the purposes of this Law» is applied, which makes them significant only from a practical point of view within the framework of specific legal relations.

As a conclusion, based on the selected criteria that determine the legal status of the subject of agrarian legal relations, the author suggests an agricultural producer to mean an individual or organization producing, processing (with or without further purpose) marketing agricultural products, catching aquatic biological resources and (or) providing related services (performing work) on an ongoing basis to persons participating in agricultural production.

Key words: agricultural producer, subjects of agricultural law, agricultural organization.

Понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» является одним из основных не только в аграрном праве, но также и в целом в различных сферах жизни. Учитывая активную и главенствующую роль сельскохозяйственных товаропроизводителей в обеспечении продовольственной безопасности страны, несомненным является необходимость повышенного внимания к правильному и полному правовому регулированию отношений, участниками которых они являются. Право беспрепятственного участия в аграрных отношениях для сельскохозяйственных товаропроизводителей декларируется в качестве ключевого направления деятельности управленческого и законотворческого аппарата современной России. Отсутствие долгое время внимания к названному вопросу, сделало возможным возникновение ряда неблагоприятных тенденций в сфе-

ре производства и реализации продовольствия, усугубило процессы отставания отечественного аграрного товаропроизводителя в конкурентной гонке от иностранного продовольственного производителя, не смотря даже на действующие в настоящее время эмбарго и иные заслоны.

Значительные преобразования как правовых основ, так и экономической действительности, случившиеся в конце прошлого столетия, оказали существенное влияние, в том числе, на отношения, определяющие правовой статус участников правоотношений, возникающих по поводу товарооборота аграрной продукции. Перечень субъектов, вступающих в такие правоотношениях в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей, претерпел значительные изменения, расширилась и номенклатура организационно-правовых форм организаций, в рамках которых такие лица занимаются сельскохозяйственным производством. При этом, в разных законах используются различные критерии их определения, что вызывает сложности в правоприменительной практике [3, с.39]. Безусловно, данный вопрос представляет интерес и в своем теоретическом качестве, поскольку понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» является одним из дискуссионных вопросов в науке аграрного права.

В качестве законов, раскрывающих понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель», выступают: Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О развитии сельского хозяйства», Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон от 09.07.2002 № 83-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», Налоговый кодекс Российской Федерации.

Так, исходя из положений Федерального закона «О развитии сельского хозяйства», под сельскохозяйственным товаропроизводителем понимаем организации и физические лица, зарегистрированные в установленном порядке как индивидуальные предприниматели, в качестве деятельности которых рассматривается производство, а также первичная и последующая (промышленная) переработка сельскохозяйственной продукции (с использованием как собственных, так и находящихся в пользовании основных средств) в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации, а также реализация товаров (работ, услуг), при этом доход от реализации такой продукции в общем объеме дохода должен составлять не менее семидесяти процентов за календарный год. Также, названным Законом в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей рассматриваются граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, осуществляющие свою деятельность на основании Федерального закона от 07 июля 2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»; отдельные виды сельскохозяйственных кооперативов (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), организованные в соответствии с Федеральным законом от 08 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», а также крестьянские (фермерские) хозяйства, действующие в силу положений Федерального закона от 11 июня 2003 года № 73-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [15].

В вышеприведенном определении Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» присутствует оговорка, в силу которой, полагаем, существует дополнительный необходимый критерий рассмотрения субъектов производства в качестве сельскохозяйственного товаропроизводителя. Так, производство, переработку аграрной продукции, исходя из этого признака, субъекты осуществляют в соответствии с перечнем сельскохозяйственной продукции, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.01.2017 № 79-р, установление которого, по нашему мнению влечет некоторое сужение круга сельскохозяйственных товаропроизводителей, так как подразумевает под ними лишь лиц, деятельность которых связана с конкретными видами сельскохозяйственной продукции. И хотя указанный перечень является довольно обширным и включает наиболее «традиционные» для условий нашей страны виды выращиваемой сельскохозяйственной продукции, не исключено, при этом, существование и иных, не попавших в него.

Другую дефиницию закрепил Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», в соответствии с которым в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей рассматриваются физические лица и организации, производящие сельскохозяйственную продукцию, стоимостная величина которой составляет более пятидесяти процентов от общего объема производимой продукции, включая рыболовецкие артели (колхозы), более семидесяти процентов от общего объема производимой продукции в стоимостном выражении в которой составляет производство сельскохозяйственной продукции и улов водных биологических ресурсов. Кроме того, нормативно-правовым актом сделана оговорка о том, что для членов сельскохозяйственной либо рыболовецкой артели (колхоза) обязательным выступает личное трудовое участие в деятельности таких организаций, однако, из члены рассматриваются в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей вне зависимости от их функции [11]. Очевиден различный подход в сравнении с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства», упоминающем как производство сельскохозяйственной продукции, так и её реализацию, а также не называющем рыболовецкие артели (колхозы). Примечательно также, что законодатель, по сути, нивелировал функциональную направленность деятельности чле-

нов артелей (колхозов), указав лишь в качестве условия личное трудовое участие в деятельности таких организаций. Некоторые авторы, в частности, Г. Ф. Ручкина и Н. А. Матвеева предлагают вообще исключить конструкцию «независимо от выполняемых функций» [10, с. 41]. Считаем такую позицию вполне обоснованной, поскольку сама сущность кооперации заключается в объединении самих членов для достижения ряда значимых целей, а также для ведения совместной хозяйственной деятельности, в связи с чем, такая деятельность должна подразумевать выполнение задач, значимых для сельскохозяйственного производства.

Отметим, что в названном ранее Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» не используется, вместо него употреблено частное понятие «сельскохозяйственная организация», под которой понимаются юридические лица, в качестве основной деятельности которых рассматриваются производство или же производство и переработка сельскохозяйственной продукции, в том случае если выручка от её реализации составляет не менее пятидесяти процентов от общей суммы выручки. Нормативно-правовым актом действие его положений также распространено и на рыболовецкие артели (колхозы), в объеме общей суммы выручки которых не менее семидесяти процентов составляет выручка от реализации произведенной или произведенной, а также переработанной сельскохозяйственной продукции [14]. Представляется, что закрепление в названном Законе данного понятия, исключая физических лиц и индивидуальных предпринимателей, связано, прежде всего, с описанием для них отдельных процедур, связанных с несостоятельностью (банкротством). Таким образом, полагаем, что процедуры банкротства в отношении таких лиц проводятся без учета специфики их деятельности. Очевидно при этом схожее законодательное решение с подходом, примененным в Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации». Однако, существует и ряд отличий: во-первых, Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» называет более широкий круг лиц, относящихся к сельхозтоваропроизводителям – юридические и физические лица, тогда как Федеральной закон «О несостоятельности (банкротстве)» ограничивается лишь юридическими лицами, во-вторых, используются разные экономические критерии деятельности – в первом случае пятьдесят (семьдесят) процентов общего объема производимой продукции, во втором – пятьдесят (семьдесят) процентов общей суммы выручки.

Кроме того, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», в отличие от Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» и Налогового кодекса Российской Федерации также не упоминает период, в течение которого организация должна получать выручку от реализации сельскохозяйственной продукции. Анализ судебной практики показал, что существование двух признаков, а именно: осуществление определенного вида деятельности и получение выручки от реализации продукции должно иметь место у организации на момент возбуждения дела о банкротстве. Также, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не упоминаются лица, создающие способствующие процессу сельскохозяйственного производства.

В актуальной редакции Федерального закона «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», в отличие от ранних, понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» сконструировано как норма-отсылка к Федеральному закону «О развитии сельского хозяйства» [12]. В первоначальной редакции указанный нормативно-правовой акт в качестве сельскохозяйственного товаропроизводителя рассматривал юридическое лицо, крестьянское (фермерское) хозяйство либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, у которых доля выручки за предшествующий год от реализации произведенной и переработанной ими сельскохозяйственной продукции в общем объеме выручки составляет не менее пятидесяти процентов.

В наибольшей степени подробное понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» закреплено для целей налогообложения [1, с. 217]. В рамках налогового законодательства предпринята попытка синтезировать понятия из других нормативно-правовых актов, объединив их в одно: за основу взяты качественный (занятие определенной деятельностью) и количественный (получение доли дохода не менее, чем закрепленный размер дохода от такой деятельности), а также придание ряду организаций соответствующего статуса в силу закона. Так, по смыслу Налогового кодекса Российской Федерации в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей рассматриваются юридические лица или физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, осуществляющие производство, первичную и последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции, как с использование собственных, так и лишь находящихся в пользовании основных средств, а также занимающихся реализацией такой продукцией, при условии, что доля дохода от реализации произведенной либо переработанной ими сельскохозяйственной продукции, а также от оказания соответствующих услуг составляет в объеме общего дохода не менее семьдесят процентов; юридические лица, а также физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, которые оказывают сельскохозяйственным товаропроизводителям услуги, относящиеся к категории вспомогательной деятельности в области производства и послеуборочной обработки сельскохозяйственной продукции, в силу соответствующего классификатора видов экономической деятельности; сельскохозяйственные потребкооперати-

вы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), снабженческие, садоводческие, огороднические, животноводческие), признаваемые таковыми, исходя из положений Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации», а также сельскохозяйственные производственные кооперативы, в том числе, рыболовецкие артели (колхозы); градо- и поселкообразующие российские рыбохозяйственные организации, в которых численность работников, включая совместно проживающих с ними членов семей, составляет не менее половины численности населения населенного пункта; рыбохозяйственные организации и индивидуальные предприниматели [4]. Логика налогового законодательства в данном вопросе понятна, так как в этом случае законодатель руководствуется необходимостью выделения наиболее обширного ряда субъектов, осуществляющих деятельность, обладающую специальными признаками, в том числе, для отнесения таковой к специальным налоговым режимам. Следуя общей тенденции, авторы Налогового кодекса Российской Федерации, характеризуемое понятие ввели лишь для целей самого закона.

Названные законодателем критерии отнесения к категории «сельскохозяйственный товаропроизводитель» можно обобщить следующим образом: 1) к таковым относятся физическое лицо либо организация 2) основную их деятельность составляют производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, вылов водных биологических ресурсов, оказание соответствующих, сопутствующих услуг (выполнение работ) 3) доля в объеме производимой (реализуемой продукции либо оказанных (выполненных) услуг (работ) или улов водных биологических ресурсов составляет не менее чем пятьдесят процентов от общего объема или не менее чем семьдесят процентов от общего объема для рыболовной артели либо отнесение деятельности организации к сельскохозяйственной в силу закона. При этом два последних критерия применяются как альтернативные, то есть организация либо занимается конкретным видом деятельности, получая от него определенную долю дохода в общем объеме, либо является сельскохозяйственным товаропроизводителем в силу закона.

Относительно последнего критерия также обратим внимание, что законодатель в некоторых случаях в определениях использует понятия «выручка» и «доля дохода от реализации такой продукции», а не доля производства в общем объеме производимой продукции, но содержательно во всех случаях выделяется два вида признаков: качественный (производство сельскохозяйственной продукции, вылов водных биологических ресурсов или оказание (выполнение) услуг (работ) и количественный, выраженный в определенной доле дохода (выручки) от такой деятельности.

Другой способ обобщения критериев всех законодательных актов, регулирующих данный вопрос, предложен Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 16.10.2007 №726-О-О, из которого следует, что законодательные акты связывают отнесение товаропроизводителей к сельскохозяйственным с производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции [7]. В данном случае Конституционным Судом Российской Федерации сделан акцент лишь на качественный признак деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и не назван количественный.

Говоря об иных судебных постановлениях, отметим, что анализ судебной практики Верхового Суда Российской Федерации показал наиболее частое применение определения, данного в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства». В иных же случаях применялись определения, данные в нормативных актах, регулирующих лишь отдельный круг правоотношений. Так, например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2018 № 306-КГ18-20016 по делу № А06-4012/2017 судебным органом указано на узкое применение определения сельскохозяйственного товаропроизводителя, данное в статье 346.2 Налогового кодекса Российской Федерации, поскольку оно служит лишь целям главы 26.1 Кодекса [6].

Учитывая ранее названные критерии, можно сделать вывод о том, что законодательно сельскохозяйственными товаропроизводителями являются лишь организации или физические лица, занимающиеся коммерческой деятельностью либо организации, создающие благоприятные условия или способствующие такой деятельности, имеющие достаточную долю дохода, выручки или объема производимой сельскохозяйственной продукции (за исключением потребительных кооперативов, деятельность которых в силу закона является некоммерческой). Отметим, что в названных нормативно-правовых актах законотворцем не предпринята попытка закрепления «универсального» определения, так как применяется конструкция «…для целей настоящего Закона», что делает их значимыми лишь исключительно с практической точки зрения в рамках конкретных правоотношений. Избранный метод «разрозненного» закрепления понятия вполне типичен для современного законотворческого процесса.

Вероятно, поэтому ненамеренно исключены законодателем из понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» ряд субъектов, относящихся к категории некоммерческих организаций, цель участия в сельскохозяйственном производстве которых заключается в удовлетворении собственных нужд в такой продукции: религиозные организации; казачьи общества; общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, учреждения, с чем автор статьи не соглашается.

Полагаем, что вышеназванное связано, в том числе, с приданным законодательством значением понятия «товар», составляющего часть понятия «товаропроизводитель». Так, во многих нормативно-правовых актах в качестве свойств товара указываются: имущество, реализуемое

либо предназначенное для реализации (продажи, обмена или иного введения в оборот) [5]. То есть возможность его введения в оборот является одним из основополагающих признаков, но не исходя из его оборотоспособности, а в связи с изначальным назначением производства.

Данное утверждение становится очевидным при анализе понятия «товаропроизводитель» в Федеральном законе от 30.12.2006 № 271-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», которыми являются зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации организации или индивидуальные предприниматели, а также граждане (в том числе гражданин – глава крестьянского (фермерского) хозяйства, член такого хозяйства, гражданин, в качестве основной деятельности которого рассматривается ведение личного подсобного хозяйства или занятие садоводством, огородничеством, животноводством), производящие и осуществляющие продажу товаров собственного производства [16]. Важным в данном случае является совместное указание на цели деятельности – производство товаров и их продажа.

Хотя действующее законодательство позволяет некоммерческим организациям осуществлять приносящую доход деятельность, в том числе производить и продавать товары, по нашему мнению, в случаях с результатами деятельности некоммерческих организаций более подходящим будет применение понятия «продукция», то есть то, для чего введение в гражданский оборот является второстепенным.

Так, Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева продукцией называют продукт производства в вещественной или информационной форме, чаще всего в предметном виде, количественно измеряемый в натуральном и денежном выражении; результат процесса производства[8] без указания на конкретные цели его производства. В качестве частного примера продукции можно привести понятие «мясная продукция» – пищевая продукция, которая изготовлена методом переработки (обработки) продуктов убоя, без применения либо с применением ингредиентов животного и (или) растительного, и (или) минерального, и (или) микробиологического, и (или) синтетического происхождения [9].

Полагаем, что деятельность таких организаций, в случае реализации ими своих прав, в том числе, на использование земель сельскохозяйственного назначения необходимо рассматривать в качестве сельскохозяйственного производства. Такой подход является вполне обоснованным по причине применения в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» наравне с понятием «товар» (например – продовольственные товары) понятия «продукция», а также собственно совпадения такой деятельности с конструкцией, описывающей сельскохозяйственное производство (статья 4 названного закона). Указанная категория используется, в том числе и в регулировании чисто коммерческих отношений, например, в ГК РФ при описании договора контрактации: «По договору контрактации производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенную (произведенную) им сельскохозяйственную продукцию…» [2].

Иным образом, по нашему мнению, вопрос разрешается в случае, если организация не производит продукцию, а лишь оказывает услуги либо выполняют работы. В данном случае необходимо говорить об основополагающей цели такой деятельности – способствование процессу сельскохозяйственного производства либо же создание благоприятных условий для него. Вполне обоснованным для исключения иных субъектов полагаем также указать еще один её признак, а именно, оказание услуг либо выполнение работ на постоянной основе, то есть такая деятельность должна являться для организации основной.

Очевидно, что терминологическая неидентичность создает, во-первых, ситуацию, при которой субъект по смыслу одного закона может являться сельскохозяйственным товаропроизводителем, а по смыслу другого – нет, во-вторых, может порождать и другие законодательные коллизии. Так, примером такой коллизии является конструкция пункта 2 статьи 42 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 27.12.2018), в соответствии с которой на сельскохозяйственные организации при осуществлении своей деятельности возложена обязанность по соблюдению требований в области охраны окружающей среды [13]. Категорию «сельскохозяйственные товаропроизводителей», являющуюся по отношению к «сельскохозяйственные организации» более широкой, вышеназванный закон не упоминает, тем самым, «выводя» из его действия ряд субъектов, не являющихся организациями.

Полагаем, что в целях унификации подходов к обозначению конкретного круга субъектов аграрных правоотношений в теоретических разработках может использоваться общее понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель».

На основании изложенного, под сельскохозяйственным товаропроизводителем предлагается понимать физическое лицо или организацию, производящие, перерабатывающие (с целью дальнейшей реализации или без таковой), сбывающие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие вылов водных биологических ресурсов и (или) оказывающие сопутствующие услуги (выполняющие работы) на постоянной основе лицам, участвующим в сельскохозяйственном производстве. Делая акцент на качественную характеристику сельскохозяйственного товаропроизводства, отметим, что количественная в определенных случаях дает представление третьим лицам о приоритетных направлениях, избираемых субъектом аграрных правоотношениях, а кроме того, лишь отражает суммовой (денежный) показатель такой деятельности в общем объеме производимой, перерабатываемой, сбы-

ваемой продукции либо оказанных (выполненных) услуг (работ) и никак не влияет на само содержание этой деятельности. Кроме того, такой подход позволяет охватить наиболее обширную группу лиц, являющихся сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Литература

1. Горбачев И. А. Понятие «Сельскохозяйственный товаропроизводитель» в законодательстве и судебной практике // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №3. С. 215–223.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 410.

3. Малая Т. Н., Нестерова Т. И. Производитель сельскохозяйственной продукции как сторона договора контрактации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. №7. С. 38–45.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. 2000. №151–152.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ // Российская газета. 1998. №148–149.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2018 №306-КГ18-20016 по делу №А06-4012/2017 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». (Дата обращения: 01.09.2019).

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2007 №726-О-О // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». (Дата обращения: 01.09.2019).

8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. «Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. ИНФРА-М, 2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». (Дата обращения: 01.09.2019).

9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 09.10.2013 № 68. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635171239165998496635171239165842489.docx (Дата обращения: 01.09.2019).

10. Ручкина Г. Ф., Матвеева Н. А. О некоторых проблемах правового регулирования предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве Российской Федерации (опыт сопредельных государств) // Международное публичное и частное право. 2013. №5. С. 38–43.

11. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Российская газета. 1995. №242.

12. Федеральный закон от 09.07.2002 № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» // Российская газета. 2002. №127.

13. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. №6.

14. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. №209–210.

15. Федеральный закон от 29.12.2006 №264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Российская газета. 2007. №2.

16. Федеральный закон от 30.12.2006 № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2007. №1.

References

1. Gorbachev I.A. Ponyatie «Sel'skokhozyaistvennyi tovaroproizvoditel'» v zakonodatel'stve i sudebnoi praktike *(The concept of «agricultural producer» in the legislation and judicial practice)* // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 3. P. 215–223. (In Russian)

2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) No. 14-FZ *(Civil Code of the Russian Federation (part two) (26.01.1996)* //«Sobranie zakonodatel'stva RF». 1996. Art. 410. (In Russian)

3. Malaya T. N., Nesterova T. I. Proizvoditel' sel'skokhozyaistvennoi produktsii kak storona dogovora kontraktatsii *(Agricultural producer as a party to a contract agreement)* // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii. 2016. No. 7. P. 38–45. (In Russian)

4. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya). NO. 117-FZ *(The tax code of the Russian Federation (part two) (05.08.2000)* // «Parlamentskaya gazeta». No. 151-152. 2000. (In Russian)

5. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) No. 146-FZ *(The tax code of the Russian Federation (part one))* (31.07.1998) //Rossiiskaya gazeta. No. 148-149. 1998 (In Russian)

6. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.12.2018 №306-KG18-20016 po delu №A06-4012/2017 *(The determination of the Supreme Court of the Russian Federation № 306-KG18-20016 (court case № A06-4012/2017)* (03.12.2018) // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16.10.2007 №726-O-O *(Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 726-O-O (16.10.2007)* // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

8. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. Sovremennyi ekonomicheskii slovar *(Modern economic dictionary).* Moscow: INFRA-M, 2011 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

9. Reshenie Soveta Evrazijskoj jekonomicheskoj komissii ot 09.10.2013 № 68 *(Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 68 (09.10.2013)* URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635171239165998496635171239165842489.docx (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

10. Ruchkina G. F., Matveeva N. A. O nekotorykh problemakh pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti v sel'skom khozyaistve Rossiiskoi Federatsii (opyt sopredel'nykh gosudarstv) *(On some problems of legal regulation of entrepreneurial activity in agriculture of the Russian Federation (experience of neighboring countries))* // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2013. No.5. P. 38–43. (In Russian)

11. The Federal Law No. 193-FZ «O sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii» *(On agricultural cooperation)* (08.12.1995) // Rossiiskaya gazeta. 1995. No. 242. (In Russian)

12.The Federal Law NO. 83-FZ «O finansovom ozdorovlenii sel'skokhozyaistvennykh tovaroproizvoditelei» *(On the financial recovery of agricultural producers)* (09.07.2002) // Rossiiskaya gazeta. No. 127. 2002. (In Russian)

13. The Federal Law NO. 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» *(On environmental protection)* (10.01.2002) // Rossiiskaya gazeta. 2002. No. 6. (In Russian)

14. The Federal Law NO. 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» *(Insolvency (Bankruptcy)* (26.10.2002) // Rossiiskaya gazeta. 2002. No. 209-210. (In Russian)

15. The Federal Law NO. 264-FZ «O razvitii sel'skogo khozyaistva» *(On the development of agriculture)* (29.12.2006) // Rossiiskaya gazeta. 2007. No.2. (In Russian)

16. The Federal Law NO. 271-FZ «O roznichnykh rynkakh i o vnesenii izmenenii v Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii» *(On retail markets and on amendments to the Labor Code of the Russian Federation)* (30.12.2006) // Rossiiskaya gazeta. 2007. No. 1. (In Russian)

Сведения об авторе

Стрепетов Вячеслав Валентинович – аспирант кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Strepetov93@gmail.com

Information about the author

Strepetov Vyacheslav – postgraduate student, Chair of Environmental, Land, Labour Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Strepetov93@gmail.com

УДК 81’16

Е. И. Асташина

О РАЗЛИЧЕНИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ Е. И. ЗАМЯТИНА)

На сегодняшний день достижения метафорологии позволяют назвать аксиомой положение о том, что природа метафоры ментальна и образна. В стремлении зафиксировать идеальное, метафора, как и любой ментальный образ, может быть выражена, в том числе инвентарем естественного языка. Опосредованная демонстрация идеальной природы делает вербализацию метафоры и вербализацию психического образа трудноразличимой, что усугубляется их сущностной близостью и отсутствием специальных фигур выражения психических образов при их принципиальной всевозможности вербализации. Автор данной статьи столкнулся с таксономической проблемой характеризации по типу образности некоторых художественных текстов Е. И. Замятина. Это доказывает актуальность научного разрешения проблемы разведения интенсионала и экстенсионала понятий *метафорический образ* и *психический образ*.

На материале замятинского художественного дискурса в данной работе продемонстрирована практическая сложность интерпретации психических образов в соответствии с их природой. С использованием методов контекстуального анализа текста естественного языка, самонаблюдения как эмпирического анализа языкового материала, теоретического синтеза речевого опыта с последующей схематизацией, для дифференциации метафорических и психических образов выведена параметрическая цепь из составляющих понятия метафорического и психического образов и проверена в анализе замятинских текстов. Полученный теоретический инструмент лингвистического анализа неэлементарного языкового кода, испытанный в частной практике, составляет научную новизну данной работы.

Данные предлагаемой работы могут быть использованы в интерпретации и анализе любого художественного текста, так как намеренно, в качестве изобразительно-выразительного средства, психические образы вербализуются не менее часто, чем метафорические.

Данное исследование дополняет теоретические знания метафорологии, стилистики, лингвистического анализа текста, теория языка, а также прикладные знания этих научных отраслей как научных дисциплин образовательных программ средней и высшей школ.

Ключевые слова: метафорический образ, психический образ, дифференциация понятий, признак, текст, Е. И. Замятин, нарратор.

E. Astashina

ON DIFFERENTIATION BETWEEN METAPHORICAL AND MENTAL IMAGES VERBALIZED IN EMOTIVE PROSE (ON THE TEXTS OF SMALL EMOTIVE PROSE BY E. I. ZAMYATIN)

Nowadays achievements in metaphor studies let us say that the statement that the nature of metaphor is mental and figurative is axiomatic. Trying to fix the ideal, metaphor like any mental image may be denoted by means of the natural language instruments. The mediate demonstration of the ideal nature makes metaphor verbalization and the one of the mental image nondescript that is aggravated by their core similarity and absence of special figures of expressing mental images taking into consideration their crucial omnifariosity to be verbalized. The author of the article has faced the taxonomic problem of characterization of certain emotive prose texts by E. I. Zamyatin according to the type of imagery. This proves the relevance of the scientific solution of the problem to distinguish the intensional and extensional of concepts metaphorical image and psychic image.

The literal material of Zamyatin emotive prose discourse analyzed in this article shows practical difficulty of interpreting mental images in accordance with their nature. There has been constructed a parametric succession of constituents of notions of metaphorical and mental images with the help of the methods of contextual analysis of the natural language text, of self-observation as the empiric analysis of the language material, of theoretical synthesis of speech experience with further schematization. The succession was applied to the analysis of texts by E. I. Zamyatin.

The obtained theoretical tool of linguistic analysis of non-elementary language code, tested in private practice, is the scientific novelty of this work.

The data of the work may be used for the interpretation and analysis of any emotive prose piece of work and analysis of any emotive prose text as mental images are intentionally verbalized as an expressive means as often as metaphorical ones.

This study complements the theoretical knowledge of metaphorology, stylistics, linguistic analysis of the text, language theory, as well as applied knowledge of these scientific branches as scientific disciplines of educational programs of secondary and higher schools.

Key words: metaphorical image, mental image, differentiation of notions, attribute, text, E. I. Zamyatin, narrator.

Метафора как образ и образ, не являющийся метафорой: постановка проблемы дифференциации

Уже не ново, что в рамках антропоцентрической научной парадигмы, формировавшейся с 70-х гг. XX века, лингвистика перестраивает обзор действительности в направлении человек → язык. Так, «когнитивный подход к исследованию языка предполагает не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике, т.е. изучение языка через призму основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации» [5, с. 10].

С новой исследовательской позиции ведущие семасиологи утверждают, что «процесс метафоризации – это всегда некоторая проблемная когнитивно-номинативная ситуация со многими переменными факторами», говорят о создании «интерпретативной концепции метафоры, в центре внимания которой – человеческий фактор» [14, с. 34]. Теория Н. Д. Арутюновой о функциональных типах даже языковой метафоры, а также номинативно-функциональная типология метафор В. Н. Телия, изложенные в [2; 15, с. 190–202], подтверждают «познающую» именно в образах природу метафор: каждая из них начинается с существенной алогичной трансформации известного понятия для получения нового, что в языковом пространстве проявляется в синтаксических изменениях (только далеко не каждая метафора сохраняет в себе иррациональную мотивацию). Тогда «метафора – феномен не лингвистический, а ментальный, языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы» [6, с. 16].

Метафора понимается как «употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже» [8, с. 6]. Более того, метафора – устройство восприятия одного в терминах другого («a device for seeing something in terms of something else» [18, p. 6]) «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [7, с.13]. Метафора предстает как синтетический образ из нескольких других ментальных образов.

Очевидно признание родства метафоры и образа. Их сопоставление неоригинально в тени работы [1], если не различить когнитивно-семиотическое, рассмотренное в указанной работе, и чисто психическое видовые понятия ментального образа, а именно (соответственно): с одной стороны, результат в той или иной степени абстрагирующей, опосредованной, когнитивной деятельности субъекта для упорядоченной ментальной репрезентации объекта этому субъекту, а с другой – нечто чувственно, непосредственно, данное в ощущениях, восприятии, представлениях, или в аналоговых репрезентациях, зачастую не систематизируемых [13, *Образ*; 11, с. 158]. Именно в первом завершается метафоризация. Последнее может быть описано, в том числе языковыми средствами, с той или иной степенью рациональности или поэтичности.

Вербализованные метафоры и психические образы по «правополушарной природе» близки отнесенностью к одному и тому же типу экспрессивности. Поясним сказанное.

В самом общем виде можно выделить два принципа ввода экспрессивности, художественности в текст:

1) логически ложное сочетание языковых знаков в пространстве текстаречь (об этом термине см. [4]) – например, гиперболизация или создание оксюморонов, гаппалаги;

2) введение алогичности как природного отсутствия логического – создание метафор и отражение или имитация психических образов (тактильных, визуальных, аудиальных и т.д.). Мы основываемся на профилированном функционировании полушарий головного мозга. Современные исследования опровергли жесткое разделение функций между полушариями, но не его отсутствие. Так, по результатам эксперимента, проведенного Т. В. Черниговской и ее коллегами, описанного в [16, с. 235–243], «в понимании метафор и идиом главная роль принадлежит правому полушарию, долго считавшемуся неречевым» [16, с. 242].

Образная природа метафор, их видовое родство с психическими образами и отнесенность метафор и вербализованных психических образов к одному типу экспрессивности – это причины совпадения двух разновидностей ментальной образности. Так, наш исследовательский материал, метафоры художественной прозы Е. И. Замятина, потребовал от нас детализировать разницу между метафорой и вербализованными образами. Метафоры Е. И. Замятина формально продолжительны, с метафорологической позиции не совсем объяснимы и привычны. Они эксплицитны в своей метафоризации[1], а значит они – описания производящих и производных образов, связан-

[1] См. работу [3], в которой говорится об этом более подробно.

ных с ней. В силу этого тексты, материализующие замятинские метафоры, на первый и даже на второй взгляд, незначительно отличаются от текстов, описывающих психические образы.

В данной статье мы постараемся отразить нашу попытку разрешить – с использованием методов контекстуального анализа текста естественного языка, самонаблюдения как эмпирического анализа языкового материала, теоретического синтеза речевого опыта с последующей схематизацией – отмеченную неоднозначность и определить область применения положений данной работы.

Подетальное сопоставление понятий *метафорический образ* и *психологический образ*

Сущностная близость метафоры и психического образа может быть продемонстрирована общностью признаков, дублирующихся в таблице 1 (см. ниже). Однако из-за существования хотя бы выделенных признаков несовпадения обсуждаемых понятий стоит их различать в лингвистическом анализе текста.

Таблица 1

Измерительная параметрическая цепь из составляющих понятий «метафорический образ» и «психический образ» для лингвистического анализа художественного текста

	Метафорический образ –	**Психический образ –**
1	это *реакция* на действительность и	
2	*репрезентация* действительности –	
3	*экспрессивная и/или эмоциональная* –	
4	как результат *сложного синтеза*	как результат *приблизительного отождествления*
5	нескольких ментальных образов, а именно:	
6	*субъективно взаимодействующих имеющихся и получаемого,* –	*повторяющихся с погрешностями субъективной природы имеющего(-их)ся и полученного,* –
7	которые были соединены *по компаративным причинам*	
8	*интуитивно*,	
9	*но всегда мотивированно* –	*прежде всего стихийно,*
10	*для понимания и объяснения* одного из них другим (-и),	*как явление* того (тех) из них, что был(-и) ассоциативно вызван(-ы) другим (которое затем может быть описано *как изображение* того (тех) из них, что был(-и) ассоциативно вызван(-ы) другим);
9-10	поэтому метафорический образ *ментален и обязательно когнитивен*	поэтому психический образ *ментален и необязательно когнитивен (лишь в попытке его описать)*
11	и *прогрессивен* в мотивационном отношении «старое-новое» (т.е. новое существует на основе старого, старое→новое).	и *регрессивен* в соотношении «старое-новое» (т.е. новое описывает старое, «старое←новое»).
12	Метафорический образ создается как утверждение *для многократного социального использования*.	Психический образ переживается как представление, неожиданное, сиюминутное и *индивидуальное*, которое может быть намеренно материализовано *в качестве мнения*.
13	Из-за своей синтетической и диалектической природы метафорический образ *может вербализоваться минимальными средствами*.	Из-за своей неточно дублетивной и стихийной природы психические образы *более полно вербализуются в комплексных единицах*, которые могут включать в себя и метафорические.
14	Из «материла» психических образов состоит содержание метафор.	Из вербализованных метафор может состоять форма вербализованных психических образов.

Данная таблица отражает определения понятий *метафорический образ* и *психический образ* в детерминистической, а значит разъяснительной, связи их признаков и может служить измерительной шкалой для таксономической характеризации художественных текстов по типу их образности.

Опыт выделения психический образов из художественного пространства (на материале малой прозы Е. И. Замятина)

Психический образ vs. метафорический и художественный образы

Анализ художественной образности по выделенным признакам предполагает более полное ее квалифицирование. Далее покажем это на материале художественных произведений Е. И. Замятина.

Тип образности контекста *На теплой от солнца скамеечке каменной, возле Ильинской церкви, старый-престарый сидит монашек. Выцвела, позеленела у него ряска, прозеленью пошла борода седая, обомшали руки, лицо. Лежал вот где-то, как клад, под старым дубом, выкопали его – взяли и посадили тут на солнышке греться* [9, «Уездное», с. 106] определяется не сразу однозначно или не определяется вовсе. Это метафора? Одна или несколько? Или это сравнение? Наша измерительная шкала для таксономической характеризации художественных текстов по типу их образности обращает внимание интерпретатора данного контекста на то, что в нем открыто объявлено «старое» (в первых двух предложениях) и «новое» (в третьем предложении) в регрессивном соотношении – признак *11* психического образа выражен даже последовательностью предложений данного текста: однозначно, наиболее выразительным и характеризующим является его третье предложение, при этом «параметры» его образности почти тождественны основным признакам «старого» из двух первых предложений – цветовым и возрастным, что повторяет принципы работы ассоциативного механизма и соответствует *9–10*, а также *4* и *6* признакам психического образа. Примечательно, здесь подчеркнута небрежность возникновения ассоциации монашка с кладом, что усиливается употреблением частицы вот. Обратим внимание также на то, что ассоциирование не предполагает синтеза участвующих в ней образов, оно создает связь, но не взаимопроникновение, поэтому вербализованный психический образ не включает в себя образ «старого» (в данном случае они помещены в разные предложения), а намекает на него, для того чтобы представить по-новому. В целом, сама возможность подобных рассуждений не позволяет раздробить анализируемый контекст на несколько самостоятельных изобразительно-выразительных средств языка (хотя бы на предположенные нами метафоры и сравнение).

Формальное разведение «старого» и «нового» этого контекста помогает не только более точно очертить в нем психический образ, но и сопоставить его с метафорами *прозеленью пошла борода* и *обомшали руки* и отличить от них. Они отвечают параметрам левого столбца нашей таблицы. В непродолжительных по форме языковых единицах (признак *13* метафорического образа) информативно важными являются не «новое», т.е. *прозелень* и *обомшелость*, а *борода* и *руки* (признак *11*) – именно они снабжаются атрибутами. Цель этого – сделать более ясным портрет (признаки *9–10*). При этом согласование атрибутов и актантов нелогично, если не видеть «относительность» их синтетического взаимодействия (признаки *4* и *6* метафорического образа). Отличие этих метафор от самостоятельных заключается лишь в том, что они являются средством выражения психического образа нарратора.

Важно сказать, что этот контекст проявляет различия также между понятием «художественный образ» как любым элементом фиктивного мира произведения и понятием «психический образ» как ментальной единицей, которая в вербализованном виде может быть художественным образом только определенного типа – описанной ментальной репрезентацией нарратора или персонажа. Данный контекст – это портретный художественный образ, т.е. словесное изображение персонажа как одушевленного элемента фиктивного мира рассказа «Уездное», а не выражение его мыслей. Более того, этот портрет выполнен словами нейтральной экспрессивности, метафорами и вербализацией психического образа, который «возник» у нарратора при «встрече» с персонажем и который необходим ему для нашего ознакомления с героем этого произведения, а неисчерпаемость художественного и психического образов друг другом предполагает их сущностную самостоятельность и требует поиска их природных признаков.

Художественный и психический образы могут совпадать. Так, реакция на стук в дверь горожан рассказа «Мамай», переживающих время гражданской войны, описана так: *замерзали объятия, неподвижными пушечными дымками застывали ссоры, на пути ко рту останавливалась ложка с супом* [9, с. 476]. Перед нами предстает психический образ нарратора (признак *12*), возникший от желания описать запуганность людей (признак *4*, *6, 11*) в художественном произведении, в котором все превращается в художественные элементы, или художественные образы.

В данном контексте видны отличия художественного образа от метафорического. Для описания психического образа (создавая художественный) автор использует метафоры *замерзали объятия, застывали ссоры*, сравнение *пушечными дымками*, метонимию *застывала ложка,* что соответствует признакам *13–14* психического образа и что показывает несовпадение метафорического и художественного образов.

Отметим еще одно доказательство в пользу того, что в контексте из рассказа «Мамай» материализован психический образ: мы не можем утверждать, что нарратор употребляет здесь метафоры и метонимии в качестве самодостаточ-

ных единиц, ведь его коммуникативной целью является сообщить не о проблемах в отношениях или, например, со здоровьем, а о сковывающем страхе и в юмористической форме. И мы убеждаемся снова, что психический образ не включает в себя изображаемое, но отражает его: мы декодируем текст не в названных частностях, не имеющих прямого отношения к сообщению, а в неназванной образной общности, найденной нарратором.

Дальнейший анализ состоит в рассмотрении художественных образов, совпадающих с тем, что проявится по параметрам таблицы 1.

Как показывает наше исследование дискурса Е. И. Замятина, авторские метафоры писателя редко отвечают признаку *13* – в большей части они значительно распространенной формы, поэтому проблема разведения метафорических и психических образов в произведениях исследуемого писателя иногда ставится немного острее. Не сразу можно определить природу образности также контекста *В старом доме все оплетается тревожной сумеречной паутиной. Белые двери и белые переплеты окон теряют что-то дневное и шевелятся беспокойно. Ржавая флюгарка скрипит на крыше. Ночь крадется* [9, «Девушка», с. 71]. Его образы, каждый из которых занимает по предложению, разнородны: предложение о флюгарке нейтральной образности, остальные являются метафорическими: наступление сумерек описано через плетение паутины, внутренний интерьер и образ ночи – через персонификацию. Но в то же время их сложно назвать самостоятельными носителями образности – перед нами описание одной и той же реалии действительности. По признакам *13–14*, а значит логически по признакам *9–10, 4* и *6*, сказанное свидетельствует о том, что перед нами вербализованный психический образ. Следовательно, в тексте материализован ассоциативно появившийся «новый» образ как отражение «старого» (в соответствии также с признаками *11* и *1–3*). Тогда закономерно искать «старое» этого текста. Вероятно, это настроение человека, наблюдающего приближение сумерек, субъективно характеризующее общее вечернее состояние природы (соответствие признаку *12*). Предполагаем, «старое» выражено в анализируемом текстовом фрагменте – в его последнем предложении. Возможно, описанные тревожность и страх объясняются скрытным приближением ночи, таящей опасности. В любом случае, «старое» и «новое» этого контекста не синтезированы в целое, но связаны ассоциативно.

Психический образ в недиегическом нарративе

Дифференцировать метафорические и психические образы хотя бы по выделенным параметрам может препятствовать природа художественного дискурса. Его анализ протекает обязательно с выяснением принадлежности исследовательского материала или автору произведения, или нарратору, «представителю» фиктивного мира данного произведения, способному не только излагать «свои» наблюдения, но и передавать речь персонажей, раскрывать их мысли. Из этого следует, что субъективность сказанного в художественном тексте, а значит и ее языковые носители могут множиться на три. Известно также, что часто крайне сложно решить, чью именно интенцию воспринимает интерпретатор текста – интенцию автора, нарратора или персонажа. Сложность данной задачи усугубляется осознанием того, что сам нарратив, его фиктивный мир существуют намеренно, по желанию автора. (Это основательно и наглядно представлено в [17, с. 40, 56]). Разумеется, осуществленность или неисполненность этой задачи не влияет на выявление признаков *1–3, 5, 7* и *8* метафорического или психического образа, однако является принципиальной для их параметризации по признакам *4* и *9–10*, от которых зависит последующий ход аналитической мысли – определение исследовательского материала как суждения или как представления: преломленность сущности фиктивного мира через видение нарратора и, в свою очередь, мира нарратора через философию автора нередко затрудняет правильную интерпретацию психических образов, которые в такой ситуации не могут восприниматься непосредственно и поэтому в вербальной форме отражать свою стихийность, ассоциативность, из-за чего их приходится классифицировать как метафоры, близкие им по природе ментальные единицы (метафорические и психические образы совпадают почти половиной признаков, выделенных нами в таблице 1). В этом отношении особенно внимательно стоит подходить к анализу текста с недиегетическим [17, с. 81], т.е. только повествующим, нарратором, который наблюдает за происходящим в фиктивном мире произведения и пересказывает увиденное читателю в качестве сообщаемого или цитируемого, т.е. в форме, как «косвенной речи», так и «чужой», часто не сигнализируя о том или другом графически. Иными словами, в таких текстах непросто увидеть «старое» и «новое» и оценить тип связи между ними – синтетический или ассоциативный. Например, контекст *Под тухнущим светом лампы – в одно тусклое пятно стирается у ней [у Чеботарихи] все лицо. И виден, и кричит только один жадный рот – красная мокрая дыра. Все лицо – один рот…* [9, «Уездное», с. 89] можно понять как образную метафору об особенностях восприятия выборочно засвеченных объектов в темной среде[1] – например, как при фотосъемке или в искусстве пантомимы, – которые (особенности) представлены во фрейме о стирании чего-либо с поверхности. Однако расширение данного контекста проявляет проблему интерпретации текста с недиегическим нарратором. Нарратор этого произведения не только отражает происходящее в фиктивном мире, но и выражает мысли его жителей: *Молча пьют. Тоненько пищит и коптит лампа. Долго никто не видит. «Коптит.*

[1] Ср. с метафорой об этом Костер тухнет. Ближе придвигаются из темноты сестры-сосны, все темнее, все уже мир – и вот во всем мире только двое [10, «Север», с. 525], которая представлена через персонификацию.

Сказать бы?» – думает Барыба [9, «Уездное», с. 89]. Несмотря на отсутствие цитаты или прямой речи в анализируемом контексте, на основе отмеченного выше прецедента мы полагаем, что в первом вербализован психический образ персонажа Анфима Барыбы, возникший от неприятного самочувствия в единении с Чеботарихой, от которой он хотел *«забиться бы куда-нибудь, залезть в какую-нибудь щель тараканом...»* [9, «Уездное», с. 89]. Данный психический образ объясним состоянием Анфима, который *не мог повернуть тонущие мысли* [9, «Уездное», с. 89] и, в целом, контекстом ситуации, в которой оказался персонаж: это очередной вечер после тучного ужина перед ночью, после которой, возможно, будет *наутро мутное все, сбежал бы на край света* [9, «Уездное», с. 90]. (Этим мы обнаруживаем признак *12* описываемого как психического образа). Подчеркнем, что выбор фразеологизма этой иллюстрации не исключает, а, наоборот, подтверждает, что в анализируемом контексте цитируемое нарратором не всегда оформляется цитатой или прямой речью. Однако, наиболее существенным доказательством данного предположения является расстановка персонажей этой сцены и движения одного из них – Чеботарихи. Она *подливает ему и себе* и, скорее всего, сокращая дистанцию между собой и Анфимом, заигрывает с ним, чего мы не видим, но о чем догадываемся по фразе *И все ближе к Барыбе запах ее потного, липкого тела* [9, «Уездное», с. 89]. Тогда обнаруживается то, что вызвало в восприятии Анфима психический образ, вербализованный в рассматриваемом контексте (и соответствие признакам *9–10* и *11* психического образа). Это искаженный состоянием неприятного томления образ ластящейся и, возможно, целующей нелюбимой женщины. Известно, расположенные близко предметы кажутся больше, чем измененные перспективой, а постепенно приближающиеся предметы словно увеличиваются в размере, как лицо Чеботарихи, к тому же эмоционально воспринятое Анфимом, сконцентрированным на ее губах. В таком ракурсе изображенного в анализируемом контексте становится заметным, что именно *виден ... только один жадный рот*, а непосредственно виден он может быть только Барыбе – нарратор вербализовал бы эту сцену с использованием управления дательным падежом с субъектным значением, например, *ему виден*. Виденное Барыбой искажено его самочувствием до неправдоподобия, лишь приблизительно релевантно действительности, что соответствует признакам *4* и *6* психического образа.

В контекст *Ни для кого, кроме него, неощутимое землетрясение колыхало под его ногами, он покачивался. Покачиваясь, плыл перед ним чудесный мир …. <...> невидимое землетрясение подкосило его, и он плюхнулся … Вселенная, покачиваясь, плыла перед ним. Земля в нем совершила полный оборот в течение секунды, солнце заходило – и вот оно уже зашло … На лице была ночь*. [10, «Десятиминутная драма», с. 141, 142] проблема недиэгетического нарратива разрешается намного быстрее и однозначнее. Можно предположить, что описанное в нем состояние героя для лучшего его понимания сравнивается с природным явлением и в замятинских традициях представляется во фрейме землетрясения. Но слова *ни для кого, кроме него; под его ногами, подкосило его, плыла перед ним, в нем совершила, на лице была* в иллюстративном примере обнаруживают, что описываемое проживается как иллюзия, которая не может быть коллективной[1] (что соответствует признаку *12* психического образа) и которая вызвана из-за алкогольного опьянения воспринимающего действительность (что соответствует признакам *9–10*, а также *4* и *6* психического образа). Более того, заявление самого нарратора: «Кроме автора, никто из присутствующих не подозревал, что сейчас они станут действующими лицами в моем рассказе...» [10, «Десятиминутная драма», с. 140], – дает основание считать, что переживания персонажей также «созданы» им как элементы рассказа, а не собственного внутреннего мира.

Психическая образность текста *Лучи вьются в косых, падающих столбах пылинок … Все зеленоватое там, темные шкафы – и сквозь узкие окна два таких столба мерцают. Будто это подводное царство. И он стоит светлый, как царь сказок. Золотые волосики на бороде завиваются, яркие, раскрытые губы. И все книги чудесные – в его власти, и все люди, какие приходят...* [9, «Девушка», с. 68] расшифровывается более однозначно, чем рассмотренных выше. Вне рассказа этот текст представляется классическим описанием-характеристикой персонажа, выраженным двумя развернутыми сравнениями (ядро которых – *светлый, как царь сказок*). К тому же основные черты данного здесь портрета по-замятински символично повторяются немного позднее: *маленькие волосики на бороде, все золотые, в лучах* [9, «Девушка», с. 69]. Однако, с расширением рамок исследовательского обзора становится очевидным, что Вера, главная героиня рассказа, наблюдая за лучами солнца, поймала себя на мысли: *«Да. Это в библиотеке всегда так бывает...»* и позднее вспомнила возникший в ее сознании светлый волшебный образ человека, в которого влюблена, уже в ассоциативной близости с солнечными лучами. Тогда описанный в анализируемом иллюстративном материале образ является психическим: он неожиданно возник для одного человека (признак *12*) и сформировался в структуре его ассоциативной сети (признаки *10, 11*) на основе его эмоций (признак *9*) как преображенное влюбленностью представление предмета обожания (признаки *4* и *6*).

[1] В юмористической форме это отражено в рассказе «Видение» Е. И. Замятина, в котором главные герои стараются узнать или хотели бы знать, замечены ли еще кем-нибудь виденные ими галлюцинации, что их успокоило бы или, наоборот, убедило в том, что они в состоянии белой горячки [10, с. 205–208].

Выводы рассуждения о правомерности анализа вербализаций *психического образа* в сопоставлении с *вербализацией метафорического*

Интерпретация художественного дискурса заставляет исследователя признать, что «анализ содержания должен осуществляться на уровне не слов, фраз и подобных единиц, а таких отрезков текста, которые соответствуют целостным единицам денотативного плана» [12, с. 221] – особенности дискурса Е. И. Замятина не просто обращают на это внимание, но оказываются недоступными для изучения без принятия этого положения, именно поэтому в данной статье использован языковой материал этого писателя. Целостность образа требует объединять в единое художественное образование всевозможные и даже разноприродные языковые знаки любой сложности. Если учитывать, что вербализуются не только метафорические, но и психические образы и что метафоры могут составлять их художественное целое, разрешение проблемы дифференциации понятий «метафорический образ» и «психический образ» становится чрезвычайно важным: разведение вербализованных метафорических и психических образов уточняет понимание этих ментальных единиц и их языковых ипостасей, а также анализ художественных текстов, который очищается от присутствия «темных мест» в лингвистических исследованиях, становится релевантным природе собственного предмета исследования, в то время как осуществление этой задачи осложняется общностью природы метафорических и психических образов как видов ментальных, отнесенностью к одному типу экспрессивности выражающих их языковых знаков, отсутствием у психического образа устойчивой профилированной языковой фигуры выражения, хотя такие образы вербализуются в качестве экспрессивного средства не менее часто (по сути, любая атрибуция – вербализация психического образа, но в номинативных целях). В такой ситуации, как учит логика, необходимо найти все признаки понятий, т.е. дать им точное определение, что охарактеризует их как виды того или иного рода (т.е. проявит их интегральные признаки) и как самостоятельные единицы единого целого (т.е. проявит их дифференциальные признаки). Точность и обоснованность определения позволит представить понятие во взаимосвязи его составляющих, в том числе детерминистической, а значит разъясняющей. Результаты такой работы, проведенной автором данной статьи относительно понятий *метафорический образ* и *психический образ* и в ней описанной, сложились в измерительную шкалу для таксономической характеризации художественных текстов по типу их образности. Найденные детерминистические связи между признаками обдуманных понятий помогают в исследовании конкретных языковых единиц в силу действия закономерностей логического следования. Содержательность шкалы позволяет ссылаться на нее и сокращать формальные объемы рассуждений. (Использовать шкалу нужно снизу-вверх, от следствия к причине, что оказывается методологически выгодным – более наглядным в движении к ответу, разрешающему сомнения).

Теоретическая схематизация, представленная в данной работе, обнаруживает главный параметр различения подробно вербализованных метафор и вербализованных психических образов – троичность и синтетичность внутренней структуры первых и двоичность вторых. Этот параметр основывается на том, что метафорический образ, в отличие от психического, – это продукт более насыщенной интенции: метафора характеризует, образ же отражает для характеризации.

Теоретические данные данной работы, проверенные на ее практическом материале могут использоваться в научных исследованиях художественных дискурсов, в методологических разработках для ведения таких курсов средней и высшей школы, как «Стилистика», «Лингвистический (Филологический) анализ текста», «Теория языка».

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res Philologica: Филологические исследования памяти академика Георгия Владимировича Степанова / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. – Л.: Наука, 1990. С. 71–88.

2. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1978. Т.37. №4. С. 333–343.

3. Асташина Е. И. О применении лингвокогнитивных знаний в анализе языка писателя (на примере метафор повести Е. И. Замятина «Островитяне»). // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т.11. С. 46–50.

4. Асташина Е. И. «Текст» и «дискурс»: к теории и методологии терминологической дифференциации (с привлечением «Сказок про Фиту» Е. И. Замятина) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №1(78). С. 75–80.

5. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С.10–19.

6. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии. // Политическая лингвистика. 2010. №2. С. 15–25.

7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 214 с.

8. Демьянков В. З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопрсы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С. 5–9.

9. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Уездное / сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2002. 608 [1] с.

10. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Русь / сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. 592 [1] с.

11. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

12. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 317, [3] с.

13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001.

14. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспресивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

15. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

16. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.

17. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

18. Ritchie L. David. Metaphor. Cambridge University Press, 2013. 242 p. (Key Topics in Semantics and Pragmatics).

References

1. Arutyunova N. D. Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul'tury *(Image, metaphor, symbol in the context of life and culture)* // Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova. Moscow – Leningrad: Nauka, 1990. P. 71–88. (In Russian)

2. Arutyunova N. D. Funkcional'nye tipy yazykovoj metafory *(Functional types of language metaphor)* // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. Moscow: Nauka publ., 1978. Vol. 37. No. 4. P. 333–343. (In Russian)

3. Astashina E. I. O primenenii lingvokognitivnyh znanij v analize yazyka pisatelya (na primere metafor povesti E. I. Zamyatina «Ostrovityane») *(On the application of linguocognitive knowledge in the analysis of the writer's language (by the example of the metaphors of the story «Islanders» by E. I. Zamyatin))* // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. Vol.11. P. 46–50. (In Russian)

4. Astashina E. I. «Tekst» i «diskurs»: k teorii i metodologii terminologicheskoj differenciacii (s privlecheniem «Skazok pro Fitu « E. I. Zamyatina) *(«Text» and «discourse»: on the theory and methodology of terminological differentiation (involving «Tales about Fita» by E. I. Zamyatin))* // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No.1 (78). P. 75– 80. (In Russian)

5. Boldyrev N. N. Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretacii *(Cognitive schemes of language interpretation)* // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2016. No.4 P. 10–19. (In Russian)

6. Budaev E. V. Mezhdisciplinarnye istoki politicheskoj metaforologii *(Interdisciplinary origins of political metaphorology)* // Politicheskaya lingvistika. 2010. No. 2. P. 15–25. (In Russian)

7. Budaev E. V., CHudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse *(Metaphor in political interdiscourse)*. Ekaterinburg: Ural State Pedgogical University publ. 2006. 214 p. (In Russian)

8. Dem'yankov V. Z. O kognicii, kul'ture i civilizacii v transfere znanij *(On cognition, culture and civilization in knowledge transfer)* // Voprsy kognitivnoj lingvistiki. 2016. No.4. P. 5–9. (In Russian)

9. Zamyatin E. I. Sobranie sochinenij: In 5 Vols. Vol. 1. Uezdnoe *(Collected works)*. Moscow: Russkaya kniga publ., 2002. 608 [1] p. (In Russian)

10. Zamyatin E. I. Sobranie sochinenij: In 5 Vols. Vol. 2. Rus'*(Collected works)*. Moscow: Russkaya kniga publ., 2003. 592 [1] p. (In Russian)

11. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov *(A concise dictionary of cognitive terms)* / ed by E. S. Kubryakova. Moscow: MSU named after M. Lomonosov,1997. 245 p. (In Russian)

12. Marchuk Yu. N. Komp'yuternaya lingvistika *(Computational linguistics)*. Moscow: AST: Vostok-Zapad publ., 2007. 317, [3] p. (In Russian)

13. Novaya filosofskaya enciklopediya: in 4 Vols *(New philosophical encyclopedia)*. Moscow: Mysl', 2000–2001. (In Russian)

14. Teliya V. N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspresivno-ocenochnaya funkciya *(Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function)* // Metafora v yazyke i tekste. Moscow: Nauka publ., 1988. P. 26–52. (In Russian)

15. Teliya V. N. Metaforizaciya i ee rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira *(Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world)* // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V.I.Postovalova etc. Moscow: Nauka publ., 1988. P. 173–204. (In Russian)

16. Chernigovskaya T. V. CHeshirskaya ulybka kota Shryodingera: yazyk i soznanie *(Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and consciousness)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2013. 448 p. (In Russian)

17. Spmid V. Narratologiya *(Narratology)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2003. 312 p. (In Russian)

18. Ritchie L. David. Metaphor. Cambridge University Press, 2013. 242 p. (Key Topics in Semantics and Pragmatics).

Сведения об авторе

Асташина Евгения Игоревна – ассистент кафедры русского языка филологического факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (Брянск) / unnamehuman@yandex.ru

Information about the author

Astashina Evgeniya – assistant lecturer, Chair of Russian Language, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Bryansk) / unnamehuman@yandex.ru

УДК 811.22/161

И. Д. Бекоева, Т. Ю. Тамерьян

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЮГО-ОСЕТИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Изучение особенностей функционирования этнических концептов в политической коммуникации молодой страны является новым направлением в политической лингвистике. Статья посвящена выявлению когнитивной составляющей и способов вербальной репрезентации этноспецифического политического концепта фæндаг / дорога, значимость которого для горной страны Закавказья – Республики Южная Осетия – чрезвычайно велика. Научная новизна предпринятого изыскания состоит в том, что впервые проводится исследование югоосетинского политического дискурса в аспекте этноспецифики концептуальной составляющей, рассматриваются вопросы координативной билингвальной репрезентации югоосетинской политической коммуникации, выявляются экстралингвистические факторы, влекущие за собой появление и развитие этнических политических концептов, производных от универсальных концептов культуры, описываются семантические и когнитивные признаки, влияющие на двуязычное воплощение нового типа концепта в политической картины мира южных осетин. Авторами выявляется ядро концепта фæндаг / дорога, субконцепт Транскам, манифестирующий единственную автомагистраль, соединяющую страну с внешним миром через Республику Северная Осетия. В качестве материала исследования привлекаются данные этимологических и толковых словарей осетинского и русского языка, пресса советского периода и настоящего времени, материалы СМИ, выступления партийных и государственных лидеров республики. На основе дискурсивного, семантико-когнитивного анализа, концептуального, этимологического и сравнительного подходов и полевого моделирования проанализирована национальные особенности семантики лексем фæндаг и дорога в русском и осетинском кодах билингвальных жителей республики. Полученные данные позволили смоделировать структуру концепта, формирующуюся понятийным, образно-перцептнивным, метафорическим и ценностным пластами и символическими компонентами.

Ключевые слова: политическая коммуникация, билингвизм, этноспецифический концепт, когнитивный признак, структура концепта.

I. Bekoeva, T. Tameryan

ETHNO-SPECIFIC CONCEPT OF SOUTH-OSSETIAN POLITICAL SPACE

The study of ethnic concepts functioning in a young country political communication a is a new direction in political linguistics. The article is devoted to revealling the cognitive features and ways of verbal representation of the ethnospecific political concept фæндаг/road, the significance of which is extremely new for the mountainous country of Transcaucasia – the Republic of South Ossetia. Scientific novelty of the research undertaken is that for the first time the South Ossetian political discourse study is carried out in the aspect of ethnospecific conceptual component, issues of a coordinating bilingual representation of South Ossetian political communication are examined, extralinguistic factors that entail the emergence and development of ethnic political concepts, derived from universal cultural concepts are revealed, semantic and cognitive features that affect a new type of concept bilingual functioning in the South Ossetian political picture of the world is described. The authors identify the core of the concept фæндаг / road, the Transkam subconcept, which manifests the only highway connecting the country with the outside world through the Republic of North Ossetia. As research material, data of etymological and explanatory dictionaries of the Ossetian and Russian languages, the press of the Soviet period and the present, media materials, speeches of party and state leaders of the republic are used. Based on discursive, semantic-cognitive analysis, conceptual, etymological, and comparative approaches and field modeling, the national features of фæндаг and road lexemes semantics and in the Russian and Ossetian codes of bilingual residents of the republic are analyzed. The obtained data allowed us to model the structure of the concept, which is formed by notional, figurative-perceptual, metaphorical and evaluative layers and symbolic components.

Key words: political communication, bilingualism, ethnospecific concept, cognitive features, concept structure.

В рамках сложившейся за последние десятилетия геополитической ситуации особый интерес представляет дискурс политических партий, в первую очередь, молодого государства. Актуальность настоящего изыскания обусловлена перспективностью изучения концептосферы по-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19).

литического пространства для систематизации данных об этнической специфике общественного сознания в новую эпоху.

Одним из основных направлений политической лингвистики является описание ценностей и идей, формирующих доминанту политической картины мира. В настоящее время весьма популярным становится выявление и анализ, так называемых, политических концептов (политем), которые дефинируются А. П. Чудиновым как ядерная единица формирования политической языковой картины мира с учетом этно-специфической принадлежности. Данные единицы образуют концептуальный домен как целый сонм схем-образов, формируемых на основе стереотипизации компонентов ментального пространства. Вербализация же доменных стереотипов и их концептуализированного, актуализированного пространства происходит при кристаллизации некоего абстрактного понятия как номена типизированного дискурсивного пространства [14].

Общеизвестным является факт формирования и оформления на трансформированном постсоветском пространстве детерминируемых новой политико-экономической ситуацией концептов и реализаторов стратегического потенциала речевого воздействия, данный факт подтверждается многими исследователями, как лингвистами, так и культурологами (Anderson R.; Benoit W.; Budaev, E.; R. Chudinov, A.; Derrida, J.; Drulák P.; De Landtsheer, Ch., Musolff A. ect.).

Дискурсивность политического общения как специфического вида институциональной коммуникации детерминирована наличием в данном пространстве ядерных концептов, таких как: НАРОД, ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ВЛАСТЬ и т.д., а также архетипических оппозиций: свой/чужой, демократия/автократия, солидарность/разобщенность.

В. И. Карасик указывает на многокомпонентную структуру концепта, различая понятийный, образный и ценностный компоненты. Понятийная сторона является общностью критериальных признаков делимитирующих концептуальное содержание в рамках отношений с другими элементами концептосферы, т.е. вербализация концепта. Схематизированную и структурированную «встроенность» того или иного понятия в концептосферу [6, с. 10].

Ю. С. Степанов отмечает представленность в структуре концепта каждого из компонентов аккультурации понятия, актуализации фактологичности культурной представленности: ассоциативный ряд, аксиологическое пространство, этимология [10, с. 41]. Можно вычленить несколько базовых типов критериальных признаков в глубинной структуре: 1) ядерный актуализированный, 2) коннотативный архаичный, 3) периферийный этимологический не актуализируемый, но имманентно содержащийся в вербализаторе.

Формирование осетинской политической коммуникаций, направленное на решение вопросов внутриполитического и национально-культурного развития, характеризуется билингвальной, русско-осетинской, спецификой реализации в данной сфере.

В различных закавказских республиках билингвальная ситуация имеет разную степень представленности, вариативность и особенности её репрезентации детерминируется множеством соположенных факторов, таких как общественные функции русского и национального языков, языковые контакты, а также функциональная дистрибуция данных языков в том или ином сообществе.

На территории постсоветского пространства, к которому принадлежит республика Южная Осетия, большая часть населения имеет югоосетискоко-российское гражданство, многие учатся и работают в Северной Осетии и на территории РФ, поддерживают связи с многочисленными родственниками. Кроме того, Российская Федерация на настоящий момент представляет собой приоритет в политико-экономическом и культурном партнёрстве для Южной Осетии.

Наличие бытового билингвизма в речи политиков является средством манипулятивного воздействия на аудиторию, что особенно часто проявляется как вклинивание в русскоязычную речь единиц на осетинском языке и наоборот. Наше исследование было выстроено на методологической основе лингвопрагматики. В рамках анализа мы руководствовались, прежде всего, принципом ситуативной контекстуальной детерминированности генерализованного содержания и функциональной дистрибуция русского и осетинского языков с учетом гипотетического реципиента высказывания.

Югоосетинский политический дискурс развивается по модели российского политического дискурса. Политическая коммуникация и делопроизводство в республике осуществляются на русском языке и осетинском языках. Коммуникация в рамках институционального дискурса осуществляется преимущественно на русском языке. Случаи интерференции или интеркаляции наблюдаются, как правило, в рамках полуинституционального дискурса во время встреч с населением сельских районах или профессиональными группами населения.

В ментальности южных осетин концепты ***дорога*** и ***фæндаг*** «дорога, путь», реализуемые на русском и осетинском языках, занимают занимает особое место, вбирая много смысловых пластов. Национально-культурная специфика концепта ***фæндаг/дорога*** отражается в лексико-фразеологической системе осетинского языка и опирается на фольклорно-мифологические, религиозные и исторически сложившиеся представления о дороге.

В русском языке лексема ***дорога*** является производной от глагола *дергать* и означает «продранное в лесу пространство»; данное слово этимологически восходит к индо-европейскому. *dorgh-.

Крылов Г. А. полагает, что слово ***дорога*** общеславянское по происхождению, оно родствен-

но словам дерево и дерн, поскольку образовано от общей основы *дор* «расчищенное место»; оно восходит к глаголу *дьрати* «драть» [7, с. 118].

Лексема ***дорога*** фиксируется в XVII в. в значении «место для прохода, проезда», а веком раньше оно означало «поездку» и «путешествие» [9, с. 323]. Слово ***путь*** более раннего происхождения – оно известно с начала XI века в значении «путь, проток, канал» [9, с. 64].

Дорога в соответствии со словарем В. И. Даля – это «ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода; путь, стезя; направленье и расстоянье от места до места» [3, с. 178].

Современные лексикографические источники дают несколько толкований лексемы ***дорога***:

1) Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. 2) Место, по к-рому надо пройти или проехать, путь следования. 3) Путешествие; пребывание в пути. 4) переносное. Образ действий, направление деятельности [8].

В осетинском языке слово ***фæндаг*** «дорога» имеет, согласно В. И. Абаеву, общеиндоевропейское происхождение: оно происходит от иранского *pantā* с наращением *-g* – ***fænd*** – интенция, спланированное намерение, желание. Необходимо также акцентировать ассоциативную сополоденность метафорических вербализаций «наметить план», «наметить путь» и т.п. [1].

В осетино-русских словарях ***фæндаг*** определяется как «путь; дорога». Согласно данным некоторых лексикографов паремиологическая составляющая концепта ***фæндаг*** представлена более чем двумястами репрезентациями.

Синонимический ряд лексемы ***фæндаг*** представлен репрезентациями ***къахвæд***, ***къахнад*** «тропа», ***цалхвæд*** «колея», ***здæхт***, ***арæзт*** «направление»; ***цæуæн*** «путь» словарям [1].

Данные этимологических словарей позволяют проследить когнитивные основания формирования номинаций в русском и осетинском языках. В русском языковом сознании решающим оказался способ прокладывания дороги путем расчистки места для предполагаемого передвижения, то время как в языковом сознании осетин, представления о дороге связаны с намерением отправиться в путь кроме того немаловажным когнитивным признаком является ширины дорожной полосы в горной местности Осетии: в условиях высокогорья в сельскохозяйственных регионах гужевой вид транспорта применяется до настоящего времени.

Таким образом, формирование производных от лексемы ***фæндаг*** осуществляется с учетом ряда когнитивных признаков.

«Ширина дороги»: ***къахвæндаг*** тропа, от ***къах*** «нога» и ***фæндаг/вæндаг*** «дорога» (здесь и далее просходит чередование согласных корня ф- и в-); ***къахвæд***, ***къахнад*** «тропа», от ***къах*** «нога» и ***фæд/вæд*** «след»; фистæгвæндаг «узкая пешеходная тропинка», от ***фистæгæй*** «пешком» и ***фæндаг***; ***мыствæндаг*** «мышиная тропа», чрезвычайно узкая тропка в горах, от *мыст* «мышь» и *фæндаг*); ***галвæндаг*** «горная дорога, по которой проходит крупный рогатый скот и волы в упряжи», от *гал* «бык, вол» и ***фæндаг***; ***бæхвæндаг*** «тропинка, конная тропа», от ***бæх*** «лошадь, конь» и ***фæндаг***; ***цалхвæд*** «колея», от ***цалх*** «колесо» и ***вæд*** «след»; ***уæрдонвæндаг*** «проезжая дорога», от ***уæрдон*** «арба, телега» и ***фæндаг***.

«Тип местности и особенности прокладки дороги»: ***дæлзæхх*** «тоннель, проложенный под землей», от ***дæл*** «под» и ***зæхх*** «земля»; ***дæлхох фæндаг дæл*** «тоннель, проложенный через горы», от ***дæл*** «под» и ***хох*** «гора; ***донуайæн фæндаг*** «брод», от ***дон*** «вода» и ***уайæн*** «ход, проход»; ***куырф фæндаг*** «дорога в лощину», от ***куырф*** «углубление, впадина, лощина» и ***фæндаг***; ***лæгæтыфæндаг*** «дорога возле пещеры», от ***лæгæт*** «пещера» и ***фæндаг***; ***рæгъы фæндаг*** «дорога, идущая через хребет», от ***рæгъ*** «хребет» и ***фæндаг***; *Зары фæндаг* «Зарская дорога», от названия села, через которое эта дорога проложена; ***царды фæндаг*** «дорога жизни» – объездная дорога через село Зар или Транскам, единственная дорога, связывающая РЮО с РФ) и др.

Передвигаться в горах Южной Осетии трудно и опасно, особенно в зимнее время, поэтому дороги, строительство дороги, связывающей Южную Осетию с другими странами, было столь значимо для южных осетин.

Наивная и мифологическая картины мира осетин предполагают имманентную преданность в лексеме ***фæндаг*** «дорога, путь» не только тривиальной экспликации семы «передвижение, следование по определенному маршруту», но и наличие ритуализированных сакральных, культурно-детерминированных смыслов. Уастырджи как одно из верховных божеств осетинского пантеона является также покровителем и защитником путников. В рамках гендерной стратификации данное имя представляет собой табу для женщин, его номинируют как «покровителя мужчин» ***Лæгты дзуар***, а в качестве кеннинга, его вербализатором может выступать ***fændagsar*** «путевод», от ***фæндаг*** «дорога» и ***сар*** «тот, за кем идут» [1, с. 55]. В аспекте сакрально-ритуального поминовения и пожелания в тостах и молитвах (за традиционным осетинским столом с тремя пирогами) обращение без упоминания ***Фæндагсар Уастырджи*** невозможно, в надежде на его покровительство, помощь и защиту в дороге: ***Фæндагсар*** *Уастырджи, табу дæхицæн! Нæ гыццыл* ***Ирыстоны фæндæгты*** *æнæфыдбылыз, æнæмаст куыд уой, хæстон машинайы цалх сыл куыннæ тула ахæм арфæ дæ курæм.* – О, Покровитель путников, Уастырджи! Даруй нам такую милость, чтобы дорог Осетии не касались колеса военных машин.

Таким образом, репрезентации концепта ***фæндаг*** «дорога, путь» не только маркируют этническую специфику региона, обрядово-ритуальной специфику культурной традиции осетин. Комбинаторные возможности объективаторов концеп-

та позволяют передавать множество смысловых пластов, раскрывая различные стороны коммуникативной ситуацией.

Вышеприведенные свидетельства обосновывают особую аксиологическую и общественно-политическую значимость концепта ***фæндаг*** «дорога» в языковой картине мира южных осетин. Изменение социо-политического контекста в горной республике прослеживается по материалам прессы в период с 1960 г. и по настоящее время. Всего проанализировано 4540 фрагментов, отражающих динамику развития концептов ***фæндаг*** и ***дорога*** на русском и осетинском языках.

Репрезентативная выборка публицистических материалов 1960–1980-х гг. показала, что концепт ***фæндаг/дорога*** в югоосетинском политическом дискурсе концепт актуализируется преимущественно как транспортная инфраструктура или направление движения.

Анализ текстовых фрагментов показывает, что в данный период концепт объективируется только на понятийном уровне, представленном лексемами: *дорога, дорожное покрытие, автодороги, железная дорога, дорожные объекты*. Выявленные реализации базируются на таких когнитивных признаках концепта, как «перемещение, движение» и «дорожное полотно»:

В течение долгих лет в промышленности, несмотря на внешнее благополучие, не решались, как положено, назревшие проблемы не только строительства новых производственных мощностей, но и<…> улучшения состояния ***автомобильных дорог*** *<…>. Нет четкой программы совершенствования хозяйственного механизма в капитальном* ***дорожном*** *строительстве.* ***Бындурон фæндæгтæ экономикæйы*** *– основные направления в экономике, положении дел на* ***дорожных*** *объектах,* ***дорог*** *в селах. В нашей области, где автомобиль является чуть ли не единственным средством перевозок, автомобильные* ***дороги*** *должны удовлетворять <…>* [12].

Интерпретационные поля действующего политического концепта в последнее десятилетие чрезвычайно осложнились благодаря трансформации политической ситуации в регионе (грузино-осетинскому конфликту), в результате чего в периодических изданиях девяностых годов XX в. зафиксирована актуализация переносного употребления объективаторов концептов ***фæндаг*** и ***дорога***, символизирующего выбор демократического пути становления государства и обретения национальной идентичности:

Гъе ацы ***фæндагæн*** *йæ бон у, æмæ æркæна ирон адæмы хъысмæт цивилизационæй, демократонæйалыг кæнынмæ*. – Вот ***путь***, который может привести к цивилизованному, демократическому решению судьбы осетинского народа. *Æнамæнг равзарын хъæуы, ахæм* ***фæндæгтæ*** *<…> –* ***Дороги***, которые необходимо выбрать *<…>* [16].

<…> Акт о независимостиявился важным шагом на ***тернистой дороге*** *правового оформления государственности Южной Осетии <…>* [2].

Концепты ***фæндаг/дорога*** в языковом сознании южных осетин связаны с преодолением разного рода препятствий: перемещением в условиях высокогорья в сложных погодных условиях; пересечением границы; прорывом экономической блокады.

Концепт ***фæндаг/дорога*** в обозначенный период реализуется на понятийном уровне как: *дорога, путь, тропа, перевал, тоннель, Рокский перевел, перевальная дорога, колея*; на образном плане как: *спасение, выживание, единственная артерия, единственная связующая нить, теринстый путь/дорога, кровавая дорога, дорога жизни, дорога смерти*; и в ценностном отношении как: *жизнь, будущее, свобода, путь к независимости, самоопределение*.

В период с конца 19900-х гг. и по настоящее время по материалам югоосетинских СМИ и Интернет-ресурсов структура концепта усложнялась в результате детализации и метафоризации признаков в сознании носителей.

Фрагменты, представленные ниже, интересны с точки зрения объективации в них сложной концептуальной структуры: кроме типов дорожных коммуникаций и видов покрытий, демонстрируется схема их составляющий, отражающая наиболее существенные признаки объекта как результат его рационального осмысления, предлагается сценарий прокладки дорог, описываемый как динамический мыслительный образ, а также рисуется метафорический образ дороги в языковой картине мира южные осетин послевоенного периода начала XXI века, сопровождаемый оценочными критериями:

Строительство дороги *от Гуфта до села Верхний Кемулта начали в середине апреля. Сейчас рабочие подготавливают* ***земельное полотно под асфальт, кюветы, обочины и откосы дороги****. На этом* ***отрезке дороги*** *пролегает пять* ***мостов*** *<…> предусмотрена установка* ***бетонных перекрытий****, поверх которых будет наложена* ***бетонная стяжка и гидроизоляция****. Все эти меры позволят продлить срок* ***эксплуатации мостов*** [11].

После войны 2008 года и реконструкции ***подземных сетей улицы*** *нашей столицы находились в таком состоянии, что, как говорится,* ***«ни проехать, ни пройти»****. И началась работа по восстановлению… Трудная работа <…>. Ведь нужно* ***перекопать, засыпать, утрамбовать*** *и т.д. По такой* ***улице*** *в дождь без слез не пройдешь. Зато потом идешь* ***по брусчатке или асфальту*** *– каблучками цок-цок и, кажется, весь мир у твоих ног. Да что там говорить, выйдешь вечером в город и такое чувство, что все население живет на* ***ул. Героев, Октябрьская, Ленина****, все гуляют по* ***красивым ровным городским улицам и аллеям****. И ремонт каждой* ***новой улицы*** *встречается с тихой радостью* [5].

Языковая репрезентация концепта ***фæндаг/дорога*** свидетельствует о динамике его развития, высвечивая значимые для югоосетинского

общества направления его реализации. Возросло количество актуализируемых когнитивных признаков понятийной составляющей концепта: типы дорожных коммуникаций *(улицы, аллеи, мосты);* строение местности, по которой прокладывается дорога *(оползневый участок)*; название путей сообщения *(улицы Героев, Октябрьская, Ленина)*; элементы дороги и примыкающие к ней части *(кюветы, обочин, откосы дороги)*; тип местности, по которой прокладывается дорога *(оползневый участок)*; тип дорожного покрытия *(брусчатка, асфальт);* вид строительных работ *(перекопать, засыпать, утрамбовать; расчистить земельное полотно под асфальт, провести подземные сети улицы; осуществить бетонную стяжку, гидроизоляцию; установить бетонные перекрытия)*.

Образно-оценочный компонент, несущий отрицательный заряд: *в дождь без слез не пройдешь, ни проехать, ни пройти* (об очень плохой, грязной и разбитой дороге). Образно-оценочный компонент, несущий положительный заряд: каблучками цок-цок и, кажется, весь мир у твоих ног; встречается с тихой радостью; новая, красивая, ровная улица (о качественных дорожных коммуникациях).

В качестве актуального ядра концепта ***фæндаг/дорога*** нами вычленяется субконцепт ***Транскам*** (Транскавказская магистраль), референтом которого выступает участок федеральной трассы «Кавказ», который соединяет Россию с Закавказскими республиками. Сход лавин и различные сложные погодные условия влияют как на эксплуатационные свойства, так и на степень задействованности в логистистических операциях данной высокогорной магистрали. После грузино-осетинского конфликта в 2008 г. грузино-южноосетинский участок границы закрыт.

Поскольку Транскам представляет собой единственный наличный в аспекте учета различных погодных условий путь, который объединяет территориально Южную и Северную Осетию, то реализация данного субконцепта в двуязычной картине мира южных осетин отражает их представления единственной дороге, связывающей страну с внешний миром.

Заметим, что написание имени субконцепта – ***Транскам*** – совпадает в русском и осетинском языках.

Понятийные когнитивные признаки субконцепта *Транскам – «путь следования» (309), «способ сообщения» (968) и «возможность международных контактов» (1669)* – проявили наибольшую частотность.

Движение по ***Транскавказской магистрали****, связывающей Россию и Южную Осетию, снова закрыто из-за схода лавины, сообщает пресс-служба ГУ МЧС России по Северной Осетии* [4].

Жители Северной и Южной Осетии <…> интегрированы в общее культурное, экономическое и политическое пространство. <…> этой интеграции не было бы, если бы не проложили путь через горы к Северной Осетии [12].

Движение *по* ***Транскавказской автомагистрали****, закрытое утром в воскресенье из-за схода селя, вновь разрешено без ограничений* [15].

В силу сложных погодных условий в высокогорье Транскам нуждается в эффективном техническом содержании:

Æмæ та мæнæ ныр дæр ***Транскамы фæндаг****, цæмæй* ***æмбæлон уавæры уа****, уый тыххæй æнæхъусдард нæ зайы ацы организацийы æрдыгæй*. И в данный момент **содержанию дороги Транскам в надлежащих условиях**, эта организация уделяет особое внимание [17].

Аксиологическая значимость субконцепта ***Транскам*** обоснована как идеологическими, так и политико-экономическими факторами, и значимостью завершающего этапа дорожного строительства, что обусловлено исконной идеей единения и национально-территориальной общности двух частей осетинского этноса.

Сейчас дорога – ***важная транспортная нить*** *между Северной и Южной Осетией* [12].

Патриотическая часть осетинской интеллигенции в первые годы Советской власти активно продвигала вопрос ***строительства дороги*** *между Южной и Северной частями Осетии с тем, чтобы свершилось их* ***будущее национально-территориальное объединение*** [12].

Метафорический пласт концепта, объективируемый на осетинском и русском языках, сложился в сложный период грузино-осетинского военного конфликта, повлекшего за собой экономическую блокаду. Этот период отмечен возникновением когнитивных метафорических моделей: ***«дорога – путь к свободе»; «дорога – это жизнь»; «дорога – это кровь и смерть»***.

Для Южной Осетии эта трасса стала ***дорогой жизни****. Если бы не эта дорога, трудно было бы представить, что было бы с Южной Осетией в 2008 году (когда началась грузинская агрессия против Южной Осетии. По этой* ***дороге*** *пришла вся тяжелая техника из России, доставлялись грузы* [12].

Хæдбардзинадмæ тугæйдзаг фæндаг. – Кровавая дорога к независимости [16].

Репрезентации концепта *фæндаг/дорога* по материалам СМИ и данным Интернет-ресурсов зафиксированы нами в билингвальном формате. Осетинский языковой код представлен номинациями *фæндаг (2946)* и *Транскам (259)*. Русский языковой код представлен девятью репрезентациями: *Транскам (242); Транскавказская автомобильная магистраль (191); дорога Цхинвал-Владикавказ (98); тоннель (77); Рокская дорога (72); дорога жизни (65); дорога через село Рук (54); федеральная трасса (35); Рокский Путь (5)*.

В языковом сознании жителей Республики Южная Осетия сформировался этноспецифический концепт *фæндаг/дорога* как базовый элемент социо-политического дискурса последних десятилетий. Его динамика отражает важные аспекты культурного, исторического и общественно – политическим контекста. Развитие концепта протекало от понятийной и образно-перцептив-

ной плоскостей анализа, дальнейшего прироста метафорического и эмоционально-оценочного смыслов. до появления символического компонента в его структуре. Так возник национальный образ *фæндаг/дороги* как пути к свободе, спасению, выхода на международный уровень.

В качестве актуального дискурсообразующего сегмента нами выделен субконцепт ***Транскам***, объективируемый историко-политическом, военно-стратегическом, функционально-прагматическом аспектах. Осетинские и русские объективаторы концепта ***фæндаг/дороаг*** в двуязыкном языковом сознании осетин часто получают дублирующие воплощения.

Литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.4. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1989. 448 с.

2. Главный праздник Южной Осетии – День провозглашения независимости. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/05/29/glavnyy-prazdnik-yuzhnoy-osetii-den-provozglasheniya-nezavisimosti (Дата обращения: 29.10.2019).

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 576 с.

4. Интерфакс. Транскам снова закрыт из-за схода лавины URL: https://www.interfax.ru/russia/645241 (Дата обращения 07.101.2019).

5. Кавказский Узел. Пятидневная война (8–12 августа 2008 года). URL: http://ugo-osetia.ru/index.php/society/vosstanovlenie/item/6819-ulitsy-blagoustraivayutsya-tskhinval-preobrazhaetsya. (Дата обращения: 07.11.2019).

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

7. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

9. Словарь Русского языка XI–XVII. М.: Наука, 1977. 370 с.

10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

11. Строители в Южной Осетии работают на проблемной дороге Гуфта – Квайса. Первый ее участок – до села Кемулта – будет сдан в следующем году. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20160526/1992055.html (Дата обращения: 25.10.2019).

12. Тасс. Дорога жизни: как одна магистраль объединяет осетин в двух странах. https://tass.ru/v-strane/374867 (Дата обращения: 01.11. 2019).

13. Транскам. Как все начиналось. Южная Осетия сегодня. URL: https://south-ossetia.info/transkam-kak-vse-nachinalos/ (Дата обращения: 11.11.2019).

14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 252 с.

15. Южная Осетия. Движение по Транскаму возобновлено. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20160703/2463653.html (Дата обращения: 03.11.2019).

16. Рæзы ног «Ирыстон» йæ зæронд бынаты. Хурзæрин (Новый «Иристон» возрождается на прежнем месте. Хурзартн). URL: http://new.xurzarin.ru/ (Дата обращения: 10.11.2019).

17. Цалцæг цæуы Транскамы фæндаг. Хурзæрин. (Осуществляется ремонт Транскама. Хырзарин). URL: http://new.xurzarin.ru/calcaeg-caeuy-transkamy-faendag/ (Дата обращения: 10.11.2019).

References

1. Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka *(Historical and etymology dictionary of Ossetian language)*. Vol.4 Moscow – Leningrad: SA USSR publ., 1989. 448 p. (In Russian)

2. Glavnyy prazdnik Yuzhnoy Osetii – Den' provozglasheniya nezavisimosti *(The main holyday of Southern Ossetia is Independence Day)*. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/05/29/glavnyy-prazdnik-yuzhnoy-osetii-den-provozglasheniya-nezavisimosti (Accessed: 29.10.2019). (In Russian)

3. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka *(Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language)*. Vol.1. Moscow: OLMA Media Grupp publ., 2008. 576 p. (In Russian)

4. Interfaks. Transkam snova zakryt iz-za skhoda laviny *(Transkam is closed because of avalanching)*. URL: https://www.interfax.ru/russia/645241 (Accessed: 07.101.2019). (In Russian)

5. Kavkazskiy Uzel. Pyatidnevnaya voyna (8–12 avgusta 2008 goda) *(Caucasian knot. Five day War (8–12 August 2008)*). URL: http://ugo-osetia.ru/index.php/society/vosstanovlenie/item/6819-ulitsy-blagoustraivayutsya-tskhinval-preobrazhaetsya. (Accessed: 07.11.2019). (In Russian)

6. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs *(Language circle: personality, concepts, discourse)*. Volgograd: Peremena publ., 2002. 477 p. (In Russian)

7. Krylov G. A. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka *(Etymology dictionary of Russian language)*. St. Petersburg: Poligrafuslugi publ., 2005. 432 p. (In Russian)

8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka *(Explanatory Dictionary of Russian language)*. Moscow: A TEMP publ., 2006. 944 p. (In Russian)

9. Slovar' Russkogo yazyka XI–XVII *(Dictionary of Russian XI–XVII)*. Moscow: Nauka publ., 1977. 370 p. (In Russian)

10. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury *(Constants: Russian culture dictionary)*. Moscow: Akademicheskiy Proekt publ., 2001. 990 p. (In Russian)

11. Stroiteli v Yuzhnoy Osetii rabotayut na problemnoy doroge Gufta – Kvaysa. Pervyy ee uchastok – do sela Kemulta – budet sdan v sleduyushchem godu *(Road builders are working at dysfunctional road Gufta – Kvaisa. The fist section (up to village Kemulta) will be put into service next year)*. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20160526/1992055.html (Accessed: 25.10.2019). (In Russian)

12. Tass. Doroga zhizni: kak odna magistral' ob»edinyaet osetin v dvukh stranakh *(The Road of Life: one roadline unites Ossetians in separated countries)*. https://tass.ru/v-strane/374867 (Accessed: 01.11. 2019). (In Russian)
13. Transkam. Kak vse nachinalos'. Yuzhnaya Osetiya segodnya *(Transkam. The beginning. Southern Ossetia today)*. URL: https://south-ossetia.info/transkam-kak-vse-nachinalos/ (Accessed: 11.11.2019). (In Russian)
14. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika *(Political linguistics)*. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 252 p. (In Russian)
15. Yuzhnaya Osetiya. Dvizhenie po Transkamu vozobnovleno *(Southern Ossetia. The Transkam traffic is reopened)*. URL: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20160703/2463653.html (Accessed: 03.11.2019). (In Russian)
16. Ræzy nog «Iryston» yæ zærond bynaty. Khurzærin *(New «Iriston» is reborn at new place. Khurzartn)*. URL: http://new.xurzarin.ru/ (Accessed: 10.11.2019). (In Russian)
17. Tsaltsæg tsæuy Transkamy fændag. Khurzærin. *(Transkam repair service is in providing. Khyrzarin)*. URL: http://new.xurzarin.ru/calcaeg-caeuy-transkamy-faendag/ (Accessed: 10.11.2019). (In Russian)

Сведения об авторах

Тамерьян Татьяна Юльевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ) / tamertu@mail.ru
Бекоева Ирина Давидовна – доцент кафедры английского языка Юго-Осетинского государственного университета (Цхинвал, Республика Южная Осетия) /yogu@mail.ru

Information about the authors

Tameryan Tatyana – Doctor of Philology, Professor, Chair of Foreign Languages for Non-Language Specialties, Faculty of Foreign Languages, North Ossetian State University (Vladikavkaz) / tamertu@mail.ru
Bekoeva Irina – Associate Professor, Chair of English, South Ossetian State University (Tskhinval, Republic of South Ossetia) / tamertu@mail.ru

УДК 811.161.1

Е. А. Верменская, И. В. Кичева

СИНОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСПОДИН» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается вербализация концепта «господин» средствами синонимической парадигмы с позиции лингвокультурного подхода, предусматривающего анализ концепта как единицы культуры народа, элемент коллективного наследия носителей языка и фрагмент картины мира. Авторы исходят из положения о том, что содержание концепта меняется, расширяется, прирастает новыми оттенками значений и концептуальными характеристиками, что особенно актуально для концептов, подвергшихся заметному влиянию культурно-исторического фактора. Обосновывается мысль о том, что охарактеризовать концепт «господин» в русской языковой картине мира можно в первую очередь с опорой на семантику языковых манифестаций концепта в словарном запасе языка. Парадигматический параметр в анализе концепта устанавливает роль и место лексемы – репрезентанта концепта в лексико-семантическом поле, реализующем концепт в картине мира, с учетом общности интегральных признаков слов-синонимов. Исследование опирается на анализ данных толковых, синонимических, этимологических словарей, результаты анализа функционирования синонимов в произведениях художественной и публицистической литературы. Авторами выявлена модель синонимической парадигмы, включающая синонимические ряды и их доминанты, выявлены дополнительные единицы в синонимической парадигме концепта «господин», раскрывающие динамику концепта на современном этапе.

Ключевые слова: концепт «господин»; языковая картина мира; парадигматический анализ; синонимы; синонимическая парадигма; вокативная функция; речевой этикет.

E. Vermenskaya, I. Kicheva

SYNONYMOUS PARADIGM OF THE CONCEPT «GOSPODIN» IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article considers the verbalization of the concept «gospodin» means synonymous paradigm with the position of the linguocultural approach to the analysis of the concept as units of a nation's culture, the element of the collective heritage of native speakers and a fragment of the world picture. The authors proceed from the position that the content of the concept changes, expands, grows with new shades of meanings and conceptual characteristics, which is especially important for concepts that have been significantly influenced by the cultural and historical factor. The idea is substantiated that the concept «gospodin» in the Russian language picture of the world can be characterized primarily based on the semantics of language manifestations of the concept in the vocabulary of the language. The paradigmatic parameter in the analysis of the concept establishes the role and place of the lexeme – the representative of the concept in the lexical and semantic field that implements the concept in the world picture, taking into account the commonality of integral signs of synonyms. The study is based on the analysis of the data of explanatory, synonymic, etymological dictionaries, the results of the analysis of the functioning of synonyms in works of fiction and journalistic literature. The authors have identified a model of synonymic paradigm, including synonymic series and their dominants, identified additional units in the synonymic paradigm of the concept «gospodin», revealing the dynamics of the concept at the present stage.

Key words: the concept of «gospodin»; linguistic picture of the world; paradigmatic analysis; synonyms; synonymic paradigm; vocative function; speech etiquette.

Лингвистические исследования последних десятилетий отличает внимание к точкам пересечения культурных, философских, психологических, социальных и собственно языковых особенностей бытия человека, отраженных, разумеется, в языковых реалиях. Поворот изучения мировосприятия и мироотражения, результатов деятельности человека и эволюции социума в целом, вербализуемых в нашем сознании средствами языка, к анализу культурных концептов значительно раздвинул не только границы объекта лингвистики, но и границы научных представлений о динамике картины мира и ее лингвоспецифичности, что, например, показано в работах Н. Ф. Алефиренко, О. А. Алимурадова, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Н. Н. Болдырева, Т. В. Булыгиной, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачева, В. И. Карасик, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Л. О. Чернейко, Н. Ю. Шведовой, А. Д. Шмелёва и др. [2; 3; 5; 6; 8; 10; 12; 17; 35; 36; 42; 44; 45]. Несмотря на сохраняющееся теоретическое разнообразие подходов к толкованию понятия *концепт*, представляющее самостоятельную научную проблему, можно отметить единодушие авторов в выделении таких

дифференциальных признаков концепта, как способность к развитию, национальная и культурно-историческая обусловленность. В этой связи обратимся к концепту *господин*, при анализе которого мы, вслед за Н. Ю. Шведовой [44, с. 4–5], рассматриваем концепт как исторически сложившуюся понятийно-языковую целостность, манифестируемую, репрезентируемую, вербализуемую словом, где смысловая структура концепта связана с парадигматическими свойствами лексических ресурсов языка, его представляющих.

Так, потребность изучения выделенного концепта в настоящее время обусловлена тем, что, с одной стороны, для носителей русского языка слово «господин», номинирующее концепт, и его функционирование тесно связаны с изменениями социальной и политической структуры общества еще со времени Октябрьской революции 1917 г., когда класс и статус «господ» были искоренены и когда разрушились многие речевые формулы обращения (в том числе *сударь, милостивый государь, ваше сиятельство*), вступив в оппозицию с «социально корректными» для того периода вокативами (*товарищ, гражданин*). С другой – это связано с трансформацией социума в последние десятилетия на рубеже XX–XXI веков, когда в современном российском обществе вновь всё чаще можно встретить обращение «господин» к лицам мужского пола [11, с. 9–12]. Именно вокативная составляющая в семантике этой речевой формулы влияет на выбор слова при отражении общественного положения адресата и заставляет россиян задумываться о том, как относиться к данной форме обращения при соблюдении норм русского речевого этикета [25, 39].

Последнее, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует положение о том, что концепт не только мыслится, но и переживается коллективом и индивидами. Согласно лингвокультурологическому подходу, концепт – единица культуры народа, его коллективное наследие, а содержание концепта – явление динамическое, оно способно расширяться, прирастать новыми смыслами и концептуальными характеристиками. Важным посылом для лингвокультурного осмысления необходимости изучения данного концепта для нас выступает утверждение В. А. Масловой: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровнева. Именно языковая картина мира обусловливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [30, с. 46].

Динамика концепта «господин» в постперестроечное время наложила отпечаток на стандарты речевого поведения в определенных коммуникативных ситуациях и вместе с тем отразила трансформацию языковой картины мира, под которой понимается «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум [44, с. 15].

Анализ концепта в лингвистике опирается на ряд методов исследования, среди которых, наряду с концептуальным анализом, выделяют метод синтагматический и парадигматический [18, с. 217].

Синтагматический анализ представляет собой исследование концепта на «горизонтальном уровне», т.е. линейный анализ слов, словосочетаний слов и фразеологизмов. Парадигматический анализ – это исследование концепта на «вертикальном уровне», т.е. изучение общих и различных значений слов. Здесь мы исходим из того, что парадигматический параметр устанавливает место лексемы в определенной лексико-семантической группе, ее местоположение исходя из общности интегральных признаков и противопоставленности дифференциальных значений по отношению к другим словам, объединенным в один блок.

Лексико-семантические объединения формируются посредством взаимодействия как однозначных, так и многозначных слов, которые могут вступать в парадигматические отношения. Выявление парадигматических отношений возможно на основе лингвистического анализа противопоставления семантики того или иного концепта другим. При парадигматическом анализе вербализации концепта принято выделять следующие виды парадигм: синонимическую, омонимическую, антонимическую, тематическую, ассоциативную, гиперо-гипонимическую. В данной работе при исследовании парадигматической реализации концепта «господин» считаем необходимым прежде всего описать синонимические связи, поскольку в этой оппозиции наиболее ярко раскрывается характеризующий смысловой объём концепта. В трактовке синонима исходим из положения о том, что это слова, которые выражают одни и те же понятия, а также близкие или тождественные значения, отличаются смысловыми оттенками, стилистической принадлежностью и экспрессивной окраской [1, с. 4].

В исследованиях О. Е. Хоменко отмечает, что «синонимические связи – не единственный вид семантических отношений в лексике, основанный на близости значений, но близость синонимического характера проявляется во всем предметно-логическом содержании лексического значения [40, с. 78].

Цель работы, таким образом, состоит в определении специфики реализации концепта «господин» средствами синонимической парадигмы. Синонимическая парадигма вербализации концепта позволяет выявить характеристики базового репрезентанта – лексемы «господин» и смысловое поле концепта, описываемое синонимами. Семантический параметр лежит в основе

моделирования иерархической структуры внутри парадигмы. Семантический параметр предполагает наличие как совпадающего, так и различительного компонента в семантике лексемы. Исходя из этого формируется семантический признак, который является основанием для выделения доминанты в синонимической парадигме (синонимическом ряду).

Объяснить концепт в языковой картине мира возможно, в первую очередь, благодаря пояснению семантики слов в толковых словарях. Лексикографические источники фиксируют узуальную семантизацию, представляют семантику денотативного локуса языковой картины мира, который содержит репрезентанты концепта. При анализе синонимической парадигмы концепта «господин» мы исходили из трех типов дифференциальных сем:

1) Семы содержательного характера (рациональные семы).

2) Стилистические семы, имеющие эмоционально-экспрессивный характер, например, торжественные, иронические, неодобрительные, бранные, ласковые. Стилистическое назначение синонимов устанавливается при анализе текстов, где и определяется их оценка.

3) Стилевые семы, т.е. относящиеся к одному и тому же стилю речи.

Проведенное нами исследование выявило следующие базовые вербализации концепта «господин»:

1) государь, властитель, правитель, облечённый высшей властью;

2) дворянин, помещик, барин (в Российском государстве до 1917 г.);

3) хозяин, властелин, повелитель в отношении подвластных ему людей или животных;

4) вообще человек, господствующий над другими, первенствующий, пользующийся большим уважением,

5) тот, кто может, способен распоряжаться чем-либо по своему усмотрению, самостоятельный, независимый человек;

6) учтивое употребление перед фамилией, должностью или званием, употребляется как обращение или форма вежливого упоминания по отношению к мужчине;

7) вежливое именование человека, принадлежащего к образованному классу;

8) во множественном числе для обращения к лицам образованного класса, обращения преподавателя к ученикам или слушателям, в том числе в товарищеском кругу между молодежью [1; 20; 21; 26; 29; 31; 33; 38; 46].

С учетом лексикографической реконструкции реализации концепта «господин» путем анализа этимологических и толковых словарей русского языка нами было установлено, что в настоящее время его смысловое содержание тесно связано со значением «властный, привилегированный, тот, кто может распоряжаться чем-либо по своему усмотрению» [16, с. 223].

Анализ словарных статей существительного «господин» в словарях синонимов и толковых словарях русского языка, функционирование базовых репрезентаций концепта в художественных текстах, публицистических и официально-деловых текстах позволяет установить, что концепт «господин» манифестируется в русской языковой картине мира лексемами пяти синонимических рядов со следующими значениями: 1) полный властелин; 2) знатный по происхождению человек; 3) наниматель, распорядитель; 4) форма вежливого обращения при имени, фамилии, звании, должности; 5) оказывающий услугу из милости. Каждый синонимический ряд актуализует определенные концептуальные характеристики.

В первом понятийно-смысловом признаке «полный властелин» концепт «господин» вербализуется лексико-семантической группой, включающей слова: *господь* (устар.), *владыка* (высок.), *властитель* (устар.), *государь, кир* (греч.), *повелитель*. Доминантой здесь является лексема «повелитель». Лексические значения синонимов в основном выражают смысл: верховное властвование, владычествование. Примером могут послужить строки из биографического очерка Э. Пименовой «Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность»: «Когда он ответил, опять раздался вопрос: «Кто может сделать для тебя больше добра, господин или раб?» [32].

Во втором понятийном признаке концепт «господин» вербализуется синонимическим рядом слов с общим значением «знатный по происхождению человек, дворянин»: *аристократ, барин, вельможа, дворянин, помещик.* Примечательно, что первый и второй синонимические ряды проявляют семантическую универсальность для разных языков, как-то: *милорд* (англ.), *атабек* (тюрк.), *сеид* (араб.), *ходжа* (перс.). Значение каждого синонима в этом ряду сопоставляется со значением доминанты «барин», которая отражена в словарной статье Словаря синонимов З. Е. Александровой [1, с. 94].

Ярким примером употребления концепта «господин» со значением «барин, дворянин» служит начало поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод» [19, с. 7].

В древнерусскую эпоху основным значением слова «господин» является «владелец, хозяин» (господарь). В третьем понятийном признаке «наниматель, распорядитель» концепт «господин» в современном русском языке организует синонимическую парадигму со словами: *владелец, рабовладелец, начальник, правитель, распорядитель, руководитель, хозяин, господчик* (ирон., неодоб.), *босс, шеф*. Ср. также: *ага* (тюрк.), *бей* (тюрк.), *сеньор* (латин.), *синьор* (итал.). Анализ

лексического значения данных синонимов позволяет установить здесь в качестве доминанты две интегральные семы «правитель» и «хозяин»: «Там дорогого гостя встречал сам хозяин, элегантный господин по фамилии Тихомиров» [41].

Вокативы как слово или словосочетание, называющее адресата речи, обладают высокой степенью выражения национальной специфичности [28, с. 232–235]. Вокативная специфика концепта «господин» (вежливое обращение к лицу, выражающее почтение, уважение, учтивость), безусловно, отражает социальную обусловленность места и роль данного концепта в картине мира носителей языка. Лексемы, вербализующие вокативную семантику концепта, свидетельствуют о доминирующих в обществе канонах речевого этикета, степени учета говорящими социального статуса собеседников и т.д. [23, с. 35–36].

В целом концепт вербализуется лексико-семантической группой с такими словами, как *сударь* (устар.), *государь* (устар.). Можно дополнить ряд универсальной вокативной семантики и прагматики вежливого обращения лексемами других языков: *герр* (нем.), *дон* (исп.), *милорд* (англ.), *месье* (франц.), *мосье* (франц.), *пан* (пол., чеш., словац.), *сагиб* (араб.), *сеньор* (латин.), *синьор* (итал.), *эфенди* (тур.). «Господин капитан первого ранга, неблагородно прикрываться мирными нейтральными судами от врага!» [13].

Следует отдельно остановиться на функционировании имени существительного «господин» в качестве слова-обращения. Как было отмечено выше, употребление этой речевой формулы уже переживало период «вытеснения» в русской лингвокультуре. Так, весьма показательны в этом отношении глубокие наблюдения М. Булгакова и Е. Замятина: «Дверь через улицу в ярко освещенном магазине хлопнула и из нее показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже – вернее всего, – господин. Ближе – яснее – господин» [9, с. 6]; «Осип, бывший швейцар, а ныне – гражданин Малафеев, передвигая очки на носу, регулировал для каждого [из жильцов дома] уровень почтения. Очки плотно, оборонительно уселись в седле: тот, носатый из двадцать пятого – на автомобиле. С носатым – очень затруднительно: «господином» его нельзя, «товарищем» – будто неловко. Как бы этак, чтобы оно. «А, господин-товарищ Мыльник! Погодка-то, господин-товарищ Мыльник» [22, с. 7].

В конце XX – начале XXI столетия слово вновь вошло в обиход в качестве формы обращения и активно используется в настоящее время преимущественно в сфере деловых отношений, официальной переписке. Вместе с тем современная речевая практика показывает, что сфера употребления обращения «господин» постепенно расширяется: уже не только в официально-деловой коммуникации, но и в публичной речи, научном диалоге мы можем встретить этот вокатив, однако надо отметить, что присущие концепту понятийные признаки («повелитель, владелец, хозяин, барин») воспринимаются и осознаются слабее.

В пятом понятийном признаке – «человек, оказывающий услугу из милости» – концепт представлен синонимическим рядом: *благодетель, заступник, покровитель, патрон* (латин.). Дефиниция членов данной синонимической парадигмы позволяет установить доминанту – «покровитель»: «Повелевай мною, о мой юный господин! – с жаром закончил Гассан Абдурахман ибн Хоттаб...» [27, с. 9]. Современные представители русской лингвокультуры в меньшей степени склонны употреблять слово в данном значении.

Вербализация концепта «господин» в ряде современных контекстов демонстрирует появление отрицательной, а именно иронично-пренебрежительной коннотации в словах. В качестве формулы иронического упоминания оппонента В. Вереск активно использует данное существительное, например, в заголовке статьи «А что ж вы ожидали, господа хорошие?» [14] и в рассказе «Школа поиска оправданий»: «Разве я о об этом, молодой человек?! Во-первых, «не смотря» в таких случаях пишите вместе. А во-вторых, – это что? Это и есть анализ? Вы поймите, милейший мой господин Саймон, это ла-бо-ра-тор-на-я работа! – Надобно анализировать!» [15].

Таким образом, значение концепта «господин» в каждой синонимической подгруппе имеет свои доминанты, которые выявляются путем анализа толковых и этимологических словарей. Нами выявлена специфика реализации концепта «господин» в языковой картине мира на материале его семантизации в словарях русского языка. Понятийные признаки концепта «господин» в русской языковой картине мира составляют восемь базовых репрезентантов концепта «господин» и пять синонимических рядов. На основе анализа современных словарей синонимов, толковых словарей, произведений художественной и публицистической литературы нами дополнен список синонимов, вербализующих концепт «господин», разработаны модели синонимической парадигмы с доминантой в каждом блоке лексем.

Выявленные системные связи в структуре и парадигматической синонимической вербализации концепта осознаются далеко не всеми носителями языка, тем не менее они свидетельствуют об определенном коммуникативно-прагматическом сдвиге этого фрагмента языковой картины мира. Концепт «господин» характеризуется как развивающаяся понятийно-языковая целостность, способная к производству новых репрезентаций. Содержание концепта в целом в языковой картине мира носит нейтральную и положительную оценочность, но в последнее время отмечено и проявлением ироничной коннотации. Варьирование лексического значения слова «господин» во многом культурно-исторически обусловлено, при этом расширение сферы функционирования слова «господин» можно рассматривать как актуализацию (реновацию) традиционных речевых этикетных формул.

Литература

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. М.: Рус.яз.-Медиа, 2003. 568 с.

2. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 248 с.

3. Алимурадов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: Система корреляций: дисс. ... доктора филологических наук. Ставрополь, 2004. 544 с.

4. Антология концептов. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

5. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды. Т.II. М.: Школа, 1995. 766 с.

6. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.

7. Ахундов А. Генерал Олейник демобилизовался из колонии // Коммерсантъ: газета. 2007. №126.

8. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.

9. Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: Нигма, 2016. 256 с.

10. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики). М.: Шк. «Мастера рус. культуры»: Кошелев, 1997. 574 с.

11. Васильев А. Д. Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива // Политическая лингвистика. 2009. №2(28). С. 9–25.

12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

13. Веллер М.И. Махно. URL: https://www.litmir.me/br/?b=29225&p=5. (Дата обращения: 05.09.2019).

14. Вереск В. А что ж вы ожидали, господа хорошие? URL: http://maxpark.com/user/87251913/content/4832403. (Дата обращения: 06.09.2019).

15. Вереск В. Школа поиска оправданий URL: https://proza.ru/2012/08/09/251. (Дата обращения: 06.09.2019).

16. Верменская Е.А. Историко-семантические изменения концепта «господин» в русском языке и речи // Современный ученый. 2019. №4. С.220 – 224.

17. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. ВолГУ; под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

18. Глебова Н. Г. Особенности парадигматической реализации концепта «русскость» в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. №3. С.216–220.

19. Гоголь Н. В. Избранное. В 3-х тт. Т. 3. Мертвые души. М.: «Издатцентр», 1996. 352 с.

20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый. СПб.: Тип. М.О.Вольфа, 1880. 812 с.

21. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х тт. Т. 1. М.: Астрель, 2000. 1168 с.

22. Замятин Е. И. Мамай // Замятин Е. И. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1989. 768 с.

23. Кичева И. В. Русский язык как средство межкультурной коммуникации в полиэтничной среде: современные реалии и проблемы // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 35–41.

24. Кичева И. В., Неверова Т. А. Вербализация философии имени средствами контекстуальной синонимии: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 111 с.

25. Кронгауз М. Л. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2007. 250 с.

26. Крылов П. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

27. Лагин Л. И. Старик Хоттабыч. М.: Росмэн, 2017. 288 с.

28. Леонтьева Л. Е. Коммуникативно-прагматическое описание вокативов в разноструктурных языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №119. С. 232–235.

29. Малый академический словарь (Словарь русского языка) / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х тт. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

30. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 208 с.

31. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., допол. М.: А ТЕМП, 2009. 944 с.

32. Пименова Э. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность URL: https://itexts.net/avtor-e-k-pimenova/72609-francisk-assizskiy-ego-zhizn-i-obschestvennaya-deyatelnost-e-pimenova. (Дата обращения: 08.09.2019).

33. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук, Т. 1 А-Д. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1895. 680 с.

34. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А–Н / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 680 с.

35. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

36. Стернин И. А. Психолингвистика и концептология. Воронеж, 2000. 120 с.

37. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2004. 1280 с.

38. Федорова Т. Л., Щеглова О. А. Этимологический словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2012. 608 с.

39. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.

40. Хоменко О. Е. Моделирование синонимической парадигмы с доминантной «страх»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 25 с.

41. Хруцкий Э. А. Тайны устаревшего города URL: https://online-knigi.com/page/12250?page=2. (Дата обращения: 28.09.2019).

42. Чернейко Л. О. Проблема определения понятия «концепт» в современном языкознании // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №10. С. 163–165.

43. Чжан Ди Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т.9. №1. С. 223–237.

44. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. №1. С. 3–16.

45. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. 2002. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

46. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IX. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10148/#page/405/mode/1up. (Дата обращения: 27.09.2019).

References

1. Aleksandrova Z. E. Slovar` sinonimov russkogo yazy`ka: Prakticheskij spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov *(Dictionary of synonyms of the Russian language: Practical reference: Approx. 11 000 synonyms. ranges)*. Moscow: Russkii yazik – Media publ., 2003. 568 p. (In Russian)

2. Alefirenko N. F. Problemy` verbalizacii koncepta: Teoreticheskoe issledovanie *(Problems of concept verbalization: a Theoretical study)*. Volgograd: Peremena publ., 2003. 248 p. (In Russian)

3. Alimuradov O. A. Znachenie, smy`sl, koncept i intencional`nost`: Sistema korrelyacij *(Meaning, sense, concept and intentionality: a system of correlations):* thesis. Stavropol`, 2004. 544 p. (In Russian)

4. Antologiya kontseptov *(Anthology of concepts)* / ed by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Vol. 1. Volgograd: Paradigma publ., 2005. 352 p. (In Russian)

5. Apresyan Y. D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. «Yazyki russkoj kul'tury». Izbrannye trudy *(Integral description of language and systemic lexicography. «Languages of Russian culture». Selected works)*. Moscow: Shkola publ., 1995. Vol.II. 766 p. (In Russian)

6. Arutyunova N. D. Logicheskij analiz yazyka Kul'turnye kontsepty *(Logical analysis of language Cultural concepts)*. Moscow: Nauka publ., 1991. 204 p. (In Russian)

7. Akhundov A. General Olejnik demobilizovalsya iz kolonii *(General Oleynik demobilized from the colony)* // Kommersant: gazeta. 2007. No. 126. (In Russian)

8. Boldyrev N. N. Kognitivnaya lingvistika *(Cognitive linguistics*). Moscow, Berlin: Direkt-Media publ., 2016. 251 p. (In Russian)

9. Bulgakov M. A. Sobach'e serdtse *(The Heart of a Dog)*. Moscow: Nigma publ., 2016. 256 p. (In Russian)

10. Bulygina T. V. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira: (Na materiale rus. grammatiki) *(Linguistic conceptualization of the world: (on the material of Rus. grammar)*. Moscow: Mastera rus. kul'tury: Koshelev publ., 1997. 574 p. (In Russian)

11. Vasil'ev A. D. Igry v slova: ehvolyutsii dominiruyushhego vokativa *(Word Games: the evolution of the dominant Vocative)* // Politicheskaya lingvistika. 2009. No. 2(28). P. 9–25. (In Russian)

12. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie *(Language. Culture. Knowledge)* / A. Vezhbitskaya. Moscow: Russkie slovari publ., 1997. 416 p. (In Russian)

13. Veller M. I. Makhno *(Makhno)* URL: https://www.litmir.me/br/?b=29225&p=5. (Accessed: 05.09.2019). (In Russian)

14. Veresk V. A chto zh vy ozhidali, gospoda khoroshie? *(And what were you expecting, the good Lord?)* URL: http://maxpark.com/user/87251913/content/4832403. (Accessed: 06.09.2019). (In Russian)

15. Veresk V. Shkola poiska opravdanij *(School of excuses)* URL: https://proza.ru/2012/08/09/251. (Data obrashheniya: 06.09.2019). (In Russian)

16. Vermenskaya E. A. Istoriko-semanticheskie izmeneniya kontsepta «gospodin» v russkom yazyke i rechi *(Historical and semantic changes of the concept «gospodin» in the Russian language and speech)* // Sovremennyj uchenyj. 2019. No.4. P. 220–224. (In Russian)

17. Vorkachev P. G. Lingvokul'turnyj kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya *(Linguocultural concept: typology and areas of existence)*. VolGU; pod obshh. red. prof. p.G. Vorkacheva. Volgograd: VolGU, 2007. 400 p. (In Russian)

18. Glebova N. G. Osobennosti paradigmaticheskoj realizatsii kontsepta «russkost'» v sovremennom russkom yazyke *(Features of paradigmatic realization of the concept «Russianness» in modern Russian language)* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2017. No. 3. P. 216–220. (In Russian)

19. Gogol' N. V. Izbrannoe *(Favorites)*. Vol. 3. Mertvye dushi. Moscow: Izdattsentr publ., 1996. 352 p. (In Russian)

20. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka *(Explanatory dictionary of the living great Russian language)*. Vol. I. St. Peterburg: M.O. Vol'f publ., 1880. 812 p. (In Russian).

21. Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (Modern explanatory dictionary of the Russian language). Vol. I. Moscow: Astrel' publ., 2000. 1168 p. (In Russian)

22. Zamyatin E. I. Mamaj *(Mamay)* // Zamyatin E. I. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Sovetskij pisatel' publ., 1989. 768 p. (In Russian)

23. Kicheva I. V. Russkij yazyk kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikatsii v poliehtnichnoj srede: sovremennye realii i problemy *(Russian language as a means of intercultural communication in a multiethnic environment: modern realities and problems)* // Yazyk i kul'tura v ehpokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. Pyatigorsk: PSU publ., 2017. P. 35–41. (In Russian)

24. Kicheva I. V., Neverova T. A. Verbalizatsiya filosofii imeni sredstvami kontekstual'noj sinonimii: monografiya *(Verbalization of philosophy by means of contextual synonymy: monograph)*. Pyatigorsk, 2011. 111 p. (In Russian)

25. Krongauz M. L. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva *(The Russian language on the verge of a nervous breakdown)*. Moscow: Znak publ., 2007. 250 p. (In Russian)

26. Krylov P. A. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka *(Etymological dictionary of the Russian language)*. St. Peterburg: Poligrafuslugi publ., 2005. 432 p. (In Russian)

27. Lagin L.I. Starik Khottabych *(Old Man Hottabych)*. Moscow: Rosmehn publ., 2017. 288 p. (In Russian)

28. Leont'eva L. E. Kommunikativno-pragmaticheskoe opisanie vokativov v raznostrukturnykh yazykakh *(Communicative-pragmatic description of communicative in different structural languages)* // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2009. No.119. P. 232–235. (In Russian)

29. Malyj akademicheskij slovar' (Slovar' russkogo yazyka) *(Small academic dictionary (Dictionary of the Russian language)* / ed by A. P. Evgen'eva. Vol. I. Moscow: Russkij yazyk publ., 1985. 696 p. (In Russian)

30. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij *(Cultural linguistics: proc. manual for students)*. Moscow: Akademiya publ., 2007. 208 p. (In Russian)

31. Ozhegov P. I., Shvedova N. Y. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka *(Explanatory dictionary of the Russian language)*. Moscow: A TEMP publ., 2009. 944 p. (In Russian)

32. Pimenova E. H. Frantsisk Assizskij. Ego zhizn' i obshhestvennaya deyatel'nost' *(Francis Of Assisi. His life and social activities)* URL: https://itexts.net/avtor-e-k-pimenova/72609-francisk-assizskiy-ego-zhizn-i-obschestvennaya-deyatelnost-e-pimenova. (Accessed: 08.09.2019). (In Russian)

33. Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk *(Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences)* URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/115469_Slovar_russkogo_yazyka__sostavlennyy_Vtorym_otdeleniem_Imperatorskoy_Akademii_Nauk. (Accessed: 28.08.2019). (In Russian)

34. Slovar' sinonimov russkogo yazyka *(Dictionary of synonyms of the Russian language)*: Vol. 1; ed by A.P. Evgen'eva. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST» publ., 2003. 680 p. (In Russian)

35. Stepanov Y. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii *(Concepts. A thin film of civilization)*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., 2007. 248 p. (In Russian)

36. Sternin I. A. Psikholingvistika i kontseptologiya *(Psycholinguistics and conceptology)*. Voronezh, 2000. 120 p. (In Russian)

37. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka *(Big explanatory dictionary of the Russian language)*. Moscow: AST publ., 2004. 1280 p. (In Russian)

38. Fedorova T. L., SHheglova O. A. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka *(Etymological dictionary of the Russian language)*. Moscow: LadKom publ., 2012. 608 p. (In Russian)

39. Formanovskaya N. I. Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikatsiya i pragmatika *(Speech interaction: communication and pragmatics)*. Moscow: Ikar publ., 2007. 480 p. (In Russian)

40. Khomenko O. E. Modelirovanie sinonimicheskoj paradigmy s dominantnoj «strakh» *(Simulation of synonymous paradigm with the dominant «fear»: the synopsis of the thesis)*: abstract of thesis. Stavropol', 2006. 25 p. (In Russian)

41. Khrutskij E. A. Tajny ustarevshego goroda *(Secrets of the outdated city)* URL: https://online-knigi.com/page/12250?page=2. (Accessed: 28.09.2019). (In Russian)

42. Chernejko L. O. Problema opredeleniya ponyatiya «kontsept» v sovremennom yazykoznanii *(The Problem of definition of the concept «concept» in modern linguistics)* // Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya. 2014. No.10. P. 163–165. (In Russian)

43. Chzhan Di Formy obrashheniya kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nogo konflikta v povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdtse» *(Forms of treatment as a means of expressing social conflict in the story of M. Bulgakov «The Heart of a Dog»)* // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. Vol. 9. No.1. P. 223–237. (In Russian).

44. Shvedova N. Yu. Teoreticheskie rezul'taty, poluchennye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem» *(The theoretical results obtained in the work on the «Russian semantic dictionary»)* // Voprosy yazykoznaniya. 1999. No.1. P. 3–16. (In Russian)

45. Shmelyov A. D. Russkaya yazykovaya model' mira. Materialy k slovaryu *(Russian language model of the world. Materials to the dictionary)*. 2002. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 2002. 224 p. (In Russian)

46. Ehntsiklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona *(Brockhaus and Ephron encyclopedic dictionary)*. Vol. IX. St. Peterburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona), 1893. p. 387. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10148/#page/405/mode/1up. (Accessed: 27.09.2019). (In Russian)

Сведения об авторах

Верменская Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорске) / ver.a@mail.ru

Кичева Инна Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / kitcheva@mail.ru

Information about the authors

Vermenskaya Elena – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Chair of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk / ver.a@mail.ru

Kicheva Inna – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chair of Language Arts and Pedagogic Technologies of Philological Education, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / kitcheva@mail.ru

УДК 81`42

С. Н. Бредихин, И. Н. Махова, О. А. Чуднова

КЛАССИФИКАЦИЯ И ФУНКЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НЕУЗУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассматриваются как функции, так и прагматика неузуальных единиц, которые служат для экспликации в текстах дискурса философии предельных концептов и понятий. Дается подробная классификация неузуальных единиц сложной структуры в зависимости от степени реализации основных критериев новума и творимости в смысловых компонентах. Этот дискурс есть особый вид дискурсивной практики, который позволяет осуществлять «квантовые скачки» в вербальном представлении не только результатов, но и самого процесса мышления. Именно данной базовой характеристикой и может быть объяснен факт комплексного существования в нем языковых средств на различных уровнях системы кодирования информации и знаниевого континуума, в том числе и его структурных и ноэматических аспектов. Данные единицы можно разделить на неологизмы, как авторские, так и семантические? и лексические, и окказиональные концепты и понятия, не несущие содержания вне ближнего контекста в тексте. Их наличие в тексте обеспечивает как реализацию когнитивной неузуальной информации, так и предоставляет продуценту возможность рефлексии над ассоциируемыми феноменами. Отмечается и гедонистическая функция данных единиц, которые обеспечивают в том числе и лингвистически яркую стилистическую выразительность текста. Возможности языка философии демонстрируют вкупе с общепринятым функционалом отнюдь незаурядные, а иногда и определяющие глубинное содержание философского текста функции: интеллективную, креационистскую и апеллятивную. Они актуализируют не только логические и рациональные компоненты человеческого сознания, но и требуют подлинного «вживания» разделения реципиентом авторской системы понятий.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, концептуализируемое понятие, философский дискурс, герменевтика.

S. Bredikhin, I. Makhova, O. Chudnova

CLASSIFICATION AND FUNCTIONS OF AUTHOR'S INDIVIDUAL NON-USUAL UNITS IN A PHILOSOPHICAL TEXT

The item focuses both on the functions and the pragmatics of non-usual units, which serve to explicate the ultimate concepts and ideas in texts belonging to the discourse of philosophy. There is a detailed classification offered for non-usual units of a complex structure, depending on the degree of implementation of the newness and creatibility basic criteria in semantic components. The discourse in question is a special kind of practice that allows "quantum leaps" within the verbal representation of not the outcomes alone, yet also the process of thinking itself. It is this basic feature that might account for the integrated existence of language tools in it at various levels of the information coding system and the knowledge-related continuum, including its structural and noematic aspects. These units could be divided into neologisms, both individual and semantic and lexical, and occasional concepts and ideas that carry no content outside the closest context within the text. Their presence in the text ensures the implementation of cognitive non-usual information as well as gives the creating agent an opportunity to reflect on the associated phenomena. There is mention to be made of the hedonistic function of these units, too, which bring around, among other things, the linguistically vivid stylistic expressiveness of the text. The capacity of the philosophy language, coupled with the generally accepted functional potential, demonstrate certain philosophical text in-depth functions, which are never conventional, and are sometimes even crucial – intellectual, creationist, and appealing. They actualize not only the logical and rational components of the human mind, but also require genuine "growing into" the recipient's separation of the author's individual concept system.

Key words: occasional word, neologism, conceptualized term, philosophical discourse, hermeneutics.

Одним из наиболее значимых средств экспликации нового знания и осознанной рефлексии в философских текстах являются индивидуально-авторские окказионализмы и неологизмы, специфические структурно-ноэматические дериваты, характеризующиеся реализацией особых категориальных характеристик, таких как новум и творимость. Данные явления позволяют продуценту не просто добиться необходимой стилевой выразительности, но и обеспечивают более точную и адекватную реализацию иллокутивной цели по введению собственного авторского мировидения и трансляции собственной концептуально-валерной системы. Данные единицы ментального и пространства, реализуемые в неузуальной, необычной форме являются пре-

рогативой философского текста. Основным условием адекватного функционирования системы является соблюдение принципов постоянной творимости, эмерджентности. Иерархизация компонентов, входящих в сложное неузуальное образование, и комплексная многовекторность развития не просто нивелирует действие энтропийных процессов, связывает текстовое пространство в целостное мирооописание, но и дает продуценту возможность формирования неузуальных конструкций.

По мнению К. Ясперса, сам процесс философствования, как и текст, возникающий в его результате, дихотомичен. Сама подсистема языка философского дискурса также амфиболична: философский дискурс по своей методологии научен, но отличается от других академических дискурсов в рамках манифестации. Философия дает возможность использования непривычного для осмысления нового. Это новое в концептуализируемом понятии и вербализуется с помощью неузуальных дериватов. Данные единицы поддаются классификации, однако, прежде чем определять их типологическую принадлежность к окказионализмам или неологизмам, следует подчеркнуть отсутствие единых критериальных характеристик, позволяющих это сделать. Множество ученых рассматривали проблему соотношения окказиональности и неологичности.

Одну из наиболее верных трактовок способов выделения неологизма в ряду контекстуально-обусловленного единичного деривата приводит Л. Е. Остапова, которая останавливается на следующих критериях разграничения:

1) сроки появления деривата;

2) возможность определения наличия/отсутствия конкретного автора неузуальной единицы;

3) наличие/отсутствие новизны тех или иных компонентов или деривационной модели единицы;

4) вхождение/невхождение в систему синтагматических и парадигматических отношений в языке [6, с. 239–240].

Все эти критерии соотносятся с той или иной степенью проявления в деривате ноэм «новум» и «творимость».

Большинство ученых считают, что авторство неологизма стирается по мере его вхождения в систему языка. Окказиональное образование, не существующее вне рамок горизонтального контекста, является продуктом речевой деятельности (языкосознания на основе лингвемного состава) конкретного лица, за которым оно и закрепляется. Т.е. такие единицы представляют собой внесистемные речевые феномены, которые в экспликации когитемы, лежащей в их основе опираются на конкретный контекст.

Согласно мнению О. С. Ахмановой, окказионализм понимается как нечто выбивающееся из общепринятого, стереотипного употребления, «не узуальное», соответствующее индивидуально-авторскому вкусу в избрании структурно-ск-мантических компонентов, обусловленное специфическим контекстом употребления [1].

Так как окказионализмы появляются под влиянием речевой ситуации (иллокутивной коммуникативной цели) [9] или авторской интенции их принято делить на потенциальные (потенциализмы) и индивидуально-авторские (эгологизмы), и те, и другие обладают весьма широкими возможностями экспликации новых обертонов смысла. Эгологизмы создаются по малопродуктивным языковым моделям в то время, как потенциализмы появляются в речи благодаря высокопродуктивным словообразовательным моделям.

Основным предметом исследования для нас являются прагматические возможности имманентно-интенциального смыслопорождения в философском дискурсе на основе создания неузуальных дериватов. Кроме того, в рамках рассмотрения данного вопроса должны быть решены задачи по типизации и классификации рассматриваемых единиц, с опорой на степень реализации ими компонентов «новум» и «творимость», а также описание их функционально-семантического своеобразия.

Целью анализа является рассмотрение философской практики в качестве специфического дискурсотипа по работе со смысловыми ноэматическими феноменами, которая вербализует специфический тип мышления. Именно в рамках данного типа мышления становится возможным нетривиальное опредмечивание ментальных структур, сочетание языкосознания и речемышления. В настоящем акте пересечения двух когитологических сфер неузуальный нейминг схож с феноменом гипервербализации [10].

В данной работе обсуждается возможность нового подхода к анализу философского смыслообразования при концептуализации идей. Неузуальные дериваты должны описываться в качестве особой иерархической структуры, содержащей ноэмы «новум» и «творимость», однако, реализуемые в различной степени в том или ином виде единиц релевантных в конкретном контексте. Данное описание строится в рамках анализа глубинного содержания философского текста на основе самой возможности декодирования, интерпретации и реконцептуализации текстового пространства как объективизированного мировидения, как на ноэматическом (неосознанном) уровне реципиента, так и на феноменологическом (осознанном) третьем уровне абстракции [3, с. 642]. Модели смыслообразования в рассматриваемых единицах тесно связаны с использованием адекватных приемов распредмечивания в интенциальном осознанном рефлексивном пространстве. Ментальные конструкции, формирующие концептуально-валерную систему, в которой и действует философский дискурс соответствующей направленности, получают вербальное воплощение в знаках и символах и тексте как едином, цельнооформленном знаке. Процесс пере-выражения, перехода речемыслительных когитем в языкосознательные лингвемы вызывает трансформации прото- и метасмыслов, новые формы в семантической структуре философского текста, создание текста «внутри и вне понима-

ния» [2, с. 51]. Данный методологический подход представляет собой контаминацию методологического аппарата феноменологии, когнитивной лингвистики и герменевтики.

Перейдем непосредственно к рассмотрению функционального потенциала неузуальных дериватов в философском дискурсе. Так Ю. Н. Пацула выделяет следующие функции неузуальных образований в форме окказионализмов:

1. Номинативная. Возникают в художественном тексте с целью назвать предмет или понятие, отсутсвующие в действительности.

2. Стилистическая. Стилистические окказионализмы создаются как образные названия уже известных предметов или явлений.

3. Характеризующая (Оценочная). Данная функция позволяет автору выразительно дать оценку личности, ситуации или событию, избегая «заурядной» оценки, однако, восприятие «объективности» как целеустановки на определенные виды схем действий реципиента [3, с. 640], должны сохраняться вне зависимости от реализации данной функции для сохранения возможности вонимания и интерпретации смысла конструкции.

4. Экономии речевых средств. Данная функция отражает основной закон вербального общения – закон сохранения речевых усилий [7].

Несмотря на то, что подобные формы неузуальных дериватов являются продуктом речевого акта, а значит и языковой системы в целом, они не претендуют на укоренение в языке. Основной причиной этого служит отклонение от устоявшихся принципов словообразования, избегание нормы языка для экспликации новых оттенков ментального конструкта.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой различие двух больших групп неузуальных дериватов объясняется так: «Неологизмы (от греч. neos – новый и logos – слово) – слова, значения слов и сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказиональные слова) в каком-либо тексте или акте речи» [8, с. 33].

Языковая функция новообразований заключается в обозначении новых предметов и понятий. Они становятся частью словарного запаса языка, а затем закрепляются в словарях. Слово остается неологизмом до тех пор, пока оно малоизвестно или непонятно носителям языка. Если обозначаемое неологизмом понятие становится актуальным (эксплицирующим обертоны понятные всем членам лингвокультурологического сообщества или отдельной его части, занимающейся исследованиями в той или иной сфере, однако, при этом обладающими признаками «новум» и «творимость»), а связанное с ним слово вписывается в рамки языковой системы (отвечает базовым требованиям и правилам деривации), то в скором времени слово входит в активное употребление и перестает быть окказионализмом и превращается в неологизм.

Лексические неологизмы появляются благодаря уже имеющимся словообразовательным моделям или заимствуются из других языков, так, например, известное Хайдеггеровское заимствование, образованное путем этимологического переразложения и актуализирующее новые смыслы в его работе “Sein und Zeit” – Ek-stase. Ek-stase, ek-statisch, выстроено на базе основе греческой основы и приставки и соположено с такими феноменами немецкоязычного философствования как Hinausstand или hinausstehen – псевдотерминологическими единицами, эксплицирующими ноэму «трансцендентальной структуры» в процессе производства комплексного суждения как ментальной конструкции. Однако в его работе “Sein und Zeit” присутствуют и другие вновь «творимые» обертоны смысловой иерархии, имманентно включающие ноэму «временности», «динамики», а значит, входит в поле концептуального описания феномена Zeitlichkeit.

Семантические неологизмы образуются благодаря языковому движению, то есть уже известное слово либо изменяет свое значение, либо получает еще одно совершенно новое. Наиболее ярким примером данного вида неологизации является трансформация семантики достаточно давно вошедшего в критериальный аппарат языка философии термина Dasein. Изначально (в 17 веке) данное понятие было синонимичным немецкоязычным термином к латинскому Existentia, да и в ранних работах М. Хайдеггера но эксплицировало сущностные характеристики Mensch как феномена специфического «осознанного» существования, например, в номинативном сочетании Seiende das Wesen, а узуальное для обыденного языка Mensch представляет собой некое случайное именование для Seiendes. Таким образом, экспликация компонентов «новум» и «творимость» в неологизме Dasein позволяет более рельефно выразить онтологическую структуру феномена.

Функциональный потенциал и его реализации в философском дискурсе того или иного направления в аспекте создания и распространения авторских неузуальных дериватов обоих типов позволяет классифицировать их на номинативные и стилистические. Первые реализуют исключительно назывательную функцию (представление когитологических единиц в лингвемном репрезентанте), вторые ориентированы на образное описание хорошо известного феномена (актуализацию имманентно присущих оригинальному понятию когитем).

Обогащение словарного состава той или иной предметной области языковой системы за счет новых слов путем заимствования представляет собой естественный языковой процесс. Данное явление наглядно демонстрирует культурные взаимоотношения между языками и их носителями, в рамках языка философии, этот процесс ещё и маркирует преемственность или контрадикторность течений философской мысли, превращая процессы мутации категориального аппарата в вечный процесс перетекания смыслов и опредмечивая рефлексивную реальность в процессе

по-мысливания [11, p. 543]. Это обусловлено тем, что для обозначения новых явлений или понятий проще перенять уже существующее в другом языке название, иногда акцентируя те или иные элементы генерализованной семантики, вводя тем самым его в концептуально-валерную систему принимающей лингвокультуры. Иногда новый неузуальный дериват появляется в качестве более удобной альтернативы тому, что раньше называлось оригинальной лексемой или словосочетанием, как это представлено в примере с Ek-stase.

Социально-психологические причины и факторы контаминированного с неологизацией процесса заимствования выдвигаются на передний план, сдвигая непосредственную необходимость в номинации новых понятий на периферию процесса создания неузуального деривата. Новообразования для идентификации уже существовавших ранее концептуализированных понятий используются для нивелирования ноэм «узус», «стереотип», для отказа от привычного речевого шаблона. Они помогают избежать конкретизации философского повествования, выводя её на новый, третий уровень абстракции, обобщая и структурируя общеонтологическую отвлеченность [12]. Подобные неологизмы в дискурсе философской направленности несут в себе примарно информативную функцию, описывая до этого момента неизвестные или же остававшиеся в тени первичного ядерного компонента оттенки смысловой иерархии.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что одними из главных функций неузуальных дериватов в философском дискурсе – это интеллективно-апеллятивная и эмотивно-аксиологическая. Вслед за Н. Г. Комлевым [5] (с некоторой доработкой) мы можем классифицировать данные интеллективные и аксиологические потенции:

1) сенсетивно-телесные, или гедонистические;
2) психолого-эмотивные;
3) интеллективно-классифицирующие;
4) эстетические оценки;
5) этико-ориентационные;
6) утилитарные;
7) нормативные;
8) телеологические.

Данные критериальные показатели в интеллективно-апеллятивном аспекте образуют три большие группы: сенсорно-психологические, сублимированные и логико-рациональные.

Основной чертой языка философского текста является комплексное существование в нем языковых средств на различных уровнях, в том числе и неузуальных дериватов как авторских, так и семантических, и лексических.

В различных дискурсивных практиках отдельных направлений философской мысли неузуальные образования несут самые разные функции именования:

– название мироощущения. Обозначение уникальности подхода к анализу и описанию онтологических феноменов;

– название феноменов и явлений. Акцентирование внимания на разнообразии феноменов концептуальной картины описания;

– образное именование ментальных конструкций. Акцентуация критериальных характеристик опредмечиваемого феномена.

В рамках этой классификации неузуальных дериватов в философской литературе выполняют следующие основные функции:

1) номинативная. Данная функция предназначена для наделения категоризованного философского понятия или предмета новым, творимым смыслом. Семантического оживления в рамках заданного философского течения

2) эмфатическая функция служит для яркого выделения, в том числе и стилистического, реалий в объективном и рефлексивном пространстве. Благодаря эмфатической функции авторы подчеркивают уникальность того или иного феномена или явления;

3) референциальная. Референциальная функция реализует связь авторского неузуального деривата в философском тексте с существующими в философском нарративе (пред-тексте) понятием.

Помимо именования феноменов неузуальные конструкции могут стилистически характеризовать мировидение в том или ином направлении философской мысли. Кроме того, авторские новообразования позволяют полностью раскрыть потенциал интеллективно-апеллятивного и эмотивно-аксиологического воздействия философского текста на реципиента.

Широкое распространение в философском тексте находят индивидуально-авторские новообразования. Данное явление позволяет автору лучше раскрыть предметы или явления, подчеркнуть их характеристики или особенность в рамках воздействия на читателя [4, с. 34].

Философское произведение представляет собой особый вид метатеоретически структурированного дискурса с ярко выраженными жанрово-стилистическими и логико-когнитологическими особенностями. В тестах философского дискурса особое место уделено нетипичным языковым средствам выразительности и неузуальным дериватам. Их функционирование обусловлено отсутствием референциальных реалий в объективной реальности, их гипостазированным опредмечиванием. Языковые средства выразительноти и индивидуально-авторские неузуальные конструкции служат для эмфатического выделения описываемых феноменов и явлений. В настоящем исследовании мы достаточно скептически рассмотрели тезис о семантико-синтаксической факультативности подобных образований, по нашему мнению, нивелировка обертонов многомерного концептуализируемого понятия в рамках концептосферы конкретного произведения или целого нарратива препятствует декодированию и интерпретации, приводит к невосполнимым потерям в интеллективно-апеллятивном аспектах осознания глубинного содержания целостного текста.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2012. 576 с.
2. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Способы вербализации когнитивного начала в немецкоязычных текстах патентного права: оригинал vs. перевод // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №3 (52). С. 51–56.
3. Бредихин С. Н., Вартанова Л. Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // Фундаментальные исследования. 2015. №2-3. С. 639–643.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Ю. И. Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фоно-графической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. №12. С. 28–36.
5. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: URSS: КомКнига, 2005. 192 с.
6. Остапова Л. Е. Особенности и признаки сложных окказиональных субстантивных номинаций в немецкой художественной литературе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. №3. С. 238–250.
7. Пацула Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2005. 167 с.
8. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. 668 с.
9. Anfray J.-P. Continuous creation, occasionalism, and persistence Leibniz on Bayle // Physics and Metaphysics in Descartes and in his Reception. 2018. Vol. 1. P. 213–242.
10. Nefedova L., Kotlyarova T. Hypoverbalisation as a principle of meaning construction in short literary texts // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6. Issue. 2. P. 535–549.
11. Morgan M. Transgression, plurality, and the romance of philosophy // Journal of Speculative Philosophy. 2014. Vol. 28. Issue. 4. P. 537–551.
12. Rabaté P. Metamorphoses, natural discourse and moral philosophy of the miscellaneous humanists in Criticon // Bulletin Hispanique. 2015. Vol. 117. Issue 2. P. 591–612.

References

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov *(Dictionary of linguistic terms)*. Moscow: URSS publ., 2012. 576 p. (In Russian)
2. Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Sposoby verbalizatsii kognitivnogo nachala v nemetskoyazychnykh tekstakh patentnogo prava: original vs. perevod *(Ways of cognitive beginnings verbalization in German texts of a patent right: the original vs. the translation)* // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2017. No.3 (52). P. 51–56. (In Russian)
3. Bredikhin S. N., Vartanova L. R. Tekstologicheskie funktsii inoskazatel'nykh pereosmyslennykh konstruktsiy v smysloobrazovatel'nom aspekte *(Textual functions of allusive contemplative phrases in sense-making)* // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. No.2–3. P. 639–643. (In Russian)
4. Bredikhin S. N., Pelevina Yu. I. Realizatsiya perlokutivnogo effekta v razlichayushchikhsya lingvokul'turakh (na materiale znakov fono-graficheskoy derivatsii) *(Actualization of perlocution effect in differing linguocultures (on the material of phonographic derivation signs))* // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. No. 12. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. P. 28–36. (In Russian).
5. Komlev N. G. Komponenty soderzhatel'noy struktury slova *(Components of the substantive structure of the word)*. Moscow: URSS: KomKniga publ., 2005. 192 p. (In Russian).
6. Ostapova L. E. Osobennosti i priznaki slozhnykh okkazional'nykh substantivnykh nominatsiy v nemetskoy khudozhestvennoy literature *(Peculiarities and Signs of Nonce Compound Words in German Fiction)* // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University). 2009. No.3. P. 238–250. (In Russian)
7. Patsula Yu. H. Okkazionalizmy noveyshego vremeni: strukturno-semanticheskiy i funktsional'no-pragmaticheskiy aspekty *(Modern occasionalisms: structural, semantic, functional and pragmatic aspects)*: thesis. Rostov n/D., 2005. 167 p. (In Russian)
8. Yartseva V. N. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' *(Linguistic encyclopedic dictionary)*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 1990. 668 p. (In Russian).
9. Anfray J.-P. Continuous creation, occasionalism, and persistence Leibniz on Bayle // Physics and Metaphysics in Descartes and in his Reception. 2018. Vol. 1. P. 213–242.
10. Nefedova L., Kotlyarova T. Hypoverbalisation as a principle of meaning construction in short literary texts // Quaestio Rossica. 2018.Vol. 6. Issue. 2. P. 535–549.
11. Morgan M. Transgression, plurality, and the romance of philosophy // Journal of Speculative Philosophy. 2014. Vol. 28. Issue. 4. P. 537–551.
12. Rabaté P. Metamorphoses, natural discourse and moral philosophy of the miscellaneous humanists in Criticon // Bulletin Hispanique. 2015. Vol. 117. Issue. 2. P. 591–612.

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru

Махова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / zheltova.ira71@mail.ru
Чуднова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / chudnova08@mail.ru

Information about the authors

Bredikhin Sergey – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru
Makhova Irina – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreing Language, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / zheltova.ira71@mail.ru
Chudnova Olga – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreing Language, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / chudnova08@mail.ru

УДК 81-94

Н. Н. Дюмон

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕМУАРНОГО ЖАНРА «MÉMOIRES ET DICTÉES» («ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАПИСКИ») Ж. СИМЕНОНА

В данной статье рассматривается проблема определения и анализа идиостилевых черт мемуаров Жоржа Сименона «Mémoires et dictées («Воспоминания и записки») с позиции современной лингвистики текста и комплексной лингвостилистической интерпретации характера мемуаров на материале французского языка.

Мемуарная литература – литература в жанре мемуаров, разновидность документальной прозы и в то же время один из видов «исповедальной прозы». Актуальность, предпринятого исследования обусловлена, в первую очередь, массовым распространением мемуарного жанра в литературе. Во-вторых, она определяется значительным интересом в современной лингвистике и относится к «пограничным» жанрам (среди них эссе, биографии, мемуары, дневники и т.д.), что объясняется процессами трансформации жанровой системы на рубеже XIX–XX вв. в условиях очередного кризиса европейского художественного сознания. В этой связи особое значение для лингвистики приобретает анализ идиостиля автора мемуаров и, соответственно, совокупности языковых средств как уникального авторского способа реализации индивидуальной языковой картины.

Проблема и вопросы жанрового определения мемуаров рассматривались в трудах многих ученых и практиков, но, в основном, литературоведческого характера на материале Лежена Ф. и Шрайбера Э. Л. Из отечественных работ этого направления можно выделить Гальперина И. Р., Виноградова В. В., Нюбину Л. М. Вместе с тем вопросы лингвостилистического анализа мемуаров на материале французского языка еще не получили достаточного освещения.

Жорж Сименон – французский писатель бельгийского происхождения, один из самых известных представителей детективного жанра, с именем которого связано особое направление внутри детективного жанра литературы – социально-психологический роман. Сименон писал не только «чистые» детективы, но также и произведения, посвященные драматическому уделу личности в обществе. После 1972-го г. Жорж Сименон решил оставить детективные романы позади, и стал издавать только мемуары.

Анализ мемуарного произведения Ж. Сименона «Mémoires et dictées» («Воспоминания и записки») помог выявить его индивидуально-авторские особенности, которые характеризуются использованием минимума выразительных средств для передачи незаметных движений человеческой души, очерчивая при этом характер человека.

В работе автором доказано, что произведение Ж. Сименона «Воспоминания и записки» в полной мере соответствует критериям мемуарного жанра: произведение характеризуется субъективностью, присутствует ретроспективная композиция, сюжетность и четкая прорисовка создают эффект достоверности. Лексико-грамматические и стилистические особенности текста определяют идиостиль Ж. Сименона. Среди них автор статьи выделяет: использование числительных и дат, фразеологизмов при описании характера человека и манере его общения, а также при описании локальных характеристик; наличие простых и сложных предложений, глаголов настоящего и прошедшего времени; использование метафоры, эпитетов и сравнения. Все переводы выполнены автором данной статьи.

Ключевые слова: идиостиль, мемуары, лексико-грамматические особенности, стилистические особенности текста, субъективность, ретроспективная композиция, сюжетность.

N. Dyumon

LINGUISTIC FEATURES OF THE MEMOIR GENRE WORK “MÉMOIRES ET DICTÉES” (“MEMOIRS AND NOTES”) BY G. SIMENON

The article focuses on the problem of identification and analysis of specific features of the idiostyle of Georges Simenon’s memoirs “Mémoires et dictées (“Memoirs and Notes”) from the viewpoint of modern linguistics of the text and complex stylistic interpretation of the character of memoirs on the material of the French language.

The relevance of the research is determined by the following facts: 1) great popularity of the memoir genre in literature; 2) keen interest of the modern linguistics to “borderline” genres (essays, biographies, memoirs, diaries, etc). In this regard, the analysis of the author’s idiostyle and different linguistic means is very important as it lets us understand unique author’s way to express his point of view.

Georges Simenon is a French writer from Belgium, one of the most famous representatives of the detective genre, whose name is associated with a special trend in the detective literature – social-psychological novel. G. Simenon wrote not only “pure” detective stories, his works are also dedicated to the dramatic destiny of an individual in modern society. In 1972 G. Simenon decided to stop writing detective novels and began to publish only memoirs.

The analysis of the memoirs by G. Simenon “Mémoires et dictées” (“Memoirs and Notes”) helped to determine his author’s features, which are characterized by the use of a small number of expressive means to demonstrate imper-

ceptible movements of the human soul, while outlining the character of a person.

It is proved in the article that lexical, grammatical and stylistic features of the text “Mémoires et dictées” (“Memoirs and Notes”) determine G. Simenon’s idiostyle. They are: use of numerals and dates, use of the phraseological units to describe a person’s character, his manner of speaking and some local characteristics; use of simple and complex sentences, present and past tenses; use of metaphors, epithets and comparisons. All translations are by the authors of this article.

Key words: idiostyle, memoirs, lexical and grammatical features, stylistic features, subjectivity, retrospective composition, plot.

Как литературный жанр мемуарная проза зарождается в XIX–XX вв. во Франции, на почве зарождающегося индивидуалистического самоощущения. По своей сути, мемуары – записки о событиях, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев-современников, или людей, с которыми был знаком. В отличие от автобиографии, автор сосредоточен на окружающем мире, а не на истории своей личности. Мемуарные произведения примечательны тем, что они создаются людьми, для которых практика письма не является обязательной в жизни [3, с. 3].

Мемуарные тексты представляют собой фиксированную организацию высказываний. Вся представленная информация включает в себя информацию о годе, месте рождения и событиях личной жизни. Текстам мемуаров характерны повествования о жизненных событиях, которые несут в себе исторический характер. Мемуары являются одним из видов документально-художественного стиля. Мемуарам присущи черты документальной прозы [4, с. 2].

Для мемуарной прозы характерна ретроспективность – возвращение к прошлому. Ретроспективность в произведении характеризуется с помощью изобразительно-выразительных средств. Она предназначена для сообщения о прошлой жизни автора. Текст мемуарного произведения строится на основе строгой хронологии. Происходит взаимодействие двух временных планов: прошлого и настоящего [2, с. 211, 344–350].

Мемуары состоят из заглавного текста, предисловия, вступления, а также, возможно, фотографий с места событий. Они представляют из себя художественный текст, который состоит из нескольких глав. В свою очередь, каждая глава имеет свое имя и разную внутреннюю структуру. Не имея названия, глава нумеруется в соответствующем порядке. Внутри главы можно увидеть текст, который поделен на абзацы в соответствии со сменой событий, о которых говорит автор.

Произведение Ж. Сименона «Mémoires et dictées» («Воспоминания и записки») в полной мере соответствует критериям мемуарного жанра: произведение характеризуется субъективностью, присутствует ретроспективная композиция, сюжетность и четкая прорисовка создают эффект достоверности.

На страницах мемуарного произведения Сименона «Mémoires et dictées» можно увидеть, как автор задает себе много вопросов, на которые тут же отвечает. Такие ответы помогают читателю понять, каким был Сименон и чем дорожил [5].

В течение десяти лет Сименон беседовал сам с собой перед диктофоном, пытаясь сказать о том, что он «познал в течение долгой жизни», о том, что запало ему в сердце и душу [5].

То, что он надиктовал, печаталось на машинке секретарем писателя, а потом отправлялось в парижское издательство «Presses de la Cité». Таким образом появился двадцать один том воспоминаний Сименона. Именно такая нетрадиционная форма изложения оказалась наиболее приемлемой для писателя, который стремится высказаться, открыть душу незнакомым людям и помочь им понять самих себя и окружающий мир.

Воспоминания Сименона обладают большой искренностью, особенно в том, что касается его интимной жизни [6].

В своем цикле «Mémoires et dictées» («Воспоминания и записки») Сименон мысленно возвращается к прожитым годам, ко времени его литературных дебютов в Париже или к воспоминаниям о его путешествиях:

1. *«En tout cas, j’ai personnellement des souvenirs d’enfance immuablement remplis de soleil. Par exemple, les dimanches et lundis de Pâques». – «Во всяком случае, у меня лично воспоминания детства неизменно залиты солнцем. Например, пасхальные воскресенья и понедельники». «Liège est une ville pluvieuse. Cependant, toutes les Pâques, comme je me souviens, étaient ensoleillées et chaudes; il était possible de faire sans veste et manteau et de la force dans un nouveau chapeau de paille». – «Льеж — дождливый город. Однако все пасхи, какие я помню, были солнечные и теплые; можно было обойтись без курточки и пальто и пофорсить в новенькой соломенной шляпе»* [7].

Однако, он скрупулезно избегает того, что может походить на сенсацию, вызывать у читателя нездоровое любопытство. Сименон ведет неторопливое повествование, как бы стараясь ответить самому себе на вопросы в том, кем он был, чем была его жизнь и понять смысл своих поступков. Что указывает на **субъективность произведения**.

В центре внимания Сименона-писателя всегда простой человек, который полон героических порывов, надежд, повседневного мужества [5].

Писатель, обходясь минимумом изобразительных средств, в своих произведениях передал почти незаметные движения человеческой души, несколькими фразами очертил характер человека. Это – одна из сильных сторон мастерства романиста. Страницы воспоминаний прослеживают движения художественных поисков Сименона между двумя полюсами – изображением человека «вообще» и изображением людей в их конкретной социальной и исторической сущности.

Текст мемуарного произведения «Mémoires et dictées» характеризуется определенными лексическими особенностями, которые определяются обширным количеством числительных и дат ('le douze avril', 'mille neuf cent soixante huitième année'). Для произведения «Я диктую. Воспоминания» характерен разговорный тип письма. В своем произведении автор использует понятную, живую, свободную и доступную для читателя речь. Автор свободен в выборе слов и выражений. Такой стиль часто используется в беседах со знакомыми людьми в непринужденной обстановке.

В ряду главных жанрообразующих средств выделяются **лексические единицы**, захватывающие жизненные этапы, поскольку жанр мемуарной прозы посвящен описанию жизни. Когда автор описывает какое-то важное событие в его жизни он использует новую дату.

2. *«La même chose qu'en 1929. J'ai écrit mon premier roman. – То же самое произошло в 1929. Тогда я написал свой первый роман.» / «À 1938 j'ai découvert les autobiographies. – В 1938-м я впервые открыл для себя автобиографии.» / «J'ai perdu ma femme à 1930, c'est pourquoi j'ai quitté Liège. – Моя женщина ушла от меня в 1930, именно поэтому я покинул Льеж» / «J'espère que je passerai la frontière à 1960. – Надеюсь, что я пересеку границу в 1960-м» / «22 décembre 1973. Chaque année, à la même heure, une émission de télévision montre l'une des salles de l'Elysian Palace, où cent hommes et femmes âgés sont assis, nettoyés, brossés, vêtus de ce qu'ils ont de mieux; peut-être même ces vêtements qu'ils ont reçus dans le vestiaire, comme des figurants au théâtre. – 22 декабря 1973. Каждый год в это время по телевидению показывают один из залов Елисейского дворца, где сидят сто стариков и старух, чисто вымытых, причесанных, одетых в самое лучшее, что у них есть; возможно даже, эти наряды они получили в гардеробной, точь-в-точь как статисты в театре.» / «On nous dit non seulement ce qui se passera en 1980, mais bien plus tard - en 2000; plus loin – plus, et on nous dit déjà qu'il nous attend (en disant «nous», je veux dire pas nous-mêmes) en 2030, en 2050, etc. – Нам говорят не только о том, что будет в 1980 году, но и гораздо позже – в 2000-м; дальше – больше, и нам уже возвещают, что нас ждет (говоря «нас», я имею в виду не себя) в 2030, в 2050 году и т. д.»* [7].

На протяжении произведения Сименон нередко использует **англицизмы**, поскольку некоторые главы были написаны писателем, когда тот путешествовал по Англии и Америке. Таким образом, он становится более понятным и близким для читателя, ввиду мировой глобализации. Например:

3. *«Elle savait convoquer l'autorité nécessaire pour endosser le rôle du leader. – Она знала, что такое авторитет и могла показать себя лидером.» / «Je me lève à l'aube pour faire mon footing. – Я встаю на рассвете, чтобы совершить пешую прогулку.» / «C'est beau et très cool! – Как хорошо и классно!»/ «Elle passa un shampooing à moi. – Она мне задала головоломку.» / «Le grand méchant look. – Злой вид.» / «Je relax. – Я отдыхаю.» / «Elle est fashionable. – Она модно одевается.»* [7].

Также в произведении Сименона можно проследить такие англицизмы, как: «*week-end* (выходной день), *single* (один, единственный), *le look* (взгляд, внешность), *le jean* (джинсы), *les stock* (запас, ассортимент), *un dressing* (наряд, одежда), *le sandwich* (сэндвич), *la/le coach* (коляска, карета)» и т.д.

Использование местоимений **ça**, **on** указывает на преобладание элементов разговорной речи в тексте:

4. *«Je suppose que ça venait de ça. – Можно сказать, что именно это я и ощущал.» / «Chéri, ça va, ça vient. – Дорогая, что приходит, то и уходит.» / «Surtout maintenant que ça devient sérieux. – Именно сейчас все становится серьезным.» / «Quand on veut, on peut. – Кто ищет, тот найдет.» / «Quand on aime, on partage ses secrets. – Когда мы любим, мы делимся секретами.» En remplaçant* ***nous*** *le pronom* ***on*** *marque souvent l'orgueil* [7].

Автор передает информацию о месте своего пребывания, месте жительства, а также описывает места своих передвижений или обозначает место, где происходили те или иные события с помощью **единиц, отражающих локальные характеристики**:

5. *«Enfin, j'aime l'Angleterre. – Наконец, я полюбил Англию.» / «Celui-ci est en Angleterre, à Morton. – Это место находится в Мортоне, в Англии.» / «Oui, Paris sera ta Babylone. – Да, Париж станет моим собственным Вавилоном.» / «J'ai quitté Marseille il y a quelques semaines. – Я уехал из Марселля несколько недель назад.» / «Strasbourg, Nice, Monaco... – Страсбург, Ница, Монако…» / «Ce pourrait être la Sardaigne, ou la Sicile. – Это может быть Сардиния или Сицилия.» / «Italie. Un pays pleins de pâtes et de passion. – Италия. Страна полная макарон и страсти.»* [7].

Необходимо отметить **функционирование имен числительных**, которые используются для обозначения года, дня рождения, возраста, какой-либо даты, периода времени, в течение которого совершались события. Числительные, используемые автором, являются не только простыми, но и сложными. Сложные числительные, как, например, для обозначения года, состоящие из одного или нескольких слов пишутся через дефис:

6. *«Je suis né en mille neuf cent troisième. – Я родился в 1903.» / «J'ai écrit le premier roman en mille neuf cent vingt-neuf. – Я написал первый роман в 1929.» / «Je suis devenu membre de l'Académie royale de Belgique en mille neuf cent cinquante-deuxième. – В 1952-м стал членом Королевской академии Бельгии.» / «À la fin de mille neuf cent soixante-douze j'ai décidé de ne pas écrire plus de romans. – В конце 1972-го я решил больше не писать романы.» / «Et enfin, à mille neuf cent soixante-dix-neuvième, j'ai commencé à écrire Mémoires intimes. – И, наконец, в 1979-м я принялся писать 'Интимные романы'.»* [7].

Автор часто применяет в письменной речи оборот **il y a**, который служит для указания на наличие одного или нескольких предметов:

«Là où il y a une arme, il y a un délit. – Везде, где есть оружие, есть и преступность.» / «On dirait qu'il y a autre chose. – Говорят, что есть и другие вещи.» / «Et quand il y a de jolies femmes, j'essaie d'écouter tous les faits. – А когда речь заходит о прекрасных дамах, я пытаюсь выслушать всю информацию.» [7].

Предлог **à** в некоторых случаях служит связью глагола и последующего существительного или местоимения:

«Je pense à cette photo. – Я думаю об этой фотографии.» / Je pense beaucoup à Liège... – Я много думаю о Льеже.» / «Quand je pense à mes émotions, j'en reviens toujours à ma femme. – Каждый раз, когда я думаю о своих чувствах, я вспоминаю про свою леди.» / «Quand je pense à lui, son nom vient sur mes lèvres. – Когда я думаю о ней, ее имя срывается с моих губ.» [17].

В данном случае форма **Je pense à** выражает факт наличия мысли о ком-то или о чем-то.

С точки зрения использования временных форм глагола, следует отметить, что в тексте используются глаголы в форме прошедшего и настоящего времени. Поскольку **ретроспективность – одна из характерных черт мемуарного жанра, большая часть повествования ведется в форме прошедшего времени (Passé Composé, Imparfait)**:

«Il s'en passerait s'il disait la vérité. – Оно бы ему понадобилось, если бы он говорил мне правду.» / «Ce qu'il disait s'est avéré être un mensonge». – «Все, что он говорил, оказалось ложью.» «Ce qu'il disait était très éloigné de la vérité. – То, что он говорил, было далеко от истины.» «Je savais ce qu'il pensait. – «Я знал, о чем он думал.» «Ce que je pensais n'a aucune importance». – «То, что я думал, уже не имеет никакого значения.» «J'ignore à quoi je pensais». – «Даже не знаю, о чем я думал.» «Il était trois heures. Il n'y avait personne dans les rues. La pluie tombait». – «Было три часа. На улицах никого не было. Шёл дождь.» «Je commençais et finissais chaque jour avec l'espoir». – «Я начинал и заканчивал день с надеждой». «Le genre où il finissait en larmes. – «Безумный смех, который заканчивается слезами на глазах.» «Je commencais une phrase, elle finissait». – «Я начинал предложение, а она заканчивала». «Quand il ne compenait pas quelque chose, il venait toujours me voir. – «Когда он что-нибудь не понимал, то всегда приходил ко мне» [7].

Время **Imparfait** выражает прошедшее действие, при совершении которого совершилось бы какое-либо действие в прошлом, для обозначения незаконченного действия, а также для описания действия в прошлом, происходящего в момент речи.

Время **Passé composé** обозначает временной отрезок происходящего действия, которое уже завершилось и подтверждает присутствие говорящего, в частности, в данных мемуарах.

«J'ai toujours pas compris pourquoi elle l'a fait. – Я до сих пор не понял, почему она так сделала». / «– Paul, tu as compris ma demande. – Поль, ты понял, о чем я прошу.» / «Je suis revenu tard. – Я вернулся поздно.» / «J'ai bien compris cette règle. – Я хорошо понял это правило» [7].

Настоящее время автором практически не используется, за исключением моментов, когда писатель описывает моменты своей жизни в настоящем. Очень часто писатель использует глагол «parler»:

«Nous parlons, apprenons à nous connaitre. – Мы говорим, узнаем друг друга.» / «Nous parlons au téléphone pendant une heure tous les soirs. – Мы гвоорим по телефону каждый вечер.» / «Nous parlons de retourner vivre à Seattle. – Мы поговариваем о том, чтобы вернуться в Сиэттл.» [7].

На синтаксическом уровне языка можно отметить **простые предложения**, что делает речь более эмоциональной и динамичной: *«Il ne l'a pas faite». – «Он этого не делал.»* Сложные предложения представляют собой **сложносочиненные предложения**: *«Je te vois maintenant et je suis heureuse». – «Я вижу тебя сейчас и я счастлив.» / «Elle était un peu légère mais elle n'était pas méchante». – «Она была немного легкомысленна, но она не была злой.»* и **сложноподчиненные**: *«Je sais qu'il a peur». – «Я знаю, чего он боится.» «C'est la place où je suis né». – «Это место, где я родился.» «Paul est la personne que j'estime beaucoup». – «Поль – человек, которого я глубоко уважаю.»* [7]. Они указывают на логическую и интеллектуальную сторону речи.

В своем произведении автор меняет темы одна за другой. Они варьируются от узкобытовых до профессиональных, морально-этических и философских.

«L'homme continue à cacher sa solitude sous sa cruauté. Il présent ses avantages et ses inconvénients, ses possibilités et ses défauts. – Человек продолжает скрывать свое одиночество за жестокостью. Он знает свои достоинства и недостатки, свои возможности и пороки.»

Практически в любой части своего произведения Сименон использует местоимение **«Я»**. Герой произведения – сам Сименон. Роман написан от первого числа единственного числа:

«Maintenant, c'est très important car le temps presse. – Для меня сейчас это очень важно, ведь часики-то тикают.» / «C'est la seule chose à laquelle j'ai pensé. – Это единственное дело, о котором я думал.» / «Je l'espère de toute mon âme, mais je n'y crois pas. – Я всей душой надеюсь на это, но не верю.» [7].

Сименон использует **фразеологизмы** при описании человека. Таким образом, автор характеризует язык персонажа. Наиболее заметна роль фразеологизмов при описании манеры и типе речи вводимых персонажей. Такие манеры свойственны лишь одному персонажу в произведении:

«Paul a rougi jusqu'à la racine des cheveux. – Поль покраснел до корней волос.» / «Paul est fort

comme un boeuf. – Поль – здоров, как бык.» /«Il avait la tête à gifles. – Его лицо отталкивало.» / «Ma femme a été légère comme une plume. – Моя женщина была такой порхающей.» [7].

Но также автор использует фразеологизмы для описания ситуации:

«Tout est parti en cacahuète! - Всё пошло коту под хвост!» / «Elle en fait un fromage! – Она делает из мухи слона!» / «Écoute, il faut appeler un chat un chat. – Послушай, называй вещи своими именами.» / «Je suis heureux, aux anges... et très fier qu'elle accepte de m'épouser. – Я на седьмом небе от счастья из-за того, что она согласилась стать моей женой.» / «On a fait une montagne d'un rien. – Люди делают из мухи слона.» [7].

Говоря об эмоциональных средствах выразительности, можно выделить следующие: **метафоры, сравнения и эпитеты**, которые используются в тексте с целью создания более ярких, выразительных образов, явлений, а также выражения авторских оценок и эмоций.

«Elle avait les yeux gros et saillants. – Ее глаза были на выкате.» / «La pluit qui dit clic clac. – Дождь, который говорит клик клак.» / «Il n'est pas dans son assiette. – Он находится не в своей тарелке.» / «Ça vient de mon coeur. – Это происходит из чистых побуждений.» / «Il a bu la cigarette. – Он взахлеб курил сигарету.» / «Nos yeux se sont rencontrés. – Наши взгляды встретились.» / «Il est avare comme un rat. – Он скуп, как крыса.» / «Ma femme est un petit chou. – Моя дама – милочка.» / «Il est toujours prêt à briser notre glace. – Он всегда готов выдать наши с ним секреты.» / «Martin est bien dans ses basquettes. – Мартану хорошо в своей шкуре (Мартан хорошо живет).» / «Martin toujours porte la culotte dans sa famille. – Мартин всегда командует в своей семье.» [7].

В своем произведении Сименон часто употребляет слова с приставками – а-, анти-, не-, по-, меж-, сверх-: *«stable – неуклонный, ferme – несгибаемый, de manière professionnelle – как профессионал, d'une manière nouvelle – по-новому, la puissance – сверхсила, apolitique – аполитичный»* [7].

«Paule est restée calme et stable. – Поль оставался спокойным и непреклонным.» / «Notre lien avec elle est ferme. – Наши отношения с ней несгибаемы.» / «Je fais juste cela de manière professionnelle. – Я этим занимаюсь по работе.» / «J'imagine que j'essaye juste de regarder les choses d'une manière nouvelle. – Я просто стараюсь взглянуть на вещи по-новому.» / «Si elle pouvait sentir la puissance qui me traverse... – Если бы она могла прочувствовать силу, которая разрастается вокруг меня…» [7].

В работе Сименона можно часто встретить **парцелляцию**. Здесь может показаться, что писатель намеренно использовал ее для привлечения внимания к отдельным частям сказанного:

«Même avec les magasins. Sur le boulevard de la Madeleine – grand, chic. Plus près du boulevard Saint-Martin – plus facile, plus accessible. – То же самое и с магазинами. На бульваре Мадлен – большие, шикарные. Ближе к бульвару Сен-Мартен – проще, доступней.» / «Je leur dis. Je m'étais marié. Je retournerai pas à Liège. Je leur ai écrit des notes pour les inspirer pendant la journée. – Я сказал им, что женился. И в Льеж я не вернусь. Я написал им вдохновляющие утренние записки.» / «J'ai écrit. Un poème. Sur ma femme. J'ai écrit ça il y a 3 ans et c'est enfin d'actualité. – Я написал. Поэму. Своей женщине. Я написал ее три года назад и сейчас, наконец, могу ее озвучить.» / «Et j'étais prêt à fuir. Immediatement. – Я готов был уйти. Сразу же.» [7].

В своей работе Сименон употребляет **иронию и самоиронию**, чтобы читатель смог стать на место Сименона и провести параллель между воспоминаниями автора и своей жизнью. Такие слова и словосочетания писатель ставит в кавычки:

«Je sais pas. Je dois dire que j'en suis 'hereux' et 'fier' – «Я не знаю этого». «Но должен признаться, что я 'счастлив' и 'горд' насчет этого.» «Je sais ce qu'elle veut dire. Je ne 'rentrerai' pas dans les détails ic»i. – «Я знаю, что она имеет в виду. Не хочу 'входить' в детали.» «Si seulement il pouvait être aussi 'heureux' que moi». – «Желаю ему жить на покое так же 'счастливо', как 'живу' я.» [7].

Известно, что существует разница между лексическим и стилистическим значением слова, где лексика несет понятие о референте, а стилистическая сторона слова несет информацию о субъекте речи и вообще о пространстве коммуникации.

Следует отметить и арго, слова и словосочетания, которые помогают определить того или иного героя к определенной социальной среде.

«Il aurait pu me tuer, en plaisantant. Son poing m'a fait l'effet d'un roc». – «Он бы мог, шутя, убить меня. Его кулак все равно, что молоток.» (В данном примере глагол «убить» свойственно терминологии полицейских) [7].

Сименон также употребляет **метафору** и **сравнение**, которые используются для создания одних и тех же образов, и различие между ними часто является формальным и заключается в присутствии союза «как, как будто»:

«J'ai eu l'impression de jouer pour des statues. – У меня было ощущение, что я говорю с истуканами.» (В данном примере речь идет о формальном сходстве героя со статуей (истукан), потому что стоял он, не двигаясь с места, дожидаясь свою возлюбленную.) / *«Ma femme a réchauffé mon cœur comme le soleil. Sa sourire est un soleil. – Моя женщина согревает меня своим теплом, словно солнце. Ее улыбка солнцу подобна.» / «Pour moi, ce fut une fatalité, inévitable comme la fin du jour, mystérieuse comme le lever du clair de lune. – Для меня это было подобие злого рока, неуловимый, словно начало дня, – и таинственный, словно полнолуние.» / «Elle est comme la nuit, la tempête, et le coeur du soleil. – Она для меня словно ночь, словно буря в сердце солнца.» / «Comme si cette nuit-là m'avait enlevé des choses que tu avais emportées. – Та ночь словно забрала у меня все силы, что ты мне подарила.» / «Nous avons*

parlées toute la nuit que c'était le dernier jour sur terre. – Мы проболтали всю ночь, как будто это был последний день на Земле.» / «Notre rencontre était juste comme un rêve d'une nuit d'été. – Наша встреча была похожа на сон в летнюю ночь.». Это дает читателю *возможность анализа своих ощущений и представлений с эмоциональной точки зрения* [7].

Итак, используемые **стилистические средства** помогают автору сделать свою речь понятной и доступной читателю. Писатель передает незначительные нюансы, но в то же время дает полное представление о происходящих событиях и окружении.

Анализ мемуарного произведения Ж. Сименона «Воспоминания и записки» помог выявить его индивидуально-авторские особенности и сделать автору статьи следующие выводы: 1) обходясь **минимумом изобразительных средств**, в своих произведениях Сименон передал почти незаметные движения человеческой души, несколькими фразами, очертил характер человека, что является одной из сильных сторон мастерства романиста; 2) использование единиц, отражающих локальные характеристики, личного местоимения «Я», имен числительных, ссылающихся на определенную дату и единиц лексико-семантической группы наименований родства характерно для языкового воплощения жанра мемуарной прозы. Следовательно, вышерассмотренные особенности текста мемуарной прозы на лексическом и грамматическом языковых уровнях подчеркивают оригинальный текст Жоржа Сименона.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста. Учебное пособие. М.: ЛОГОС, 2003. 173 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Лежен Ф. В защиту автобиографии URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html (Дата обращения: 21.09.2019).
4. Нюбина Л. М. Мемурный текст как многогранный когнитивный феномен. Познание: Сборник научных трудов. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_128694.doc.htm(Дата обращения: 21.09.2019).
5. Assouline P. Simenon. Paris : Gallimard, 1992. 1059 с.
6. Le nouveau petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris: Le Robert, 1993.
7. Simenon J. Mémoires et dictées. Paris: Presses de la cité, 1984. 147 с.

References

1. Valgina N. S. Teoriia teksta *(Text theory)*. Moscow: LOGOS publ., 2003. 173 p. (In Russian)
2. Vinogradov V. V. O iazyke khudozhestvennoi prozy *(About the language of fiction)*. Moscow: Nauka publ., 1980. 360 p. (In Russian)
3. Lezhen F. V zashchitu avtobiografii *(In defense of an autobiography)* URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html (Accessed: 21.09.2019).
4. Niubina L. M. Memurnyi tekst kak mnogogrannyi kognitivnyi fenomen *(Memorial text as a multifaceted cognitive phenomenon)* URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_128694.doc.htm (Accessed: 21.09.2019).
5. Assouline P. Simenon. Paris: Gallimard, 1992. 1059 s.
6. Le nouveau petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris: Le Robert, 1993.
7. Simenon J. Mémoires et dictées. Paris: Presses de la cité, 1984. 147 s.

Сведения об авторе

Дюмон Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / djumon18@mail.ru

Information about the author

Dyumon Natal'ya – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Roman-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University (Stavropol) / djumon18@mail.ru

УДК 811.161.1

Е. Н. Зубкова

МЕНТАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *АЛКОНОСТ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрена, изучена и проанализирована специфика эволюции лексической семантики, заимствованной из греческого языка номинации алконост в русской языковой картине мира.

Цель настоящей статьи – исследовать особенности ментализации заимствованной лексики при ее усвоении русским языком на примере названной номинации, показать специфику смысловых приращений лексемы алконост в соответствующих контекстах бытования.

Актуальным является произведенный в рамках исследования компонентный и контекстный анализ экспликации компонентов семного состава рассматриваемой лексемы в русской лингвокультуре. Принципиально новым в работе представляется выявление автором основных направлений развития семантики заимствованных номинаций, относящихся к лексико-семантической группе «фантастические птицы», в русском языке.

В статье сделан вывод о том, что в процессе ментализации исходное значение номинации алконост ‘мифологическая женщина-птица’ в русской лингвокультуре одновременно развивалось в двух направлениях – ‘фантастическая птица-женщина’ (‘русская фантастическая райская птица’) и ‘реальная морская птица’. Автором отмечено, что для значения ‘фантастическая птица-женщина’ характерно сохранение проявлений мифологического антропоцентризма.

На основе контекстов бытования лексемы алконост, полученных с помощью метода сплошной выборки при работе с Национальным корпусом русского языка, автором установлено, что в русском языке для исследуемой номинации в большей степени характерна метонимизация (5 вариантов), чем метафоризация (1 вариант). В ходе исследования также выявлен пример омонимии – собственное имя Алконост[2] со значением ‘название прибора’.

Материалы исследования получены в ходе работы с русскими словарями разного типа (энциклопедическими, мифологическими, этнолингвистическими, этимологическими, историческими, толковыми, словарями иностранных слов) и Национальным корпусом русского языка.

На основе указанных материалов установлено, что на семантику лексемы алконост оказали влияние номинации гамаюн, сирин и жар-птица.

Ключевые слова: лексическая семантика, лексическое значение, ментализация, семантические компоненты, метонимизация, лексема алконост.

E. Zubkova

MENTALIZATION OF THE LEXEME *ALKONOST* IN RUSSIAN LANGUAGE

The article studies and analyzes the specificity of the lexical semantics evolution of borrowed from the Greek language alkonost nomination in the Russian linguistic picture of the world.

The purpose of this article is to study through the given nomination the specificity of the mentalization of borrowed words in case of their assimilation in the Russian language as well as to show the semantic increments characteristics of the lexeme alkonost in the relevant contexts of existence.

The study offers relevant componential and contextual analysis of the seme component expressions in Russian linguistic culture. The author provides a fundamentally new specification of the basic directions of semantics development of borrowed nominations related to the lexico-semantic group “fantastic birds” in Russian.

The article concludes that the initial meaning of alkonost nomination ‘mythological woman-bird’ during the mentalization process in the Russian linguoculture was developed in two directions at the same time – ‘fantastic bird-woman’ (‘Russian fantastic bird of paradise’) and ‘real sea bird’. The author noted that the meaning ‘fantastic bird-woman’ is characterized by the keeping of the mythological anthropocentrism manifestations.

Based on the contexts of existence of lexeme alkonost which were obtained using the sampling method through the National Corps of the Russian language, author found that metonymization (5 versions) is more common than metaphorization (1 version) for the explored nomination in the Russian language. The study also discovered an example of homonymy – proper name Alkonost[2] with the meaning ‘device name’.

The research materials were obtained during the work with different types of Russian dictionaries (encyclopedic, mythological, ethnolinguistic, etymological, historical, explanatory ones, dictionaries of foreign words) and the National Corps of the Russian language.

Based on these materials, it was found that the semantics of alkonost nomination were influenced by hamayun, sirin and firebird nominations.

Key words: lexical semantics, lexical meaning, mentalization, semantic components, metonymization, lexeme alkonost.

Мифологическое мышление, представляющее собой древнейшую неотъемлемую составляющую сознания человека и воплощаемое в мифологию, является важной частью национальной картины мира. Оно «представляет собой творение в воображении или с помощью воображения

иной действительности – субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных («священных») установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения» [9, с. 15].

Мифологическое мышление оказало большое, но не осознаваемое современными носителями языка, влияние на языковую картину мира. В каждом языке представлены, например, наименования предметов, реально не существующих, но имеющих место в языковом сознании в виде определенной мифологии. Появление номинаций такого типа возможно благодаря тому, что признаки, составляющие их основу, могут быть не только не существенным или случайным, но даже нереальным.

Такая неразделенность реально существующего и сверхъестественного мира в рамках мифологического мышления привела к появлению образов фантастических птиц в русской лингвокультуре.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого дается следующее определение понятию ***птицы***: «особая группа животных персонажей, представленных в народной культуре как собирательно, так и индивидуально и отличающихся от других групп животных способностью летать (а от летающих насекомых – неспособностью ползать)» [16, с. 345]. Птицы фантастические в основном встречаются в фольклоре, книжной традиции, реже – в поверьях. Нередко лексемы для их номинации заимствовались из других языков.

Освоенным заимствованием можно считать такое слово, которое приспособилось фонетико-графически и морфологически к системе заимствующего языка и адаптировалось семантически в ней. На наш взгляд, среди семантических процессов, которые могут происходить с ассимилирующимися и освоенными иноязычными словами, особый интерес представляют случаи, когда значение лексемы в заимствующем языке далеко отходит от ее исходной семантики в языке-источнике.

Вслед за Е. М. Верещагиным, под ментализацией заимствованных слов (или семантическим расхождением между заимствованным словом и его «этимоном») будем понимать «переход с понятийного на более сложный и разветвленный фоновый уровень, перевод не исходного слова-термина, а какой-либо семантической доли из его смыслового объема» [4, с. 111]. Данная статья ставит своей целью проанализировать ментализацию заимствованной лексики при ее усвоении русским языком на примере номинации фантастической птицы **алконост**.

Материалы исследования получены в ходе работы с дефинициями, извлеченными из русских словарей разного типа (энциклопедических, мифологических, этнолингвистических, этимологических, исторических, толковых словарей и словарей иностранных слов), и данными Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (цитирование опирается на материалы НКРЯ).

Ведущими являются следующие методы исследования: метод анализа словарных дефиниций при работе с лексикографическими источниками, метод компонентного анализа значения слова при работе с лексикографическими источниками, метод сплошной выборки при работе с НКРЯ для отбора материала исследования, метод контекстного анализа смыслов лексемы при работе с контекстами бытования лексем, общенаучные теоретические методы (метод наблюдения, описания, обобщения).

В ходе исследования нами было обнаружено, что для лексемы **алконост** характерна широкая включенность в состав словника лексикографических изданий различного типа. В русских энциклопедических (2 словаря), мифологических (2 словаря), этнолингвистических (4 словаря), этимологических (2 словаря), исторических (7 словарей), толковых (1 словарь) словарях и словарях иностранных слов (4 словаря) было найдено 22 дефиниции данного слова [2, с. 376], [1, с. 443], [11, с. 50], [10, с. 35], [17, с. 100], [27, с. 25], [14, с. 32–33], [15, с. 20–21], [25, с. 71], [27, с. 76], [18, с. 24], [222, с. 6], [8, с. 17], [19, с. 29], [20], [5, с. 11–12], [23, с. 11], [21, с. 94], [13, с. 36], [7, с. 23], [3, с. 25], [6, с. 17]. Данные Национального корпуса русского языка (Основной подкорпус) показывают обратную ситуацию частотности для лексемы ***алконост***: она встретилась только в 30 документах, при этом всегда употреблялась без кавычек и пояснений: *«Они изображали райских птиц Сирина,* ***Алконаста*** *и Гамаюна, <…>.* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)]» [12].

Слово ***алконост*** восходит к древнерусскому (старославянскому по Н. М. Шанскому) языку и представляет собой фонетическое и морфологическое преобразование на русской почве древнерусского выражения, включавшего греческое слово: ***алкионъ*** *есть птица* [24] [28, с. 76]. В словарных статьях фиксируются следующие орфографо-графические варианты оформления лексемы в русском языке: ***алкион (алкиона) – алцион – алкуонес – алконос – алконост***. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается, что номинация ***алконост*** становится частотной с XV в., из Палеи XVI в. она переходит в азбуковники [25, с. 71].

Заимствована же русским языком лексема ***алконост*** была примерно в XI в. напрямую из греческого языка, в котором первоначально имела значение ‘зимородок’, позже трансформировавшееся в название мифологической птицы [15, с. 20–21], [25, с. 71], [28, с. 76]. Это значение номинации базируется на древнегреческом этиологическом мифе, который мы можем примерно восстановить, опираясь на словари. Так, царица Алкиона была обращена в зимородка (***алкиона***) Зевсом в наказание за их с мужем тщеславие и богохульство или Фетидой в награду за супружескую преданность и любовь. В облике морской птицы Алкиона могла успокаивать море и чудесно петь.

В структуре мифологического значения слова ***алконост*** мы выделили, по данным русских энциклопедических, этнолингвистических и мифологических словарей, следующие семантические компоненты: ‘источник сюжета’, ‘причина превращения в птицу’, ‘вид птицы’, ‘обозначение индивидуального объекта’, ‘гендер (феминность)’, ‘семья’, ‘социальная характеристика’, ‘особенности поведения’, ‘способности’, ‘локализация’, ‘связь с божествами’. В мифах номинация ***алконост*** с точки зрения этики оценивалась двойственно, что отмечается в «Большой энциклопедии. Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знания» под редакцией С. Н. Южакова, где приводится два варианта причины трансформации женщины в птицу (ее наказание или награда) [2, с. 376]. Постепенно в греческой культуре наблюдается сужение мифологического компонента значения данного слова вплоть до фиксации исключительно самого факта волшебного превращения. Как номинация мифологической птицы лексема ***алконост*** также входит в состав идиомы ***алкионины (алкионовы, алконостовы) дни*** со значением ‘штиль и тихая погода’, которое базируется на семах исходного значения ‘морская’ и ‘положительно влияющая на погоду’ [2, с. 376], [15, с. 20–21].

В русском языке номинация ***алконост*** толкуется как: 1) собственно русская фантастическая птица, отличная по своим характеристикам от мифологического ***алкиона/Алкионы***; 2) реальный вид морской птицы (зимородок), относящийся к определенному семейству. На наш взгляд, оба значения возникли на базе редуцированного мифа.

Итак, произошел определенный семантический сдвиг в структуре значения лексемы. Вместе с древнегреческим мифом о птице были утрачены семы ‘причина превращения в птицу’, ‘обозначение индивидуального объекта’, ‘семья’, ‘особенности поведения’, ‘связь с божествами’. Как следствие идиоматическое выражение ***алкионины (алконостовы) дни*** перестает употребляться. Семантические компоненты ‘источник сюжета’, ‘гендер (феминность)’, ‘социальная характеристика’, ‘локализация’, ‘оценка’, ‘количественная характеристика’ в той или иной степени трансформировались, при этом сохранив связь с древнегреческим мифом об Алкионе. Отметим, что сема ‘способности’ (‘управление ветрами и погодой’; ‘чудесный голос, заставляющий забыть обо всем’) осталась практически неизменной. Положительная этическая оценка наименования ***алконост*** стала причиной появления в структуре его значения аналогичной эстетической оценки, при этом происходит утрата отрицательного варианта этической оценки.

В русской лингвокультуре в значении номинации ***алконост*** акцентируется необычная внешность птицы, ее качественная характеристика и связь с другими фантастическими птицами. В структуре значения слова алконост появились, по данным русских энциклопедических, этнолингвистических, мифологических, этимологических, исторических, толковых словарей и словарей иностранных слов, следующие семантические компоненты: ‘прототип’ (***вилы***[1] / ***стратим***[2]), ‘птица-сестра’ / ‘птица-пара’ (сирин[3]), ‘качественная характеристика’ (‘птица радости’; ‘сказочная’; ‘фольклорная’; ‘мифическая’; ‘святая’), ‘внешность’ (‘разноцветные перья’; ‘птица с человеческим (женским) лицом’; ‘полуженщина-полуптица’; ‘прекрасная’; ‘крылья, но человеческие руки’), ‘птица со схожими функциями’ (***страфиль*** / ***стратим***), ‘использование образа’ (‘народная культура’ (живопись, литература); ‘древнерусская литература’; ‘искусство неоромантизма’), ‘символ’ (‘божий промысел’; ‘божье милосердие’).

Представленные в исторических словарях и НКРЯ (Основной подкорпус) контексты употребления номинации ***алконост*** позволяют сделать вывод, что для носителя языка при характеристике этой фантастической птицы наиболее важными являются следующие семантические компоненты: ‘гендер’ (преимущественно ‘феминность’), ‘качественная характеристика’ (‘мифическая’; ‘фантастическая’; ‘сказочная’; ‘птица радости’; ‘волшебная’; ‘вдохновляющая’; ‘хищная’; ‘птица смерти и печали’), ‘внешность’ (‘огненная’), ‘способности’ (‘способность успокаивать море’; ‘прекрасный голос’; ‘вещая’; ‘говорящая’), ‘локализация’ (‘морская’; ‘райская’), ‘оценка (этическая положительная и отрицательная)’, ‘связь с другими фантастическими птицами’ (‘птица в одном ряду с ***сирином***, ***гамаюном***[4], ***жар-птицей***[5]’).

Отметим, что окказиональные семы в структуре значения номинации ***алконост*** связаны с фантастической сущностью птицы, ее необычной окраской и мужским гендером. Проиллюстрируем последний семантический компонент ‘маскулинность’, встретившийся только в предложении из документа начала XVIII в. и подчеркнутый употреблением дважды личного местоимения 3 лица мужского рода единственного числа: *«На морских же волнах гнѣздо* ***алкиона*** *птицы, о неиже повѣствуют: яко егда* ***он*** *на водах морских гнѣздо себѣ устелет, никогда же буря на морѣ*

[1] Прим.: Вилы – «женский мифологический персонаж южных славян (…), по ряду признаков сходный с восточнославянской русалкой и западноевропейской богинкой» [15, с. 76].

[2] Прим.: Стратим – мифическая птица, упоминаемая в Голубиной книге; как и алконост, ««детей производит на океане-море» и при этом обладает властью над погодой; от ударов ее крыл рождаются ветры и подымается буря» [27, с. 25].

[3] Прим.: Сирин – райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам; «в русском искусстве С. и алконост – традиционный изобразительный сюжет» [10, с. 492].

[4] Прим.: Гамаюн – вещая птица, глашатай богов; «изображали эту птицу с женским лицом и грудью; иногда – просто большой птицей, вылетающей из морских глубин» [27, с. 206–207].

[5] Прим.: Жар-птица – чудесная птица в восточнославянской сказке; ее золотая окраска и золотая клетка связаны с тем, что «птица прилетает из другого («тридесятого») царства» [14, с. 180–181].

не бывает, донели же ***он*** *дѣти выведет.* Политиколепная апофеосис, М., 1709, 20» [20].

На наш взгляд, семы ‘вещая’ и ее вариации ‘вдохновляющая’, ‘говорящая’, могут быть или развитием семы ‘прекрасный голос’, или заимствованием (наряду с семой ‘птица в одном ряду с ***гамаюном***’) у лексемы ***гамаюн***, пришедшей в русский язык во второй половине XVI в.: *«Он завораживал и старого и малого, и слова его и певучий, проникновенный голос звучали как музыка. Так, вероятно, пели и эти* ***вещие*** *птицы – Сирин и* ***Алконост***. [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]»; *«Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему два маленьких* ***стихотворения****,* ***внушенные*** *Сирином,* ***Алконостом*** *и Гамаюном В. Васнецова.* [А. А. Блок. Автобиография (1915)]»; *«Дева Феврония в белой блузке, черной юбке и кедах бродит по условному лесу, где прибит огромный рукомойник и стоят кувшины в человеческий рост, и* ***разговаривает*** *с птицами Сирином и* ***Алконостом***. [Б. Езерская. Мариинский на сцене мет (2003) // «Вестник США», 2003.08.20]» [12].

Семантические компоненты ‘хищная’ и ‘птица смерти и печали’ являются, по нашему мнению, заимствованными у лексемы ***сирин***, появившейся в русском языке не позже XI в., и восходят, в том числе, к мифу о ***сирене***[1] (прототипе ***сирина***): *«Солдаты черны, с длинным ромбовидным хвостом, стремительны,* ***мрачно-хищны*** *и вещи,* ***как птица Алконост – птица смерти и печали***. [Ю. Казаков. На мурманской банке (1961–1962)]» [12].

Отметим, что по данным НКРЯ (Основной подкорпус) в структуре значения лексем ***алконост*** появились семы, связанные с окраской птицы. Предполагаем, что данные компоненты были заимствованы у номинации ***жар-птица***: *«Сирин и* ***Алконост»*** *–* ***огненные птицы****, чарующие людей волшебными песнями о счастье. <…> Там люди в хитонах, в рубашках, голые – и в раю, и в аду, <…>, там Сирин и* ***Алконост, горящие, как жар-цвет****…* [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]» [12].

Отметим, что лексемы ***сирин*** и ***гамаюн*** также подверглись процессу семантического заражения (контаминации)[2] со стороны номинации алконост, но рассмотрение данного семантического явления не входит в задачи нашей статьи.

В текстах, представленных в НКРЯ (Основной подкорпус), номинация ***алконост*** может изменять положительную этическую оценку, характерную для словарных дефиниций (а), на отрицательную (б): а) «<…>: *Людмила Владимировна изображала птицу печали, Сирина, а Любовь Алексеевна –* ***птицу радости, Алконоста***. [Н. О. Лосский. Воспоминания: жизнь и философский путь (1968)]» [11]; б) *«Солдаты черны, с длинным ромбовидным хвостом, стремительны,* ***мрачно-хищны*** *и вещи, как* ***птица Алконост – птица смерти и печали****.* [Ю. Казаков. На мурманской банке (1961–1962)]» [12]. Отметим, что в текстах, представленных в НКРЯ, номинации алконост полностью утрачивает оценку с точки зрения эстетики.

В НКРЯ (Основной подкорпус) мы также нашли пример омонима, это собственное имя ***Алконост***[2], употребляющееся как название прибора. Данный омоним, по нашему мнению, возник на базе фантастического значения слова: *«В большую дорожную сумку я бросил все наши деньги, аптечку, свой раухер,* ***блок памяти от «Алконоста»*** *Якова и, наконец, ББГ-камеру. <…> Якову сделали выгородку из стеклоблоков, там он и сидел на пару с «КРК» – сверхмощным раухером, не чета* ***переносному «Алконосту»****, который был у него на турбазе.* [А. Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)]» [12].

В целом метафоризация не характерна для номинации ***алконост***. Среди прозаических документов, представленных в НКРЯ (Основной подкорпус), мы нашли один вариант метафорического употребления по модели НЕЧТО ЕСТЬ НЕЧТО – ‘изображение в виде птицы’ (*«Это была ее спальня, и на том же месте стояла ее кровать, и все так же на стене висел* ***резной шкафчик-аптечка с поблекшим Алконостом*** *и Сирином* ***на дверцах****, – из него она взяла тогда морфий.* [А. Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга третья. Хмурое утро (1941)]» [12]), которое активизирует такие семы прямого значения, как ‘фантастическая’ и ‘фольклорная’. Полагаем, что метафора возникла на базе фантастического значения слова.

Метонимический перенос номинации ***алконост*** более продуктивен. Среди прозаических документов, представленных в НКРЯ (Основной подкорпус), мы нашли 5 вариантов метонимического употребления лексемы по смежности социальной характеристики или вследствие употребления слова в качестве названия предмета с изображением птицы ***алконост***, которые базируются на фантастическом значении слова:

1) ‘прозвище человека’ по его месту работы (символистское издательство С. М. Алянского «Алконост» (1918–1923) с соответствующим логотипом) (*«И через четырехлетие «Опыта»* ***Алконост – С. М. Алянский****, «волисполком обезьяний», мытарства и огорчения книжные, бесчисленные, как заседания, прошения Луначарскому, разрыв и мировая с Ильей Ионовым.* [А. М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917–1924)]» [12]);

2) ‘титул (иронический)’ по смежности оценки социального статуса (*«Я император птиц! –*

[1] Прим.: Сирена – «в греческой мифологии демонические существа, рождённые рекой Ахелоем и одной из муз»; полуптицы-полуженщины, заманивающие пением моряков на гибель [10, с. 492].

[2] Прим.: Процесс семантического заражения (контаминация) – влияние синтагматических связей слова на формирование его значения: «контекстные значения, реализуемые в них, становятся значением слова, и оно вступает в последующие синтагматические связи уже в новом, контекстуально приобретенном значении» [26, с. 123].

*восклицал он. – **Князь Алконост**, хан Гамаюн, непокоренный Буревятник!* [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]» [12]);

3) ‘название предмета искусства (картины)’, т.е. употребление вместо выражения «картина с названием «Птица Алконост»» (*«Посетили его и «Высочайшие»: <…>, причем Сергей Александрович приобрел **«Птицу Алконост»**, а Павел Александрович прекрасные рисунки к «Купцу Калашникову», что сейчас находятся в Русском музее*. [М. В. Нестеров. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания (1926–1928)]» [12]);

4) ‘название организации (книжного издательства)’ по соответствующему логотипу издательства с изображением птицы (*«**Издательство «Алконост»** связало собою имена Ал. Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Иванова-Разумника, А. Ремизова, Анны Радловой, К. Эрберга*. [М. А. Кузмин. Мечтатели (1921)]» [12]);

5) ‘название (ироническое) административной единицы’ по смежности оценки социального статуса (*«Каково, приглашают прямо в сердце империи, на ферму «Галифакс», **в окрестностях Алконоста**, графство Йорноверблюдо, мальчики и девочки! Раз приглашают, значит, поехали!* [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]» [12]).

Итак, на основе полученных сведений можно прийти к выводу, что общее значение лексемы ***алконост*** изменялось следующим образом: от значения ‘мифологическая женщина-птица’ развитие одновременно шло в двух направлениях – ‘фантастическая птица-женщина’ (позже в русской лингвокультуре ‘русская фантастическая райская птица’) и ‘реальная морская птица’. Отнесенность номинации ***алконост*** к разряду имен собственных, характерная для мифологии, утрачивается. В то же время наблюдается сохранение проявлений мифологического антропоцентризма в отношении значения ‘фантастическая птица-женщина’.

Для изучаемой номинации в русском языке характерно с одной стороны сужение значения, с другой – его расширение вплоть до ментализации. В русской лингвокультуре, преимущественно, сохранилась амбивалентная этическая оценка птицы, при этом номинация ***алконост*** стала оцениваться положительно с точки зрения эстетики. В семантическом плане влияние на лексему ***алконост*** оказали номинации ***гамаюн***, ***сирин*** и ***жар-птица***.

Литература

1. Большая Советская энциклопедия: в 30 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т.1. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1970. 608 с.

2. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. В 22 т. / под ред. С. Н. Южакова. Т.1. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1900. 800 с.

3. Бурдон И. Ф. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней / сост. по лучшим источникам Бурдон и Михельсон. 11-е изд. М.: А. Я. Панафидина, 1907. 476 с.

4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение: сб. науч. тр. М.: Рус. яз., 1982. С. 89.

5. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Типография Вильде, 1898. 1120 с.

6. Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык: с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / составил по русским и иностранным источникам Е. Ефремов / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Изд. 2-е. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1912. 605 с.

7. Мартыновский, Ковалевский Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150000 иностранных слов. М.: Издание Е. В. Манухиной, 1886. Ч. 1. 274 с.

8. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. 1. 1420 с.

9. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

10. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 672 с.

11. Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1980. 1147 с.

12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 01.09.2019).

13. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. / А. Д. Михельсон. 9-е изд. Москва: «Русская тип» А. О. Лютецкого, 1883. 752 с.

14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной, Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.

15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой, Т. А. Агапкиной, О. В. Беловой, Л. Н. Виноградовой, В. Я. Петрухина. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2014. 512 с.

16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти томах / под общей ред. Н. И. Толстого. Т.4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

17. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти томах / под общей ред. Н. И. Толстого. Т.1. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.

18. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 тт. Ч.1. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1806. 1310 с.

19. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. редактор С. Г. Бархударов. М.: Издательство «Наука», 1975. Вып. 1. 375 с.

20. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. Вып. 1. 224 с. URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/ (Дата обращения: 01.09.2019).

21. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. (Большой академический словарь, БАС) / Академия Наук СССР, 17. Институт русского языка. Т.1. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 768 с.

22. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 тт. Т. 1. СПб.: Типография при Императорской Академии наук, 1847. 439 с.

23. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописям автора. Т. 1. СПб. – М., 1880. 723 с.

24. Фасмер М. Греко-славянские этюды III. Греческие заимствования в русском языке. СПб.: тип. Имп. АН, 1909. 236 с. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10079685 (Дата обращения: 01.09.2019).

25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина: В 4 томах. 2-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

26. Федосеева И. В. Социолингвистические и культурологические аспекты процесса заимствования в российском политическом социолекте 90-х гг. XX в. – начала XXI в.: дис. … кан. филол. наук. Ставрополь, 2003. 322 с.

27. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 статей. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Русские словари», 2001. 624 с.

28. Этимологический словарь русского языка / автор-составитель Н. М. Шанский. Т.1. Вып. 1. М.: Издательство Московского университета, 1963. 198 с.

References

1. Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: v 30 tomakh *(The great soviet encyclopedia)*. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1970. 608 p. (In Russian)

2. Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otraslyam znaniya *(The great encyclopedia. The dictionary of popular information in all branches of knowledge)*. In 22 v. Vol. 1. / ed by S.N. Yuzhakova. St.Petersburgg: Prosveshchenie publ., 1900. 800 p. (In Russian)

3. Burdon I. F. Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke, s oznacheniem ikh kornei *(The complete dictionary of foreign words)*. 11th ed. M.: A.Ya. Panafidin publ., 1907. 476 p. (In Russian)

4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Natsional'no-kul'turnaya semantika russkikh frazeologizmov *(National-cultural semantics of Russian phraseological units)* // Slovari i lingvostranovedenie: sb. nauch. tr. Moscow: Russkii yazik publ., 1982. P.89. (In Russian)

5. D'yachenko G. Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' (s vneseniem v nego vazhneishikh drevnerusskikh slov i vyrazhenii) *(The complete Church Slavonic dictionary)*. Moscow: Tipografiya Vil'de publ., 1898. 1120 p. (In Russian)

6. Efremov E. Novyi polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii yazyk: s ukazaniem proiskhozhdeniya ikh, udarenii, otraslei znaniya i s rasshirennoi entsiklopedicheskoi chast'yu *(The new complete dictionary of foreign words)* / sostavil po russkim i inostrannym istochnikam E. Efremov / pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. Moscow: A. A. Levenson publ., 1912. 605 p. (In Russian)

7. Martynovskii, Kovalevskii Noveishii polnyi slovotolkovatel' i ob»yasnitel' 150000 inostrannykh slov *(The latest complete word interpreter and explanator of 150,000 foreign words)*. Moscow: E. V. Manukhina publ., 1886. Part 1. 274 p. (In Russian)

8. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam *(Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments)* / Trud I. I. Sreznevskogo. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1893. Vol. 1. 1420 p. (In Russian)

9. Makovskii M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeiskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov *(The comparative dictionary of mythological symbolics in the Indo-European languages)*. Moscow: VLADOS publ., 1996. 416 p. (In Russian)

10. Mifologicheskii slovar' *(The mythological dictionary)* / ed by E. M. Meletinskii. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya publ., 1990. 672 p. (In Russian)

11. Mify narodov mira. Entsiklopediya *(Myths of the peoples of the world. Encyclopedia)* / ed by S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya publ., 1980. 1147 p. (In Russian)

12. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka *(The National Corps of the Russian language)* URL: http://www.ruscorpora.ru (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

13. Ob»yasnitel'nyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob»yasneniem ikh kornei: Sost. po slovaryam: Geize, Reifa i dr. *(The explanatory dictionary of foreign words)*. Moscow: A. O. Lyutetskii publ., 1883. 752 p. (In Russian)

14. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' *(The Slavic mythology. The encyclopedic dictionary)* / ed by V. Ya. Petrukhina, T. A. Agapkina, L. N. Vinogradova, S. M. Tolstaya. Moscow: Ellis Lak publ., 1995. 416 p. (In Russian)

15. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' *(The Slavic mythology. The encyclopedic dictionary)* / ed by S. M. Tolstya, T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. Ya. Petrukhina. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya publ., 2014. 512 p. (In Russian)

16. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' *(The Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary):* In 5 volumes / ed by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya publ., 2009. Vol. 4. 656 p. (In Russian)

17. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' *(The Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary):* In 5 volumes / ed by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya publ., 1995. Vol. 1. 575 p. (In Russian)

18. Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi *(The dictionary of the Russian Academy)*: In 6 vol. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1806. Part 1. 1310 p. (In Russian)

19. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. *(The dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries)* / ed by S. G. Barkhudarov. Moscow: Nauka publ., 1975. Issue. 1. 375 p. (In Russian)

20. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka *(The dictionary of the Russian language of the XVIII century)* / URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/ (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

21. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka *(The dictionary of the modern Russian literary language)*: In 17-ti v. (Bol'shoi akademicheskii slovar', BAS). Moskva-Leningrad: SA USSR publ., 1950. Vol. 1. 768 p. (In Russian)

22. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk *(The dictionary of the Church Slavonic and the Russian language)*: In 4 vol. St.Petersburg: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1847. Vol. 1. 439 p. (In Russian)

23. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dalya *(The explanatory dictionary of the living Great Russian language).* St. Petersburg-Moscow, 1880. Vol. 1. 723 p. (In Russian)

24. Fasmer M. Greko-slavyanskie etyudy III. Grecheskie zaimstvovaniya v russkom yazyke *(The Greek-Slavic Etudes III. The Greek borrowings in the Russian language)* St. Petersburg, 1909. 236 p. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10079685 (Accessed: 01.09.2019). (In Russian)

25. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka *(The etymological dictionary of the Russian language)* / ed by B. A. Larin: In 4 volumes. Moscow: Progress, 1986. Vol. 1. 576 p. (In Russian).

26. Fedoseeva I. V. Sotsiolingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty protsessa zaimstvovaniya v rossiiskom politicheskom sotsiolekte 90-kh gg. XX v. – nachala XXI v. *(Sociolinguistic and cultural aspects of the borrowing process in the Russian political sociolect of the 90s. XX century – beginning of the XXI century)*: thesis. Stavropol', 2003. 322 p. (In Russian)

27. Shaparova N. S. Kratkaya entsiklopediya slavyanskoi mifologii *(The brief encyclopedia of the Slavic mythology):* Okolo 1000 statei. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Russkie slovari», 2001. 624 p. (In Russian)

28. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka *(The etymological dictionary of the Russian language)*. Moscow: MSU publ., 1963. Vol. 1. Iss. 1. 198 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Зубкова Елена Николаевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / helen_zubkova@mail.ru

Information about the author

Zubkova Elena – postgraduate student, Chair of Russian, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / helen_zubkova@mail.ru

УДК 81-26

Д. А. Писаренко

ЛЕКСЕМА *СМЕРТЬ* В ЗНАЧЕНИИ ‘ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ПЕРСОНАЖ’: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье проанализирована глагольная сочетаемость слова *смерть* в узуальном значении ‘живое существо, персонаж’. Глагольные сочетания лексемы систематизированы в соответствии с семантической классификацией глаголов, предложенной Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой.

Комплексное описание лексической сочетаемости слова С. позволяет выявить и описать узуальные значения, не кодифицированные в толковых словарях современного русского языка, но закрепленные в национальной русской языковой картине мира (ЯКМ). В работах современных отечественных лингвистов узуальные значения лексемы С. описаны лишь частично, чаще всего исследователи относят данные значения к метафорическим наименованиям и описывают их на основе контекстов, выбранных из художественной литературы. Поэтому в настоящее время представляется актуальным исследование, посвященное изучению узуального значения ‘живое существо, персонаж’ на основе широкого материала (устных, публицистических и художественных текстов). Анализ данного значения позволяет проанализировать русскую ЯКМ, изучить одну из ее важнейших составляющих – явление смерти. В данной статье предпринимается попытка подобного исследования.

Научная новизна работы определяется тем, что в результате анализа значения ‘живое существо, персонаж’ была составлена классификация глагольных сочетаний лексемы С.; были выявлены существенные для носителя русского языка признаки явления смерти; на основе этих признаков описан образ смерти, закрепленный в русской ЯКМ. Исследование может послужить основой для лексикографического описания лексемы С. в изучаемом значении в толковых словарях современного русского языка, а также для описания слова в словарях лексической сочетаемости.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, значение, смысл, узуальное значение, лексическая сочетаемость, когнитивная метафора.

D. Pisarenko

THE LEXEME *DEATH* IN VALUE ‘LIVING BEING, CHARACTER’: LINGUOCULTURAL ASPECT

The article analyzes the verb compatibility of the word *death* in the ordinary sense ‘living being, character’. Verbal combinations of the lexeme are systematized in accordance with the semantic classification of verbs proposed by G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova.

A comprehensive description of the lexical compatibility of the word D. allows us to identify and describe common meanings not codified in the explanatory dictionaries of the modern Russian language, but enshrined in the national Russian language picture of the world. In the works of modern Russian linguists, the everyday meanings of the D. lexeme described only partially, most often researchers attribute these meanings to metaphorical names and describe them based on contexts selected from fiction. Therefore, at present, it seems relevant research on the study of the everyday meaning ‘living being, character’ based on a wide range of material (oral, journalistic and literary texts). The analysis of this value allows us to analyze the Russian language picture of the world, to study one of its most important components – the phenomenon of death. This article attempts to conduct such a study.

The scientific novelty of the work is determined by the fact that as a result of the analysis of the meaning ‘living creature, character’, a classification of verbal combinations of the lexeme D.; essential signs of the death phenomenon were identified for the native speaker of the Russian language; on the basis of these signs, the image of death enshrined in the Russian language picture of the world is described. The study can serve as the basis for the lexicographic description of the D. lexeme in the studied meaning in the explanatory dictionaries of the modern Russian language, as well as for the description of the word in dictionaries of lexical compatibility.

Key words: linguocultorology, linguistic picture of the world, meaning, ordinary meaning, lexical compatibility, cognitive metaphor.

Одним из нерешенных вопросов лингвистической семантики является вопрос о сущности понятия *содержание слова*. Содержание слова как языкового знака формируют две ипостаси – значение и смысл, соотношение которых является предметом пристального внимания отечественных лингвистов (В. А. Звегинцев 1957, А. В. Бондарко 1978, Э. Д. Сулейменова 1989, И. М. Кобозева 2000, Л. О. Чернейко 2001, З. А. Мирошникова 2011 и др.). И. М. Кобозева понимает под ***значением*** закрепление «за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содер-

жания, знание которого входит в знание данного языка» [9], противопоставляя его ***смыслу*** «как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующей в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» [9]. Смысл слова, в свою очередь, может быть узуальным, частотным и понятным каждому носителю языка, и окказиональным, то есть индивидуально-авторским.

К узуальным значениям (= узуальным смыслам), составляющим в целом содержание лексемы *смерть* и, вероятно, базирующимся на значении ‘кончина человека, животного’ (т. к. слово в изучаемом значении называет субъекта, приносящего кончину), является значение ‘живое существо, персонаж’. Данное значение не кодифицировано в проанализированных толковых словарях современного русского литературного языка (в широком понимании этого термина – от А. С. Пушкина до наших дней): «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словаре современного русского литературного языка» под редакцией В. И. Чернышева, «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» под редакцией Т. Ф. Ефремовой, «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева. Однако смысл ‘живое существо, персонаж’ отражается в иллюстративном материале – во фразеологических сочетаниях, в примерах из поэтических текстов: *«Рано смерть идет, И жизни жаль мучительно. Я молод, Теперь поменьше мелочных забот, И реже в дверь мою стучится голод. Некр. Последи, элегии»* [13]; *«Смотреть (или глядеть) смерти в глаза (или в лицо) – быть близким к смерти»* [12]; *«С. моя пришла! (по народным представлениям: старуха с косой, обычно в белом одеянии)»* [3] и т. д. Зафиксированность в иллюстративном материале толковых словарей, регулярная воспроизводимость в речи и высокая частотность (по данным Национального корпуса русского языка) свидетельствуют о том, что данное значение понятно большинству носителей русского языка, т. е. является узуальным. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, фиксирующем не только литературную, но и диалектную лексику, данный смысл включен в словарную дефиницию как одно из значений слова С.: «Смерть олицетворяется подъ видомъ человѣческаго остова, съ косою и склянками; суевѣрные видятъ ее въ разныхъ образахъ, костякомъ въ саванѣ, костлявымъ старикомъ, старухой, оборотнемъ и пр.» [7].

Представления о персонифицированной, олицетворенной смерти отражаются в этнолингвистических словарях и энциклопедических словарях славянской культуры («Славянские древности. Этнолингвистический словарь», «Славянская мифология. Энциклопедический словарь»). Данные этих словарей свидетельствуют, что лексема С. в узуальном значении *‘живое существо, персонаж’* репрезентирует русскую национальную языковую картину мира (далее ЯКМ), в которой смерть антропоморфна или зооморфна.

Смысл ‘живое существо, персонаж’ появляется только в контексте. Контекст «формализует коммуникативную интенцию говорящего» [5], поэтому анализ слова С., реализующего узуальное значение ‘живое существо, персонаж’, необходимо проводить на основе его лексических синтагматических связей.

Анализ лексемы в данном смысле проводился на основе 1036 примеров из публицистических, устных, художественных прозаических и поэтических текстов, выбранных из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Около 14 % словоупотреблений (150 примеров) демонстрируют узуальное значение ‘живое существо, персонаж’. При этом не учитывались примеры, в которых лексема входит в состав фразеологических единиц. Номинация С. в изучаемом значении функционирует в составе глагольных, субстантивных, адъективных, местоименных сочетаний и сочетаний типа N есть N. В данном исследовании проанализирована глагольная сочетаемость лексемы.

Глагольные сочетания лексемы С. строятся по двум моделям:

1) X выполняет действие, названное предикатом P (где X – смерть); в данной модели слово С. выступает в роли главного слова (93 контекста; 62 %);

2) над X выполняется действие, названное предикатом P; слово С. выступает в качестве зависимого компонента словосочетания (15 контекстов; 10 %).

В **глагольных сочетаниях, в которых лексема С. выступает в качестве главной**, слову С., согласно классификации семантических актантов Ю. Д. Апресяна [1], приписывается содержание такого семантического актанта, как субъект. Лексема сочетается с глаголами различной семантики. На основе семантической классификации, предложенной Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [8], данные глаголы можно разделить на несколько групп:

1) акциональные глаголы:

– глаголы движения, перемещения и глагольные формы, называющие упорядоченное неоднонаправленное движение по определенному маршруту *(ковыляющая, реющая, ступать, ходить)*, неоднонаправленное хаотичное движение *(забрести)*, однонаправленное движение *(завести, настичь)*, момент перед прибытием *(приступать)*, непосредственно прибытие *(возникнуть, посетить, показаться, приходить, приходящая, являться)*, отбытие *(уходить, уходящая)*: *«Это же **смерть** по земле **ходила** – саван себе искала (В. М. Шукшин. Живет такой парень (1960–1964))»* [10]; *«Задыхаясь, едва передвигая ноги от внезапной потери сил, с угнетенной душой, несчастные уходили из рокового*

места, но обычно в пути их ***настигала смерть*** *(И. А. Ефремов. Озеро горных духов (1942–1943))»* [10]; *«…и увидел Авраам, как* ***Смерть приступает*** *к нему, и убоялся весьма…* (Е. Г. Водолазкин. Лавр (2012))» [10] и т. д.;

– глаголы собственно физического действия *(выгладить, косить, окрасить, парить, поохотиться, простирать, разметать, разрушать, рассеять, расставлять, снимать, срывать, стукать, ухнуть)*: *«Лицо его с закрытыми глазами не изменилось, только* ***смерть*** *или боль* ***выгладила*** *его… (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970))»* [10]; *«Эта* ***смерть пришлась*** *точно на разлом, и* ***ухнула*** *в образовавшуюся пропасть, и так и* ***парит*** *там до сих пор на огромных темных крыльях (Т. Ю. Соломатина. Мой одесский язык (2011))»* [10] и т. д.;

– глаголы речевого действия *(бормотать, накликать, отвечать, петь, прошептать)*: *«Горит светило в сорок киловатт, /* ***бормочет смерть*** *в своих владеньях частных… (С. В. Кекова. «В Тамбове сумрачном, в Саратове богатом…» (1999))»* [10]; *«Мне* ***прошептала смерть*** *«живи» / И отпустила на поруки (Г. А. Глинка. «Мне прошептала смерть «живи»...» (1972–1989))»* [10] и т. д.;

– глаголы донативного действия *(наследовать)*: *«Тревог* ***не наследует смерть****… (С. И. Липкин. «Пока я живу, я боюсь…» (1983))»* [10];

– глаголы социальных интерсубъектных действий *(играть)*: *«Был смелым я, когда со мной, / Как кошка с мышкой,* ***смерть играла*** *(Г. А. Глинка. «Лицом к лицу с своей судьбой…»* (1972–1989))» [10];

– глаголы физиологического действия *(дышать)*: *«До просмотра фильма (вернее, сериала), я, признаться, стереотипно мыслила, считая, что войну в ее истинном ужасе познали только бойцы, фронтовики, которые убивали и умирали, которые видели кровь и грязь, которым* ***смерть дышала*** *в лицо (Коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2007–2010))»* [10];

– глаголы ментального действия *(ведать)*: *«И страха* ***не ведает смерть****… (С. И. Липкин. «Пока я живу, я боюсь…» (1983))»* [10];

– глаголы восприятия *(глядеть, смотреть, коснуться)*: *«****Смерть*** */ ей всё одно / она на погоны* ***не глядит*** *(Евгений Ташков и др. «Адъютант его превосходительства», к/ф (1969))»* [10]; *«…****Смерть*** */ наверно / так* ***смотрит*** *(Константин Мурзенко. Апрель, к/ф (2001))»* [10]; *«И милостью Божией* ***смерть*** *их* ***не коснулась****… (митрополит Анатолий (Блум). О радости Христовой (1987))»* [10];

– глаголы эмоционального действия *(храбриться, пасовать)*: *«****Смерть*** *в каждом кустике* ***храбрится****: чик-чирик – / Но только в радость эта малость (С. М. Гандлевский «Раб, сын раба, я вырвался из уз…» (1998))»* [10]; *«…пробитый цвет знамен в разгар звенящий боя / когда* ***пасует смерть*** *перед самой собой (В. В. Казаков «Воспоминание об осени» (1983–1988))»* [10];

2) статуальные глаголы, называющие состояния, носителями которых являются живые существа *(властвовать)*: *«…грубо, варварски, дико* ***властвовала*** *подлинная* ***смерть****, лишенная поэтической оболочки: из каменных загонов на сцену выпускали диких зверей (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977))»* [10].

Согласно классификации Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой, глаголы типа *ждать, ожидать, поджидать, скрываться, сторожить, стоять, таиться* должны быть отнесены к периферии акциональных глаголов. Они не обладают полным набором признаков, характерных для глаголов действия: «активность и целенаправленность действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, потенциальная наблюдаемость и способность к конкретно временной локализации» [8]. Данные глаголы не располагают основной характеристикой глаголов действия – активностью, для глагола *стоять* не характерна также целенаправленность. В «Русском семантическом словаре» глаголы с похожей семантикой называются глаголами деятельностного состояния [11]; Л. М. Васильев включает подобные глаголы в группу предикатов, называющих положение в пространстве, – локативов [4]; А. Г. Гладышев предлагает для глаголов состояния, осложненных семантикой действия, термин *квазидинамичные глаголы* [6]. Далее в работе используется термин *глаголы деятельностного состояния* в соответствии с формулировкой составителей «Русского семантического словаря». Лексема С. вступает в синтагматические отношения и с данным классом глаголов. Персонифицированная смерть может располагаться в пространстве, поджидая человека, карауля его: *«Он вышел с лампой: перед ним /* ***Стояла смерть*** *уже (Ю. П. Кузнецов. «В высоком мире семь небес…» (1985))»* [10]; *«…****смерть*** *уже* ***сторожила*** *его, как хищная серая птица, слепая при солнечном свете и зоркая в черные ночи…»* [10].

Анализ глагольной сочетаемости позволяет выявить некоторые существенные признаки явления смерти, закрепленные в русской ЯКМ. Все вышеприведенные сочетания лексемы С. с глаголами можно рассмотреть, как семантически неправильные, образующие когнитивную языковую метафору (термин Н. Д. Арутюновой [2]), а точнее – олицетворение как разновидность метафоры. Глагол, выступающий в функции предиката, индивидуализирует и идентифицирует субъект, присваивает ему новые семантические характеристики. Из приведенной классификации следует, что абстрактное имя *смерть* сочетается в основном с акциональными глаголами, указывающими на живое существо. Проанализировав значения данных глаголов, можно создать своеобразный «портрет» смерти. В славянской культуре умирание зачастую ассоциативно связывается с движением вверх или вниз, отправлением в путь [14]. Представление о дороге, постоянном перемещении свойственно и образу «живой смерти». Смерть может передвигаться, чаще всего она движется по определенному маршруту – *ходит* за человеком или *настигает* его. Реже – пере-

мещается хаотично, *забредает* в дом. Олицетворенная смерть может выполнять те же физиологические, ментальные и эмоциональные действия, что и живое существо: она *дышит, смотрит, осязает* (может *коснуться* кого-то), *говорит, ведает, храбрится*. Причастие *ковыляющая* называет внешнюю особенность смерти – хромоту. В культурно маркированных единицах – сказках, которые являются одной из важных составляющих ЯКМ, хромота смерти объясняется в многозначном образе Бабы-яги с костяной или золотой ногой. Таким образом, в речи лексема С. подвергается образному переосмыслению; в контексте выявляются постоянные признаки феномена смерти, не закрепленные в толковых словарях, но понятные носителю языка.

Статуальные глаголы и глаголы деятельностного состояния, с которыми сочетается лексема, указывают, что смерть может быть носителем состояния, присущего исключительно человеку *(властвовать)*, или состояния, свойственного как людям, так и животным *(ждать, ожидать, поджидать, скрываться, сторожить, стоять, таиться)*.

В **глагольных сочетаниях со словом С. в качестве зависимого слова** лексема С. чаще всего выступает в семантической роли контрагента *(встретить смерть, выкупить у смерти, обмануть смерть, пустить смерть, прятать от смерти, спасти от смерти)*, реже – объекта *(дергать смерть за усы, повесить Смерть, сделать смерть убийцей, украсить Смерть)*, субъекта *(возделанное смертью)*, адресата *(призывать смерть)*, получателя *(не отдать смерти)*, результата *(изображавшие смерть)*. Соответственно, в подавляющем количестве контекстов (10 примеров) смерть является активным участником ситуации – субъектом и его производными (адресатом, получателем) или контрагентом, что указывает на семантическую отнесенность номинации *смерть* к номинациям, обозначающим живых существ.

Все глаголы и глагольные формы, входящие в данную группу, относятся к акциональным:

– глаголы и глагольные формы физического действия *(дергать, повесить, прятать, сделать, украсить, возделанное, изображавшие):* «Это значит / ***дергать смерть за усы*** *(Роман Давыдов и др. «Маугли», м/ф (1967–1971))»* [10]; *«И мы умчимся в Дом Надежды, / И* ***Смерть повесим*** *на суку… (В. А. Соснора. «Давно, что, может быть, чуть слышно…» (1999))»* [10] и т. д.;

– глаголы речевого действия *(призывать)*: *«Страдая от душевных ран, /* ***Смерть будешь призывать с тоскою*** *(Михаил Козаков, Леонид Зорин «Покровские ворота», к/ф (1982))»* [10];

– глаголы донативных действий *(выкупить, отдать)*: *«Он открыл людям путь победы. Он вас уже* ***выкупил у смерти*** *(Форум: Как жить так, чтобы не убить себя (2013))»* [10]; *«…Я не отпущу тебя,* ***не отдам смерти****! (Л. А. Чарская. Галина правда (1912))»* [10];

– глаголы социальных интерсубъектных действий *(встретить, обмануть, пустить, спасать)*: *«Как было бы хорошо* ***встретить свою смерть*** *этими словами» (Ответы на вопросы слушателей радио «Радонеж» в прямом эфире (2002))» [10]; «В балагане столько раз /* ***Смерть мою обманывал*** *(И. В. Елагин. «А, почтеннейшая публика!..» (1976–1982))»* [10]; *«Я как будто бы* ***смерть пустила*** *в квартиру (Биография (беседа лингвиста с информантом) (1998))»* [10]; *«…поспешим к королеве, пока еще не поздно освободить несчастную девушку и* ***спасти*** *ее* ***от*** *лютой* ***смерти****! (Л. А. Чарская. Галина правда (1912))»* [10].

В данную группу включены словосочетания, характеризующие двойственное отношение человека к смерти: с одной стороны, страх смерти, желание избежать ее *(выкупить у смерти, обмануть смерть, повесить Смерть, прятать от смерти, спасти от смерти, не отдать смерти)*, с другой – стремление скорее встретить свою кончину *(встретить смерть, призывать смерть, пустить смерть)*. В словосочетании *дергать смерть за усы* слово С. метафорически переосмысливается, смерть сопоставляется с животным. В данном примере «инициатором» метафоры становится не предикат, а предложно-падежная форма существительного *за усы*, указывающая на внешнее сходство смерти с животным.

Сочетание лексемы С. с акциональными и статуальными глаголами, содержащими имплицитное указание на производителя действия / носителя состояния – человека или животное, реализует значение ‘живое существо, персонаж’. Когнитивная языковая метафора характеризует признаки смерти, не отраженные в толковых словарях, обнаруживает природу этого абстрактного имени в представлении нашего предка. Характеристики смерти, выявленные в результате анализа (например, постоянное перемещение, внешнее сходство с человеком, хромота), отражают древнейшие представления человека о ней.

При исследовании особенностей смерти в русской ЯКМ следует обратить внимание также на семантические валентности глаголов, сочетающихся с лексемой С. В анализируемых контекстах валентности глаголов выражают несколько типов неосновных актантов (основные актанты были названы выше – субъект и его производные (адресат, получатель), контрагент, объект), являющихся значимыми для описания образа смерти в русской культуре: 1) место и его производные – начальная точка, конечная точка, маршрут, источник; 2) время; 3) инструмент.

В изучаемых примерах из НКРЯ глаголы *бормотать, возникнуть, вторгнуться, ждать, забрести, застать, настичь, парить, петь, победить, повесить, показаться, поохотиться, посетить, приходить, прятать, пустить, расставлять, скрываться, сползать, стоять, ходить, храбриться* реализуют одну из своих семантических валентностей, присоединяя актант места или его производные. Слова-локативы в роли актанта места называют географическое

пространство – определенное место, расположенное на Земле или за ее пределами *(в глушь, в Ершалаиме, в квартиру, в кустике, в палате, в пути, в своих владеньях, за деревом, на углу, на пороге, на кресте Голгофы, на суку, с речки, одну из улиц, дома)*; пространство по отношению к человеку *(внутри человеческого тела, возле каждого, промежду них, рядом с человеком)*; социальное пространство *(в систему энтузиазма)*; географическое и социальное пространство *(в мир людей)*. Локативы не всегда обозначают конкретное место появления или нахождения смерти; роль актантов места выполняют также дейктические слова и словосочетания, указывающие на место, но не называющие его *(здесь, откуда, рядом, там, на том месте)*. Согласно представлению русского человека, смерть может появляться в любом месте на Земле, для нее нет преград и границ. Она приходит с «того света» *(из своих частных владений)* в мир людей. Иногда смерть появляется в пограничных местах, отделяющих «„свое“ пространство от „чужого“ (открытого, не освоенного человеком)» [14, с. 341], например, *на углу.*

Актанты времени, присоединяемые к глаголам *забрести, настигать, настичь, наступать, ожидать, парить, показаться, прятаться, разрушать*, называют конкретный момент времени (*на семьдесят седьмом году жизни, утром, днем, ночью, каждый час, каждую минуту, после гола)*, неопределенное время *(в такую пору, до сих пор, однажды).* Некоторые актанты синкретичны, совмещают значения времени и маршрута *(на пути).* Темпоральная характеристика смерти, как и локативная, достаточно широка: смерть может появляться в любое время суток, приходить к человеку любого возраста.

В роли инструмента выступают словоформы *коса, косой, меч, тяпкою*: *«…**С косой** смерть **пришла**… (Леонид Квинихидзе, Эжен Лабиш. Соломенная шляпка, к/ф (1975))»* [10]; *«Сейчас о нем можно сказать словами бессмертного Мильтона: „Смерть **занесла свой меч**, но медлит опустить его“ (С. Соловейчик. Неосторожность, стоившая жизни (1966))»* [10]; *«…смерть своею **тяпкою** полководца **настигла**… (А. В. Дуров. Письмо П. А. Вяземскому (1817))»* [10]. Подобные контексты показывают, что в современной ЯКМ сохраняются и развиваются мифологические представления о смерти. «Под влиянием книжной традиции С. представляют себе скелетом с косой (о.-слав.), однако чаще она воспринимается как типичный женский мифологический персонаж… носит с собой (иногда в торбе – макед.) косу (ср. чеш., словац. *ta s kosou*, болг. *оная с косата*), серп, грабли, пилу, лук со стрелами, котомочку ножей, пик, разных топориков (с.-рус.), сумку с инструментами для умерщвления человека (болг.)» [14, с. 63].

В результате проведенного анализа было выявлено, что при сочетании лексемы С. с глаголами с имплицитной семой ‘человек, животное’ в значении анализируемого слова происходит семантический сдвиг, и в содержании данного слова реализуется узуальный смысл ‘живое существо, персонаж’. Такие лингвисты, как Н. Д. Арутюнова [2], Л. О. Чернейко [15], полагают, что сочетаемость непредметных абстрактных имен с названиями конкретных действий (или признаков) позволяет на основе аналогии познать важные, скрытые от человека признаки данных имен. Соответственно, использование когнитивной метафоры в языке ориентировано на познание невещественного мира, мира понятий. В ходе анализа глагольной сочетаемости лексемы С. и семантических валентностей глаголов в представленных контекстах было обнаружено несколько признаков явления смерти: 1) смерть может выполнять различные физические, речевые, физиологические, ментальные, эмоциональные и др. действия; 2) одной из постоянных характеристик смерти является ее способность к перемещению; 3) внешне смерть подобна человеку или животному, т. е. антропоморфна или зооморфна; 4) смерть может появляться в любое время в любом месте; 5) у смерти есть постоянные атрибуты – орудие, которое помогает ей забирать жизнь.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.

5. Влавацкая М. В. Сочетаемость как фактор актуализации лексического значения слова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2011. №5. С. 67–71.

6. Гладышев А. Г. Квазидинамичные глаголы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. М.: Московский государственный областной университет, 2010. №2. С.17–21.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4 (Р – V). СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 680 с.

8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.

9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

10. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (Дата обращения: 13.01.2019).

11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998. 922 с.

12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (С – Я) / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 797 с.

13. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 13 (С – сняться) / ред. тома Г. А. Галаванова, Ф. П. Сороколетов. М., Л.: Издательство АН СССР, 1962. 1516 стб.

14. Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 58–71.

15. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. 352 с.

References

1. Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy, tom 1. Leksicheskaya semantika *(Selected Works, Volume 1. Lexical Semantics).* Moscow: Yazyki russkoi kul'tury publ., 1995. 472 p. (In Russian)

2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka *(Language and the world of man).* Moscow: Yazyki russkoi kul'tury publ., 1999. 896 p. (In Russian)

3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka *(Great Dictionary of Russian language)* / S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint publ., 2000. 1536 p. (In Russian)

4. Vasil'ev L. M. Semantika russkogo glagola *(Semantics of the Russian verb)*. Moscow: Vysshaya shkola publ., 1981. 184 p. (In Russian)

5. Vlavatskaya M. V. Sochetaemost' kak faktor aktualizatsii leksicheskogo znacheniya slova *(Compatibility as a factor in updating the lexical meaning of a word)* // Izvestiya Volgogradskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. 2011. No. 5. P. 67–71. (In Russian)

6. Gladyshev A. G. Kvazidinamichnye glagoly *(Quasidynamic verbs)* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: russkaya filologiya. 2010. No.2. P.17–21. (In Russian)

7. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4 (R – V) *(Explanatory dictionary of living Great Russian language. V. 4 (P – V)*. St.Petersburg: M.O. Vol'f's publ., 1882. 680 p. (In Russian)

8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka *(Communicative grammar of the Russian language)*. Moscow: Institute of Russian named after V.V. Vinogradov RAS publ., 2004. 544 p. (In Russian)

9. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika: Uchebnoe posobie *(Linguistic Semantics: Study Guide)*. Moscow: Editorial URSS publ., 2000. 352 p. (In Russian)

10. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka *(National Corps of the Russian Language)*. URL: http://www.ruscorpora.ru/ Accessed: 13.01.2019).

11. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii *(Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary Systematized by Classes of Words and Meanings)* / ed by N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik publ., 1998. 922 p. (In Russian)

12. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4 (S – Ya) *(Dictionary of the Russian language: in 4 vol. V. 4 (S – Z))* / ed by A. P. Evgen'ev. Moscow: Russkii yazyk publ., 1988. 797 p. (In Russian)

13. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. T. 13 (S – snyat'sya) *(Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vol. V. 13 (S – to star)*) / ed by G. A. Galavanov, F. P. Sorokoletov. M., Leningrad: SA USSR publ., 1962. 1516 column. (In Russian)

14. Tolstaya S. M. Smert' *(Death)* // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ/, 2012. P. 58–71. (In Russian)

15. Cherneiko L. O. Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni *(Linguophilosophical analysis of the abstract name)*. Moscow: MSU publ., 1997. 352 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Писаренко Дарья Александровна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / darja-pisarenko@rambler.ru

Information about the author

Pisarenko Daria – post-graduate student, Chair of Russian Languge, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / darja-pisarenko@rambler.ru

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

УДК 323(47.6)

С. И. Маловичко, В. Мюллер, И. М. Узнародов

Международная научная конференция «Большой Кавказ – Россия – Европа: пространство диалога и сотрудничества»

S. Malovichko, V. Myuller, I. Uznarodov

International scientific conference “The Great Caucasus – Russia – Europe: the area of dialogue and interaction”

11–12 октября 2019 г. Северо-Кавказский федеральный университет, Южный федеральный университет, Институт Европы РАН, Ставропольское отделение Российского исторического общества, Ставропольское отделение Ассоциации европейских исследований при финансовой поддержке фонда «История Отечества» в Ставрополе на базе Северо-Кавказского федерального университета провели международную научную конференцию «Большой Кавказ – Россия – Европа: пространство диалога и сотрудничества». В конференции приняло участие более 40 человек, в том числе из Австрии, Венгрии, Словении, Армении, Абхазии, Института Европы РАН, Института этнологии и этнографии РАН, Северо-Кавказского федерального университета, Южного федерального университета, Воронежского государственного университета, Ростовского государственного экономического университета, Российского государственного гуманитарного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета.

На пленарном заседании в своем выступлении *З. Сабич* (Люблянский университет) выделил потенциал парламентской дипломатии в налаживании отношений России со странами ЕС, особо отмечая в данной связи региональный аспект, указывая на значительный потенциал в этом плане законодательных собраний субъектов федерации на Юге России. *А. А. Мелконян* (Институт истории Национальной академии наук Армении) остановился на основных вехах истории взаимоотношений России с армянским народом. По его мнению, революционные события в Армении и приход к власти Н. Пашиняна не ослабели крепкие дружеские отношения двух стран. *В. Ю. Апрыщенко* (Южный федеральный университет) рассмотрел применимость модернизационных теорий при изучении Кавказа, призывая отказаться от стадиального подхода и большему вниманию к исследованию культурных особенностей региона.

В центре работы первой секции «Кавказский вектор политики Европейского Союза и России» находились различные аспекты политики Европейского Союза в Кавказском регионе. В докладе *В. Н. Садченко* (Северо-Кавказский федеральный университет) анализировались стратегические интересы Евросоюза в Каспийском регионе. Выступление *Д. С. Айвазян* (Институт Европы РАН) было посвящено подходам Евросоюза к сотрудничеству со странами Южного Кавказа в условиях транзитного периода их развития. *И. М. Узнародов* (Ростовский государственный экономический университет) рассмотрел кавказский вектор политики Евросоюза «Восточное партнёрство». *И. А. Коробкина* (Северо-Кавказский федеральный университет) в своём сообщении показала, как работает «Восточное партнёрство» в качестве фактора «мягкой силы» на Южном Кавказе. *Л. Н. Величко* (Северо-Кавказский федеральный университет) уделило основное внимание «мягкому регионализму» и смене ориентиров в политике ЕС на Южном Кавказе. *П. Пиццоло* (Университет Луис Гвидо Карли) показал место Большого Кавказа в создании конфликтной ситуации между Россией и ЕС и одновременно превращение его в зону диалога между Россией и ЕС.

В результате, как отмечали в дискуссии присутствовавшие, учёным удалось уточнить и конкретизировать ряд важных моментов в современной политике Европейского Союза на Кавказе и заложить хороший фундамент для дальнейших исследований.

Е. С. Гундарь (Северо-Кавказский федеральный университет) в своём выступлении обратила внимание на понятие стабильности в контексте региональных особенностей России и ЕС.

Проблемам экстремизма и терроризма посвятили свои доклады *Л. Чичман* (Будапештский университет им. М. Корвина, Венгрия) и *Е. В. Галкина* (Северо-Кавказский федеральный университет). Л. Чичман обратил внимание на вызовы радикального ислама на Кавказе, поскольку граждане России принимали участие в войне в Сирии, а теперь могут вернуться домой и усилить террористическую составляющую на Кавказе. Е. В. Галкина сделала акцент на противодействии экстремизму и терроризму в Евросоюзе и на Кавказе, выделив общее и особенное.

Отношения с Ираном были затронуты в сообщениях *Р. С. Айриян* (Южный федеральный университет) и *А. А. Акобян* (Северо-Кавказский

федеральный университет). Р. С. Айриян рассмотрела восприятие российско-иранских отношений в 2015–2018 гг. в Конгрессе США, а А. А. Акобян – европейский выбор Армении и развитие экономических связей этой страны с Ираном.

Эффект китайской инициативы «Один пояс один путь» на Кавказе рассмотрел *Т. Крюссманн* (Университет г. Грац, Австрия). Он показал ряд юридических проблем, которые предстоит преодолеть для успешной реализации проекта и остановился на ожидаемых экономическом и политическом эффектах создания «нового шёлкового пути».

О социально-экономической политике России в период обострения межнациональных конфликтов на примере Ставропольского и Краснодарского краёв, а также Ростовской области сообщила *М. А. Пономарёва* (Южный федеральный университет).

Названные сообщения внесли вклад в развитие дискуссии, способствуя уточнению ряда важных понятий (например, корректность использования понятий «Закавказье» и «Южный Кавказ»), а также продвижению конкретных предложений по профилактике экстремизма и терроризма в регионе.

Выступавшие в конце работы секции отметили своевременность проведения конференции «Большой Кавказ-Россия-Европа: пространство диалога и сотрудничества» и важность поднятых проблем в ходе работы секции. Все отмечали высокий уровень докладов и интересную постановку обсуждавшихся вопросов.

Работа второй секции «Исторические и культурные связи народов Кавказа с Россией и европейскими государствами» была посвящена различным аспектам взаимоотношений народов Кавказа с Россией и Европой. В своем выступлении *А. В. Мирошников* (Воронежский государственный университет) показал, что уже в первой четверти XIX в. романтизированный образ свободолюбивых горцев оказывал влияние на развитие национально-освободительного движения ирландцев.

Отдельный блок докладов затрагивал исторические особенности развития Абхазии в XIX – начале XX вв. и влияние на этот процесс российского фактора. *С. Ш. Салакая* (Абхазский государственный университет) на примере политической биографии князя М. Шервашидзе-Чамба показывает непростой характер включения Абхазии в состав России, сочетавшей военные и политические методы во время присоединения Кавказа. Включение различных регионов в состав Российской империи поставило задачу их изучения, что кроме научной составной, представляло значительный военно-стратегический и экономический интерес, без чего было невозможно мирное освоение Россией Кавказа. Данные аспекты нашли отражение в выступлении *М. Е. Колесниковой* (Северо-Кавказский федеральный университет). Проявлением указанной тенденции становится деятельность Абхазского научного общества в начале XX в., историю его создания и основные направления деятельности в своем докладе показала *Л. П. Ермоленко* (Северо-Кавказский федеральный университет).

Особый интерес у участников секции вызвали взаимоотношения Кавказа с Австро-Венгрией. *В. Мюллер* (Венский университет) на основе анализа деятельности Генерального консульства Австро-Венгрии в Тифлисе показывает формы взаимоотношений Австро-Венгрии с Кавказом. *А. Н. Птицын* (Северо-Кавказский федеральный университет) отметил роль переселенцев из Австро-Венгрии в экономическом и культурном развитии региона, в том числе системы образования, в виду острой нехватки на Кавказе квалифицированных кадров. *И. В. Крючков* (Северо-Кавказский федеральный университет) обратил внимания участников конференции на размещение военнопленных армии Австро-Венгрии на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны для решения проблемы нехватки рабочих рук и прежде всего в сельском хозяйстве.

Т. Е. Покотилова раскрала еще одну особенность освоения Россией Кавказа в XIX – начале XX вв., нашедшей отражение в развитии благотворительности в Терской области, ставшей элементом внутренней политики империи.

Подводя итоги дореволюционного периода развития Кавказа участники секции подчеркнули важную роль России и европейского опыта в освоении Кавказа, бесперспективности акцентирования внимания только на военной истории региона, поскольку межкультурный диалог и цивилизационное взаимодействие стали важным фактором его развития даже в экстремальных условиях.

Распад Российской империи привел к серьёзным катаклизмам на Кавказе, новые государства, возникшие после октябрьской революции 1917 г. (Армения, Азербайджан, Грузия) оказались в сложной экономической и политической ситуации. В своем докладе *К. Р. Амбарцумян* (Северо-Кавказский федеральный университет) продемонстрировала, что данные государства становятся объектом геополитических притязаний Турции, Германии, Великобритании, Франции и даже Италии.

Е. Н. Стрекалова (Северо-Кавказский федеральный университет) рассмотрела различные аспекты культурного влияния России на Кавказ в первой четверти XX в., проведя параллели между имперским периодом и начальным этапом строительства социализма, выделяя общее и особенное. Продолжением поднятой темы становится дискуссия о моделях строительства интеграции Северного Кавказа в социалистическую систему в 20–30-е гг. XX в., инициированную *А. В. Аверьяновым* (Южный федеральный университет). *Т. А. Булыгина* (Северо-Кавказский федеральный университет) подняла малоизученную в российской историографии тему международных связей Кавказа во второй половине XX в., отмечая в них кроме идеологической составной, элементы публичной дипломатии.

В завершении заседании секции ее участники отметили необходимость дальнейшего проведения компаративных исследований связей народов Кавказа с Россией и европейскими государствами, требующих отхода от устоявшихся клеше и стереотипов. В этой связи особое место занимает развитие сотрудничества ученых Северного Кавказа с зарубежными исследователями, в том числе из Армении, Азербайджана и Грузии.

Третья секция «Кавказ в интеллектуальном пространстве России и государств Европы» рассмотрела формирование образа Кавказа в России и за ее пределами.

Доклад *А. С. Мигаль* был посвящен выявлению представлений западноевропейских путешественников о Кавказе и механизмам его репрезентации. В качестве источниковой базы были выбраны травелоги XVIII века, в которых содержится информация об этнографии, социально-экономическом и политическом развитии Кавказа. Как заключил докладчик, восприятие Кавказа западноевропейскими путешественниками во многом было обусловлено теми причинами, по которым они находились в данном регионе, это влияло на их описание народов.

Как бы продолжением предыдущего сообщения стал доклад *С. И. Маловичко* о практиках включения истории Северного Кавказа в линейный исторический процесс. В качестве основных историографических источников была привлечена популярная историческая литература XVIII – начала XX в., которой выступила, в первую очередь, учебная книга и работы северокавказских историописателей. Докладчик выявил несколько практик включения истории Кавказа в исторический процесс. Как заключил С. И. Маловичко, Российская империя принесла в регион европейскую модель истории, которая постепенно к концу XIX – началу XX в. становилась доминирующей среди представителей местной северокавказской интеллектуальной элиты, вытесняя исламскую модель истории и местную устную традицию.

Проблеме познания кавказской специфики только уже в военно-стратегической практике был посвящен доклад *Д. С. Ткаченко*. По результатам проведенного исследования докладчик сделал вывод, что анализ фактического материала деятельности российских и британских военных властей, показывает – строящиеся на разных принципах и преследующие различные цели в своей Восточной политике, обе империи, тем не менее, для получения разведывательной информации действовали очень схожими методами. Военно-исследовательский аспект изучения Кавказа был продолжен в докладе *Т. А. Колосовской*. Исследовательница совершенно справедливо отметила, что в силу неспокойной военно-политической обстановки большую роль в исследовании Кавказа пришлось выполнять российским офицерам.

Интересный ракурс интеллектуального освоения Кавказа был представлен в докладе *Т. В. Пантюхиной*, которая исследовала восприятие Кавказа британскими путешественниками рубежа XIX–XX вв. Британскими травелогами этого периода, как удалось выявить исследовательнице, был сконструирован воображаемый Кавказ – притягательный своей противоречивостью.

На личные нарративы, созданные во второй половине XIX века представителями имперской администрацией в Абхазии, обратила внимание *О. И. Шафранова*. По ее мнению, исторические источники личного происхождения позволяют дополнить общее представление о социально-экономическом, политическом и культурном развитии региона во второй половине XIX века, формируемое на основе официальных документов. На интеллектуальные продукты, представляющие собой книги, газетные и журнальные статьи, созданные эмигрантами – выходцами с территории Кавказа обратила внимание *В. С. Кравец*. В докладе она представила результаты анализа размышлений эмигрантов о судьбах постсоветских кавказских республик, которые она систематизировала и представила двумя направлениями.

Эмигрантскую тему продолжил в своем докладе *Ю. Д. Анчабадзе*. Исследователь отметил, что важным поддерживающим механизмом в среде кавказской эмиграции стала многообразная интеллектуальная деятельность, нашедшая воплощение в разных формах и способах выражения – в публицистике, нсторико-этнографических изысканиях, в опытах литературного творчества и т.д. Докладчик обратил внимание на то, что кавказские эмигранты наиболее пристально следили за советскими изданиями, которые так или иначе были связаны с советский кавказской культурной элитой. При этом, отзывы критиков (несмотря на разницу политических систем) не обязательно были отрицательными. К литературной и общественно-политической публицистике обратился в своем докладе и *Е. Ю. Оборский*. Проанализировав публикации в журнале «Революция и горец», издававшимся в 1920–1930-х гг. в Ростове-на-Дону, докладчик постарался представить образы российско-кавказских взаимоотношений, конструировавшиеся авторами многочисленных статей.

Периодическая печать также была выбрана в качестве основного источника для анализа другим докладчиком – *И. Б. Шишкиной.* Она обратила внимание на реакцию авторов публикаций в газете «The Irish Times» 1992–1994 гг. на события начальной стадии первой чеченской войны в Российской федерации. Как удалось выявить автору доклада, конфликт освещался в газете довольно активно, при этом, редакции издания удалось избежать публикации конфронтационных суждений, но всё же стала присутствовать «мягкая» подготовка читателя к поддержке Чечни через отображение конфликта как противостояния мощной политической системы и мирных жителей.

Об актуальной для Северного Кавказа проблеме Кавказской войны в пространствах исторической памяти народов региона сделал доклад *А. Т. Урушадзе*. Исследователь обратил внимание на то, что в 1990-е–2000-е гг. наблюдается новый этап формирования региональной исторической

памяти, который проходит на фоне полураспада старых мемориальных конструкций советского времени, подновляемых властью, с одной стороны, и незавершенности национально-возрожденческих проектов по этнизации истории и исторической памяти, с другой.

Заключал работу секции доклад *Т. А. Шебзуховой*. Докладчик совершенно справедливо отметила, что без учета трансформирующегося интеллектуального пространства Кавказа культурная история России не может быть полной. В то же время, сам регион в силу своего географического положения во многом зависит от состояния человеческого капитала, который обеспечит эффективные партнерские отношения на внутреннем и международном интеллектуальном пространстве.

Важно отметить, что секционные доклады вызывали немало вопросов к их авторам и многочисленные комментарии, которые давались присутствующими участниками.

Участник конференции подтвердили необходимость проведения дальнейшего научного диалога между учеными России, Европы и Южного Кавказа и необходимости использования результатов конференции в научно-исследовательской деятельности и образовательном процессе.

Сведения об авторах

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево), профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / sergei.malovichko@gmail.com

Узнародов Игорь Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону) / iguz2010@yandex.ru

Мюллер Вольфганг – доктор исторических наук, профессор Институт истории Восточной Европы Венского университета (Вена, Австрия) / w_mueller@univie.ac.at

Information about the authors

Malovichko Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of History, State Humanitarian Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities), Chair of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for Humanities (Moscow) / sergei.malovichko@gmail.com

Uznarodov Igor' – Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of World Policy anf Globalization, Rostov State Economic University (Rostov on Don) / iguz2010@yandex.ru

Myuller Vol'fgang – Dr. of Historical Sciences, Professor, Institute of East European History, University of Vienna (Vienna, Austria) / w_mueller@univie.ac.at

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2019. № 4

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 25.12.2019
Дата выхода в свет 27.12.2019
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 32,85 Уч.-изд. л. 32,31
Бумага офсетная Заказ 175 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2